

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Елховский А.А. Проблемы повышения уровня правовой культуры сотрудников органов внутренних дел	5
Петров А.В., Кирышова Н.Ю., Лебедева Е.А. Правовая воля как сущность права: субъекты, цели, сфера проявления	9
Соснин А.В. Эволюционирование добровольной юрисдикции (беспорной, неисковой) как вида гражданского судопроизводства в дореволюционный период	12
Динь Ван Лиен, Нгуен Тхи Ха, Фам Тху Ханг. Механизмы государственного вмешательства при домашнем насилии в отношении детей: законодательство Российской Федерации и опыт для Вьетнама	16

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Алексеев К.А. Нотариат как институт превентивного правосудия: теория и практика	19
Бутусов С.А. История развития территориального планирования в России	23
Чечулина А.А., Дегтярев Д.Д. Концепция машиночитаемого права как элемент цифровой трансформации правосудия	28
Ефимова Л.А., Шинкаренко В.В. Правовые основы государственной грантовой поддержки некоммерческих организаций	32
Котов А.В. Сущность досудебного урегулирования в налоговом праве как разновидности налогового спора: ретроспектива и современное состояние	37
Кудинов А.С. Цифровые платформы государственного управления и разграничение полномочий в единой системе публичной власти	41
Малов Н.М. Пути развития веб-конференции в процессуальном праве РФ	44
Махмудова Ф.С. Электронная торговля как вид экономической деятельности: понятие и правовые проблемы регулирования	47
Мелентьев А.А. Особенности использования земель для садоводства и огородничества	50
Мелихов И.С. Эволюция банковской тайны в условиях цифровизации	54
Модина М.Д. Понятие и классификация методов антикоррупционной политики	57
Постнова М.В. Предмет, объекты и пределы прокурорского надзора за исполнением законодательства при приеме в гражданство Российской Федерации	60
Седых В.Р. Практика применения конкурса при осуществлении государственных закупок в РФ	64
Сунцова К.С. К вопросу о соблюдении требований в части передачи специальной категории персональных данных медицинскими организациями	67
Туболев С.М. Самостоятельность местного самоуправления в единой системе публичной власти: конституционные пределы и законодательные риски	72
Чернякова С.А. Гражданско-процессуальный порядок обжалования судебных актов: актуальные проблемы и тенденции	77

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Алиев М.А. Правовая природа процентов как меры гражданско-правовой ответственности в сфере долевого строительства	81
Белова И.Е. Правовое обеспечение защиты чести, достоинства и доброго имени умершего в современной России	84
Валевская А.А. Последствия нарушения корпоративного договора ..	87

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Издатель: ООО «Издательство «КноРус»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:

ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018

ISSN 2220-5500

Подписной индекс Роспечати: 82319

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; Барабанова Светлана Васильевна, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; Бирюков Павел Николаевич, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; Галушкин Александр Александрович, д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор РАО, Российская академия естественных наук; Казачкова Земфира Мухарбиевна, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; Калининченко Пауль Алексеевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Кожанков Антон Юрьевич, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); Липатов Эдуард Георгиевич, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Липски Станислав Анджеевич, д-р экон. наук, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК); Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Махтаев Махтай Шапиевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Мещерякова Ольга Михайловна, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Панченко Владислав Юрьевич, д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Рузакова Ольга Александровна, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Сангаджиев Бадма Владимирович, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Степанян Армен Жоресович, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Цареградская Юлия Константиновна, д-р юрид. наук, доц., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия; Четвериков Артем Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чихладзе Леван Теймуразович, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; Шохин Сергей Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Щукина Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; Скитович Виктор Викторович, доктор юридических наук, проф., проф. Кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Джинджолия Рауль Сергеевич, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; Стойко Николай Геннадьевич, д-р юрид. наук, проф., проф. Кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,

117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.02.2026

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Величко С.А. Способы защиты права российских граждан на социальное обеспечение	92
Гусева А.А. Параллельный бизнес участника корпорации как основание для исключения из хозяйственного общества и товарищества	96
Евпринцева В.А. Критический анализ института банкротства как инструмента торгового права	100
Жужгина А.А. Добросовестное использование искусственного интеллекта в сфере труда: правовые границы и вызовы алгоритмической дискриминации	104
Задорожная Е.В., Карташов И.В., Ковригина Е.Б. Трансформация правового регулирования рекламной деятельности в сети «Интернет»	107
Иванова Т.А. Особенности институционального коммерческого арбитража	110
Костоломов А.С. Проблемные аспекты представительства интересов недееспособных лиц в гражданском процессе	113
Саяпина Т.С. Тракты, корпорации и партнерства: организационно-правовые инструменты управления недвижимостью в системе общего права	116
Морозова Г.М., Шайбакова Л.Ф. Теоретико-правовые основы экономического анализа договора аренды	120
Пирсаидов С.Н. К вопросу о концепции внеконкурсного оспаривания	124
Саяпина Т.С. Управление недвижимостью в XXI веке: адаптация классических институтов романо-германского права к новым экономическим реалиям	127
Токарева Е.В. Принцип доступности правосудия в делах о банкротстве	130
Фам Хо Хоанг Лонг. Цифровое имущество как новый объект гражданского права и инвестиционной деятельности: правовой аспект Российской Федерации и Вьетнама (СРВ)	134
Хасанов А.А. Можно ли компьютерную игру считать программой для ЭВМ	138
Ходус В.М. Цифровые финансовые активы в системе объектов гражданских прав: правовая природа и проблемы квалификации	141
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
Гордеев А.С. Правовая модель ведомственной информационной системы оперативно-розыскной деятельности таможенных органов	145
Бруевич М.Ю., Губанова О.А. К вопросу о понятии источника повышенной опасности при анализе правоприменительной практики итоговых процессуальных решений по СТ.168 УК РФ	148
Зайко Т.М., Мингалёв А.Д. Психологические особенности совершения правонарушений несовершеннолетними	152
Ибрагим Лума Аднан Ибрагим. Особенности выявления и разоблачения криминальных инсценировок при расследовании убийств	155
Исаев М.Ф. Эволюция уголовной ответственности за организацию незаконной миграции по российскому законодательству	158
Исмаилова Э.В. Интернет-пространство как облегчённая среда совершения сексуального насилия в отношении детей (на примере Азербайджанской Республики)	161
Крюков А.В. Участие в совершаемых бандой нападениях как форма бандитизма	163
Плешаков В.В., Коновалова А.А., Чепракова В.Р., Кушкин В.А. Проблема установления причастности бытовых электроприборов к возникновению пожара	165
Мовсуми С.Р. К вопросу о криминалистически значимых особенностях лиц, склонных к совершению мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационной среды	167
Нетесов И.С. Проблемы использования криптовалют в целях совершения преступлений, связанных с незаконным вознаграждением	171

Новиков А.С. Реализация признака явности действий при превышении должностных полномочий на практике (ст. 286 УК РФ)	175
Прошин В.М. Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе уголовного судопроизводства по статье 210.1 УК РФ	178
Тутушев Т.Т., Васяев А.А. К вопросу о наличии у адвоката-защитника права осуществлять аудиофиксацию хода и результатов следственного действия	181
Яковец Е.Н., Гордеев А.С. Проблемы повышения эффективности аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности таможенных органов	185

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Иванов Ф.В. Некоторые особенности рассмотрения конституционных жалоб в Федеральном конституционном суде Германии и Конституционном Суде РФ	188
Пуховский А.И. Влияние санкционного режима на правовое сопровождение международных сделок М&А	191
Руссу Д.О., Галкович В.Ю. Гиперреализм под охраной: сравнение подходов РФ и США к охране товарных знаков в метавселенных и онлайн играх	195

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Коляса В.С. К вопросу о приостановлении деятельности политических партий: анализ оснований и судебной практики	198
Пермяков М.В., Банных С.Г., Сарапулцева А.В. Процедура банкротства: последствия и ограничения для физических лиц	202
Алексеев К.А. Институт завещания в системе наследственного права: актуальные проблемы и перспективы развития	205
Байматов М.М. Статус местного самоуправления в системе публичной власти после поправок в конституцию от 2020 года	209
Волколупова В.В. Социально-правовые основания криминализации общественно опасных деяний, связанных с публичным распространением криминальной информации	213
Восканян Т.Г. Ошибки криминализации и декриминализации деяний в сфере экономической деятельности: причины, последствия и механизмы предотвращения	216
Вяткин Г.А. Законодательная и правоприменительная пенализация незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну	219
Гуляев Т.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права	223
Карпов А.Г. Административно-правовое обеспечение сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей	226
Кириллова Н.П., Каматесов П.А. Упрощение судебных производств в современном уголовном процессе России	229
Седова Ж.И. Цена особого мнения арбитра и его роль в формировании судебной практики	232
Синицын А.С. Применение понятия взаимозависимости в рамках налогового контроля за ценообразованием в Российской Федерации	235
Чурсин Р.С. Правовая защита несовершеннолетних от деструктивной информации в сети Интернет: актуальные угрозы и меры противодействия	240
Тельян М.А. Конституционно-правовые основы государственного (муниципального) финансового контроля: особенности регулирования	243
Чернов И.М. Импакт-инвестиции в России: понятие и правовое регулирование	246
Чурсин Р.С. Склонение к самоубийству в цифровую эпоху: кризис уголовно-правового регулирования и пути его преодоления	250
Шведченко В.А. Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями: проблемы определения субъекта	252

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Elkhovsky A.A.</i> Problems of improving the level of legal culture of internal affairs agencies.....	5
<i>Petrov A.V., Kiryushina N.Yu., Lebedeva E.A.</i> Legal will as the essence of law: subjects, goals, and scope of manifestation.....	9
<i>Sosnin A.V.</i> The evolution of voluntary jurisdiction (indisputable, non-contentious) as a type of civil proceedings in the pre-revolutionary period.....	12
<i>Dinh Van Liem, Nguyen Thi Ha, Pham Thu Hang.</i> Mechanisms of state intervention in cases of domestic violence against children: the legislation of the Russian Federation and lessons.....	16

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Alekseev K.A.</i> Notaries as institutions of preventive justice: theory and practice	19
<i>Butusov S.A.</i> The history of the development of territorial planning in Russia	23
<i>Chechulina A.A., Degtyarev D.D.</i> The concept of machine-readable law as an element of digital transformation of justice	28
<i>Efimova L.A., Shinkarenko V.V.</i> Legal basis for state grant support for non-profit organizations.....	32
<i>Kotov A.V.</i> The essence of pre-trial administrative settlement in tax law as a variety of tax dispute: history and current state	37
<i>Kudinov A.S.</i> Digital platforms of public administration and the delimitation of powers within the unified system of public authority.....	41
<i>Malov N.M.</i> Development of web conferencing in the procedural law of the Russian Federation	44
<i>Makhmudova F.</i> E-commerce as a type of economic activity: concept and legal problems of regulation.....	47
<i>Melentyev A.A.</i> Characteristics of land use for gardening and vegetable gardening.....	50
<i>Melikhov I.S.</i> Evolution of Banking Secrecy in the Digitalization	54
<i>Modina M.D.</i> Concept and classification of anti-corruption policy methods	57
<i>Postnova M.V.</i> Subject, objects, and limits of prosecutorial supervision of legislation compliance in admission to citizenship of the Russian Federation	60
<i>Sedykh V.R.</i> The practice of using competition in public procurement in the Russian Federation	64
<i>Suntsova K.S.</i> On the issue of compliance with requirements for the transfer of a special categories of personal data by medical organizations	67
<i>Tubolev S.</i> The independence of local self-government in the unified system of public authority: constitutional limits and legislative risks	72
<i>Chernyakova S.A.</i> Civil procedure for appealing court decisions: current issues and trends	77

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Aliev M.A.</i> The legal nature of interest as a measure of civil liability in the field of shared construction	81
<i>Belova I.E.</i> Legal protection of the honor, dignity, and good name of the deceased in modern Russia	84
<i>Valevskaya A.A.</i> Consequences of Violating a Corporate Agreement	87
<i>Velichko S.A.</i> Ways to protect the right of Russian citizens to social security.....	92
<i>Guseva A.A.</i> Competing business activity of a shareholder as a basis for exclusion from a corporation	96
<i>Evpryntseva V.A.</i> Critical analysis of the bankruptcy institute as a tool of trade law	100

<i>Zhuzhgina A.A.</i> Conscientious use of artificial intelligence in the labor sphere: legal boundaries and challenges of algorithmic discrimination	104
<i>Zadorozhnaya E.V., Kartashov I.V., Kovrigina E.B.</i> Transformation of the legal regulation of advertising activities on the Internet	107
<i>Ivanova T.A.</i> Features of institutional commercial arbitration	110
<i>Kostolomov A.S.</i> Problematic aspects of representing the interests of incapacitated persons in civil proceedings.....	113
<i>Sayapina T.S.</i> Trusts, Corporations, and Partnerships: Organizational and Legal Instruments for Managing Real Estate in the Common Law System	116
<i>Morozova G.M., Shaybakova L.F.</i> Theoretical and Legal Foundations of the Economic Analysis of a Lease Agreement.....	120
<i>Pirsaidov S.N.</i> About the concept of challenging the transactions prejudicial.....	124
<i>Sayapina T.S.</i> Real Estate Management in the 21st Century: Adapting Classical Institutions of Romano-Germanic Law to New Economic Realities.....	127
<i>Tokareva E.V.</i> The principle of access to justice in bankruptcy cases.....	130
<i>Pham Ho Hoang Long.</i> Digital assets as a new object of civil law and investment activity: legal aspects of the Russian Federation and Vietnam (SRV)	134
<i>Khasanov A.A.</i> Can a computer game be considered a computer program?	138
<i>Khodus V.M.</i> Digital financial assets in the system of objects of civil rights: legal nature and qualification problems.....	141

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Gordeev A.S.</i> A Legal Model of a Departmental Information System for Customs Authorities' Operational Investigative Activities	145
<i>Bruevich M.Y., Gubanova O.A.</i> On the concept of a source of high danger in the analysis of law enforcement practice of final procedural decisions under article 168 of the criminal code of the Russian Federation	148
<i>Zaiko T.M., Mingalev A.D.</i> Psychological aspects of juvenile delinquency prevention.....	152
<i>Ibrahim Luma Adnan Ibrahim.</i> The specifics of identifying and exposing criminal staging in the investigation of murders.....	155
<i>Isaev M.F.</i> The evolution of criminal liability for organizing illegal migration under Russian law	158
<i>Ismailova E.</i> The internet space as a facilitating environment for sexual violence against children (case of the Republic of Azerbaijan).....	161
<i>Kryukov A.W.</i> Participation in banditry as a form of crime	163
<i>Pleshakov V.V., Kononova A.A., Cheprakova V.R., Kushkin V.A.</i> The problem of establishing the involvement of household electrical appliances in a fire	165
<i>Movsumi S.</i> On the issue of criminalistically significant features of persons prone to commit fraud using the information and telecommunication environment	167
<i>Netesov I.S.</i> Challenges of using cryptocurrencies for criminal purposes related to illegal remuneration.....	171
<i>Novikov A.S.</i> Essence and significance of official powers in case of their excess (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	175
<i>Proshin V.M.</i> Circumstances to be established during criminal proceedings under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation	178

<i>Tutushev T.T., Vasyaev A.A.</i> On the issue of whether a defense lawyer has the right to record the progress and results of an investigative action	181
<i>Yakovets E.N., Gordeev A.S.</i> Problems of improving the efficiency of analytical work in the sphere of operational-investigative activities of customs authorities.....	185

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Ivanov F.V.</i> Some Features of the Consideration of Constitutional Complaints in the Federal Constitutional Court of Germany and the Constitutional Court of the Russian Federation...	188
<i>Pukhovskiy A.I.</i> The Impact of Sanctions on Legal Support for International M&A Transactions.....	191
<i>Russu D.O., Galkovich V.Yu.</i> Hyperrealism Under Protection: A Comparison of Russian and US Approaches to Protecting Trademarks in Metaverses and Online Games	195

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Kolyasa V.S.</i> To the Question of Suspending the Activities of Political Parties: Analysis of Grounds and Judicial Practice	198
<i>Permyakov M.V., Bannykh S.G., Sarapultseva A.V.</i> Bankruptcy procedure: consequences and restrictions for individuals.....	202
<i>Alekseev K.A.</i> The institution of wills in the system of inheritance law: current issues and development prospects.....	205
<i>Baymatov M.M.</i> The status of local self-government in the system of public authority after the amendments to the constitution of 2020.....	209
<i>Volkolupova V.V.</i> Social and legal grounds for the criminalization of socially dangerous acts related to the public dissemination of criminogenic information	213

<i>Voskanyan T.G.</i> Errors in criminalization and decriminalization of offences in the sphere of economic activities: causes, consequences and prevention mechanisms	216
<i>Vyatkin G.A.</i> Criminal Penalties for the Illegal Acquisition and Disclosure of Commercial, Tax, and Banking Secrets	219
<i>Gulyaev T.N.</i> The relationship between international and domestic law.....	223
<i>Karpov A.G.</i> Administrative and legal support for the preservation of traditional russian spiritual and moral values.....	226
<i>Kirillova N., Kamatesov P.</i> Simplification of Judicial Proceedings in the Modern Criminal Procedure of Russia	229
<i>Sedova Zh.I.</i> The value of the arbitrator's dissenting opinion and its role in shaping judicial practices.....	232
<i>Sinityn A.S.</i> Application of the Concept of Interdependence in the Framework of Tax Control over Pricing in the Russian Federation	235
<i>Chursin R.S.</i> Legal Protection of Minors from Destructive Information on the Internet: Current Threats and Countermeasures.....	240
<i>Telyan M.A.</i> Constitutional and legal foundations of state (municipal) financial control: regulatory features	243
<i>Chernov I.M.</i> Impact investments in Russia: concept and legal framework.....	246
<i>Chursin R.S.</i> Suicide Incitement in the Digital Age: The Crisis of Criminal Law Regulation and Ways to Overcome It	250
<i>Shvedchenko V.A.</i> Poor-Quality Repair of Vehicles and Their Release into Service with Technical Defects: Problems of Defining the Subject.....	252

Проблемы повышения уровня правовой культуры сотрудников органов внутренних дел

Елховский Артем Алексеевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»

E-mail: a.elhovskij@yandex.ru

В статье исследуются актуальные проблемы формирования и повышения уровня правовой культуры сотрудников органов внутренних дел (ОВД) как ключевого элемента обеспечения законности в правоохранительной деятельности. Автор, опираясь на системный и деятельностный подходы, анализирует структурные компоненты правовой культуры сотрудника ОВД, выявляет комплекс внутренних (организационно-управленческих, кадровых, психологических) и внешних (социально-политических, ресурсных) факторов, препятствующих ее эффективному развитию. Особое внимание уделяется противоречию между формальной информированностью в сфере права и реальным правовым поведением в профессиональной практике. На основе проведенного анализа предложены меры по оптимизации образовательного процесса, мотивационным механизмам и корпоративной правовой культуре ведомства. Делается вывод о необходимости трансформации подходов к правовому воспитанию личного состава в сторону формирования ценностно-смысловых ориентиров и правовых компетенций, адекватных вызовам современного правового государства.

Ключевые слова: правовая культура, органы внутренних дел, законность, профессиональная деформация, правовое воспитание, правосознание, служебная деятельность, юридическое образование.

Введение

В контексте формирования в Российской Федерации правового государства и гражданского общества, а также в свете реализации национальных целей развития, особое значение приобретает качество деятельности государственного аппарата, и в частности, тех его звеньев, которые непосредственно взаимодействуют с населением и наделены властными полномочиями. Сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД) находятся на переднем крае этого взаимодействия, их повседневная работа является одним из ключевых факторов, определяющих восприятие гражданами справедливости, законности и эффективности власти в целом. Правовая культура сотрудника ОВД выступает в этой связи не просто внутренним ведомственным ресурсом, а фундаментальной социально-политической категорией, от состояния которой напрямую зависит реализация конституционных принципов, таких как уважение и защита прав и свобод человека и обязанность органов государственной власти соблюдать закон.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил системный подход, позволивший рассмотреть правовую культуру как сложный, многоуровневый феномен, функционирующий в специфических условиях правоохранительной деятельности. В работе использовался комплекс общенаучных и частнонаучных методов: формально-юридический метод при исследовании нормативно-правовой базы, регламентирующей служебную деятельность; сравнительно-правовой метод для сопоставления теоретических моделей правовой культуры с эмпирическими данными о правоприменительной практике. Особое значение имел метод теоретического моделирования, примененный для конструирования структуры правовой культуры сотрудника ОВД и выявления деструктивных связей между ее компонентами. Теоретическую базу составили материалы научных исследований по рассматриваемой теме.

Литературный обзор

Проблема правовой культуры сотрудников органов внутренних дел находит отражение в современных отечественных исследованиях, рассматривающих различные её аспекты. Так, вопросы сущностных характеристик и путей повышения правовой культуры анализируются в работах И.И. Беседы [1; 2]. Структурным компонентам, в частности месту правосознания в профессиональной культуре, посвящено исследование Д.В. Деккерта [3]. Значительное внимание в научной литературе уделяется деструктивным факторам: проблема профессиональной деформации личности раскрывается Я.А. Корнеевой [4], а вопросы её профилактики – К.И. Корсун [5]. Актуальные вызовы и перспективы развития правовой культуры в ОВД освещены в статье М.К. Кумышевой [6], а её формирование в контексте общественных процессов – в работе П.Г. Мартысюка [7]. Отдельный блок исследований касается образовательного процесса и психологического сопровождения: особенности подготовки курсантов ведомственных вузов исследует А.С. Тюлина [9], а основы психологического обеспечения служебной деятельности, включая профилактику выгорания, представлены в учебном пособии под редакцией И.Ю. Кобозева и др. [8], а также в статье Е.В. Распопина [10]. Проведенный анализ показывает, что, несмотря на разнообразие подходов, сохраняется потребность в комплексном, системном исследовании, интегрирующем организационно-управленческие, образовательные и психологические аспекты проблемы в единую теоретическую модель.

Результаты

Проведенное исследование позволило выявить устойчивые системные проблемы, препятствующие росту правовой культуры сотрудников ОВД. Во-первых, установлен значительный разрыв между формальными правовыми знаниями, получаемыми в системе ведомственного образования, и навыками их применения в сложных реальных ситуациях, а также выявлено деформирующее влияние системы количественных показателей («палочной системы») на мотивацию к безупречному соблюдению процессуальных норм. Во-вторых, доказано, что такие факторы, как закрытая корпоративная культура, способствующая «круговой поруке», и распространенная профессиональная деформация (правовой нигилизм, эмоциональное выгорание) активно подавляют ценностно-рефлексивный компонент правовой культуры. В-третьих,

подтверждено, что общий социальный контекст правового нигилизма и условия работы в режиме постоянной публичной проверки создают дополнительную среду профессионального стресса, провоцирующую как агрессивные, так и пассивные формы отклоняющегося от правовых стандартов поведения.

Обсуждение

Под правовой культурой в рамках настоящего анализа понимается системное качество личности, интегрирующее в себе устойчивые правовые знания, глубокие ценностно-правовые ориентации и убеждения, а также сформированные навыки правомерного поведения, реализуемые в профессиональной деятельности. Это сложный феномен, который не сводится к формальной информированности о нормах закона. Его ядро составляет внутренняя готовность и способность действовать строго в рамках правового поля даже в сложных, нестандартных и конфликтных ситуациях, характерных для оперативно-служебной деятельности. Актуальность углубленного изучения проблем ее формирования обусловлена сохраняющимся разрывом между декларируемыми стандартами законности и реальными практиками, периодически выявляемыми в ходе прокурорских проверок, судебных разбирательств и освещаемыми в средствах массовой информации [7, с. 37]. Несмотря на предпринимаемые Министерством внутренних дел РФ организационные и кадровые преобразования, обозначенные в ряде стратегических документов, комплекс внутренних и внешних вызовов требует постоянного научного осмысления и выработки адекватных механизмов ответа. Целью данной статьи является не только констатация известных проблем, но и попытка их систематизации в рамках единой теоретической конструкции, а также выявление глубинных причинно-следственных связей, препятствующих качественному росту уровня правовой культуры личного состава ОВД.

Специфика профессиональной правовой культуры сотрудника ОВД определяется исключительным характером его служебных полномочий, связанных с возможностью легального применения мер государственного принуждения, ограничения прав и свобод граждан. Эта деятельность протекает в условиях повышенного психоэмоционального напряжения, дефицита времени для принятия решений, высокой степени неопределенности и риска. В такой среде правовая культура должна выполнять роль внутреннего стабилизатора и навигатора, обеспечивая не просто соблюдение, а осознанное следование духу и букве закона. Теоретическая модель этой культуры может быть представлена через взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты.

Во-первых, когнитивный компонент, предполагающий не разрозненные, а системные знания всей совокупности правовых норм, регламентирующих служебную деятельность: административного, уголовного, уголовно-процессуального законодательства, Федерального закона «О полиции», а также понимание философско-правовых основ правоотношений, принципов верховенства права и приоритета личности. Как отмечает Д. В. Деккерт, правовая культура немыслима без развитого правосознания, а правосознание сотрудника правоприменителя должно быть научным, то есть основанным на понимании существенных социальных связей, стоящих за правовыми предписаниями [3, с. 13].

Во-вторых, ценностно-мотивационный компонент, являющийся стержневым, преобразующим знание в личностную позицию. Он включает в себя внутреннюю убежденность в самоценности права, уважение к человеческому достоинству, восприятие законности как абсолютного императива профессионального бытия. Именно этот компонент наиболее уязвим и подвержен деформации под воздействием внешних и внутренних факторов.

В-третьих, деятельностный (поведенческий) компонент, проявляющийся в навыках практического применения правовых знаний: в умении квалифицировать состав правонарушения, юридически грамотно составить процессуальный документ, осуществить следственное действие с безупречным соблюдением всех гарантий, корректно применить физическую силу или специальные средства.

В-четвертых, рефлексивно-оценочный компонент, предполагающий способность к критическому анализу собственных действий и действий коллег с точки зрения их правовой чистоты, готовность к признанию и исправлению ошибок, стремление к постоянному профессиональному росту в правовой сфере. Проблема заключается в том, что в реальной служебной практике эти компоненты зачастую существуют разобщенно. Формально высокий уровень знаний (когнитивный компонент) может сочетаться с конъюнктурными ценностными установками (например, приоритет неформальных правил или указаний руководства над законом), что неминуемо ведет к дефектам в поведенческой составляющей [1, с. 90].

Одной из наиболее острых и фундаментальных проблем правовой культуры в рассматриваемой сфере является сохраняющееся проти-

воречие между традиционной системой профессионального правового образования в ведомственных вузах МВД России и реальными потребностями современной правоприменительной практики. Несмотря на постоянное обновление учебных программ, сам образовательный процесс зачастую остается в рамках классической, лекционно-семинарской модели, ориентированной на передачу и воспроизводство объема знаний. Как справедливо указывает А. В. Борисов, в подготовке будущих сотрудников ОВД наблюдается явный дефицит практико-ориентированных методов обучения. Курсанты и слушатели получают фундаментальные теоретические знания, но оказываются недостаточно подготовленными к решению конкретных юридических задач в условиях, имитирующих реальную оперативную обстановку: работа с конфликтными гражданами, отработка версии при очевидном дефиците доказательств, преодоление противодействия расследованию. Недостаточно используются такие форматы обучения, как ситуационные анализ кейсов, ролевые игры. В результате выпускник, успешно сдавший теоретический экзамен по профильным отраслям права, сталкивается со значительными трудностями при выполнении служебных обязанностей в реальной обстановке, требующей высокого уровня владения навыками осуществления процессуальных действий и оформления юридически значимых документов в соответствии с требованиями закона. Кроме того, скорость изменения законодательства, особенно в сфере противодействия новым видам преступности (киберпреступления, экономические правонарушения высокой степени сложности), зачастую опережает процесс актуализации учебных материалов и переподготовки преподавательского состава. Это приводит к тому, что сотрудник, уже находящийся на службе, вынужден восполнять правовые пробелы самостоятельно, без должного методического сопровождения. Система же повышения квалификации и периодической аттестации по правовым вопросам во многих подразделениях нередко вырождается в формальную процедуру, когда реальная оценка глубины понимания права и способности его применять подменяется тестированием на знание отдельных, подчас вырванных из контекста норм [9, с. 61].

Однако, как представляется, более деформирующее влияние на правовую культуру оказывают не дефекты образовательного процесса сами по себе, а глубинные организационно-управленческие и корпоративно-психологические противоречия внутри системы ОВД. Речь идет о феномене, который можно обозначить как конфликт между «правом» и «целесообразностью» в повседневной управленческой практике. Сотрудник, особенно на низовом уровне, часто оказывается в ситуации двойного давления. С одной стороны, от него требуют неукоснительного соблюдения закона, норм служебной этики, уважения прав граждан. С другой – на него оказывается сильное, хотя и не всегда прямо выраженное, давление в связи с необходимостью выполнения плановых показателей оперативно-служебной деятельности (так называемой «палочной системы»): уровня раскрываемости преступлений, количества выявленных административных правонарушений, показателей по линии ГИБДД. В условиях, когда карьерный рост и материальное стимулирование нередко жестко привязаны именно к этим количественным индикаторам, у сотрудника формируются извращенные мотивационные установки. Возникает соблазн достичь результата любой ценой, в том числе путем упрощения процедур, игнорирования некоторых формальностей (например, разъяснения прав), давления на участников конкретной правовой ситуации, а в крайних случаях – и прямых фальсификаций. Это порождает ситуацию «двойной морали», где декларируемая правовая культура существует отдельно, а реальная, «рабочая» культура строится на иных, квазиправовых или откровенно неправовых основаниях. Корпоративная среда, традиционно отличающаяся закрытостью, солидарностью и вертикальной иерархичностью, может усугублять эту проблему через механизм «круговой поруки» и осуждения практики выражения несогласия с действиями и решениями руководства или коллег, их обжалования [5, с. 56]. Сотрудник, действующий в своей служебной деятельности в строгом соответствии с законом и указывающий на нарушения коллег, рискует столкнуться с изоляцией и непониманием, будучи воспринятым не как носитель высокой правовой культуры, а как чужеродный элемент, подрывающий устои сложившейся системы служебных отношений. Таким образом, сама организационная культура ведомства в отдельных ее проявлениях может выступать не как среда формирования правовой культуры, а как среда ее подавления и деформации.

Неотъемлемой частью этого комплекса проблем является феномен профессиональной деформации личности сотрудника ОВД. Длительное пребывание в среде, насыщенной негативной информацией, конфликтами, необходимостью осуществлять контроль и принуждение, закономерно приводит к специфическим изменениям в психологии и правосознании. Как подробно анализируют Я. А. Корнеева

и Н.Н. Симонова, у части сотрудников развивается синдром социально-ролевой и морально-правовой деформации. Он может выражаться в правовом нигилизме и цинизме, в ощущении собственной исключительности и неподсудности, в подозрительности, переносимой на всех граждан без разбора, в грубости и нетерпимости как привычных формах коммуникации. В таких условиях происходит эмоциональное «выгорание», при котором защита прав граждан превращается из миссии в рутинную, обременительную обязанность. В таком состоянии закон перестает восприниматься как ценность и начинает рассматриваться сугубо инструментально – как помеха или, наоборот, как инструмент для достижения сиюминутных целей. Развитию деформации способствует и недостаточное внимание к психологическому сопровождению службы [4, с. 100].

Существующие программы психологической помощи часто носят формальный или сугубо конфиденциальный характер, не будучи встроены в систему профилактики правовых нарушений. Сотрудник, испытывающий внутренний кризис или накопленный стресс, не всегда находит адекватную поддержку, что повышает риск принятия им неправомерных решений. Одним из наиболее существенных факторов, в значительной степени препятствующих снижению уровня личностной деформации, является существующая в российском обществе достаточно сильная стигматизация психологических синдромов и психических расстройств, что предопределяет формирование у человека чувства страха продемонстрировать слабость в глазах окружающих. Недостаток элементарных знаний в области психологии и психиатрии, непонимание механизмов определенных процессов психической деятельности способствуют ложным представлениям о сути психологической помощи и психотерапевтического лечения, что, в свою очередь, приводит к усугублению имеющихся психологических проблем, остающихся без надлежащего профессионального сопровождения и терапии.

Значимым внешним фактором, осложняющим процесс формирования правовой культуры, является общий социальный контекст. Общественная атмосфера, характеризующаяся в определенных слоях распространенным правовым нигилизмом, недоверием к институтам власти, включая правоохранительные органы, создает для сотрудника ОВД сложную среду профессиональной социализации. Сталкиваясь с агрессией, неуважением к закону и к себе лично со стороны отдельных граждан, он подвергается мощному негативному воздействию, которое может провоцировать ответные реакции, выходящие за рамки правового поля. Кроме того, современный сотрудник действует в условиях беспрецедентной публичности и медийного контроля. Любое его действие, особенно связанное с применением силы, может быть мгновенно зафиксировано на видео и стать предметом широкого общественного обсуждения, зачастую эмоционального и необъективного. Это, с одной стороны, является дополнительным дисциплинирующим фактором, а с другой – создает хронический стресс и может вести к пассивности, уходу от принятия необходимых, но рискованных с точки зрения публичной реакции решений («синдром социального страха»). Балансирование между требованием безупречной законности, ожиданием оперативного результата от общества и государства, и давлением публичного поля представляет собой крайне сложную задачу, для решения которой стандартные правовые знания оказываются недостаточными [7, с. 148].

Преодоление столь многоуровневого и системного кризиса в сфере правовой культуры сотрудников ОВД требует не частных коррективов, а комплексной, стратегически выверенной программы преобразований, затрагивающей все сферы ведомственной жизни. Первостепенное значение имеет радикальное обновление парадигмы ведомственного юридического образования. Необходим переход от трансляции знаний к формированию компетенций. Ядром учебного процесса должны стать интерактивные методики, максимально приближенные к реальности: создание учебных ситуационных центров, где на основе реальных дел отрабатываются все этапы работы – от приема заявления до судебного заседания; привлечение к преподаванию в качестве практикующих наставников действующих следователей, дознавателей, адвокатов, судей; обязательное включение в программы курсов по психологии юридической деятельности, конфликтологии, эффективной коммуникации. Контроль уровня профессиональной подготовки должен включать в себя проверку не только теоретических знаний в области отраслей права, но и степень овладения прикладными компетенциями, необходимыми в служебной деятельности. Только такая практикоориентированная подготовка может создать прочную взаимосвязь между системой ценностно-правовых ориентиров и практической деятельностью сотрудников ОВД [6, с. 200].

На управленческом уровне ключевой задачей является реформирование системы оценки эффективности и мотивации. Требуется

постепенный, но неуклонный отказ от приоритета количественных «палочных» показателей в пользу комплексных качественных критериев. В число таких критериев должны войти: отсутствие обоснованных жалоб и судебных решений, признающих действия сотрудника незаконными; положительные отзывы граждан (что требует развития эффективных механизмов обратной связи); успешное раскрытие сложных дел; образцовое ведение процессуальной документации. Карьерный рост, материальное поощрение, присвоение специальных званий должны быть жестко увязаны именно с репутацией законопослушного, профессионально грамотного и этичного сотрудника. Крайне важно усилить реальную, а не декларативную независимость подразделений собственной безопасности и процессуального контроля, обеспечив их прямым подчинением руководству на максимально высоком уровне и создав гарантии от давления со стороны проверяемых оперативных подразделений.

Параллельно должна вестись целенаправленная работа по формированию новой организационной (корпоративной) культуры, где высшей ценностью является закон, а также права и свободы человека и гражданина. Личный пример руководителя любого ранга здесь абсолютно незаменим. Его реакция на малейшие отступления от правовых норм, его публичная поддержка сотрудников, действующих строго в рамках закона, даже если это не привело к быстрому результату, являются мощнейшим сигналом для всего коллектива. Необходимо внедрять практику открытых профессиональных дискуссий по сложным правовым коллизиям, создавать экспертные советы при руководителях с участием представителей научного юридического сообщества. Институт наставничества должен быть переориентирован с передачи лишь оперативного опыта на воспитание молодого сотрудника как носителя высокой правовой и служебной этики [2, с. 95].

Наконец, обязательным элементом системы должно стать всестороннее психологическое обеспечение. Оно не должно сводиться к разовым консультациям. Речь идет о внедрении регулярных тренингов по управлению стрессом, профилактике эмоционального выгорания, развитию навыков неконфликтного общения и разрешения споров, формированию эмоционального интеллекта, что является прямой предпосылкой к сохранению профессионального отношения к службе и правомерного поведения. В этой связи важное значение имеет формирование в органах внутренних дел специализированных подразделений в составе компетентных работников психологической службы, обладающих профильной подготовкой, необходимой для работы в правоохранительной системе. Указанные меры также будут способствовать поддержанию личностного здоровья, в том числе посредством проведения сеансов терапевтической помощи на конфиденциальной основе при возникновении необходимых показаний, в частности, психоэмоционального выгорания, депрессии, посттравматический стрессовых расстройств и других [8, с. 90].

Заключение

Проблема повышения уровня правовой культуры сотрудников ОВД выходит далеко за рамки кадровой или учебной работы. Это системный вызов, требующий трансформации управленческих принципов, образовательных технологий, корпоративных ценностей и механизмов социально-психологической поддержки. Решение этой задачи предполагает создание такой институциональной среды, где законность будет восприниматься не как внешнее ограничение, а как ключевое условие профессиональной успешности, общественного уважения и личной профессиональной гордости сотрудника. Это долгий и сложный путь, но только следуя по нему, органы внутренних дел России смогут в полной мере соответствовать высокому званию защитника правопорядка и гаранта конституционных прав граждан, заслужив тем самым подлинное доверие общества, которое является основой эффективной деятельности любого правоохранительного института в правовом государстве.

Литература

1. Беседа И.И. Особенности сущности правовой культуры сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // *Философия права*. 2019. № 3(90). С. 27–32.
2. Беседа И.И. Пути повышения правовой культуры сотрудников органов внутренних дел: теоретико-правовой аспект // *Философия права*. 2021. № 2 (97). С. 93–98.
3. Декерт Д.В. Правосознание и его место в структуре профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел // *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия: Право. 2020. Т. 5, № 1. С. 12–16.
4. Корнеева Я.А. Профессиональная личностная деформация сотрудников органов внутренних дел // *Организационная психология*. 2020. Т. 10, № 2. С. 80–106.

5. Корсун К.И. Профилактика профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел: психолого-педагогический и организационно-правовой аспекты // *Полицейская деятельность*. 2022. № 6. С. 49–61.

6. Кумышева М.К. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // *Пробелы в российском законодательстве*. 2019. № 3. С. 200–201.

7. Мартысю П.Г. Формирование правовой культуры сотрудников органов внутренних дел в контексте общественных процессов // *Научный портал МВД России*. 2024. № 2 (66). С. 35–40.

8. Психологическое обеспечение служебной деятельности: учебное пособие / И.Ю. Кобозев, А.Г. Ермаков, В.А. Белянкина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 128 с.

9. Тюлина А.С. Особенности формирования профессионально-правовой культуры курсантов образовательных организаций МВД России // *Гуманитарные исследования. Педагогика и психология*. 2022. № 12. С. 55–65.

10. Распопин Е.В. Социально-психологические факторы, профилактики и коррекция эмоционального выгорания и профессиональной деформации у сотрудников органов внутренних дел // *Правоохранительные органы: теория и практика*. 2024. № 2(47). С. 146–151.

PROBLEMS OF IMPROVING THE LEVEL OF LEGAL CULTURE OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Elkhovsky A.A.

N.P. Ogarev Mordovian State University

This article examines the current challenges of developing and improving the legal culture of internal affairs agency (IAA) employees as a key element in ensuring the rule of law in law enforcement. Drawing on a systemic and activity-based approach, the author analyzes the structural components of the legal culture of IAA employees, identifying a range of internal (organizational, managerial, personnel, psychological) and external (sociopolitical, resource-based) factors that impede its effective development. Particular attention is paid

to the discrepancy between formal legal awareness and actual legal behavior in professional practice. Based on the analysis, measures are proposed to optimize the educational process, motivational mechanisms, and the agency's corporate legal culture. A conclusion is reached regarding the need to transform approaches to legal education of personnel toward developing value-based guidelines and legal competencies adequate to the challenges of a modern rule-of-law state.

Keywords: legal culture, internal affairs agencies, legality, professional deformation, legal education, legal awareness, service activities, legal education.

References

1. Beseda I.I. Features of the Essence of Legal Culture of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation // *Philosophy of Law*. 2019. No. 3 (90). Pp. 27–32.
2. Beseda I.I. Ways to Improve the Legal Culture of Employees of the Internal Affairs Bodies: Theoretical and Legal Aspect // *Philosophy of Law*. 2021. No. 2 (97). Pp. 93–98.
3. Dekkert D.V. Legal Awareness and Its Place in the Structure of Professional Culture of Employees of the Internal Affairs Bodies // *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2020. Vol. 5, No. 1. Pp. 12–16.
4. Korneeva Ya.A. Professional Personality Deformation of Employees of the Internal Affairs Bodies // *Organizational Psychology*. 2020. Vol. 10, No. 2. Pp. 80–106.
5. Korsun K.I. Prevention of Professional Deformation of Employees of Internal Affairs Bodies: Psychological, Pedagogical, and Organizational and Legal Aspects // *Police Activity*. 2022. No. 6. Pp. 49–61.
6. Kумышева М.К. Legal Culture of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: Problems and Development Prospects // *Gaps in Russian Legislation*. 2019. No. 3. Pp. 200–201.
7. Martysyu P.G. Formation of the Legal Culture of Employees of Internal Affairs Bodies in the Context of Social Processes // *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 2 (66). Pp. 35–40.
8. Psychological Support of Official Activities: A Study Guide / I. Yu. Kobozev, A.G. Ermakov, V.A. Belyankina. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. – 128 p.
9. Tyulina A.S. Features of the Formation of the Professional and Legal Culture of Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Humanitarian Research. Pedagogy and Psychology*. 2022. No. 12. Pp. 55–65.
10. Raspopin E.V. Social and Psychological Factors, Prevention and Correction of Emotional Burnout and Professional Deformation in Employees of Internal Affairs Bodies // *Law Enforcement Agencies: Theory and Practice*. 2024. No. 2 (47). Pp. 146–151.

Петров Александр Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник
Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС

Кирюшина Наталья Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, декан Нижегородского
института управления – филиала РАНХиГС

Лебедева Екатерина Александровна,

директор Нижегородского института управления – филиала
РАНХиГС

Рассматривается отношение современной российской теории права к категории сущности права. Отмечается, что в сравнении с советским этапом развития категория сущности права теряет свое значение, что не может не сказаться на фундаментальности и прогрессе юридической науки. Предлагается подход к сущности права как особенной правовой социальной воле, слагаемыми которой становятся предправовые общественные отношения и правовая потребность, а качественными характеристиками специфические цели, субъекты и сфера проявления. Эта сфера включает в себя все юридические явления общества, которые, последовательно реализуя цели правовой воли, создают в обществе сбалансированный порядок, обеспечивая его нормальное функционирование и развитие. Сущность в этом плане играет ключевую роль исходной категории теории права и критерия определения правового характера различных элементов юридической реальности, сохраняя фундаментальную необходимость для правовой науки.

Ключевые слова: сущность права, правовая воля, субъекты правовой воли, цели правовой воли, правовая действительность.

Введение. Постановка задачи

Категория сущности играет особую роль при изучении любых социальных явлений, поскольку она не только составляет вкупе с другими необходимыми элементами главное в предмете исследования, но и обладает рядом ключевых свойств, выделяющих ее среди иных элементов.

Сущность, во-первых, составляет основу содержания предмета, из которой произрастают все иные его элементы, части, стороны и формы. Во-вторых, сущность пронизывает все иные элементы предмета, обуславливая их определенность, заданную параметрами сущности, соединяя в единое качественно особенное явление. Наконец, сущность составляет энергетический источник такого явления, который определяет необходимость и направленность его функционирования и развития.

Исходя из сказанного ясно, что понимание сущности изучаемого предмета становится приоритетной целью любого действительного научного знания, его актуальной фундаментальной теоретической задачей на всех этапах развития. Вместе с тем в современной российской теории права за последние десятилетия наметился явный спад интереса к этой задаче, в результате которого категория сущности права постепенно перестает играть в теоретическом знании фундаментальную роль, снижая, соответственно, потенциал российской правовой науки.

Смысл настоящей статьи видится в том, чтобы попытаться выявить, хотя бы самые очевидные, условия и причины такого состояния правовой теории и, используя уже наработанный в ней понятийный материал и арсенал диалектической методологии, наметить некоторые, на наш взгляд принципиальные аспекты возрождения категории сущности права на новом этапе развития юридической науки.

Основная часть. Проблемы и обоснование решения

Отметим, прежде всего, что переход к новой правовой системе, нарастание объема нормативного материала, изменившаяся практика реализации юридических норм и применения их санкций, создание новых юрисдикционных институтов в конце XX начале XXI веков вольно или невольно вызвали нарастание утилитарных тенденций в российской юридической науке и отодвинули фундаментальные теоретические вопросы на второй план, открывая дорогу для скорее позитивистских методологий.

Не случайно, например, у некоторых исследователей появилась потребность проводить научные мероприятия под лозунгом «практико-ориентированная юридическая наука». Хотя, очевидно, что задача юридической науки, как и любого другого научного знания, заключается не столько в обслуживании практики, – свои практико-ориентированные задачи юридическая практика вполне успешно решает сама, скажем, путем ее обобщения, толкования и корректировки Верховным Судом Российской Федерации или Конституционным Судом Российской Федерации.

Задача юридической науки в обнаружении соответствия или, напротив, несоответствия реальной юридической практики ее действительному потенциальному содержанию и формулированию в виде научных идей как раз того, чего в практике нет, что должно быть в ней изменено или воспроизведено для продуктивного функционирования и развития. В противном случае деятельность науки просто бессмысленна и рано или поздно такая наука, во избежание бесполезной растраты социальных ресурсов, прекратит свое существование.

Во-вторых, отметим, что в постсоветский период, посчитав марксистскую идеологию, имевшую серьезную историческую и теоретико-методологическую базу, излишними оковами, юридическая наука, по крайней мере в значительной части ее представителей, отказалась от марксистской трактовки ряда фундаментальных теоретических положений, в том числе и от марксистской трактовки сущности права. Отказаться, это не значит перейти на какой-то новый уровень, не значит снять, в философском смысле этого термина, существующую концепцию и заменить ее новым прогрессивным, соответствующим современному уровню развития российской юридической науки пониманием сущности права.

По истечении нескольких десятилетий приходится констатировать, что ничего особо нового в российской юридической науке в этом плане не выработано, если не считать воспроизведения достаточно давно известных западных научных трактовок сущности права, глав-

ным образом в плане противопоставления марксистского классового понимания сущности права концепциям сущности права с размытым социальным основанием.

Вряд ли продуктивно утверждать, что марксистская трактовка сущности права – это истина в последней инстанции, да и сами К. Маркс и Ф. Энгельс как настоящие диалектики были бы, очевидно, против этого. Но пока еще никому не удалось опровергнуть того, что право, скажем, Афин или Древнего Рима было классовым правом рабовладельцев, а не правом рабов, как и право феодальной Франции и других стран этой эпохи выражало и закрепляло интересы прежде всего феодалов, а не крестьян. Это не частные случаи, а факты глобального всемирно-исторического значения.

Очевидно, что развитие концепции сущности права не может идти путем подтягивания отдельных фактов и простого утверждения о том, что классовая природа права не подтверждается фактами современной действительности, современным состоянием правовых систем в развитых странах. Не может одно и то же явление иметь одну сущность на одном этапе существования и другую – на другом. Если это так, то перед нами два разных явления. Путь здесь только один – обоснование более фундаментальной концепции сущности права, которая не исключает классовый характер сущности на определенных этапах исторического развития права.

Этого уровня российская правовая теория достичь пока не смогла, она не преодолела предшествующий этап развития концепции сущности права, и подталкиваемая объективными утилитарными тенденциями пошла, полагаем временно, по другому пути. В научных исследованиях и учебной литературе категория сущности права стала отходить, так скажем, на задний план. Особенно наглядно это заметно, если сравнивать отношение к категории сущности права в советской юридической науке и в современной российской юридической науке.

В советской правовой теории категории сущности права придавалось основополагающее значение, с нее, собственно, начинался понятийный ряд правовой теории и изложение концепции любого исторического типа права [1. С. 26–42]. Категория сущности права открывала анализ правовых понятий в любом учебнике [2. С. 77], она в разных вариантах исследовалась в многочисленных источниках научной литературы, в том числе на монографическом уровне [3].

В современной российской юридической научной литературе категория сущности права иногда вообще исчезает из поля научного анализа и, не выделяясь в самостоятельный понятийный блок, перемежается с другими понятиями теории права [4]. Это отношение к категории сущности права дает некоторым авторам основание признать ее вообще излишней в современной правовой теории [5. С. 47.]. Наиболее часто встречаемый вариант, когда категория сущности права подменяется другими категориями, например, понятием права [6. С. 30–33].

Акцентируем здесь внимание на том, что сущность права и понятие права – это разные по объему и содержанию категории в теории права, несущие и разную методологическую нагрузку. Не увлекаясь специальным обоснованием этого тезиса, отошлем читателя к святцам, к Науке логики Г.В.Ф. Гегеля. В этом высочайшем по уровню системному изложении философской логики один том носит название «Учение о сущности» [7], а другой, *nota bene!* тоже отдельный том – «Учение о понятии» [8]. С точки зрения философии сущность предмета и понятие предмета – это связанные, но различные категории.

Определяя категорию сущности применительно к праву, обратим внимание прежде всего на то, что право, как часть социальной системы содержит в себе в качестве всеобщего основу, которая составляет элемент сущности всех общественных явлений. Таковой выступает социальная воля, как осознанное стремление общества, его социальных групп и индивидов к достижению, определенных их потребностями и интересами социально значимых целей. Именно социальная воля развёртывается во всем многообразии видов человеческой деятельности, воплощаясь в ее результатах, даже если они по видимости носят случайный характер.

В качестве всеобщей социальная воля содержит в себе элементы особенного, поскольку в зависимости от содержания и направленности обуславливает различия направлений человеческой деятельности и специфические черты ее внешних проявлений. Социальная воля реально существует в форме стремления к конкретно определенной цели и именно это ее свойство определяет качественные различия социальных явлений.

Полагаем, что для правовой теории можно считать вполне установленными и подтвержденными практикой положения о том, что сущностную основу права составляет социальная воля точно так же, как она составляет внутреннюю сторону всех иных социальных явлений, определяя, в зависимости от характера своего содержания разнообразие форм человеческой деятельности. Здесь важен переход от всеоб-

щего определения сущности права как социальной воли к ее особенному характеру.

Прежде всего терминологически обозначим социальную волю составляющую сущность права как **правовую социальную волю**, отличая ее от социальной воли, лежащей в основе экономических, политических, нравственных и иных социальных явлений. Затем отметим, что особенности правовой социальной воли определены несколькими причинами. Это: специфика генезиса ее появления, определенные субъекты правовой социальной воли, только ей присущие цели, и, наконец, своя сфера проявления. Определим тезисно каждый из компонентов, составляющих особенности правовой социальной воли.

Генезис или становление правовой социальной воли обусловлен, как любой социальной воли, характером и состоянием общественных отношений, связей между субъектами социальной жизни – индивидами, их социальными группами и институтами – в которые они вступают, реализуя жизненные интересы. Для правовой социальной воли это такие отношения, которые обладают рядом специфических признаков, делающих их отношениями предправовыми. Укажем на эти признаки.

Во-первых, предправовые общественные отношения носят не единичный характер, а одинаковы для большинства индивидов, основных социальных групп, народов или страны в целом. Во-вторых, по своему содержанию эти отношения затрагивают существенные для субъектов социальной жизни имущественные, трудовые, семейные, управленческие, другие интересы и поэтому имеют для них особо важное значение. В-третьих, по своей структуре предправовые общественные отношения носят взаимно обусловленный характер, когда действия одной стороны общественный связи требуют соответствующего ответного действия другой стороны.

Предправовые общественные отношения – это элементы объективной социальной жизни, которые в значительной части существуют и протекают естественным путем и могут так и оставаться лишь потенцией права. Реализация потенции начинается тогда, когда они становятся правовой потребностью, т.е. когда осознаются социально активными группами субъектов общественной жизни и фиксируются со стороны необходимости придать им завершенную правовую форму.

Правовая потребность – это непосредственная преддета правовой социальной воли, которая переходит в последнюю, когда включается сила, с необходимостью выводящая ее на уровень мышления, трансформирующегося в действия по формированию системы юридических явлений. Подчеркнем, что социальная воля – это не абстракция, не мыслительная конструкция, а энергия определенных субъектов социальной жизни, которые перемещают, имея для этого соответствующие социальные ресурсы, правовую потребность, возникшую на основе особого состояния предправовых общественных отношений, в «наличное бытие», в действия по приданию этим отношениям законченной правовой формы и защиты их от нарушений.

Вопрос о том, воля каких социальных субъектов проявляется в праве, до недавнего времени достаточно определенно решался в советском марксистском правоведении, вначале с упором на возведенную в закон волю экономически господствующего класса [9. С. 293–294], затем с упором на государственную волю экономического господствующего класса [10. С. 97]. Для современной российской юридической науки, отказавшейся от следования советским идеологическим шаблонам, вопрос стал не таким однозначным.

С одной стороны, невозможно отрицать тот факт, что через право реализуются эгоистические интересы тех социальных групп, в руках которых находится экономическая и политическая власть, что особенно очевидно для предшествующих этапов исторического развития. С другой стороны, в современном цивилизованном обществе эта поляризация не так заметна, и если воля только крайне узких социальных групп составляет сущность права, то непонятно каким образом она приобретает всеобщий характер и становится нормой поведения для основной части общества.

Полагаем, что право, исторически развиваясь и раскрывая свои сущностные стороны, дает основание с точки зрения его современного состояния утверждать, что сущностью права является воля всех активных субъектов социальной жизни, совокупность которых обозначим гражданским обществом. Однако само это общество далеко не однородно, и в условиях социальной дифференциации как ранее, так и теперь особую, приоритетную роль в нем играют социальные группы, обладающие большими экономическими, политическими, идеологическими возможностями. Именно они, используя эти ресурсы, в итоге формируют правовую волю, способную претворяться в действиях, направленных на создание необходимого для нормального функционирования и развития социума порядка.

Сущностью права в итоге является воля гражданского общества, сконцентрированная в воле доминирующих в обществе социальных

групп. Такое понимание субъектов правовой воли применимо как к ранним этапам развития права, так и к его современному состоянию.

Отметим еще два момента, важных для понимания особенностей правовой воли как сущности права. Во-первых, правовая воля, как и любая социальная воля имеет определенные цели. Эта цель состоит не просто в урегулировании (упорядочении) общественных отношений, а упорядочении их путем закрепления баланса интересов различных социальных групп. Заметим, не равного удовлетворения интересов всех, а именно баланса, когда интересы одной социальной группы согласуются с интересами другой, исходя из текущего и перспективного состояния социальной жизни.

Только таким путем возможно создание и обеспечение нормального порядка в социуме, поддерживаемого не силой (хотя и ей при необходимости), а признанной подавляющим большинством субъектов необходимости стабильности социальных связей. Этой особенностью целей правовая воля отличается от социальной воли, составляющей основу, скажем, экономики или политики, формируя право как качественно отличную от других сферу социальной жизни.

Во-вторых, требуемый порядок как цель правовой воли достигается тогда, когда предправовые общественные отношения преобразуются в правовые и защищаются от нарушений, а не где-то на полпути от этого результата. Реализуя свои цели, правовая воля проходит длинный путь, в начале которого находятся процессы правотворчества, создания юридических норм и согласования их системы; затем определения статуса субъектов права, признания юридических фактов, возникновения правоотношений и их реализации, в том числе путем применения права; наконец выявления фактов правонарушений, установления и реализации юридической ответственности и заканчивая формированием правопорядка.

Если сущностью права признается особая социальная воля, имеющая целью создание в разных сферах общественной жизни упорядоченных социальных связей, то логически неизбежно признание и того, что сферой проявления правовой воли как сущности права становится не какое-либо одно, пусть кому-то и представляющееся архиважным, а вся последовательно формируемая система юридических явлений общества, начиная от рождения правовой воли и заканчивая правопорядком. Эта система в целом может быть обозначена как правовая действительность, в которой сущность права – правовая воля находит свое подлинное и полное воплощение.

Выводы

Констатируем, что категория сущности права выступает необходимым и первичным элементом ее понятийной структуры, составляя основу понимания всех других юридических явлений. Поэтому сущность права дает возможность в любом элементе юридической реальности отделить правовое от неправового, видимое от действительного.

Сущностью права, как показано, является воля гражданского общества, сконцентрированная в воле доминирующих в обществе социальных групп. Такое понимание субъекта правовой воли применимо как к ранним этапам развития права, так и к его современному состоянию. Это дает возможность, как представляется, продвинуться вперед в понимании сущности права, не отбрасывая в сторону ее марксистскую концепцию.

Правовая воля имеет определенные стадии генезиса в виде предправовых общественных отношений и правовой потребности. Она имеет особые цели, состоящие в урегулировании общественных отношений путем закрепления баланса интересов основных социальных

групп. Правовая воля проявляется во всей системе юридических явлений или правовой действительности, завершая свой цикл и достигая целей в формировании правопорядка и защите его от нарушений.

Все сказанное еще раз подчеркивает фундаментальный характер категории сущности права и необходимость ее для юридической науки. Теория права, не акцентирующая внимание на сущности изучаемого предмета, которая как стержень связывает все юридические явления в единое целое, обречена на фрагментацию и потерю значимости для правоведения.

Литература

1. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. – М., 1973.
2. Теория государства и права / под ред. А.М. Васильева. – М., 1977.
3. Явич, Л.С. Сущность права. – Л., 1985
4. Оксамытный В.В. Теория государства и права. – М., 2004.
5. Бредыхин А.Л., Парфенов Н.П. К новому взгляду на сущность права // Аграрное и земельное право, 2024, № 5.
6. Миронов В.О., Зин Н.В. О понимании сущности права // Вестник Международного института управления, 2017, № 2.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики в 3-х т. Т. 2. – М., 1971.
8. Гегель Г.В.Ф. Наука логики в 3-х т. Т. 3. – М., 1972.
9. А.И. Денисов. Теория государства и права. – М., 1948.
10. Теория государства и права / под ред. Н.Г. Александрова. – М., 1974.

LEGAL WILL AS THE ESSENCE OF LAW: SUBJECTS, GOALS, AND SCOPE OF MANIFESTATION

Petrov A.V., Kiryushina N.Yu., Lebedeva E.A.

Nizhny Novgorod Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the relationship of modern Russian legal theory to the category of the essence of law. It is noted that, compared to the Soviet stage of development, the category of the essence of law is losing its significance, which cannot but affect the fundamental nature and progress of legal science. The article proposes an approach to the essence of law as a specific legal social will, which is composed of pre-legal social relations and legal needs, and is characterized by specific goals, subjects, and scope of manifestation. This sphere includes all the legal phenomena of society, which, by consistently implementing the goals of legal will, create a balanced order in society, ensuring its normal functioning and development. In this regard, the essence plays a key role as the initial category of legal theory and the criterion for determining the legal nature of various elements of legal reality, maintaining the fundamental

Keywords: essence of law, legal will, subjects of legal will, goals of legal will, legal reality.

References

1. The Marxist-Leninist General Theory of State and Law. Socialist Law. Moscow, 1973.
2. Theory of State and Law / edited by A.M. Vasiliev. Moscow, 1977.
3. Yavich, L.S. The Essence of Law. Leningrad, 1985
4. Oksamytny, V.V. Theory of State and Law. Moscow, 2004.
5. Bredykhin, A.L., Parfenov, N.P. Towards a New Look at the Essence of Law // Agrarian and Land Law, 2024, No. 5.
6. Mironov, V.O., Zin, N.V. On Understanding the Essence of Law // Bulletin of the International Institute of Management, 2017, No. 2.
7. Hegel, G.V.F. The Science of Logic in 3 Volumes. Vol. 2. Moscow, 1971.
8. Hegel G.V.F. The Science of Logic in 3 Volumes. Vol. 3. Moscow, 1972.
9. Denisov A.I. Theory of State and Law. Moscow, 1948.
10. Theory of State and Law / edited by N.G. Alexandrov. Moscow, 1974.

Эволюционирование добровольной юрисдикции (беспорной, неисковой) как вида гражданского судопроизводства в дореволюционный период

Соснин Андрей Витальевич,

соискатель, старший преподаватель кафедры «Правового регулирования экономической деятельности», Уральский Федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: andrei_sosnin@list.ru

В статье рассматриваются вопросы модернизации института (беспорной, неисковой) подсудности судебного законодательства в Своде законов, гражданских процессуальных актов Российской империи дореволюционного периода. Рассматриваются теоретические идеи, фундаментальные принципы и правила, которыми руководствуется создание отдельных институтов гражданского процессуального законодательства в Российской империи дореволюционного периода, исходя из основных принципов и теорий, лежащих в его основе. Историографический анализ включает монографии и учебники, научные статьи, докторские и кандидатские диссертации, статьи по правовым вопросам, а также обширные исследования вклада российского государства в законодательство, включая развитие современных и традиционных форм правового регулирования, а также государственного подхода к политике государственного регулирования. Научная новизна и результаты: рассматриваются законодательные конструкции Судебника и выявляются общественные отношения, относящиеся к их социальным характеристикам в ходе рассмотрения законодательных конструкций. Модернизация российского гражданского процессуального права, современная историко-правовая наука, история российского процессуального права.

Ключевые слова: Систематизация судебного процессуального права, история государства и права России, источниковедение, беспорное неисковое производство, источники права, история юридической науки, внешняя история законодательства, отдельные причины модернизации законодательства, судебно-правовая политика государства.

Введение

Исследование места права и государства во времени как сложная многоплановая тема остается неразгаданной загадкой. Несмотря на признание, что первозданное право существовало до возникновения государственных структур (что подчеркивает его метафизическую природу), следует отметить: общество в ту пору управлялось иными регуляторами – моралью, религиозным законодательством и традициям. Отсутствие формальной организации и властной доминации не умаляет значимости этих норм для социального устройства и стабильности древних сообществ. Возникновение государственных институтов, их историческая стойкость, трансформации на протяжении веков, современное состояние и возможные горизонты развития – все эти аспекты играют ключевую роль в понимании эволюции правовых систем. Особое значение имеет методологический подход исследователя, включающий его принадлежность к определенной научной школе и течениям. Исследователи, сосредоточенные на изучении материально-производственных основ общества, предпринимали попытки разгадать тайну возникновения государства и права. Отметим: в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» представлен глубокий анализ его концепций, который сформировал фундаментальное понимание этих вопросов на долгие годы.

Основная часть

Защитное производство, которое кодифицировано в Книге IV Устава Гражданского судопроизводства, считается историческим предшественником современного специального производства, поскольку оно предшествует обычному принятию судебного процесса в гражданском законодательстве. Обычно последнее в российском судопроизводстве называют преемником «дел судебного управления», существовавших до Судебной реформы 1864 года. Несомненно, российское право утвердило неоспоримую (добровольную) подсудность как совокупность форм разрешения гражданских дел в российском праве с момента возникновения государственности на Руси, с того времени, когда только можно проследить истоки истоков российского права. Задача состоит в том, чтобы определить, точно ли отражение деятельности в России во второй половине XIX века отражает деятельность, проводившуюся в то время. Многогранные реформы добровольной (беспорной) юрисдикции в целом и ее отдельных частей, включая многоплановые реформы прагматизма и юриспруденции.

Последующие отрасли права добровольно считаются юрисдикциями (беспорными):

- охранительная деятельность суда осуществляется путем рассмотрения и разрешения гражданских дел в окончательной форме, которые в большинстве своем являются беспорными и поэтому считаются прерогативой суда. Хотя тема права напрямую не затрагивается, судебные разбирательства обычно носят общий характер, а судебные решения часто отражают ряд юридических мнений. В отечественном праве к этой области относятся совокупность судебного администрирования, охранительного производства, особого производства в гражданском и арбитражном судопроизводстве, а также некоторые категории дел, классифицированные современным законодателем, которые включены в эту область права; эти дела включают ряд судебных дел, особых производств и других соответствующих дел;
- деятельность нотариальных органов по удостоверению различного рода обстоятельств, имеющих юридическое значение, по удостоверению беспорных прав и фактов, а также по совершению охранительных нотариальных действий. В России существуют отдельные правовые аспекты, известные как «нотариальное право и процесс», которые составляют самостоятельную сферу законодательного регулирования и входят в исследовательское поле российских научных направлений – гражданского права, гражданского процессуального права, административного права, социального права;
- наличие юридических фактов и обстоятельств, имеющих значение для гражданского (частного) права, документируется в повседневной деятельности и необходимо для возникновения большинства субъективных прав и обязанностей, которые являются предпосылками полноценного участия гражданского оборота, тем самым увеличивая его

надежность и устойчивость. К регистрационной деятельности относятся государственная регистрация актов гражданского состояния, регистрация и ведение реестра юридических лиц и иных организаций, государственная регистрация прав на недвижимое имущество.

Понятие добровольной юрисдикции не было сформулировано в отечественной юридической науке и тем более не закреплено ни в одном систематическом законодательном акте; неоспоримые охранительные дела существуют в России уже давно, причем единственным фактором их реализации является отечественная юридическая наука. Несмотря на независимость от суда, исполнительная власть не принадлежала судебному ведомству вплоть до XVIII – начала XX вв. Наличие стоявшей особняком церкви с метрическими книгами, отнесенными либо к исполнительной власти, либо к судебному ведомству. Современные органы государственной регистрации недвижимого имущества и сделок с ним, включают вертикаль исполнительной власти в Российской Федерации как отраслевую исполнительную власть. [1. В.В. Аргунов М., 2014.С.50].

Постараемся изучить широту и временные масштабы запланированной и реализованной реформы, которая привела к ограничениям, в которых она встретила. Этот исторический отчет может дать возможные предложения о том, как будет определяться эта реформа, если мы проследим ее исторические корни. Успех реформаторов таких как М.М. Сперанский (хотя его деятельность пришла только на более ранний период, его идеи оказали влияние на последующие реформы) и М.Т. Лорис-Меликов (сыгравший значительную роль в разработке конституционных проектов), во многом объясняется их глубоким пониманием российской государственности и реальной действительности находить нестандартные решения, а также правовых взглядов и политических условий жизни России в 50–70 годы XIX века.

Без какой-либо системы в законодательстве и практике использовался термин «судебное управление» (которое почти все приводили в качестве причины для выбора большинства текущих дел из соображений удобства, но на самом деле не было обеспечено какой-либо системой), что требовало участия суда в силу закона. Дела о судебном администрировании определенного рода включались в разные редакции Свода законов, но они, как правило, не были гражданскими делами и обычно были отделены и отличны друг от друга.

Часть II X тома Судебника стала известна своей унификацией, которая опиралась на регулирование процесса восстановления нарушенных прав в двух формах: в бесспорно окончательных случаях, когда закон был абсолютно необходим, и при наличии спора в данном случае право было восстановлено через суд. Исполнительный был первым порядком, а судебный – вторым уровнем. Судебник по изд., 1 часть II тома X, 1-я редакция, и том. 1857. В законе нет никаких упоминаний о «порядке дел судебного администрирования». [2. СЗРП 1857. Т. X. Ч. II. СПб. С. 1].

Дела считались бесспорными и, как оказалось, судебно-полицейскими делами, правила производства бесспорных и судебных дел которых были изложены в ст. 2–152 (кн. 1 ч. II X Свода законов). Было очевидно, что предметы, упомянутые в (кн. 1 ч. II X Свода законов), не имели отношения к судебному управлению и представляли собой смесь правил исполнительного и приказного производства. Несмотря на то, что они были совершенно неудовлетворительными и вызвали ненужную бюрократию, они вызвали у некоторых людей недоумение: «Многие люди верят, что у нас есть неоспоримые убеждения и что эти инциденты действительно правдивы». Те, чьи действия полиции немедленно восстанавливают права известного человека, в случае их нарушения, могут обнаружить, что это мнение совершенно неверно. В ходе судебной реформы предлагалось модернизировать систему путем введения в УГС норм об обязательном исполнении актов, которые позволили бы ускорить разбирательство в суде.

Судебный (спорный) порядок предусматривал «четыре главного рода судопроизводства»:

– **исковое, включающее:**

1. судопроизводство по неисполненным обязательствам и договорам;

2. судопроизводство по взысканиям в обидах, ущербах и самоуправном завладении;

– **вотчинное, состоявшее из «апелляционного» и «следственного» порядков.**

К вотчинному производству принадлежали споры:

1. о праве собственности на земли; споры о деревнях;

2. споры о дворовых людях и крестьянах мужского и женского пола без земли;

3. споры о городских и подгородных дворах, ином недвижимом имуществе;

4. споры о праве собственности на движимые имущества. [3. СЗРП 1857. Т. X. Ч. II. СПб. С. 153–159].

При таком систематизированном наборе процессуальных законов не было места делам судебного администрирования, которые предполагают не восстановление или усиление охраняемого права, а лишь его сохранение. Полномочия судебного ведомства охватывали случаи судебного администрирования, которые существовали вне и внутри гражданского процесса, и материальное законодательство должно ориентироваться на них. Часть II X тома, содержит одиночное пятно в Своде законов, отсылка к ст. 496 предполагает «коллективное» толкование дел судебного администрирования, когда они упоминаются в конкретной группе. Деяния, совершенные в судебных местах, как лично, так и в крепостном состоянии, описаны в ее определении. При подготовке проекта УГС была использована неясная и малозначительная норма, призванная абстрагировать и подчеркнуть определенный круг процессуальных норм, которые были собраны под видом «защитного производства».

Процессуальное законодательство не давало никаких указаний для размышления о «первоначальной» сущности дел судебного управления и полного развития теории добровольной подсудности. Наука гражданского процессуального права, основанная на Своде законов, не фокусировалась исключительно на делах судебного администрирования, несмотря на отсутствие отдельной категории для этой юридической практики. Ученые в дореформенную эпоху не слишком старались отклоняться от действующего законодательства и подчинялись системе законодательства, закрепленной в части II тома X, при возбуждении гражданских дел.

Исследователи юридической науки того периода утверждали, что к середине XIX века гражданские дела были отнесены в судебное ведомство по гражданским делам, которые получили название «судебное ведомство» по гражданским делам. Несмотря на отделение от финансового, полицейского и уголовного департаментов, ему не удалось добиться систематической корректности, и вместо этого ему пришлось слиться с другими частями администрации. Кодификация, созданная в 1832 г. так и другие вплоть до реформы 1864 г., и последующие нормативные акты, опубликованные между этим Судебником, не смогли провести четкое разграничение между случаями судебного разбирательства, администрирования и добровольной юрисдикции по судебным делам.

Ф.Г. Дильтей не использовал в своих рассуждениях российское право, а, видимо, использовал процессуальные конструкции, напоминающие римское право, не уточняя их применимости к России и того, как они применяются в судебной практике. Если бы имело право на существование, каков был бы результат, если бы не был ли сценарий «око за око»? Ф.Г. Дильтей сумел провести связь между русской действительностью и правовой системой, соединив добровольную юрисдикцию, имеющую свои корни в римском праве, с русской действительностью; его считали основателем российской охранительной юрисдикции. Судопроизводство по не относящимся к делу и спорным делам с разделением последних на исковые и родовые производства определил адвокат Проскуряков Александр Федорович. [3. Ф.Г. Дильтей М., 1779. С. 50–51.].

Защитник Проскуряков сделал акцент на судебном разбирательстве по бесспорным и спорным делам. Н. Рождественский сделал то же самое, но даже не считал все неоспоримые дела, регулируемые исполнительным указом, гражданским судопроизводством. [4. Ф. Проскуряков Гражданские законы. 3-е изд. СПб., 1862. С. 162–176]. Точно так же П. Дегай подчеркивал фактическую и неизбежную природу правовых споров, выделяя их как исключительно административные и не выходящие за рамки юрисдикции суда. Частными делами, по определению П. Дегай, являются те, которые имели место до окончательного урегулирования судебного процесса или последующих, при исполнении конкретного приговора или иных обстоятельств. Хотя на этой работе были и частные случаи, но эти частные дела не получили дальнейшего революционизирования.

Среди гражданского судопроизводства нет дел о судебном администрировании и форм, но есть дела гражданского судопроизводства у К.Д. Кавелина, дела такие как судебное администрирование. Он также отмечает нечеткость закона о разделении гражданских дел между судебной властью и местными приказами, отмечая, что местный приказ был исключительно административным, а не судебным, и его основная роль заключалась в обеспечении прав на собственность. Основываясь на своих наблюдениях над Сводом законов Ивана IV и Сводом 1649 года и дополнительными материалами Свода законов исключительных людей, он в конечном итоге определяет эту форму прежде всего как состязательную, с некоторой спецификой, как следственную. [5. К.Д. Кавелин Указ. соч. С. 48–52.].

Относительно прекращения судопроизводства безымянный автор выделяет различные виды ходатайств, наиболее примечательными из которых являются явные ходатайства, позволяющие заявить иск или предупреждение о предшествующем иске, «противозаконные» или «иные» ходатайства, «которым они добиваются неоспоримого, неоспоримого результата», и «в ходатайствах они подают по вопросам бесспорного разбирательства». Никаких уникальных названий этим петициям в законах не присвоено. Очевидно, что есть заявления и в отношении судебной администрации. По мнению безымянного автора, вид судопроизводства и порядок подачи ходатайств тесно связаны с видами судопроизводства, что имеет решающее значение. Более того, в книге эффективно упоминаются различия между предложенной теорией и действовавшим в то время законодательством, с акцентом на обе стороны. К сожалению, далее в книге такое разделение на производства уже не проводится, и речь идет о рассмотрении и разрешении дела в судебном порядке, без указания каких-либо особых правил рассмотрения «явных» и «иных» ходатайств. Судебный советник Семен Смирнов придерживается сопоставимого подхода к судопроизводству, в котором он не разделяет прямо судопроизводство цели и содержание работы не предполагают, что цели и содержание работы обязательно различны, но различает между ними обычные петиции, петиции о явке, претензии и мирные петиции. Обычные петиции — это те, в которых просители либо защищают свои права, либо просят о чем-то, на что они имеют законное право и что не подлежит спору... Ходатайства о явке — это те, в которых заявители направляют уведомление до их проверки или до судебного иска, которым объявляется уведомление.

Четкая ссылка на общее право и апелляцию показывает, что исследователи смогли, по крайней мере подсознательно, уловить специфику дел о судебном администрировании, исследуя сходства и различия между обычными и внешними ходатайствами, особенно в отношении других бесспорных дел (но все же разница до сих пор четко не определена!) Гражданскому судопроизводству было разрешено рассматривать и разрешать вопросы, и стороны были уполномочены выражать свое мнение в момент вступления в силу и завершения действия закона.

Регулярно обновляется и объясняет последние тенденции и события в сфере гражданского судопроизводства. Очень увлекательную позицию занял З.Е. Горюшкин. За второе издание (второй том) «Руководства к познанию русского юридического искусства» в § 1175 обозначает три вида дел, исполняемых в судебных местах:

- 1) о приобретении и утверждении прав;
- 2) об охране оных;
- 3) об их нарушении.

К первой группе относятся дела об утверждении обязательств, о приобретении и утверждении своего:

- 1) личного права, как то, напр. свободы;
- 2) вещественного, как то, напр. о вотчинах, наследствах в имении и о правах наследования. [6. З.Е. Горюшкин В 4 т. Т. 2. М., 1811. С. 761–762.].

Такого рода дела «в первой степени, или покуда до них спор не воспоследствовал, называются неспорными». Если при возбуждении дел первого рода появится кто-либо и будет, опровергая доводы первоначального просителя «доказывать в первом случае зависимость, а во втором случае — принадлежность своих прав... в таком случае дела сии из неспорных превращаются в спорные» и переходят во вторую группу дел охранительных.

К третьей группе дел о нарушении прав автор относит дела об удовлетворении по обязательствам («о нарушении доверия» и дела «об обидах»).

В отличие от вышеперечисленных авторов, Горюшкин не сразу воспринимал бесспорные дела как совершенно отдельный тип дел, который, на наш взгляд, влечет за собой охранительное производство, специальное производство и добровольную подсудность. Эта его идея осталась неразрешенной и не была услышана независимо, оставив выявление защитного процесса последующим исследователям.

Тем не менее В.Г. Кукольник прослеживает это разделение весьма отчетливо: в первом разделе своего русского частного гражданского права, посвященном материальному праву, он сразу же приводит третий раздел второй части как источник вопроса, когда вопрос доходит до норм гражданского права, гражданский процесс, и через несколько секунд после этого весь второй раздел будет называться разделом. Автор признает, что ниже перечислены основные случаи не искового судопроизводства:

- 1) дела по опеке и попечительству (7. Дворянская опека и Сиротский суд);
- 2) крепостные дела;

- 3) дела по закладным и другим долговым обязательствам;
- 4) явка записей, свидетельствование разных сделок и дача с оных в случае надобности выписей;
- 5) отдача во владение приобретенных имений;
- 6) размежевание чрез полосные земли и общих дач;
- 7) производство дел по особым препоручениям;
- 8) доставление требуемых другими Присутственными местами справок и рапортов о вершенных и не вершенных, исполненных и неисполненных делах;
- 9) обряд сношения судебных мест между собой и с другими Присутственными местами и Начальствами. [8. В.Г. Кукольник СПб., 1815. С. 1–3, 5–6, 142–143, 241.].

Случаи отсутствия претензий обычно считаются случаями неразглашения, которые считаются защитными случаями, как указано выше. Современная практика вручения справок, судебных поручений и судебных запросов о предоставлении информации очень напоминает ритуалы и традиции общения между судебными учреждениями. Разбирательство не завершилось, но логика автора ясна — все эти действия направлены на защиту прав участников процесса в конкретном деле.

В отличие от Судебника, который рационально смешивал законодательные памятники разных эпох и направлений, безосновательно множив виды судопроизводства, совершенно обходя при этом охранительное производство, у В.Г. Кукольника допускалась процессуальная кодификация Судебника. Содержит полностью систематизированный материал, основанный исключительно на одном процессе. «Попытки В.Г. Кукольника найти свое вдохновение в конечном итоге оказались бесплодными», — сказал он. Г.Ф. Блюменфельд утверждал, что том II Свода законов содержал лишь незначительные изменения в содержании тома II, за исключением томов II и III, которые были основаны на отечественной литературе по гражданскому судопроизводству, которая не использовалась широко и не оказала серьезного влияния на развитие процессуального права.

В результате мы можем наблюдать, что охранительное производство существенно отличается от традиционного спорного гражданского процесса, учитывая актуальную проблему охранительного производства С.И. Зарудный столкнулся почти в одиночку, сражаясь вопреки всему. Таким образом, выяснилось, что молодой математик, который также был юристом-самоучкой, почти полностью вручную разработал проект наиболее важной части гражданского судопроизводства. [9. С.И. Зарудный СПб., 1863. С. 13].

Реформа в юридических спорах охранительной части гражданского права и процесса о судебном администрировании была необходима не столько, сколько попытка действовать по «общему сценарию» (введение скорого, справедливого, милосердного, равного и беспристрастного для всех суда, отделение суда от администрации и т.д.). Путаница и пробелы в законодательстве в этом секторе являются основными причинами того, что во многом это происходит по простой причине, как указано выше. Процессуальная часть охранительного гражданского права должна была быть представлена систематически и ясно, чтобы подчеркнуть все охранительное гражданское право.

При разработке законопроектов они признавали повсеместную взаимосвязь между охранительным производством, нотариальной деятельностью и материальным правом. Когда в марте 1882 года бывший обер-прокурор Гражданского кассационного ведомства, а затем сенатор Н.А. Турне было поручено разработать проект нового Торгового кодекса. В том же году, в мае, была создана специальная комиссия по общению действующих гражданских законов и подготовке Гражданского кодекса, которая включала также формирование общей редакции проектов гражданских законов года. Охранное производство было пересмотрено как охранительный закон, отвечающий требованиям жизни, устранив многие из упомянутых ранее недостатков и обеспечив четкую систематизацию видов дел, отличающую его от существующих УГС. [10. Журнал соединенных Департаментов Законов и Гражданских Дел Государственного Совета. 1864. N 44. С. 123.].

В конечном итоге они излагают общие положения, применимые ко всем видам дел, связанных с охранительным производством; установить четкие границы применения правил искового производства к охранительным делам; расширить сферу защитного рассмотрения; уточнить положения, имеющиеся в Государственной гражданской службе по уже установленным категориям дел; и разъяснить применение конкретных положений по защите.

В 1991 году в Российской Федерации была принята Концепция судебной реформы, целью которой было формирование судебной власти как автономной, независимой и мощной силы в государственном механизме, независимой от законодательной и исполнительной власти Российской Федерации. Анализ судебной практики применения правовых норм имелся у ученых-процессуалистов первой половины

XIX века, что привело к использованию теоретических трудов при подготовке законопроектов. Гражданское процессуальное законодательство второй половины XIX – начала XX веков, включая правовую систему, нормативные акты и общее законодательство, характеризовалась относительной стабильностью, что придавало ей репутацию одного из «наших самых успешных правовых актов в истории».

Реформа охранительной части гражданских дел и дел о судебном администрировании не потребовалась в силу общей ситуации. А сколько по более незначительной причине – двусмысленности и несогласованности законов. Первоначально было важно систематически и всесторонне представить, и инкапсулировать всю процессуальную часть охранительного гражданского законодательства. Только после этого можно было начать более непосредственную работу по совершенствованию самого гражданского (искового) процесса, созданию новых форм и ритуалов. Он считает, что закон, создающий процессы редукции, не будет ни сокращаться, ни усиливаться, поскольку этот закон в конечном итоге приведет к хаосу в сфере частных сделок и отношений, вытекающих из личного права и прав на собственность, что затруднит претворение в жизнь полученных знаний.

Фактическая неопределенность, двусмысленность, ненадежность и неполнота формальных признаков, ограничивающих концепцию права, создают множество трудностей для суда и лиц, находящихся под судом, усугубляя эти трудности фактической неопределенностью, двусмысленностью и ненадежностью этих характеристик. Законодатель, желающему снизить количество возникающих исков, следует всегда иметь это в виду. Лучший подход к достижению этой цели – избегать использования механических процедурных средств, которые намеренно ставят под угрозу процесс насильственным и непредсказуемым образом.

В последние годы некоторые институты гражданского процессуального права добиваются унификации процессуальных норм, что позволяет легко согласовывать одни из этих норм другими. Как и во многих случаях, проблемы, возникающие в ходе комплексной работы, могут быть решены только путем всестороннего обсуждения этих вопросов практиками и представителями юридической профессии, особенно теми, кто занимается практикой гражданского судопроизводства. Это должно стать руководством к действию, образцом для подражания, образцом капитального строительства современного здания гражданского процессуального законодательства.

Литература

1. В.В. Аргунов М., 2014. Добровольная (бесспорная) юрисдикция в России и за рубежом (Восточная и Западная Европа, Латинская Америка, Китай) С. 50;
2. Свод Законов Российской Империи издания 1857 г. Т. X. Ч. II. Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. СПб., 1857. С. 10;
3. Свод Законов Российской Империи издания 1857 г. Т. X. Ч. II. Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. СПб., 1857. С. 153–159;
4. Ф.Г. Дильтей Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской о челобитной и доказательстве судебном. М., 1779. С. 50–51.;
5. Ф. Проскуряков Руководство к познанию действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов. Ч. 2: Гражданские законы. 3-е изд. СПб., 1862. С. 162–176.;
6. К. Д. Кавелин Указ. соч. С. 48–52.;

7. З.Е. Горюшкин Руководство к познанию Российского законн.о-искусства, сочиненное коллежским советником. В 4 т. Т. 2. М., 1811. С. 761–762.;

8. В.Г. Кукольник Российское частное гражданское право. Ч. 2: Обряд гражданского судебного делопроизводства. СПб., 1815. С. 1–3, 5–6, 142–143, 241.;

9. С.И. Зарудный Материалы по Судебной реформе в России 1864 года: В 76 т. СПб., 1857–1866. Т. 44: Материалы для разработки охранительного производства. Исследования С.И. Зарудного. СПб., 1863. С. 13;

10. Журнал соединенных Департаментов Законов и Гражданских Дел Государственного Совета. 1864. N 44. С. 123.

THE EVOLUTION OF VOLUNTARY JURISDICTION (INDISPUTABLE, NON-CONTENTIOUS) AS A TYPE OF CIVIL PROCEEDINGS IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Sosnin A.V.

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

This article examines the modernization of the institution of (indisputable, non-contentious) jurisdiction of judicial legislation in the Code of Laws and Civil Procedural Acts of the Russian Empire during the pre-revolutionary period. It examines the theoretical ideas, fundamental principles, and rules guiding the creation of individual institutions of civil procedural legislation in the Russian Empire during the pre-revolutionary period, based on the fundamental principles and theories underlying it. The historiographic analysis includes monographs and textbooks, research articles, doctoral and candidate dissertations, articles on legal issues, as well as extensive studies of the Russian state's contribution to legislation, including the development of modern and traditional forms of legal regulation, as well as the state's approach to state regulation policy.

Scientific novelty and results: the legislative constructs of the Sudebnik are examined and social relations related to their social characteristics are identified during the examination of legislative constructs. Modernization of Russian civil procedural law, modern historical and legal science, history of Russian procedural law.

Keywords: Systematization of judicial procedural law, history of the state and law of Russia, source studies, uncontested non-contentious proceedings, sources of law, history of legal science, external history of legislation, individual reasons for legislative modernization, judicial and legal policy of the state.

References

1. V.V. Argunov M., 2014. Voluntary (Indisputable) Jurisdiction in Russia and Abroad (Eastern and Western Europe, Latin America, China) p. 50;
2. Code of Laws of the Russian Empire, 1857 Edition. T.X. Part II. Laws on Judicial Proceedings and Civil Penalties. St. Petersburg, 1857. P. 1.;
3. Code of Laws of the Russian Empire, 1857 Edition. T.X. Part II. Laws on Judicial Proceedings and Civil Penalties. St. Petersburg, 1857. S. 153–159;
4. F.G. Dilthey Legal Study of the Place Belonging to the Court, of the Judicial Power, of the Position of the Judge, of the Petition and the Proof of the Court. Moscow, 1779. P. 50–51.;
5. F. Proskuryakov A Guide to the Knowledge of Current Russian State, Civil, Criminal and Police Laws. Part 2: Civil Laws. 3rd ed. St. Petersburg, 1862. S. 162–176.;
6. K. D. Kavelin Decree. cit., Pp. 48–52.;
7. Z.E. Goryushkin A Guide to the Knowledge of Russian Law and Art, Composed by a Collegiate Adviser. In 4 vols. Vol. 2. Moscow, 1811. Pp. 761–762.;
8. В.Г. Кукольник Российская частное grazhdannoe pravo. Ch. 2: Obryad grazhdanskogo sudebnogo leloproizvodstva. SPb., 1815. S. 1–3, 5–6, 142–143, 241.;
9. S.I. Zarudny Materials on the Judicial Reform in Russia of 1864: In 76 vols. St. Petersburg, 1857–1866. Vol. 44: Materials for the development of protective production. Studies of S.I. Zarudny. St. Petersburg, 1863. P. 13;
10. Journal of the United Departments of Laws and Civil Affairs of the Council of State. 1864. N 44. P. 123.

Механизмы государственного вмешательства при домашнем насилии в отношении детей: законодательство Российской Федерации и опыт для Вьетнама

Динь Ван Лиём,

доктор юридических наук, преподаватель Университета социальных и гуманитарных наук Виньского университета
E-mail: liemdv@vinhuni.edu.vn

Нгуен Тхи Ха,

доктор юридических наук, преподаватель Университета социальных и гуманитарных наук Виньского университета
E-mail: hant@vinhuni.edu.vn

Фам Тху Ханг,

магистратура Университета социальных и гуманитарных наук Виньского университета
E-mail: hangpham261020@gmail.com

Домашнее насилие в отношении детей представляет собой одну из наиболее острых проблем современной системы защиты прав человека, поскольку непосредственно посягает на фундаментальные права ребенка на личную безопасность, защиту и всестороннее развитие. В статье, опираясь на международно-правовые стандарты, прежде всего Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 года, анализируются правовые механизмы государственного вмешательства в случаях домашнего насилия над детьми в соответствии с законодательством Российской Федерации и проводится их сопоставление с действующим законодательством Социалистической Республики Вьетнам.

С использованием метода сравнительного правоведения выявляются ключевые особенности механизмов экстренного административного вмешательства, судебных процедур ограничения и лишения родительских прав, а также системы социальной поддержки и реабилитации детей после вмешательства в Российской Федерации. На основе проведенного анализа формулируются научно обоснованные выводы и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и повышение эффективности правовой защиты детей во Вьетнаме.

Ключевые слова: дети; домашнее насилие; государственное вмешательство; защита прав ребенка; лишение родительских прав; законодательство Российской Федерации; законодательство Вьетнама.

Теоретико-правовые и международно-правовые основы вмешательства при домашнем насилии над детьми

В современной юридической доктрине домашнее насилие в отношении детей рассматривается не только как социально-нравственная аномалия, но прежде всего как тяжкое нарушение прав человека, затрагивающее право ребенка на жизнь, личную неприкосновенность, достоинство и условия для полноценного развития. Особая уязвимость детей обусловлена их физической и психической незрелостью, а также объективной невозможностью самостоятельно противостоять насилию в семейной среде.

Семья традиционно признается базовым социальным институтом, призванным обеспечивать воспитание и защиту ребенка. Однако в тех случаях, когда семейная среда утрачивает защитную функцию и становится источником угрозы, вмешательство государства приобретает объективно необходимый и юридически оправданный характер. Такое вмешательство не может рассматриваться как произвольное вторжение в частную жизнь, поскольку направлено на реализацию публично-правовой обязанности государства по охране детства.

С теоретической точки зрения механизм правового вмешательства при домашнем насилии над детьми представляет собой системное единство правовых норм, институциональных структур и мер правоприменения, обеспечивающих выявление, пресечение и предупреждение насильственных действий в семье, а также восстановление нарушенных прав и интересов ребенка.

Доктрина *parens patriae*, согласно которой государство выступает в роли высшего гаранта интересов ребенка, исходит из того, что родительские права не носят абсолютного характера. Они являются функциональными правами, неразрывно связанными с обязанностью заботы и защиты. В случае злоупотребления этими правами государство вправе и обязано ограничить или прекратить их осуществление в интересах ребенка.

Международно-правовой фундамент вмешательства заложен Конвенцией ООН о правах ребенка 1989 года. В частности, статья 19 Конвенции возлагает на государства обязанность принимать все необходимые законодательные, административные и социальные меры для защиты детей от любых форм физического или психического насилия, включая жестокое обращение и пренебрежение в семье. Принцип наилучших интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции, имеет приоритетное значение и подлежит применению при принятии любых решений, затрагивающих ребенка [1].

Механизм вмешательства в защиту детей от домашнего насилия в законодательстве Российской Федерации

В условиях имплементации международных стандартов в сфере прав человека правовая система Российской Федерации сформировала многоуровневый механизм вмешательства, направленный на защиту детей от домашнего насилия. Основой данного механизма является признание ребенка не только объектом заботы со стороны семьи, но и самостоятельным субъектом права, чьи законные интересы подлежат приоритетной защите со стороны государства в случае, если семейная среда перестает обеспечивать его безопасность.

Принцип приоритета интересов ребенка занимает центральное место в семейном законодательстве Российской Федерации. В соответствии со статьей 56 Семейного кодекса Российской Федерации ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей или лиц, их заменяющих. Законодатель исходит из того, что осуществление родительских прав не может противоречить интересам ребенка. В тех случаях, когда родители злоупотребляют своими правами либо допускают жестокое обращение с ребенком, государственное вмешательство рассматривается не как вмешательство в частную жизнь, а как необходимая мера реализации публичной обязанности по охране детства [2].

Особенностью российского правового регулирования является наличие механизма экстренного административного вмешательства, направленного на немедленное предотвращение угрозы жизни или

здоровью ребенка. В соответствии со статьей 77 Семейного кодекса Российской Федерации органы опеки и попечительства вправе принять решение об изъятии ребенка из семьи при наличии непосредственной опасности без предварительного судебного разрешения. Данная мера носит срочный и защитный характер и применяется в ситуациях, когда промедление может повлечь тяжкие последствия для ребенка. Вместе с тем законодательство устанавливает обязательство последующего уведомления прокурора и обращения в суд с требованием об ограничении или лишении родительских прав, что обеспечивает контроль законности и предотвращает возможное злоупотребление административными полномочиями [2].

Помимо экстренных мер, российское семейное право предусматривает систему судебных механизмов вмешательства, дифференцированных в зависимости от степени опасности поведения родителей. Ограничение родительских прав применяется в случаях, когда дальнейшее совместное проживание ребенка с родителями представляет угрозу его интересам, однако отсутствуют достаточные основания для полного лишения родительских прав. Такая мера носит временный характер и направлена прежде всего на защиту ребенка, одновременно сохраняя для родителей возможность изменить свое поведение под контролем государственных органов. Лишение родительских прав, напротив, является наиболее строгой формой семейно-правовой ответственности и применяется при наличии грубых и систематических нарушений, включая физическое и психическое насилие, сексуальные посягательства, а также хронический алкоголизм или наркоманию. При этом лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанности по содержанию ребенка, что подчеркивает приоритет защиты его интересов.

Важной составляющей механизма вмешательства в Российской Федерации является этап социальной и психологической поддержки после применения административных или судебных мер. Система социальных служб и органов опеки ориентирована на реабилитацию детей, пострадавших от домашнего насилия, разработку индивидуальных программ защиты и оценку возможности восстановления семейной среды. Законодательство допускает восстановление родительских прав при условии устранения причин, послуживших основанием для вмешательства, и доказанного изменения поведения родителей, что свидетельствует о стремлении государства не только пресекать насилие, но и обеспечивать долгосрочные условия для благополучного развития ребенка.

Таким образом, механизм вмешательства при домашнем насилии в отношении детей в законодательстве Российской Федерации представляет собой комплексную правовую модель, сочетающую экстренные административные меры, судебные формы защиты и систему постинтервенционной социальной поддержки. Данная модель ориентирована на приоритет охраны жизни, здоровья и достоинства ребенка и в целом соответствует современным международным стандартам защиты прав ребенка.

Современное состояние законодательства Вьетнама и его сопоставление с опытом Российской Федерации

Действующая правовая система Вьетнама в сфере защиты детей от домашнего насилия в последние годы претерпела существенные изменения, отражающие переход от восприятия насилия в семье как исключительно частного вопроса к признанию его объектом публично-правового регулирования. Ключевую роль в формировании данного подхода сыграли Закон о детях 2016 года и Закон о предотвращении и противодействии домашнему насилию 2022 года, которые заложили нормативные основы для вмешательства государства в целях защиты прав и законных интересов детей. В частности, Закон о детях предусматривает трехуровневый механизм защиты, включающий профилактику, поддержку и вмешательство, что свидетельствует о стремлении законодателя выстроить системный подход к решению проблемы [4] [6].

Вместе с тем, при сопоставлении указанных нормативных положений с механизмами, закрепленными в семейном законодательстве Российской Федерации, выявляются определенные ограничения вьетнамской модели, прежде всего в части оперативности и принудительного характера вмешательства. Так, мера временного изолирования ребенка от семьи, предусмотренная статьей 54 Закона о детях 2016 года, применяется на основании решения председателя Народного комитета коммуны и носит административный характер, предполагающий прохождение определенной процедуры согласования. На практике это нередко приводит к задержкам в принятии решений, особенно в условиях сохранения традиционных представлений о приоритете автоно-

мии семьи и осторожного отношения органов власти к вмешательству во внутрисемейные отношения [4] [5].

Сравнительный анализ показывает, что принципиальное различие между правовыми системами Российской Федерации и Вьетнама проявляется в характере механизмов экстренного вмешательства. Российское законодательство допускает немедленное административное реагирование со стороны органов опеки при наличии реальной угрозы жизни или здоровью ребенка, тогда как во Вьетнаме аналогичные меры остаются в большей степени процедурно опосредованными. Отсутствие механизма «мгновенного административного решения», сопоставимого по своей юридической природе со статьей 77 Семейного кодекса Российской Федерации, объективно снижает эффективность защиты детей в ситуациях эскалации насилия и создает риск запоздлого реагирования со стороны государственных органов [2].

Существенные различия прослеживаются также в подходе к определению пределов осуществления родительских прав. Вьетнамская правовая и правоприменительная практика по-прежнему испытывает влияние патриархальных и конфуцианских ценностей, в рамках которых родительская власть традиционно рассматривается как преимущественно автономная сфера. Это отражается в осторожности органов власти и судебных инстанций при применении мер, связанных с ограничением или лишением родительских прав. В отличие от этого, российское семейное право более четко исходит из того, что родительские права имеют характер особой юридической обязанности и подлежат приостановлению или прекращению в случае, если их осуществление противоречит наилучшим интересам ребенка.

Обращение к опыту Российской Федерации позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих практическое значение для совершенствования законодательства Вьетнама. Прежде всего, представляется целесообразным формирование механизма оперативного реагирования в сфере защиты детей, предоставляющего уполномоченным органам возможность немедленного вмешательства в ситуациях прямой угрозы с последующим судебным или прокурорским контролем. Такой подход позволил бы преодолеть разрыв между нормативным признанием приоритета интересов ребенка и реальными возможностями его защиты в экстренных обстоятельствах.

Кроме того, требует дальнейшей конкретизации институт ограничения и лишения родительских прав. В настоящее время положения Закона о браке и семье Вьетнама 2014 года предусматривают соответствующие меры, однако критерии оценки «серьезности» насилия во многом носят оценочный характер. Использование более детализированного подхода, аналогичного закрепленному в статье 69 Семейного кодекса Российской Федерации, позволило бы повысить предсказуемость и эффективность правоприменения, сместив акцент с наступления тяжких последствий на предупреждение угрозы интересам ребенка [7].

Наконец, важным направлением развития вьетнамской модели защиты детей является формирование системы социальной поддержки и альтернативной опеки после вмешательства государства. Опыт Российской Федерации показывает, что сочетание правовых мер с психологической реабилитацией и социальным сопровождением повышает шансы на восстановление благоприятной семейной среды либо успешную социальную адаптацию ребенка вне семьи. Для Вьетнама представляется перспективным развитие моделей временного семейного устройства, которые могли бы стать альтернативой помещению детей в учреждения интернатного типа и способствовать более гуманной и устойчивой защите их прав.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что механизм государственного вмешательства в случаях домашнего насилия в отношении детей является неотъемлемым элементом современной системы защиты прав человека. Признание ребенка самостоятельным субъектом права, а также ограничение родительских прав рамками обязанности по защите и воспитанию составляют теоретико-правовую основу легитимности публичного вмешательства в ситуацию, когда семейная среда утрачивает способность обеспечивать безопасность и благополучие ребенка.

Анализ законодательства Российской Федерации показывает, что сочетание экстренных административных мер вмешательства и последующего судебного контроля играет ключевую роль в обеспечении реальной и эффективной защиты детей от домашнего насилия. Такая модель позволяет оперативно устранять непосредственную угрозу жизни и здоровью ребенка, одновременно предотвращая произвольное или чрезмерное вмешательство государства в семейные отношения. Практика Российской Федерации демонстрирует тенденцию перехода от декларативного провозглашения принципа наилучших интересов

ребенка к его институционализации в виде конкретных и действенных правовых механизмов.

Сравнительный анализ с законодательством Вьетнама свидетельствует о том, что обращение к опыту Российской Федерации имеет важное значение для дальнейшего совершенствования национальной системы защиты детей от домашнего насилия. Вместе с тем заимствование зарубежных моделей не может носить механический характер. Оно должно осуществляться с учетом особенностей правовой системы, культурных традиций и организационной структуры государственного управления Вьетнама, что является необходимым условием обеспечения реализуемости и устойчивости предлагаемых правовых решений.

В целом результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что повышение эффективности защиты прав детей во Вьетнаме требует не только дальнейшего развития нормативной базы, но и формирования целостного механизма государственного вмешательства, способного оперативно реагировать на угрозы, обеспечивать судебный и прокурорский контроль и сопровождаться системой социальной и психологической поддержки. Реализация указанных направлений будет способствовать укреплению гарантий прав ребенка и приведению национального законодательства в большее соответствие с современными международными стандартами.

Литература

1. Chính phủ. (2017). Nghị định số 56/2017/NĐ-CP quy định chi tiết một số điều của Luật Trẻ em. Hà Nội: Chính phủ.
2. Hội đồng Thẩm phán Tòa án Tối cao Liên bang Nga. (2017). Nghị quyết số 44 ngày 14/11/2017 «Về thực tiễn áp dụng pháp luật của Tòa án khi giải quyết các tranh chấp liên quan đến việc nuôi dưỡng trẻ em». Moscow.
3. Nguyễn Thị Kim Phụng. (2018). Bảo vệ quyền trẻ em trong pháp luật Việt Nam hiện nay. Hà Nội: Nxb. Chính trị quốc gia Sự thật.
4. Quốc hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. (2014). Luật Hôn nhân và Gia đình. Hà Nội.
5. Quốc hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. (2016). Luật Trẻ em. Hà Nội.
6. Quốc hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. (2022). Luật Phòng, chống bạo lực gia đình. Hà Nội.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2023).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44.
9. The State Duma of the Russian Federation. (1995, amended). Family Code of the Russian Federation. Moscow.

10. The State Duma of the Russian Federation. (1999, amended). Federal Law on the Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation. Moscow.

MECHANISMS OF STATE INTERVENTION IN CASES OF DOMESTIC VIOLENCE AGAINST CHILDREN: THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND LESSONS

Dinh Van Liem, Nguyen Thi Ha, Pham Thu Hang

University of Social Sciences and Humanities, Vinh University

Domestic violence against children constitutes one of the most acute challenges to the contemporary system of human rights protection, as it directly infringes upon children's fundamental rights to personal safety, protection, and comprehensive development. Drawing on international legal standards, particularly the 1989 United Nations Convention on the Rights of the Child, this article examines the mechanisms of state intervention in cases of domestic violence against children under the legislation of the Russian Federation and compares them with the current legal framework of the Socialist Republic of Vietnam.

Using the method of comparative legal analysis, the study identifies the key features of emergency administrative intervention mechanisms, judicial procedures for the restriction and deprivation of parental rights, and the system of social support and rehabilitation for children following state intervention in the Russian Federation. On this basis, the article formulates scientifically grounded conclusions and recommendations aimed at improving legislation and enhancing the effectiveness of legal protection of children in Vietnam.

Keywords: children; domestic violence; state intervention; protection of children's rights; deprivation of parental rights; legislation of the Russian Federation; legislation of Vietnam.

References

1. Government of Vietnam. (2017). Decree No. 56/2017/ND-CP detailing certain articles of the Law on Children. Hanoi: Government.
2. Council of Judges of the Supreme Court of the Russian Federation. (2017). Resolution No. 44 of 14 November 2017 on the practice of courts in resolving disputes concerning child custody. Moscow.
3. Nguyen, T. K. P. (2018). Protection of children's rights in current Vietnamese law. Hanoi: National Political Publishing House.
4. National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam. (2014). Law on Marriage and Family. Hanoi.
5. National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam. (2016). Law on Children. Hanoi.
6. National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam. (2022). Law on Prevention and Control of Domestic Violence. Hanoi.
7. Family Code of the Russian Federation, No. 223-FZ (as amended 19 December 2023).
8. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2017). Resolution No. 44 of 14 November 2017.
9. The State Duma of the Russian Federation. (1995, amended). Family Code of the Russian Federation. Moscow.
10. The State Duma of the Russian Federation. (1999, amended). Federal Law on the Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation. Moscow.

Нотариат как институт превентивного правосудия: теория и практика

Алексеев Кирилл Александрович,

юрисконсульт, нотариальная контора нотариуса
нотариального округа Санкт-Петербурга Кечик Наталья
Петровны
E-mail: 6634048@elkir.ru

Статья посвящена комплексному исследованию нотариата как института превентивного правосудия в современной правовой системе России. Потребность в досудебной профилактике споров, рост требований к правовой определённости и цифровая трансформация гражданского оборота придают исследованию выраженное прикладное значение. Новизна работы заключается в связи доктрины превентивной и правозащитной функций нотариата с анализом публичных полномочий нотариуса, его места среди органов защиты прав, а также цифровых форм нотариальной деятельности. В рамках исследования описаны концептуальные подходы к пониманию нотариата, раскрыты основные функции нотариуса в корпоративной, наследственной и повседневной договорной сфере, охарактеризованы механизмы досудебной профилактики конфликтов и защиты имущественных интересов участников гражданского оборота. Особое внимание уделено электронному нотариату, Единой информационной системе нотариата и их влиянию на превентивный потенциал института. Целью статьи выступает выявление содержания нотариата как превентивного правосудия и определение границ ответственности нотариуса при обеспечении правовой безопасности оборота.

Ключевые слова: нотариат, превентивное правосудие, правовая определённость, правозащитная функция нотариата, превентивная функция нотариата, публичные полномочия, досудебная профилактика споров, электронный нотариат, цифровизация нотариальной деятельности, гражданский оборот.

Введение

Современный гражданский оборот характеризуется высокой конфликтностью имущественных и корпоративных отношений, усложнением сделочной практики и ростом требований к юридической достоверности документов. Перегруженность судов, расширение сферы диспозитивного регулирования и цифровизация частноправовых связей усиливают интерес к досудебным механизмам защиты прав. В этих условиях нотариат всё настойчивее рассматривается как самостоятельный институт превентивного правосудия, ориентированный на предупреждение споров и снижение нагрузки на судебную систему через проверку законности, разъяснение последствий юридически значимых действий и создание устойчивой доказательственной базы. Исследования К.А. Корсика, Л.А. Назаровой, С.Ф. Шерифова, Н.А. Исакова и других авторов показывают, что нотариат постепенно формирует собственную модель правоприменения, сочетающую частноправовую направленность и публичное начало, закреплённое в законодательстве и институтах нотариального самоуправления.

Цель статьи — проанализировать нотариат как институт превентивного правосудия на стыке теории и практики, выявив содержание его превентивной и правозащитной функции в условиях цифровой трансформации и усиления публичных полномочий.

Для достижения указанной цели сформулированы следующие исследовательские задачи:

1. Систематизировать доктринальные подходы к определению правового статуса нотариата и его места среди органов, обеспечивающих защиту прав, с акцентом на превентивное назначение.

2. Раскрыть содержание превентивной, правозащитной, юрисдикционной и иных функций нотариата в практической плоскости — прежде всего в сфере корпоративных, наследственных и типичных гражданско-правовых отношений.

3. Охарактеризовать влияние цифровизации нотариальной деятельности, внедрения Единой информационной системы нотариата и расширения публичных полномочий на превентивный потенциал института и его дальнейшее развитие.

Новизна статьи выражена в том, что положения о нотариате как институте превентивного правосудия выстраиваются не только на основе классических доктринальных построений, но и через сопоставление с актуальными практикоориентированными исследованиями, посвящёнными правовой определённости, корпоративной защите, цифровой трансформации и профессиональной ответственности нотариусов.

Материалы и методы

Эмпирическую и теоретическую базу исследования сформировали современные работы российских авторов, отражающие различные стороны функционирования нотариата. Е.Н. Агбалова и А.А. Рыжова [1] анализируют трансформацию нотариата под влиянием цифровых технологий, обращая внимание на значение Единой информационной системы нотариата и электронных форм совершения нотариальных действий для повышения прозрачности и предсказуемости оборота. Т.В. Андропова [2] исследует использование информационных технологий в наследственных правоотношениях и показывает, как цифровые инструменты усиливают защиту наследственных прав и качество доказательственной базы нотариальных актов. К.Р. Волкова [3] рассматривает нотариат через категорию правовой определённости, связывая функции нотариуса, его ответственность и реформирование института с задачей фильтрации правонарушений и укрепления доверия к гражданскому обороту. Н.А. Исаков и Д.С. Ивакина [4] характеризуют нотариат как элемент системы правовой защиты, акцентируя его формирование в России по модели латинского нотариата, сочетание частной практики с публичной функцией удостоверения бесспорных прав и значимость нотариальных палат как механизмов саморегулирования. Д.А. Корягин [5] подробно разбирает функции нотариата в сфере корпоративных отношений, описывая превентивное значение нотариального сопровождения корпоративных договоров, решений органов управления и иных юридически значимых документов для предотвращения конфликтов между участниками юридических лиц. К.А. Корсик в одной работе исследует превентивную функцию нотариата в связи с публичными реестрами и задачей предупреждения мошеннических

действий [6], а в другой – раскрывает значение нотариата для правовой системы общества, подчёркивая его участие в обеспечении законности сделок и защите участников гражданского оборота [7]. В.В. Милованова [8] анализирует организационные и нормативные трудности развития нотариата и предлагает факторы, определяющие его современную траекторию, в том числе в связи с цифровизацией и расширением круга полномочий. Л.А. Назарова [9] рассматривает правозащитную функцию нотариата в масштабах всей системы гражданского оборота и показывает, как нотариальные действия обеспечивают досудебную защиту прав, снижая потребность в обращении в суд. С.Ф. Шерифов и Н.Х. Устаева [10] изучают нотариат в системе органов, реализующих публичные полномочия, что позволяет увязать деятельность нотариуса с публично-правовыми механизмами контроля и ответственности.

Методологическая основа статьи включает формально-юридический анализ действующего законодательства о нотариате, сравнительно-правовой подход к соотношению нотариата и судебной системы, системно-структурное исследование функций нотариата, а также приёмы логического и доктринального анализа, обобщения судебной и нотариальной практики и классификации научных позиций.

Результаты

Нотариат как институт превентивного правосудия в системе защиты прав

Современная доктрина всё более последовательно описывает нотариат как институт, который ориентирован на предупреждение правонарушений и споров ещё до обращения к суду. В работах К.А. Корсика подчёркивается, что нотариальная деятельность обеспечивает законность сделок, содействует участникам гражданских правоотношений в осуществлении их прав и выступает одним из инструментов поддержания устойчивости правового порядка [7]. Превентивная функция при этом выражается не только в проверке соответствия сделки закону, но и в выстраивании такой конструкции сделки, которая снижает риск признания её недействительной и формирует надёжную доказательственную основу на случай последующего спора [6].

Л.А. Назарова показывает, что правозащитная функция нотариата охватывает широкий спектр ситуаций – от удостоверения сделок до обеспечения доказательств, принятия мер по охране наследства и составления исполнительных надписей [9]. Нотариус фиксирует юридически значимые факты с высокой степенью достоверности, что придаёт последующим действиям сторон устойчивый характер и резко снижает вероятность конфликтов. Автор выделяет в нотариальной деятельности защиту прав без обращения в суд как самостоятельную линию охранительного воздействия, что приближает нотариат к правосудию по целям, но не по процессуальной форме.

С.Ф. Шерифов и Н.Х. Устаева, рассматривая нотариат в системе органов, наделённых публичными полномочиями, обращают внимание на то, что нотариус действует от имени государства и использует властные инструменты, хотя организационно относится к системе частнопрактикующих профессионалов [10]. Это придаёт нотариальному акту особую доказательственную силу и позволяет говорить о нотариате как об элементе превентивного правосудия, интегрированном в структуру публичной власти, но не отождествляемом с судебной системой.

Н.А. Исаков и Д.С. Ивакина подчёркивают, что в российской модели латинского нотариата нотариус выступает гарантом законности гражданского оборота, соединяя консультационную, удостоверительную и контрольную функции [4]. В их трактовке нотариат формирует «фильтр» для потенциальных конфликтов: многие спорные ситуации снимаются уже на стадии подготовки сделки или оформления наследственных прав, когда нотариус выявляет риски и предлагает участникам правомерные решения.

В совокупности указанные позиции позволяют отразить первую задачу исследования: нотариат занимает промежуточное положение между судебной и административной системами, но по целям и эффектам деятельности в значительной степени ориентирован на предупреждение споров и восстановление нарушенных прав без судебного разбирательства [4; 7; 9; 10].

Содержание превентивной и правозащитной функций в различных сферах оборота

В корпоративной сфере исследование Д.А. Корягина показывает, что при защите прав участников корпоративных отношений проявляются практически все традиционные функции нотариата: правозащитная, превентивная, юрисдикционная, удостоверительная, гарантийная и фискальная [5]. Нотариальное удостоверение корпоративных договоров, решений общих собраний, протоколов заседаний органов управления, сделок с долями в уставном капитале снижает риск последующего

оспаривания и формирует прозрачную доказательственную базу. Автор подчёркивает, что отказ нотариуса в удостоверении сделки в силу её несоответствия закону по сути выполняет функцию досудебного контроля, блокируя реализацию неправомерных намерений ещё на стадии оформления документа.

Исследования В.В. Миловановой показывают, что институт нотариата в российской правовой системе выполняет не только техническую функцию удостоверения, но и функцию посредничества между частным оборотом и публичной сферой, обеспечивая баланс интересов частных лиц, организаций и государства [8]. Нотариальная форма правоохранительной деятельности вносит вклад в формирование стабильного инвестиционного климата, создаёт дополнительные гарантии соблюдения законодательства при совершении значимых для экономики сделок. Анализируя проблемы развития нотариата, автор указывает на необходимость совершенствования организационно-технических условий работы нотариусов и нормативной базы, что напрямую связано с качеством превентивной защиты.

Л.А. Назарова в рамках исследования правозащитной функции обращает внимание на то, что нотариус не ограничивается удостоверением волеизъявления сторон, а проводит юридическую экспертизу сделки, оценивая допустимость её условий и их соответствие закону [9]. Такой формат работы снижает вероятность заключения кабальных, мнимых и притворных сделок, а при отказе в совершении нотариального действия предотвращает дальнейший конфликт, который в ином случае привёл бы к судебному спору.

В наследственной сфере подход Т.В. Андроповой демонстрирует значимость информационных технологий для усиления охранительного и превентивного эффекта нотариата [2]. Единая информационная система нотариата, электронные реестры наследственных дел, использование технических средств при составлении завещаний повышают степень прозрачности и позволяют оперативно выявлять попытки злоупотребления, подделки документов и сокрытия информации о наследственной массе.

Таким образом, вторая задача исследования раскрывается через описание того, как правозащитная и превентивная функции реализуются в корпоративных, наследственных и иных гражданско-правовых отношениях: нотариус проводит правовую экспертизу, предупреждает нарушения, формирует доказательственную базу и обеспечивает устойчивость имущественных связей [2; 5; 8; 9].

Цифровизация, публичные полномочия и перспективы развития превентивного потенциала нотариата

Влияние цифровой трансформации на нотариат анализируется Е.Н. Агбаловой и А.А. Рыжовой, которые показывают, что внедрение Единой информационной системы нотариата, использование электронной подписи и дистанционных форм совершения нотариальных действий меняют сам характер нотариальной деятельности [1]. Нотариус приобретает возможность оперативно проверять сведения в государственных реестрах, фиксировать действия в режиме реального времени и обеспечивать трассируемость всей цепочки юридически значимых событий. Это усиливает превентивный потенциал института, так как риск недобросовестного поведения участников снижает сама цифровая инфраструктура.

К.Р. Волкова предлагает рассматривать нотариат через призму правовой определённости, связывая функции нотариуса и его ответственность с задачей фильтрации правонарушений и поддержания доверия к гражданскому обороту [3]. Автор обосновывает концепцию «активного нотариата», предполагающую сопровождение юридически значимых действий на всех этапах – от консультации до постконтрактного мониторинга. В этой модели нотариус не ограничивается формальным удостоверением, а выступает субъектом превентивного контроля, выявляющим риски, разъясняющим сторонам последствия нарушений и фиксирующим юридически значимые факты с учётом цифровой среды. Цифровизация в таком подходе выступает не только техническим ресурсом, но и фактором, который расширяет инструментарий нотариуса в сфере досудебной профилактики.

Исследование Н.А. Исакова и Д.С. Ивакиной дополняет эту картину описанием институциональной структуры российского нотариата: сочетание частнопрактикующих нотариусов, нотариальных палат и Федеральной нотариальной палаты формирует сложную систему саморегулирования и контроля качества деятельности [4]. Наличие публичных полномочий при сохранении независимого статуса нотариуса усиливает доверие к нотариальному акту и позволяет воспринимать нотариат как часть «фронт-офиса» правосудия, ориентированного на предупреждение споров и стабилизацию правовых связей.

В работах К.А. Корсика, посвящённых превентивной функции нотариата, особое значение придаётся публичным реестрам, ведение ко-

торых поручено нотариату [6]. Наличие таких реестров (к примеру, сведений о недееспособности, ограниченной дееспособности, отдельных видах доверенностей) создаёт дополнительный уровень защиты гражданского оборота, так как недобросовестным субъектам значительно сложнее использовать пробелы в информированности контрагентов.

В.В. Милованова, анализируя проблемы развития нотариата, отмечает, что цифровизация и расширение круга поручаемых нотариату функций сопровождаются организационными и техническими трудностями: необходимы адаптация кадров, модернизация информационных систем, устранение нормативных пробелов [8]. При этом общий вектор исследований показывает, что цифровая трансформация не ослабляет, а усиливает превентивный характер нотариата, поскольку повышает уровень прозрачности, ускоряет обмен сведениями между участниками оборота и государственными органами, снижает пространство для злоупотреблений.

Третья задача исследования решается через вывод о том, что сочетание цифровых технологий, публичных полномочий и развивающихся моделей «активного» нотариата расширяет возможности нотариуса по обеспечению правовой определённости и досудебной профилактики конфликтов.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на традиционное представление о нотариате как о вспомогательном институте, обеспечивающем «техническое» удостоверение сделок и фактов. Современная доктрина и практика убеждают, что нотариальная деятельность всё более сближается с правосудием по целям и эффектам: нотариус устраняет риски ещё до возникновения спора, выстраивает доказательственную базу на случай возможного конфликта и выступает посредником между частным и публичным началом в регулировании гражданского оборота.

Смысловой центр дискуссии смещается к превентивной и правозащитной функции. Исследователи подчёркивают, что нотариус не сводит свою деятельность к проверке формальных реквизитов документа. Он оценивает законность условий сделки, соотносит её содержание с императивными нормами и правами третьих лиц, выявляет признаки кабальности, мнимости или притворности, разъясняет сторонам правовые последствия их действий. В этих случаях отказ в совершении нотариального действия выполняет досудебную защитную функцию, тормозя развитие конфликта ещё до того, как стороны сформируют процессуальные требования.

Особый интерес вызывает сопоставление двух линий в развитии нотариата: усиление публично-правового начала и рост объёма цифровых инструментов. С одной стороны, расширение публичных полномочий, участие в ведении различных реестров, взаимодействие с органами регистрации и налоговыми органами делает нотариуса значимым участником публичной власти. С другой — сохранение независимого статуса, самоорганизация через нотариальные палаты и ориентация на интересы конкретных субъектов гражданского оборота удерживают нотариат в зоне частноправовой автономии. В результате формируется гибридная конструкция: нотариус одновременно выступает публично уполномоченным лицом и профессиональным советником, от которого ожидают не только формального соблюдения закона, но и содержательной оценки рисков.

Цифровая трансформация усиливает неоднозначность этой конструкции. Расширение Единой информационной системы нотариата, переход части действий в дистанционный формат, активное использование электронной подписи меняют привычную модель нотариальной деятельности. Участники оборота получают более быстрый и технологичный доступ к нотариальным услугам, а государственные органы — инструмент оперативного контроля за юридически значимыми действиями. Вместе с тем возникает опасение, что автоматизация отдельных процедур приведёт к «обезличиванию» нотариальной функции. На этот аргумент отвечает концепция «активного нотариата»: цифровые инструменты не подменяют профессиональное суждение, а освобождают время для более глубокого анализа сделок, сложных корпоративных решений и нетипичных ситуаций.

С точки зрения превентивного правосудия ключевое значение приобретает качественная правовая экспертиза, проводимая нотариусом. Именно она связывает воедино информационные возможности цифровых реестров, нормы материального права и жизненные обстоятельства конкретных сторон. Ошибка на этом уровне способна привести к столкновению интересов уже после совершения нотариального действия, что подрывает доверие к институту. Поэтому дискуссии о реформировании нотариата в большей мере сводятся к вопросам подготовки кадров, профессиональной ответственности и внутреннего контроля, а не к сокращению или расширению перечня нотариальных действий.

Представляется перспективным дальнейшее укрепление статуса нотариата в системе досудебных механизмов урегулирования споров. Многие исследователи уже указывают на то, что нотариальные процедуры во многих случаях выступают функциональным аналогом медиации, но с более жёсткой нормативной рамкой и доказательственной силой результата. Усиление взаимодействия нотариата с институтами медиации и арбитража, развитие стандартов разъяснения сторонам альтернативных способов разрешения споров способно сделать нотариуса «первым фильтром» не только для незаконных сделок, но и для чрезмерной судебной активности.

Вопросы цифровизации вызывают отдельную дискуссию. С одной стороны, электронный нотариат снимает территориальные барьеры, ускоряет обмен сведениями, повышает прозрачность. С другой — формирует новые риски: утечка данных, технические сбои, возможные злоупотребления при идентификации сторон. Отсюда вытекает потребность в уточнении нормативной регламентации электронных нотариальных действий, уточнении стандартов кибербезопасности и распределении ответственности между государством, нотариальными палатами и конкретным нотариусом.

В целом обсуждение показывает, что развитие нотариата как института превентивного правосудия связано не столько с увеличением количества нотариальных действий, сколько с углублением качественного содержания уже существующих функций. Превентивный потенциал института раскрывается на стыке правовой экспертизы, цифровых технологий, публичных полномочий и профессиональной этики нотариуса.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать несколько содержательных выводов, соответствующих заявленным во введении задачам.

Во-первых, систематизация доктринальных подходов показала, что нотариат устойчиво воспринимается как институт, ориентированный на предупреждение правонарушений и споров. Превентивное назначение проявляется в проверке законности сделок, формировании доказательственной базы, разъяснении сторонам правовых последствий их действий и блокировании заведомо незаконных механизмов поведения. Нотариус действует от имени государства, но сохраняет независимый статус, что позволяет рассматривать нотариат как самостоятельное звено в системе защиты прав, находящееся на стыке частного и публичного начала.

Во-вторых, раскрытие содержания функций нотариата в корпоративной, наследственной и общей гражданско-правовой сфере показало, что правозащитная и превентивная линии деятельности пронизывают весь массив нотариальных действий. Нотариальное удостоверение корпоративных решений и договоров снижает риск корпоративных конфликтов; нотариальная форма фиксации наследственных прав и фактов, имеющих юридическое значение, укрепляет доверие к имущественным связям; отказ в совершении действия в случае его несоответствия закону выполняет функцию досудебного контроля. Тем самым нотариат выступает одним из основных каналов досудебной охраны гражданских прав.

В-третьих, анализ влияния цифровизации и расширения публичных полномочий показал, что современные информационные технологии усиливают превентивный потенциал нотариата. Единая информационная система, электронные реестры и дистанционные форматы позволяют нотариусу оперативно проверять сведения, выявлять риски и обеспечивать прозрачность оборота. Концепция «активного нотариата» придаёт этому процессу новое измерение: нотариус превращается в проводника правовой определённости, сопровождающего юридически значимые действия на всех этапах.

Обобщая представленные результаты, можно заключить, что развитие нотариата как института превентивного правосудия требует дальнейшего совершенствования нормативного регулирования, укрепления профессиональной ответственности и последовательного внедрения цифровых решений при сохранении высокого уровня личной юридической экспертизы нотариуса.

Литература

1. Агибалова Е.Н., Рыжова А.А. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 1. С. 166–170.
2. Андропова Т.В. Информационные технологии в наследственном праве // Наследственное право. 2020. № 2. С. 3–6.
3. Волкова К.Р. Роль нотариата в обеспечении правовой определённости гражданского оборота (функции, ответственность, вызовы реформирования института нотариата) // Актуальные исследования. 2025. № 29 (264). Ч. II. С. 15–21.

4. Исаков Н.А., Ивакина Д.С. Нотариат в Российской Федерации // Научный лидер. 2025. № 23 (224). URL: <https://scilead.ru/article/9122-notariat-v-rossijskoj-federatsii> (дата обращения: 16.11.2025).
5. Корягин Д.А. Реализация функций нотариата в рамках защиты прав участников корпоративных отношений // Юрист. 2024. № 6. С. 9–18. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-6-9-18.
6. Корсик К.А. Некоторые аспекты превентивной функции нотариата // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 148–154.
7. Корсик К.А. Значение нотариата для правовой системы общества // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 3. С. 9–15. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.172.3.009-015.
8. Милованова В.В. Проблемы и ключевые факторы развития современного нотариата // Молодой ученый. 2024. № 5 (504). С. 285–289.
9. Назарова Л.А. Реализация правозащитной функции нотариата в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 3. С. 14–18.
10. Шерифов С.Ф., Устаева Н.Х. Нотариат в системе органов, реализующих публичные полномочия // Вестник науки. 2023. Т. 5. № 12. (электронный ресурс).

NOTARIES AS INSTITUTIONS OF PREVENTIVE JUSTICE: THEORY AND PRACTICE

Alekseev K.A.

Notary Office of Natalya Petrovna Kechik

This article presents a comprehensive study of notaries as an institution of preventive justice in the contemporary Russian legal system. The need for pre-trial dispute prevention, growing demands for legal certainty, and the digital transformation of civil transactions lend the study significant practical significance. The novelty of this work lies in the connection between the doctrine of the notaries' preventive and legal functions and the analysis of their public powers, their place among legal protection bodies, and digital forms of notarial activity. This study describes conceptual approaches to understanding notaries,

reveals the main functions of notaries in corporate, inheritance, and everyday contractual matters, and characterizes mechanisms for pre-trial conflict prevention and the protection of the property interests of civil parties. Particular attention is paid to the electronic notary system, the Unified Notary Information System, and their impact on the institution's preventive potential. The article aims to identify the essence of notary services as preventive justice and define the boundaries of notary responsibility in ensuring the legal security of legal transactions.

Keywords: notary services, preventive justice, legal certainty, the human rights function of notaries, the preventive function of notaries, public powers, pre-trial dispute resolution, electronic notary services, digitalization of notarial activities, civil transactions.

References

1. Agibalova E.N., Ryzhova A.A. Modern Notaries in the Age of Digital Transformation // Legal Paradigm. 2022. Vol. 21. No. 1. Pp. 166–170.
2. Andropova T.V. Information Technologies in Inheritance Law // Inheritance Law. 2020. No. 2. Pp. 3–6.
3. Volkova K.R. The Role of Notaries in Ensuring Legal Clarity in Civil Circulation (Functions, Responsibilities, and Challenges of Reforming the Notary Institution) // Current Research. 2025. No. 29 (264). Part II. Pp. 15–21.
4. Isakov N.A., Ivakina D.S. Notaries in the Russian Federation // Scientific Leader. 2025. No. 23 (224). URL: <https://scilead.ru/article/9122-notariat-v-rossijskoj-federatsii> (accessed: 16.11.2025).
5. Koryagin, D.A. "Implementation of Notary Functions in the Framework of Protecting the Rights of Participants in Corporate Relations" // Jurist. 2024. No. 6. Pp. 9–18. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-6-9-18.
6. Korsik, K.A. "Some Aspects of the Preventive Function of the Notary" // Actual Problems of Russian Law. 2021. Vol. 16. No. 5. Pp. 148–154.
7. Korsik, K.A. "The Importance of the Notary for the Legal System of Society" // Lex russica (Russian Law). 2021. Vol. 74. No. 3. Pp. 9–15. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.172.3.009-015.
8. Milovanova V.V. Problems and Key Factors in the Development of the Modern Notariat // Young Scientist. 2024. No. 5 (504). Pp. 285–289.
9. Nazarova L.A. Implementation of the Human Rights Function of the Notariat in the Russian Federation // Problems of Economics and Legal Practice. 2023. Vol. 19. No. 3. Pp. 14–18.
10. Sherifov S.F., Ustaeva N. Kh. Notaries in the System of Bodies Exercising Public Powers // Science Herald. 2023. Vol. 5. No. 12. (Electronic resource).

Бутусов Станислав Андреевич,

аспирант кафедры земельного и экологического права,
ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия» им. В.М. Лебедева
E-mail: butusov.stanislav@yandex.ru

В статье рассматривается развитие территориального планирования в России в историко-правовом аспекте.

Цель исследования – выявить основные этапы формирования и трансформации правового регулирования пространственного развития с учётом изменения модели государства и экономического уклада.

Методологическую основу составили историко-правовой и системный анализ, изучение нормативных правовых актов и научных подходов.

В результате показано, что территориальное планирование на всех этапах развития выступало важным инструментом государственной власти и управления пространством, а современная система требует дальнейшего совершенствования для обеспечения устойчивого развития территорий.

Ключевые слова: территориальное планирование, градостроительство, пространственное развитие, правовое регулирование, история права, земельное право, градостроительное право, стратегическое планирование, государственное управление.

Введение

История развития территориального планирования в России представляет собой сложный, многоуровневый и внутренне противоречивый процесс, в котором трансформация правовых форм пространственного регулирования всегда находилась в прямой зависимости от господствующей модели государства, типа экономического уклада и философско-правовых представлений о соотношении публичного и частного интереса. В этом смысле территориальное планирование в российской правовой традиции никогда не являлось исключительно техническим или вспомогательным институтом, а выступало формой реализации государственной власти в пространстве, инструментом организации социальной, экономической и культурной жизни общества.

Теоретико-правовые подходы к понятию планирования и его значение для территориального развития

В научной литературе понятие «планирование» по праву относится к числу категорий, не имеющих однозначного и универсального толкования, что объясняется как многообразием сфер его применения, так и различиями методологических подходов, сложившихся в рамках управленческой, экономической, правовой и социально-философской мысли. Данная многозначность не носит случайного характера, а отражает сложную природу самого феномена планирования, который одновременно выступает и как элемент управленческой системы, и как самостоятельная форма целенаправленной деятельности, ориентированной на преобразование будущего состояния объекта.

Отечественная научная традиция демонстрирует богатство интерпретаций данного понятия, каждая из которых отражает определённый аспект управленческой реальности. Так, Э. Уткин рассматривает планирование как: «центральное звено управленческой деятельности, подчёркивая, что его ключевой характеристикой является планомерность» [1, с. 14]. Под последней автор понимает сознательное и рациональное определение субъектом целей своей деятельности, их соотношение с наличными ресурсами и обязательный учёт факторов внешней среды. В данной интерпретации планирование выступает не просто как формальная процедура составления планов, а как интеллектуальный и волевой акт, обеспечивающий осмысленное управление развитием объекта.

В отличие от этого подхода, А.Ф. Мельник делает акцент на ресурсной и контрольной функции планирования [2, с. 3]. В его трактовке планирование предстает прежде всего как инструмент распределения ограниченных ресурсов, механизм оценки результатов деятельности и основа формирования системы стимулирования. Такое понимание отражает прагматическую сторону планирования, связанную с необходимостью обеспечения эффективности и управляемости сложных социально-экономических систем.

Развивая экономико-ориентированный подход, М.И. Бухалков определяет планирование в условиях рыночных отношений как: «научное обоснование предстоящих экономических целей развития и форм хозяйственной деятельности» [3, с. 45]. В центре внимания автора находится проблема выбора оптимальных способов достижения поставленных целей, что подчёркивает аналитическую и исследовательскую составляющую планирования. Здесь планирование выступает как форма рационального выбора, основанного на анализе альтернатив, оценке рисков и прогнозировании последствий управленческих решений.

Более комплексную управленческую интерпретацию предлагает А.В. Старовойтов, рассматривающий планирование как особый вид управленческой деятельности, связанный с определением приоритетов функционирования и развития объекта управления, разработкой системы мероприятий по достижению целей, а также установлением их последовательности, сроков реализации и ответственных исполнителей [4, с. 19]. В данной трактовке планирование приобретает системный характер и выступает связующим звеном между стратегическими целями и практической деятельностью.

Сопоставление приведённых позиций позволяет сделать вывод о том, что в современном научном понимании планирование представляет собой целенаправленный, научно и организационно обоснованный процесс, включающий определение целей и приоритетов разви-

тия, распределение ресурсов, разработку мероприятий и механизмов их реализации, а также оценку условий и факторов внешней среды.

Становление территориального планирования в допетровский и имперский периоды

Обращение к ранним этапам становления российской государственности позволяет утверждать, что зачатки территориального планирования возникают задолго до формирования систематизированного законодательства и профессиональной градостроительной деятельности. Уже в период Древней Руси пространственная организация поселений формировалась не стихийно, а в рамках определённых устойчивых представлений, укоренённых в византийской правовой традиции и христианской догматике. В отличие от римского права, ориентированного на индивидуалистическое понимание собственности и автономии частного субъекта, византийская правовая модель исходила из приоритета общественного интереса, что обуславливало восприятие территории как общего, сакрализованного пространства, находящегося под покровительством божественного и светского начала одновременно.

Влияние данной парадигмы на древнерусское правосознание выразилось в особом отношении к земле и пространству, где землепользование рассматривалось прежде всего как форма служения – общине, князю, Богу. Территориальные решения, включая выбор мест для поселений, размещение культовых, оборонительных и хозяйственных объектов, принимались с учётом совокупности природно-географических, оборонных и сакральных факторов. Археологические и летописные источники свидетельствуют о том, что «города Древней Руси формировались преимущественно вблизи водных артерий, выполнявших транспортную, оборонительную и хозяйственную функции, при этом планировочная структура поселений включала чётко различимые функциональные зоны» [5, с. 29].

Наличие кремля как укрепленного ядра города, посада как торгово-ремесленной территории, дворов знати, сакральных комплексов и административных пространств позволяет говорить о существовании ранних форм функционального зонирования. Особое значение имели противопожарные разрывы – «прозоры», рвы и просеки, разделявшие кварталы, что свидетельствует о наличии осознанных планировочных решений, направленных на обеспечение безопасности и устойчивости городской среды. В этом контексте представляется обоснованным вывод о том, что территориальное планирование в Древней Руси носило характер обычного права, закреплённого в устойчивых практиках и передаваемого из поколения в поколение.

Значимым элементом правовой фиксации пространственных решений являлся обряд «чина закладки города», который сочетал в себе религиозную церемонию и акт публичного признания назначения отдельных частей территории. Освящение городской площади, укреплений, въездов и культовых объектов фактически выполняло функцию предварительного территориального зонирования, придавая пространственным решениям характер обязательности и устойчивости. Таким образом, сакральный элемент выступал своеобразным юридическим механизмом закрепления пространственного порядка.

Развитие древнерусского права сопровождалось и формированием элементов правового разграничения земель. Упоминания различных видов межей в «Русской Правде» Владимира Мономаха, а также положения Двинской уставной грамоты 1397 года, фиксирующие границы поселений, угодий и княжеских владений, свидетельствуют о признании различного функционального назначения земель и необходимости их правового разграничения. Эти нормы, хотя и не образывали целостной системы территориального регулирования, закладывали основы для дальнейшего институционального развития данной сферы.

С усилением централизованной власти в период Московского государства территориальное планирование постепенно утрачивает исключительно сакральный характер и начинает приобретать административно-нормативные формы. Строительство городов всё чаще осуществляется на основании специальных царских указов, в которых определялись место размещения населённого пункта, его планировочная структура, перечень функциональных зон, незастроенные участки, резервируемые для будущего развития, а также прилегающие сельскохозяйственные угодья. Примечательно, что в таких актах фиксировались и сметные расходы на строительство, что свидетельствует о системном подходе к организации городского пространства.

Существенное влияние на формирование допетровской модели территориального планирования оказало византийское градостроительное законодательство, в частности «Закон Градский» Василия Македонянина, содержащий нормы, направленные на сохранение планировочной структуры городов при реконструкциях. В русской правовой традиции аналогичный подход проявлялся в устойчивости функцио-

нального назначения территорий и редком изменении общего облика городов при перестройках. Это обеспечивало пространственную преемственность и стабильность городской среды, что в условиях слабой мобильности населения имело особое социальное значение.

Качественный перелом в развитии территориального планирования в России связан с реформаторской деятельностью Петра I, которая знаменовала собой переход от традиционной, сакрализованной модели пространственной организации к рационалистической, нормативно формализованной системе. Именно в этот период происходит «академизация» российской правовой мысли, связанная с: «заимствованием западноевропейских концепций государственного управления, включая подходы к градостроительству и землеустройству» [6, с. 17]. Приглашение иностранных специалистов и обучение российских студентов в университетах Европы способствовали внедрению в отечественную практику рациональных методов планирования, картографирования и межевания земель.

Петровская эпоха характеризуется постепенным вытеснением византийско-христианской парадигмы рационалистическим пониманием, частично опиравшимся на идеи естественного права. В рамках данной методологии территориальное планирование начинает рассматриваться как инструмент рационального управления пространством, подчинённый целям государственного строительства, экономического развития и военного контроля. Регулярная планировка городов, выражавшаяся в геометрически правильной сетке улиц, симметричных площадях и чётком разграничении функциональных зон, становится отличительной чертой данного периода.

Как отмечается в научной литературе, утверждение планов городов оставалось в исключительной компетенции монарха, что подчёркивает централизованный характер территориального управления. Учреждение в 1721 году Вотчинной коллегии и развитие картографического обеспечения межевания земель знаменуют переход к документально фиксированному территориальному планированию, основанному на точных измерениях и письменных регламентах.

Во второй половине XVIII века процесс институционализации территориального планирования получает дальнейшее развитие. Принятие Манифеста о Генеральном размежевании земель Российской империи 1766 года и создание Комиссии о государственном межевании в 1765 году свидетельствуют о попытке формирования единой системы учёта и разграничения земель. Несмотря на значительные трудности практической реализации, связанные с земельными спорами и нехваткой квалифицированных кадров, данные меры заложили основы для последующего развития землеустроительного законодательства.

Особое значение в контексте градостроительного регулирования имеет Городовое положение 1785 года, которое впервые в систематизированной форме закрепило нормы об устройстве городов, регламентировало строительство, размещение торговых и общественных объектов, а также запретило самовольную застройку [7]. Данный акт сформировал предпосылки для правового закрепления функционального зонирования городских территорий и наделил органы городского управления определёнными полномочиями в сфере пространственной организации.

В дальнейшем развитие территориального планирования в Российской империи происходило в рамках сочетания местного самоуправления и централизованного государственного надзора, что нашло отражение в редакциях Городового положения 1870 и 1892 годов, а также в Строительном уставе. Однако революционные события начала XX века привели к радикальному разрыву с дореволюционной правовой традицией.

Формирование советской модели территориального планирования

В контексте истории территориального планирования в России период 1920–1930-х годов занимает особое, во многом определяющее место, поскольку именно в это десятилетие были заложены первые системные правовые основы пространственной организации населённых пунктов в условиях социалистического государства. С позиции научного анализа, характерного для кандидата юридических наук, данный этап следует рассматривать не как фрагментарный набор административных мер, а как формирование принципиально новой модели территориального планирования, тесно связанной с изменением экономического уклада, ликвидацией частной собственности на землю и становлением централизованной системы управления.

Окончание Гражданской войны, образование СССР и переход к восстановлению народного хозяйства поставили перед советской властью задачу правовой и фактической реорганизации пространства. Территориальные изменения, начатые ещё в период Временного правительства, получили продолжение в условиях советской государ-

ственности, однако приобрели качественно иной смысл. Если ранее установление границ населённых пунктов носило преимущественно фискально-административный характер, то в 1920-е годы оно становится необходимым условием централизованного управления, планирования строительства и размещения производительных сил.

Отсутствие юридически закреплённых границ городов и посёлений объективно препятствовало эффективному управлению территориями. Более того, «после революции и Гражданской войны значительная часть дореволюционных документов о границах была утрачена или утратила правовую силу» [8, с. 515]. В этих условиях советская власть была вынуждена не просто восстанавливать границы населённых пунктов, но фактически заново формировать правовую основу территориального планирования, опираясь на принципы публичного землевладения и приоритета государственных интересов.

Ключевым нормативным актом, заложившим основы правового регулирования земельных и территориальных отношений, стал Земельный кодекс РСФСР 1922 года [9]. Его значение для развития территориального планирования трудно переоценить. В отличие от современного земельного законодательства, данный кодекс не исключал полностью вопросы установления и изменения границ населённых пунктов из своей сферы регулирования, а напротив, содержал общие нормы, допускавшие изменение городских границ, в том числе за счёт земель волостей. При этом примечательно, что действие кодекса не распространялось на земли внутри городской черты, что подчёркивало особый правовой режим городских земель и необходимость их специального регулирования.

Для реализации положений Земельного кодекса 1922 года и устранения правовой неопределённости в вопросах городских земель было принято совместное постановление народных комиссариатов земледелия и внутренних дел, утвердившее Инструкцию, регулиующую вопросы о городских землях. С точки зрения юридической техники данный документ представлял собой классический пример подзаконного нормативного акта, конкретизирующего рамочные нормы кодифицированного законодательства. Именно Инструкция фактически оформила первый в советской истории детализированный порядок территориального планирования границ городов и посёлков городского типа.

Инструкцией устанавливалось, что «все земельные участки в пределах городской черты находятся в ведении городских Советов и коммунальных отделов» [10], что отражало принцип исключительного публичного управления городской землёй. В состав городской территории включались не только застроенные кварталы, площади, парки и сады, но и примыкающие земли, ранее принадлежавшие городу на праве собственности, а также территории, фактически находившиеся в управлении городских органов. Тем самым закреплялся функциональный, а не формально-кадастровый подход к определению границ города, основанный на реальном использовании земли и потребностях развития населённого пункта.

Особое значение имел порядок установления действующих границ города. Инструкция предписывала учитывать дореволюционные границы, состояние владения земельными участками на 1 августа 1922 года, а также использовать широкий круг доказательств: архивные документы, сведения местных земельных органов, опросы должностных лиц и граждан. Такой подход свидетельствует о стремлении советского законодателя обеспечить преемственность территориальной организации при одновременной адаптации её к новым социально-экономическим условиям.

Инструкция также устанавливала основания для изменения городской черты, к числу которых относились рост населения, устройство парков, развитие коммунальной инфраструктуры и освоение прилегающих территорий. При этом требовалось комплексное обследование земель, планируемых к присоединению, с анализом направления расширения, характера землепользования, наличия построек и водных объектов. Впервые в советской практике было закреплено требование предварительного обсуждения вопросов изъятия земель, что, несмотря на декларативный характер, отражало попытку процедурного упорядочения территориальных решений.

Механизм согласования изменений границ включал многоступенчатую административную процедуру: от обследования и подготовки планов на местном уровне до рассмотрения вопроса губернским исполнительным комитетом и уездным землеустроительным отделом. К заявлению прилагались схематические планы, проекты использования территории, эскизы улиц, площадей и объектов коммунального назначения. В совокупности это позволяет говорить о формировании зачатков проектного подхода к территориальному планированию, ориентированного не только на фиксацию границ, но и на прогноз развития территории.

Продолжением развития правового регулирования стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 года, которое распространило действие Инструкции на города и посёлки, образованные после 1 августа 1922 года, и установило императивный срок определения их границ — три года. В документе был: «расширен перечень земель, включаемых в состав городских территорий, в том числе земли предприятий, фабрик и заводов, а также обособленные участки, окружённые городской или сельской застройкой» [11]. Это свидетельствует о переходе от локального регулирования к масштабной территориальной политике, связанной с индустриализацией и ростом городов.

Значимым элементом территориального планирования 1920–1930-х годов стало правовое регулирование изъятия земель для государственных и общественных нужд. Утверждённое ВЦИК и СНК положение об изъятии земель закрепило чрезвычайно широкий объём полномочий органов власти, допускавших безусловное изъятие земель независимо от формы землепользования [12]. Целью такого изъятия признавалось развитие общественных пространств, урегулирование застройки, размещение предприятий и инфраструктуры. С правовой точки зрения это отражало приоритет публичного интереса над любыми формами индивидуального пользования землёй, что являлось фундаментальным принципом советской модели территориального планирования.

Процедура изъятия была жёстко привязана к планированию строительства. Изъятие осуществлялось исключительно при наличии утверждённого плана строительства и сопровождалось представлением проектной и планировочной документации. Даже проведение изысканий допускалось без согласия землепользователя, что подчёркивает административно-властный характер территориального регулирования. Масштабные примеры изъятия земель для проектов «Сред-волгостроя» и строительства канала Москва–Волга демонстрируют, что территориальное планирование рассматривалось как инструмент реализации общегосударственных задач индустриализации и инфраструктурного развития.

Кульминацией правового оформления территориального планирования в рассматриваемый период стало постановление ВЦИК и СНК СССР 1933 года, направленное на: «планирование строительства предприятий на основе схем районной планировки» [13]. Данный акт впервые закрепил необходимость комплексного пространственного подхода, учитывающего транспортные связи, сырьевую и энергетическую базу, коммунальное и социально-культурное обслуживание. С научной точки зрения схемы районной планировки и проекты планировки населённых мест, предусмотренные данным постановлением, могут рассматриваться как прямые предшественники современных документов территориального планирования.

Проекты планировки городов и посёлков должны были обеспечивать перспективное развитие в соответствии с задачами народного хозяйства, создавать благоприятные условия труда и быта, предусматривать размещение объектов социальной инфраструктуры, зелёных зон, пригородных сельскохозяйственных территорий и мероприятий по пожарной безопасности. Включение требований архитектурно-художественного оформления свидетельствует о том, что даже в условиях жёсткой плановой экономики пространственное развитие рассматривалось не только в утилитарном, но и в культурно-эстетическом измерении.

К середине XX века в СССР сформировалась многоуровневая иерархическая система территориального планирования, включавшая Генеральную схему расселения, региональные схемы расселения, районную планировку и генеральные планы городов. Данная система отличалась высокой степенью научной проработки и масштабностью, однако страдала от избыточной централизации, отсутствия рыночных механизмов и слабой обратной связи с потребностями населения.

Дальнейшее развитие теории территориального планирования было связано с усилением внимания к проблеме участия населения. Значительный вклад в эту дискуссию внёс Пол Давыдов, который ещё в 1960-х годах указал на системное исключение значительной части общества из процессов принятия решений [14, с. 270]. Его идеи о необходимости инклюзивного планирования стали основой для формирования коммуникативных, транзакционных и переговорных моделей территориального планирования, в рамках которых планировщик всё в большей степени выступает в роли модератора общественного диалога.

Трансформация территориального планирования в постсоветский период

В постсоветский период развитие территориального планирования в Российской Федерации следует рассматривать как сложный, поэтапный и противоречивый процесс институционального восстановления,

происходивший на фоне кардинальной трансформации экономической системы, публичной власти и правового мышления. В отличие от советского этапа, характеризовавшегося жёсткой иерархией и директивным характером пространственного развития, постсоветская модель формировалась в условиях демонтажа централизованного планирования, становления рыночных отношений и децентрализации государственного управления.

Распад СССР в 1991 году фактически означал крах единой системы территориальной организации и планирования, выстроенной в рамках плановой экономики. Созданная в ходе социалистического строительства сеть плановых органов, обеспечивавшая иерархическое согласование пространственных решений на макро-, мезо- и микроуровнях, была ликвидирована в кратчайшие сроки. Вместе с этим из официального управленческого и нормативного лексикона практически исчез сам термин «планирование», который в начале 1990-х годов стал ассоциироваться с неэффективностью командно-административной системы и воспринимался как идеологический рудимент советского прошлого. В результате территориальное развитие оказалось во многом предоставленным стихийным рыночным механизмам и фрагментарным управленческим решениям.

Первым нормативным шагом, направленным на формирование новой правовой основы градостроительной и территориальной политики, стало принятие в 1992 году Закона Российской Федерации «Об основах градостроительства в Российской Федерации» [15]. Данный акт носил рамочный характер и не формировал целостной системы территориального планирования, однако имел принципиальное значение как переходный документ, зафиксировавший отказ от директивной модели и провозгласивший ориентацию на формирование благоприятной среды жизнедеятельности населения. Закон определял общие цели и направления градостроительной деятельности, обозначал круг субъектов и объектов регулирования, но при этом оставлял значительное пространство для усмотрения органов власти и не обеспечивал механизмов реального согласования территориальных решений на различных уровнях.

В течение 1990-х годов отсутствие единой системы стратегического и территориального планирования привело к существенным пространственно-экономическим диспропорциям. Ликвидация централизованного планирования сопровождалась резким ростом региональной дифференциации, деградацией отдельных промышленных и сельских территорий, концентрацией экономической активности в ограниченном числе агломераций. При этом многие положения разработанных ещё в советский период региональных схем расселения, основанных на Генеральной схеме расселения на территории СССР, продолжали де-факто использоваться в управленческой практике, хотя и без должной нормативной легитимации. В дальнейшем они подвергались переработке с учётом новых социально-экономических реалий, однако уже в условиях отсутствия единого методологического и правового каркаса.

С начала 2000-х годов в России наметился поворот к возрождению стратегического и территориального планирования, обусловленный осознанием ограниченности стихийного рыночного регулирования пространственного развития и необходимостью реализации долгосрочных общенациональных интересов. Именно в этот период начинается активная разработка документов стратегического характера на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Были приняты Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, стратегии социально-экономического развития федеральных округов и иные программно-целевые документы. Однако, несмотря на их значительное количество, данные акты долгое время существовали разрозненно, не образуя единой, юридически закреплённой системы стратегического планирования.

Качественно новый этап в развитии территориального планирования был связан с принятием в 2004 году нового Градостроительного кодекса Российской Федерации [16]. Данный нормативный акт стал поворотным с точки зрения правовой конструкции пространственного развития. Впервые в постсоветской истории была выстроена системная модель территориального планирования, в рамках которой традиционная градостроительная документация была заменена документами территориального планирования и документацией по планировке территории. Существенное развитие получил институт градостроительного зонирования, а также были закреплены детальные процессуальные нормы, регулирующие порядок подготовки, согласования, экспертизы и утверждения соответствующих документов.

Градостроительный кодекс 2004 года закрепил многоуровневую структуру территориального планирования, охватывающую федераль-

ный, региональный и муниципальный уровни, и тем самым заложил основы для согласования пространственных решений в условиях федеративного устройства государства. Вместе с тем, на данном этапе территориальное планирование оставалось преимущественно отраслевым институтом градостроительного права и не было полноценно интегрировано в систему стратегического управления социально-экономическим развитием страны.

Эта институциональная разобщённость была преодолена лишь с принятием в июне 2014 года Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [17]. Указанный закон стал ключевым системообразующим актом постсоветского периода, впервые законодательно закрепившим целостную систему стратегического планирования в Российской Федерации. Он определил принципы, цели и задачи стратегического планирования, установил замкнутый перечень документов стратегического характера, разграничил полномочия между уровнями публичной власти и закрепил механизмы координации стратегического управления, бюджетной политики и территориального развития.

Принципиальное значение данного закона заключается в том, что территориальное планирование было институционально включено в общую систему стратегического управления, охватывающую процессы целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития. Тем самым была восстановлена, хотя и в трансформированном виде, утраченная в 1990-е годы связь между пространственным развитием и долгосрочными государственными приоритетами. Закон также закрепил необходимость взаимодействия органов власти с научным сообществом, общественными и иными организациями, что отражает современное понимание территориального планирования как комплексного и междисциплинарного процесса.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что территориальное планирование в России на протяжении всей истории выступало ключевым инструментом организации государственной власти и управления пространственным развитием. Его формы и содержание всегда определялись господствующей моделью государства, типом экономического уклада и уровнем развития правовой системы. От ранних сакрализованных и обычаеоправовых форм пространственной организации в Древней Руси территориальное планирование эволюционировало к административно-нормативным механизмам имперского периода, затем к централизованной и жёстко иерархичной системе советского планирования.

Постсоветский этап характеризовался разрушением единой системы планового управления и последующим институциональным восстановлением территориального планирования в условиях рыночной экономики и децентрализации власти. Современная правовая модель сочетает элементы стратегического и градостроительного планирования, однако сохраняет внутренние противоречия, связанные с фрагментарностью регулирования, недостаточной согласованностью пространственных и социально-экономических решений и ограниченной вовлечённостью населения. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего развития теоретико-правовых основ территориального планирования и совершенствования механизмов его практической реализации.

Литература

1. Стратегическое планирование: учебник / Ассоц. авт. и издателей «Тандем»; под ред. Э.А. Уткина. – Москва: ЕКМОС, 1998. – 440 с.
2. Мельник А.Ф. Территориальное планирование бытового обслуживания населения, проблемы пути его совершенствования [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата экономических наук. (08.00.05) / Львов. ун-т им. Ивана Франко. – Львов: [б.и.], 1975. – 19 с.
3. Бухалков, М.И. Планирование на предприятии: учебник / М.И. Бухалков. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 411 с.
4. Старовойтов А.В. Планирование законоподготовительной и законодательной деятельности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2004. – 23 с.
5. Чемеринская В.В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство в X–XVII веках (опыт сравнительного анализа): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 186 с.
6. Лебедев Д.Г. Правовое регулирование территориального планирования использования земель городов в Российской Федерации:

автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.06 / Ин-т государства и права РАН. – Москва, 2007. – 29 с.

7. Городовое положение (Жалованная грамота городам) от 21 апр. 1785 г. // Законодательство Екатерины II: в 2 т. / отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. – М., 2000. – Т. 2. – С. 77–177.

8. Рожнов С.Н. Правовое обеспечение территориального планирования населенных пунктов в СССР в 1920–1930-х годах // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2025. – Т. 35. – № 3. – С. 514–518.

9. Постановление ВЦИК от 30.10.1922 (ред. от 27.12.1926) «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва» (вместе с «Земельным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.

10. Постановление народных комиссариатов земледелия и внутренних дел от 18.07.1923 «Инструкция по применению постановления земельного кодекса о городских землях» // СУ РСФСР. 1923. № 77. ст. 746.

11. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11.02.1929 «Об определении городской или поселковой черты вновь образованных городов, рабочих, дачных и курортных поселков» // СУ РСФСР. 1929. № 17. ст. 178.

12. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 04.03.1929 «Об утверждении положения об изъятии земель для государственных или общественных надобностей» // СУ РСФСР. 1929. № 24. ст. 248.

13. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.03.1933 «Об изъятии земель для нужд строительства по реконструкции Средней Волги – «Средволгостроя» // СУ РСФСР. 1933. № 30. ст. 104.

14. Дедков А.Г. Подходы и основные задачи территориального планирования на современном этапе развития градостроительства // Architecture and Modern Information Technologies. – 2021. – № 3 (56). – С. 263–272.

15. Закон РФ от 14.07.1992 № 3295–1 «Об основах градостроительства в Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 13.08.1992. № 32. Ст. 1877.

16. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.

17. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF TERRITORIAL PLANNING IN RUSSIA

Butusov S.A.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The article examines the development of territorial planning in Russia in the historical and legal aspect.

The purpose of the study is to identify the main stages of formation and transformation of the legal regulation of spatial development, taking into account changes in the model of the state and the economic structure.

The methodological basis was made up of historical, legal and systematic analysis, the study of normative legal acts and scientific approaches.

As a result, it is shown that territorial planning at all stages of development has been an important tool of state power and space management, and the modern system requires further improvement to ensure the sustainable development of territories.

Keywords: territorial planning, urban planning, spatial development, legal regulation, legal history, land law, urban planning law, strategic planning, public administration.

References

1. Strategic Planning: a textbook / Associated authors and publishers "Tandem"; edited by E.A. Utkin. – Moscow: EKMO, 1998. – 440 p.

2. Melnik, A.F. Territorial planning of consumer services to the population, problems and ways of its improvement [Text]: Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. (08.00.05) / Lviv. Ivan Franko University. – Lviv: [b.i.], 1975. – 19 p.

3. Bukhalkov, M.I. Planning at the enterprise: a textbook / M.I. Bukhalkov. – 4th ed., corrected and add. – Moscow: INFRA-M, 2023. – 411 p.

4. Starovoytov AV Planning of legislative preparation and legislative activities: abstract of candidate of legal sciences dissertation: 12.00.02 / Moscow state University named after M.V. Lomonosov. – Moscow, 2004. – 23 p.

5. Chmerinskaya VV Influence of Byzantine law on ancient Russian and Russian legislation in the 10th-17th centuries (an attempt at comparative analysis): candidate of legal sciences dissertation. – Moscow, 2003. – 186 p.

6. Lebedev DG Legal regulation of territorial planning of urban land use in the Russian Federation: abstract of candidate of legal sciences dissertation: 12.00.06 / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2007. – 29 p.

7. City Regulations (Charter to the Cities) of April 21, 1785 // Legislation of Catherine II: in 2 volumes / eds. O.I. Chistyakov, T.E. Novitskaya. – Moscow, 2000. – Vol. 2. – Pp. 77–177.

8. Rozhnov S.N. Legal Support for Territorial Planning of Populated Areas in the USSR in the 1920s-1930s // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". – 2025. – Vol. 35. – No. 3. – Pp. 514–518.

9. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 30.10.1922 (as amended on 27.12.1926) "On the entry into force of the Land Code adopted at the 4th session of the 9th convocation" (together with the "Land Code of the RSFSR") // SU RSFSR. 1922. No. 68. Art. 901.

10. Resolution of the People's Commissariats of Agriculture and Internal Affairs of 18.07.1923 "Instructions for the application of the Land Code resolution on urban lands" // SU 1923. No. 77. Art. 746.

11. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of 11.02.1929 "On Determining the City or Settlement Lines of Newly Formed Cities, Workers', Summer Cottage, and Resort Settlements" // SU RSFSR. 1929. No. 17. Art. 178.

12. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of 4.03.1929 "On Approval of the Regulation on the Seizure of Land for State or Public Needs" // SU RSFSR. 1929. No. 24. Art. 248.

13. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of 10.03.1933 "On the Seizure of Land for the Needs of Construction for the Reconstruction of the Middle Volga – "Sredvolgostroy" // SU RSFSR. 1933. No. 30. Art. 104.

14. Dedkov A.G. Approaches and main objectives of territorial planning at the current stage of urban development // Architecture and Modern Information Technologies. – 2021. – No. 3 (56). – P. 263–272.

15. Law of the Russian Federation of 14.07.1992 No. 3295–1 "On the Fundamentals of Urban Planning in the Russian Federation" // Vedomosti SND RF and the Supreme Court of the Russian Federation. 13.08.1992. No. 32. Art. 1877.

16. Urban Planning Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 190-FZ (as amended on 29.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 03.01.2005. No. 1 (Part 1). Art. 16.

17. Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ (as amended on July 13, 2024) "On Strategic Planning in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. June 30, 2014. No. 26 (Part I). Article 3378.

Чечулина Алла Анатольевна,

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин, ОЧУВО «Московский Инновационный Университет»

E-mail: yurkafmui@mail.ru

Дегтярев Даниил Дмитриевич,

аспирант, Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский Инновационный Университет»

E-mail: Lawyer1109@mail.ru

В статье анализируется концепция машиночитаемого права, раскрываются его роль и значение в качестве элемента цифровой трансформации правосудия. Исследуется генезис машиночитаемого права, существующие подходы к его пониманию, выявляются основные тенденции развития. Автором поднимаются дискуссионные вопросы о сущности машиночитаемого права, о смене парадигмы в правопонимании, критически оценивается необходимость его разработки в качестве самостоятельной системы. Сформулировано авторское философско-методологическое обоснование сущности машиночитаемого права через диалектику и возведение Платона, определена возможная правовая форма выражения машиночитаемого права в России.

Ключевые слова: машиночитаемое право, цифровизация, диджитализация, право для машин, электронное право, код в праве, информационные технологии

Введение

Одним из ключевых драйверов цифровой трансформации правосудия выступает развитие информационных технологий, а также повсеместная цифровизация и алгоритмизация общественных отношений, под которой понимается тотальное внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности и конвертация аналоговой информации в цифровые форматы при непосредственном участии со стороны государства и частных компаний, а равно изменение среды взаимодействия субъектов права и общих механизмов оправления правосудия.

Одной из отправных точек процесса цифровой трансформации правосудия стал Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204, инициировавший национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации». Ключевым элементом данной программы выступает федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», направленный на создание адаптивной системы правового регулирования. Основные усилия в рамках проекта сосредоточены на устранении правовых барьеров и регулировании сквозных цифровых технологий. К числу приоритетных направлений относятся: идентификация и аутентификация; электронный документооборот; оборот персональных данных; внедрение иных инноваций, в частности, в сфере искусственного интеллекта.

Представляется, что стремительное развитие информационных технологий и их всеобщая интеграция с разными сферами жизни является вызовами для правовой науки, нормативно-правового регулирования, а равно предпосылками для разработки, обсуждения и внедрения разных новых концепций в данной области, среди которых безусловно и концепция машиночитаемого права.

Многообразие подходов к определению машиночитаемого права

Буквальное толкование термина «машиночитаемое право» позволяет заключить, что оно представляет собой систему норм и правил, устанавливаемых государством, для прочтения, толкования и/или использования (правоприменения) «машиной» в широком смысле данного слова. Вместе с тем такое толкование незамедлительно ставит ряд вопросов, необходимых для разрешения.

Каковы изначальные цели и задачи «машиночитаемого права как системы норм»? Что необходимо понимать непосредственно под «машиной»?

Множественность вопросов обуславливается отсутствием законодательного определения машиночитаемого права. Существующая на сегодняшний день легитимация «машиночитаемого права» на уровне программно-стратегического документа явно недостаточна. Легальное определение феномена машиночитаемого права содержится в «Концепции по развитию технологий машиночитаемого права», утвержденной Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, Протокол от 15 сентября 2021 г. № 31. Согласно Концепции, машиночитаемое право определяется как формализованная репрезентация определенного комплекса правовых норм, основанная на онтологии права.

Структура машиночитаемого права может включать: юридически значимых метаданные, необходимых для формулирования и описания правовых норм в объеме, достаточном для решения практических задач; алгоритмы, предназначенные для автоматизации различных форм работы с правовыми документами и нормами. Проработка понятие «машины» в Концепции отсутствует, что порождает дополнительные вопросы, в том числе, в контексте развития, использования и нормативно-правового регулирования систем искусственного интеллекта.

Представляется, что на данный момент, исполнение указанной Концепции находится еще на начальной стадии. Отдельные элементы ее реализации усматриваются в актах, регулирующих электронный документооборот, в частности машиночитаемые доверенности. Реализация концепции машиночитаемого права на практике, по нашему мнению, может в будущем принимать различные формы, которые могут быть классифицированы по степени сложности и уровню формализации, что требует дальнейшего теоретического осмысления.

Начальной формой машиночитаемого права выступают *структурированные правовые акты*, предполагающие публикацию нормативных правовых актов в машиночитаемых форматах (напр., XML, JSON) со стандартизированной разметкой, что позволяет автоматически извлекать метаданные и обеспечивает основу для систем электронного правоприменения.

Более сложной формой являются *автоматизированные комплаенс-процедуры*, где отдельные правовые нормы, обладающие четкой логической структурой, формализуются в виде набора правил, что позволяет создавать программные модули для автоматической проверки соблюдения законодательства. В частноправовой сфере высшей формой реализации становятся смарт-контракты и самоисполняющиеся договоры, где условия договора воплощаются в программный код, исполняемый в распределенном реестре, что минимизирует транзакционные издержки.

Отдельным направлением выступают *экспериментальные правовые режимы («регуляторные песочницы»)*, создающие специальные правовые зоны для тестирования новых подходов к регулированию до их масштабирования на всю правовую систему.

Однако вопрос о том, какие критерии и принципы должны быть выработаны для проведения процесса взаимодействия философского термина «права» с материально определяемой, основанной на алгоритмах «машине», остается открытым. Ответ на данный вопрос требует всестороннего исследования, поскольку «право» само по себе представляет сложную многоуровневую и многоотраслевую структуру. Попробуем ответить на данный вопрос, исследовав генезис концепции машиночитаемого права.

Генезис концепции машиночитаемого права

Существует мнение, что предпосылки возникновения машиночитаемого права возникли еще в середине XX века. Так, исследователь Н.Ф. Порываева полагает: «одним из основных факторов возникновения машиночитаемого права стало создание Президиумом АН СССР Научного совета по кибернетике в 1959 году, в структуре которого была образована специализированная правовая секция» [1]. Впервые в России правовая секция начала работу над исследованием информационного языка права, а также проблемой формализации законодательных и иных правовых материалов, которые предполагалось предварительно обрабатывать с помощью информационно-логических устройств.

Анализируя работу данной секции можно выделить ряд мер, поставленных перед учеными для создания информационного языка права, которые сохраняют свою актуальность на сегодняшний день: унификация правовой терминологии и понятийного аппарата; элиминация избыточной информации из законодательных текстов; преобразование правовых норм в упрощенные формы выражения; конвертация формализованных упрощенных норм права в цифровой код.

В доктрине правовой науки тематика машиночитаемого права, хотя и является относительной новацией, получила достаточный уровень разработки. Научными исследованиями, связанными с машиночитаемым правом, занимались такие ученые как: С.Н. Гаврилов, М.А. Липчанская, Н.Ф. Порываева, И.В. Понкин, С.А. Сеницын, С.А. Привалов, А.А. Перевозкин, О.С. Шепелева и др.

Следуя позиции И.В. Понкина, в смысловом значении концепты «машиночитаемого права» или «законодательства как кода» рассматриваются в качестве фундаментальной основы и ключевого элемента автоматизации обработки правовых норм, комплексов и массивов [2]. Исследователь также квалифицирует «машиночитаемое право» в качестве одного из ведущих направлений цифровизации и цифровой трансформации правовой сферы.

С.Н. Гаврилов вводит в научный дискурс дифференцированное понятие «машиночтение права», предлагая его рассмотрение в узком и широком смыслах. В узком смысле данное понятие реферирует к процессу машинной обработки текста нормативного правового акта, содержащего нормы права. Автор постулирует три возможных модуля существования таких норм для их последующего машиночтения:

1. Формулирование на естественном языке с последующей конвертацией в машиночитаемый формат.
2. Непосредственное создание на машиночитаемом языке.
3. Изложение на адаптированном естественном языке с применением специальной юридической техники, не требующем перевода.

В широком смысле под машиночтением права понимается «восприятие машиной всего правового и связанного с правом, содержащегося в реальном мире» [3].

Разделяя позицию С.Н. Гаврилова, представляется также, что машинная обработка текста может быть выражена не только в обработке текста нормативного правового акта, но и в обработке текста договора и иных юридически значимых документов, следующих из взаимо-

действия различных субъектов права как друг с другом, так и с государством. В своем диссертационном исследовании, Н.Ф. Порываева приходит, среди прочего, к выводу, что результатом алгоритмизации права является машиночитаемое право – по своей сущности, гибрид права и алгоритмов [1].

М.А. Липчанская, С.А. Привалов полагают, что вводимое Концепцией понимание машиночитаемого права носит узко-практичный характер, направленный на применение в тактической перспективе [4]. Действительно, уровень достигнутых информационных технологий сегодня не позволяет искусственному интеллекту осмысливать юридические принципы и правовые аксиомы. Однако, думается, что заложенный в Концепции подход может стать основой для последующей разработки стратегической концепции машиночитаемого права. Существует мнение, что именно потенциал машиночитаемого права способен минимизировать неопределенность правовых норм, их деструктивность, и, в свою очередь, обеспечить создание эффективной системы прогнозирования и создания судебных решений [5].

Анализ существующих подходов к машиночитаемому праву позволяет заключить, что *машиночитаемое право – это совокупность машиночитаемых правовых норм, санкционированных государством и опосредованных в своей реализации техническими нормами и структурами данных*. Можно предположить, что машиночитаемое право, приобретая свойства алгоритмов, представляет собой особый социотехнический, нормативно-казуальный регулятор.

Философско-методологическое обоснование концепции машиночитаемого права

Особо внимания заслуживает вопрос о самой сущности машиночитаемого права, в фокусе внимания вопрос о том, является ли данное право новым форматом права либо представляет собой исключительно форму существования позитивного права. Попробуем выявить существенные характеристики понятия «машиночитаемое право», опираясь на разработанный Платоном технический метод диалектики – дизрез (дихотомия). В рамках данного метода представляется продуктивным определить указанное понятие как вид в рамках родового понятия «форма репрезентации правовой нормы».

Проводя разделение, можно дистинктивно противопоставить два вида репрезентации права по критерию первичного адресата и способа интерпретации:

- гуманитарная (естественно-языковая) форма, предназначенная для интерпретации человеком;
- формализованная (машиноисполняемая) форма, предназначенная для автоматической обработки программными комплексами.

Таким образом, машиночитаемое право может быть определено как форма репрезентации правовой нормы, для которой характерны строгая формализация, структурированность и алгоритмизируемость, делающие ее пригодной для непосредственной обработки вычислительными системами без предварительной лингвистической интерпретации человеком.

Если дизрез позволил нам выделить видовые отличия понятия, то метод возведения Платона направлен на восхождение к его высшей, сущностной причине и идее. Этот процесс раскрывает не просто классификацию, а телеологию – предназначение и цель машиночитаемого права в системе мироздания.

На первом уровне анализа мы сталкиваемся с единичными проявлениями – множеством разрозненных технологических артефактов. К ним относятся законодательные акты, размеченные с помощью XML, алгоритмы для автоматической проверки комплаенс-требований или смарт-контракты, исполняющиеся в распределенных реестрах. На данном этапе это лишь частные случаи, эмпирические факты, объединенные общей формой – они представляют собой формализованные, машиноисполняемые репрезентации правовых норм. Совершая первое обобщение, мы абстрагируемся от конкретных технологий и фиксируем их универсальную функцию: быть объектом для автоматической обработки, выступая посредником между правом и вычислительной системой.

Второе обобщение выводит нас на уровень системного принципа. Здесь машиночитаемое право предстает уже не как набор инструментов, а как фундаментальный принцип организации правовой информации. Его глубинная цель – преодоление семантического разрыва между человеческим и машинным способами коммуникации. Таким образом, его сущность на этом уровне есть интероперабельность – обеспечение смыслового взаимодействия между когнитивной системой (человек) и вычислительной системой (машина) в рамках единого правового поля.

На уровне третьего обобщения феномен раскрывается как полноценная социально-философская категория. Машиночитаемое пра-

во предстает инструментом рационализации права в веберовском понимании, направленным на устранение иррациональных элементов – двусмысленностей, противоречий и риторической избыточности – через их перевод в формально-логические конструкции. Его предназначение здесь – служить воплощением инструментального разума, стремящегося к максимальной эффективности, предсказуемости и технологической управляемости социальных процессов.

Наконец, восходя к высшей Идее, мы постигаем, что машиночитаемое право является современной исторической формой извечного стремления к Порядку и Благут в общественной жизни. Его конечная телеология – это воплощение древней мечты о прозрачном, непротиворечивом и универсально доступном Законе, который, будучи выраженным в безупречной логической форме, минимизирует произвол и ошибку человеческой интерпретации. Следовательно, его подлинная сущность заключается не в технологическом новшестве как таковом, а в стремлении к объективации Справедливости через достижение высшей степени ясности, системности и неотвратимости правовых предписаний.

Оба метода, примененные последовательно, дают целостное представление о понятии:

- Дизрез (нисхождение): «Машиночитаемое право» – это вид формализованной репрезентации права, отличающийся от гуманитарной формы по критерию адресата и способа интерпретации.
- Возведение (восхождение): «Машиночитаемое право» – это частное воплощение высшей идеи Порядка и Справедливости, достижимое через рационализацию и формализацию закона в эпоху цифровых технологий.

Следовательно дефиниция машиночитаемого права может сочетать в себе проблемы соотношения Закона, Разума и Технологии, как таковой. То есть при обсуждении данной концепции усматривается ее междисциплинарный характер, заключающийся в синергии логики, юридической техники, кибернетики и программирования, что обуславливает особую сложность в интерпретации понятия «машиночитаемого права».

Роль и значение машиночитаемого права в процессе цифровой трансформации судостроительства

Важный вопрос при разработке концепции машиночитаемого права заключается в том, является ли данное право необходимым элементом цифровой трансформации судостроительства. Возможно ли эффективное считывание «машины» естественного языка закона? Либо существует необходимость перевода всех нормативно-правовых актов в машиночитаемый формат? Общеизвестно, что на данный момент, без алгоритмизации правовых норм, системы генеративного искусственного интеллекта, например, способны воспринимать «правовые» запросы с описанием нормы на естественном языке и делать выводы на основании таких запросов. Безусловно, в основе такого процесса стоят алгоритмы, однако есть ли необходимость в переводе нормы в алгоритм, если условная «машина», то есть система генеративного искусственного интеллекта в данном случае, способна принимать и обрабатывать запросы на понятном нам языке.

В контексте информационно-консультационных действий на рынке решений LegalTech (лигал тех) существует множество сервисов на базе искусственного интеллекта, позволяющих разрешать правовые вопросы и запросы потребителей на понятном им языке, то есть перевод нормативных актов в алгоритмы при таком взаимодействии отдельно не требуется. Представляется, что алгоритмы, заложенные в машину или системе изначально могут быть рассчитаны на конкретный набор параметров, то есть на конкретную правовую ситуацию, и тем самым, общее взаимодействие человека с системой (платформой, машиной), заданный им набор данных в этой системе, интеграция указанной системы с другими системами, а также получаемый в последующем результат на основании указанного взаимодействия, порождающий какое-либо правовое последствие или благодаря которому можно реализовать свои права и обязанности, может быть машиночитаемым правом.

Вместе с тем, если рассматривать формализованные с точки зрения права ситуации, имеющие под собой простой правовой алгоритм, без необходимости толкования сложных философских правовых принципов, сама по себе «машина» может успешно их разрешать. Например, функционирование платформы ЕСИА «Госуслуги», в рамках которой взаимодействие гражданина и государства можно охарактеризовать также в качестве «прото» машиночитаемого права. В этом контексте также можно рассмотреть возложение на «машину» рассмотрения судебных приказов или дел, рассматриваемых по упрощенному производству, в контексте обсуждения внедрения искусственного интеллекта в судебную систему.

Представляется, что в контексте данного вопроса очень важно разделить два понятия: машиночитаемое право и машиноисполняемое право [6], [7], [8]. Здесь мы приходим к выводу, что на сегодняшний день необходимо внести точность в использовании терминов и констатировать, что «машиночитаемое право» может быть выражено в языках двух форматов: естественном (человеко-читаемом) и алгоритмическом. При этом важный момент заключается в том, что для перевода естественного языка закона в особый алгоритмический язык необходима последовательная проработка их под цифровое использование. Как справедливо указывают О.С. Шепелева, М.А. Сучкова, А.В. Богатова: «Перевод действующего законодательства в машиночитаемый вид представляется затруднительным, поскольку оно сформулировано в традиционной доцифровой системе» [9]. Правовед В.А. Шаршун подчеркивает, что «машиночитаемое право возможно вводить только в отношении норм права, позволяющих принимать однозначные решения, без учета объективных обстоятельств и субъективных усмотрений» [10].

В сфере правосудия вопрос использования машиночитаемого права стоит наиболее остро, поскольку его использование требует унификации процессуальных норм, создания единых упрощенных процедур его применения. Представляется, что преобразованию «естественных процессуальных норм» может способствовать концепция судебного права, основанная на единстве процессуального права России, системной взаимосвязи всех существующих процессуальных отраслей, имеющая единую универсальную структуру принципов и общие правила судопроизводства [11].

В отличие от машиночитаемого права машиноисполняемое право – это право, которое может существовать только в форме алгоритмического языка. Именно применение машиноисполняемого права требует наличия искусственного интеллекта. Машиноисполняемое право основывается на определении критериев и принципов для алгоритмов, лежащих в основе интерпретации человеческого языка при разрешении значимых правовых вопросов.

Возникает резонный вопрос какие преимущества несет с собой машиночитаемое право для цифровизации судостроительства. Представляется, что важнейшей целью, которую позволит реализовать машиночитаемое право, станет создание единого информационного пространства судов, что является важнейшим принципом цифровизации правосудия на сегодняшний день [12]. В свою очередь единое информационное пространство выступит необходимым фундаментом для решения целого ряда проблем: оптимизации судебной нагрузки, сокращения сроков судебного разбирательства, исключения судебных ошибок и т.д.

Тенденции развития машиночитаемого права

Существует несколько сценариев развития машиночитаемого права. Наиболее вероятным в ближайшем будущем является путь, при котором в машиночитаемый вид переводится часть правовых норм, необходимых для целей автоматизированного правоприменения в определенных правоотношениях. При этом правовые нормы будут преобразованы в алгоритмы, реализованные на языках программирования программного комплекса, в который они встраиваются, то есть, возможно, без применения специального формального языка права, без построения онтологий и тезаурусов. Дальнейшее развитие машиночитаемого права будет обуславливаться развитием вышеуказанных технологий. Наиболее сложной и социально значимой формой реализации машиночитаемого права является его внедрение в сферу цифрового правосудия, где оно трансформируется из инструмента обработки информации в инфраструктурный компонент судебной деятельности.

Перспективы развития концепции машиночитаемого права сопряжены с рядом стратегических векторов. Неотъемлемой составляющей этого процесса станет интеграция с технологиями искусственного интеллекта, где машиночитаемое право послужит основой для обучения специализированных AI-моделей, способных к прогностическому анализу и генерации юридических документов. Однако ключевым вызовом остается проблема правовой определенности, соблюдения прав и законных интересов субъектов права и технологических рисков, включая вопросы кибербезопасности и ошибок в алгоритмах.

Особое внимание в развитии концепции машиночитаемого права потребует создания особого взаимодействия на международном уровне, международной гармонизации и выработки единых стандартов для обеспечения интероперабельности правовых систем в условиях глобальной цифровой экономики. Развитие международного правосудия в условиях цифровой трансформации нуждается в создании особого правового регулирования посредством закрепления единых основ функционирования на универсальном уровне [13].

Подводя итог, хотелось бы заключить, что машиночитаемому праву от концепции до непосредственной реализации на начальном и по-

следующих этапах необходимо пройти длительный путь, с подготовкой инфраструктуры среды применения данного права, повышения уровня правопонимания, информирования, нормативно-правовой базы и технического аспекта. Дальнейшими исследованиями могут быть отражены необходимые дефиниции «машин» в аспекте машиночитаемого права, инфраструктуры, необходимой для успешной реализации концепции, возможная интеграция на начальном этапе с системами электронного документооборота с учетом опыта и формата применения уже существующих машиночитаемых доверенностей, а также последующая связь машиночитаемого права с технологиями искусственного интеллекта и цифровой трансформацией правосудия.

Литература

1. Порываева Н.Ф. Предпосылки возникновения машиночитаемого права / Н.Ф. Порываева // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 706–709.
2. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого права / И.В. Понкин // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 231–236.
3. Гаврилов С.Н. «Новый язык для нового закона»: машиночтение права в контексте семиотической парадигмы / С.Н. Гаврилов // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 10. – С. 124–140.
4. Липчанская М.А., Привалов С.А. Перспективы и проблемы использования машиночитаемого права в судопроизводстве / М.А. Липчанская, С.А. Привалов // Изв. Сарат. Университета. Новые серии. Экономика. Управление. Право. – 2022. – № 4.
5. Вашкевич А.М. Автоматизация права: право как электричество. М.: Симплойер, 2019. – 256 с.
6. Синицын С.А. Машиноисполняемое право как вызов правовому регулированию / С.А. Синицын // Российская юстиция. – 2021. – № 7. – С. 36–40.
7. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы / И.В. Понкин // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – № 9.
8. Перевозкин А.А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права / А.А. Перевозкин // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 8. С. 22–35.
9. Шепелева О.С., Сучкова М.А., Богопова А.В. и др. Вопросы регулирования цифровой экономики: аналитический отчет / О.С. Шепелева, М.А. Сучкова, А.В. Богопова и др. // Фонд «Центр стратегических разработок». – М., 2019. – 491 с.
10. Шаршун В.А. Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития / В.А. Шаршун // Право.ву. – 2022. – № 1(75). – С. 88–94.
11. Чечулина А.А. Унификация гражданского и арбитражного процессов в рамках концепции судебного права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 1. – С. 11–16.
12. Дегтярев Д.Д. Проблемы цифровой трансформации судостроительства / Д.Д. Дегтярев // Юридическая гносеология. – 2025. – № 8. – С. 57–63.
13. Чечулина А.А. Тенденции развития международного правосудия / А.А. Чечулина // «Глобальный диалог о целях устойчивого разви-

тия: правовое измерение», МосГУ.: материалы Всероссийской научно-практической конференции с меж. участием. – М.: Изд-во МосГУ, 2020. – С. 197–203.

THE CONCEPT OF MACHINE-READABLE LAW AS AN ELEMENT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF JUSTICE

Chechulina A.A., Degtyarev D.D.
Moscow Innovative University

The article analyzes the concept of machine-readable law, reveals its role and significance as an element of digital transformation of justice. The genesis of machine-readable law, existing approaches to its understanding, and the main trends in its development are explored. The author raises discussion questions about the essence of machine-readable law, the change in the paradigm of legal understanding, and critically evaluates the need for its development as an independent system. The author's philosophical and methodological justification of the essence of machine-readable law through diereza and Plato's elevation is formulated, and a possible legal form of expression of machine-readable law in Russia is determined.

Keywords: machine-readable law, digitalization, digitalization, law for machines, electronic law, code in law, information technologies

References

1. Poryvaeva N.F. Prerequisites for the emergence of machine-readable law / N.F. Poryvaeva // Legal technology. – 2021. – No. 15. – Pp. 706–709.
2. Ponkin I.V. The concept of machine-readable law / I.V. Ponkin // Legal technology. – 2021. – No. 15. – Pp. 231–236.
3. Gavrilov S.N. "A new language for a new law": machine reading of law in the context of the semiotic paradigm / S.N. Gavrilov // Actual problems of Russian law. – 2022. – No. 10. – Pp. 124–140.
4. Lipchanskaya M.A., Privalov S.A. Prospects and problems of using machine-readable law in legal proceedings / M.A. Lipchanskaya, S.A. Privalov // Izv. Sarath. University. New episodes. Economy. Management. Pravo. – 2022. – No. 4.
5. Vashkevich A.M. Automation of law: law as electricity. Moscow: Simpler, 2019. 256 p.
6. Sinitsyn S.A. Machine-executable law as a challenge to legal regulation / S.A. Sinitsyn // Russian Justice. – 2021. – No. 7. – pp.36–40.
7. Ponkin I.V. The concept of machine-readable and machine-executable law: relevance, purpose, place in PerText, content, ontology and prospects / I.V. Ponkin // International Journal of Open Information Technologies, 2020, No. 9.
8. Perevozkin A.A. Theoretical and legal characteristics of machine-readable law / A.A. Perevozkin // Actual problems of Russian law. – 2024. – No. 8. pp.22–35.
9. Shepeleva O.S., Suchkova M.A., Bogapova A.V. and others. Issues of regulation of the digital economy: an analytical report / O.S. Shepeleva, M.A. Suchkova, A.V. Bogapova, and others // Foundation "Center for Strategic Research", Moscow, 2019, 491 p.
10. Sharshun V.A. Machine-readable legislation: concept, specifics, development prospects / V.A. Sharshun // Pravo.vu. – 2022. – № 1(75). – Pp.88–94.
11. Chechulina A.A. Unification of civil and arbitration processes within the framework of the concept of judicial law // Arbitration and civil the process. – 2018. – No. 1. – Pp. 11–16.
12. Degtyarev D.D. Problems of digital transformation of the judicial system / D.D. Degtyarev // Legal epistemology. – 2025. – No. 8. – pp.57–63.
13. Chechulina A.A. Trends in the development of international justice / A.A. Chechulina // "Global dialogue on sustainable development goals: a legal dimension", Moscow State University.: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Moscow: Moscow State University Publishing House, 2020, pp.197–203.

Ефимова Любовь Андреевна,

аспирант кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления, МГУ имени М.В. Ломоносова

Шинкаренко Вячеслав Валерьевич,

аспирант кафедры юридических наук Славяно-Греко-Латинской Академии

Статья посвящена комплексному анализу правовых основ государственной грантовой поддержки некоммерческих организаций (НКО) в Российской Федерации. Рассматривается иерархия нормативных правовых актов, образующих нормативную базу данного института, и выявляется ключевая проблема – отсутствие унифицированного законодательного определения понятия «государственный грант». Основное внимание уделено конкурсной документации, в первую очередь Положению о конкурсе президентских грантов, как основному инструменту правового регулирования. Исследованы правовая природа документов, принципы их формирования и обязательные требования к содержанию. Детально проанализирована система критериев оценки заявок, выявлены ее сильные стороны, такие как комплексность и дифференциация, а также проблемные аспекты, связанные с риском субъективности и непрозрачности экспертного процесса. Результаты исследования позволяют сформулировать выводы и практические предложения по совершенствованию законодательства и конкурсных процедур для повышения эффективности и справедливости грантовой поддержки НКО.

Ключевые слова: некоммерческие организации, гранты, государственная поддержка, правовое регулирование, конкурсная документация, критерии оценки, Фонд президентских грантов, правовая природа гранта, процедура конкурса, экспертиза заявок

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена большим практическим значением грантовой поддержки некоммерческих организаций (далее – НКО). Благодаря реализации данной формы финансирования НКО активно развиваются и реализуют общественно значимые проекты. На государственном уровне уделяется пристальное внимание вопросам поддержки НКО. Данные организации играют важную роль в реализации государственной социальной политики, в решении социально значимых задач. Деятельность НКО зачастую связана с предоставлением помощи нуждающимся категориям граждан, с предоставлением различного рода социальных услуг. НКО принимают участие в реализации национальных проектов, совместно с государственными органами реализуют социально значимые проекты. Эффективная реализация социально ориентированной деятельности НКО обуславливает необходимость наличия достаточной материальной основы. Одной из основных форм финансирования инновационной деятельности НКО являются гранты. Механизм реализации грантовой поддержки стимулирует инновационное развитие НКО, обеспечивает их финансовую стабильность. Благодаря предоставляемой государством грантовой поддержке НКО могут внедрять в свою деятельность инновационные подходы, разрабатывать новые социальные проекты. Таким образом, государственная грантовая поддержка, с одной стороны, позволяет решать социально значимые задачи, с другой стороны стимулирует инновационную активность НКО.

Большое практическое значение государственной грантовой поддержки НКО обуславливает необходимость наличия прочной и детально проработанной нормативно-правовой основы. На сегодняшний день законодательство, раскрывающее государственную грантовую поддержку НКО, представлено источниками различного уровня, как федерального, так и регионального. На федеральном уровне рассматриваемая нормативно-правовая основа также носит многокомпонентный характер – от законодательных источников до актов ведомственного нормотворчества. Разрозненный характер нормативно-правовой основы регулирования государственной грантовой поддержки НКО является одним из основных ее недостатков.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемам, связанным с правовым регулированием государственной грантовой поддержки НКО уделяли внимание следующие ученые: Е.М. Андреева, И.А. Бугаков, М.В. Зайцева, С.В. Климонтов, Д.И. Провалинский и др.

Е.М. Андреева [7, с. 224] в рамках научной статьи рассматривает актуальные проблемы правового регулирования грантовой деятельности, выделяя в качестве одной из основных отсутствие общего правового регулирования грантовой деятельности.

И.А. Бугаков [8, с. 206] анализирует вопросы финансовой поддержки некоммерческого сектора в РФ. Ученым уделяется особое внимание исследованию грантовой поддержки, как основной формы такого финансирования.

М.В. Зайцевой [9, с. 688] рассматриваются элементы инфраструктурной поддержки НКО. Автором уделено особое внимание финансовой поддержке НКО, в том числе, грантовой поддержке.

С.В. Климонтов [10, с. 191] в рамках научной статьи рассматривает проблемные аспекты гранта как особой формы бюджетной субсидии.

Д.И. Провалинский [11, с. 9] исследует отличительные особенности грантов, проводит их ограничение от субсидий. Ученым акцентируется внимание на проблемах смешения понятий «бюджетные гранты» и «бюджетные субсидии» в нормах действующего законодательства.

Цель статьи: Комплексный анализ правовых основ, процедурных механизмов и критериев оценки в системе государственной грантовой поддержки НКО.

Задачи:

1. Выявить и систематизировать нормативные правовые акты, составляющие основу грантовой поддержки.
2. Проанализировать содержание и правовые требования к конкурсной документации.
3. Исследовать систему критериев оценивания грантовых заявок на соответствие принципам открытости, справедливости и объективности.
4. Сформулировать выводы и предложения по совершенствованию правового регулирования.

Объект и предмет исследования: Объект – общественные отношения, складывающиеся в сфере предоставления государственных грантов НКО. Предмет – нормы права, регулирующие эти отношения, конкурсная документация и практика ее применения.

Нормативно-правовая основа предоставления государственных грантов НКО

Иерархия нормативных правовых актов

Предоставление государственных грантов осуществляется в соответствии с требованиями действующего законодательства РФ.

Нормативно-правовая основа, регулирующая общественные отношения в исследуемой сфере, представлена источниками различной юридической силы. При этом вся система законодательства базируется на конституционно-правовых нормах.

На уровне Конституции РФ отсутствуют статьи, посвященные вопросам правового регулирования государственной грантовой поддержки НКО. При этом социальная ориентированность российского государства закреплена именно на уровне норм Основного закона. Так, на уровне ст. 30 Конституции РФ гарантировано право на объединение. В рамках ст. 39 гарантировано право на социальное обеспечение.

Следующий элемент рассматриваемой системы законодательства представлен кодифицированными нормативно-правовыми актами: Бюджетным кодексом РФ, Гражданским кодексом РФ. На уровне норм ст. 78.1 БК РФ законодательно урегулировано предоставление субсидий НКО. В рамках ГК РФ раскрываются законоположения о юридических лицах (глава 4 ГК РФ). Также на уровне действующих гражданско-правовых норм урегулированы такие значимые в грантовой деятельности договорные конструкции, как договор дарения и договор пожертвования.

Наряду с кодифицированными нормативно-правовыми актами государственная грантовая поддержка НКО также регулируется нормами отраслевого законодательства. Основным специальным законом является ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». В рамках данного закона закреплены основы правового статуса НКО, раскрываются вопросы поддержки социально ориентированных НКО (ст. 31.1).

В качестве закона, косвенно регулирующего государственную грантовую поддержку НКО, также необходимо выделить ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». На уровне данного закона не предусмотрены правовые положения, направленные на непосредственное регулирование государственной грантовой поддержки. Однако, в нем раскрываются общие принципы конкурсных процедур.

Следующим элементом рассматриваемой системы законодательства являются акты подзаконного уровня. В их числе необходимо выделить указы главы государства и постановления Правительства РФ. В качестве примера такого источника можно выделить Указ Президента РФ от 30.01.2019 № 30. Правила предоставления из государственного бюджета грантов раскрываются в рамках Постановления Правительства РФ от 25 октября 2023 г. № 1780.

Правовое регулирование государственной грантовой поддержки НКО также осуществляется актами ведомственного нормотворчества. В качестве примера можно привести Приказ Министерства культуры РФ от 10 ноября 2023 г. № 3090, которым утвержден перечень НКО, которым из бюджетных средств в 2024 г. были предоставлены гранты для реализации творческих проектов в сфере народного искусства.

Государственная грантовая поддержка НКО находится в сфере совместного ведения федерального и регионального законодателя. На уровне отдельных субъектов РФ также принимаются нормативно-правовые акты, направленные на регулирование данного правового института. Так, например, на территории Московской области принят и действует Закон Московской области от 03 апреля 2013 г. № 27/2013-ОЗ «О грантах Правительства Московской области в сферах науки, технологии, техники и инноваций».

Понятие «гранта» в законодательстве

Одним из основных недостатков действующего законодательства РФ в сфере правового регулирования государственной грантовой поддержки НКО является отсутствие общих основ нормативной регламентации данного вопроса. Законодательство в исследуемой сфере носит разрозненный и несистематизированный характер. Сказанное, в полной мере, относится и к официальной дефиниции понятия «грант». Данный термин употребляется в нормативно-правовых актах различной юридической силы. Так, на уровне норм БК РФ неоднократно применяется вышеуказанный термин. Однако, не раскрывается его законодательное

определение. О сущности и содержании данного понятия можно сделать вывод, проанализировав ст. 78 и 78.1 БК РФ. Гранты представляют собой бюджетные ассигнования в форме субсидий.

По результатам анализа норм ГК РФ можно установить, что в нем вообще не раскрывается исследуемое определение.

В ФЗ «О некоммерческих организациях» также отсутствует официальная дефиниция понятия «грант».

Наиболее полное определение рассматриваемого термина применительно к научной деятельности можно найти в нормах ФЗ от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». По результатам анализа данного понятия можно прийти к выводу о том, что гранты могут предоставляться как в денежной, так и в иной форме, как на возмездной, так и на безвозмездной основе, гражданам и организациям, получившим в законодательно установленном порядке соответствующее право, на осуществление конкретных научных проектов.

Через форму субсидий и конкурсную основу предоставления понятия «грант» раскрывается в п. 2 Постановления Правительства РФ от 23 декабря 2020 г. № 2251.

По результатам проведенного анализа вышеуказанных нормативно-правовых актов можно прийти к выводу о том, что на законодательном уровне отсутствует универсальное определение понятия «грант». Отметим, что гранты могут быть как государственными, так и частными. Они имеют разную правовую природу и должны регулироваться различными отраслевыми источниками. Так, частные гранты находятся в сфере гражданско-правового регулирования, государственные гранты, являясь одним из видов финансирования, находятся в финансово-правовой плоскости. В этой связи, считаем необходимым разработать и закрепить на уровне норм БК РФ единое определение понятия «государственный грант».

В рамках проведенного анализа норм действующего законодательства РФ нами было установлено, что в ряде нормативно-правовых актов наблюдается смешение понятий «грант» и «субсидия». Грант зачастую рассматривается как форма субсидии. Вместе с тем, между вышеуказанными понятиями есть одно существенное отличие – цель предоставления средств. Так, за счет субсидий осуществляется возмещение уже понесенных расходов, грант, в свою очередь, предоставляется на будущую реализацию проекта.

Также грант необходимо отличать от государственного контракта. Различия наблюдаются в самой правовой природе данных конструкций, их целевой направленности, в субъектном составе. Государственный контракт представляет собой договорную конструкцию, направленную на обеспечение государственных нужд за счет бюджетных средств; сторонами являются государственный и муниципальный заказчик и поставщик.

Целевое назначение отличает грант и от пожертвования. Несмотря на то, что данные формы финансирования носят безвозмездный характер, тем не менее, они характеризуются определенными особенностями. Так, в частности, грант всегда выделяется для реализации конкретного проекта. Пожертвование выделяется на любые общественно полезные цели.

Конкурсная документация как ключевой элемент правового регулирования

Правовая природа и виды документов

Конкурсная документация представляет собой комплекс формализованных правовых актов, посредством которых реализуется процедура предоставления государственных грантов. Её основное назначение заключается в детальной регламентации всех этапов конкурсного отбора, обеспечении единообразия требований к участникам и создании прозрачной основы для оценки проектов. В системе президентских грантов данная документация формирует публично-правовой каркас, обязательный как для организатора (Фонда президентских грантов), так и для всех заявителей – некоммерческих неправительственных организаций (НКО).

Центральным, основополагающим документом является Положение о конкурсе на первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2026 году. [8] Именно этот документ, утверждаемый приказом Фонда президентских грантов от 17 июня 2025 г. № 11 по согласованию с Координационным комитетом, обладает высшей юридической силой в рамках конкретного конкурсного цикла. На примере Положения о первом конкурсе 2026 года видно, что данный документ выполняет кодифицирующую функцию: он консолидирует общие положения, определения, устанавливает грантовые направления, требования к участникам, детальную процедуру подачи и экспертизы заявок, кри-

терии оценки, а также порядок предоставления и контроля за использованием средств. Таким образом, Положение выступает в роли своеобразного «регламента» или «устава» конкурса, обладающего обязательной силой для его участников.

Хотя в явном виде понятие «**техническое задание**» в анализируемом Положении не выделено, его функциональные элементы содержатся в требованиях к содержанию заявки. Согласно пункту 7 Положения, заявитель обязан представить детальное описание проекта, включающее цели, задачи, календарный план, ожидаемые результаты, целевую группу и обоснование социальной значимости. По своей сути, этот раздел заявки и выполняет роль технического задания, описывающего предмет будущего договора, требуемые результаты и мероприятия.

Типовая форма заявки реализована в виде электронных форм, размещенных на официальном сайте Фонда. Законодатель предъявляет строгие требования к её содержанию, устанавливая исчерпывающий перечень обязательных сведений (п. 7 Положения). **Типовая форма соглашения (договора о предоставлении гранта)** также является обязательным элементом системы. Согласно пункту 33 Положения, договор заключается в соответствии с типовой формой, утвержденной Министерством финансов РФ, что обеспечивает единообразие договорной практики и гарантирует соблюдение бюджетного законодательства.

Отдельную группу составляют **правила и методики оценки заявок**. Пункт 20 Положения делегирует объединенному экспертному совету полномочия по утверждению порядка проведения независимой экспертизы и методических рекомендаций по оценке. Эти документы, будучи подзаконными актами в рамках конкурса, конкретизируют процедурные аспекты экспертной работы, оставаясь при этом в рамках общих критериев, закрепленных в самом Положении (раздел VII).

Обязательные требования к содержанию документации

Качественная конкурсная документация должна быть построена на ряде фундаментальных принципов, которые в полной мере отражены в анализируемом Положении.

Принципы проведения конкурса: положение имплицитно и эксплицитно закрепляет ключевые начала. *Открытость и прозрачность* обеспечиваются через обязательное размещение Положения, информации о зарегистрированных заявках (п. 15) и итоговых перечней победителей (п. 27) на официальном сайте. *Равенство условий* для всех заявителей прямо указано в качестве предмета контроля со стороны Координационного комитета (п. 26). *Объективность оценки* призвана гарантироваться двухэтапной системой независимой экспертизы с участием не менее двух экспертов (пп. 19, 22), а также формализованными критериями.

Четкое определение целей, задач и приоритетных направлений является одной из сильных сторон документа. Раздел III «Грантовые направления» представляет собой детализированную «дорожную карту» государственной социальной политики. Каждое из двенадцати направлений (социальная поддержка, охрана здоровья, поддержка семьи, развитие институтов гражданского общества и др.) сопровождается развернутым перечнем примерной тематики, что существенно снижает риск субъективного толкования допустимой тематики проектов.

Исчерпывающий перечень требований к участникам сформулирован в разделах IV и V Положения. Документ содержит как позитивные критерии допуска (организационно-правовая форма, срок существования НКО, виды деятельности по уставу, отсутствие процедур ликвидации и задолженностей — п. 5), так и закрытый перечень оснований для недопущения (п. 6). Последний включает как общие ограничения (политические партии, государственные учреждения), так и специфические для данной грантовой системы (наличие непогашенной задолженности по ранее полученным президентским грантам, представление подложных документов в прошлом). Такой детализированный подход минимизирует дискреционные полномочия администратора на этапе допуска.

Подробное описание процедуры — отличительная черта Положения. Документ хронологически регламентирует каждый этап: сроки приема заявок (п. 12), порядок их регистрации и возможность исправления (п. 14), процедуру экспертизы и формирования рейтинга (пп. 22–24), согласование и утверждение итогов (пп. 25–27). Особого внимания заслуживает механизм **обжалования решений**. Прямой порядок апелляции в Положении не предусмотрен, что соответствует пункту 40, освобождающему Фонд от обязанности давать объяснения по результатам. Однако обжалование возможно в административном (через обращения в контролирующие органы) и судебном порядке на основании общих норм законодательства, если заявитель усмотрит нарушение установленных Положением процедур.

Критерии оценивания грантовых заявок: правовые требования и практика применения

Система критериев

Система оценки заявок на предоставление президентских грантов представляет собой сложную, дифференцированную модель, сочетающую процедурные (формальные) и содержательные (качественные) критерии. Их применение детально регламентировано разделом VII Положения.

Процедурные (формальные) критерии выступают в качестве допускающего фильтра. Их соблюдение проверяется Фондом на этапе регистрации заявки (п. 14). К ним относится полнота и правильность заполнения всех обязательных полей электронной формы (п. 7), соответствие организации требованиям пунктов 5 и 6 (подтверждается заверением заявителя), соблюдение предельного количества заявок от одной организации (п. 11) и отсутствие в документах недопустимого контента (п. 14). Несоответствие формальным требованиям ведет к отказу в регистрации или недопущению заявки до экспертизы (п. 18).

Содержательные (качественные) критерии составляют основу независимой экспертизы и являются инструментом ранжирования проектов. Пункт 30 Положения устанавливает десять таких критериев с переменными коэффициентами значимости, зависящими от запрашиваемой суммы и типа проекта. Данный подход свидетельствует о стремлении к гибкой и взвешенной оценке.

1. **Актуальность и социальная значимость проекта.** Данный критерий имеет максимальный или высокий вес для всех категорий заявок. Он предполагает оценку соответствия проекта заявленному грантовому направлению и остроте решаемой социальной проблемы.

2. **Логическая связность и реализуемость проекта.** Критерий направлен на проверку внутренней связности проекта: логики перехода от целей к задачам, мероприятиям и результатам, а также реалистичности предложенного плана в заданных временных рамках.

3. **Инновационность, уникальность проекта.** Имеет низкий вес (0,5) и обнуляется для долгосрочных проектов, что указывает на вспомогательный, а не определяющий характер данного аспекта в общей оценке.

4. **Соотношение планируемых расходов и ожидаемых результатов, адекватность, измеримость и достижимость таких результатов.** Ключевой критерий эффективности, оценивающий «стоимость» социального результата. Его высокий вес подчеркивает ориентацию на экономное и результативное использование бюджетных средств.

5. **Реалистичность бюджета проекта и обоснованность планируемых расходов.** Тесно связан с предыдущим критерием, но фокусируется на внутренней качественной проработке сметы, адекватности калькуляции статей расходов.

6. **Масштаб реализации проекта.** Вес критерия варьируется от 0 (для малых проектов до 1 млн руб.) до 1 (для долгосрочных), отражая ожидание более широкого охвата при финансировании крупных инициатив.

7. **Собственный вклад организации и дополнительные ресурсы, привлекаемые на реализацию проекта, перспективы его дальнейшего развития.** Критерий стимулирует софинансирование и оценивает потенциал устойчивости проекта после окончания гранта.

8. **Опыт организации по успешной реализации программ, проектов по соответствующему направлению деятельности.** Наличие успешного, подтвержденного опыта рассматривается как фактор, снижающий риски реализации.

9. **Соответствие опыта и компетенций команды проекта планируемой деятельности.** Оценивает человеческий капитал проекта, что является критически важным для его успеха.

10. **Информационная открытость организации.** Данный критерий, имеющий вес для большинства заявок, поощряет публичную активность и подотчетность НКО, что коррелирует с общими принципами открытости гражданского общества.

Таким образом, система критериев Положения о президентских грантах демонстрирует комплексный подход, балансирующий между оценкой социального эффекта, экономической эффективности, потенциала команды и устойчивости организации.

Правовые проблемы в оценивании

Риск субъективности при оценке качественных критериев. Одни и те же стороны проекта эксперты могут оценивать по-разному. По мнению одних экспертов проект несет в себе значительный потенциал. Другие эксперты, напротив, видят в нем недоработки, недочеты, возможные риски и др.

Соотношение весов формальных и содержательных критериев (возможность отсева перспективных проектов из-за мелких формальных ошибок).

Прозрачность работы экспертных комиссий и механизмов принятия окончательных решений. На практике заявители могут сталкиваться с проблемами отсутствия понятных объяснений, что, безусловно, повышает риск недоверия к работе таких экспертных комиссий. Кроме того, экспертная система носит закрытый характер, не всегда публикуются списки экспертов, что также создает риск недоверия к работе таких комиссий.

Анализ судебной и административной практики обжалования результатов конкурсов. На практике результаты работы экспертной комиссии, в ряде случаев, подлежат обжалованию как в административном, так и в судебном порядке. При этом, в ходе обжалования судом может быть не выявлено фактов допущенных нарушений в ходе проведения таких конкурсов. Так, в следующем примере из практики заявитель был исключен из состава участников конкурса на предоставление гранта по причине того, что заявка НКО была предоставлена с нарушением установленных сроков для их подачи [12].

Заключение

Проведенное исследование правовых основ государственной грантовой поддержки НКО позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, нормативно-правовая база данного института является развитой и многоуровневой, охватывая акты от федерального до муниципального уровня. Однако её системность нарушается отсутствием единого понятийного аппарата. Ключевая проблема заключается в том, что действующее законодательство РФ не содержит универсального легального определения понятия «грант», что приводит к терминологической путанице и смешению с такими категориями, как субсидия, пожертвование или государственный контракт. В связи с этим представляется целесообразным закрепить на уровне Бюджетного кодекса РФ четкое определение «государственного гранта», что послужит основой для унификации регулирования.

Во-вторых, центральное место в механизме правового регулирования занимает конкурсная документация, образец которой детально проработан в рамках системы президентских грантов. Положение о конкурсе выполняет роль комплексного регламента, детально прописывающего процедуры, требования к участникам, принципы открытости, прозрачности и равенства условий. Система критериев оценки заявок демонстрирует стремление к объективности и балансу между социальной значимостью, экономической эффективностью и потенциалом организации. Дифференциация коэффициентов значимости в зависимости от размера гранта является рациональным инструментом, соответствующим логике риск-ориентированного подхода.

В-третьих, несмотря на высокую степень формализации, в системе сохраняются правовые проблемы, требующие внимания. Наиболее существенными из них являются: перманентный риск субъективности при оценке качественных критериев экспертами; потенциальная возможность отсева содержательно сильных проектов из-за незначительных формальных недочетов; а также недостаточная прозрачность окончательных решений экспертного совета и закрытый характер формирования экспертного пула, что может подрывать доверие участников к процедуре.

Для совершенствования системы предлагаются следующие меры:

1. Унификация понятийного аппарата в бюджетном и гражданском законодательстве.
2. Разработка и публикация более детальных, открытых методических рекомендаций по оценке качественных критериев, включая примеры успешных заявок и разбор типичных ошибок.
3. Расширение практики общественного и профессионального мониторинга хода конкурсов, включая возможность формирования наблюдательных советов с участием представителей НКО.
4. Стимулирование развития и гармонизации региональных и муниципальных грантовых программ для создания многоуровневой системы поддержки социальных инициатив.

Реализация данных предложений будет способствовать дальнейшему развитию эффективного, справедливого и транспарентного правового регулирования государственной грантовой поддержки, что, в конечном итоге, усилит вклад некоммерческого сектора в решение актуальных социальных задач и развитие гражданского общества в России.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 04 октября 2022 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

5. Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

6. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

7. Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2019 г. № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества».

8. Положение о конкурсе о первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2026 году

9. Андреева, Е.М. Отличительные признаки грантов и концепция правового регулирования грантовой деятельности / Е.М. Андреева // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 5. – С. 224–230.

10. Бугаков, И.А. Финансовая поддержка некоммерческого сектора в Российской Федерации / И.А. Бугаков // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 11. – С. 206–213.

11. Зайцева, М.В. Инфраструктура поддержки некоммерческих организаций / М.В. Зайцева // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 2 (58). – С. 688–694.

12. Климонтов, С.В. Проблемные аспекты гранта как особой формы бюджетной субсидии / С.В. Климонтов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12 (216). – С. 191–193.

13. Провалянский, Д.И. К вопросу о разграничении правовых категорий гранты и субсидии / Д.И. Провалянский // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Том 12. – № 1А. – С. 9 – 17.

14. Обзоры и анализ судебной практики. Официальный сайт Третьего арбитражного апелляционного суда. – URL: <https://3aas.arbitr.ru/material/82710> (дата обращения: 09.10.2025).

15. Электронные ресурсы (официальные сайты грантодающих организаций: Фонд президентских грантов, Министерство экономического развития РФ и др.).

LEGAL BASIS FOR STATE GRANT SUPPORT FOR NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Efimova L.A., Shinkarenko V.V.

Lomonosov Moscow State University, Slavic-Greek-Latin Academy

The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal framework of state grant support for non-profit organizations (NPOs) in the Russian Federation. The hierarchy of regulatory legal acts forming the regulatory framework of this institution is considered, and a key problem is identified – the lack of a unified legislative definition of the concept of a “state grant”. The main focus is on the competition documentation, primarily the Competition Regulations of the Presidential Grants, as the main tool of legal regulation. The legal nature of the documents, the principles of their formation, and the mandatory requirements for their content are investigated. The system of application evaluation criteria is analyzed in detail, its strengths, such as complexity and differentiation, as well as problematic aspects related to the risk of subjectivity and lack of transparency in the expert process, are identified. The results of the study allow formulating conclusions and practical proposals for improving legislation and competitive procedures to enhance the efficiency and fairness of grant support for NPOs.

Keywords: non-profit organizations, grants, state support, legal regulation, competition documentation, evaluation criteria, Presidential Grants Foundation, legal nature of a grant, competition procedure, application expertise.

References

1. Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended on October 4, 2022) // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – No. 237.
2. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 31. – Art. 3823.
3. Civil Code of the Russian Federation, Part 2 of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
4. Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
5. Federal Law of April 5, 2013, No. 44-FZ “On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs”

(as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 14. – Art. 1652.

6. Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ “On Non-Commercial Organizations” (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 3. – Article 145.

7. Decree of the President of the Russian Federation of January 30, 2019 No. 30 “On Grants of the President of the Russian Federation Provided for the Development of Civil Society.”

8. Regulations on the Competition for the First Competition for the Provision of Grants of the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society in 2026

9. Andreeva, E.M. Distinctive Features of Grants and the Concept of Legal Regulation of Grant Activities / E.M. Andreeva // Leningrad Law Journal. – 2020. – No. 5. – P. 224–230.

10. Bugakov, I.A. Financial Support for the Non-Profit Sector in the Russian Federation / I.A. Bugakov // Theory and Practice of Social Development. – 2023. – No. 11. – P. 206–213.

11. Zaitseva, M.V. Infrastructure for Supporting Non-Profit Organizations / M.V. Zaitseva // Research in the Natural Sciences and Humanities. – 2025. – No. 2 (58). – P. 688–694.

12. Klimontov, S.V. Problematic Aspects of a Grant as a Special Form of Budget Subsidy / S.V. Klimontov // Law and State: Theory and Practice. – 2022. – No. 12 (216). – P. 191–193.

13. Provalinsky, D.I. On the Distinction between the Legal Categories of Grants and Subsidies / D.I. Provalinsky // Issues of Russian and International Law. – 2022. – Vol. 12. – No. 1A. – P. 9–17.

14. Reviews and Analysis of Judicial Practice. Official Website of the Third Arbitration Court of Appeal. – URL: <https://3aas.arbitr.ru/material/82710> (accessed: 09.10.2025).

15. Electronic Resources (official websites of grant-giving organizations: Presidential Grants Fund, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, etc.).

Сущность досудебного урегулирования в налоговом праве как разновидности налогового спора: ретроспектива и современное состояние

Котов Александр Владимирович,

магистр права, заместитель заведующего отдела правового обеспечения Министерства имущественных отношений Московской области

E-mail: kotovguz@xmail.ru

В статье исследуются теоретические и практические аспекты досудебного урегулирования налоговых споров в Российской Федерации. Особое внимание уделяется правовому регулированию и практическому применению механизмов досудебного разрешения налоговых конфликтов. Исследуются статистические данные, отражающие динамику налоговых споров, а также выявляются причины, побуждающие участников налоговых правоотношений обходить установленную процедуру досудебного урегулирования.

Ключевые слова: налоговое право, досудебное урегулирование, налоговые споры, обжалование, налоговый контроль.

Введение

Дать определение понятию «общество» – непростая задача даже для современной социологии. В зависимости от подхода (макросоциологического, микросоциологического, социокультурного) разнообразные мыслители: Г. Спенсер, К. Маркс, Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсон, Н. Луман, Ч. Кули, П. Сорокин, в том числе современные (Комарова М. С), пытались выделить закономерности, позволяющие сформулировать общие признаки, позволяющие классифицировать сообщество людей, имеющее социальную структуру, институты, специфику экономического развития, особенности повседневного поведения индивидов, в качестве общества/ Общества представляет собой длительно существующую, самодостаточную, самовоспроизводящуюся систему взаимодействий между людьми, возникшую и существующую для удовлетворения их потребностей, проживающий на общей территории и объединенных общей культурой [1, с. 182]. Проблема всякого определения заключается в том, что исследователи, стараясь дать наиболее исчерпывающее и широкое определение, концентрируются на той или иной стороне объективной действительности, поэтому всякое определение является дискуссионным. Достижение сообществом людей определенного этапа общественного развития предполагает возникновение центрального института власти в политической системе конкретного общества, именуемого государством [2, с. 31]. В результате общественного развития и корреспондирующего ему усложнения социальной структуры, развития производительных сил произошло разложение первобытного общества, перерастанием мононорм – социальных норм первобытного общества, в правовые обычаи и возникновение частной собственности. Необходимость борьбы с социальным хаосом, придания обществу управляемости и контролируемости привело к образованию государства.

Государство, являясь естественным и исторически сложившимся продуктом развития социальной власти, характеризующимся способностью (и реальной возможностью) посредством государственного принуждения, обладая государственным суверенитетом над территориально организованным населением, навязывать собственную волю неопределенному кругу лиц, выполняет различные функции. Указанные функции, являясь основными направлениями деятельности государства, в которых выражается его сущность, характеризуются по различным основаниям: классовые и общесоциальные; охранительные и регулятивные; основные и неосновные; внутренние и внешние; ориентированные на определенные социальные слои (классовые) и общесоциальные [3, с. 45–47]. С нашей точки зрения, основными функциями государства, безусловно, являются охранительные и регулятивные. Они обеспечивают фактическое существование правопорядка, – существование и развитие общественных отношений, лежащих в основе самой государственной власти. В государствах современного типа его функции осуществляются в правовых (правотворческая, управленческая и судебная деятельность) и организационных формах, среди которых выделяется организационно-идеологическая деятельность [4, с. 48–50]. Представляя собой повседневную, разъяснительную форму, она предполагает разрешение конфликтов, существующих в обществе.

Традиционной для процессуальной науки является дихотомия административной и судебной формы разрешения юридического конфликта. Ряд исследователей указывает, что судебная форма разрешения правового конфликта, в отличие от административной формы, которая прямо предусматривается законом, выгодно отличается от последней универсальностью, традиционностью (судебная форма как средство разрешения правовых конфликтов сложилась исторически), детальной урегулированностью, обеспечением надежных гарантий правильного применения закона, – и потому является эффективной [5, с. 22]. Эмпирические данные в указанном отношении не так категоричны: россияне, согласно данным социологических исследований, к институциональным и правовым формам разрешения юридических конфликтов относятся пессимистично. Следует отметить, что у 70% респондентов никогда не возникало потребности в получении квалифицированной юридической помощи. Мотивируя отказ от разрешения спора в судебном порядке, россияне указывали, что нашли другой способ решения конфликта без суда. Другие респонденты обращали внимание на бесперспективность судебного процесса, значительностью судебных расходов, неверием в справедливость суда [6, с. 7–8, 12–13].

Фонды, покрывающие государственные расходы, имеют три источника пополнения средств: налоги, доходы об собственности и так называемое дефицитное финансирование, – совершаемые путём продажи облигаций займы широкой публике [7, с. 515]. Доходы бюджетов, предусмотренные главой 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации: от федеральных, региональных и местных налогов, страховых взносов; от использования и продажи имущества, находящегося в публичной собственности; от платных услуг, оказываемых казенными учреждениями; средства, полученные в результате реализации юридической ответственности, в том числе штрафы, компенсации и конфискации – практически полностью совпадают с традиционными источниками финансирования государственных расходов [8]. Поскольку любая реализация товаров, работ, услуг и обстоятельства, имеющие стоимостную, количественную или физическую характеристику могут, согласно статье 38 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), выступать объектами налогообложения, природа и причины возникновения налогового спора многообразны [9]. В связи с чем, актуальным является вопрос о природе досудебного урегулирования налоговых споров: является ли оно процедурой, предваряющей обращение заинтересованного лица в судебный орган или, в том числе, самостоятельной разновидностью налогового спора?

Термин «налоговый спор» в действующем налоговом законодательстве закрепления не получил. Среди исследователей получило распространение представление о том, что налоговый спор – это разногласие, возникающее на основе специфических юридических фактов между налогоплательщиком, налоговым агентом и уполномоченным государственным органом (образованием) по поводу рассмотрения законности ненормативного правового акта, решения или действия, бездействия последнего [10, с. 46].

В узком смысле определение отражает содержание налогового законодательства. Однако, законодательство об административном и арбитражном судопроизводстве в настоящее время предусматривает возможность оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения и обладающих нормативными свойствами, что предусматривается главой 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, главой 23 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – КАС РФ и АПК РФ) [11, 12].

По нашему мнению, налоговый спор представляет собой юридический конфликт, возникающий между налогоплательщиком, плательщиком страховых взносов и уполномоченным органом, по поводу установления, введения и взимания налогов, сборов, страховых взносов, осуществления налогового контроля, привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения, по результатам рассмотрения которого уполномоченным или судебным органом выносятся акт о законности нормативного правового акта, ненормативного правового акта, решения или действия, бездействия уполномоченного органа. Досудебный порядок урегулирования в налоговом праве, таким образом, представляет собой разновидность налогового спора, осложнённую участием органа административного управления.

Среди более чем 41 разновидности досудебных (претензионных) порядков урегулирования споров, предусмотренных федеральными законами: споров о взыскании таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин; споров при заключении договора в обязательном порядке; при расторжении договоров и заключении государственных (муниципальных) контрактов либо договора поставки для государственных (муниципальных) нужд; споров, вытекающих из авиаперевозок, автотранспортных, морских перевозок груза, почты, пассажиров, споров в области физической культуры и спорта и иных, только досудебный порядок урегулирования налоговых споров предполагает две самостоятельные формы претензии – жалобу и апелляционную жалобу, предусмотренные пунктом 1 статьи 138 Налогового кодекса Российской Федерации.

Коренное отличие между ними находится в предмете обжалования: если предметом обжалования апелляционной жалобы является не вступившее в законную силу решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, либо решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, то предметом обжалования при подаче жалобы являются вступившие в законную силу ненормативные правовые акты налоговых органов, действия и бездействия должностных лиц. Наряду с цифровизацией суда, популяризацией практики примирения, изменения подхода к кадровой политике судебных органов, изменением порядка пересмотра дел в апелляционных судах, введением института специализированных судов, досудебный (претензионный) порядок обеспечивает снижение нагрузки на аппараты суда и судебную систему [13, с. 26–29]. Каков результат императивного обязывания субъектов налоговых правоотношений обращаться к процедуре обжалова-

ния решений, действий и бездействий налоговых органов в вышестоящий налоговый орган? Государственная статистика показывает, что количество налоговых споров за период 2002–2009 года росло. Наибольшее количество дел по оспариванию ненормативных правовых актов налоговых органов приходится на 2007 год, а по делам, вытекающим из взыскания различных обязательных платежей и санкций – на 2005 год [14, с. 154–155].

Как изменилась ситуация спустя декаду? Статистика Федеральной налоговой службы Российской Федерации свидетельствует, что наибольшее количество рассмотренных жалоб по всем налоговым спорам пришлось на 2022 год. По сравнению с 2022 годом количество рассмотренных жалоб в 2024 году упало в 1, 5 раза, что может свидетельствовать об общем повышении качества налогового администрирования [15].

Общий порядок предъявления жалобы (апелляционной жалобы) сводится к следующей процедуре: жалоба, апелляционная жалоба подаются через налоговый орган, акты ненормативного характера, действия или бездействие должностных лиц которого обжалуются, в вышестоящий налоговый орган. Вышестоящим налоговым органом, по смыслу статьи 2 Закона РФ от 21 марта 1991 г. № 943–1 «О налоговых органах Российской Федерации» [16], пункта 1 статьи 30 Налогового кодекса Российской Федерации, являются территориальные органы Федеральной налоговой службы Российской Федерации, осуществляющие свои полномочия на уровне субъекта Российской Федерации и возглавляющие систему нижестоящих территориальных налоговых органов. Такими органами являются управления Федеральной налоговой службы Российской Федерации. При оспаривании ненормативных актов территориальных органов субъекта Российской Федерации вышестоящим налоговым органом является Федеральная налоговая служба Российской Федерации. Сроки предъявления жалобы (апелляционной жалобы) ранжируются в зависимости от уровня вышестоящего налогового органа, а также в зависимости от того, является ли предъявляемая претензия (жалоба) апелляционной жалобой.

Жалоба в вышестоящий налоговый орган на вступившее в законную силу решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, действие, бездействие должностных лиц налогового органа может быть подана в течение года, что предусматривается пунктом 2 статьи 139 Налогового кодекса Российской Федерации. Очевидно, что не всякая жалоба на решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения является апелляционной жалобой. Несмотря на отсутствие прямого указания на это законодателя, апелляционной жалобой может считаться жалоба поданная до вступления указанных решений в законную силу, что следует из пункта 9 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации. Решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения (или об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения) вступают в законную силу по истечении одного месяца со дня их вручения проверяемому лицу. Жалобы же в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный по контролю и надзору в области налогов и сборов, – Федеральную налоговую службу Российской Федерации, – могут быть поданы в течение 3 месяцев со дня принятия решения по жалобе нижестоящим налоговым органом.

Судебная практика в области досудебного порядка урегулирования налоговых споров выработала следующие правила о наличии у субъектов обязанности обращаться в вышестоящий налоговый орган с жалобой. Досудебный порядок урегулирования налоговых споров является обязательным при обжаловании ненормативных правовых актов налоговых органов, действия и бездействия их должностных лиц, связанных с отношениями, регулируруемыми законодательством Российской Федерации о налогах и сборах [17]. Из этого следует, что не подлежат обязательному досудебному обжалованию действия и бездействия налогового органа, совершенные в рамках деятельности, не связанной с реализацией полномочий, предусмотренных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, а с реализацией иных правомочий, предусмотренных иными федеральными законами и нормативными правовыми актами. Обязательность досудебного порядка урегулирования налоговых споров не обязательна также в отношении требований налогоплательщика о возврате (возмещении) сумм налогов, пеней, штрафа, о признании инкассовых поручений и постановлений налогового органа о взыскании налога (сбора) за счет имущества налогоплательщика не подлежащими исполнению, что разъяснялось Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 года № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» [18].

По общему правилу, предусмотренному пунктом 2 статьи 140 Налогового кодекса Российской Федерации, рассмотрение жалобы (апелляционной жалобы), документов, представленных налогоплательщиком и налоговым органом, осуществляется без участия лица, предъявившего жалобу, за исключением случая обнаружения вышестоящим налоговым органом противоречий между сведениями, представленными заявителем и сведениями, представленными нижестоящим налоговым органом. Рассмотрение жалобы (апелляционной жалобы) допускается с использованием видео-конференц-связи, если жалоба не рассматривается вышестоящим налоговым органом очно, о месте и времени рассмотрения которой руководитель налогового органа сообщает налогоплательщику. Дискреция полномочий вышестоящего налогового органа сводится к оставлению ненормативного правового акта без изменений, отмене ненормативного правового акта полностью или в части с принятием или без принятия нового решения. При обжаловании действий (бездействия) налогового органа рассматривающий жалобу вышестоящий налоговый орган выносит решение о признании действий (бездействия) незаконным и принимает решение по существу.

Последние тенденции судебной практики свидетельствуют об изменении подходов к обязательности досудебного урегулирования при обжаловании решений налоговых органов [19]. Обращаясь с самостоятельным заявлением о признании решения налоговой инспекции недействительным, руководитель общества указывал на невозможность соблюдения процедуры досудебного урегулирования, поскольку заявление подано в рамках разумного срока, исчисляемого с момента привлечения контролирующего лица – руководителя общества – к субсидиарной ответственности. Налоговые периоды, затронутые уполномоченным органом в ходе выездной налоговой проверки, приходились на период руководства заявителем. Федеральный закон от 26.10.2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [20] в статье 6. 10 называет лицом, контролирующим должника, физическое или юридическое лицо, имеющее право давать обязательные для исполнения должником указания, либо возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Контролирующее должника лицо признается таковым, если возможность определять действия должника (давать ему обязательные для исполнения указания, либо иным образом определять действия должника) сохранялась на протяжении трех лет, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом. Меры по обеспечению соблюдения обязательного досудебного урегулирования, осуществляемого, в том числе, в административном порядке, были предприняты Верховным Судом Российской Федерации в пунктах 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» [21]. Сущность предпринятых мер к обязательности обращения к уполномоченному органу для разрешения спора в административном порядке для споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, а также споров, для которых досудебный порядок урегулирования споров установлен федеральным законом. Несоблюдение обязательного досудебного порядка урегулирования спора влечет возвращение искового заявления в порядке пункта 1 статьи 135 ГПК РФ, подпункта 5 пункта 1 статьи 129 АПК РФ. Какие причины могут подталкивать участников гражданского оборота к преодолению существующего досудебного порядка урегулирования, если в сфере налогового регулирования он фактически позволяет уменьшить размер фискальных претензий государства?

Экономическое поведение людей не регулируется общеобязательными правилами поведения. Для исследования закономерностей человеческого поведения в экономических отношениях неоклассическая экономика выработала ряд презумпций. Они не являются аксиомами, поскольку не отражают общие законы, которым подчиняются люди при совершении сделок и отдельных действий, а представляют собой удобные предположения, с позиции которых реализуется эвристическая функция науки. Критики неоклассических подходов утверждают, что её приверженцы исходят из предположения, что человеческие предпочтения отличаются стабильностью и независимостью от контекста; что люди и коллективы, совершая экономические действия, стремятся все точно рассчитать и умеют это делать. Люди – отличные планировщики, обладающие большой силой воли. Они также исключительно эгоистичны и исходят, прежде всего, из собственных интересов [22, с. 203]. Накопленные в течение XX в., факты свидетельствуют об обратном, что породило становление поведенческой экономики – как школы современной экономической науки. Результаты экономических исследований свидетельствуют, что экономические агенты нерациональны и склонны к совершению систе-

матических ошибок; у них плохие математические способности, посредственная сила воли. Волевая слабость приводит к тому, что экономические агенты становятся жертвами искушений, которые также приводят к ошибкам, на которых, к тому же, они не стремятся учиться. Более того, люди бывают щедры и вопросы личной выгоды не являются основополагающим фактором при принятии экономических решений. Желая оптимизировать налоговую нагрузку, экономические агенты прибегают к различным способам получения необоснованной налоговой выгоды. Извлечение налоговой выгоды в существующей экономической системе сводится к разделению («дроблению») экономической структуры предприятия, либо завышению расходов, которое достигается посредством формального включения посредников: поставщиков, субподрядчиков, субагентов, в последовательность сделок между предприятиями [23, с. 202–208]. В результате искусственного увеличения цепочки сделок между кредитором и должником в обязательстве возникают третьи лица, на которых и приходится расходы по налогу на прибыль организаций, налоговые вычеты по налогу на добавленную стоимость, которыми уменьшается сумма налога, подлежащая уплате в бюджетную систему.

Феномен формального разделения («дробления») бизнеса являлся предметом исследования в научной доктрине налогового права: так, Ряховский Д.И., Попова О.С. [24], Панов А.И. [25] исследовали сущность «дробления» бизнеса как способа извлечения необоснованной налоговой выгоды. «Дробление» бизнеса представляет собой такую форму оптимизации налоговой нагрузки, которая предполагает фактическое разделение деятельности одного экономического агента (юридического лица или индивидуального предпринимателя) в целях снижения налогового бремени. Сущность «дробления» бизнеса заключается либо в завышении расходов, либо занижении выручки, поскольку при разделении единого крупного предприятия на части налогооблагаемый доход распределяется между десятком мелких экономических агентов.

Таким образом, экономические агенты, желающие оптимизировать налоговую нагрузку и увеличить получаемую прибыль, приобретают возможность оспаривать решение или действие уполномоченного органа бесчисленное количество раз. Деятельность профессиональных организаторов оптимизации налоговой нагрузки представляет собой разновидность профессиональной преступной деятельности на финансовых рынках, которая имеет высокий уровень латентности и затрудняет объективную оценку количества совершенных ими преступлений [26, с. 183]. Криминологической особенностью профессиональных преступников является личная рациональность. Осознавая преступность и наказуемость совершаемых деяний, преступник соотносит высокую доходность осуществляемой преступной деятельности и риски, характерные для легальной трудовой деятельности. Учитывая, что морально-нравственные ориентиры у профессиональных преступников подменяются совокупностью противоправных взглядов и убеждений, выбор падает на осуществление профессиональной преступной деятельности. Значение существующих правовых институтов и их способность снизить налоговые претензии государства отходят на второй план, а правовые механизмы и государственные органы используются для достижения противоправных целей.

Проблема преодоления процедуры досудебного урегулирования налоговых споров имеет значение не только в плане бесконтрольного использования процедуры судебной защиты. Обращения в судебные органы с нарушением существующего порядка урегулирования споров препятствуют на уровень административной процедуры отсечь наиболее грубые нарушения материального и процессуального права, возлагая излишнюю нагрузку на судебные органы.

Литература

1. Хорошкевич Н. Г. К вопросу изучения понятия «Общество» в социологии // Вопросы управления. – 2014. – № 3. – С. 177–183;
2. Матузов Н. И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – 5-е изд. – Москва. – Издательский дом «Дело» РАНХиГС. – 2022. – 528 с;
3. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. – Москва. – РИОР: ИНФРА-М. – 2015. – 559 с;
4. Там же;
5. Андреева Т. К., Аргунов В. В., Борисова Е. А., Бочарова Н. С. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушников. – Москва. – Издательский Дом «Городец». – 2021. – 992 с;
6. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2010. – № 4. – С. 7–43;
7. Макконнелл К. Р., Брю С. Л., Флинн Ш. М. Экономикс: принципы, проблемы и политика: учебник. – 21-е изд. – Москва. – ИНФРА-М. – 2021. – 1152 с;

8. Бюджетный кодекс Российской Федерации (ред. от 26.12.2024 года) от 31.07.1998 года № 145-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025 года) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823;

9. Налоговый кодекс Российской Федерации (ред. от 29.11.2024 года) от 31.07.1998 года № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824;

10. Шинкарь Д. А. О понятии налогового спора // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 2 (11). – С. 42–46;

11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (ред. от 28.12.2024 года) от 08.03.2015 года № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391;

12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 28.12.2024 года) от 24.07.2002 года № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012;

13. Кузин С. А. Проблемы снижения нагрузки на аппарат судов общей юрисдикции в Российской Федерации // Закон и власть. – 2022. – № 3. – С. 25–30;

14. Мосин Е. Ф. Статистика результатов разрешений налоговых споров в арбитражных судах (2002–2009 гг.) // Финансы и Бизнес. – 2010. – № 3 (6). – С. 153–159;

15. Индикаторы деятельности Федеральной налоговой службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://analytic.nalog.gov.ru>, свободный. – (дата обращения: 16.03.2025);

16. Закон РФ от 21.03.1991 года № 943–1 (ред. от 28.12.2022 года) «О налоговых органах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.05.2023 года) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 15. – Ст. 492;

17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.01.2023 года № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 1, пункта 1 статьи 2 и пункта 2 статьи 138 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. Н. Налева» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 7. – Ст. 1193;

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 года № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 10;

19. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2023 года № Ф05–10150/2023 по делу № А41–92132/2022 // СПС «Консультант-Плюс»;

20. Федеральный закон от 26.10.2022 года № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024 года) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025 года) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190;

21. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства // Российская газета. – 2021. – № 144;

22. Макконнелл К. Р., Брю С. Л., Флинн Ш. М. Экономикс: принципы, проблемы и политика: учебник. – 21-е изд. – Москва. – ИНФРА-М. – 2021. – 1152 с;

23. Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И. «Налоговые схемы»: практика их раскрытия налоговыми органами // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 2. – С. 202–209;

24. Ряховский Д. И., Попова О. С. Дробление бизнеса: формирование критериев, выстраивание линии защиты со стороны налогоплательщиков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 7 (250). – С. 67–79;

25. Панов А. И. Законодательная регламентация дробления бизнеса как шаг к упорядочению и минимизации уголовной репрессии в сфере налогообложения // Закон и право. – 2025. – № 1. – С. 235–240;

26. Пинкевич Т. В., Басасов Р. Р. Организованная преступность в сфере финансового рынка России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2023. – № 7. – С. 180–185.

THE ESSENCE OF PRE-TRIAL ADMINISTRATIVE SETTLEMENT IN TAX LAW AS A VARIETY OF TAX DISPUTE: HISTORY AND CURRENT STATE

Kotov A.V.

Legal Support Department of the Ministry of Property Relations of the Moscow Region

The article explores the theoretical and practical aspects of pre-trial settlement of tax disputes in the Russian Federation. Special attention is paid to the legal regulation and practical application of mechanisms for pre-trial resolution of tax conflicts. Statistical data reflecting the dynamics of tax disputes is analyzed, and the reasons motivating participants in tax legal relations to bypass the established procedure for pre-trial settlement are identified.

Keywords: tax law, pre-trial settlement, tax disputes, appeal, tax control.

References

1. Khoroshkevich N.G. On the issue of studying the concept of "Society" in sociology // Management issues. – 2014. – No. 3. – Pp. 177–183;
2. Matuzov N. I., Malko A.V. Theory of the state and law: textbook. – 5th ed. – Moscow. – Publishing house "Delo" RANHiGS. – 2022. – 528 pages;
3. Rasskazov L.P. Theory of the state and law: an in-depth course: textbook. – Moscow. – RIOR: INFRA-M. – 2015. – 559 pages;
4. In the same place;
5. Andreeva T. K., Argunov V.V., Borisova E.A., Bocharova N.S. Civil procedure: textbook / edited by M.K. Treushnikov. – Moscow. – Gorodets Publishing House. – 2021. – 992 pages;
6. Gudkov L. D., Dubin B.V., Zorkaya N.A. The Russian judicial system in the public opinion // Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. – 2010. – No. 4. – Pp. 7–43;
7. McConnell K. R., Bru S.L., Flynn S.M. Economics: principles, problems and policy: textbook. – 21st ed. – Moscow. – INFRA-M. – 2021. – 1152 s;
8. Budget Code of the Russian Federation (as amended on December 26, 2024) No. 145-FZ dated July 31, 1998 (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 31. – Article 3823;
9. The Tax Code of the Russian Federation (as amended on 11/29/2024) dated 07/31/1998, No. 146-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 31. – Article 3824;
10. Shinkaryuk D.A. On the concept of a tax dispute // Bulletin of Omsk University. The Pravo series. – 2007. – No 2 (11). – P. 42–46;
11. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (as amended on 12/28/2024) dated 03/08/2015, No. 21-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 10. – Article 1391;
12. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (as amended on December 28, 2024) dated July 24, 2002, No. 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3012;
13. Kuzin S.A. Problems of reducing the burden on the staff of courts of general jurisdiction in the Russian Federation // Law and Power. – 2022. – No. 3. – Pp. 25–30;
14. Mosin E.F. Statistics of the results of tax dispute resolution in arbitration courts (2002–2009) // Finance and Business. – 2010. – No 3 (6). – Pp. 153–159;
15. Indicators of the activity of the Federal Tax Service of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <https://analytic.nalog.gov.ru>, free. – (date of request: 03/16/2025);
16. The Law of the Russian Federation dated 03/21/1991 No. 943–1 (as amended on 12/28/2022) "On the Tax authorities of the Russian Federation" (with amendments and additions, intro. effective from 05/18/2023) // Vedomosti SND and VS RSFSR. – 1991. – No 15. – Art. 492;
17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 01/31/2023 No. 5-P "In the case of checking the constitutionality of Articles 1, paragraph 1 of Article 2 and paragraph 2 of Article 138 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen N.N. Naleva" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 7. – St. 1193;
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/30/2013 No. 57 "On certain issues arising from the application by Arbitration Courts of Part One of the Tax Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2013. – No 10;
19. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 05/31/2023 No. F05–10150/2023 in case No. A41–92132/2022 // SPS Consultant-Plus;
20. Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2022 (as amended on December 26, 2024) "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended and supplemented, intro. effective from 03/01/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190;
21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/22/2021 No. 18 "On certain Issues of Pre-trial Settlement of Disputes Considered in Civil and Arbitration Proceedings" // Rossiyskaya gazeta. – 2021. – No 144;
22. McConnell K. R., Bru S.L., Flynn S.M. Economics: principles, problems and policy: textbook. – 21st ed. – Moscow. – INFRA-M. – 2021. – 1152 s;
23. Eriashvili N. D., Grigoriev A. I. "Tax schemes": the practice of their disclosure by tax authorities // Bulletin of Economic Security. – 2017. – No. 2. – Pp. 202–209;
24. Ryakhovsky D. I., Popova O.S. Business fragmentation: formation of criteria, building a line of protection from taxpayers // Property relations in the Russian Federation. – 2022. – No 7 (250). – Pp. 67–79;
25. Panov A.I. Legislative regulation of business fragmentation as a step towards streamlining and minimizing criminal repression in the field of taxation. – 2025. – No. 1. – Pp. 235–240;
26. Pinkevich T. V., Bakasov R.R. Organized crime in the Russian financial market // Gaps in Russian legislation. Law Journal. – 2023. – No. 7. – Pp. 180–185.

Цифровые платформы государственного управления и разграничение полномочий в единой системе публичной власти

Кудинов Алексей Сергеевич,

аспирант, Тверской государственный университет

В статье исследуются правовые аспекты внедрения цифровых платформ в систему публичной власти Российской Федерации в контексте разграничения полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами. Актуальность темы обусловлена курсом на цифровизацию государственного управления и недавними реформами законодательства – прежде всего, закреплением концепции единой системы публичной власти и обновлением законодательства о местном самоуправлении. Научная новизна работы состоит в комплексном анализе нормативной базы применительно к функционированию цифровых государственных платформ (Единый портал государственных и муниципальных услуг, платформа «ГосТех», центры управления регионом). Раскрываются нормативно-правовая основа цифровизации публичного управления; характеристики и примеры действующих цифровых платформ; проблемы разграничения полномочий и ответственности между уровнями публичной власти в условиях цифровой трансформации; позиции Конституционного Суда РФ по спорам о распределении обязанностей; подтверждённый региональный опыт (на примере Тверской области). Делается вывод о необходимости сбалансированного развития цифрового государства с учётом принципов федерализма и автономии местного самоуправления, а также о важности единых стандартов и координации в рамках единой системы публичной власти.

Ключевые слова: цифровые платформы, государственные услуги, местное самоуправление, единая система публичной власти, разграничение полномочий, Конституционный Суд РФ, центр управления регионом.

В последние годы в России проводится масштабная трансформация публичной власти, направленная на цифровизацию государственного управления и формирование единой системы публичной власти. Поправка к Конституции РФ 2020 года и принятый в развитие этих изменений Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ закрепили включение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, сохранив при этом их самостоятельность (ч. 6 ст. 1). Это создало новую правовую конструкцию, сочетающую автономию МСУ с централизованными механизмами цифровой координации.

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления разграничения полномочий в условиях стремительного развития цифровых платформ. Возникают вызовы правового регулирования – от защиты персональных данных и соблюдения Конституции при передаче функций на цифровые порталы до распределения финансовой ответственности за их эксплуатацию между уровнями власти. Формируется новая судебно-конституционная практика (например, по бюджетным спорам, связанным с цифровыми сервисами), а развитие инфраструктуры (ЦУРы, ГосТех и др.) требует выработки единых подходов. Конституционные нормы в обновлённой редакции (ст. 132) задают рамки, в которых федеральный законодатель вправе перераспределять цифровые компетенции, при условии соблюдения прав граждан и баланса между уровнями публичной власти.

Правовое регулирование цифровизации местного самоуправления основывается на ряде ключевых федеральных законов, формирующих рамки информационного взаимодействия, защиты персональных данных и оказания цифровых услуг. В их число входят законы № 149-ФЗ «Об информации...», № 152-ФЗ «О персональных данных», № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а также нормативные акты, регулирующие муниципальную службу и цифровую трансформацию публичной власти.

До 2025 года основным актом в сфере местного самоуправления оставался Закон № 131-ФЗ, который, несмотря на отсутствие прямых положений о цифровых технологиях, с течением времени был дополнен нормами о дистанционном участии и электронных процедурах. С принятием Федерального закона № 33-ФЗ от 20.03.2025 дано новое определение модели МСУ – в составе единой системы публичной власти, с возможностью нормативной вертикальной интеграции информационных систем региона и муниципалитетов. Это позволяет создавать единую цифровую экосистему, регулируемую в том числе на уровне субъектов РФ.

Значительное влияние оказывают и подзаконные акты – указы Президента РФ, в частности № 474 от 21.07.2020, государственные программы, ведомственные приказы и регламенты, которыми оформляется реализация цифровых решений. В ряде случаев цифровые механизмы апробируются через пилотные проекты, впоследствии получающие нормативное закрепление.

Цифровые платформы в системе публичной власти: федеральные и региональные примеры.

Под цифровой платформой государственного управления обычно понимается комплекс программно-технических средств, обеспечивающих массовое взаимодействие государства и общества посредством электронных сервисов. В России сформировался многоуровневый ландшафт таких платформ, среди которых можно выделить:

1. Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ, портал «Госуслуги»). Это центральный элемент электронного правительства, запущенный в промышленных масштабах с 2010 г. ЕПГУ представляет собой общероссийский веб-ресурс (gosuslugi.ru), на котором аккумулирована информация о всех государственных и муниципальных услугах, и через который граждане могут получать эти услуги онлайн. Правовой статус ЕПГУ определён Законом № 210-ФЗ и подзаконными актами. Портал выполняет функцию «единого окна»: заявители могут подать электронное заявление, приложить документы, оплатить госпошлину, получить результат услуги в электронной форме. Подключение региональных и муниципальных органов к ЕПГУ обеспечивается через инфраструктуру Системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ).

Практически это означает, что для гражданина уровень власти, ответственный за фактическое предоставление услуги, становится ме-

нее видим – взаимодействие происходит через единую точку доступа. Однако в бэк-офисе сохраняется разграничение компетенции: например, паспорта выдаёт федеральный орган (МВД), пособия назначает региональный или муниципальный орган, и хотя заявления подаются через единый портал, распределение по ведомствам идёт автоматически на основании настроек системы. Таким образом, ЕПГУ способствует централизации интерфейса получения услуг, но требует чёткого юридического разделения полномочий по оказанию услуг и обязанностей по финансированию той или иной услуги. Действующее законодательство (Закон № 210-ФЗ, Бюджетный кодекс и др.) привязывает каждую государственную или муниципальную услугу к конкретному уровню бюджета, однако в условиях единого портала возникает вопрос об ответственности за сбой: если услуга не оказана из-за технической ошибки портала, кто несёт ответственность – федеральный оператор системы или местный орган, по вине которого не пришёл ответ? Пока что данный вопрос решается через соглашения о взаимодействии и регламенты, а судебная практика только формируется.

2. Платформа «ГосТех». Это сравнительно новый проект, стартовавший с 2021 г., цель которого – создать единую облачную платформу для разработки и эксплуатации государственных информационных систем. Платформа «ГосТех» предназначена прежде всего для внутренних нужд государства: вместо разрозненных региональных или ведомственных дата-центров предполагается развернуть унифицированную среду с облачными сервисами (типовые модули, фреймворки, маркетплейс решений и т.п.), что позволит быстрее и дешевле запускать новые государственные информационные системы. Оператором «ГосТеха» является специально созданное Федеральное казённое учреждение «Государственные технологии» (ФКУ «ГосТех»). Согласно официальным данным, ФКУ «ГосТех» образовано 1 января 2021 г. распоряжением Правительства РФ № 3004-р от 16.11.2020 на базе Координационного центра, и является подведомственным Минцифры России, выполняя функцию оператора Единой цифровой платформы РФ «ГосТех».

С юридической точки зрения, в 2023 г. в Государственную Думу внесён отдельный законопроект «О единой цифровой платформе РФ «ГосТех», который призван урегулировать вопросы правового статуса этой платформы, взаимодействия с органами власти и защиты данных. Практическое значение «ГосТех» для разграничения полномочий состоит в том, что он предоставляет регионам и муниципалитетам унифицированные инструменты. Органы власти субъектов РФ смогут создавать свои информационные системы (например, системы управления образованием, здравоохранением, транспортом) не «с нуля», а используя общенациональную платформу. Это уменьшает цифровое неравенство регионов, но одновременно означает более строгую централизацию технологий. В перспективе «ГосТех» может стать инфраструктурным каркасом единой системы публичной власти, если все уровни перейдут на его решения. Однако возникают вопросы кибербезопасности и автономии: готовы ли субъекты РФ передать критичные системы на федеральную облачную платформу? На данный момент участие регионов добровольное, и переход проходит поэтапно, при координации Минцифры. Законодательное обеспечение проекта «ГосТех» ещё формируется, поэтому возможны конституционно-правовые коллизии, если обязательность платформы будет противоречить принципам федерализма или самостоятельности МСУ.

3. Цифровые платформы регионального управления (ЦУР и МЦУР). Существенным звеном в единой системе публичной власти стали центры управления регионом (ЦУР) – проект, реализованный во всех субъектах РФ по поручению Президента. ЦУР – это организационно-техническая платформа, в задачи которой входит сбор и анализ обращений граждан, мониторинг социально-экономической ситуации и контроль исполнения поручений на региональном уровне. Например, ЦУР Тверской области объединяет все цифровые сервисы правительства области, через которые поступают жалобы жителей (порталы, социальные сети, приложения).

Центры управления регионом (ЦУР) и их муниципальные аналоги (МЦУР) функционируют как цифровые каналы обратной связи с населением и инструмент вертикальной интеграции управления, обеспечивая оперативную обработку обращений и передачу информации на региональный и федеральный уровни. Их деятельность, как и других цифровых платформ (ЕПГУ, МФЦ, ГИС ЖКХ и др.), сопровождается нормативным перераспределением полномочий, что ставит под вопрос соответствие традиционной модели разграничения компетенций новым условиям цифрового управления.

Конституционный принцип разграничения полномочий (ст. 71–73 Конституции РФ) формировался в эпоху до цифровизации. Сегодня единые информационные системы объединяют участников из разных уровней власти, что вызывает коллизии компетенций, вопросов ответ-

ственности и финансирования. Например, муниципалитеты участвуют в федеральных проектах (ЦУР, ГосТех, МФЦ), но финансируют их частично из местного бюджета – при этом экономический эффект часто получает центр. Конституционный Суд РФ в Постановлении № 27-П/2023 отметил недопустимость возложения новых обязанностей без финансового обеспечения.

Также возникают проблемы юридической ответственности при комплексных электронных услугах (например, при «сервисе рождения ребёнка» через ЕПГУ). Несмотря на закреплённые регламенты, гражданин часто не знает, кто отвечает за сбой. В будущем может понадобиться институт единого координатора комплексных услуг. Вопросы доступности электронных сервисов также актуальны: обеспечение инфраструктуры и обучения граждан ложится на регионы и МСУ, что требует субсидирования и отражения в законодательстве.

КС РФ в Постановлении № 23-П/2021 указал, что электронное опубликование муниципальных актов допустимо, если обеспечены прозрачность и соблюдение прав граждан. Это стимулировало обновление уставов МСУ и создание региональных реестров публикаций. Суд также подтвердил в Постановлении № 55-П/2023, что передача обязанностей (например, по содержанию безнадзорных животных) допустима только с межбюджетной компенсацией и с возможностью нормативного распределения задач между уровнями власти.

Таким образом, цифровизация требует гибкой модели разграничения полномочий. Закон № 33-ФЗ уже допускает совместную реализацию задач, сетевое взаимодействие и соглашения. КС РФ выполняет роль гаранта баланса: он поддерживает цифровую модернизацию, но требует соблюдения принципов федерализма, прав человека и автономии МСУ. Опыт субъектов РФ, включая Тверскую область, подтверждает эффективность цифровых инициатив при координации с центром. В итоге формируется новая модель цифрового федерализма, где приоритетом остаются конституционные гарантии и справедливое распределение ответственности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.11.2025).
2. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Российская газета. – 2025. – 26 марта.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 № 23-П (г. Санкт-Петербург) «По делу о проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи 47 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Ю.Г. Ефремова» // Российская газета. – 2021. – 8 июня.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений ряда нормативных актов, возлагающих на органы местного самоуправления обязанности в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами...» // Российская газета. – 2023. – 9 июня.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2023 № 55-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 231 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой городского округа Архангельской области “Город Новодвинск”» // Российская газета. – 2023. – 18 декабря.
10. ГАУ «МФЦ» Тверская область. Услуги в электронном виде – [электронный ресурс] // Официальный портал МФЦ Тверской области. – URL: <https://mfc-tver.ru/links/> (дата обращения: 13.11.2025).
11. ТАСС. ФКУ «ГосТех» – [электронный ресурс] // Статья: «“ГосТех” может получить доступ к некоторым охраняемым законом тайнам», 23.10.2023. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19096081> (дата обращения: 13.11.2025)

12. Твериград. Центр управления регионом – [электронный ресурс] // Статья: «В Тверской области появился Центр управления регионом», 04.12.2020. – URL: <https://tverigrad.ru/publication/v-tverskoj-oblasti-pojavilsja-centr-upravlenija-regionom/> (дата обращения: 13.11.2025).

13. Журнал «Системы безопасности» – [электронный ресурс] // Статья: «ЦУР – единая платформа управления Подмосковьем в режиме 24/7», 2021. – URL: <https://www.secuteck.ru/articles/cur-edinaya-platforma-upravleniya-podmoskovem-v-rezhime-24-7> (дата обращения: 13.11.2025).

DIGITAL PLATFORMS OF PUBLIC ADMINISTRATION AND THE DELIMITATION OF POWERS WITHIN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY

Kudinov A.S.

Tver State University

The article examines the legal aspects of implementing digital platforms within the system of public authority in the Russian Federation, focusing on the delimitation of powers between federal, regional, and municipal bodies. The relevance of the topic stems from the national course toward digitalization of public administration and recent legislative reforms—most notably, the formalization of the unified system of public authority and the renewal of legislation on local self-government. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the regulatory framework in relation to the operation of digital government platforms (Unified Portal of Public and Municipal Services, “GosTech” platform, regional management centers). The article outlines the legal foundations of public administration digitalization; describes key characteristics and examples of operating digital platforms; identifies issues related to the division of powers and responsibilities among different levels of public authority in the context of digital transformation; and discusses the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on disputes concerning the allocation of duties. The study includes documented regional experience (with a focus on the Tver Region). The conclusion emphasizes the need for balanced development of the digital state, taking into account the principles of federalism and local self-government autonomy, as well as the importance of unified standards and coordination within the framework of the unified system of public authority.

Keywords: digital platforms, public services, local self-government, unified system of public authority, delimitation of powers, Constitutional Court of the Russian Federation, regional management center.

References

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020]. – Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: November 13, 2025).
2. Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ “On the General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority” // Rossiyskaya Gazeta. – March 26, 2025.
3. Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ “On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 40. – Art. 3822.
4. Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ “On the Organization of the Provision of State and Municipal Services” // SZ RF. – 2010. – No. 31. – Item 4179.
5. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies, and the Protection of Information” // SZ RF. – 2006. – No. 31 (Part I). – Item 3448.
6. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ “On Personal Data” // SZ RF. – 2006. – No. 31 (Part I). – Item 3451.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2021 No. 23-P (St. Petersburg) “On the Case of Reviewing the Constitutionality of Clause 6, Part 1, Article 44, Parts 1 and 3, Article 47 of the Federal Law “On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation” in Connection with the Complaint of Citizen Yu.G. Efremov” // Rossiyskaya Gazeta. – June 8, 2021.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 30, 2023 No. 27-P “On the Case of Reviewing the Constitutionality of the Provisions of a Number of Regulatory Acts Imposing Obligations on Local Government Bodies in the Sphere of Municipal Solid Waste Management...” // Rossiyskaya Gazeta. – June 9, 2023.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.12.2023 No. 55-P “On the case of verifying the constitutionality of paragraph 1 of Article 231 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the urban district of the Arkhangelsk region “City of Novodvinsk” // Rossiyskaya Gazeta. – 2023. – December 18.
10. State Autonomous Institution “MFC” Tver Region. Electronic Services – [electronic resource] // Official portal of the MFC of the Tver Region. – URL: <https://mfc-tver.ru/links/> (date of access: 13.11.2025).
11. TASS. Federal State Institution “GosTech” – [electronic resource] // Article: “GosTech may gain access to certain secrets protected by law”, 23.10.2023. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19096081> (date accessed: 13.11.2025).
12. Tvergrad. Regional Control Center – [electronic resource] // Article: “A Regional Control Center has appeared in the Tver Region”, 04.12.2020. – URL: <https://tverigrad.ru/publication/v-tverskoj-oblasti-pojavilsja-centr-upravlenija-regionom/> (date accessed: 13.11.2025).
13. Security Systems Magazine – [electronic resource] // Article: “The Central Control Center is a unified platform for managing the Moscow Region in 24/7 mode”, 2021. – URL: <https://www.secuteck.ru/articles/cur-edinaya-platforma-upravleniya-podmoskovem-v-rezhime-24-7> (accessed: 11/13/2025).

Малов Никита Михайлович,

аспирант, Всероссийского государственного университета юстиции

Появившись, как эрзац в условиях пандемии COVID-19, веб-конференция оформилась в качестве отдельного института процессуального права в гражданском и арбитражном процессах. Заложенный потенциал удалённого взаимодействия лиц с судом в условиях продолжающегося усиления цифровизации общества не исчерпал себя после закрепления в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве. В настоящей статье рассматриваются некоторые пути дальнейшего развития веб-конференции, от распространения на уголовный процесс до расширения возможностей её использования в гражданском процессе. На основании методов сравнения, анализа, конкретно-исторического, статистического и др. методов выявлена специфика уголовного процессуального права, препятствующая введению веб-конференции в отечественное законодательство, рассмотрены причины распространения веб-конференции в арбитражных судах и предложены способы развития веб-конференции в гражданском процессе во всех инстанциях. Автор приходит к выводу, что веб-конференция не может применяться в уголовном процессе, однако возможности её использования в гражданском и арбитражном процессах не исчерпаны. При этом сохраняется необходимость контроля технического состояния электронных ресурсов судов.

Ключевые слова: веб-конференция, видеоконференц-связь, уголовный процесс, гражданский процесс, цифровое правосудие.

Дистанционные способы участия в судебном процессе оформились в качестве институтов права относительно недавно. Их появление неразрывно связано с цифровизацией общественных отношений, ведущей к необходимости максимальной экономии ресурсов. Использование видеоконференц-связи (ВКС) и веб-конференции позволяет заинтересованному лицу участвовать в судебном заседании удалённо, что приводит к значительным преимуществам для всех участников процесса. Суд получает возможность обеспечить явку в процесс и сэкономить ресурсы, потраченные на отложение судебного заседания с неопределённым исходом, поскольку явка лиц в суд является непредсказуемым явлением. Стороны заседания, проходящего с использованием платформ для удалённого участия, экономят время и не несут дополнительные транспортные расходы вследствие сокращения числа потенциальных заседаний. Наконец, лицо, управомоченное процессуальным законом подать ходатайство о применении ВКС или веб-конференции, становится способным реализовать свои процессуальные права и обязанности без необходимости посещения здания суда, что является дополнительной гарантией реализации прав человека на доступ к суду и справедливое судебное разбирательство.

Веб-конференция в российском праве является новейшим способом участия в судебном процессе. Её широкое применение в начале третьего десятилетия XXI века было обусловлено необходимостью ограничения личного взаимодействия граждан с судом и друг другом в целях обеспечения защиты жизни и здоровья на пике пандемии COVID-19. Первоначальное применение веб-конференции происходило на интуитивных, а не законодательно регламентированных началах: использовались разнообразные, в т.ч. зарубежные, платформы при отсутствии процессуальных норм, регулирующих применение веб-конференции.

Уголовный процесс, в отличие от других, затрагивает права и свободы лиц, нарушенные в результате общественно опасных деяний. Ст. 6 УПК РФ, посвящённая назначению уголовного процесса, не упоминает выявление и осуждение виновного в качестве основного назначения процесса. Однако поимка и удержание подозреваемого в совершении преступления в известном месте является одним из основных интересов лиц, проводящих следствие или дознание. Так, заключение под стражу остаётся наиболее популярной мерой пресечения, поскольку лишает лицо возможности скрыться. В 2024 году общее число заключённых под стражу в период нахождения дела в производстве (17462 чел.) превышает число применения домашнего ареста (1503 чел.) [1].

Необходимость сохранения тайны следствия, присутствия лица, обвиняемого в совершении преступления и большая заинтересованность сторон в исходе дела приводит к тому, что применение дистанционных способов участия в судебном процессе становится ограниченным. Законодатель предусматривает возможность участия подсудимого в процессе «путём использования систем видео-конференц-связи» (ст. 241.6 УПК РФ). В отличие от веб-конференции, ВКС обеспечивает защищённую связь между судами и местами заключения под стражей или исполнения наказания, поэтому в целях процессуальной экономии возможен отход от непосредственности участия в уголовном процессе. Веб-конференция, требующая подключения к Интернету, в силу специфики уголовного процесса, в интересах следствия носящего карательный характер при подготовке дела к рассмотрению по существу, не может применяться столь же свободно, как в гражданском или арбитражном процессе. Обеспечение изоляции обвиняемого, невозможности его выхода на связь с потенциальными соучастниками, связанное с ограниченной свободой такого лица, препятствует введению веб-конференции даже на основаниях, аналогичных закону применению ВКС.

Применение веб-конференции в уголовном процессе также создаёт дополнительные процессуальные риски, не являющиеся существенными в иных процессах. На это указывают как работники следственных органов, так и исследователи юриспруденции. Например, Долженко В.В. отмечает, что «При использовании веб-конференции невозможно прямо в судебном заседании приобщить дополнительные доказательства или передать другой стороне не направленные заблаговременно ходатайство или письменную позицию, возникает проблема воспроизведения аудио-, видеозаписи как доказательств по делу» [2]. В.В. Ялков активно критикует «курс на «дематериали-

зацию» судебного процесса, основанный на аналогичных тенденциях гражданского оборота, активное использование информационных технологий с внедрением методов «бесконтактного» правосудия, когда общение суда и участников процесса происходит только в рамках «виртуального судебного пространства», на специальных судебных интернет-платформах и практически полностью осуществляется без личного контакта судьи со сторонами» [3, с. 45]. При обоснованности указанных выше базовых проблем, вытекающих из различия очного и дистанционного участия в судебном процессе, автор настоящей статьи убежден в необратимости процесса цифровизации общества в условиях отсутствия мировой войны. Поэтому обществу и государству необходимо развивать институты права, интегрирующие цифровые технологии в «сакральные», но неэффективные в новых условиях процедуры. Однако введение веб-конференции в отечественное уголовное судопроизводство в настоящее время не оправдано ни спецификой процесса, ни уровнем цифровизации судов общей юрисдикции.

Таким образом, в отличие от других отраслей процессуального права, наметившееся в уголовном процессе отставание во внедрении дистанционных способов участия в судебном процессе является оправданным. Риски нежелательных утечек персональных данных и охраняемых законом тайн в уголовном судопроизводстве представляют наибольшую угрозу жизни и здоровью людей, поэтому основания применения дистанционных способов участия в судебном процессе строго ограничены процессуальным законом. При этом необходимо отметить, что одним из негативных явлений в развитии институтов дистанционного участия в процессе является отсутствие унификации понятий в законодательстве, т.к. расшифровка аббревиатуры ВКС (видео-конференц-связь) в уголовном процессе отличается от аналогичной в других отраслях процессуального права (видеоконференц-связь), что вносит дополнительную путаницу в теоретическое исследование происхождения института видеоконференц-связи.

Наиболее перспективным является развитие веб-конференции в гражданском процессе в судах общей юрисдикции (СОЮ). В отличие от арбитражного процесса, в судах общей юрисдикции отсутствует схожий уровень унификации платформы, посредством которой осуществляется веб-конференция. Этому способствуют следующие причины.

1. Большое количество судов в системе СОЮ, привязанных к месту жительства лиц, участвующих в деле. Транспортные расходы участников процесса до обжалования решения первой инстанции, как правило, ниже, поскольку географически суды общей юрисдикции первой инстанции доступнее арбитражных.

2. Специфика процесса, связанная со сторонами дела. В большинстве споров как правило, не предполагается участие представителей органов государственной власти или крупных хозяйствующих субъектов, для которых явка в процесс может вызвать затруднение вследствие необходимости осуществления должностных и иных обязанностей.

3. Цена иска в гражданском процессе, как правило, ниже аналогичной в арбитражном, что позволяет заинтересованным лицам выразить свою позицию без личного взаимодействия с судом.

4. Финансирование компьютеризации многочисленных судов общей юрисдикции с унификацией программного обеспечения дорожке установления системы веб-конференции арбитражных судов.

Для массового использования веб-конференции в судах общей юрисдикции необходимо наличие массовой, универсальной платформы отечественного производства для бытового и корпоративного онлайн-общения с обязательной привязкой профиля пользователя к отечественной системе цифрового взаимодействия с государством. Условие о российском происхождении платформы веб-конференции обусловлено тем, что «Использование мессенджеров типа Skype, WhatsApp, Telegram и т.п. может показаться небезопасным, поскольку имеются сомнения в конфиденциальности сведений, переданных по данным каналам связи (приложения относятся к иностранному программному обеспечению)» [4]. С появлением национального мессенджера «МАХ» с привязкой к профилю лица на платформе «Госуслуги» появляется перспектива для интеграции функции групповых видеоконференций в судебный процесс. Основные проблемы в этой сфере связаны с наличием устойчивого сигнала, обеспечивающего подключение к Интернету, а также невозможностью стандартизации качества передаваемого изображения вследствие различных характеристик устройств пользователей. Однако возможность обеспечить явку в процесс в условиях перегруженности судов в сочетании с минимальными расходами на внедрение (по сравнению с разработкой и установкой автономной системы веб-конференции в арбитражных судах), по мнению автора, перевешивает негативные аспекты дистанционного взаимодействия суда с заинтересованными лицами.

В рамках установления концепции цифрового правосудия часто обсуждается полный переход на дистанционные способы взаимодействия с судом и даже роботизация аппарата судьи в целом и персоны судьи в частности. Автор настоящей статьи убежден, что текущий уровень научно-технического прогресса и наличие более актуальных для безопасности государства проблем не позволяют осуществлять наиболее смелые теоретические прогнозы. В целях экономии ресурсов до массового внедрения цифрового взаимодействия посредством национального мессенджера предлагается увеличение числа веб-конференций в зависимости от продвижения дела по инстанциям. Переход кассационной (проверочной) инстанции к предпочтительному рассмотрению дел онлайн теоретически снизит расходы лиц на посещение суда и наладит практически бесперебойную работу судебной инстанции в отсутствие необходимости обеспечения явки. В настоящее время дистанционное участие в судебном процессе возможно в результате удовлетворения ходатайства заинтересованного лица, поэтому суд лишён возможности самостоятельного осуществления перехода в цифровую сферу. Подобный переход в дальнейшем целесообразно начинать с надзорной и кассационной инстанций, где взаимодействие лиц с судом мало влияет на исход дела, рассмотренного по существу ранее.

Веб-конференция при неоднозначности первоначального применения вне процессуального закона не исчезла со спадом пандемии и продолжает активно применяться. При поддержании компьютерного оборудования судов в надлежащем состоянии и интеграции национальных платформ в судебную систему возможности её применения многократно возрастут при отсутствии необходимости поддержания локальных платформ в отдельных системах судов. И хотя традиционное очное взаимодействие между участниками процесса остаётся основным, отдельные шаги к цифровому правосудию являются реализуемыми даже в условиях санкционного давления. Необходимо понимать, что усиление цифровизации не означает необходимости движения к роботизации: явления, облегчающие взаимодействие лиц между собой и экономящие ресурсы судебной системы, должны вводиться в правоприменительную практику. Следует согласиться с мнением Е.А. Дьяковой, согласно которому следует надеяться на то, что практика возможности удалённого представления интересов в любом суде «перейдет и в суды общей юрисдикции с развитием информационных технологий» [5].

Литература

1. Судебная статистика РФ/Меры пресечения [Электронный ресурс] URL: <https://stat.apn-пресс.рф/stats/ug/t/13/s/14> (дата обращения: 15.01.2026)
2. Долженко В.В. Проблемные аспекты реализации систем веб-конференции в уголовном судопроизводстве (на примере зарубежных стран). «Научный аспект № 7–2024» – Право. Заголовок материала № 6.
3. Интервью с заведующим кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, заслуженным деятелем науки РФ, доктором юридических наук, профессором В.В. Ярковым // Юрист. 2019. № 9. С. 45.
4. Макеева И.А. Возможности внедрения системы веб-конференции в уголовном процессе на стадии предварительного расследования // Криминалист Ъ. 2025. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-vnedreniya-sistemy-veb-konferentsii-v-ugolovnom-protsesse-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 15.01.2026).
5. Количество поступающих в суды гражданских и административных дел растёт // Адвокатская газета 28.05.2025 [Электронный ресурс] URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kolichestvo-postupayushchikh-v-sudy-grazhdanskikh-i-administrativnykh-del-rastet/> (дата обращения: 15.01.2026)

DEVELOPMENT OF WEB CONFERENCING IN THE PROCEDURAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Malov N.M.

All-Russian State University of Justice

Having appeared as an ersatz product in the context of the COVID-19 pandemic, the web conference has taken shape as a separate institution of procedural law in civil and arbitration proceedings. The inherent potential for remote interaction of individuals with the court in the context of the ongoing increase in the digitalization of society has not exhausted itself after being consolidated in civil and arbitration procedural legislation. This article discusses some ways to further develop the web conference, from extending it to criminal proceedings to expanding its use in civil proceedings. Based on methods of comparison, analysis, specific historical, statistical, etc. The article identifies the specifics of criminal procedural law that prevents the introduction of a web conference into domestic legislation, examines the reasons for the spread of a web conference in arbitration courts, and suggests ways to

develop a web conference in civil proceedings in all instances. The author concludes that the web conference cannot be used in criminal proceedings, but the possibilities of its use in civil and arbitration proceedings have not been exhausted. At the same time, there remains a need to monitor the technical condition of ships' electronic resources.

Keywords: web conference, video conferencing, criminal procedure, civil procedure, digital justice.

References

1. Judicial Statistics of the Russian Federation/Preventive Measures [Electronic resource] URL: <https://stat.api.press.rf/stats/ug/t/13/s/14> (date accessed: 15.01.2026)
2. Dolzhenko V.V. Problematic Aspects of Implementing Web Conferencing Systems in Criminal Proceedings (using the Example of Foreign Countries). "Scientific Aspect No. 7–2024" – Law. Title of Material No. 6.

3. Interview with the Head of the Civil Procedure Department of the Ural State Law University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor V.V. Yarkov // Jurist. 2019. No. 9. P. 45.

4. Makeeva I.A. Possibilities of Implementing a Web Conferencing System in Criminal Proceedings at the Preliminary Investigation Stage // Kriminalist. 2025. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-vnedreniya-sistemy-web-konferentsii-v-ugolovnom-protsesse-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya> (date of access: 15.01.2026).

5. The number of civil and administrative cases submitted to the courts is growing // Advocate Newspaper, 28.05.2025 [Electronic resource] URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kolichestvo-postupayushchikh-v-sudy-grazhdanskikh-i-administrativnykh-del-rastet/> (date of access: 15.01.2026)

Электронная торговля как вид экономической деятельности: понятие и правовые проблемы регулирования

Махмудова Фарангиз Султонбой кызы,

аспирант кафедры административного и служебного права,
Южно-Российский институт управления – филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: makh.fara@bk.ru

Статья посвящена системе электронной торговли как одному из видов экономической деятельности понятие, которого не регламентировано нормативными правовыми документами Российской Федерации. Товарооборот в системе электронной торговли в стоимостном выражении ежегодно растет, что требует от государства разработки совершенствований государственного регулирования системы электронной торговли. Это также обусловлено тем, что при применении электронной торговли периодически возникают проблемные вопросы, например, на российских маркетплейсах реализуется большое количество контрафактной продукции, несмотря на то, что права правообладателей защищаются Гражданским кодексом Российской Федерации, а таможенные органы проводят таможенный контроль товаров в том числе для целей пресечения ввоза в страну товаров с нарушением прав на объекты интеллектуальной собственности. Помимо этого, существует проблема таможенного контроля за ввозимыми в Россию товарами для целей реализации на маркетплейсах, которая возникает из-за нарушения физическими лицами и индивидуальными предпринимателями порядка ввоза экспресс-грузов, а также из-за отсутствия регламентированных мер административной ответственности для владельцев маркетплейсов за нарушение правил реализации товаров на их торговых площадках.

Ключевые слова: экономическая деятельность, торговля, электронная торговля, маркетплейсы, государственное регулирование электронной торговли, проблемные вопросы государственного регулирования электронной торговли.

С учетом развития рыночной экономики и системы потребления товаров, и услуг в российскую и международную практику активно внедряется электронная торговля как вид экономической деятельности. Первое упоминание электронной торговли датируется 1969–1971 годами, когда в Соединенных Штатах Америки (далее – США) был изобретен Интернет и электронная торговля носила достаточно спорный характер. В названные периоды времени электронная торговля использовалась внутри известных американских вузов для распространения различных запрещенных веществ. В 1971 году на систему электронной торговли запрещенными веществами обратили внимание не только американские правоохранительные органы, но и Министерство торговли США, поскольку новая модель взаимодействия продавцов и покупателей не только упрощала торговлю товарами и услугами, но и делала этот процесс подконтрольным со стороны различных государственных органов.

Отметим, что до этого периода торговля в национальной и международной практике осуществлялась по принципу «товар-деньги-товар» или «услуга-деньги-услуга», в рамках которой продавцы и покупатели взаимодействовали напрямую без применения удаленного формата. По мере развития системы электронной торговли в США на нее стали обращать внимание и другие страны мира, например, Китай, Япония, Канада, Германия, Англия и т.д., но Российская Федерация внедрила электронную торговлю в свою практику только лишь в 2010 году. Это обусловлено тем, что в период с 1991–2010 годы российская экономика находилась в состоянии восстановления после распада СССР и множества экономических кризисов, и внедрение системы электронной торговли в нашей стране стало возможным только после стабилизации большого количества экономических и финансовых процессов.

Что касается понятия термина «электронная торговля», то на сегодняшний день оно не раскрыто ни в одном нормативном правовом документе России, однако в проекте Федерального закона № 11081–3 «Об электронной коммерции» (далее – проект Федерального закона «Об электронной коммерции») под электронной торговлей понимался электронный обмен документами об участниках процесса торговли товарами и услугами. Названный Федеральный закон не вступил в силу из-за того, что система электронной торговли постоянно меняется и развивается, и для того чтобы ее обречь нормативным правовым документом или нормативными правовыми документами, требуется дождаться пока все ее ключевые процессы будут эволюционированы до определенного уровня.

Так или иначе, понятие термина «электронная торговля», которое раскрывается в проекте Федерального закона «Об электронной коммерции», требует детализации поскольку не отражает ни цели применения электронной торговли, ни ее сущности, ни ее субъектов. Поэтому некоторые ученые, экономисты и представители международной торговли дают данному термину свое авторское определение. Например, Захарин Ю.С. под электронной торговлей понимает экономическую деятельность с применением информационных технологий, которые позволяют обмениваться товарами, данными о товарах и денежными средствами между продавцом и покупателем с применением удаленной формы[2].

Яськов А.А. под электронной торговлей понимает процесс продажи товаров и оказания услуг без непосредственного взаимодействия продавца и покупателя, с применением цифровых платформ, которые позволяют приобретать товары и услуги в электронном виде, осуществлять оплату товара и выстраивать транспортно-логистические процессы[4].

Если обобщить понятия термина «электронная торговля», то под электронной торговлей понимается дистанционное взаимодействие участников процесса торговли товарами и услугами с применением современных цифровых технологий. При этом, к участникам процесса электронной торговли относят:

- продавцов товаров и услуг;
- покупателей товаров и услуг;
- уполномоченные государственные органы, которые осуществляют контроль за перемещением товаров и денежными средствами;
- уполномоченные банки и электронные платежные системы;
- транспортные компании, которые осуществляют доставку товаров;

– цифровые платформы (маркетплейсы), которые соединяют всех участников процесса электронной торговли в единую систему.

Данные международной статистики указывают на то, что за последние 5 лет объем рынка электронной торговли постоянно растет в стоимостном и весовом выражении. По данным информационного агентства РБК в 2024 году объем электронной торговли товарами составил в стоимостном выражении 6,09 трлн долл. США, что на 8,4% больше, чем в 2023 году (см. рис. 1).

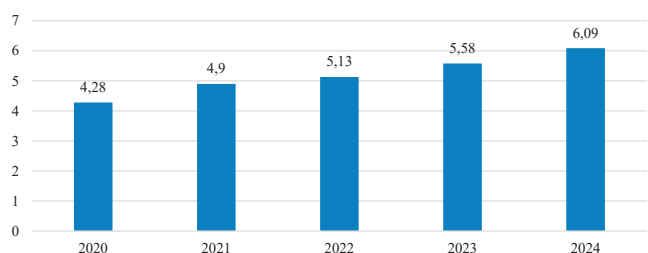

Рис. 1. Динамика объем мирового рынка электронной торговли товарами за 2020–2024 годы, трлн долл. США [5].

Данные рисунка 1 свидетельствуют о перманентном увеличении объема электронной торговли товарами в стоимостном выражении, при этом, существенное увеличение объема электронной торговли товарами наблюдалось в 2020 году по сравнению с 2019 годом. На это повлияла пандемия коронавируса, которая на определенный период времени сделала невозможным оффлайн-торговлю, поскольку большинство торговых площадок были закрыты на карантин. По мере того как противоэпидемные ограничения послаблялись интерес к электронной торговле со стороны потребителей не снижался, поскольку электронная торговля имеет ряд преимуществ в сравнении с классической формой покупки товаров:

- существенная экономия времени на покупки (покупателю не нужно тратить большое количество времени на хождение по оффлайн-магазинам, примерку и выбор товаров);
- удобная форма доставки товаров по принципу «до двери»;
- отсутствие в ряде маркетплейсов предоплаты за товары (покупатель имеет возможность сначала примерить товар, проверить его качественные характеристики и только после этого осуществить оплату);
- продавцам не нужно арендовать коммерческие помещения и устраивать их (при торговле на маркетплейсах продавец пользуется складом маркетплейса и уплачивает только процент от продажи товаров);
- повышается эффективность рекламных интеграций за счет сокращения времени с того момента как покупатель узнал о товаре и захотел его купить, до момента фактической покупки товара и т.д.[3].

Следовательно, факторы, которые негативным образом влияют на систему оффлайн-торговли такие как: нестабильный курс валют, торговые санкции, повышение ставок таможенных платежей и т.д., не оказывают негативного влияния на электронную торговлю и электронный товарооборот регулярно увеличивается.

Не смотря на все преимущества, применение электронной торговли связано с некоторыми проблемными вопросами. Одной из проблем является отсутствие в России нормативного правового документа, который бы регулировал деятельность владельцев маркетплейсов как отдельных субъектов электронной торговли. Это провоцирует следующие негативные последствия при контроле за деятельностью владельцев маркетплейсов и продавцов товаров со стороны государственных органов:

- трудности в привлечении владельцев маркетплейсов к ответственности за нарушение национальных правил торговли товарами, а также соблюдения прав на объекты интеллектуальной собственности (владельцы маркетплейсов не являются прямыми продавцами товаров, а также законными коммерческими посредниками, поэтому в России не регламентирована на законодательном уровне солидарная ответственность продавцов товаров и владельцев маркетплейсов за совершение торговых нарушений);
- применение продавцами товаров так называемой системы КАРГО, которая не позволяет оперативно выявлять ввоз в Россию контрафактных товаров (российские маркетплейсы не несут ответственность за реализацию на их торговых площадках товаров с признаками недекларирования или недостоверного декларирования);
- нарушение интересов потребителей товаров (недобросовестные продавцы не уделяют должного внимания качественным характеристикам товаров, что может негативным образом влиять на жизнь и здоровье потребителей);

– нарушение интересов государства (недекларирование или недостоверное декларирование товаров провоцирует неуплату или неполную уплату таможенных платежей, которые аккумулируются в доходной части государственного бюджета);

– нарушение интересов правообладателей (на российских маркетплейсах реализуется большее количество контрафактной продукции, что снижает значение финансово-экономических показателей деятельности правообладателей) и т.д.

Для решения данной проблемы целесообразно разработать нормативный правовой документ, который будет регламентировать роль и место владельцев российских маркетплейсов в системе электронной торговли или доработать существующий проект Федерального закона «Об электронной коммерции». Вне зависимости от того по какому пути пойдет законодательная власть в нашей стране правовой документ должен отражать:

- понятие владельца маркетплейса и закрепление за ним статуса коммерческого посредника для продавцов товаров;
- понятие продавца товара на маркетплейсе с регламентированием его прав и обязанностей;
- обязанность владельца маркетплейса интегрировать в свою деятельность систему управления рисками (таможенных, налоговых, потребительских и т.д.);
- требования к продавцам товаров для регистрации на российских маркетплейсах (например, наличие у продавца товаров полного пакета таможенных документов, в том числе выпущенной таможенной декларации, если реализуемый товар имеет иностранное происхождение, наличие на товарах кодов маркировки по системе «Честный знак» если товар подпадает под обязательную маркировку);
- предоставление уполномоченным государственным органам доступа к базе данных маркетплейса при необходимости проведения контрольных мероприятий в отношении того или иного продавца товаров;
- солидарную правовую ответственность (административную и уголовную) между продавцом и владельцем маркетплейса за реализацию на маркетплейсе контрафактных товаров и т.д.

Нормативный правовой документ должен на законодательном уровне регламентировать тот факт, что владельцы маркетплейсов участвуют в процессе реализации товаров как полноценные коммерческие посредники, поскольку напрямую способствуют реализации товаров: обеспечивают информирование покупателей о наличии у продавца той или иной категории товара; способствуют повышению конкурентоспособности продавцов товаров на отраслевом рынке за счет применения системы рейтинга продавцов; обеспечивают хранение и транспортировку товара от продавца к покупателю; способствуют движению денежных средств от продавца к покупателю и развитию внешнеэкономической деятельности.

При регламентировании нормативного правового документа в сфере регулирования деятельности владельцев маркетплейсов произойдет отсеивание недобросовестных импортеров товаров, которые осуществляют импорт с нарушением таможенного и (или) налогового законодательства, поскольку одной из обязанностей владельцев маркетплейсов будет не только проверка деятельности продавца как индивидуального предпринимателя или юридического лица, но и проверка законности ввоза товара в Россию.

Отдельное внимание стоит уделить системе управления рисками при регистрации продавца на маркетплейсе, поскольку похожая система внедрена в деятельность таможенных и налоговых органов, и позволяет риск-категорировать декларантов товаров на основании чего таможенные и налоговые органы принимают решение о применении в отношении декларанта и его товара форм таможенного и налогового контроля. Например, при риск-категорировании декларанта таможенные органы учитывают:

- срок осуществления внешнеэкономической деятельности (как долго декларант импортирует или экспортирует товары);
- категорию декларируемых товаров (подпадает ли товар под дополнительные формы государственного контроля);
- количество задекларированных товаров за последние 6 месяцев (частота движения товаров в международном сообщении продавцом или покупателем которых является декларант);
- факт привлечения декларанта к ответственности за нарушение таможенных и налоговых правил;
- наличие в пакете товаросопроводительных документов разрешительных документов, подтверждающих прохождение товаром дополнительных форм государственного контроля;
- наличие маркировки товаров, если таковые подпадают под ту или иную систему маркировки и т.д.

Данная информация обрабатывается таможенными органами в автоматическом режиме, что существенно сокращает время анализа де-

тельности декларанта. Поэтому, при регистрации продавца товара на маркетплейсе ему может быть предложена соответствующая форма, которая будет обрабатываться с применением интеллектуального анализа данных, после чего продавцу будет присваиваться уровень риска, например:

- зеленый уровень риска будет означать полную готовность продавца товара осуществлять свою деятельность на маркетплейсе;
- оранжевый уровень риска будет означать наличие у продавца неполного пакета документов на товар или отсутствие полноты информации о своей деятельности;
- красный уровень риска будет означать, что продавец товара грубо нарушает таможенное и (или) налоговое законодательство и его товар не может реализовываться на маркетплейсе.

При этом, информация о продавцах товаров с красным уровнем риска будет передаваться в таможенные и налоговые органы для проведения проверочных мероприятий со стороны уполномоченных государственных органов. Это будет обеспечивать принцип информационного взаимодействия между владельцами маркетплейсов и государственными органами, что сделает систему реализации иностранных товаров на российских маркетплейсах прозрачной и безопасной для конечных потребителей и правообладателей. В дальнейшем положения нового нормативного правового документа в сфере регулирования деятельности владельцев маркетплейсов могут быть взяты за основу для разработки нормативной правовой базы в сфере регулирования деятельности операторов электронной торговли[1].

Таким образом, электронная торговля является полноценной экономической деятельностью, в рамках которой продавцы товаров имеют возможность максимизировать свою прибыль, а государство получает денежные средства в виде налоговых и таможенных отчислений. На сегодняшний день в России не регламентировано понятие термина «электронная торговля», однако система электронной торговли постоянно развивается и пользуется большой популярностью как со стороны российских, так и со стороны иностранных покупателей товаров. При применении электронной торговли периодически возникают проблемные вопросы, которые требуют решения. Одной из проблем является отсутствие в России самостоятельного нормативного правового документа в сфере регулирования деятельности владельцев маркетплейсов. Его создание позволит: регламентировать понятие владельца маркетплейса и его статус коммерческого посредника для продавцов товаров; обязать владельцев маркетплейсов внедрять при регистрации продавцов товаров систему управления рисками; на регулярной основе осуществлять информационное взаимодействие с таможенными и налоговыми органами.

Литература

1. Жуйвэн Г. Перспективы и вызовы интеграции трансграничной электронной торговли в систему международной торговли Российской Федерации / Г. Жуйвэн // Вопросы природопользования. 2024. Т. 3. № 6. С. 135–145.
2. Захарин Ю.С. История возникновения и развития электронной торговли / Ю.С. Захарин // Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. 2022. С. 141–143.
3. Мартынов А.В. Системы и формы электронной торговли в условиях цифрового этапа развития общества / А.В. Мартынов // Молодые экономисты – будущему России. 2023. С. 363–365.
4. Яськов А.А. Законодательное регулирование электронной торговли на маркетплейсах в странах ЕАЭС в системе международного права / А.А. Яськов // Юридическая наука. 2024. № 5. С. 379–388.
5. Официальный сайт информационного агентства РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru> (дата обращения: 14.01.2026)

E-COMMERCE AS A TYPE OF ECONOMIC ACTIVITY: CONCEPT AND LEGAL PROBLEMS OF REGULATION

Makhmudova F.

South Russian Institute of Management – branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the e-commerce system as one of the types of economic activity, the concept of which is not regulated by the regulatory legal documents of the Russian Federation. The turnover in the e-commerce system in value terms is growing every year, which requires the state to develop improvements in the state regulation of the e-commerce system. This is also due to the fact that there are occasional problems with the use of e-commerce, such as the sale of large amounts of counterfeit products on Russian marketplaces, despite the fact that the rights of copyright holders are protected by the Civil Code of the Russian Federation, and customs authorities conduct customs control of goods, including for the purpose of preventing the import of goods that violate intellectual property rights. In addition, there is a problem with customs control over goods imported into Russia for sale on marketplaces, which arises due to violations by individuals and individual entrepreneurs of the procedure for using express cargo, as well as due to the lack of regulated administrative penalties for marketplace owners for violating the rules for selling goods on their marketplaces.

Keywords: economic activity, trade, e-commerce, marketplaces, state regulation of e-commerce, problematic issues of state regulation of e-commerce.

References

1. Zhuyven G. Prospects and Challenges of Integrating Cross-Border Electronic Trade into the International Trade System of the Russian Federation / G. Zhuyven // Environmental Management Issues. 2024. Vol. 3. No. 6. Pp. 135–145.
2. Zaharin Y.S. The History of the Emergence and Development of Electronic Trade / Y.S. Zaharin // Collection of Articles of the VI International Scientific and Practical Conference. 2022. Pp. 141–143.
3. Martynov A.V. Systems and Forms of Electronic Commerce in the Digital Stage of Society's Development / A.V. Martynov // Young Economists for the Future of Russia. 2023. Pp. 363–365.
4. Yas'kov A.A. Legislative Regulation of Electronic Commerce on Marketplaces in the EAEU Countries in the System of International Law / A.A. Yas'kov // Legal Science. 2024. No. 5. Pp. 379–388.
5. Official website of the RBC news agency. [Electronic resource]. URL: <https://trends.rbc.ru>. (accessed: 14.01.2026)

Мелентьев Александр Александрович,

инженер по эксплуатации и ремонту сельскохозяйственной техники, ИП Мелентьев Д.А.
E-mail: melentyev71@gmail.com

Статья посвящена теме особенностей использования земель для садоводства и огородничества в России. Её актуальность заключается в многомиллионном количестве садоводов и огородников в России. Особое внимание уделяется истории порядка использования земель для садоводства и огородничества, порядку предоставления земельных участков для садоводства и огородничества из земель муниципальной и государственной собственности, содержанию права землепользования для ведения садоводства и огородничества.

Целями настоящей статьи являются:

– закрепление знаний, умений и навыков, полученных в ходе обучения автора статьи в магистратуре ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии», и освоения им специальности «землеустройство и кадастры», направление подготовки «земельно-имущественные правоотношения»;

– повторение и обобщение основных результатов исследований, проведённых выпускником (автором статьи) в магистерской диссертации, по теме особенностей использования земель для садоводства и огородничества;

В качестве способов получения достоверных научных знаний, умений, практических навыков и данных в настоящей работе использовались: изучение и анализ законов и нормативно-правовых актов; изучение и обобщение отечественной практики; моделирование, сравнение, анализ, синтез. По результатам исследования сформулированы проблемы и рекомендации по их разрешению.

Планомерная работа по совершенствованию законодательного и нормативно-правового регулирования использования земель для садоводства и огородничества, а также работа по усилению мер поддержки садоводов и огородников являются выводами исследования.

Ключевые слова: садоводство, огородничество, земельное право, предоставление земельных участков.

Введение

В настоящей научной статье в краткой и доступной форме изложены особенности использования земель для садоводства и огородничества. Сформулированные особенности образовались в ходе исторического использования земель для садоводства и огородничества. Информация по этому вопросу имеется относительно периодов Российской империи, СССР и Российской Федерации. Из такого исторического использования выделились отдельные составляющие части: садоводческие и огороднические товарищества, виды и процедуры приобретения прав на садовые и огородные земельные участки, порядок образования таких земельных участков, соответствующая градостроительная документация, земельные права и обязанности, ответственность за нарушение правового режима.

Земельные участки для садоводства в XVIII–XIX веках выступали в качестве дополнительного загородного жилья, которое считалось престижным и использовалось для отдыха. На дачах зачастую размещались сады. Огороды в этот же период истории и ранее использовались сельскими жителями, крестьянами для возделывания земли и получения сельскохозяйственной продукции, удовлетворения нужд в питании [8]. Данные исторические соотношения предназначений садов и огородов в XVIII–XIX веках с современным представлением отражают существующий смысл, закреплённый современным российским законодательством относительно садовых и огородных земельных участков. Подлинно известно, что сады имели правители. Их приближённые, аристократия, знатные люди, военные, феодалы, помещики получали земли от правителей площадью до нескольких тысяч гектар на основании указов за выдающиеся заслуги перед отечеством [11].

В Советской России одной из форм кооперации, связанной с темой статьи, являлись общественные организации в форме кооперативов. Садово-огороднические товарищества стали появляться в период коллективизации 1928–1930 годов по образцу Российской Империи на свободных землях вблизи промышленных центров для освоения территории, улучшения положения пролетариата. Основной смысл садово-огороднических кооперативов заключался в централизованном выделении садовых и огородных земельных участков, их управлении и контроле за использованием в целях удовлетворения потребности населения плодовых и ягодных культур. Управление товариществами осуществлялось учреждениями, предприятиями, организациями, от которых и были даны названия многим современным садовым и огородным товариществам, контроль осуществлялся органами власти. Земельные участки выделялись для простых рабочих в разное время от 4 до 12 соток. На территории таких участков строились домики для проживания в летнее время высотой не более одного этажа, которые имели площадь от 6 до 50 квадратных метров, в зависимости от года и местности [9].

Первым нормативно-правовым актом, регулирующим ведение огородничества в России, стало постановление ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1933 года «О развертывании индивидуального рабочего огородничества». В годы Великой отечественной войны для обеспечения продовольственной безопасности и предотвращения массового голода среди населения принимаются постановление ЦК ВКП(б) и СНК от 7 апреля 1942 года «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих», постановления СНК от 19 февраля 1944 года и от 4 ноября 1944 года «О закреплении за предприятиями и учреждениями земельных участков, отведенных под индивидуальные огороды рабочих и служащих» и «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 году».

По хронологии лет принимаются новые скорректированные в соответствии с меняющейся политической конъюнктурой в стране и дополненные недостающими данными о порядке использования садовых и огородных земельных участков типовые уставы садоводческих и огороднических товариществ в 1966, 1985 и 1988 годах [9].

В связи с прекращением существования Советского Союза образовались недостатки в законодательной базе Российской Федерации касательно темы статьи, основной упор был сделан на частную собственность и инициативу. Появилась проблема, необходимость фактически спорным владельцам большого количества незарегистрированных объектов недвижимости оформить её в собственность. Отчасти

разрешили эту проблему, так называемой, «дачной амнистией». Она вступила в силу в 2006 году и предусматривает упрощённый порядок регистрации садовых, огородных земельных участков и построек на территории этих участков. Упрощённая процедура действует только для объектов недвижимости, которые были предоставлены до введения в действия Земельного кодекса Российской Федерации. Выделяют существование трёх процедур упрощённого порядка регистрации объектов недвижимости, в том числе связанных с ведением садоводства и огородничества. Для граждан, которые имеют документы прав на землю, подтверждающие право постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения или неопределённого вида права на землю действует разрешительная процедура регистрации права собственности в органе регистрации прав. Для граждан, которые имеют документы, подтверждающие членство в садовом или огородническом товариществе, описание местоположения границ объекта недвижимости, документ о праве на объект недвижимости товарищества, выписка из Единого государственного реестра юридических лиц о товариществе, действует заявительная процедура регистрации объекта недвижимости, требующая принятия решения органом власти, а на основе него регистрации. Также была выделена, как отдельная процедура упрощённого порядка регистрации объектов недвижимости для садоводства и огородничества, предоставление в собственность садовому или огородному товариществу земельных участков общего пользования под строения общего назначения или коммуникации. Особенностью процедур регистрации объектов недвижимости при наличии документов, которые содержат информацию о правах на объект недвижимости или на членство в садовом или огородном товариществе, является также способность наследников зарегистрировать существующие, но не зарегистрированные права умершего по упрощённому порядку [10].

В настоящее время земельные участки, предназначенные для ведения садоводства или огородничества, могут использоваться правообладателями на правах собственности, общей долевой собственности, пожизненного наследуемого владения, постоянного (бессрочного) пользования, аренды, в том числе с множественностью лиц на стороне арендатора и безвозмездного пользования. Приобретение земельных участков возможно по гражданско-правовым договорам и по решениям органов власти. Процедуры предоставления земельных участков из государственной или муниципальной собственности регулируются Земельным кодексом России, в особенности статьями 39.1–39.22 главы V.1 [3]. Виды и процедуры приобретения прав на садовые и огородные земельные участки из земель государственной или муниципальной собственности:

- право собственности или аренды садового или огородного земельного участка, приобретённое в результате торгов;
- земельный участок для ведения садоводства и огородничества на праве собственности, приобретённый без торгов;
- предоставление земельного участка общего назначения в границах территории садоводства и огородничества на праве общей долевой собственности без торгов;
- право аренды садового или огородного земельного участка без торгов;
- предоставление садового или огородного земельного участка на праве аренды с множественностью лиц на стороне арендатора;
- предоставление земельного участка, предназначенного для ведения садоводства или огородничества в безвозмездное пользование сроком на 5 лет садоводческому или огородническому товариществу.

Необходимым условием процедуры предоставления права на земельный участок для садоводства и огородничества из земель государственной или муниципальной собственности является образование земельного участка. Один из шагов образования земельного участка – заявление в орган местного самоуправления, с приложенной к нему схемой расположения земельного участка на кадастровом плане территории, которая должна быть утверждена органом власти, в пределах элемента планировочной структуры, в которой предусмотрено создание земельных участков для садоводства или огородничества. Утверждённая схема расположения земельного участка на кадастровом плане территории является основанием для проведения кадастровых работ в отношении образуемого земельного участка. Результатом проведения кадастровых работ является межевой план, суть которого заключается в согласовании границ земельного участка и закреплении этих границ. Утверждённая схема является одним из разделов межевого плана. Межевой план подготавливается кадастровым инженером на основании договора между кадастровым инженером и лицом, заинтересованным в образовании земельного участка. Результатом образования земельного участка в процессе процедуры приобретения права на такой земельный участок является государственный кадастровый

учёт земельного участка, а основанием для постановки на государственный кадастровый учёт служит заявление, поданное в орган регистрации прав, об осуществлении данного действия с приложением к нему на оптическом диске межевого плана. Порядок образования и последующего предоставления земельного участка садовому или огородному товариществу из земель государственной или муниципальной собственности, а после членам такого товарищества усложняется необходимостью:

- подготовки проекта планировки территории для определения границ садоводства и огородничества;
- подготовки проекта межевания территории в отношении предоставленного в безвозмездное пользование земельного участка для садоводства и огородничества товариществу, и решения о распределении земельных участков между членами товарищества [3].

Определение и образование границ садоводства и огородничества, садовых, огородных и общего назначения земельных участков называется планировкой территории и регулируется главой 5 Градостроительного кодекса Российской Федерации. Проект планировки территории состоит из основной части, которая подлежит утверждению, и материалов по её обоснованию. Основная часть проекта планировки территории должна содержать чертежи планировки территории с красными линиями, границами элементов планировочных структур «территория ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд», территорий общего пользования и зон размещения объектов капитального строительства, характеристику планируемого развития территории и очерёдность развития территории.

Проект планировки территории является основой для выполнения проекта межевания территории, сущность которого заключается в образовании земельных участков из исходного земельного участка, в отношении которого был составлен проект планировки территории, для предоставления членам садоводческого или огороднического товарищества и выделения земельных участков общего назначения. Проект межевания территории может подготавливаться, как в одном документе с проектом планировки территории, так и отдельно. Проект планировки территории является основой для создания проекта межевания территории. Проект межевания территории может подготавливаться и без проекта планировки территории в случае, если:

- не требуется выделение нового элемента планировочной структуры в градостроительном плане муниципального образования,
- не предусмотрено возведение объектов капитального строительства [6].

Граждане, ведущие садоводство и огородничество имеют соответствующие земельные права и обязанности:

- общие права и обязанности, присущие всем собственникам земельных участков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам;
- права и обязанности, вытекающие из ведения садоводства и огородничества;
- права и обязанности, обусловленные членством в садоводческом или огородническом некоммерческом товариществе.

К таким земельным правам и обязанностям можно отнести использование земельного участка в соответствии с целевым назначением, «сельскохозяйственное назначение», «земли населённых пунктов, и видом разрешённого использования «садоводство», «ведение садоводства», «огородничество», «земельные участки общего пользования». Кроме того, к этому можно отнести охрану, сохранение земель, недопущение вреда и негативного воздействия от использования земли и на земли, своевременная плата за землю в полном объёме, соблюдение правил использования. К основным правам и обязанностям членов садовых и огородных товариществ можно отнести: участие в делах товарищества, уплата членских взносов, исполнение решений товарищества, соблюдение прав других членов [7].

Помимо земельных прав и обязанностей у садоводов и огородников существует ответственность за нарушение правового режима использования садовых и огородных земельных участков. Существуют общие правонарушения, присущие в целом земельно-имущественным правоотношениям, и правонарушения в сфере сельского хозяйства, как области, в которой осуществляется ведение садоводства и огородничества. Эти правонарушения затрагивают следующие отрасли права: трудовое, гражданское, административное, уголовное. Земельные административные правонарушения классифицируются по нескольким группам:

- правонарушения в области использования земли и земельных участков, которые регулируются статьями 8.7. и 8.8. КоАП РФ;
- правонарушения, которые наносят ущерб земельному участку, земле в качестве природного объекта, которые также являются экологическими правонарушениями, регулируются статьями 8.3., 8.6., 8.12. КоАП РФ;

– правонарушения, которые посягают на право собственности и другие права на землю и земельные участки в качестве объектов недвижимости, регулируются статьями 7.1., 7.2., 7.4., 7.9., 7.10. КоАП РФ;

– в соответствии со статьями 19.9., 19.21. КоАП РФ правонарушения в области земельного управления [4].

В Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрено исчерпывающее количество составов преступных общественно опасных деяний в сфере использования и охраны земель и земельных участков, их шесть:

– статья 246, нарушение правил окружающей среды при производстве работ;

– в соответствии со статьёй 254 порча земель, отравление или загрязнение вредными веществами;

– в соответствии со статьёй 170 государственная регистрация незаконных сделок, занижение платежей за землю, искажение данных единого государственного реестра недвижимости;

– в соответствии со статьёй 167 умышленное уничтожение или повреждение имущества, повлёкшее причинение значительного ущерба;

– в соответствии со статьёй 168 уничтожение или повреждение имущества по неосторожности, в результате которого был нанесён крупный ущерб;

– в соответствии со статьёй 179 принуждение к совершению сделки или отказ от её совершения под угрозой насилия, повреждения или уничтожения чужого имущества [5].

Гражданско-правовая ответственность в сфере земельно-имущественных правоотношений представляет собой решение, ответ с позиции гражданского права, гражданского оборота и имущественных отношений субъекту правонарушения, которые наступают при несоблюдении норм земельного права в части касающейся Гражданского кодекса РФ.

Статья 15 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит в себе понятие «убытки», расходы, которые осуществил потерпевший по гражданскому делу, чьи права и свободы были нарушены, и которые необходимо было произвести, чтобы компенсировать вред от нарушения прав и свобод либо восстановить нарушенные права и свободы. Помимо убытков есть и другие формы гражданско-правовой ответственности: в соответствии со статьями 330 и 381 Гражданского кодекса Российской Федерации – штрафная, уплата неустойки; запретительная; в соответствии со статьёй 445 Гражданского кодекса России – понуждение к совершению каких-либо действий, например, к заключению договора. Вред, который причинён вследствие нарушения, проблем с исполнением договора, компенсируется по статьям 393–406 Гражданского кодекса Российской Федерации и нормам, которые регулируют отдельные виды обязательств по договорам. Вред, причинённый лицом, у которого отсутствует договор гражданско-правового характера с истцом, компенсируется в соответствии с правовыми нормами статей 1084–1094 Гражданского кодекса России [2].

За правонарушения в сфере земельно-имущественных правоотношений существует дисциплинарная ответственность. Исходя из общего смысла, дисциплинарная ответственность – это юридическая ответственность, связанная с подчинённостью работников по службе в организации за проступки, которые связаны с трудовой деятельностью, если не могут быть идентифицированы в качестве административных правонарушений или преступлений.

Материалы и методы

В качестве материалов для написания настоящей статьи на тему особенностей использования земель для садоводства и огородничества использовались электронные источники информации, расположенные в телекоммуникационной сети «Интернет». В них представлены законы, нормативно-правовые акты, другие научные статьи, публицистические статьи, исторические обзоры. В качестве методов исследования в настоящем труде использовались изучение, анализ и обобщение используемых материалов, моделирование, сравнение, синтез.

Литературный обзор

Источниками к написанию работы стали Конституция Российская Федерация, федеральные законы, ненормативные акты, учебные пособия по земельному праву, таких авторов, как С.А. Боголюбов, Г.В. Романова, В.Х. Улюкаев, В.Э. Чуркин, научные статьи таких авторов, как Гузова И.В., Черезова Н.В., Серёгина Т.С.

Результаты

В ходе проведённого исследования по теме научной статьи автором были выявлены проблемы:

– усложнение процедуры «дачной амнистии» при неправомерном отъёме органами местного самоуправления для лиц, имеющих тяжелое

материальное положение, не имеющих возможности судебного разбирательства;

– наличие нарушений законодательства в виде несоблюдения градостроительных правил на садовых земельных участках;

– отсутствие льготного кредитования садоводов и огородников;

– наличие брошенных земель и земельных участков для садоводства;

– отсутствие в некоторых муниципальных образованиях свободных земель для ведения садоводства.

Основными рекомендациями по решению выявленных проблем, по мнению автора настоящей научной статьи, могут являться:

– законодательное и нормативно-правовое закрепление разрешений на строительство на садовом или огородном земельном участке с целью предотвращения нарушений СНиП и правил землепользования и застройки на ранних стадиях ввиду значительных затрат на снос или перестройку объектов капитального строительства;

– возвращение в законодательство положения о льготном кредитовании садоводов и огородников, разработка порядка и процедуры предоставления льготных кредитов садоводам и огородникам, субсидий на выдачу льготных кредитов;

– ужесточение надзора за использованием земельных участков с целью их возможного перераспределения и освобождения в муниципальных образованиях, в которых отсутствуют свободные земли для садоводства или их мало.

Обсуждение

Для совершенствования законодательства с целью соблюдения градостроительных правил на садовых и огородных земельных участках целесообразно рекомендовать регламентировать выдачу разрешений на объекты капитального строительства на садовом или огородном земельном участке. Оно должно содержать основную информацию, необходимую для пресечения нарушения градостроительных правил вовремя, например, кадастровый номер земельного участка, на котором будет осуществляться строительство, месторасположение этого земельного участка, этапы и сроки строительства. Внести изменения в статью Земельного кодекса России о муниципальном надзоре за землями, и Закон о местном самоуправлении с тем, чтобы закрепить за структурными подразделениями, занимающимися выявлением нарушения земельного законодательства, полномочия. Также проводить проверки по имеющимся разрешениям на строительство на садовых и огородных земельных участках в соответствии с указанными в них этапами и сроками строительства. Такой комплекс мероприятий необходим для своевременного выявления отклонений от СНиП на садовых и огородных земельных участках на ранних этапах строительства, а также для высвобождения земель для садоводства и огородничества.

Заключение

Земельные участки для садоводства в XVIII–XIX веках выступали в качестве дополнительного загородного жилья, огороды использовались сельскими жителями, крестьянами, для возделывания земли и получения сельскохозяйственной продукции, удовлетворения нужд в питании. Развитие огородничества в Советском Союзе началось ближе к 1930-м годам, когда на свободных землях близ городов выделяли участки для выращивания сельскохозяйственных культур. Ускоренное развитие огородничества в связи с угрозой продовольственной безопасности и голода произошло в годы Великой отечественной войны. Дальнейшего развития огородничество, а после и садоводство добились в послевоенное время в форме коллективов с принятием соответствующего законодательства, а также типовых уставов садоводческих и огороднических товариществ 1966, 1985 и 1988 годов. Садовые и огородные земельные участки в СССР использовались на праве постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения. В связи с развалом Советского Союза образовался правовой вакуум и вплоть до 1998 года основной упор был сделан на частную инициативу. С принятием Земельного кодекса Российской Федерации утвердились виды прав на садовые и огородные земельные участки: собственности, аренды, безвозмездного пользования. В 2006 году вступила в силу дачная амнистия, предусматривающая упрощённый порядок регистрации садовых, огородных земельных участков и построек на территории этих участков. Предоставление земельного участка для садоводства и огородничества стало проще через процедуры торгов или предварительного согласования. В процессе предоставления земельных участков образовывались новые земельные участки для садоводства и огородничества посредством утверждения схемы расположения земельного участка на кадастровом плане территории, проекта межевания территории, проведения кадастровых работ, постановки на государственный кадастровый учёт земельных участков. Сложнее порядок для садоводческих и огороднических товариществ, которым

приходится разрабатывать документацию по планировке территории, проект планировки территории и проект межевания территории. Проект планировки территории устанавливает границы территории садоводства и огородничества, выделяет для этого отдельный элемент планировочной структуры в градостроительном плане муниципального образования. Решение о подготовке документации по планировке территории принимает общее собрание членов товарищества самостоятельно. Если проект планировки устанавливает границы территории садоводства и огородничества, то проект межевания территории устанавливает границы земельных участков на территории садоводства и огородничества. Однако членам товарищества для предоставления земельных участков нужно только обратиться в орган регистрации прав с необходимыми документами. Были выделены общие для всех правообладателей земельных участков права и обязанности, права и обязанности, исходящие из ведения садоводства и огородничества, а также права и обязанности членов садоводческого или огороднического товарищества. За земельные правонарушения правообладателей земельных участков, предназначенных для садоводства и огородничества можно привлечь к ответственности по административному праву, уголовному, трудовому праву и по гражданско-правовой ответственности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, которые одобрены в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) / Справочная правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 2 декабря 2025 года в 20:46).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.01.2026).
3. Земельный кодекс Российской Федерации: [текст с изменениями и дополнениями на 1 марта 2024 года: принят Государственной думой 28 сентября 2001 года: одобрен Советом Федерации 10 октября 2001 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 13.01.2026).
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. идоп., вступ. в силу с 09.01.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 13.01.2026).
5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 года N 63-ФЗ (редакция от 29 декабря 2025 года) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.01.2026).
6. Федеральный закон от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ «Градостроительный кодекс Российской Федерации» (редакция от 24 июня 2025 года) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 13.01.2026).
7. Федеральный закон «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 июля 2017 года № 217-ФЗ.
8. Гузева Ирина Викторовна, Черезова Наталья Викторовна. Проблемы становления земельных отношений при реализации «дачного» закона на землях сельскохозяйственного назначения и землях населённых пунктов // Международный сельскохозяйственный журнал, № 4. Страницы 28–32. 2019 год. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-stanovleniya-zemelnyh-otnosheniy-pri-realizatsii-dachnogo-zakona-na-zemlyah-selskohozyaystvennogo-naznacheniya-i-zemlyah> (дата обращения: 02.12.2025).
9. Серегина Т.С. Садоводческое и садово-огородное товарищество как разновидности потребительского кооператива в СССР // Актуальные проблемы российского права. 2019 год. Номер 4 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sadovodcheskoe-i-sadovo-ogorodnoe-tovarischestva-kak-raznovidnosti-potrebitelskogo-kooperativa-v-sssr> (дата обращения: 03.12.2025 в 21:22).
10. Земельное право. Учебник. Улюкаев В.Х., Чуркин В.Э. и другие Москва: Частное право, 2010–344 страниц // Режим доступа: URL – <https://may.alleng.org/d/jur/jur761.htm> (дата обращения: 13.01.2026).
11. Указ Николая I «О раздаче в г. Кронштадте загородной земли под постройку домиков или дач разведение садов»: 29 ноября 1844 го-

да. // Родина: исторический научно-популярный журнал. – Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Редакция «Российской газеты» / Учредители: Правительство Российской Федерации, Администрация Президента Российской Федерации. – город Москва: Российская газета, январь 1989 год.

CHARACTERISTICS OF LAND USE FOR GARDENING AND VEGETABLE GARDENING

Melentyev A.A.

This article examines the specifics of land use for gardening and vegetable gardening in Russia. Its relevance lies in the multi-million number of gardeners and vegetable growers in Russia. Particular attention is paid to the history of land use for gardening and vegetable gardening, the procedure for allocating land plots for gardening and vegetable gardening from municipal and state-owned lands, and the content of land use rights for gardening and vegetable gardening.

The objectives of this article are:

- to consolidate the knowledge, skills, and abilities acquired during the author's Master's program at the Moscow State University of Geodesy and Cartography, and his mastery of the specialty "Land Management and Cadastres," specializing in "Land and Property Relations";
 - to replicate and summarize the key research findings of the graduate (author) in his Master's thesis on the specifics of land use for gardening and vegetable gardening;
- The following methods were used in this work to obtain reliable scientific knowledge, skills, practical experience, and data: study and analysis of laws and regulations; study and synthesis of domestic practice; modeling, comparison, analysis, and synthesis. Based on the research findings, problems and recommendations for their resolution were formulated.

The study concludes with systematic efforts to improve legislative and regulatory frameworks governing land use for gardening and vegetable gardening, as well as efforts to strengthen support measures for gardeners and vegetable growers.

Keywords: gardening, vegetable gardening, land law, provision of land plots.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) / Reference legal system "Consultant Plus" (date of access December 2, 2025 at 20:46).
2. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) of November 30, 1994, No. 51-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: January 15, 2026).
3. Land Code of the Russian Federation: [text with amendments and additions as of March 1, 2024: adopted by the State Duma on September 28, 2001: approved by the Federation Council on October 10, 2001] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: pravo.gov.ru (date accessed: 13.01.2026).
4. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 29.12.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 09.01.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date accessed: 13.01.2026).
5. "Criminal Code of the Russian Federation" of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on December 29, 2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: January 15, 2026).
6. Federal Law of December 29, 2004 N 190-FZ "Urban Planning Code of the Russian Federation" (as amended on June 24, 2025) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (date of access: January 13, 2026).
7. Federal Law "On the Conduct of Gardening and Vegetable Gardening by Citizens for Their Own Needs and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 29, 2017 No. 217-FZ.
8. Irina Viktorovna Guzeva, Natalya Viktorovna Cherezova. Problems of the Formation of Land Relations in the Implementation of the "Dacha" Law on Agricultural Lands and the Lands of Settlements // International Agricultural Journal, No. 4. Pages 28–32. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-stanovleniya-zemelnyh-otnosheniy-pri-realizatsii-dachnogo-zakona-na-zemlyah-selskohozyaystvennogo-naznacheniya-i-zemlyah> (date of access: 02.12.2025).
9. Seregina, T.S. "Gardening and gardening associations as types of consumer cooperatives in the USSR." Current issues of Russian law. 2019. Issue 4 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sadovodcheskoe-i-sadovo-ogorodnoe-tovarischestva-kak-raznovidnosti-potrebitelskogo-kooperativa-v-sssr> (accessed on December 3, 2025, at 9:22 PM).
10. Land law. Textbook. Ulyukhaev, V.Kh., Churkin, V.E. and others Moscow: Chastnoe pravo, 2010–344 pages // Access mode: URL – <https://may.alleng.org/d/jur/jur761.htm> (date of access: 13.01.2026).
11. Decree of Nicholas I "On the distribution of suburban land in the city of Kronstadt for the construction of houses or dachas, cultivation of gardens": November 29, 1844. // Rodina: historical popular science journal. – Publisher: Federal State Budgetary Institution "Editorial Office of the Rossiyskaya Gazeta" / Founders: Government of the Russian Federation, Administration of the President of the Russian Federation. – city of Moscow: Rossiyskaya Gazeta, January 1989.

Мелихов Иван Сергеевич,
аспирант, университет Синергия
E-mail: melikhov.iaw@gmail.com

Статья посвящена эволюции института банковской тайны в России в условиях цифровизации финансового сектора и роста киберпреступности. Автор прослеживает эволюцию от классической модели пассивной защиты конфиденциальности к новой парадигме, где банковская тайна становится инструментом проактивного обеспечения безопасности клиентов и устойчивости финансовой системы. На основе анализа законодательства, доктринальных подходов и последних законодательных инициатив выявляются ключевые системные проблемы правового регулирования. К ним относятся: отсутствие единого законодательного определения банковской тайны, размытость границ между банковской тайной и иной конфиденциальной информацией, а также нормативный пробел в регулировании согласия клиента на передачу банковской тайны. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим при передаче сведений сторонним подрядчикам и в рамках финансово-технологических экосистем. Делается вывод о необходимости детализации законодательства, имплементации строгих принципов обработки банковской тайны по аналогии с режимом персональных данных, а также формирования единой практики для создания сбалансированного правового режима, укрепляющего доверие к финансовой системе.

Ключевые слова: банковская тайна, цифровизация, оборот информации, финансовая безопасность, конфиденциальность, согласие.

Современная финансовая система Российской Федерации претерпевает глубокую структурную и технологическую трансформацию, движимую процессами всеобъемлющей цифровизации. В этом новом ландшафте традиционный институт банковской тайны сталкивается с вызовами, требующими его фундаментального переосмысления. Если исторически банковская тайна рассматривалась как гарантия неприкосновенности частной финансовой жизни, статичный барьер между клиентом и внешним миром, то сегодня её роль эволюционирует в сторону активного, динамичного инструмента обеспечения безопасности.

Актуальность такого пересмотра диктуется суровой объективной реальностью. Россия, как и весь мир, переживает взрывной рост финансового мошенничества, масштабы которого стали угрозой национальной безопасности и общественному доверию. Банковские карты сотен тысяч граждан ежегодно вовлекаются в незаконные операции [1], а объёмы ущерба исчисляются десятками миллиардов рублей в год.

Так, по данным регулятора и правоохранительных органов, только за один квартал может фиксироваться несколько десятков миллионов попыток мошеннических атак, использующих социальную инженерию, фишинг и высокотехнологичные методы взлома [2]. В условиях, когда личные финансовые данные становятся главной мишенью организованной киберпреступности, сама концепция защиты информации трансформируется. Режим банковской тайны уже превращается в элемент механизма киберустойчивости, от эффективности которого зависит не только благополучие отдельного клиента, но и стабильность кредитных организаций и государства в целом.

Отвечая на эти вызовы становится формирование новой правовой модели. Принятие в 2025 году закона, ужесточающего уголовную ответственность за незаконное получение банковской тайны [3], а также активная разработка комплексных мер в рамках пакетов законодательных инициатив, условно называемых «Антифрод», свидетельствуют о сознательном смещении акцентов.

Государство и регулятор более не удовлетворены пассивной охраной конфиденциальной и другой чувствительной информации, они стремятся создать проактивную систему, где конфиденциальность становится одним из столпов в борьбе с преступностью. Этот новый режим призван не просто хранить, но и безопасно использовать данные для предотвращения преступлений, аутентификации клиентов и расследования инцидентов. Таким образом, современный дискурс о банковской тайне вращается вокруг поиска оптимального баланса между двумя императивами: незыблемым правом на частную жизнь и публичным интересом в обеспечении финансовой безопасности и нормального функционирования банковского сектора.

Целью данной статьи является комплексный анализ обращения банковской тайны в РФ в контексте цифрового развития банковского сектора. На основе изучения законодательства, научной доктрины и текущих тенденций мы проследим, как меняется её понимание, выявим ключевые проблемы в регулировании оборота таких сведений, особенно в части получения и реализации согласия клиента, и сформулируем предложения по совершенствованию правового поля для укрепления доверия к финансовой системе.

Парадоксальной, но законодательстве Российской Федерации отсутствует определение банковской тайны. Законодатель не даёт чёткого ответа на вопрос, что именно понимается под этим термином, ограничиваясь описанием отдельных элементов и гарантий. Это создаёт почву для доктринальных разночтений и противоречивой судебной практики, связанной с различными практическими подходами.

Основные нормы, формирующие содержание института, содержатся в двух ключевых актах. Согласно части 1 статьи 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» (Закон о банках), кредитная организация гарантирует тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов [4]. Более широкая формулировка представлена в пункте 1 статьи 857 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), который обязывает банк гарантировать тайну банковского счета, банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте [5].

Таким образом, ядро банковской тайны образует конфиденциальная информация, возникающая из договорных отношений «банк-клиент»: реквизиты счетов и вкладов, даты, суммы, контрагенты по опера-

циям (платежам, переводам, зачислениям), а также персональные данные, идентифицирующие клиента (ФИО., паспортные данные, адрес, ИНН и т.д.). В доктрине, вслед за А.Я. Курбатовым, распространён подход, согласно которому к банковской тайне может быть отнесена вся информация, получаемая кредитной организацией в связи с обслуживанием конкретного клиента, что подчёркивает потенциально широкий, но логически обусловленный характер охраняемых сведений [6, с. 97].

Важным и неоднозначным элементом является упоминание в той же ст. 26 Закона о банках «иных сведений, устанавливаемых кредитной организацией» в качестве объекта гарантирования тайны. На практике это положение порождает путаницу. Важно разграничивать:

1. Собственно банковскую тайну – строго определённый законом (ГК РФ, Законом о банках) перечень сведений, конфиденциальность которых является императивной обязанностью банка, а круг исключений (оснований для раскрытия) закрыт и также установлен законом.

2. Иные конфиденциальные сведения, которые банк вправе отнести к охраняемым в рамках своего внутреннего регламента (например, коммерческую тайну, связанную с методиками оценки рисков). Их защита обеспечивается на иных правовых основаниях.

Следовательно, на сегодняшний день понятие банковской тайны носит собирательный и выводимый из системы норм характер. Отсутствие чёткой законодательной дефиниции является источником правовой неопределённости, что особенно критично в условиях сложного оборота таких сведений, что также подтверждается в статье А.Ю. Олимпиева [7].

Правовой режим банковской тайны накладывает на кредитную организацию жёсткие ограничения по её обороту. Центральным, императивным принципом является запрет на передачу, распространение или иное использование сведений, составляющих банковскую тайну, без согласия самого клиента, субъекта этих данных. Это право клиента на распоряжение своей конфиденциальной информацией является производным от общего принципа автономии воли в гражданском праве и права на неприкосновенность частной жизни.

Однако абсолютный характер этого принципа существенно ограничен публично-правовыми исключениями, круг которых в последние годы имеет тенденцию к расширению. Законодатель устанавливает закрытый перечень случаев, когда кредитная организация обязана раскрыть банковскую тайну без согласия клиента, ниже представлен ряд примеров такого раскрытия:

- В адрес Федеральной налоговой службы: В соответствии со ст. 86 Налогового кодекса Российской Федерации, банки обязаны в автоматическом порядке сообщать об открытии, закрытии, изменении реквизитов всех счетов (текущих, депозитных) и вкладов как юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, так и физических лиц [8]. Это создаёт для фискального органа практически полную прозрачность относительно наличия счетов, серьёзно трансформируя классическое понимание тайны.
- В адрес Банка России: в рамках осуществления надзорных и регуляторных функций ЦБ РФ обладает широкими полномочиями по требованию любой информации, включая составляющую банковскую тайну (ч. 6, 9 ст. 26 Закона о банках). Это необходимо для обеспечения устойчивости финансового сектора.
- В адрес Росфинмониторинга для целей противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма, согласно требованиям, Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ [9].
- В бюро кредитных историй (БКИ) на основании Федерального закона № 218-ФЗ «О кредитных историях» банки передают в БКИ детальную информацию о кредитных обязательствах клиента (суммы, сроки, платежи, просрочки), что также является раскрытием банковской тайны, но с санкции закона и в общественно значимых целях формирования кредитного рынка [10].

Таким образом, распоряжение банковской тайной происходит в жёстком правовом поле, где доминирующим основанием для законного оборота является прямое предписание закона. Согласие клиента остаётся ключевым, но применяется в основном в сфере гражданско-правовых отношений. Важно, что даже при передаче данных государственным органам банк обязан строго соблюдать процедурные требования, и их нарушение может сделать такое раскрытие незаконным, что подтверждается судебной практикой, собранной в рамках статьи ГРЧЦ [11].

В контексте передачи банковской тайны по согласию клиента действующее законодательство демонстрирует значительный нормативный пробел. Закон чётко устанавливает императив: «только с согласия клиента». Однако в законе не установлены требования к форме

согласия: содержании, механизм получения и отзыва этого согласия и т.д. Это порождает серьёзные практические и правовые проблемы, усугубляющиеся цифровизацией, развитием экосистем и тесного взаимодействия кредитных организаций и других компаний.

На данный момент точно не установлено достаточно ли общего пункта в договоре с клиентом, где клиент соглашается на передачу банковской тайны в адрес третьих лиц? Или необходимо отдельное и информированное согласие, которое отражает все условия, включая перечень третьих лиц, объем данных, составляющих банковскую тайну? Банк России и судебная практика не выработала единого подхода. С учетом отсутствия конкретных требований к форме согласия на передачу банковской тайны, многие способы предоставления согласий могут быть признаны ненадлежащими.

Поскольку полноценный контроль над своими данными предполагает чёткое понимание условий, на которых предоставляется согласие, к согласию должны быть установлены четкие требования призванные обеспечить баланс интересов сторон и прозрачность функционирования механизма согласия, в первую очередь, в интересах наиболее уязвимого участника отношений, самого субъекта.

Однако на практике отсутствие чётко сформулированных требований, а также невозможность для субъекта дать действительно осознанное согласие. В связи с невозможностью предоставления осмысленного согласия оно превращается в юридическую фикцию, поддерживаемую как действующим законодательством, так и сложившейся правоприменительной практикой, что отмечал Д. Дж. Солоуев [12].

При получении содержание и информированность: Согласие должно быть конкретным и осознанным. Клиент должен понимать какие именно сведения, кому, с какой целью и на какой срок передаются. Текущая практика и отсутствие прямых требований к форме согласия зачастую этого не обеспечивают.

Современный банкинг немыслим без привлечения сторонних подрядчиков – облачных платформ, сервисов анализа данных, операторов кол-центров, IT-подрядчиков. Кредитная организация не может обрабатывать все данные исключительно своими силами. Передача данных таким контрагентам для целей, предусмотренных договором с клиентом, например, для технической поддержки онлайн-банка, что также является раскрытием банковской тайны. При этом для таких случаев не предусмотрено отдельное основания для передачи банковской тайны, а также такая передача данных соприкасается с другим видом данных, с персональными данными, где такая передача возможна и на других основаниях.

Для решения этих проблем необходима детальная законодательная регламентация института банковской тайны, вдохновлённая, но не копирующая полностью, законодательствам об обработке персональных данных. Целесообразно внести в банковское законодательство нормы, устанавливающие:

Конкретные требования к форме согласия на передачу банковской тайны и способ его предоставления.

Иные основания для передачи банковской тайны, например, передача необходимая для исполнения договора между кредитной организацией и клиентом, законный интерес.

Также для возможности пресечения бесконтрольного обращения банковской тайны и злоупотребления новыми основаниями обработки применять принципы аналогичные принципам обработки персональных данных, а именно:

- принцип соразмерности и справедливости, что позволит исключить обращение банковской тайны в случаях, когда она требуется;
- принцип минимизации, что позволит минимизировать объем данных, составляющих банковскую тайну, для достижения конкретной цели;
- принцип прозрачности, что позволит донести до субъекта те самые условия обращения банковской тайны и повысит уровень осведомленности субъекта.

Институт банковской тайны в России находится на перепутье под давлением цифровых угроз и общественного запроса на безопасность, он эволюционирует от пассивного хранителя секретов к активному компоненту системы финансовой защиты. Однако правовое обеспечение этой трансформации отстает от технологических и социальных вызовов.

Ключевыми системными проблемами остаются:

- отсутствие единого законодательного определения банковской тайны, что порождает правовую неопределённость;
- размытость границ между банковской тайной и иной конфиденциальной информацией, что порождает коллизия между расширяющимся доступом государства и необходимостью гарантий частной жизни;

• особо острым является нормативный вакуум вокруг согласия клиента на распоряжение его конфиденциальными данными, что критично в условиях повсеместного аутсорсинга и развития экосистем.

Для формирования адекватного, сбалансированного и отвечающего современным реалиям правового режима необходимы следующие шаги:

- законодательно закрепить четкое понятие банковской тайны, однозначно выделив перечень данных, которые относятся к банковской тайне.
- детализировать вопросы получения, оформления и отзыва согласия клиента на передачу банковской тайны, заимствовав и адаптировав лучшие практики из законодательства о персональных данных.
- рассмотреть возможность введения новых оснований для передачи банковской тайны, помимо согласия и прямого исполнения законодательства.
- установить четкие принципы обращения банковской тайной по аналогии с законодательством об обработке персональных данных.

Только на основе такого комплексного подхода может быть построен режим банковской тайны, который будет не формальным барьером, а живым, гибким и мощным инструментом. Инструментом, который, с одной стороны, обеспечит реальную, а не декларативную защиту частной финансовой жизни гражданина, а с другой позволит безопасно использовать информационные ресурсы для противодействия преступности, повышая тем самым общий уровень доверия к финансовой системе государства. Укрепление банковской тайны через её адаптацию к цифровому веку – это не ограничение, а инвестиция в устойчивое развитие и безопасность.

Литература

1. Финансовые операции 800 тысяч физлиц признаны незаконными [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8334643> (дата обращения: 26.12.2025);
2. Обзор финансовой стабильности II–III кварталы 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/analytics/finstab/ofs/2q_3q_2025/ (дата обращения: 26.12.2025);
3. Федеральный закон от 24.06.2025 № 175-ФЗ «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации № 26, ч. 1 от 2025 ст. 3505;
4. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения 10.01.2026);
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 10.01.2026);
6. Банковское право России: учебник для академического бакалавриата / А.Я. Курбатов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016;
7. Олимпиаев А.Ю. Понятие и источники правового регулирования банковской тайны. Понятие и юридическая природа банковской тайны. Вестник Московского университета МВД России. 2021(2):63–6;
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения 10.01.2026);
9. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения 10.01.2026);

10. Федеральный закон от 30.12.2004 № 218 «О кредитных историях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51043/ (дата обращения 11.01.2026);

11. Банковская тайна как инструмент защиты персональных данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/analysis-practice-ru/bankovskaya-tayna-kak-instrument-zaschity-personalnyh-dannyh/> (дата обращения 11.01.2026);

12. Solove, D.J. (2023) Murky Consent: An Approach to the Fictions of Consent in Privacy Law. 104 Boston University Law Review (Forthcoming), [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=4333743> (дата обращения 20.12.2025).

EVOLUTION OF BANKING SECRECY IN THE DIGITALIZATION

Melikhov I.S.
Synergy University

The article is devoted to the evolution of the institute of banking secrecy in Russia in the context of digitalization of the financial sector and the growth of cybercrime. The author traces the shift from the classical model of passive confidentiality protection to a new paradigm where banking secrecy becomes a tool for the proactive security of clients and the resilience of the financial system. Based on an analysis of legislation, doctrinal approaches, and recent legislative initiatives, key systemic problems of legal regulation are identified. These include: the lack of a unified legislative definition of banking secrecy, the blurred boundaries between banking secrecy and other confidential information, and a regulatory gap concerning client consent for the disclosure of banking secrecy. Special attention is paid to problems arising from the disclosure of information to third-party contractors and within financial technology ecosystems. The conclusion is made about the necessity to detail the legislation, implement strict principles for processing banking secrecy analogous to the personal data regime, and form a unified practice to create a balanced legal framework that strengthens trust in the financial system.

Keywords: banking secrecy, digitalization, information exchange, financial security, confidentiality, consent

References

1. Financial Transactions of 800,000 Individuals Declared Illegal [Online Resource]. – Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/8334643> (accessed: December 26, 2025).
2. Financial Stability Review: II–III Quarters of 2025 [Online Resource]. – Available at: https://cbr.ru/analytics/finstab/ofs/2q_3q_2025/ (accessed: December 26, 2025).
3. Federal Law No. 175-FZ of June 24, 2025 “On Amendments to Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation.” Rossiyskaya Gazeta, No. 26, Part 1, 2025, Art. 3505.
4. Federal Law No. 395–1 of December 2, 1990 “On Banks and Banking Activities” [Online Resource]. – Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (accessed: January 10, 2026).
5. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) [Online Resource]. – Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: January 10, 2026).
6. Kurbatov, A. Ya. Banking Law of Russia: Textbook for Academic Bachelor’s Programs. 5th ed., revised and expanded. Moscow: Yurayt Publishing House, 2016.
7. Olimpiyev, A. Yu. “The Concept and Sources of Legal Regulation of Bank Secrecy. The Notion and Legal Nature of Bank Secrecy.” Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, No. 2, Pp. 63–66.
8. Tax Code of the Russian Federation (TC RF) [Online Resource]. – Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (accessed: January 10, 2026).
9. Federal Law No. 395–1 of December 2, 1990 “On Banks and Banking Activities” [Online Resource]. – Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (accessed: January 10, 2026).
10. Federal Law No. 218-FZ of December 30, 2004 “On Credit Histories” [Online Resource]. – Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51043/ (accessed: January 11, 2026).
11. “Bank Secrecy as a Tool for Personal Data Protection” [Online Resource]. – Available at: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/analysis-practice-ru/bankovskaya-tayna-kak-instrument-zaschity-personalnyh-dannyh/> (accessed: January 11, 2026).
12. Solove, D. J. (2023). Murky Consent: An Approach to the Fictions of Consent in Privacy Law. 104 Boston University Law Review (Forthcoming). [Online Resource]. – Available at: <https://ssrn.com/abstract=4333743> (accessed: December 20, 2025).

Модина Мария Дмитриевна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Московский областной филиал
E-mail: mariyabal77@gmail.com

В статье рассматривается проблема теоретического обоснования и классификации методов антикоррупционной политики. На основе междисциплинарного синтеза юридических, экономических и психологических теорий автор анализирует эффективность существующих стратегий борьбы с коррупцией. В работе выделены и охарактеризованы четыре доминирующих подхода к определению методов противодействия коррупции: уголовно-правовой (криминологический), институциональный, поведенческий и культурно-просветительский. Сделан вывод о необходимости перехода от разрозненных репрессивных мер к системной стратегии, направленной на устранение коренных причин (детерминант) коррупции и трансформацию условий, делающих коррупционное поведение невозможным или экономически нецелесообразным.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, методы противодействия коррупции, институциональный подход, поведенческая экономика, уголовная ответственность, предупреждение преступности, государственное управление, антикоррупционные стандарты.

Введение

Актуальность данного исследования продиктована необходимостью глубокого теоретического переосмысления стратегий борьбы с коррупцией, поскольку традиционные репрессивные меры демонстрируют ограниченную эффективность в отрыве от системных преобразований. В работе ставится цель теоретически обосновать и систематизировать методы антикоррупционной политики, определив их как научно обоснованную совокупность правовых, экономических и организационных приемов, направленных на устранение коренных причин (детерминант) этого явления.

Материалы и методы

Методологическую основу работы составляет системно-структурный анализ, позволивший выделить и классифицировать доминирующие парадигмы восприятия коррупции, а также сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления национальных и международных норм. Исследование опирается на междисциплинарный синтез, объединяя юридическую догматику с теориями институциональной экономики и поведенческой психологии, что позволяет рассмотреть коррупцию не только как преступление, но и как экономический выбор или поведенческую ошибку.

Литературный обзор

В ходе исследования был проведен анализ работ зарубежных авторов, затрагивающих поведенческие и институциональные аспекты коррупции. Среди них труды М. Филпа, посвященные природе политической коррупции, исследования А. Хортала, А. Перес Мартинеса, Ж. Инсио и М. Сейферта в области поведенческой экономики.

Результаты

Метод противодействия коррупции можно определить как систематизированную, научно обоснованную совокупность правовых, организационно-управленческих, экономических, информационно-технологических и социально-психологических приемов и способов воздействия на субъекты общественных отношений и институциональную среду, целью которых является устранение (минимизация) коренных причин коррупции (детерминант), нейтрализация условий, способствующих ее возникновению, пресечение коррупционных правонарушений и минимизация их негативных последствий для общества и государства.

Данное определение подчеркивает двойственную природу методов:

1. Воздействие на личность (субъект). Изменение мотивации потенциального коррупционера через страх наказания, экономические стимулы или морально-этические установки.

2. Воздействие на среду (объект и условия). Трансформация процедур, регламентов и технологий таким образом, чтобы коррупционное поведение стало технически невозможным или экономически нецелесообразным.

Важно отметить, что в англоязычной литературе часто используется термин «anti-corruption measures» (антикоррупционные меры) или «practices» (практики), что семантически близко к понятию метода, но акцентирует внимание на практической реализации. Например, Базельский институт управления рассматривает антикоррупционные практики в контексте «коллективных действий», расширяя субъектный состав методов за пределы государственных органов и распространяя его фактически на всё общество.

Научный же подход к определению «метода» гораздо шире и сложнее. Он рассматривает метод как элемент более крупной стратегии, который пытается воздействовать на коррупцию на уровне ее причин – будь то структурные, культурные, личностные или экономические факторы. Научная литература предлагает несколько доминирующих подходов, каждый из которых порождает свой набор методов.

Первый и один из наиболее ранних подходов – это уголовно-правовой (криминологический) и экономический, который рассматривает коррупцию соответственно как форму преступной деятельности или рыночный механизм.

С уголовно-правового (криминологического) аспекта, коррупция – это общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом (преступление). По данным судебной статистики, за 2024 год в Рос-

сии за получение взятки осуждено 1940 человек, за мелкое взяточничество – 2531 человек. При этом анализ назначаемого наказания свидетельствует о том, что большинству осужденных за получение взятки (ст. 291 УК РФ) было назначено наказание в виде штрафа. Так, например, несмотря на то что особо квалифицирующий состав данного преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 291 УК РФ (получение взятки за заведомо незаконное действие (бездействие)) предусматривает лишение свободы сроком до 8 лет, на практике в 2024 году 53% осужденных по данному составу преступления был назначен штраф, 29% – условное лишение свободы и лишь 14,9% осужденных реальное лишение свободы [2].

Чрезвычайно широкое судебское усмотрение в части возможности выбора вида и размера (срока) наказания за преступления коррупционной направленности, на наш взгляд, способствует коррупционным рискам, уменьшению боязни уголовной ответственности за совершение такого рода тяжких преступлений. Считаем спорной практику назначения штрафов за совершение особо квалифицирующих составов должностных преступлений, в том числе, получения взятки.

Джозеф Най определил политическую коррупцию как поведение, которое отклоняется от формальных обязанностей публичного служащего из-за частных выгод. Стефани Роз-Акерман развивала эту идею, моделируя злоупотребление властью как конкурентную борьбу фирм за получение госзаказов. В рамках этой парадигмы ключевыми методами являются те, которые увеличивают вероятность обнаружения и ужесточают наказание [10, с. 58].

В рамках экономического подхода возможно повышение уровня оплаты труда чиновников, чтобы снизить их мотивацию к получению взяток, увеличение вероятности аудита или проверки, введение политики *leniency* (смягчение наказания для доносчиков), а также обеспечение прозрачности в таких областях, как государственные закупки.

Примером является примечание к статье 291 УК РФ, согласно которого взяткодатель, добровольно заявивший о факте передачи взятки, освобождается от уголовной ответственности. *Leniency* программы наиболее распространены в сфере антимонопольных нарушений, особенно, антиконкурентных соглашений или согласованных действий. Например, согласно примечанию к статье 159 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, сообщение информации о соучастнике таких соглашений антимонопольному органу является одним из оснований для освобождения от ответственности [3].

Этот подход, однако, имеет свою критику: он может игнорировать глубинные структурные проблемы, такие как отсутствие демократических институтов или авторитарные режимы, где репрессивные методы могут быть единственным рабочим вариантом, а также склонен к спонтанным ужесточениям наказаний без должного научного обоснования. Более того, как отмечает Марк Филп, этот подход часто недооценивает асимметрию власти между официальным лицом и частным лицом, а также проблему легитимности власти [9, с. 26].

Второй важный подход – институциональный, связанный с концепцией «хорошего управления». Эта концепция, возникшая в 1990-х годах в рамках ООН, Всемирного банка и МВФ, определяет хорошее государственное управление как процесс, в ходе которого государственные органы проводят государственные дела и предоставляют общественные блага и услуги таким образом, чтобы способствовать уважению прав человека, соблюдению правил игры и достижению человеческого развития. Центральное место в этом подходе занимают институты – формальные правила (законы, конституция) и неформальные нормы (традиции, обычаи). Эффективное противодействие коррупции невозможно без наличия прочных институтов, обеспечивающих справедливость, прозрачность и ограниченную власть.

Основные методы, предлагаемые этим подходом, носят системный характер. Они включают обеспечение судебной независимости, поддержку свободы прессы как надзорного органа, создание независимых антикоррупционных агентств, усиление парламентского контроля, внедрение строгих финансовых учетов и прозрачности бюджета [4, с. 135].

Международные стандарты, такие как Глава IV Конвенции ООН против коррупции, которая посвящена «Превентивным мерам», и российский принцип «комплексного использования... иных мер» (статья 3 ФЗ-273), являются яркими воплощениями этого подхода.

Глобальные показатели качества управления, такие как Всемирные показатели качественного управления (WGI), измеряют такие параметры, как «гласность и участие», «эффективность правительства», «качество регуляторной политики» и «контроль коррупции», тем самым концентрируя антикоррупционные цели внутри более широкой рамки государственного управления.

Следует отметить, что видоизменение и совершенствование данных институтов невозможно путем одномоментных действий (напри-

мер, принятием законодательных актов). В большинстве стран мира декларируются принципы добросовестности, справедливости, недопущения коррупции и конфликта интересов, однако в ряде государств они остаются лишь на бумаге.

Третий подход – поведенческий, или Behavioral Public Policy (BPP). Он смещает фокус с рационального расчета выгоды и риска на психологические аспекты человеческого поведения. Коррупционное деяние объясняется не только экономическими мотивами, но и когнитивными искажениями, социальными нормами, привычками и эмоциональными реакциями людей. Человеческая психология становится ключевым фактором [6, с. 3].

Этот подход предлагает ряд нетрадиционных, но потенциально очень эффективных методов, которые часто не закреплены в законодательстве. К ним относятся тонкие изменения в дизайне выбора, которые влияют на поведение без принуждения. Например, автоматическая оплата налогов вместо добровольной может значительно повысить сборы. Другой метод – это систематическая проверка бюрократических процедур на предмет создания излишних административных барьеров, которые создают необходимость в человеческом взаимодействии и, следовательно, возможности для коррупции. Также активно используются сообщения, направленные на изменение социальных норм. Например, сообщения в прессе, подчеркивающие, что большинство людей не коррумпированы, должны снижать уровень коррупции. Однако исследования показывают, что такой подход может иметь обратный эффект, если сам факт упоминания коррупции делает ее более заметной и приемлемой для некоторых групп населения («эффект отскока») [7, с. 53].

Другие поведенческие методы включают использование алгоритмов для анализа больших данных (например, проект *Rosie* в Бразилии для выявления подозрительных электронных закупок) и создание коллективных механизмов мониторинга, где анонимные взносы граждан в общий фонд повышают шансы на наказание коррумпированных чиновников [5, с. 1346].

Четвертый подход – культурно-просветительский. Он исходит из предположения, что коррупция порождается не только институтами и экономикой, но и «подсознательными установками» и «недостаточно развитой правовой и моральной совести» общества. Согласно этому взгляду, «коррупция является проявлением человеческой аморальности и недостаточной правовой и моральной осведомленности». Поэтому ключевые методы здесь направлены на долгосрочные изменения в общественных ценностях и культуре. К ним относятся этическое образование, просветительские кампании, формирование так называемого «тонуса сверху» – морального лидерства со стороны высшего руководства, развитие гражданского общества и патриотического воспитания. Этот подход часто критикуется за свою высокую абстрактность и трудность измерения эффективности [1, с. 36].

Национальным планом противодействия коррупции на 2021–2024 годы предусмотрена организация просветительских мероприятий, курсов, научных конференций на антикоррупционную тематику среди учащихся школ, высших учебных заведений, а также проведение мероприятий по профессиональной подготовке государственных служащих в сфере антикоррупционной деятельности и соблюдении антикоррупционных стандартов [8, с. 214].

Хотя он может иметь положительное влияние на организационную культуру, его прямая связь с сокращением количества коррупционных деяний остается предметом дискуссий.

Заключение

Подытоживая, можно заключить, что современная антикоррупционная политика требует фундаментального сдвига от использования разрозненных репрессивных мер к системной стратегии, направленной на устранение коренных причин коррупции. Под методом противодействия коррупции предлагаем понимать научно обоснованной совокупности правовых, экономических, организационно-управленческих и социально-психологических приемов. Эти методы имеют двойственную природу, воздействуя одновременно на мотивацию личности (субъекта) и на институциональную среду (условия), делая коррупционное поведение невыгодным или технически невозможным.

Литература

1. Годунов, О.И. Теоретико-правовые аспекты проблемы борьбы с коррупцией / О.И. Годунов // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – 2019. – № 3 (60). – С. 35–37.
2. Данные о назначенном наказании по статьям УК. 2024 год // Судебная статистика Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://stat.api-пресс.pdf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 23.12.2025). – Текст: электронный.

3. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: от 5 июля 2014 года № 235-V: (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.11.2025) // ділет: інформаційно-правовая система нормативных правовых актов РК. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 23.12.2025). – Текст: электронный.

4. Прокопович Г.А. Антикоррупционная политика как часть системы национальной безопасности / Г.А. Прокопович, Н.Д. Эриашвили // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 6. – С. 134–139.

5. Del Rey-Puech, P. Artificial Intelligence and Corruption: Opportunities and Challenges in the Health Sector / P. del Rey-Puech, D. Balabanova, M. McKee // The International Journal of Health Planning and Management. – 2025. – Vol. 40, iss. 6. – P. 1341–1347.

6. Hortal, A. Behavioral strategies for reducing corruption: from regulation to choice architecture / A. Hortal, A. Pérez Martínez // Behavioural Public Policy. – 2024. – P. 1–18.

7. Incio, J. How the Perception of Corruption Shapes the Willingness to Bribe: Evidence From An Online Experiment / J. Incio, M. Seifert // International Journal of Public Opinion Research. – 2024. – Vol. 36, iss. 3. – С. 49–63.

8. Manukyan, Y. Methodological foundations of socio-philosophical and legal analysis of corruption / Y. Manukyan, A. Stepanyan, M. Ilyushina // Wisdom. – 2023. – № 2 (26). – С. 212–221.

9. Philp, M. The definition of political corruption / M. Philp // Routledge Handbook of Political Corruption / ed. P. Heywood. – London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group, 2015. – P. 17–29.

10. Sheverdyayev, S. Evolution of the Concept of Political Corruption in Western and Russian Political Science and Law / S. Sheverdyayev, A. Shenfeldt // Russian Law Journal. – 2019. – Vol. 7, № 2. – P. 53–80.

CONCEPT AND CLASSIFICATION OF ANTI-CORRUPTION POLICY METHODS

Modina M.D.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow regional brunch

The article deals with the theoretical substantiation and classification of anti-corruption policy methods. Based on an interdisciplinary synthesis of legal, economic, and psychological theories, the author analyzes the effectiveness of existing strategies for combating

corruption. The paper identifies and characterizes four dominant approaches to defining anti-corruption methods: criminal-legal (criminological), institutional, behavioral (Behavioral Public Policy), and cultural-educational. Special attention is paid to the dual nature of anti-corruption methods, which impact both the motivation of the individual and the institutional environment. The author concludes that it is necessary to shift from scattered repressive measures to a systemic strategy aimed at eliminating the root causes (determinants) of corruption and transforming conditions to make corrupt behavior technically impossible or economically inexpedient.

Keywords: corruption, anti-corruption policy, anti-corruption methods, institutional approach, behavioral public policy, criminal liability, crime prevention, public administration, anti-corruption standards.

References

1. Godunov, O.I. Theoretical and legal aspects of the fight against corruption / O.I. Godunov // Eurasian Union of Scientists (ESU). – 2019. – No. 3 (60). – Pp. 35–37.

2. Data on the punishment imposed under articles of the Criminal Code. 2024 // Judicial statistics of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17> (date of access: 12/23/2025). – Text: electronic.

3. Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses: dated July 5, 2014, No. 235-V: (with amendments and additions as of November 17, 2025) // Adilet: information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (date of access: December 23, 2025). – Text: electronic.

4. Prokopovich G.A. Anti-corruption policy as part of the national security system / G.A. Prokopovich, N.D. Eriashvili // Bulletin of Economic Security. – 2023. – No. 6. – P. 134–139.

5. Del Rey-Puech, P. Artificial Intelligence and Corruption: Opportunities and Challenges in the Health Sector / P. del Rey-Puech, D. Balabanova, M. McKee // The International Journal of Health Planning and Management. – 2025. – Vol. 40, iss. 6. – P. 1341–1347.

6. Hortal, A. Behavioral strategies for reducing corruption: from regulation to choice architecture / A. Hortal, A. Pérez Martínez // Behavioral Public Policy. – 2024. – P. 1–18.

7. Incio, J. How the Perception of Corruption Shapes the Willingness to Bribe: Evidence From An Online Experiment / J. Incio, M. Seifert // International Journal of Public Opinion Research. – 2024. – Vol. 36, iss. 3. – Pp. 49–63.

8. Manukyan, Y. Methodological foundations of socio-philosophical and legal analysis of corruption / Y. Manukyan, A. Stepanyan, M. Ilyushina // Wisdom. – 2023. – No. 2 (26). – P. 212–221.

9. Philp, M. The definition of political corruption / M. Philp // Routledge Handbook of Political Corruption / ed. P. Heywood. – London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group, 2015. – P. 17–29.

10. Sheverdyayev, S. Evolution of the Concept of Political Corruption in Western and Russian Political Science and Law / S. Sheverdyayev, A. Shenfeldt // Russian Law Journal. – 2019. – Vol. 7, No. 2. – P. 53–80.

Предмет, объекты и пределы прокурорского надзора за исполнением законодательства при приеме в гражданство Российской Федерации

Постнова Маргарита Витальевна,

аспирант, кафедра организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, МГЮА

E-mail: margosa998@gmail.com.

Статья посвящена уточнению предмета, объектов и пределов прокурорского надзора за исполнением законодательства при приеме в гражданство Российской Федерации в условиях реформирования миграционной и гражданственной политики. Обосновывается актуальность темы с учетом вступления в силу Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», последующих изменений, а также указов Президента Российской Федерации, регулирующих категории лиц, принимаемых в гражданство в особом порядке. В рамках работы описана система правовых источников, определяющих компетенцию органов прокуратуры в миграционной сфере, проанализированы научные подходы к пониманию предмета и объектов надзора, выделены границы вмешательства прокурора в дискреционные решения органов, ведающих делами о гражданстве. Особое внимание уделено надзору за законностью действий подразделений МВД России, дипломатических представительств, консульских учреждений и иных субъектов, участвующих в производстве по делам о гражданстве. Работа ставит цель сформировать целостную модель надзора за приемом в гражданство, опирающуюся на сочетание норм материального и процессуального права. Применены формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и аналитический методы. В заключении показано практическое значение предложенных выводов для органов прокуратуры, органов внутренних дел и научного сообщества.

Ключевые слова: прокурорский надзор, гражданство Российской Федерации, миграционное законодательство, предмет надзора, объекты надзора, пределы надзора, органы прокуратуры, органы внутренних дел, натурализация, права иностранных граждан.

Введение

Правовое регулирование гражданства Российской Федерации находится в состоянии интенсивного обновления, что выражается в принятии Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» с последующими поправками, а также в издании указов Президента Российской Федерации от 4 января 2024 г. № 11 и от 5 ноября 2025 г. № 821, предусматривающих специальные процедуры приема в гражданство для отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства. Параллельно усиливается внимание к миграционной безопасности, к рискам злоупотреблений при использовании упрощенных механизмов натурализации, к вопросам проверки добросовестности заявителей и достоверности предоставляемых сведений.

В этих условиях существенно возрастает нагрузка на органы прокуратуры, осуществляющие надзор за исполнением законов в сфере миграции и гражданства на основании приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 12.04.2024 № 273 и приказа от 03.06.2025 № 392, которым скорректирована система организации надзора в миграционной сфере. Надзор при приеме в гражданство затрагивает чувствительную зону пересечения интересов личности и государства: речь идет одновременно о реализации конституционного права на гражданство, о защите прав лиц, участвующих в процедурах, и о защите безопасности общества и государства.

Цель статьи состоит в концептуальном описании предмета, кругов объектов и пределов прокурорского надзора за исполнением законодательства при приеме в гражданство Российской Федерации с опорой на действующее законодательство и новейшие научные разработки. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

- 1) раскрыть содержание предмета надзора в исследуемой сфере через системную характеристику поднадзорных отношений, прав и обязанностей участников производства по делам о гражданстве;
- 2) предложить классификацию объектов надзора при приеме в гражданство с учетом компетенции различных органов и стадий производства;
- 3) обосновать пределы вмешательства прокурора в деятельность органов, ведающих делами о гражданстве, в том числе по вопросам использования дискреционных полномочий и применения специальных, временных и исключительных процедур.

Научная новизна исследования выражена в попытке связать реформированное гражданственное регулирование, включая новую модель приемов в гражданство и расширение списка оснований для специальных процедур, с обновленной организационной моделью прокурорского надзора в миграционной сфере; предложено авторское видение распределения предмета и объектов надзора между органами прокуратуры разных уровней с учетом последних указаний Генерального прокурора, а также концепции риск-ориентированного надзора.

Материалы и методы

Исследование опирается на совокупность научных публикаций и монографических работ, в которых рассматриваются вопросы гражданства, миграционной политики и организации прокурорского надзора. М.А. Алыев в статье о прокурорском надзоре за исполнением законов в сфере миграции анализирует структуру поднадзорных субъектов и типичные нарушения, возникающие при применении миграционного законодательства, что позволяет очертить общие контуры надзорной деятельности в смежной сфере [1]. Р.Б. Булатов рассматривает деятельность органов прокуратуры по защите прав иностранных граждан в России, уделяя внимание типичным нарушениям их статуса и формам прокурорского реагирования [2]. М.С. Дылико исследует право на гражданство, уделяя внимание тенденциям развития законодательства, многообразию механизмов натурализации и ограничениям права на гражданство [3]. З.А.И. Законов и соавторы в учебном пособии по прокурорскому надзору подробно раскрывают предмет, объекты и границы надзорной деятельности в несудебной сфере [4].

Д.В. Крылова в работе о повышении эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия предлагает использовать риск-ориентированный подход, цифровые

инструменты анализа и ранжирование нарушений по категориям риска, что представляет интерес для переноса соответствующих подходов на миграционную сферу [5]. А.В. Крысанов исследует новый порядок рассмотрения заявлений по вопросам гражданства Российской Федерации подразделениями МВД России, обращая внимание на изменения компетенции органов внутренних дел и процедурных алгоритмов принятия решений [6]. А.В. Куракин анализирует принципы правового регулирования миграционных процессов, выделяя базовые начала, через которые выстраивается и регулирование гражданства [7]. Е.О. Овчинникова рассматривает правомерность приобретения гражданства как фактор, влияющий на осуществление экстрадиции, что выводит на связь надзора за процедурами натурализации с международным сотрудничеством по уголовным делам [8]. Коллективная монография Университета прокуратуры Российской Федерации, посвященная прокурорскому надзору за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы, содержит общетеоретические положения о построении надзорной деятельности органов прокуратуры в административно-правовых отраслях [9]. В.Д. Хома исследует прокурорский надзор в сфере незаконной миграции, обращая внимание на типичные недостатки организации надзора и направления его совершенствования [10].

В методологическом плане применены формально-юридический метод (анализ законодательства о гражданстве, миграции и прокуратуре), системный подход (рассмотрение гражданства, миграционного статуса и надзора в единой регулятивной системе), сравнительно-правовой метод (сопоставление прежней и современной моделей регулирования гражданства, а также общей и специальной компетенции органов прокуратуры), методы анализа и синтеза научных позиций, а также элементы риск-ориентированного подхода при характеристике направлений надзора.

Результаты

Федеральный закон № 138-ФЗ структурировал институт приобретения гражданства по нескольким каналам: порядок приема в гражданство, прием отдельных категорий иностранцев и лиц без гражданства, прием в исключительном порядке, признание гражданином, а также специальные процедуры, устанавливаемые указами Президента Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации № 11 определил широкий круг категорий лиц, которые подают заявления в упрощенном режиме, Указ № 821 ввел временный порядок приема в гражданство для отдельных категорий, что значительно усложнило надзорную картину. Это побудило органы прокуратуры уточнить предмет надзора в миграционной сфере и закрепить специальные организационные решения приказом Генерального прокурора Российской Федерации № 273 и изменяющим его приказом № 392.

Предмет прокурорского надзора при приеме в гражданство в исследуемом поле охватывает соблюдение органами внутренних дел, иными органами, ведающими делами о гражданстве, дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями требований Федерального закона № 138-ФЗ, подзаконных актов и указов Президента Российской Федерации, в том числе при проверке оснований приема, оценке добросовестности заявителя, проверке сведений о судимости, об участии в экстремистской и террористической деятельности, а также при контроле за полнотой и достоверностью документального подтверждения сведений о заявителе. На концептуальном уровне такое понимание предмета корреспондирует научной позиции авторов учебных и монографических трудов по прокурорскому надзору, где предмет описывается через соблюдение прав и свобод, законности актов и действий органов публичной власти [4; 9].

Объекты надзора при приеме в гражданство целесообразно разделить на три группы. Первая группа – нормативные и индивидуальные акты органов, ведающих делами о гражданстве, включая ведомственные инструкции МВД России о порядке рассмотрения заявлений, регламенты работы подразделений по вопросам миграции, приказы о распределении полномочий. О проблемах нормативной регламентации и влиянии формулировок законов о гражданстве на реальный доступ к гражданству пишет М.С. Дылико, подчеркивая значение технико-юридического качества законодательного регулирования и структуры оснований для отказа в приеме в гражданство [3].

Вторая группа объектов – фактические действия и решения органов, рассматривающих заявления по вопросам гражданства. А.В. Крысанов показывает, что перенос основного массива полномочий по приему и рассмотрению заявлений в систему органов внутренних дел приводит к росту числа типовых процессуальных решений, зависящих от правильного применения норм Федерального закона № 138-ФЗ и подзаконных актов, включая проверку полноты пакета документов, соблюдение сроков и порядка взаимодействия с иными органами [6].

В условиях расширения упрощенных и специальных процедур, о чем пишет М.С. Дылико, повышается риск формального подхода к оценке сведений о заявителях, что усиливает надзорную нагрузку [3].

Третья группа объектов – отношения, связанные с обеспечением прав заявителей, иностранных граждан и лиц без гражданства, участвующих в процедурах, а также с соблюдением их статуса после выхода указов о приеме в гражданство. Р.Б. Булатов указывает на многообразие нарушений прав иностранных граждан при реализации миграционных процедур, в том числе при рассмотрении обращений в органах государственной власти и при применении мер административного воздействия [2]. В сфере гражданства подобные нарушения проявляются в отказах без надлежащей мотивации, игнорировании права на перевод, затягивании сроков рассмотрения заявлений и вручения решений, ошибочном применении оснований для отказа либо отмены решений о приеме в гражданство.

Особую группу объектов составляют случаи приобретения гражданства, имеющие значение для международного сотрудничества по уголовным делам. Е.О. Овчинникова показывает, что правомерность приобретения гражданства напрямую связана с допустимостью экстрадиции: незаконное приобретение гражданства используется для уклонения от выдачи, а последующее установление факта необоснованной выдачи паспорта влияет на возможность передачи лица иностранному государству [8]. Из этого следует, что надзор за законностью решений о приеме в гражданство включает контроль за полнотой проверок заявителей по линиям правоохранительных органов и международного взаимодействия с иностранными государствами.

С учетом указанного предмет надзора структурируется по нескольким направлениям: надзор за соблюдением компетенции органов, ведающих делами о гражданстве; надзор за соблюдением материально-правовых условий приема в гражданство; надзор за процессуальной формой рассмотрения заявлений, включая соблюдение сроков, прав заявителей и порядка подачи и рассмотрения жалоб. Алыев и Хома, анализируя надзор за исполнением миграционного законодательства, обращают внимание на необходимость системного учета подведомственности дел, определения зон ответственности прокуратуры субъекта Российской Федерации и районного звена, а также необходимости тесного взаимодействия с подразделениями по вопросам миграции [1; 10].

Пределы прокурорского вмешательства в процедуру приема в гражданство определяются сочетанием общих правил о недопустимости подмены органа, принимающего решение, и специальных норм о дискреционных полномочиях Президента Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти. Статьи 14–19, 21, 37 и 38 Федерального закона № 138-ФЗ закрепляют общие основания приобретения гражданства, виды решений и порядок их обжалования, при этом Президент Российской Федерации сохраняет исключительную компетенцию по вопросам приема в гражданство в отдельных случаях, а МВД России организует основную массу процедур. Научные подходы, сформулированные в учебных трудах по прокурорскому надзору, позволяют утверждать, что прокурор оценивает правомерность применения норм и соблюдение процедур, но не пересматривает по существу целесообразность приема лица в гражданство [4; 9].

Куракин, исследуя принципы правового регулирования миграционных процессов, связывает их с балансом интересов личности и государства, сочетанием гуманитарных и охранительных начал, что проецируется на гражданство: расширение оснований для приема в гражданство и одновременное усиление контроля за лицами, представляющими повышенный риск для безопасности [7]. Дылико подчеркивает, что ограничения права на гражданство зависят от статуса субъекта и характера правомочия, а основания для отказа и отмены решений выступают инструментами защиты безопасности государства и общества [3]. Овчинникова показывает, что выявление дефектов при приобретении гражданства имеет последствия не только для статуса лица, но и для международных обязательств России в сфере экстрадиции [8]. Совместное использование этих подходов позволяет трактовать пределы надзора как границу между проверкой законности реализации установленных законом ограничений и недопустимостью вмешательства в политико-правовые решения, принимаемые на уровне Президента Российской Федерации.

Вопрос об организации надзора в условиях усложнения миграционных потоков и цифровизации информационных ресурсов исследуется в трудах по общему прокурорскому надзору. Монография Университета прокуратуры Российской Федерации, а также учебные материалы под редакцией Законова обращаются к проблеме построения надзорной деятельности вне уголовно-правовой сферы через внедрение аналитических инструментов, оптимизацию планирования проверок, разработку критериев оценки эффективности прокурорского реагиро-

вания [4; 9]. Крылова предлагает использовать риск-ориентированный подход, ранжировать нарушения по категориям риска, применять цифровые решения для анализа массива данных и автоматизации отбора объектов контроля [5]. Перенос этих подходов в сферу надзора за приемом в гражданство дает возможность формировать перечни территорий и категорий дел, где повышена вероятность злоупотреблений, связанных с коррупцией, фиктивными документами или искажением сведений о заявителях.

Хода и Альев в исследованиях по надзору за миграционным законодательством указывают на распространенность формального подхода к проверкам, недостаточную специализацию работников, осуществляющих надзор, и слабую координацию с иными органами, ответственными за безопасность границ и контроль за пребыванием иностранных граждан [1; 10]. В сфере гражданства аналогичные проблемы проявляются в недостаточном использовании материалов оперативно-разыскной деятельности и межведомственных баз данных при проверке заявителей, а также в слабой аналитической проработке оснований для отказа или отмены решений о приеме в гражданство.

Суммарный анализ научных источников и действующих актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации позволяет заключить, что современная модель предмета, объектов и пределов прокурорского надзора при приеме в гражданство активно формируется под влиянием обновленного законодательства о гражданстве, усиления миграционной компоненты национальной безопасности, а также внедрения риск-ориентированных и цифровых подходов, обсуждаемых в научной литературе по общему прокурорскому надзору.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о сложной, многоуровневой структуре надзорных полномочий прокуратуры в сфере приема в гражданство Российской Федерации. Гражданство выступает одновременно элементом статуса личности и инструментом обеспечения безопасности государства, что задает особую чувствительность к законности решений органов, ведающих делами о гражданстве. Усиление дифференциации процедур – введение категорий лиц, обращающихся за приемом в гражданство по упрощенным и временным правилам, расширение круга оснований для отказа и отмены решений – повышает вероятность ошибок, произвольного толкования ограничений, а также злоупотреблений со стороны поднадзорных органов.

При этом модель предмета и объектов прокурорского надзора, выстроенная в исследовании, демонстрирует, что надзор не сводится к проверке формальных признаков законности решений. В поле внимания прокурора входят условия доступа к процедурам (качество информирования населения, доступность форм заявлений, возможность обращения через консульские учреждения), реальная обеспеченность права на участие в процедуре (наличие переводчиков, учет уязвимых категорий лиц, соблюдение разумных сроков рассмотрения), а также последствия принимаемых решений для прав заявителей и международных обязательств Российской Федерации.

Существенный интерес представляет вопрос о границах вмешательства прокурора в сферу дискреционных полномочий Президента Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти. Введение специальных процедур для отдельных категорий лиц по указам Президента потребовало уточнения содержания надзора: прокурор не оценивает политическую целесообразность предоставления гражданства, но контролирует соблюдение установленных указами и законом формальных и содержательных критериев, корректность подготовки материалов, полноту проверки сведений о заявителе, отсутствие коррупционной мотивации при отборе кандидатов для внесения представления. Такая конструкция требует высокого уровня правовой культуры и профессиональной подготовленности надзорных работников, поскольку граница между проверкой законности и недопустимым вмешательством в дискреционные решения довольно тонка.

Не менее значима проблема объектов надзора. В условиях цифровизации миграционного учета и интеграции информационных систем органов внутренних дел, пограничной службы и иных ведомств растет массив данных, используемых при проверке заявителей. При отсутствии устойчивых алгоритмов взаимодействия органов прокуратуры с указанными системами надзор рискует остаться фрагментарным и ориентированным на формальные признаки нарушений. Идеи риск-ориентированного подхода, разработанные в отношении иных сфер деятельности, представляются перспективным инструментом для выявления зон повышенного риска в делах о гражданстве: территорий с аномально высокой долей положительных решений, категорий заявителей, для которых характерна высокая доля последующих отмен решений, подразделений, где систематически нарушаются сроки рассмотрения заявлений.

Особого обсуждения заслуживает проблема соотношения надзора за законностью и судебного контроля. Федеральный закон № 138-ФЗ закрепляет развернутый механизм обжалования решений по вопросам гражданства и действий (бездействия) органов, ведающих делами о гражданстве, в административном и судебном порядке. При этом прокурор не только инициирует проверки и вносит представления, но и участвует в судебных разбирательствах по делам, связанным с гражданством, поддерживает иски в защиту неопределенного круга лиц или отдельных заявителей, вступает в процессы для дачи заключения. Значительная часть нарушений, выявляемых в судебной практике, возникает на стадии рассмотрения заявлений и подготовки решений, что подтверждает необходимость раннего надзора, ориентированного на предупреждение нарушений, а не только на реагирование по итогам судебных актов.

Научные выводы о необходимости системного подхода к предмету и объектам надзора подталкивают к пересмотру внутренней организации работы органов прокуратуры. Представляется целесообразным выделить специализированные направления в структуре подразделений по надзору за исполнением законов в миграционной сфере, формирование постоянных аналитических групп, отвечающих за мониторинг практики применения законодательства о гражданстве, анализ статистики отказов, отмен решений, случаев выявления незаконного приобретения гражданства и последующей экстрадиции. С этим связана и проблема подготовки кадров: работа с делами о гражданстве требует одновременно глубоких знаний миграционного права, международного права прав человека, основ национальной безопасности и практики международного сотрудничества по уголовным делам.

Отдельный блок вопросов связан с защитой прав иностранных граждан и лиц без гражданства. Исследования, посвященные участию органов прокуратуры в защите их прав, показывают уязвимость данной категории лиц перед произвольными решениями, недостаточную информированность о возможностях обжалования и о содержании своих прав. Для надзора за приемом в гражданство это означает необходимость смещения акцента с сугубо формальной проверки документов на оценку доступности процедур и способности заявителя полноценно реализовать свои права в процессе рассмотрения заявления.

В совокупности обсуждение указанных проблем позволяет заключить, что прокурорский надзор при приеме в гражданство нуждается в дальнейшей институциональной настройке: от уточнения внутренних регламентов органов прокуратуры и разработки методических рекомендаций по проверкам до внедрения цифровых инструментов, позволяющих выявлять типичные схемы злоупотреблений и оперативно реагировать на изменения в миграционных потоках и гражданственно-правовых статусах.

Заключение

Исследование предмета, объектов и пределов прокурорского надзора за исполнением законодательства при приеме в гражданство Российской Федерации позволило предложить целостную модель надзора в условиях действия Федерального закона № 138-ФЗ и указов Президента Российской Федерации, устанавливающих специальные процедуры приема в гражданство. Предмет надзора охватывает соблюдение требований законодательства о гражданстве, миграционных и связанных с ними норм, а также соблюдение прав заявителей и иных лиц, участвующих в производстве по делам о гражданстве. Объекты надзора сгруппированы на нормативные и индивидуальные акты органов, ведающих делами о гражданстве, фактические действия и решения поднадзорных органов, а также отношения, связанные с правовым положением иностранных граждан и лиц без гражданства.

Пределы надзора определены через сочетание общих правил о недопустимости подмены компетентных органов и специальных норм о дискреционных полномочиях Президента Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти. Прокурорская деятельность в данной сфере ориентируется на проверку законности, соблюдение процедур, полноту и добросовестность проверки сведений о заявителях, своевременность и мотивированность решений, не вторгаясь в политические и иные оценочные элементы, характерные для исключительных и временных процедур приема в гражданство.

Реализация надзорных полномочий приобретает особое значение в связи с расширением категорий лиц, принимаемых в гражданство, усилением значения гражданства для обеспечения национальной безопасности и международных обязательств России, а также развитием цифровых инструментов управления миграционными потоками. С учетом изложенного предлагается ориентировать развитие прокурорского надзора при приеме в гражданство на внедрение риск-ориентированных подходов, усиление аналитической составляющей, создание специализированных подразделений и совершенствование вза-

и взаимодействия органов прокуратуры с органами внутренних дел и иными ведомствами, ответственными за реализацию законодательства о гражданстве.

Литература

1. Алыев М.А. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере миграции // Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы экономики, права и социологии». 2024. С. 30–32.
2. Булатов Р.Б. Роль органов прокуратуры в защите прав иностранных граждан в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 61–64. doi:10.24412/2073-3305-2024-1-61-64
3. Дылико М.С. Современные аспекты права на гражданство: правовые аспекты, ограничения и механизмы натурализации в контексте глобализации и миграционных потоков // Актуальные исследования. 2024. № 3 (185). Ч. III. С. 9–11.
4. Законов З.А.И. и др. Прокурорский надзор за исполнением законов и законностью правовых актов: учеб. пособие. СПб.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023.
5. Крылова Д.В. Повышение эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия в отношении должностных преступлений коррупционной направленности // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 1. С. 228–235.
6. Крысанов А.В. О новом порядке рассмотрения заявлений по вопросам гражданства Российской Федерации и принятия по ним решений подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 62–65.
7. Куракин А.В. К вопросу о принципах правового регулирования миграционных процессов // Научный журнал (электронное издание, РИНЦ). 2023. № 1. С. 81–89.
8. Овчинникова Е.О. Правомомерность приобретения гражданства Российской Федерации как фактор, влияющий на осуществление экстрадиции // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 5.
9. Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы: монография. М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023.
10. Хода В.Д. Прокурорский надзор в сфере незаконной миграции: теория и практика // Миграционное право. 2021. № 2.

SUBJECT, OBJECTS, AND LIMITS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF LEGISLATION COMPLIANCE IN ADMISSION TO CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION

Postnova M.V.

Moscow State Law Academy

This article clarifies the subject, objects, and limits of prosecutorial supervision of legal compliance in the process of granting citizenship of the Russian Federation in the context of reforming migration and citizenship policies. The relevance of this topic is substantiated given the entry into force of Federal Law No. 138-FZ of April 28, 2023, "On Citizenship of the Russian Federation," subsequent amendments, and decrees of the President of the Russian Federation regulating the categories of persons granted citizenship under a special procedure. This paper describes the system of legal sources defining the competence of prosecutorial authorities in the field of migration, analyzes scientific approaches to understanding the subject and objects of oversight, and identifies the boundaries of prosecutorial intervention in the discretionary decisions of authorities handling citizenship matters. Particular attention is paid to oversight of the legality of actions by units of the Russian Ministry of Internal Affairs, diplomatic missions, consular offices, and other entities involved in citizenship proceedings. The study aims to develop a comprehensive model for overseeing citizenship applications based on a combination of substantive and procedural law. Formal legal, systemic, comparative legal, and analytical methods are applied. The conclusion demonstrates the practical significance of the proposed findings for prosecutorial authorities, internal affairs agencies, and the academic community.

Keywords: prosecutorial oversight, Russian citizenship, migration legislation, subject of oversight, objects of oversight, scope of oversight, prosecutorial authorities, internal affairs agencies, naturalization, rights of foreign citizens.

References

1. Alyev M.A. Prosecutor's Supervision of Law Enforcement in the Sphere of Migration // All-Russian Scientific and Practical Conference "Current Issues of Economics, Law, and Sociology." 2024. Pp. 30–32.
2. Bulatov R.B. The Role of the Prosecutor's Office in Protecting the Rights of Foreign Citizens in Russia // Education. Science. Scientific Personnel. 2024. No. 1. Pp. 61–64. doi:10.24412/2073-3305-2024-1-61-64
3. Dyliko M.S. Modern Aspects of the Right to Citizenship: Legal Aspects, Restrictions, and Mechanisms of Naturalization in the Context of Globalization and Migration Flows // Current Research. 2024. No. 3 (185). Part III. Pp. 9–11.
4. Zakonov Z.A.I. et al. Prosecutor's Supervision over the Implementation of Laws and the Legality of Legal Acts: A Textbook. St. Petersburg: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023.
5. Krylova, D.V. "Increasing the Efficiency of Prosecutor's Supervision of the Activities of Preliminary Investigation Bodies in Relation to Official Corruption-Related Crimes." Bulletin of Kostroma State University. 2024. Vol. 30. No. 1. Pp. 228–235.
6. Krysanov, A.V. "On the New Procedure for Considering Applications for Citizenship of the Russian Federation and Making Decisions Thereon by Divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation." Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1. Pp. 62–65.
7. Kurakin, A.V. "On the Principles of Legal Regulation of Migration Processes." Scientific Journal (electronic publication, RSCI). 2023. No. 1. Pp. 81–89.
8. Ovchinnikova, E.O. "The Legality of Acquiring Russian Citizenship as a Factor Influencing Extradition Procedures" // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. No. 5.
9. Prosecutor's Supervision of Law Enforcement Outside the Criminal Law Sphere: Monograph. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023.
10. Khoda, V.D. "Prosecutor's Supervision in the Sphere of Illegal Migration: Theory and Practice" // Migration Law. 2021. No. 2.

Седых Виктор Романович,

аспирант кафедры административного и финансового права Юго-западного государственного университета; преподаватель кафедры экономики и права Курского государственного аграрного университета
E-mail: sedyh-viktor@mail.ru

В статье проводится комплексное исследование современной практики применения конкурсных процедур в системе государственных закупок Российской Федерации. Актуальность работы обусловлена системообразующей ролью государственных закупок для функционирования публичного сектора экономики и необходимостью обеспечения эффективного использования бюджетных средств в условиях импортозамещения и санкционного давления. В ходе исследования выявлены и проанализированы ключевые проблемные аспекты конкурсных процедур, включая формальный подход к проведению закупок, выражающийся в доминировании ценового критерия над качественными характеристиками. Особое внимание уделено анализу антиконкурентных практик, таких как горизонтальные и вертикальные сговоры, использование демпинговых цен и создание искусственных барьеров для участия в закупках. Отдельный раздел исследования посвящен анализу квалификационных требований к участникам закупок и проблемам их оценки. На основе изучения судебной практики выявлены противоречия в применении критериев опыта и квалификации участников. Исследование также охватывает вопросы бюрократической нагрузки на заказчиков и ее влияния на выбор неоптимальных способов закупки. В результате проведенного анализа сформулированы конкретные предложения по совершенствованию конкурсных механизмов, включая дифференциацию подходов к выбору способа закупки, внедрение технологий искусственного интеллекта для выявления сговоров, развитие системы профессиональной сертификации контрактных управляющих и создание специализированных процедур для закупок инновационной продукции.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, электронный аукцион, открытый конкурс, Федеральный закон № 44-ФЗ, антиконкурентные соглашения, эффективность бюджетных расходов, квалификация участников закупки.

Актуальность исследования обусловлена системообразующей ролью государственных закупок для функционирования публичного сектора экономики и необходимостью постоянного повышения эффективности использования бюджетных средств. Проблема исследования заключается в существующем противоречии между декларируемыми в законодательстве принципами конкуренции, эффективности и прозрачности и реальной практикой проведения конкурсов, которая характеризуется доминированием ценового критерия, высокими коррупционными и антиконкурентными рисками, а также недостаточной ориентацией на долгосрочный результат и инновации. В этой связи целью работы является проведение комплексного анализа современной практики применения конкурсных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в Российской Федерации, выявление ключевых проблем правового регулирования и правоприменения, а также разработка на этой основе научно обоснованных предложений по оптимизации конкурсных механизмов в рамках контрактной системы.

Институт государственных закупок представляет собой краеугольный камень в системе публичных финансов и важнейший инструмент реализации государственных функций и обеспечения национальной безопасности. В Российской Федерации правовые, экономические и организационные основы закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд установлены Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ). Одной из фундаментальных идей Закона является приоритет конкурентных начал, призванных обеспечить эффективное и рациональное использование бюджетных средств. Конкурс, в своих различных формах, выступает основным механизмом выявления наилучших условий исполнения контракта. Однако, несмотря на более чем десятилетний период действия Закона № 44-ФЗ и его постоянную корректировку, практика применения конкурсных процедур продолжает выявлять ряд устойчивых проблемных узлов. Эти проблемы лежат в плоскости как правового регулирования, так и правоприменения, и требуют глубокого научного осмысления и выработки адресных решений [7].

Ситдикова Л.Б. в своей статье пишет о том, что закон № 44-ФЗ закрепляет несколько способов определения поставщиков, среди которых конкурентные процедуры занимают центральное место. К ним, в первую очередь, относятся электронный аукцион и открытый конкурс, а также такие их разновидности, как конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс и закрытые формы данных процедур [11].

Электронный аукцион, проводимый на специализированных электронных площадках, де-факто стал доминирующим способом закупки в РФ. Его популярность среди заказчиков обусловлена простотой процедуры, строгой формализацией и минимальными возможностями для субъективной оценки заявок. Критерием победы является наименьшая цена контракта. Однако в последние годы наметилась тенденция к переосмыслению роли открытого конкурса, особенно в сфере закупок сложных, инновационных товаров, работ и услуг, где решающее значение имеют не только цена, но и качественные, функциональные характеристики объекта закупки. Открытый конкурс позволяет использовать неценовые критерии оценки заявок, такие как качественные характеристики, потребительские свойства, квалификация участников, что закреплено в статье 32 Закона № 44-ФЗ. Это создает предпосылки для более взвешенного выбора контрагента, однако на практике сопряжено с повышенными коррупционными рисками и сложностью процедуры, что отпугивает заказчиков.

Важной тенденцией последних лет является активное развитие института единого поставщика (подрядчика, исполнителя), регламентированного статьей 93 Закона № 44-ФЗ. Расширение перечня оснований для осуществления закупок у единственного поставщика, хотя и продиктовано соображениями гибкости и оперативности в определенных ситуациях, объективно ведет к сужению сферы применения конкурентных механизмов, что вызывает обеспокоенность с точки зрения принципов эффективности и прозрачности [4].

Судебная практика 2023–2025 годов подчеркивает обязанность заказчиков проверять достоверность информации о опыте участников по статье 31 Закона № 44-ФЗ, с отклонением заявок при выявлении

недостовверных сведений, как указано в постановлениях Верховного Суда РФ. В обзоре ФАС России за I квартал 2025 года отмечены случаи недопустимости объединения разнородных объектов в один лот (строительно-монтажные работы с поставкой оборудования), что ограничивает конкуренцию, а также запрета на характеристики, соответствующие продукции одного производителя. Арбитражный суд Волго-Вятского округа в постановлении от 17.09.2025 № Ф01–3096/2025 разъяснил, что опыт формируется совокупностью контрактов, даже если каждый охватывает лишь часть работ, подтверждая относимость документов вроде актов выполненных работ. ФАС России в обзорах за июль 2025 года выявила противоречия в извещениях, где требования в структурированной форме расходились с приложениями, что признано нарушением пункта 4 Постановления Правительства РФ № 2571. Аналогично, суды в 2025 году признали незаконным отклонение заявок из-за отсутствия контроля за использованием заявленных ресурсов в исполнении контракта, подчеркивая принцип эффективности. Практика демонстрирует тенденцию к защите результатов оценки от вмешательства УФАС, где статья 99, часть 12 Закона № 44-ФЗ отводит контроль процедуры антимонопольному органу, а содержание оценки – судам[1, 5].

Анализ правоприменительной практики и данных с Единой информационной системы в сфере закупок позволяет выделить ряд системных проблем, характерных для современных конкурсных процедур[6].

Как подчеркивает в своем исследовании Каракбаева А.А., во-первых, это проблема формального подхода к проведению конкурсов. Стремление заказчиков минимизировать риски оспаривания результатов и административную нагрузку зачастую приводит к тому, что закупки проводятся по принципу «минимизации цены» без учета жизненного цикла и качественных параметров закупаемой продукции. Это особенно критично в таких сферах, как строительство, здравоохранение, образование, где низкое качество работ или товаров может привести к значительным социальным и экономическим издержкам. Во-вторых, сохраняется высокий уровень коррупционных и антиконкурентных рисков. Несмотря на всеобщую цифровизацию, практика свидетельствует о существовании различных схем сговора как между участниками закупок (горизонтальные сговоры), так и между заказчиками и потенциальными поставщиками (вертикальные сговоры). Используются такие методы, как подача заявок с нереально заниженными ценами для срыва процедуры, создание искусственной конкуренции через участие аффилированных лиц, включение в документацию избыточных или заказных требований, ограничивающих круг допущенных участников[8].

В-третьих, значительной проблемой остается низкая квалификация части заказчиков. Недостаточное понимание тонкостей Закона № 44-ФЗ, неумение корректно формировать технические задания и устанавливать объективные неценовые критерии оценки приводят к ошибкам в документации, многочисленным жалобам в Федеральную антимонопольную службу и, в конечном счете, к срыву закупок или заключению неэффективных контрактов. В-четвертых, наблюдается дисбаланс между принципами экономической эффективности и административной нагрузкой. Чрезмерная регламентация каждого этапа конкурсной процедуры, обширная отчетность и строгая ответственность заказчиков порождают бюрократические барьеры. Это вынуждает государственные и муниципальные органы выбирать не всегда оптимальные с экономической точки зрения, но наиболее «безопасные» с процедурной точки зрения способы закупок. В-пятых, актуальной проблемой является недостаточное развитие механизмов закупок инновационной и высокотехнологичной продукции. Существующие процедуры открытого конкурса и аукциона плохо приспособлены для закупок НИОКР или сложных инженерных решений, где результат не может быть заранее детально специфицирован. Это сдерживает модернизацию государственного сектора и внедрение передовых технологий[10].

Одной из ключевых проблем остается необъективная оценка заявок по квалификационным критериям без предельного максимума, что уравнивает участников с избыточным опытом и менее квалифицированных, нивелируя идею конкурса как отбора наиболее компетентного поставщика. ФАС в решениях 2025 года (например, № 28/06/105–3469/2025) отметила, что такие формулировки вынуждают опытных участников демпинговать цену, нарушая баланс критериев. Демпинг, особенно свыше 25% от начальной максимальной цены контракта (НМЦК), приводит к срывам контрактов: победители либо уклоняются, либо не исполняют обязательства качественно, как в случаях с санкциями или недобросовестным поведением. Другая системная проблема – ошибки в описании объекта закупки, включая неполный объем работ или «заточку» под конкретного поставщика, что подтверждается практикой Ненецкого УФАС в решении от 25.04.2025 № 083/06/106–56/2025. В 2024–2025 годах участились жалобы на применение национального режима и антидемпинговых мер, где ФАС признавала не-

законным приравнивание крупных контрактов к мелким. Кроме того, отсутствие механизма верификации заявленных ресурсов в исполнении контракта создает риски, аналогичные ситуациям 2013 года под 94-ФЗ[2].

Акопян, А. П. пишет о том, что для преодоления обозначенных проблемных аспектов необходима реализация комплекса мер, направленных на совершенствование как нормативной базы, так и правоприменительной практики. Перспективным направлением представляется дальнейшая дифференциация подходов к выбору способа закупки. Целесообразно законодательно закрепить более четкие и предметные критерии для применения открытого конкурса с неценовыми критериями. Например, установить пороговые значения стоимости или перечень объектов закупки, для которых обязательным является проведение конкурса с оценкой соотношения цены и качества. Это позволит стимулировать заказчиков к более обоснованному выбору в пользу качества и долгосрочной эффективности. Для противодействия сговорам и иным антиконкурентным практикам необходимо усиление аналитического и прогностического потенциала контролирующих органов, в первую очередь Федеральной антимонопольной службы России. Внедрение современных методов анализа больших данных и технологий искусственного интеллекта для выявления аномалий в поведении участников закупок позволит перейти от реактивного к проактивному контролю. Кроме того, ужесточение ответственности за участие в картельных сговорах, вплоть до уголовной ответственности для руководителей организаций-нарушителей, могло бы стать действенным сдерживающим фактором[6].

Повышение профессионального уровня заказчиков является ключевым условием повышения эффективности всей контрактной системы. Необходимо развитие системы непрерывного образования и профессиональной сертификации контрактных управляющих, внедрение стандартов их работы и создание профессионального сообщества, способного к саморегулированию. В целях снижения бюрократической нагрузки и повышения гибкости представляется обоснованным пересмотр и оптимизация некоторых процедурных требований. Например, можно рассмотреть возможность упрощения процедур внесения изменений в извещения и документацию на ранних стадиях проведения закупки, а также развитие института рамочных соглашений для стандартных и повторяющихся нужд.

Для стимулирования закупок инноваций требуется разработка и внедрение специализированных конкурсных процедур, таких как конкурс инноваций или конкурс на реализацию исследовательских проектов. Такие процедуры должны допускать большую степень свободы в формулировке заданий, предусматривать поэтапное финансирование и оценку заявок на основе компетенций исполнителя и научно-технической ценности предлагаемого решения, а не только на основе формальных критериев[12].

Таким образом, практика применения конкурсных процедур в системе государственных закупок Российской Федерации демонстрирует как значительные достижения в области формализации и цифровизации процессов, так и наличие глубоких системных проблем. Доминирование ценового критерия, риски сговоров, недостаточная квалификация заказчиков и избыточная административная нагрузка продолжают ограничивать потенциал контрактной системы как инструмента эффективного управления публичными финансами. Преодоление этих вызовов требует сбалансированного подхода, сочетающего в себе ужесточение контроля за соблюдением антимонопольного законодательства с либерализацией избыточно регламентированных процедур. Стратегическим вектором развития должно стать смещение акцента с минимизации начальной цены контракта на достижение наилучших стоимостных характеристик на протяжении всего жизненного цикла объекта закупки. Реализация предложенных мер – по дифференциации процедур, внедрению цифровых технологий контроля, повышению квалификации заказчиков и развитию специализированных механизмов для инноваций – будет способствовать повышению эффективности, прозрачности и результативности использования бюджетных средств, что является одной из ключевых задач социально-экономического развития Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон от 31.12.2017 № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 01.01.2018, № 1 (Часть I), ст. 88.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государ-

ственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14, Ст. 1652.

3. Об утверждении Правил оценки заявок, окончательных предложений участников закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1085 (ред. от 14.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 49. – Ст. 6456.

4. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства в сфере государственных и муниципальных закупок: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.10.2013 № 232 // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 12.

5. Мельников, В.В. Эволюция механизма открытого конкурса при государственных закупках в постсоветской России // JER. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mehanizma-otkrytogo-konkursa-pri-gosudarstvennyh-zakupkah-v-postsovetsoy-rossii> (дата обращения: 28.11.2025).

6. Акопян, А.П. Актуальные проблемы проведения электронных конкурсов по законодательству о контрактной системе в сфере закупок / А.П. Акопян. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 2 (292). – С. 81–83.

7. Умнова, М.Г. Развитие участия малых и средних предприятий в государственных закупках в России / М.Г. Умнова, П.Д. Козлова // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 12. – С. 3205–3222.

8. Каракбаева А.А. История развития системы государственных закупок в России // Мировые тенденции развития науки, образования, технологий: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 11 июня 2021 г. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2021. С. 62–65. URL: <https://apni.ru/article/2535-istoriya-razvitiya-sistemi-gosudarstvennykh>.

9. Чертков В.С. Практика применения закона о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд через систему контроля / В.С. Чертков, Н.В. Мижарева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 10 (41). – URL: [object Object] (Дата обращения 28.11.2025).

10. Мельников Владимир Васильевич Эволюция механизма открытого конкурса при государственных закупках в постсоветской России // JER. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mehanizma-otkrytogo-konkursa-pri-gosudarstvennyh-zakupkah-v-postsovetsoy-rossii> (дата обращения: 28.11.2025).

11. Ситдикова Любовь Борисовна Правовое регулирование закупок товаров, работ, услуг путем проведения торгов в форме конкурсов и аукционов // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-zakupok-tovarov-rabot-uslug-putem-provedeniya-torgov-v-forme-konkursov-i-auksionov> (дата обращения: 28.11.2025).

12. Тюрина, Ю.Г. Финансирование государственных закупок товаров (работ, услуг) для обеспечения государственных (муниципальных) нужд: проблемы и современные тенденции / Ю.Г. Тюрина, А.А. Шуина // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 3001–3018.

THE PRACTICE OF USING COMPETITION IN PUBLIC PROCUREMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sedykh V.R.

Southwestern State University, Kursk State Agrarian University

The article provides a comprehensive study of the modern practice of applying competitive procedures in the public procurement system of the Russian Federation. The relevance of the work is determined by the system-forming role of public procurement for the functioning of the public sector of the economy and the need to ensure the effective use of budget funds in the context of import substitution and sanctions pressure. The study identified and analyzed key problematic aspects of competitive procedures, including the formal approach to procurement, expressed in the dominance of price criteria over quality characteristics. Special attention is paid to the analysis of anticompetitive practices such as horizontal and vertical collusion, the use of dumping prices and the creation of artificial barriers to participation in procurement. A separate section of the study is devoted to the analysis of qualification requirements for procurement participants and the problems of their assessment. Based on the study of judicial practice, contradictions in the application of criteria of experience and qualifications of participants have been identified. The study also covers the issues of the bureaucratic burden on customers and its impact on the choice of suboptimal procurement methods. As a result of the analysis, specific proposals have been formulated to improve competitive mechanisms, including differentiating approaches to choosing a procurement method, introducing artificial intelligence technologies to detect collusion, developing a professional certification system for contract managers, and creating specialized procedures for the procurement of innovative products.

Keywords: public procurement, contract system, electronic auction, open tender, Federal Law No. 44-FZ, anticompetitive agreements, efficiency of budget expenditures, qualification of procurement participants.

References

1. Federal Law of 31.12.2017 No. 504-FZ "On Amendments to the Federal Law "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs" // Collected Legislation of the Russian Federation, 01.01.2018, No. 1 (Part I), Art. 88.
2. Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14, Art. 1652.
3. On Approval of the Rules for the Evaluation of Bids and Final Proposals of Participants in the Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs: RF Government Resolution of 28.11.2013 No. 1085 (as amended on 14.11.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 49. – Art. 6456.
4. On Certain Issues Arising During the Consideration of Cases of Violation of Antimonopoly Legislation in the Sphere of State and Municipal Procurement: Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22.10.2013 No. 232 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2013. – No. 12.
5. Melnikov, V.V. Evolution of the Open Tender Mechanism in Public Procurement in Post-Soviet Russia // JER. 2015. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mehanizma-otkrytogo-konkursa-pri-gosudarstvennyh-zakupkah-v-postsovetsoy-rossii> (date of access: 28.11.2025).
6. Akopyan, A.P. Actual problems of conducting electronic tenders under the legislation on the contract system in the field of procurement / A.P. Akopyan. – Text: direct // Young scientist. – 2020. – No. 2 (292). – P. 81–83.
7. Umnova, M.G. Development of participation of small and medium-sized enterprises in public procurement in Russia / M.G. Umnova, P.D. Kozlova // Economy, entrepreneurship and law. – 2022. – Vol. 12, No. 12. – Pp. 3205–3222.
8. Karakbaeva A.A. History of the development of the public procurement system in Russia // World trends in the development of science, education, technology: a collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference of June 11, 2021. Belgorod: ООО Agency for Advanced Scientific Research (APNI), 2021. Pp. 62–65. URL: <https://apni.ru/article/2535-istoriya-razvitiya-sistemi-gosudarstvennykh>.
9. Chertkov V.S. Practice of application of the law on the contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs through the control system / V.S. Chertkov, N.V. Mizareva // International Research Journal. – 2015. – No. 10 (41). – URL: [object Object] (Accessed 28.11.2025).
10. Melnikov, Vladimir Vasilievich. Evolution of the open tender mechanism in public procurement in post-Soviet Russia // JER. 2015. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mehanizma-otkrytogo-konkursa-pri-gosudarstvennyh-zakupkah-v-postsovetsoy-rossii> (Accessed: 28.11.2025).
11. Sitdikova Lyubov Borisovna. Legal regulation of the procurement of goods, works, and services through tenders and auctions // Gaps in Russian legislation. 2016. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-zakupok-tovarov-rabot-uslug-putem-provedeniya-torgov-v-forme-konkursov-i-auksionov> (Accessed: 28.11.2025).
12. Tyurina, Yu.G. Financing of public procurement of goods (works, services) to meet state (municipal) needs: problems and current trends / Yu.G. Tyurina, A.A. Shuina // Economic relations. – 2019. – Vol. 9, No. 4. – P. 3001–3018.

К вопросу о соблюдении требований в части передачи специальной категории персональных данных медицинскими организациями

Сунцова Карина Спартаковна,

аспирант кафедры административного права и процесса
имени Л.Л. Попова, ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: suntsovakarina@bk.ru

В статье рассматриваются публично-правовые аспекты обработки и передачи сведений, относящихся к специальной категории персональных данных, в деятельности медицинских организаций как субъектов административно-правовых отношений. Анализируется правовое регулирование врачебной тайны как составной части сведений о частной жизни гражданина, а также комплексное правовое регулирование таких сведений законодательством о здравоохранении и персональных данных. Особое внимание уделено проблеме допустимости участия лиц, не являющихся медицинскими работниками, в особенности юристов, в процедурах внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности и в работе врачебных комиссий. На основе анализа нормативных правовых актов и правоприменительной практики выявляются коллизии между публичными интересами государства в обеспечении законности и защиты прав граждан и частными интересами субъектов медицинской деятельности. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства в части обработки медицинской информации в целях повышения эффективности государственного контроля и снижения риска привлечения к административной ответственности медицинских организаций за привлечение юристов с целью рассмотрения жалоб и требований пациентов.

Ключевые слова: врачебная тайна; персональные данные специальной категории; участие третьих лиц во врачебной комиссии и комиссии по внутреннему контролю качества и безопасности; юридическая помощь; административная ответственность; медицинские организации.

Современная система здравоохранения характеризуется повышенной социальной значимостью информации, касающейся состояния здоровья пациентов. Одновременно с этим наблюдается ужесточение нормативных требований к сохранности конфиденциальных сведений. В таких условиях вопрос реализации права медицинской организации на профессиональное юридическое сопровождение приобретает особую остроту, поскольку это право необходимо осуществлять при строгом соблюдении запрета на несанкционированное предоставление и распространение персональных данных пациентов среди третьих лиц.

Конституция Российской Федерации (далее – Основной закон) гарантирует гражданам защиту от несанкционированного вмешательства в их частную, личную и семейную жизнь (ч. 1 ст. 23 Основного закона). Следовательно, из норм Основного закона следует императивный запрет на накопление, хранение, передачу и распространение сведений о частной жизни гражданина без его собственного волеизъявления (ч. 1 ст. 24 Основного закона).

Одним из фундаментальных принципов системы охраны здоровья граждан является обеспечение сохранности врачебной тайны. Данный принцип закреплён в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ (далее – Закон об охране здоровья граждан), который определяет перечень сведений, относимых к врачебной тайне.

К информации о частной жизни относится сам факт обращения лица за медицинской помощью, включая сведения о его пребывании в медицинской организации, что обусловлено необходимостью обеспечения конфиденциальности медицинской информации и защиты частной жизни пациента, поскольку в отношении такой информации законодательством установлен особый правовой режим охраны. Кроме того, врачебную тайну формируют сведения о физическом, моральном состоянии пациента и закреплённом в медицинской документации диагнозе, иными словами, информация о присутствии или отсутствии патологических состояний, которую медицинский работник получает при сборе анамнестических данных, проведении опросов, измерении температурных показателей как количественного диагностического параметра, а также данных при применении других методик медицинского обследования.

В состав врачебной тайны входят и иные дополнительные сведения, собранные в процессе диагностики и лечения пациента. Такая информация охватывает сведения о родственниках пациента, сообщённая при сборе анамнеза с целью выявления факторов риска развития наследственных заболеваний, например, передача пациентом медицинской документации родственника, страдающего аналогичным заболеванием.

Таким образом, врачебная тайна охватывает широкий круг сведений, затрагивающих частную жизнь гражданина, которые становятся известны медицинским работникам и медицинским организациям в связи с осуществлением медицинской деятельности. Установление правового режима охраны таких данных направлено на защиту прав пациента и обеспечение доверительных отношений между пациентом и медицинским работником².

В.Н. Омелин отмечает, что «тайна частной жизни состоит из множества структурных элементов (свобода и личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, профессиональная тайна, конфиденциальная информация о личных данных и т.д.)» [2, с. 439–441]. Анализируя данную позицию, автор приходит к выводу, что тайна частной жизни представляет собой многокомпонентное явление, включающее различные элементы, в том числе врачебную тайну, и направленное на правовую защиту граждан. Такой подход обеспечивает соблюдение баланса интересов общества и личности при обработке такой информации, определяя ее особую правовую охрану.

Основным первичным медицинским документом, охраняемым режимом врачебной тайны и содержащим информацию о состоянии

¹ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Решение Невинномысского городского суда Ставропольского края от 07.09.2015 по делу № 2–1527/2015 М-1360/2015 // СПС «Консультант плюс».

здоровья и о проведенных медицинских вмешательствах, является медицинской картой пациента. Данный документ служит официальным подтверждением осуществляемых лечебно-диагностических мероприятий, фиксирует организацию медицинского обслуживания, обеспечивает координацию между лечащим врачом и другими специалистами. Вся клиническая информация о пациенте должна строго фиксироваться в его медицинской карте [3, с. 51–55].

Анализ ч. 2 ст. 13 Закона об основах охраны здоровья граждан позволяет констатировать, что предоставление и распространение сведений, составляющих врачебную тайну, не допускается, в том числе после смерти пациента, то есть законодатель предусмотрел императивный запрет на произвольное предоставление таких данных третьим лицам. Указанный запрет распространяется на лиц, которым такие сведения стали известны в связи с обучением, исполнением трудовых, служебных, должностных либо иных профессиональных обязанностей [1]. Законодатель также конкретизирует исключения из императивного запрета на разглашение врачебной тайны, установленные ст. 13 указанного закона. Упомянутые исключения носят закрытый характер и прямо перечислены законодателем, что исключает возможность их интерпретации по собственному усмотрению. Среди таких исключений могут быть, например, случаи предоставления информации в интересах охраны здоровья населения, по обоснованным запросам органов государственной власти и так далее, однако каждый случай строго регламентирован и не допускает произвольного толкования.

Поскольку врачебная тайна по своей правовой природе охватывает любые сведения о частной жизни гражданина, их защита неразрывно связана с институтом персональных данных. В этой связи правовое регулирование обработки такой информации осуществляется также Федеральным законом от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ (далее – Закон о персональных данных). Согласно требованиям вышеуказанного нормативного правового акта информация о состоянии здоровья отнесена к специальной категории персональных данных, обработка которых в общем порядке ограничена и допускается исключительно в случаях и на условиях, прямо предусмотренных законом.

Таким образом, правовой режим охраны врачебной тайны формируется и развивается на стыке законодательства об охране здоровья граждан и законодательства о персональных данных, что обеспечивает комплексную защиту прав граждан при обращении с медицинскими данными.

При оказании медицинских услуг нередко возникают конфликтные ситуации, когда пациент недоволен их качеством и обращается в медицинскую организацию с требованиями о компенсации морального вреда и/или о возврате денежных средств за оказанные медицинские услуги. Представляется логичным, что медицинская организация, реализующая свое конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленное ч. 1 ст. 48 Основного закона, вправе привлечь к рассмотрению требований пациента юристов, в том числе и для дачи правовой оценки обоснованности требований в целях защиты своих прав и законных интересов, а также обеспечения соблюдения прав и законных интересов пациента на основе своевременного, всестороннего и полного анализа заявленных требований.

Петензии пациентов, направленные в соответствии с Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей»², содержат в себе правовые основания – юридические факты, в соответствии с которыми такие требования были сформулированы, в том числе, со ссылками на медицинскую документацию. Возникает вопрос о том, насколько правомерна передача юристам как состоящим в трудовых отношениях с медицинской организацией, так и привлеченных по договору оказания юридических услуг, претензий пациентов, которые содержат в себе сведения, составляющие врачебную тайну.

Представляется обоснованным вывод о том, что в рассматриваемой ситуации лица, оказывающие юридическую помощь и не находящиеся в трудовых отношениях с медицинской организацией, осуществляют обработку персональных данных, относящихся к специальной категории, предусмотренной ч. 2 ст. 10 Закона о персональных данных. Указанная обработка осуществляется в целях установления и реализации прав субъекта персональных данных либо третьих лиц, а также в связи с осуществлением правосудия, что соответствует основаниям, закрепленным п. 6 ч. 2 ст. 10 названного закона. Необходимость такой обработки обусловлена:

во-первых, потребностью в достижении цели заключения соглашения (сделки), выражающейся в документальном закреплении ре-

зультатов досудебного урегулирования спора, достигнутых посредством добровольного удовлетворения требований, заявленных в претензионном порядке;

во-вторых, реализацией пациентом права на досудебное урегулирование спора, корреспондирующего с обязанностью либо правом медицинской организации рассмотреть и, при наличии оснований, удовлетворить соответствующие требования без обращения в судебные органы.

Необходимо также учитывать, что рассмотрение обращений пациентов в медицинской организации осуществляется не изолированно, а путем реализации механизмов внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, предусмотренных законодательством в сфере охраны здоровья граждан. Указанная деятельность направлена на обеспечение соответствия оказываемой медицинской помощи установленным обязательным нормативным требованиям.

Система внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности выступает одной из предусмотренных законодателем форм контроля (надзора), направленной на самостоятельное определение, выявление и пресечение медицинскими организациями нарушений прав пациентов, а также на минимизацию рисков причинения вреда жизни и здоровью. Согласно ст. 90 Закона об охране здоровья обязанность по внедрению и осуществлению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности возложена на медицинские организации, независимо от формы собственности и ведомственной принадлежности. Порядок организации и осуществления внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности подлежит нормативному регулированию со стороны уполномоченного федерального органа исполнительной власти и является обязательным для исполнения всеми субъектами медицинской деятельности. В то же время медицинские организации, руководствуясь данным порядком, разрабатывают и утверждают локальные нормативные акты, посредством которых реализуют возложенные на них функции и задачи в сфере внутреннего контроля, включая обязательное закрепление процедур рассмотрения и анализа обращений и жалоб пациентов.

Нормативное значение внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности проявляется в его включении в систему лицензионных требований. В соответствии с пп. б) п. 6 Положения о лицензировании медицинской деятельности, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2021 № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»³ соблюдение установленных требований к организации и функционированию системы внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности выступает необходимым условием для сохранения лицензии.

Следовательно, осуществление мероприятий по проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности следует рассматривать как обязанность медицинской организации, закреплённую императивным способом в законодательстве. Несоблюдение данной обязанности может служить основанием для применения мер административного принуждения, направленных на восстановление законности и обеспечение надлежащего уровня медицинской помощи.

Внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности реализуется посредством соблюдения требований к его организации и проведению, утвержденных приказом Минздрава России от 31 июля 2020 № 785н «Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности»⁴ (далее – приказ Минздрава России № 785н). По решению руководителя медицинской организации, а также в зависимости от вида медицинской организации (не уточняется, что именно подразумевается под видом медицинской организации, следовательно, автором сделан вывод, что применение зависит не от организационно-правовой формы, а от внутреннего структурирования отношений в медицинской организации, количества работников, видов работ и услуг и т.п.), такой внутренний контроль проводится либо службой (комиссией), либо уполномоченным лицом. К осуществлению мероприятий внутреннего контроля также могут быть привлечены научные и иные организации, ученые и специалисты.

³ СЗ РФ. 2021. № 23. Ст. 4091.

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 2020.

Из вышеупомянутых норм можно заключить, что отсутствуют четкие требования о том, что лица, привлеченные к реализации мероприятий внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности:

а) должны быть только медицинскими работниками медицинской организации;

б) должны находиться в трудовых отношениях с медицинской организацией.

Более того, для реализации возложенных функций недостаточно наличия у медицинских работников обучения по теме «Организация здоровья и общественное здоровье» и аккредитации по данной специальности, поскольку не всегда требования, изложенные в жалобе пациента касаются медицинской направленности (качества оказанной медицинской помощи), а, например, могут вытекать из требований по оказанию, сервисных услуг или сопутствующим им.

Внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности также осуществляется врачебной комиссией медицинской организации. Согласно приказу Минздрава России от 10 апреля 2025 № 180н «Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации»¹ (далее – приказ Минздрава России № 180н) в состав врачебной комиссии или соответствующей подкомиссии могут включаться руководители структурных подразделений медицинской организации, врачи из числа медицинских работников медицинской организации, в которой создается врачебная комиссия, а также врачи из числа медицинских работников иных медицинских организаций.

В действующем ранее приказе Минздравсоцразвития России от 5 мая 2012 № 502н «Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации»² к функциям врачебной комиссии (п. 4.24) относилось рассмотрение обращений (жалоб) по вопросам, связанным с оказанием медицинской помощи гражданам в медицинской организации. Вместе с тем в действующем порядке организации деятельности врачебной комиссии данный функционал прямо не описан. Однако, учитывая, что данный нормативный правовой акт предусматривает возможность реализации врачебной комиссией иных функций, не противоречащих законодательству Российской Федерации, перечень таких функций является открытым и определяется медицинской организацией самостоятельно – исходя из особенностей её деятельности, численности работников, кратности посещений пациентов в смену и иных факторов.

По сравнению с порядком по организации внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности³ в состав врачебной комиссии, описанный в приказе Минздрава России № 180н, не предполагается включение:

а) немедицинских работников;

б) лиц, которые не трудоустроены в медицинскую организацию.

Актуальность рассматриваемых вопросов подтверждает судебная практика. В 2023 году было рассмотрено дело о признании незаконным решения Управления Роскомнадзора по Воронежской области «Требование о недопущении нарушений»⁴. Согласно материалам дела между медицинской организацией и пациентом был заключен договор оказания услуг, по которому был оказан комплекс медицинских услуг, однако пациент остался недоволен качеством их оказания и обратился в медицинскую организацию с требованием о возврате денежных средств за некачественно оказанные медицинские услуги. Медицинская организация привлекала к рассмотрению требования юридическую компанию, которой была передана жалоба для оценки обоснованности требований. Юрист компании был привлечен к рассмотрению жалобы в рамках внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности и к врачебной комиссии, следовательно, ему также была передана медицинская документация по спорному случаю оказания медицинских услуг. По итогам рассмотрения требования пациента комиссией было принято решение об их удовлетворении, после чего привлеченный юрист подготовил досудебное соглашение и связался с пациентом для организации его подписания. Пациент обратился с жалобой в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) в связи с тем, что, по его мнению, медицинской орга-

низацией была осуществлена незаконная передача его медицинской информации юридической компании.

Нормы законодательства о персональных данных предусматривают возможность правовой защиты интересов субъекта персональных данных в случаях выявления им нарушений правил обработки персональных данных либо иных отклонений от установленных требований, в том числе затрагивающих его права и свободы. В подобных ситуациях субъект персональных данных вправе инициировать процедуру обжалования решений, действий или бездействия оператора, используя как внесудебные механизмы защиты через обращение в компетентный орган публичной власти, так и судебные способы восстановления нарушенных прав.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Закона о персональных данных, с п. 1 постановления Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологиях и массовых коммуникаций»⁵ функции уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего рассмотрение обращений граждан, связанных с нарушением требований по защите личной тайны, возложены на Роскомнадзор. Указанный орган наделён компетенцией по контролю за соблюдением законодательства в сфере обработки персональных данных, а также полномочиями по рассмотрению жалоб субъектов персональных данных на неправомерные действия либо бездействие операторов.

Таким образом, пациент имеет полное право обратиться в Роскомнадзор с требованием о проведении проверки в отношении правомерности обработки его специальной категории персональных данных медицинской организацией и юристом, не состоящим в трудовых отношениях с медицинской организацией. По итогам рассмотрения требований, изложенных в представленном судебном деле, суд поддержал позицию Роскомнадзора в части выявленных нарушений обработки специальной категории персональных данных. В своем решении суд дает следующую правовую оценку участия юриста привлеченной юридической компании во врачебной комиссии и внутреннем контроле качества и безопасности медицинской деятельности:

1) «присутствие на заседании врачебной комиссии иных лиц, кроме председателя, заместителей председателя, секретаря и членов комиссии, данным приказом Минздравсоцразвития России № 502н «Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации» не предусмотрено»⁶. Анализ положений указанного приказа позволяет сделать автору вывод, что нормативно закреплённый порядок создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации не предусматривает участия в её заседаниях лиц, не входящих в установленный состав комиссии. В связи с этим присутствие иных лиц на заседаниях врачебной комиссии выходит за рамки действующего правового регулирования и может рассматриваться как фактор, потенциально влияющий на легитимность принимаемых решений;

2) «необходимость привлечения юриста к работе комиссии по внутреннему контролю качества и безопасности медицинской деятельности в качестве иного специалиста, на которого не должны распространяться ограничения по обработке особой категории персональных данных, судом отклоняется, поскольку вопрос оценки именно качества медицинской услуги относится к компетенции профильных специалистов в соответствующей сфере»⁷.

Исходя из вышерассмотренного анализа судебного дела можно сделать вывод, что судебная практика исходит из того что оценка качества медицинской помощи относится исключительно к сфере профессиональной деятельности медицинских работников, обладающих соответствующей квалификацией. Привлечение специалистов не медицинского профиля, в том числе юристов, не рассматривается судом как необходимое условие функционирования врачебных комиссий и не может служить основанием для расширения круга лиц, допущенных к обработке персональных данных специальной категории. Указанный подход подтверждает приоритет профессиональных медицинских знаний при принятии решений, связанных с оценкой качества медицинской помощи, и исключает возможность подмены медицинской экспертизы правовой оценкой.

Суд также приходит к выводу, что формирование правовой оценки юристом в части целесообразности досудебного урегулирования спора не предполагает обращения к результатам медицинских исследований либо к иным сведениям, относящимся к персональным данным специальной категории. Принятие решения о возможности заключения досудебного соглашения, обусловленное соображениями минимизации

¹ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 2025.

² Утратил силу.

³ Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 785н «Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» // СПС «Консультант плюс».

⁴ Решение Арбитражного суда Воронежской области от 7 июня 2023 г. № А14–2054/2023 // СПС «Мой арбитр»

⁵ СЗ РФ. 2009. № 12. Ст. 1431.

⁶ Решение Арбитражного суда Воронежской области от 7 июня 2023 г. № А14–2054/2023 // СПС «Мой арбитр»

⁷ См. там же.

репутационных потерь, предупреждения судебных расходов и иных правовых рисков, находится вне связи с анализом медицинской документации конкретного пациента. Следовательно, использование таких сведений в целях правового консультирования признаётся судом необоснованным.

Достоин внимания и то, что осуществлять исследование вопроса качества оказания медицинской помощи должны соответствующие профильные специалисты, которые могут определить качественно или некачественно была оказана медицинская помощь, поэтому присутствие юриста в составе комиссии по внутреннему контролю качества никак не может быть связано с оценкой самого качества оказанной медицинской помощи.

Однако, по мнению автора, суд не учитывает, что несмотря на то, что комиссия по внутреннему контролю качества и безопасности медицинской деятельности может прийти к выводу, что медицинская помощь была оказана качественно с соблюдением порядков, стандартов и клинических рекомендаций, судебная практика может содержать по схожим требованиям иные выводы, внимание на что может обратить, как правило, только юрист. Соответственно итоговое заключение будет содержать рекомендацию о необходимости удовлетворения требования пациента во внесудебном порядке.

Поскольку профильное законодательство не содержит запретов для привлечения к заседаниям комиссии внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности иных специалистов, то автор полагает, что представляется недопустимым толкование соответствующих норм таким образом, которое исключало бы возможность их участия. Пациенты часто исходят из того, что привлечение юристов снижает шанс на удовлетворение требований, изложенных в жалобе. Следовательно, если осуществлять сбор согласий пациентов на передачу персональных данных юристам, то отказ со стороны пациента будет осуществляться повсеместно, что фактически приведёт к ограничению конституционного права медицинской организации на получение квалифицированной юридической помощи.

Автор поддерживает правовую позицию суда о недопустимости участия в работе врачебной комиссии лиц, не обладающих соответствующим медицинским образованием, включая юристов (в том числе состоящих в трудовых отношениях с медицинской организацией) и иных специалистов немедицинского профиля, поскольку их участие не обеспечивает реализацию возложенных на врачебную комиссию функций по профессиональной оценке медицинских данных и обоснованности клинических решений при оказании медицинской помощи.

В рассмотренном судебном деле, которое на настоящий момент является единственным в данной категории споров, соответствующая правовая оценка была дана исключительно применительно к ситуации привлечения юриста, не состоящего в трудовых отношениях с медицинской организацией, к рассмотрению жалобы пациента. При этом вопрос допустимости участия в деятельности врачебной комиссии или комиссии по внутреннему контролю качества и безопасности медицинской деятельности юриста, состоящего в трудовых отношениях с медицинской организацией, судами не анализировался.

Между тем представляется, что участие юриста, состоящего в трудовых отношениях с медицинской организацией, в деятельности указанных комиссий не в полной мере соответствует их целям и функциональному назначению по логике, изложенной в рассмотренном судебном деле, а, следовательно, применима и при оценке включения в состав данных комиссий юриста, состоящего в трудовых отношениях.

Следует так же отметить, что позиция автора является противоположной сложившейся судебной практике в отношении участия юристов в деятельности комиссии по внутреннему контролю качества и безопасности медицинской деятельности вне зависимости от наличия либо отсутствия трудовых отношений, поскольку деятельность данной комиссии направлена не только на оценку медицинского вмешательства как такового и его соответствия требованиям клинических рекомендаций, стандартов и порядков оказания медицинской помощи, но и на анализ иных, в том числе формальных, аспектов оказания услуги потребителю, непосредственно не связанных с клинической картиной пациента или качеством оказанной ему помощи (например, пациент обращается с жалобой на несвоевременную выдачу медицинской документации, комиссия по внутреннему контролю качества и безопасности медицинской деятельности в таком случае не будет оценивать медицинские данные пациента, а будет выявлять причины несвоевременного предоставления медицинской документации и способы предоставления такой документации пациенту) с позиций к примеру, способа подачи жалобы, возможности удовлетворения жалобы, действительности данных, изложенных в жалобе. Следовательно, такое участие само по себе не должно рассматриваться в качестве наруше-

ния требований норм законодательства и основания для привлечения к административной ответственности.

Таким образом, анализ судебной практики и функционального назначения врачебной комиссии и комиссии по внутреннему контролю качества участия в их работе юриста, требуют дополнительного нормативного и доктринального осмысления. Отсутствие чётких правовых ориентиров в данной сфере может приводить к снижению эффективности внутреннего контроля качества медицинской помощи и ослаблению гарантий защиты прав пациентов.

Исходя из анализа научной литературы, нормативных правовых актов и судебной практики, автор приходит к следующим выводам:

- 1) врачебная тайна является структурным элементом сведений о частной жизни гражданина, охраняемая особым правовым режимом;
- 2) медицинские организации не могут привлекать к осуществлению функций врачебной комиссии юристов, поскольку приказ Минздрава России № 180н предусматривает участие исключительно медицинских работников;
- 3) несмотря на то, что приказ Минздрава России № 785н не содержит ограничений по участию юристов в осуществлении функций по внутреннему контролю качества и безопасности медицинской деятельности, медицинские организации не могут привлекать юристов к рассмотрению вопросов, касающихся именно качества медицинской услуги, поскольку это исключительная прерогатива медицинских работников и иных специалистов, имеющих медицинское образование;
- 4) в случае необходимости изучения медицинской документации юристом такая документация может быть передана ему с учетом обоснованной необходимости и не должна вести к оценке качества медицинской помощи, а может включать анализ итоговых результатов врачебной комиссии или комиссии по внутреннему контролю качества, при этом быть обезличенной;
- 5) если есть необходимость привлечения юриста медицинской организацией для проведения переговоров с пациентом по заключению досудебного соглашения, то необходимо получить согласие пациента на предоставление его персональных данных, относящихся к специальной категории персональных данных, во избежание рисков привлечения к административной ответственности за незаконное предоставление персональных данных пациента по ч. 1 ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹.

Важно подчеркнуть, что поиск оптимального решения рассматриваемой проблемы должен основываться на балансе между правом пациента на охрану его информации о частной жизни и правом медицинской организации на квалифицированную юридическую защиту.

С одной стороны, абсолютный запрет на привлечение сторонних юристов к анализу обращений и жалоб пациентов, что фактически лишает медицинские организации возможности адекватно защищать свои законные интересы. Это особенно актуально для небольших частных клиник, не имеющих возможности содержать штатных юристов с соответствующей квалификацией.

С другой стороны, неконтролируемая передача медицинской документации сторонним лицам создаёт угрозу нарушения прав пациентов на конфиденциальность информации о частной жизни, что может привести к злоупотреблениям и несанкционированному доступу неограниченного круга лиц к такой информации.

Действующая судебная практика демонстрирует строгий подход к оценке правомерности передачи персональных данных специальной категории третьим лицам, что создаёт определённые сложности для медицинских организаций в реализации их права на квалифицированную юридическую помощь.

Решение данной проблемы видится в совершенствовании нормативно-правовой базы с целью создания чётких, понятных и работающих механизмов, позволяющих медицинским организациям получать необходимую юридическую помощь при безусловном соблюдении прав пациентов на конфиденциальность их сведений о частной жизни.

Литература

1. Белянинова Ю.В., Гусева Т.С., Захарова Н.А., Савина Л.В., Соколова Н.А., Хлестун Ю.В. Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». – Специально для системы ГАРАНТ, 2014 // СПС Гарант.
2. Омелин В.Н. О запрете разглашения сведений о частной жизни граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4(232). С. 439–441.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СЗ РФ. 2001 № 256 (ч. 1). Ст. 1.

3. Эртель Л.А. Персональные данные пациента, персонализированный учет, врачебная тайна: правовые пробелы / Л.А. Эртель, С.Х. Хапай // Медицинское право: теория и практика. – 2019. – Т. 5, № 1(9). – С. 51–55. – EDN SJQU11.

ON THE ISSUE OF COMPLIANCE WITH REQUIREMENTS FOR THE TRANSFER OF A SPECIAL CATEGORIES OF PERSONAL DATA BY MEDICAL ORGANIZATIONS

Suntsova K.S.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the public-law aspects of the processing and transfer of information classified as a special category of personal data in the activities of medical organizations as subjects of administrative-law relations. The legal regulation of medical confidentiality as an integral part of information concerning a citizen's private life is analyzed, along with the comprehensive legal framework governing such information under healthcare and personal data legislation. Particular attention is paid to the issue of the admissibility of participation by persons who are not medical professionals especially lawyers in internal quality and safety control procedures of medical activities and in the work of medical commissions.

Based on an analysis of regulatory legal acts and law enforcement practice, conflicts are identified between the public interests of the state in ensuring legality and protecting citizens' rights and the private interests of subjects of medical activity. The article substantiates the need to improve legislation on the processing of medical information in order to enhance the effectiveness of state control and reduce the risk of medical organizations being held administratively liable for engaging lawyers to consider patients' complaints and claims.

Keywords: medical confidentiality; special category of personal data; participation of third parties in medical commissions and internal quality and safety control commissions; legal assistance; administrative liability; medical organizations.

References

1. Belyaninova Yu. V., Guseva T.S., Zakharova N.A., Savina L.V., Sokolova N.A., Khlistun Yu.V. Commentary on Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation". Prepared specifically for the GARANT legal information system, 2014. // GARANT Legal Reference System.
2. Omelin V.N. On the Prohibition of Disclosure of Information on the Private Life of Citizens in the Conduct of Operational Investigative Activities // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 4 (232). Pp. 439–441.
3. Ertel L. A., Khapai S. Kh. Personal Data of a Patient, Personalized Accounting, Medical Confidentiality: Legal Gaps // Medical Law: Theory and Practice. 2019. Vol. 5, No. 1 (9). Pp. 51–55. EDN SJQU11.

Самостоятельность местного самоуправления в единой системе публичной власти: конституционные пределы и законодательные риски

Туболев Сергей Максимович,
магистр права, независимый исследователь

В статье проводится комплексный конституционно-правовой анализ реализации положений статьи 12 Конституции Российской Федерации в условиях формирования единой системы публичной власти. Исследуется эволюция правового статуса местного самоуправления, выявляются противоречия между его конституционно гарантированной автономией и тенденциями фактической интеграции муниципального уровня в управленческую вертикаль государства. Особое внимание уделяется правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, доктринальным подходам к понятию публичной власти, а также новеллам Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Обосновывается, что формирование единой системы публичной власти не должно рассматриваться как основание для огосударствления местного самоуправления или нивелирования его самостоятельности. В статье предлагается авторская концепция правового оформления «совместных полномочий» органов местного самоуправления и органов государственной власти, основанная на координации, а не подчинении, с четким разграничением ответственности и обязательным ресурсным обеспечением. Отдельно анализируются риски исключения поселенческого уровня местного самоуправления и недостаточность механизмов участия населения в осуществлении публичной власти. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства в целях сохранения местного самоуправления как конституционной формы народовластия в рамках единой системы публичной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление; статья 12 Конституции РФ; единая система публичной власти; муниципальная автономия; совместные полномочия; разграничение компетенции; публичная власть; органы местного самоуправления; поселенческий уровень; участие населения; конституционные гарантии.

Конституционное регулирование взаимодействия между государственными и местными уровнями публичной власти представляет собой сложную задачу как с теоретической, так и практической точек зрения. Это обусловлено принципом автономии местного самоуправления по статье 12 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), признающим его независимость в рамках предоставленных полномочий [1]. Законодатель, закрепляя в статье 12 принцип признания и гарантирования местного самоуправления, одновременно устанавливает его институциональную обособленность от системы органов государственной власти. Данный принцип является одной из основ конституционного строя и отражает демократическую природу публичной власти, предполагающую реальное участие населения в решении вопросов местного значения.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), как справедливо отмечает Н.А. Филиппова, впервые на правовом уровне (в Постановлении от 10 июня 1998 г. № 17-П) [5] использовал термин «уровень публичной власти» в качестве общей (родовой) категории, объединяющей государственную власть федерального и регионального уровня с негосударственной публичной властью муниципальных образований [16]. Однако отсутствие на законодательном уровне понятия «публичная власть» обусловило возникновение научной дискуссии о содержании этой правовой категории. Данная дискуссия продолжается и после принятия упомянутого выше решения Конституционного Суда РФ.

В 2016 году Конституционный Суд РФ сформулировал важное положение относительно статуса местного самоуправления [6]. Согласно этой позиции, местное самоуправление рассматривается в двух ключевых аспектах. С одной стороны, оно определяется как обязательная форма самоорганизации населения на территориальном уровне, которая должна быть реализована повсеместно в пределах РФ. Это подчеркивает универсальный характер данного института и его значимость для организации жизни местных сообществ. С другой стороны, Конституционный Суд указал на интегрированность местного самоуправления в общую систему единого механизма управления делами государства.

Автономность местного самоуправления ограничена законодательными рамками, определяющими его полномочия и взаимоотношения с государством. Полная изоляция муниципальных органов от государственной системы власти неприемлема, поскольку местное управление осуществляется в соответствии с федеральными и региональными законами.

Профессор С.А. Авакьян рассматривает концептуальную антиномию в теории демаркации государственной власти и автономной сферы муниципального управления. Данная позиция актуализирует вопрос о критериях дифференциации этих властных субстанций в рамках единой системы публичного управления. Профессор аргументированно концептуализирует местное самоуправление как интегральный компонент вертикали власти в РФ, что имплицитно требует переосмысления традиционной дихотомии государственного и муниципального управления [7].

Конституция РФ, после поправок 2020 года, в части 3 статьи 132 определяет, что государственные органы и органы местного самоуправления формируют единую систему публичной власти. Однако статья 12 того же документа устанавливает, что муниципальные органы не являются частью системы государственной власти. Основной закон страны гарантирует автономию и независимость местного самоуправления. Таким образом, Конституция одновременно объединяет различные уровни власти в единую систему и подчеркивает особый статус местного самоуправления, создавая баланс между централизацией и децентрализацией в структуре публичной власти. Построение единой системы публичной власти, охватившей не только уровень государственного, но и местного управления должно стать одним из итогов Конституционной реформы 2020 г. Новый вектор развития механизма государства потребовал переосмысления социально-правовой значимости и сущности местного самоуправления как основы конституционного строя РФ.

Для усиления и расширения взаимодействия органов публичной власти еще предстоит разработать и утвердить соответствующую нормативно-правовую базу. Важной вехой развития муниципальной

реформы стало то, что 5 марта 2025 года Государственная Дума приняла, а 14 марта 2025 года Совет Федерации одобрил Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ № 33) [3]. Данный закон закрепил новый подход к построению муниципальной системы. Его принятие стало не просто технической корректировкой положений Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утрачивает силу с 1 января 2027 года, далее – ФЗ № 131) [2], а фактически новым этапом развития муниципального законодательства, отражающим результаты конституционных преобразований.

Актуальность муниципальной реформы обусловлена существующей конвергенцией полномочий муниципальных и региональных органов в ряде сфер, что требует юридической кодификации для обеспечения синергии управленческих процессов.

В российской правовой системе базисом для нормативно-правового регулирования конституционной категории гарантий местного самоуправления служит синергетическое взаимодействие статей 12 и 133 Конституции РФ. Статья 12 Основного закона эксплицитно фиксирует признание и гарантирование института местного самоуправления в качестве одного из фундаментальных элементов конституционной архитектуры государства, что детерминирует его особый статус в системе публичной власти и обуславливает необходимость разработки комплексного механизма правовых гарантий. В свою очередь, статья 133 развивает это положение, конкретизируя его путем установления неотъемлемого права местного самоуправления на защиту в судебном порядке. Такая взаимосвязь конституционных норм создает довольно прочный правовой базис для обеспечения эффективного функционирования и защиты института местного самоуправления в российском государственно-правовом пространстве.

Практика использования категории «предметы ведения органов государственной власти области и муниципальных образований» на уровне регионального законодательства зарекомендовала себя с положительной стороны в Тюменской области еще до введения ФЗ № 131. Закон Тюменской области от 25 июля 1997 г. № 101 [4] институционализировал принципы демаркации полномочий и алгоритм делегирования государственных функций муниципальным образованиям: – законодательный и договорной способы определения перечня предметов совместного ведения и процедуры их осуществления. Если первый из указанных способов обеспечивал единый подход в этом вопросе по всей Тюменской области, то договорной способ касался конкретного муниципального образования;

– особенности осуществления согласованных предметов совместного ведения и принятия правовых и муниципальных актов при их реализации;

– разрешение споров и разногласий в анализируемой сфере. Эти разногласия и споры могли разрешаться через согласительные процедуры или в судебном порядке. Вышеназванный нормативный акт регламентировал методики идентификации сфер совместной компетенции, процедуру координации вопросов, законодательно закрепляемых за обоими уровнями власти, критерии и механизм заключения соглашений между государственными и муниципальными органами по отнесению задач к общей юрисдикции и разделению полномочий в этих областях, а также иные связанные аспекты. Данная законодательная конструкция представляет собой значимый кейс в контексте оптимизации уже существующих вертикальных управленческих взаимодействий. Практика функционирования региональных и муниципальных органов подтверждает фактическое наличие сфер совместной компетенции.

Н.Л. Пешин в своем исследовании указывает на разработку правовых инструментов, интегрирующих местное самоуправление в структуру государственной власти. Этот процесс, являющийся ключевым элементом в развитии системы публичного управления России, направлен на усиление координации и эффективности управленческих взаимодействий на разных уровнях, что обеспечивает более согласованную работу властной структуры [14]. Данный процесс отражает эволюцию научных и правовых представлений о природе местного самоуправления и его месте в системе публичной власти, а также стремление к более точному и адекватному конституционному закреплению принципов организации государственного устройства.

Т.М. Бялкина выстраивает аргументацию вокруг того, что «взаимодействие» в единой системе публичной власти нельзя сводить к административному подчинению: речь должна идти о юридически выверенной кооперации при сохранении самостоятельности каждого уровня [9]. В качестве методологической опоры Т.М. Бялкина использует различение «компетенция / полномочия / вопросы ведения» и показывает,

что попытки «закрытым перечнем» исчерпывающе описать вопросы местного значения и параллельно детализировать полномочия (как это делалось в прежней модели регулирования) воспроизводят противоречия и дублирование – прежде всего потому, что компетенция носит «системный» характер и не складывается из механической суммы пунктов. С практико-правовой точки зрения автор поддерживает переход к такому регулированию, где фиксируются полномочия органов МСУ без громоздкого перечня вопросов местного значения, но при этом подчеркивает: новая конструкция жизнеспособна лишь при одновременном решении вопроса финансового обеспечения и правовых гарантий недопустимости подмены муниципального уровня. Отдельно отмечается необходимость нормативного согласования новелл Конституции (в частности, связанных с «публичными функциями» и отдельными сферами, вроде доступности медицинской помощи) с отраслевым законодательством, иначе «взаимодействие» превращается в источник конфликтов компетенции.

В публично-экспертном формате Е.С. Шугрина дает «экспресс-анализ» ключевых новелл закона, делая важный акцент на разнесённости сроков вступления в силу и на том, что при широком объеме изменений переходные положения устроены так, что у системы появляется значительная зона правоприменительной неопределённости [19]. Отмечается, что вступление закона в силу не равно «одномоментной смене» всех органов, поскольку многое зависит от сроков полномочий и последующих региональных актов, однако именно это порождает сложную многослойную картину. Содержательно позиция автора читается как предупреждение: новеллы реформы нельзя оценивать лишь по тексту закона – потребуется управление переходом, согласование бюджетно-финансовых, компетенционных и организационных аспектов. В этой логике ключевой риск для местного самоуправления возникает там, где новая модель взаимодействия публичных уровней не сопровождается ясными гарантиями самостоятельности и ресурсной обеспеченности, а также понятными процедурами согласования решений.

Некоторые авторы отдельно рассматривают взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти как элементов единой системы публичной власти в сфере противодействия террористической деятельности. Чихладзе Л.Т., Афанасьев С.Д. рассматривают сферу противодействия терроризму как показательную для понимания «единой системы публичной власти»: именно здесь взаимодействие муниципального и государственного уровней объективно необходимо, поскольку вопросы безопасности требуют согласованных процедур, обмена информацией и распределения функций между уровнями власти [18]. При этом муниципальный уровень выступает не «дополнением», а элементом, который обеспечивает профилактику и реализацию мер на территории, ближе всего к населению. Судя по аннотационной рамке, смысл авторской позиции – в поиске правовой модели, где координация и обязательность мер безопасности не перерастают в подмену компетенции местного самоуправления. Иначе говоря, «совместная публичная задача» должна оформляться через правила взаимодействия и ответственность, но без утраты конституционно значимой самостоятельности местного уровня.

В рассмотренных публикациях прослеживается общий, достаточно согласованный диагноз: российское местное самоуправление находится в фазе перенастройки под идею единой системы публичной власти, но ключевой научный риск видится в том, что правовое «встраивание» может превысить конституционные пределы и привести к огосударствлению муниципального уровня, снижению его демократической природы и отчуждению населения от решения местных дел. На этом фоне «взаимодействие» трактуется как необходимое и легитимное, однако требующее точной правовой конструкции: ясного разграничения ответственности, ресурсной обеспеченности, процедур согласования и гарантий от подмены полномочий.

Второй общий вывод – переход к новой модели невозможен без усиления «общественной составляющей» местного самоуправления: даже при укреплении вертикальной координации жизнеспособность муниципальной власти определяется наличием обратной связи с населением, работающими формами участия, прозрачностью и возможностью граждан реально влиять на формирование и решения муниципальных органов. В этом смысле ведущие авторы, говоря о единой публичной власти, одновременно настаивают на том, что местное самоуправление должно оставаться не административной технологией, а конституционной формой народовластия.

Реформа местного самоуправления подчеркивает необходимость структурированного подхода в распределении полномочий разных уровней публичной власти и отражает перекрестные интересы в управлении общественными аспектами, требующие координации и взаимодействия между различными структурами публичной власти для достижения общих целей. Следовательно, краеугольным камнем

местного самоуправления является постулат о независимом решении жителями вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Тем не менее, эта концепция не существует изолированно, а дополняется иными принципами, в частности, идеей кооперации с органами государственного управления в реализации совместных целей.

Обновление статьи 133 Конституции РФ так или иначе вводит концепцию «предметов совместного ведения» для государственных и местных органов управления, гарантируя компенсацию расходов местным властям при выполнении публичных функций в кооперации с государственными органами публичной власти. Эта норма специфически касается новых публичных задач, а не ранее делегированных полномочий, и направлена на эффективное распределение ресурсов и ответственности, обеспечивая финансовую поддержку муниципалитетов в межуровневом сотрудничестве.

Местное самоуправление в Российской Федерации обладает двойственной правовой природой. С одной стороны, оно является формой осуществления публичной власти, направленной на решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. С другой – Конституция РФ прямо исключает его включение в систему органов государственной власти. В этой связи концепция единой системы публичной власти не может рассматриваться как основание для нивелирования конституционной автономии местного самоуправления. Напротив, она предполагает выстраивание координационной, а не иерархической модели взаимодействия.

В современном контексте практическая модель местного самоуправления характеризуется дуалистичностью и внутренними противоречиями. Для преодоления правовых коллизий предлагается рассмотреть авторскую концепцию развития местного самоуправления.

Закрепление принципа презумпции самостоятельности местного самоуправления

Одной из ключевых проблем ФЗ № 33 является использование формулировок, допускающих расширительное толкование статуса органов местного самоуправления как элементов государственной управленческой вертикали. Отсутствие прямого указания на их конституционную автономию создаёт предпосылки для фактического включения муниципальных органов в систему органов государственной власти, что противоречит статье 12 Конституции РФ.

Предлагаемое авторское изменение: закрепить в ФЗ № 33 дефиницию «местное самоуправление» – признаваемый и гарантируемый Конституцией Российской Федерации самостоятельный уровень в единой системе публичной власти, осуществляющий решение вопросов местного значения и участие в совместном обеспечении жизнедеятельности населения на основе координации, а не подчинения, с органами государственной власти, в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией Российской Федерации настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации.

Представляется целесообразным также дополнить Федеральный закон № 33 нормой-принципом, согласно которой: «при осуществлении совместного решения вопросов местного значения (непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения) в рамках единой системы публичной власти при участии органов местного самоуправления и органов государственной власти любые сомнения относительно характера полномочий, форм участия и объёма ответственности толкуются в пользу сохранения самостоятельности местного самоуправления». Данная норма будет иметь ключевое значение для правоприменения и позволит минимизировать риски расширительного административного вмешательства со стороны органов государственной власти Российской Федерации.

Правовая неопределенность совместного взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения

В условиях единой системы публичной власти приоритетным становится формирование самостоятельного правового института совместного осуществления публичных функций, отличного как от собственных полномочий органов местного самоуправления, так и от института делегирования государственных полномочий. Отсутствие такой конструкции в действующем праве создаёт нормативный вакуум, который заполняется правоприменительной практикой в пользу усиления регионального уровня публичной власти.

Совместное осуществление публичных функций должно рассматриваться как форма равноправного взаимодействия публичных уровней, основанная на принципах координации, субсидиарности, разграничения ответственности и обязательного ресурсного обеспечения. Иное толкование единой системы публичной власти неизбежно трансформирует местное самоуправление из конституционно гарантированной формы народовластия в территориальный уровень государственного администрирования, что подрывает демократическую легитимность публичной власти на местах.

Для усиления координации между федеральными и муниципальными структурами и уточнения конституционных основ, предложено дополнить Федеральный закон № 33 новой правовой категорией «полномочия органов местного самоуправления по совместному с органами государственной власти решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». В отдельной статье ФЗ № 33 (в связи с включением в оборот новой дефиниции) обязательно будут учтены такие аспекты как:

I. Органы местного самоуправления осуществляют полномочия по совместному решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения во взаимодействии с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

II. Совместное решение указанных вопросов осуществляется на основе: соглашений о взаимодействии; стандартов предоставления публичных услуг; программ социально-экономического развития территорий; механизмов координации, не предполагающих административного подчинения органов местного самоуправления органам государственной власти.

III. Реализация совместных полномочий не влечёт включения органов местного самоуправления в систему органов государственной власти и не ограничивает их самостоятельность, гарантированную статьёй 12 Конституции Российской Федерации.

IV. Права, обязанности и ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления при осуществлении совместных полномочий определяются федеральным законом с учётом принципов самостоятельности, соразмерности и достаточности ресурсного обеспечения.

V. Передача отдельных функций в рамках совместных полномочий допускается исключительно на основании закона либо соглашения и при условии финансового и имущественного обеспечения.

Предлагаемая автором категория «полномочия органов местного самоуправления по совместному с органами государственной власти решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» принципиально отличается от института делегирования государственных полномочий. В данном случае речь не идёт о передаче функций от одного уровня публичной власти другому, а о согласованной реализации собственных компетенций каждого уровня публичной власти при сохранении их институциональной самостоятельности.

Совместные полномочия предполагают координационную модель взаимодействия, основанную на правовом равенстве сторон, разграничении ответственности и обязательном ресурсном обеспечении, что позволяет реализовать положения части 3 статьи 132 Конституции РФ без нарушения принципа автономии местного самоуправления, закреплённого статьёй 12 Конституции Российской Федерации.

Исключение поселенческого уровня как системная ошибка законодательства

Ориентация Федерального закона № 33 преимущественно на одноуровневую модель территориальной организации местного самоуправления объективно снижает роль поселенческого уровня как формы публичной власти, максимально приближенной к населению. Практика укрупнения муниципальных образований без учёта социально-территориальных особенностей приводит к отчуждению населения от участия в решении вопросов местного значения, ослаблению механизмов обратной связи и снижению демократической легитимности муниципальной власти.

В этой связи нормативное закрепление поселенческого уровня в качестве обязательного элемента территориальной организации местного самоуправления представляется необходимым условием реализации принципов народовластия и обеспечения реального участия населения в осуществлении публичной власти на местах.

Недостаточность механизмов участия граждан и институтов гражданского общества в решении вопросов местного значения

ФЗ № 33 практически не развивает положения о территориальном общественном самоуправлении (далее – ТОС), общественных пала-

тах муниципальных образований и иных формах участия населения в осуществлении публичной власти. Между тем именно данные институты способны стать связующим звеном между государственным и муниципальными уровнями публичной власти. Предлагаемые меры: расширение полномочий ТОС, включая участие в распределении части муниципального бюджета; наделение общественных палат муниципальных образований правом обязательного рассмотрения проектов муниципальных правовых актов; закрепление механизмов общественного контроля за реализацией совместных полномочий.

Интеграция механизмов общественного управления и государственного регулирования способствует укреплению взаимодействия различных уровней публичной власти. Изменение пункта «е.1» статьи 114 Конституции РФ, закрепляющее поддержку государством институтов гражданского общества, усиливает как вертикальные, так и горизонтальные связи в управлении, что может повысить его эффективность и легитимность. Такой подход направлен на формирование более интегрированной и эффективной системы публичного управления.

Уточнения законодателем статьи 12 Конституции РФ

В научной литературе высказываются различные подходы к интерпретации и возможному уточнению содержания статьи 12 Конституции Российской Федерации в условиях формирования единой системы публичной власти. При этом следует подчеркнуть, что данная норма относится к основам конституционного строя и обладает повышенной степенью устойчивости. В этой связи любые дискуссии о её возможной редакционной корректировке могут носить исключительно доктринальный характер и не предполагают изменения сущностного содержания статьи 12, связанного с признанием и гарантированием самостоятельности местного самоуправления. Представляется, что потенциальное уточнение формулировок статьи 12 Конституции РФ возможно лишь в направлении терминологического согласования с действующим конституционно-правовым регулированием единой системы публичной власти и не должно затрагивать конституционно значимые гарантии автономии местного самоуправления, его организационную и функциональную обособленность от системы органов государственной власти. Любое возможное уточнение статьи 12 Конституции РФ допустимо исключительно при одновременном закреплении в конституционном тексте прямого запрета на административное подчинение органов местного самоуправления органам государственной власти.

Ключевой задачей современного муниципального законодательства становится не институциональное «встраивание» местного самоуправления в вертикаль государственной власти, а разработка таких правовых механизмов взаимодействия, которые обеспечивали бы координацию публичных уровней при сохранении организационной, функциональной и финансовой самостоятельности муниципалитетов. Именно в этом аспекте выявляются основные законодательные риски Федерального закона № 33, связанные с размыванием границ автономии местного самоуправления, расширительным толкованием его роли как элемента управленческой вертикали и недостаточной определённостью форм межуровневого взаимодействия.

Особую угрозу конституционной природе местного самоуправления представляет тенденция подмены координационных механизмов административным воздействием со стороны органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В отсутствие чётко закреплённых в федеральном законе правовых гарантий такая практика способна привести к фактическому огосударствлению муниципального уровня, что противоречит как статье 12 Конституции Российской Федерации, так и правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, последовательно подчёркивающего недопустимость включения органов местного самоуправления в систему органов государственной власти.

Таким образом, сохранение местного самоуправления как самостоятельного уровня публичной власти в условиях формирования единой системы публичной власти возможно лишь при условии перехода от административно-иерархической модели взаимодействия к координационной, основанной на правовом равенстве публичных уровней и реальном участии населения в решении вопросов местного значения. Федеральный закон № 33 должен рассматриваться не как инструмент огосударствления муниципального управления, а как нормативная основа для выстраивания сбалансированной системы публичной власти, в которой местное самоуправление сохраняет свою конституционную сущность и демократическое назначение.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в хо-

де общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 г. (ред. от 20.03.2025) № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

3. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 12. – Ст. 1200.

4. Закон Тюменской области от 25.07.1997 № 101 «О принципах разграничения полномочий по предметам совместного ведения между органами государственной власти области и муниципальными образованияами и порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» (документ утратил силу).

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.06.1998 № 17-П / По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 3002.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2016 № 13-П / «По делу о проверке конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Нерюнгринский район» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 19. Ст. 2774.

7. Авакьян С.А. Публичная власть: конституционно-правовые аспекты/ С.А. Авакьян // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 2. С. 5–15.

8. Безуглов А.А., Солдатов С.А. Конституционное право России: учебник: в 3 т. М.: Профобразование, 2001. Т. 1. С. 351.

9. Бялкина Т.М. Совершенствование законодательства о компетенции местного самоуправления как условие реализации принципа взаимодействия в системе публичной власти /Т.М. Бялкина// Публично-правовое обозрение. 2023. № 2. С. 12–19.

10. Фетисов В.Д. Некоторые вопросы развития Конституции РФ: проблемы методологии и перспективы совершенствования/ В.Д. Фетисов, Н.Д. Эриашвили// Закон и право. 2025. № 10. С. 133–140.

11. Грачев Н.И. Сущность Конституции и государство-цивилизация как концептуальная парадигма конституционного развития России в XXI веке/Н.И. Грачев // Власть Закона. 2024. № 3. С. 40–60.

12. Евдокимов В.Б. Местное самоуправление в системе публичной власти: конституционные пути развития/ В.Б. Евдокимов, Е.Г. Конышева // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 11. С.18–23.

13. Казанник А.И. В плену надуманных конструкций/ А.И. Казанник // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 6. С. 22–26.

14. Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: механизмы встраивания местного самоуправления в систему государственной власти / Н.Л. Пешин // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С.24–30.

15. Тимофеев Н.С. Местное самоуправление в системе единой публичной власти/ Н.С. Тимофеев // Вестник Московского университета. Право. 2023. № 2. С.24–49.

16. Филиппова Н.А. Публичная власть в современном государстве: правовые основы организации/ Н.А. Филиппова// Сургут. ИЦ СурГУ, 2017. С. 82.

17. Чеботарев Г.Н. Как укрепить единую систему публичной власти? /Г.Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 19–23.

18. Чихладзе Л.Т. Взаимодействие органов МСУ и органов государственной власти как элементов единой системы публичной власти в сфере противодействия террористической деятельности / Л.Т. Чихладзе, С.Д. Афанасьев //Закон и право. 2024. № 1. С. 101–104.

19. Шугрина Е.С. Читаем новый федеральный закон о местном самоуправлении / Е.С. Шугрина// Бюджет. 2025. № 6. С. 10–13.

THE INDEPENDENCE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY: CONSTITUTIONAL LIMITS AND LEGISLATIVE RISKS

Tubolev S.

The article provides a comprehensive constitutional and legal analysis of the implementation of Article 12 of the Constitution of the Russian Federation in the context of the forma-

tion of a unified system of public authority. It examines the evolution of the legal status of local self-government and identifies contradictions between its constitutionally guaranteed autonomy and the growing tendencies toward the integration of municipal authorities into the state administrative hierarchy. Particular attention is paid to the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, doctrinal interpretations of public authority, and the provisions of Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025, "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government within the Unified System of Public Authority." The article argues that the development of a unified system of public authority should not lead to the nationalization of local self-government or the erosion of its constitutional independence. An author's concept of "joint powers" exercised by local self-government bodies and state authorities is proposed, based on coordination rather than subordination, with a clear allocation of responsibility and mandatory financial support. Special attention is also given to the risks associated with the elimination of the settlement level of local self-government and the insufficient development of mechanisms for citizen participation. The conclusion emphasizes the necessity of improving legal regulation in order to preserve local self-government as a constitutional form of popular sovereignty within the unified system of public authority.

Keywords: local self-government; Article 12 of the Constitution of the Russian Federation; unified system of public authority; municipal autonomy; joint powers; division of competences; public authority; local self-government bodies; settlement level; citizen participation; constitutional guarantees.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – No. 144.
2. Federal Law of October 6, 2003 (as amended on March 20, 2025) No. 131-FZ "On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 40. – Art. 3822.
3. Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ "On the General Principles of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 12. – Art. 1200.
4. Law of Tyumen Oblast of July 25, 1997 No. 101 "On the Principles of Delimitation of Powers on Subjects of Joint Jurisdiction between Regional Government Bodies and Municipal Entities and the Procedure for Delegating Certain State Powers to Local Self-Government Bodies" (no longer in effect).
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 10, 1998 No. 17-P / In the case concerning the verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 6 of Article 4, subparagraph "a" of paragraph 3 and paragraph 4 of Article 13, paragraph 3 of Article 19, and paragraph 2 of Article 58 of the Federal Law of September 19, 1997 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 25. Art. 3002.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2016 No. 13-P / "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 18 of Part 1 of Article 14 and paragraph 14 of Part 1 of Article 15 of the Federal Law "On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" in connection with the complaint of the administration of the municipality "Neryungri District" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 19. Article 2774.
7. Avakyan S.A. Public authority: constitutional and legal aspects / S.A. Avakyan // Bulletin of Tyumen State University. 2009. No. 2. Pp. 5–15.
8. Bezuglov A.A., Soldatov S.A. Constitutional law of Russia: textbook: in 3 volumes. Moscow: Profobrazovanie, 2001. T. 1. P. 351.
9. Byalkina T.M. Improving the Legislation on the Competence of Local Self-Government as a Condition for Implementing the Principle of Interaction in the Public Authority System // T.M. Byalkina // Public Law Review. 2023. No. 2. Pp. 12–19.
10. Fetisov V.D. Some Issues of the Development of the Constitution of the Russian Federation: Methodological Problems and Prospects for Improvement / V.D. Fetisov, N.D. Eriashvili // Law and Right. 2025. No. 10. Pp. 133–140.
11. Grachev N.I. The Essence of the Constitution and the State-Civilization as a Conceptual Paradigm of Russia's Constitutional Development in the 21st Century // N.I. Grachev // The Power of Law. 2024. No. 3. Pp. 40–60.
12. Evdokimov V.B. Local self-government in the public authority system: constitutional paths of development / V.B. Evdokimov, E.G. Konysheva // State power and local self-government. 2016. No. 11. Pp. 18–23.
13. Kazannik A.I. In captivity of far-fetched constructs / A.I. Kazannik // State power and local self-government. 2016. No. 6. Pp. 22–26.
14. Peshin N.L. Constitutional reform of local self-government: mechanisms for integrating local self-government into the system of state power / N.L. Peshin // Constitutional and municipal law. 2020. No. 8. Pp. 24–30.
15. Timofeev N.S. Local self-government in the system of a single public authority / N.S. Timofeev // Bulletin of Moscow University. Law. 2023. № 2. Pp. 24–49.
16. Filippova N.A. Public Authority in a Modern State: Legal Foundations of Organization / N.A. Filippova // Surgut. IC Surgut State University, 2017. p. 82.
17. Chebotarev G.N. How to Strengthen the Unified System of Public Authority? / G.N. Chebotarev // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 3. Pp. 19–23.
18. Chikhladze L.T. Interaction of Local Self-Government Bodies and State Authorities as Elements of a Unified System of Public Authority in the Sphere of Countering Terrorist Activity / L.T. Chikhladze, S.D. Afanasyev // Law and Right. 2024. No. 1. Pp. 101–104.
19. Shugrina E.S. Reading the New Federal Law on Local Self-Government / E.S. Shugrina // Budget. 2025. No. 6. P. 10–13.

Гражданско-процессуальный порядок обжалования судебных актов: актуальные проблемы и тенденции

Чернякова Светлана Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин, Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Сергиевом Посаде
E-mail: ChernaykovaS@mail.ru

Статья посвящена гражданско-процессуальному порядку обжалования судебных актов и текущим проблемам его реализации в многоинстанционной системе пересмотра. Актуальность определяется сочетанием повышенной нагрузки на проверочные инстанции, усложнением процессуальных фильтров и развитием законопроектной повестки, ориентированной на перераспределение полномочий между судами первой и апелляционной инстанций при решении вопроса о приемлемости жалобы. Научная новизна связана с сопоставлением процессуальных конструкций апелляции, кассации и надзора через призму единства механизма судебной проверки и практических точек «сбоя»: пределы пересмотра, допуск новых материалов, сроки и режим приостановления исполнения, доступ к «второй кассации», обжалование актов мировых судей. В рамках работы описаны модели пересмотра и выявлены зоны нормативной неопределенности, влияющие на предсказуемость исходов. Работа ставит целью систематизировать тенденции и предложить направления корректировки регламента обжалования. Для решения использованы анализ законодательства, сопоставление научных позиций и обобщение правоприменительных выводов, отраженных в профильных публикациях. В заключении сформулированы выводы для практики подготовки жалоб и для законопроектной техники.

Ключевые слова: апелляция, кассация, надзор, пересмотр судебных актов, пределы проверки, процессуальные сроки, приемлемость жалобы, приостановление исполнения, экстерриториальность, доступ к правосудию.

Введение

Современная модель пересмотра судебных актов в гражданском судопроизводстве опирается на трехуровневую проверку (апелляция, кассация, надзор) и параллельно развивается через унификационные решения законодателя и Верховного Суда РФ. Практическая проблематика смещается от «наличия» права на обжалование к качеству процессуального регламента: кто и на каком этапе оценивает приемлемость жалобы, как соотносятся пределы проверки с публичными интересами законности, каким способом обеспечивается баланс между скоростью исполнения решения и реальностью кассационной защиты, насколько прозрачно устроены барьеры доступа к последующим инстанциям. На указанном фоне усиливается значение доктринальных критериев исправления судебных ошибок и правовой определенности для участников процесса, поскольку предсказуемость перехода между инстанциями влияет на стратегию ведения дела и на устойчивость гражданского оборота.

Цель исследования – выявить актуальные проблемы гражданско-процессуального порядка обжалования судебных актов и описать тенденции его развития на основе анализа современных научных публикаций и связанных с ними правоприменительных выводов. Задачи исследования:

1. раскрыть структуру инстанционного пересмотра (апелляция, кассация, надзор) и показать, как распределение полномочий по допуску жалобы и проверке доводов влияет на доступность судебной защиты;
2. охарактеризовать проблемные зоны апелляционного пересмотра (пределы проверки, юридические процессуальные факты на проверочных стадиях, спор о допустимости новых материалов) и обозначить направления реформирования регламента;
3. проанализировать узловые вопросы кассационного обжалования (приостановление исполнения, особенности пересмотра актов мировых судей, организация кассационных судов общей юрисдикции, переход к последующим уровням проверки).

Научная новизна заключается в объединении разнородных дискуссий – о приемлемости жалобы, пределах проверки, обеспечительных механизмах на кассационной стадии и межотраслевой унификации проверочных производств – в единую аналитическую схему гражданско-процессуального обжалования как процедуры управления судебной ошибкой и правовой определенностью.

Материалы и методы

Материальную базу составили современные русскоязычные исследования, фиксирующие как общие направления эволюции инстанционной проверки, так и отдельные «узкие места» регламента: Л.В. Байдаева [1] обосновывает актуальные ориентиры развития апелляции и кассации в гражданском процессе и акцентирует внимание на полномочиях проверочных судов; Д.И. Бекяшева [2] анализирует отмену судебных постановлений по мотиву нарушений правил компетенции и формулирует предложения по ограничению поздних возражений о подсудности на апелляционной стадии; Г.Я. Борисевич [3] развивает тезис о схожей юридической природе апелляционного, кассационного и надзорного производств в разных видах процесса и связывает унификацию с равным уровнем судебной защиты; Д.Ю. Воронин [4] исследует процессуальное оформление передачи дела по подсудности и возникающие при обжаловании определения сложности; П.А. Гук и Е.М. Малькова [5] рассматривают становление кассационных судов общей юрисдикции и оценивают последствия реформы для организации кассационного контроля; О.И. Грязева [6] анализирует проектные предложения по изменению апелляционного производства, в том числе перераспределение полномочий по решению вопроса о принятии жалобы; В.В. Момотов [7] подводит итоги судебной реформы 2018 года и затрагивает вопросы доступа к кассационной проверке и структуры инстанций; З.А. Папулова [8] оценивает кассационный пересмотр актов мировых судей через призму доступности правосудия; М.А. Фокина [9] раскрывает значение юридических процессуальных фактов на стадиях пересмотра судебных актов и проблемные ситуации установления оснований для повторной проверки; К.А. Яжборовский [10] сопоставляет регламен-

тацию приостановления исполнения судебных актов в кассационном производстве по ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ и выделяет практические дефекты применения.

В методическом плане применены: формально-юридический анализ норм гражданского процессуального права; сравнительно-правовой метод при сопоставлении регламента проверочных стадий в разных процессуальных кодексах; аналитическое обобщение научных выводов и выделение типовых проблем правоприменения по тематическим блокам (допуск жалобы, пределы проверки, обеспечительные механизмы, доступ к последующим инстанциям).

Результаты

Гражданско-процессуальный порядок обжалования судебных актов выстраивается как последовательность стадий, каждая из которых решает собственную задачу судебного контроля: апелляция ориентирована на проверку законности и обоснованности с учетом доводов жалобы и процессуальных ограничений; кассация концентрируется на правовой проверке судебных постановлений, уже вступивших в законную силу; надзор выполняет исключительную функцию корректировки наиболее существенных дефектов судебной практики. В научной литературе устойчиво прослеживается подход, согласно которому сбор регламента чаще формируются не в «центре» конструкции (право на подачу жалобы), а на входе в стадию: критерии приемлемости, процессуальные сроки, требования к форме и способу подачи. Переход к более жестким фильтрам повышает устойчивость судебных актов, но усиливает требования к юридической технике жалобы и к доказательной дисциплине сторон, что напрямую отражается на доступности судебной защиты. Подход к описанию проверочных стадий как единой системы межотраслевых институтов позволяет рассматривать проблему фильтров не изолированно, а через баланс двух целей: коррекция судебной ошибки и сохранение правовой определенности судебного акта [3].

В рамках указанной логики выявляется тенденция к унификационным решениям: сопоставимые конструкции апелляции, кассации и надзора в различных процессуальных кодексах рассматриваются как однородные по юридической природе уровни механизма судебной проверки, а расхождения в регулировании оцениваются с точки зрения равного уровня судебной защиты в разных видах судопроизводства [3]. Для гражданского процесса вывод приобретает прикладное значение: при разработке изменений в ГПК РФ расширение или сужение доступа к проверочной инстанции требует согласования с режимом аналогичных стадий в иных кодексах, иначе формируется асимметрия правовой защиты при близких по природе правоотношениях [3].

Анализ современных публикаций фиксирует усиление законопроектной линии, направленной на пересмотр механизма возбуждения апелляционного производства. В центре дискуссии – вопрос о том, какой суд и в какие сроки оценивает приемлемость апелляционной жалобы, а также каким процессуальным актом оформляется старт апелляционной стадии. В исследовании О.И. Грязевой описаны предложения, связанные с проектом изменений, инициированным высшим судебным органом, где предусматривается разделение полномочий между первой и апелляционной инстанциями при оценке приемлемости жалобы, а вопрос о принятии жалобы предлагается решать судьей апелляционного суда с вынесением определения в установленный срок [6]. Такая модель снижает зависимость апелляционного движения дела от действий суда первой инстанции и формирует более предсказуемую процедуру «входа» в апелляцию, но одновременно повышает нагрузку на суд апелляционной инстанции на подготовительном отрезке [6].

Перераспределение полномочий по допуску жалобы тесно связано с режимом восстановления пропущенного срока на апелляционное обжалование. Проблема сводится не только к критериям уважительности причин, но и к процессуальной экономии: решение о восстановлении срока нередко предопределяет движение дела между инстанциями. Подход, ориентированный на закрепление четкой процедуры принятия жалобы на уровне апелляционного суда, усиливает формальную определенность, поскольку первичный контроль концентрируется в инстанции, которая и будет рассматривать жалобу по существу [6].

Проблематика пределов апелляционной проверки в гражданском процессе традиционно группируется вокруг двух конкурирующих начал: диспозитивности доводов жалобы и публичного интереса к законности судебного постановления. В прикладном плане спор концентрируется на двух ситуациях:

- а) выход суда за пределы доводов жалобы в целях охраны законности;
- б) допуск новых материалов и новых обстоятельств, которые не рассматривались в первой инстанции.

В современных исследованиях прослеживается стремление «привязать» обсуждение к более строгим юридическим категориям –

к предмету доказывания на проверочной стадии и к юридическим фактам, запускающим пересмотр.

М.А. Фокина показывает, что движение судопроизводства на стадиях пересмотра судебных актов детерминировано юридическими процессуальными фактами и их составами; анализ локального предмета доказывания в проверочных инстанциях позволяет точнее разграничивать допустимые и недопустимые основания пересмотра, включая пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам [9]. Существенный практический вывод связан с выявлением проблем установления фактов, свидетельствующих о наличии оснований для повторной проверки: дефект квалификации такого факта порождает либо неоправданный отказ в пересмотре, либо избыточное вмешательство в устойчивость судебного акта [9].

Параллельно Д.И. Бекашева рассматривает ситуацию, когда судебные постановления отменяются ввиду нарушений правил компетенции при отсутствии реального ограничения права на судебную защиту. В работе предложено нормативно зафиксировать ограничение поздних возражений о неподсудности на апелляционной стадии при условии, что сторона располагала возможностью заявить их в первой инстанции, и ограничить отмену решения случаями, где нарушение компетенции действительно повлияло на доступ к правосудию [2]. Для гражданского процесса вывод работает как инструмент «дисциплины возражений» и одновременно как средство снижения формальной отменяемости при отсутствии материального ущерба праву на судебную защиту [2].

Сегмент обжалования определений формирует самостоятельную группу сложностей, поскольку определения нередко обслуживают «движение» процесса и имеют неодинаковую степень влияния на итоговую защиту права. Отдельное место занимает передача дела по подсудности и процессуальное оформление соответствующего определения. Д.Ю. Воронин описывает проблемы правового регулирования и оформления направления дела по подсудности, включая вопросы мотивировки и процессуальных последствий для участников процесса [4]. Для механизма обжалования вывод заключается в следующем: спор о подсудности при неверно выстроенной процедуре передачи способен превратиться в «затяжной» процессуальный конфликт, в котором обжалование обслуживает не проверку правильности разрешения спора, а корректировку организационного решения суда [4].

Связка выводов Воронина [4] и Бекашевой [2] позволяет выделить типовой риск: перенос тяжести процессуального спора в апелляцию по причинам, которые могли быть устранены раньше, приводит к каскадному росту процессуальных издержек и снижению предсказуемости сроков рассмотрения дела. Отсюда следует тенденция к более жесткой фиксации «момента» заявления возражений и к ограничению поздних процессуальных маневров, не связанных с защитой по существу [2; 4].

Судебная реформа последних лет закрепила развитие кассационных судов общей юрисдикции и экстерриториальный подход к кассационному контролю. П.А. Гук и Е.М. Малькова, анализируя становление кассационных судов общей юрисдикции, связывают организационный эффект реформы с вопросами независимости проверочной инстанции и нагрузкой, приходящейся на кассационные суды; в работе сформулирован вывод о целесообразности увеличения числа кассационных судов при сохранении текущего масштаба обращений [5]. Для гражданско-процессуального порядка обжалования такой вывод означает: архитектура кассационной системы начинает влиять на содержание права на обжалование не только через нормы ГПК РФ, но и через фактическую пропускную способность проверочных судов [5].

В.В. Момотов, оценивая последствия реформы 2018 года, обращает внимание на конфигурацию кассационного контроля и на фильтрационные механизмы доступа к последующим уровням проверки, включая ограничения, связанные с обжалованием актов мировых судей в кассационном порядке и переходом к дальнейшей кассационной проверке [7]. Данный тезис актуализирует практический вопрос: усиливающиеся фильтры повышают требования к качеству правовой аргументации уже на «первой» кассации, поскольку последующее движение жалобы зависит от результатов промежуточной проверки [7].

Специфический узел гражданского обжалования связан с пересмотром судебных актов мировых судей. З.А. Папулова, анализируя статистические отчеты о работе кассационных судов общей юрисдикции за 2020 год, формулирует позицию об избыточности кассационного пересмотра актов мировых судей, связывая расширение кассационного контроля с ухудшением доступности правосудия для населения [8]. Содержательно позиция ориентирует на переоценку «универсальной» схемы обжалования, одинаково распространяемой на разные типы судебных актов: не все категории дел мировых судей требуют

одинаковой глубины кассационной проверки при сопоставимых ценах ошибки и издержках доступа [8].

Связка подходов Момотова [7] и Папуловой [8] очерчивает тенденцию для развития гражданского процесса: законодателю требуется более точная настройка кассационных фильтров, иначе кассация превращается в стадию массового обращения при ограниченных ресурсах, а качество правовой проверки снижается из-за перегрузки.

Одна из наиболее прикладных проблем кассационного обжалования – приостановление исполнения судебного акта. К.А. Яжборовский сопоставляет соответствующие нормы ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ и показывает, что различия в степени детализации процессуального регламента и в скорости принятия обеспечительных решений ведут к ситуации, когда исполнение по исполнительному документу опережает кассационную проверку, а последующий поворот исполнения оказывается затруднен [10]. В публикации отдельно подчеркнут вопрос оперативности рассмотрения ходатайства о приостановлении исполнения и зависимость результата кассационной защиты от того, насколько быстро суд в состоянии «остановить» исполнение до разрешения жалобы [10].

Для гражданско-процессуального порядка обжалования вывод Яжборовского [10] трансформируется в критерий эффективности кассационной стадии: при отсутствии действенного механизма приостановления исполнения формально успешная кассационная жалоба нередко не приводит к восстановлению нарушенного права из-за необратимости исполнения. Следовательно, совершенствование кассационного регламента связано не только с основаниями отмены, но и с обеспечительными процедурами, поддерживающими реальность судебной защиты [10].

Г.Я. Борисевич обосновывает схожесть юридической природы апелляционного, кассационного и надзорного производств и рассматривает систему межотраслевых институтов пересмотра как подотрасль процессуального права, существование которой связано с единством судебной системы и задачей обеспечения сопоставимого уровня защиты прав в разных видах процесса [3]. Для гражданского судопроизводства данный подход задает метод анализа тенденций: изменения ГПК РФ в части обжалования логично оценивать через сопоставимость с конструкциями АПК РФ и КАС РФ, прежде всего по вопросам допуска жалоб, обеспечительных механизмов и критериев пересмотра [3].

С учетом позиции О.И. Грязевой о проектных изменениях апелляционного производства [6] и выводов М.А. Фокиной о юридических фактах проверочных стадий [9] формируется общий вектор: усиление формальной определенности «входных» решений (принятие жалобы, восстановление срока, возбуждение производства) сочетается с усложнением доказательной и квалификационной работы на проверочных стадиях. От участника процесса требуется ранняя концентрация доводов и материалов, а от суда – более прозрачная аргументация, почему определенный юридический факт образует или не образует основание пересмотра [6; 9].

Обсуждение

Дискуссия вокруг гражданско-процессуального обжалования все чаще сводится к управлению предсказуемостью: сторонам требуется понимать, какие процессуальные действия «срабатывают» на входе в инстанцию, а какие формируют необратимые потери времени и средств. При подобной постановке вопроса реформирование апелляции через перенос решения о принятии жалобы на уровень апелляционного суда выглядит логичным шагом, поскольку позволяет связать фильтрацию жалоб с будущим рассмотрением по существу. Риск такого решения связан с ростом нагрузки на апелляционную инстанцию на подготовительной стадии и с возможной вариативностью подходов к приемлемости, если не будет закреплён единообразный набор критериев.

Отдельная проблема связана с тем, что юридическая техника жалобы в гражданском процессе постепенно сближается с кассационной: требования к аргументации усиливаются, процессуальная «поздняя активность» (переоформление доводов, представление материалов, переоценка подсудности) все чаще воспринимается судами как попытка компенсировать пропуски первой инстанции. Такая тенденция повышает значимость первичного процессуального поведения: неполная фиксация возражений, слабая доказательная дисциплина и отсутствие своевременных ходатайств в первой инстанции в дальнейшем становятся источником отказов в удовлетворении жалобы, даже при наличии субъективного ощущения «несправедливости» исхода.

Кассационная стадия в гражданском процессе сталкивается с противоречием между широкой доступностью обращения и ограниченными ресурсами для глубокой правовой проверки. При сохранении массового характера кассации возрастает значение «слабых звеньев» – приостановление исполнения и поворот исполнения. Без действенного обеспечительного инструментария кассация превращается в позднюю

корректировку судебного акта без реального восстановления положения стороны. По этой причине совершенствование кассационного регламента целесообразно оценивать через практический результат: сохранение возможности исполнить будущий кассационный вывод.

Сегмент мировых судей требует особой настройки. Универсальная схема обжалования, одинаково применяемая к разным категориям актов, порождает перегрузку кассации и одновременно снижает доступность судебной защиты для социально уязвимых участников, которым сложнее пройти многоступенчатые фильтры. При разработке регламента обжалования разумнее дифференцировать процедуры по типу судебного акта и по вероятности судебной ошибки, а не только по формальному признаку «инстанционности».

Унификационная повестка межотраслевых проверочных производств в методологическом плане выглядит продуктивной, поскольку позволяет выявлять разрывы в регулировании и устранять неравномерность судебной защиты. При этом унификация требует осторожной юридической техники: попытка механически перенести модель из арбитражного процесса в гражданский способна ухудшить положение слабой стороны, если не будут учтены особенности массовых потребительских, семейных и жилищных споров, где цена процессуального промаха несоразмерно высока.

Заключение

1. Структура гражданско-процессуального обжалования формируется как последовательность проверочных стадий с различными задачами; практические сложности сосредоточены на входе в стадию (приемлемость жалобы, сроки, требования к оформлению) и в обеспечительных процедурах, поддерживающих реальность судебной защиты.

2. Для апелляционного пересмотра выявлены тенденции к перераспределению полномочий по принятию жалобы в пользу апелляционного суда, к повышению определенности процедур возбуждения апелляционного производства и к усилению дисциплины процессуальных возражений, в том числе по вопросам компетенции и подсудности.

3. Для кассационного обжалования установлены узловые проблемы: перегрузка кассационных судов, усложнение доступа к последующим уровням проверки, дискуссия об объеме кассационного контроля по актам мировых судей, недостаточная эффективность механизмов приостановления исполнения, создающая риск необратимости исполнения до завершения кассационной проверки.

Литература

- Байдаева Л.В. Апелляция и кассация в гражданском процессе: современные реалии и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 14. № 1. С. 298–305. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-1-298-305.
- Бекашева Д.И. Структурные и судопроизводственные факторы, влияющие на правильное применение правил подсудности гражданских дел // Lex russica. 2022. Т. 75. № 1. С. 18–28. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.018-028.
- Борисевич Г.Я. О единстве межотраслевых институтов, регулирующих пересмотр судебных актов в апелляционном, кассационном, надзорном порядке, в процессуальном праве Российской Федерации // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2025. Т. 20. № 1. С. 179–212. DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-1-borisevich.
- Воронин Д.Ю. Направление дела по подсудности: проблемы правового регулирования и особенности процессуального оформления // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 3. С. 293–315.
- Гук П.А., Малькова Е.М. Кассационные суды общей юрисдикции в судебной системе Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10. № 4. С. 42–51. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-4-5.
- Грязева О.И. Реформирование апелляционного производства в гражданском процессе // Образование и право. 2024. № 10. С. 233–238.
- Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года: итоги и направления дальнейшего развития // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 7. С. 106–119.
- Папулова З.А. Кассационный пересмотр судебных актов, выносимых мировыми судьями // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 50–52. DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-50-52.
- Фокина М.А. О некоторых вопросах установления юридических фактов на стадиях пересмотра судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 1. С. 272–297. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-1-272-297.
- Яжборовский К.А. Проблемы приостановления исполнения судебных актов судом кассационной инстанции в российском цивилисти-

CIVIL PROCEDURE FOR APPEALING COURT DECISIONS: CURRENT ISSUES AND TRENDS

Chernyakova S.A.

Moscow University named after S. Yu. Witte

This article examines the civil procedural procedure for appealing judicial decisions and current challenges in its implementation within a multi-instance review system. This topic is relevant due to the increased workload of review bodies, the growing complexity of procedural filters, and the evolving legislative agenda aimed at redistributing authority between trial and appellate courts when determining the admissibility of evidence. The scientific novelty lies in the comparison of the procedural structures of appeal, cassation, and supervisory review through the lens of the unity of the judicial review mechanism and practical points of failure: review limits, admission of new materials, timeframes and procedures for suspending enforcement, access to a “second cassation,” and appeals against decisions of justices of the peace. This paper describes review models and identifies areas of regulatory uncertainty that affect the predictability of outcomes. The paper aims to systematize these trends and propose areas for adjusting the appeals process. This approach utilizes legislative analysis, a comparison of scholarly positions, and a summary of law enforcement findings reflected in relevant publications. The conclusion formulates implications for complaint preparation and legislative drafting.

Keywords: appeal, cassation, supervision, review of judicial acts, review limits, procedural deadlines, complaint admissibility, stay of execution, extraterritoriality, access to justice.

References

1. Baydaeva, L.V. Appeal and Cassation in Civil Procedure: Current Realities and Prospects // *Bulletin of Civil Procedure*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 298–305. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-1-298-305.
2. Bekyasheva, D.I. Structural and Procedural Factors Affecting the Correct Application of the Rules of Jurisdiction in Civil Cases // *Lex Russica*. 2022. Vol. 75. No. 1. Pp. 18–28. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.018-028.
3. Borisevich, G. Ya. On the Unity of Intersectoral Institutions Governing the Review of Judicial Acts in Appellate, Cassation, and Supervisory Procedures, in the Procedural Law of the Russian Federation // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2025. Vol. 20. No. 1. Pp. 179–212. DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-1-borisevich.
4. Voronin, D. Yu. Referral of a Case by Jurisdiction: Problems of Legal Regulation and Features of Procedural Registration // *Bulletin of Civil Procedure*. 2021. Vol. 11. No. 3. Pp. 293–315.
5. Guk, P. A., Malkova, E.M. Cassation Courts of General Jurisdiction in the Judicial System of the Russian Federation // *Electronic Scientific Journal “Science. Society. State”*. 2022. Vol. 10. No. 4. Pp. 42–51. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-4-5.
6. Gryazeva, O. I. “Reforming Appellate Proceedings in Civil Procedure” // *Education and Law*. 2024. No. 10. Pp. 233–238.
7. Momotov, V. V. “Judicial Reform of 2018: Results and Directions for Further Development” // *Journal of Russian Law*. 2025. Vol. 29. No. 7. Pp. 106–119.
8. Papulova, Z. A. “Cassation Review of Judicial Acts Issued by Justices of the Peace” // *Arbitration and Civil Procedure*. 2021. No. 7. Pp. 50–52. DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-50-52.
9. Fokina M.A. On Certain Issues of Establishing Legal Procedural Facts at the Stages of Review of Judicial Acts in Civil and Arbitration Proceedings // *Bulletin of Civil Procedure*. 2024. Vol. 14. No. 1. Pp. 272–297. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-1-272-297.
10. Yazhborovsky K.A. Problems of Suspension of Enforcement of Judicial Acts by the Court of Cassation in Russian Civil Procedure // *Arbitration and Civil Procedure*. 2023. No. 6. Pp. 49–53. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-6-49-53.

Правовая природа процентов как меры гражданско-правовой ответственности в сфере долевого строительства

Алиев Мамед Ахмедович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; главный юрист, ООО «Палюлин и партнеры»
E-mail: mamed.aliev.98@mail.ru

Данная статья посвящена комплексному анализу правовой сущности процентов, взимаемых с застройщика, в контексте применения к ним мер гражданско-правовой ответственности. В работе проведено детальное исследование действующего законодательства, устанавливающего основания и порядок взыскания таких процентов, а также изучена сложившаяся судебная практика по их применению. По результатам проведенного анализа автором сформулирован ряд конкретных рекомендаций, направленных на оптимизацию нормативного регулирования и унификацию правоприменения в указанной сфере.

Ключевые слова: долевое строительство, гражданско-правовая ответственность, договор участия в долевом строительстве, меры гражданско-правовой ответственности, проценты, неустойка.

Среди специальных мер гражданско-правовой ответственности в сфере долевого строительства, предусмотренных Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214) особого внимания заслуживают проценты, указанные в статье 9 данного закона.

Научные взгляды на правовую природу процентов по Закону № 214-ФЗ разделились. Часть правоведов квалифицирует их исключительно в качестве возмещения за временное владение чужими деньгами, не признавая за ними признаков гражданско-правовой санкции¹. В сфере долевого строительства Е.Н. Фролкина рассматривает их в качестве законной неустойки².

По мнению В.А. Трапезникова, «проценты за пользование денежными средствами в соответствии с ч. 1. и ч. 1.1. ст. 9 Закона № 214 выступают в качестве меры ответственности, являясь своего рода законной неустойкой, карающей нарушителя»³.

В.В. Шарапов рассматривает ч. 2 и ч. 6 ст. 9 Закона № 214 в качестве специальной по отношению к ст. 395 ГК РФ⁴.

Разный подход к правовой природе рассматриваемых процентов можно встретить и в судебной практике. В некоторых делах суды подчеркивают самостоятельный характер процентов за пользование чужими денежными средствами, отделяя их от неустойки⁵, и прямо указывают, что проценты по ч. 6 ст. 9 Закона № 214-ФЗ являются именно мерой ответственности за несвоевременный возврат денег дольщику⁶.

В отношении процентов по ч. 2 ст. 9 Закона № 214-ФЗ практика также неоднородна. Например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2020 N 305-ЭС20-4649 по делу № А41-43982/2019 указано, что проценты, взыскиваемые на основании ч. 2 ст. 9 Закона № 214 являются минимальным презюмируемым размером платы за пользование деньгами застройщиком без осуществления им встречного предоставления и взыскиваются независимо от абстрактных убытков (п. 2 ст. 393.1 ГК РФ)⁷. В пункте 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного

¹ Розенберг М.Г. Ответственность за неисполнение денежного обязательства: Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. М., 1995. С. 9; 185. Гражданское право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Правоведение»: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – Москва: Бек, 1993. С. 456–457 (автор главы – Е.А. Суханов)

² Фролкина, Е.Н. Гражданско-правовая ответственность за нарушение инвестиционного договора в строительстве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Фролкина Елизавета Николаевна; [Место защиты: Рос. гос. ин-т интеллектуал. собственности Роспатента]. – Москва, 2008. С. 22

³ Трапезников В.А. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) (2-е издание, переработанное и дополненное) // Проспект, 2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

⁴ Шарапов В.В. Комментарий к Федеральному закону N 214-ФЗ от 30.12.2004 «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

⁵ Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.08.2023 N 20АП-4687/2023 по делу N A23-1707/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

⁶ Пункт 29 Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013) (ред. от 04.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2020 N 305-ЭС20-4649 по делу N A41-43982/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

Суда РФ 23.12.2020)¹ проценты указанные в ч. 2 ст. 9 Закона № 214 названы законной неустойкой. В то же время в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) данные проценты указаны в качестве самостоятельной меры ответственности наряду с неустойкой (штрафом, пени) и возмещением убытков². В судебной практике имеют место случаи явного непонимания правовой природы указанных процентов. Так Решением Абаканского городского суда Республики Хакасия от 09.10.2024 по делу № 2–4591/2024–М–3417/2024 были удовлетворены требования в виде взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) и процентов в соответствии с ч. 2 ст. 9 Закона № 214³. При этом суд установил, что вместо ДДУ с гражданином были заключены предварительные договоры купли-продажи квартир (что образует, в том числе, состав уголовного преступления), но не применил специальную норму ч. 3. ст. 3 Закона № 214 в части двойного размера процентов. Апелляционная инстанция обратила внимание на то, что проценты по ч. 2 ст. 9 Закона № 214 суд в абзаце 3 резолютивной части решения поименовал как неустойка, а в абзаце 5 как проценты, и также называет их процентами в мотивировочной части решения⁴. При этом апелляционным судом не устранено указанное противоречие.

Проценты по ч. 2 ст. 9 Закона № 214 проценты взыскиваются в связи с отказом от ДДУ со стороны дольщика и соответственно получения объекта долевого строительства в связи с определенными законом основаниями. Следует отметить, что правовой режим процентов по ч. 2 ст. 9 Закона № 214 ближе к процентам за пользование денежными средствами, режим которых установлен ст. 317.1 ГК РФ. Соответственно считаем, что в настоящее время ч. 2 ст. 9 Закона № 214 выступает специальной по отношению к ст. 317.1 ГК РФ. При расторжении ДДУ у застройщика остается объект недвижимости, построенный за счет участника долевого строительства и последний вправе получить плату за пользование застройщиком денежными средствами по логике ст. 317.1 ГК РФ. Вина застройщика в расторжении ДДУ при этом правового значения не имеет⁵. Таким образом, проценты по ч. 2 ст. 9 Закона № 214 не являются мерой гражданско-правовой ответственности в сфере долевого строительства, а представляют собой плату за пользование денежными средствами.

Проценты за пользование чужими денежными средствами представлены в ч. 6 ст. 9 Закона № 214, поскольку в данном случае застройщик допускает именно просрочку возврата денежных средств дольщику. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов можно сделать вывод, что в сфере долевого строительства взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами как мера гражданско-правовой ответственности носит самостоятельный характер наряду с убытками и неустойкой. По своей ч. 6 ст. 9 Закона № 214 являются специальными по отношению к статье 395 ГК РФ и в части неурегулированной Законом № 214 к ним должны применяться нормы ст. 395 ГК РФ. Специальные нормы Закона № 214, в отличие от общей нормы допускают взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами сверх суммы полного возмещения убытков.

В ч. 6 ст. 9 Закона № 214 также установлено правило, согласно которому проценты могут начисляться лишь на размер основной задолженности (внесенные денежные средства), возврат которой обязан произвести застройщик. Соответственно не предусмотрено начисление процентов на проценты⁶. При этом судебная практика допускает одновременное взыскание процентов по ч. 2 и ч. 6 ст. 9 Закона № 214 рассчитываемых от суммы, подлежащей возврату участнику долевого строительства⁷. Этот подход соответствует пункту 33 Постановления

Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54⁸, поскольку правовой режим процентов по ч. 2 аналогичен ст. 317.1 ГК РФ, а ч. 6 данной статьи – ст. 395 ГК РФ.

Определение правовой природы процентов имеет важное значение и для определения возможности их снижения по ст. 333 ГК РФ. В отношении процентов по ч. 2 ст. 9 Закона № 214 судам надлежит исходить из того, что к ним не должны применяться правила ст. 333 ГК РФ и пункта 6 ст. 395 ГК РФ⁹. Согласно разъяснениям Конституционного Суда РФ проценты взыскиваемые по ч. 6 ст. 9 Закона № 214 направлены на стимулирование застройщиков к скорейшей выплате причитающихся участникам долевого строительства денежных средств и тем самым на защиту прав данных лиц¹⁰. Поэтому особенно остро стоит проблема необоснованного снижения судами процентов за пользование чужими денежными средствами по статье 333 ГК РФ¹¹ и соответственно нивелирование эффективности указанной меры гражданско-правовой ответственности судебной практикой. Считаем, что в данном случае суды должны руководствоваться следующей логикой. В настоящее время к размеру процентов, взыскиваемых по п. 1 ст. 395 ГК РФ, по общему правилу, положения статьи 333 ГК РФ не применяются¹². В соответствии с практикой Верховного Суда, проценты, указанные в п. 1 ст. 395 ГК РФ, имеют значение законодательно определенного минимума. Этот минимальный размер ответственности за неисполнение денежного обязательства носит безусловный характер и не подлежит сокращению по усмотрению суда¹³. В ч. 2 и ч. 6 Закона № 214 законодателем также императивно установлен минимальный размер процентов на случай неисполнения застройщиком денежного обязательства (1/300 либо 1/150 ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации), что существенно ниже общей нормы п. 1 ст. 395 ГК РФ. Соответственно не совсем верным видится сохранение обозначенного в пункте 33 Обзора практики разрешения судами споров, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013¹⁴ подхода о возможности снижения процентов по ч. 2 и ч. 6 Закона № 214 по статье 333 ГК РФ. Указанные разъяснения Верховного Суда были приняты до внесения изменений в ст. ст. 333 и 395 ГК РФ¹⁵. При этом пункт 7 По-

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2023 N 3459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочегарова Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 6 статьи 9 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2021 N 1-КГ20–12-К3//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026) Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.08.2017 N 32-КГ17–15//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 08.04.2025) Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.01.2017 N 49-КГ16–28//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026) Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2018 N 13АП–34574/2017, 13АП–34572/2017//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 08.04.2025) Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.01.2022 N Ф05–33910/2021 по делу N А41–13600/2021//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026) Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2025 N 13АП–18871/2024 по делу N А56–127229/2023//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

¹³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

¹⁴ Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013) (ред. от 04.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

¹⁵ Федеральный закон от 08.03.2015 N 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

³ Решение Абаканского городского суда Республики Хакасия от 09.10.2024 N 2–4591/2024–М–3417/2024 (УИД 19RS0001–02–2024–004907–60) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

⁴ Апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 25.02.2025 N 33–421/2025 (УИД 19RS0001–02–2024–004907–60) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.08.2018 N 78-КГ18–33//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 07.08.2020 N 307-ЭС20–10697 по делу N А56–54955/2019//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2021 N 70-КГ21–2-К7, 2–258/2020//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

становление Пленума Верховного Суда РФ N 13, Пленума ВАС РФ № 14 от 08.10.1998, который ранее допускал снижение процентов по ст. 395 ГК РФ утратил силу¹.

Учитывая вышеизложенное, проценты по ч. 2 ст. 9 Закона № 214 представляют собой плату за пользование денежными средствами и не могут рассматриваться в качестве меры гражданско-правовой ответственности. Проценты за пользование чужими денежными средствами (ч. 6 ст. 9 Закона № 214) выступают в качестве самостоятельной меры гражданско-правовой ответственности и выполняют аналогичную статье 395 ГК РФ функцию в сфере долевого строительства и являются специальными по отношению к ст. 395 ГК. Проценты по ч. 6 ст. 9 Закона № 214 не являются по своей природе неустойкой и к ним должно быть применено правило о неприменении ст. 333 ГК РФ (в силу п. 6 ст. 395 ГК РФ). Соответственно считаем, что пункт 33 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013) должен быть признан не подлежащим применению как противоречащий текущему подходу законодателя к общей норме статьи 395 ГК РФ. Более того видится оправданным включение в статью 9 Закона № 214 части 8 в следующей редакции: «8. Снижение размера процентов, предусмотренных частью 2 и 6 настоящей статьи, не допускается». Применение данной концепции приведет к консолидации правоприменительной деятельности и её соответствию доктринальным позициям относительно природы процентов за пользование чужими денежными средствами в сфере долевого строительства и обеспечит эффективность данной меры гражданско-правовой ответственности как способа защиты прав участников долевого строительства.

Литература

1. Гражданское право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Правоведение»: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – Москва: Бек, 1993. – 21 см.; ISBN 5-85639-016-4 (В пер.)
2. Брагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 4-е изд. – Москва: Статут, 2020. – 847 с. – (Золотой фонд издательства «Статут»). – ISBN 978-5-8354-1666-0. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1225764> (дата обращения 20.01.2026) – Режим доступа: по подписке. Розенберг, М.Г. Ответственность за неисполнение денежного обязательства: Комментар. к Гражданскому кодексу Рос. Федерации: [Сборник] / Сост. и авт. коммент. М.Г. Розенберг. – Москва: Междунар. центр фин.-экон. развития, 1995
3. Фролкина, Е.Н. Гражданско-правовая ответственность за нарушение инвестиционного договора в строительстве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Фролкина Елизавета Николаевна; [Место защиты: Рос. гос. ин-т интеллектуал. собственности Роспатента]. – Москва, 2008. – 25 с.
4. Трапезников В.А. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве мно-

гоквартирных домов и иных объектов недви-жимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) (2-е издание, переработанное и дополненное) // Проспект, 2020//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

5. Шарапов В.В. Комментарий к Федеральному закону N 214-ФЗ от 30.12.2004 «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2015) //СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

THE LEGAL NATURE OF INTEREST AS A MEASURE OF CIVIL LIABILITY IN THE FIELD OF SHARED CONSTRUCTION

Aliiev M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation, LLC «Palyulin and Partners»

This article is devoted to a comprehensive analysis of the legal essence of the interest charged on the developer in the context of applying civil liability measures to them. The article provides a detailed study of the current legislation that establishes the grounds and procedure for collecting such interest, as well as an examination of the existing judicial practice in this area. Based on the results of the analysis, the author formulates a number of specific recommendations aimed at optimizing regulatory regulation and unifying law enforcement in this field.

Keywords: shared construction, civil liability, contract of participation in shared construction, measures of civil liability, interest, and penalty

References

1. Civil Law: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Jurisprudence": in 2 volumes / ed. E.A. Sukhanov. – Moscow: Bek, 1993. – 21 cm; ISBN 5-85639-016-4 (In translation)
2. Braginsky, M.I. Contract Law: General Provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. – 4th ed. – Moscow: Statut, 2020. – 847 p. – (Golden Fund of Statut Publishing House). – ISBN 978-5-8354-1666-0. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1225764> (date of access 01/20/2026) – Access mode: by subscription. Rosenberg, M.G. Liability for Failure to Fulfill a Monetary Obligation: Commentary on the Civil Code of the Rus. Federation: [Collection] / Comp. and author of commentary M.G. Rosenberg. – Moscow: International Center for Financial and Economic Development, 1995
3. Frolkina, E.N. Civil Liability for Violation of an Investment Agreement in Construction: Abstract of a Candidate of Law Dissertation: 12.00.03 / Frolkina Elizaveta Nikolaevna; [Place of protection: Russian State Institute of Intellectual Property of Rospatent]. – Moscow, 2008. – 25 p.
4. Trapeznikov V.A. Commentary on the Federal Law of December 30, 2004 N 214-FZ "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (article-by-article) (2nd edition, revised and supplemented) // Prospect, 2020 // SPS "ConsultantPlus" (date of access 01/20/2026)
5. Sharapov V.V. Commentary on Federal Law No. 214-FZ of December 30, 2004 "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Prepared for the ConsultantPlus system, 2015) // SPS "ConsultantPlus" (date of access 01/20/2026)

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2026)

Белова Ирина Евгеньевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры юриспруденции. Автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российского университета кооперации»
E-mail: advbelova@mail.ru

Потеря близкого человека – особое травмирующее событие, которое достаточно болезненно переносится теми, кому он был дорог. Однако бывают случаи, когда люди сталкиваются с нелестными высказываниями в адрес умерших. В текущей калейдоскопической реальности нашего общества такие моменты начинают чувствоваться довольно остро и круг лиц, которых это затрагивает в том или ином смысле значительно расширился, данные обстоятельства обращают на себя особое внимание и их нельзя не заметить. Российская правовая система содержит инструменты, позволяющие в легальном формате защитить деловую репутацию, достоинство и честь человека после его физической смерти. В данной статье была предпринята попытка разобраться в том, каким образом государство гарантирует защиту доброго имени гражданина после окончания его фактического существования. В процессе исследования правоприменительной практики становится очевидным, что данный институт находится в достаточно далеком от идеального формата состоянии, что обуславливает необходимость разработки и принятия профильного закона, закрепляющего все ключевые аспекты, связанные с данным институтом защиты.

Ключевые слова: смерть, смерть как юридический факт, доброе имя, законодательство, защита доброго имени, постмортальная защита нематериальных благ личности.

Находясь последнее время в условиях стремительной трансформации информационного пространства и усиления роли цифровых медиа в формировании общественного мнения и нарастания социальной напряженности возрастает значимость правовых механизмов, направленных на защиту нематериальных благ личности – как при жизни, так и посмертно, что особенно актуально для защиты чести, достоинства и доброго имени участников специальной военной операции.

Идеальная система должна оперативно и эффективно защищать личность от реального вреда, гарантируя в том числе и постмортальную охрану ее неотчуждаемых благ, при этом минимизируя риски для свободы выражения мнений и публичного диалога. Именно этот поиск баланса между правом на память и уважение к умершим и общественными дискуссиями остается одной из главных правовых и этических задач цифровой эпохи.

Естественный статус человека, как такового, служит основанием для наделения его от рождения личными правами. Данные права находятся под особой охраной и закреплены на самом высоком уровне. Им отведена глава 2 Основного закона России, ее Конституции.[1] Отдельно хотелось бы выделить такую системно важную категорию, как право человека на добрую память, после его смерти. Более детальное рассмотрение данного вопроса имеет смысл в контексте обеспечения законодателем охраны достоинства гражданина, а также его репутации и чести.

Деловая репутация, а также человеческое достоинство и честь каждого гражданина – системно важные для любого цивилизованного формирования категории. Не говоря уже о такой значимой стране, как Россия. Нормы гражданского права предусматривают защиту указанных категорий, а судебная практика наглядно демонстрирует работу существующей охранительной системности в данном направлении.

Современное общество достаточно динамично балансирует между свободой слова и охраной личных нематериальных прав каждого человека. При смещении данного баланса наступает процесс защиты человеком своих прав в суде, в ходе которого стороны должны отстоять свою точку зрения. Ввиду того, что субъективизм личных воззрений может быть достаточно критичен, привлечение ответчика по статье 152 Гражданского кодекса (ГК РФ)[2] становится достаточно проблематичным, что наглядно видно по материалам судебной практики.[5] Но, не смотря на всю сложность самостоятельности процесса при подобных делах, институт защиты в отношении граждан и организаций является в целом доступным, что также зафиксировано материалами судебной системы в целом и практики, в частности. Именно в судебных материалах описаны и сами лица, которым данная защита доступна, и значение понятия «распространение», и многие иные важные для данного института аспекты.[6] Что касается закона, то положения статьи 152 ГК РФ фиксирует возможность участия «заинтересованных лиц» в делах, связанных с защитой репутации, достоинства и чести гражданина после его смерти, не раскрывая, при этом, кто именно может считаться заинтересованным лицом и в чем выражается сама заинтересованность, как таковая. В данном контексте именно судебная практика помогает сформировать более детальное понимание относительно сути данного вопроса.

Институт защиты прав людей после их фактической смерти сегодня достаточно далек от идеальности. Отсутствие профильного законодательства делает достаточно проблематичным на практике защиту данных прав граждан лицами, которых травмирует распространение негативной информации про конкретных умерших людей.

Рассматривая позиции различных авторов по данному вопросу, отметим, что данная тема является востребованной в научном сообществе. Так, к примеру, Ломовцева Я.Р. в своей работе указывает, что несмотря на неотчуждаемость нематериальных благ по закону, право на защиту чести и достоинства гражданина после его смерти представляется возможной другими заинтересованными лицами.[9]

Отметим, что, как таковая, защита граждан после их фактической смерти возможна в рамках существующего законодательства, что зафиксировано в положениях пункта 1 статьи 152 ГК РФ. Тем не менее, в законе не определен четко круг лиц, который имеет на это право. Формулировка «заинтересованные лица» видится не удовлетворяющей потребности современного общества, а значит ее определение

должно быть внесено в виде дополнений в указанную статью. Указанная формулировка также важна, поскольку в настоящий момент наблюдается несоответствие положений ГК РФ и норм Гражданского процессуального кодекса РФ.[3]Обращающей на себя внимание является работа Кобзаренко Е.М., достаточно емко формулирующая данную проблему и фиксирующая необходимость приведения в единое соответствие норм гражданского и гражданского процессуального законодательства унификации понятия «заинтересованные лица» при защите доброй памяти об умершем.[8]

Дело в том, что положения пункта 4 части 2 статьи 131 ГПК РФ противоречиво резонирует с положениями части 1 статьи 150 ГК РФ и части 1 статьи 152 ГК РФ. На практике это вызывает сложности относительно правоприменения. Таким образом, целесообразным представляется внесение в положения статьи 152 ГК РФ информации, раскрывающей сущность понятия «заинтересованные лица». В частности, одной из необходимых характеристик, которую необходимо указать в определении указанной терминологической конструкции, является их способность выступать в роли истцов, отстаивающих в суде права умерших лиц на доброе имя.

Согласно положениям статьи 1112 ГК РФ наследники не могут унаследовать право на защиту рассматриваемых в данной статье категорий. Следовательно, ограничение заинтересованных лиц исключительно наследниками представляется неверным и ограничивающим данную категорию.

Вопросы, связанные с защитой доброго имени умершего, урегулированы в зарубежной практике, что достаточно неплохо отражено в научной работе Алимерзаева Э.А. Так, данным автором указано, что уголовным законодательством Германии (статьей 189) предусмотрено наказание лица, распространяющего порочащие сведения об умершем, в виде штрафа, либо лишения свободы на срок до двух лет.[7]

Важно также отметить, что охрана исследуемой в данной статье категории видится достаточно значимой ввиду того, что именно она выступает в роли отражения социальной значимости человека в рамках отечественной системы охраняемых законом ценностей. Каждый человек должен быть уверен, что он важен для страны как во время жизни, так и после ее окончания.

Еще одной достаточно актуальной и неурегулированной проблемой является проблема защиты доброго имени умерших военнослужащих. Дело в том, что Вооруженные силы Российской Федерации, являясь одной из фундаментальных сторон ее национального суверенитета, выполняют неоспоримо важный функционал по защите населения и национальных интересов страны как внутри самой России, так и на любом пространстве, где этого требует сложившаяся ситуация.

Ввиду информационной войны, которая ведется в отношении Российской Федерации со стороны недружественных акторов, пресечение деструктивной информационной компоненты в публичном пространстве представляется критически необходимой.

Деструктивное воздействие информационной войны выражается в ряде ключевых угроз:

- дестабилизация общества;
- рост социальной напряженности;
- активизация протестных настроений.

Предупреждение данных последствий является особо значимым. Понимая это, законодатель предусмотрел ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации о Вооруженных силах РФ, закрепив ее положениями статьи 207.3 УК РФ. Между тем, регулирование данного аспекта в контексте защиты доброго имени в случае гибели военнослужащих представляется категорией, нуждающейся в дополнительной законодательной регламентации.

В данном контексте вопросы о социальной значимости военнослужащих также уместны и должны быть обеспечены максимальной законодательной поддержкой. Это обуславливает необходимость проработки дополнительных законодательных предложений, призванных укрепить рассматриваемый в контексте данной научной статьи сегмент.

В связи с этим, предлагается:

1. Внести в пункт 1 статьи 354.1 Уголовного кодекса РФ[4] пояснение о том, что «лица, относящиеся к категории военнослужащих и выполняющие задачи по защите национальных интересов Российской Федерации, приравняются к категории «Защитники Отечества» и их честь, достоинство и право на доброе имя в случае гибели находятся под особой охраной государства».

2. Разработать профильный закон «О защите доброго имени гражданина после его смерти», который соединил бы воедино все особо значимые аспекты, связанные с данным институтом защиты. Данный закон систематизировал бы в своих положениях не только ответственность за оскорбление доброй памяти гражданина, но и зафиксиро-

вал бы случаи, когда подобная ответственность может не наступить. Например – это случаи с доказанными и приведенными в исполнение смертными приговорами по особо тяжким статьям.

Внесение указанных изменений видится назревшей потребностью современного общества и обусловлено сложившейся ситуацией во внешнеполитическом сегменте, когда отдельные авторы, пытаясь дестабилизировать положение в обществе, запускают определенные негативные информационные продукты в публичное пространство. Внесение ужесточающе-карательных мер представляется действенным способом пресечения незаконных спекуляций на данную тематику, а также защиту прав граждан, выполняющих значимый для государства функционал.

В целом же можно отметить, что ужесточение законодательства по части ответственности за распространяемые сведения должно лечь в стратегическую основу развития российской системности. В условиях современных реалий защита рассматриваемых в данной статье категорий после смерти человека выступает не только в роли социального фактора, поднимающего важную и социально-чувствительную тему. Данная мера призвана усилить разграничение между свободой слова и информационными спекуляциями недостоверного формата, усиливающими социальную напряженность в обществе, а также способными отразиться на уровне протестного потенциала, который может привести к деструктивным последствиям для российской государственности, как таковой. Защита доброго имени умерших граждан в целом, а также военнослужащих, защищающих национальные интересы Российской Федерации, в частности, в целом не способна выступить в роли абсолютной панацеи от социальной напряженности. Тем не менее, безоговорочная и жесткая позиция государства относительно незыблемости уважения к личности во время жизни и после ее окончания является одним из основных элементов как укрепления социальной значимости каждого гражданина, так и усиления государственной системности, как таковой.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета, № 220, 20.11.2002.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.05.2023 № Ф05–7374/2022 по делу № А40–209817/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 27.04.2023 № 04АП-1493/2023 по делу № А19–24251/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Алимерзаев Э.А. Проблема обеспечения защиты чести и достоинства гражданина после его смерти // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики: Сборник научных трудов VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 08 июня 2023 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2023. – С. 349–351. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65395421> (дата обращения: 02.09.2024).
8. Кобзаренко Е.М. Защита чести, достоинства и деловой репутации лица после его смерти (гражданский процессуальный аспект) // Современное право. – 2022. – № 5. – С. 86–90. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48612272> (дата обращения: 02.09.2024).
9. Ломовцева Я.Р. Особенности защиты личных неимущественных прав после смерти гражданина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3–2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaschity-lichnyh-neimushchestvennyh-prav-posle-smerti-grazhdanina> (дата обращения: 02.09.2024).

LEGAL PROTECTION OF THE HONOR, DIGNITY, AND GOOD NAME OF THE DECEASED IN MODERN RUSSIA

Belova I.E.

Russian university of cooperation

The loss of a loved one is a special traumatic event that is quite painful for those to whom he was dear. However, there are cases when people are faced with unflattering statements

about the dead. In the current kaleidoscopic reality of our society, such moments are beginning to be felt quite acutely and the circle of people affected in one sense or another has expanded significantly, these circumstances attract special attention and they cannot be overlooked. The Russian legal system contains tools that make it possible to legally protect the business reputation, dignity and part of a person after his physical death. In this article, an attempt was made to understand how the state guarantees the protection of a citizen's good name after the end of his actual existence. In the process of studying law enforcement practice, it becomes obvious that this institution is in a state quite far from the ideal format, which necessitates the development and adoption of a specialized law that enshrines all the key aspects associated with this institution of protection.

Keywords: death, death as a legal fact, good name, legislation, protection of good name, postmortem protection of the intangible benefits of the individual.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 24.07.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 01.10.2023) // Rossiyskaya Gazeta, No. 238–239, 08.12.1994.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 25.12.2023) // Rossiyskaya Gazeta, No. 220, 20.11.2002.
4. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 25.12.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 30.12.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 10.05.2023 No. F05–7374/2022 in case No. A40–209817/2021 // SPS “ConsultantPlus”.
6. Resolution of the Fourth Arbitration Court of Appeal dated 27.04.2023 No. 04AP-1493/2023 in case No. A19–24251/2021 // SPS “ConsultantPlus”.
7. Alimirzaev E.A. The problem of ensuring the protection of the honor and dignity of a citizen after his death // Issues of improving law enforcement activities: the interaction of science, rule-making and practice: Collection of scientific papers of the VI All-Russian scientific and practical conference of young scientists, Moscow, June 08, 2023. – Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya, 2023. – P. 349–351. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65395421> (date of access: 09/02/2024).
8. Kobzareno E.M. Protection of honor, dignity and business reputation of a person after his death (civil procedural aspect) // Modern law. – 2022. – No. 5. – P. 86–90. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48612272> (date of access: 09/02/2024).
9. Lomovtseva Ya.R. Features of the protection of personal non-property rights after the death of a citizen // International journal of humanitarian and natural sciences. 2023. No. 3–2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaschity-lichnyh-neimuschestvennyh-prav-posle-smerti-grazhdanina> (date of access: 02.09.2024).

Валевская Ангелина Анатольевна,

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права, ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»
E-mail: valevskaya_27@mail.ru

Статья посвящена актуальному вопросу о признании корпоративного договора, который совершается в акционерных обществах и в обществах с ограниченной ответственностью, в качестве недействительного. В статье отражены общие основания признания сделок недействительными, которые применяются при признании недействительным корпоративного договора, и установлены правовые особенности в отношении корпоративных организаций. Внимание уделено позициям Верховного суда РФ. Отмечено, что констатация корпоративного договора в качестве недействительной сделки не способствует признанию последующих действий ее сторон юридическим фактом, благодаря которому происходит возникновение ожидаемых результатов и правовых последствий. В статье обоснована необходимость внесения изменений: в Гражданский кодекс РФ посредством включения новой статьи 67.2.1 «Недействительность корпоративного договора», указав основания и последствия недействительности. Соответствующие изменения обосновано включить в ФЗ № .208-ФЗ, ФЗ № 14-ФЗ. Предлагаются изменения в отношении недействительности части корпоративного договора.

Ключевые слова: корпорация, корпоративный договор, недействительность сделки, акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, ответственность

Введение

В современном обществе, отличающемся значительными изменениями в экономической сфере, в целом, и в предпринимательской деятельности, в частности, как никогда увеличивается потенциал эффективности гражданско-правового договора. Особое место в системе правового регулирования данной двусторонней либо многосторонней сделки принадлежит Гражданскому кодексу РФ [2]. [3]. [4]. [5], который уделяет договору и его отдельным разновидностям достойное внимание. Д. И. Мейер справедливо отмечал, что, как сделка, в целом, так и ее разновидность – договор, это – всякое юридическое действие, имеющее направленность на возникновение юридических отношений [10, с. 44]. Другой известный специалист гражданского права Г. Ф. Шершеневич утверждал, что под именем договора происходит отражение воли, направленной на прогнозируемые правовые результаты [19, с. 61].

Изложенные постулаты имеют непосредственное отношение к корпоративному договору, как к относительно новой в Российской Федерации договорной конструкции, включенной в систему договоров национального права в результате реформы гражданского законодательства. Названный договор является особым локальным документом, регулирующим вопросы корпоративного управления, отражающие особенности прав и обязанностей субъектов корпоративного правоотношения (ст. 67.2 ГК РФ). Корпоративный договор характеризуется такой спецификой правовой природы, которую можно обозначить следующим образом: возможность посредством данной сделки определить комплекс корпоративных прав и обязанностей, которые на современном этапе могут входить в противоречие учредительному договору. Правовые особенности совершения корпоративного договора могут быть отражены в нормативных источниках права, регулирующих деятельность отдельных корпоративных организаций: акционерного общества (ФЗ № .208-ФЗ [16]) и общества с ограниченной ответственностью (ФЗ № 14-ФЗ [17]).

Особенности корпоративного договора проявляются также при признании данного юридического факта в качестве недействительного и в отношении правовых последствий подобного признания. Однако, законодатель, регулирующий отношения в сфере корпоративного договора, его разновидностей, существующих в акционерном обществе, как и в обществе с ограниченной ответственностью, не включает положений о его недействительности ни в Гражданский кодекс РФ, ни в ФЗ № .208-ФЗ, ФЗ № 14-ФЗ, что необходимо признать ключевой проблемой законодательства. Наличие гражданско-правовых норм о недействительности сделок и о правовых последствиях подобной недействительности не решают сложностей, существующих в данной сфере.

Указанные вопросы достаточно актуальны: в связи с особым значением корпоративного договора в различных корпорациях, вносящих значительный вклад в экономику, в обеспечение граждан и их коллективных образований необходимыми товарами, работами и услугами, обеспечивающих константу жизнедеятельности всех сфер экономики, стабильность корпоративных отношений, отраженных в корпоративном договоре, его недействительность может негативно отразиться, как на деятельности корпорации, в целом, так и на правах отдельных ее участников [21].

Литературный обзор

Научные исследования в сфере корпоративного договора существуют на протяжении всего периода существования корпораций и продолжают на современном этапе. Отражению правовой природы названной договорной конструкции, значению данного юридического факта посвящены диссертационные исследования А. И. Масляева (2010 г.), С. П. Степкина (2011 г.), Т. В. Грибковой (2011 г.), В. Н. Гурьева (2012 г.), М. С. Варюшина (2015 г.), В. Г. Бородкина (2015 г.), К. О. Осипенко (2015 г.) и М. В. Трубиной (2015 г.), другие научные работы (Ю. Г. Басина, С. А. Бобкова, М. С. Варюшина, Я. Диановой, Д. И. Степанова, В. А. Фогель, Х. – И. Шрамм, Н. А. Шлыкова и пр.), внесшие определенный вклад в научный анализ корпоративного договора.

Необходимо признать, что в национальном научном сообществе осуществлялись исследования преимущественно в направлении отражения особенностей корпоративного договора, его значения и условий. Между тем, в отношении непосредственно вопросов его недействительности, как и – правовых последствий признания корпоратив-

ного договора таковым, научные исследования проводились на недостаточном уровне.

Обращаясь к публикациям Я. Диановой (директора департамента корпоративного и коммерческого права компании GRATA), мы выражаем согласие с мнением автора о том, что на современном этапе развития гражданского законодательства возможность признать акт органа корпорации, принятого в нарушение условий корпоративного договора в качестве недействительного по иску одной из сторон, признано значительной новеллой национального права. С указанной целью, при этом, необходимо, чтобы на дату принятия соответствующего решения субъектами данного договора корпорации выступали все без исключения участники корпорации (в соответствии с п. 6 ст. 67.2 ГК РФ). Особое значение имеет тот факт, что факт признания акта корпорации недействительным не обуславливает недействительности, как сделок с третьими лицами, заключенных в соответствии с данным актом, так и, по общему правилу, недействительности корпоративного договора [6].

Материалы и методы

На современном этапе развития государства, права, юридической мысли присутствует значительное число юридически значимых актов (юридических фактов – как действий, так и бездействий) участников гражданского оборота, каждый из которых характеризуется определенными правовыми особенностями, собственными целями и юридическими последствиями. Как демонстрирует анализ исторических источников, позитивное право регулирует подобные акты поведения на протяжении веков, формируя наиболее важные положения на нормативном уровне. Именно подобным образом, по мнению В.В. Карапетова, в результате систематизирования юридических явлений, дифференциации комплекса разноуровневых аспектов социально-юридической действительности на различные юридические конструкции, осуществлено формирование положений о сделках, в целом, как и условий их действительности, в частности [9, с. 16].

Необходимость изучения сделок – и действительных, и недействительных, включая недействительных корпоративных договоров, обусловлена историческими предпосылками, которые в современном обществе приобретают новое содержание. В гражданско-правовом институте недействительности сделок значение приобретает тот факт, в соответствии с которым условия, констатирующие о действительности сделки, сформулированы из легальной дефиниции категория «сделка», которая является правомерным действием. Исключительно при признании сделки действительной данная юридическая конструкция и ее разновидность – договор, как особая форма единения различных воли и интересов, свобод в общей цели и благе, позволяют выступить обладателем соответствующих прав и обязанностей. Право, как мера свободы, способствует выражению индивидуальной свободы, осуществлению прав и обязанностей в социальных связях в соответствии с едиными правилами поведения, предусмотренными правом [20, с. 2].

Подобная индивидуальная свобода в договоре и в корпоративном договоре при соблюдении совокупности условий действительности, выступает правомерным действием и не может повлиять на признание в качестве недействительного. Недействительность сделки, соответственно, означает непризнание за определенным актом поведения качеств юридического факта, т.е. констатировано несоблюдение системы условий действительности: во-первых, законность содержания; во-вторых, наличие у субъектов необходимого объема гражданской правосубъектности, предоставляющей возможность совершения сделки; в-третьих, обязательность корреляции и воли, и волеизъявления и, в-четвертых, соблюдение предусмотренной нормативно либо соглашением формы сделки [14, с. 177].

В связи с вышеизложенным, при наличии хотя бы одного из названных условий действительности корпоративного договора, как гражданско-правовой сделки, данный договор может быть признан в качестве недействительной сделки, которая не способствует впоследствии признанию действий его сторон юридическим фактом, направленным на возникновение ожидаемых результатов и правовых последствий. Представляется, что целесообразность подобного подхода обусловлена, как принадлежностью корпоративного договора к системе сделок сферы цивилистики, так и значительными особенностями правового режима корпоративного договора, оказывающего влияние на динамику корпоративного правоотношения, на права и обязанности сторон корпоративного договора, на правовые последствия признания его в качестве недействительного.

Помимо общих оснований признания сделок в качестве недействительных, судебная практика демонстрирует различные основания, в соответствии с которыми корпоративный договор (договор об осу-

ществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение), может быть признан таковым.

К совокупности подобных оснований относятся, в частности, следующие практические ситуации:

- корпоративным договором отражает структуру органов хозяйственно-го общества и их профессиональную компетенцию, что недопустимо;
- корпоративным договором возложена обязанность не предоставлять участникам отчет по итогам финансово-хозяйственной деятельности общества (что противоречит п. 4. ст. 50 ФЗ об ООО, в соответствии с которым участник, как и общество, должны быть обеспечены доступом к документации корпорации);
- в корпоративном договоре определен порядок созыва общего собрания, установлены дополнительные указания в форме обязанности направлять участникам предполагаемую повестку дня, что противоречит указаниям ст. ст. 34,36 ФЗ об ООО, поскольку ограничивает правоспособность участника (ст. 22 ГК РФ);
- в корпоративном договоре установлена юридическая ответственность за нарушение его условий;
- корпоративный договор отражает показатели эффективности деятельности органов управления общества, что противоречит п. 2. ст.67.2 ГК РФ;
- установление в корпоративном договоре право на получение ежемесячных денежных выплат, что не соответствует ст. 8 ФЗ об ООО;
- корпоративный договор предусматривает обязанность общества погашать задолженность перед третьими лицами, что не соответствует п. 5 ст. 67.02, а также – п. 3. ст. 308 ГК РФ, в соответствии с которыми названный договор не формирует обязанностей для лиц, которые не являются сторонами договора [11].

Представляется, что при признании корпоративного договора недействительным и установлении последствий подобного признания, необходимо принимать во внимание, что в Гражданском кодексе РФ отражена дифференциация недействительных сделок, сформулированная В.С. Ем (сделки ничтожные и оспоримые) [8], которая подлежит применению и к корпоративному договору. Названная классификация регламентирована в российском праве с 2013 г. посредством внесения поправок в акт гражданского законодательства [18]: на основании ст. 166 ГК РФ, сделка признается недействительной в соответствии с законодательным критерием: во-первых, судом (оспоримая сделка) либо во-вторых, вне зависимости от подобного признания (ничтожная сделка).

Так, оспоримая сделка, в т.ч. корпоративный договор, может быть признан недействительной, когда правовые последствия недействительности входят в противоречие правам, законным интересам, охраняемым на нормативном уровне. При оспаривании корпоративного договора ее сторона, поведение которой свидетельствует о необходимости сохранения юридической силы договора, не вправе оспаривать сделку по тем основаниям, о которых сторона имела осведомленность либо должна была ею обладать.

По общим правилам оспоримых сделок, к оспоримым корпоративным договорам могут быть отнесены договоры, совершенные посредством заблуждения (ст. 178 ГК РФ); под воздействием ложной информации, а также – в рамках насилия и угрозы, а также -соглашения, направленного на обман, совершенного в условиях сложных жизненных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ) (наличие порока воли). Волевой характер, при этом, устанавливается посредством учета взаимообусловленных факторов – субъективного (воля) и объективного (соответствие воле отраженного волеизъявления). Законодатель, при этом, допускает оспаривание сделки, как и корпоративного договора, в суде, как в целом, так и в части (ст. 180 ГК РФ), однако, признание недействительной части договора не способствует признанию недействительным всего корпоративного договора. Полагаем: корпоративный договор, который совершен с нарушениями, указанными в ст. 168, 169, 17 ГК РФ, включающие недействительную часть, должен быть признан недействительным в целом

По смыслу ст. 67.2 ГК РФ, споры, которые возникли между сторонами корпоративного договора, в т.ч. споры, отраженные в п. 9 ст. 62.7 ГК РФ, в связи с недействительностью договора, рассматриваются арбитражным судом (ст. 225.1 АПК РФ [1]) [11].

К ничтожным корпоративным договорам, означающим их абсолютную недействительность, возможно отнести в т.ч., акт, совершенный в форме названного договора, который, однако, не может способствовать возникновению юридических последствий в силу его несоответствия нормам действующего законодательства. Названную совокупность составляют следующие акты: совершение договора при констатации противоречия правопорядку, моральным принципам (ст. 169 ГК РФ); мнимые и притворные корпоративные договоры (ст. 170 ГК РФ). Совокупность ничтожных корпоративных договоров составляют

соглашения, не соответствующие нормативным притязаниям (ст. 168 ГК РФ). На основании п. 2 ст. 62.7 ГК РФ, данный договор не должен обязывать участников хозяйственного общества голосовать по указанию органов управления, устанавливать аналогичным образом структуру органов, их полномочия. Условия договора, которые противоречат изложенному правилу, признаются ничтожными.

Необходимо отметить: законодательные возможности позволяют, помимо изложенного, формировать требования в отношении признания в качестве недействительной части корпоративного договора при наличии определенных дефектов сделки. Исследования в отношении правовых последствий признания недействительным части корпоративного договора продолжаются. Следует принять во внимание позицию А.Г. Карапетова, который в качестве классического последствия признания недействительным элемента сделки указывает на сохранение юридического факта в усеченном виде без учета недействительной ее части. В отдельных ситуациях последствия исключения из сделки недействительного элемента может выступать: во-первых, замена недействительной части нормативным регулированием, с которым исключенная часть входит в противоречие; во-вторых, замена недействительной части обычаями; в-третьих, актуализация условия, которое было согласовано в будущем случае недействительности части сделки [9, с. 850].

Однако, анализ норм действующего законодательства позволяет отметить: на современном этапе отсутствует легальная дефиниция категории «часть сделки», что является пробелом национальной цивилистики и плохо отражается на актах признания недействительным корпоративного договора.

В указанной связи, целесообразно:

- в ст. 180 ГК РФ предусмотреть юридическую конструкцию «часть сделки», что позволит более эффективным образом признавать в качестве недействительной часть корпоративного договора. Предлагается следующая редакция: «Недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной части. Часть сделки – одно или несколько ее условий, относящихся к содержанию сделки»;
- внести коррективы в ст. 180 ГК РФ посредством включения новых п.п. 2 и 3 в редакции: П. 2. «Если без недействительной части сделка утрачивает интерес для сторон, сделка должна быть признана недействительной в целом». П. 3. «Сделка признается недействительной в целом при отсутствии необходимой степени дееспособности стороны сделки». Пункт 4. «Сделки, предусмотренные ст. 168, 169, и ст. 171 ГК РФ, включающие недействительную часть, признаются недействительными в целом».

В отдельных видах корпораций могут быть предусмотрены особенности признания корпоративного договора недействительным, как и правовых последствий подобного признания. Так, на основании п. 7 ст. 32.1 ФЗ об ООО, акционерным соглашением могут быть предусмотрены способы обеспечения исполнения обязательств, как и меры юридической ответственности, включая случаи признания корпоративного договора недействительным (в зависимости от степени причиненного вреда), в т.ч. – право требовать возмещения убытков, а также – взыскания неустойки (как штрафа, так и пеней), оплаты денежной компенсации, использования других мер гражданско-правовой ответственности в связи с признанием акционерного соглашения недействительным. Аналогичные правовые последствия необходимо применять также в отношении корпоративного договора, совершаемого в обществе с ограниченной ответственностью (договор об осуществлении прав участников).

В связи с признанием корпоративного договора недействительным к другим мерам гражданско-правовой ответственности относится возмещение морального вреда, защита чести, достоинства и деловой репутации, которые защищаются, как общими гражданско-правовыми способами защиты, отраженными в ст. 12 ГК РФ, так и специальными способами, предусмотренными в ст. 152 ГК РФ. С 1 июня 2015 г. законодатель допускает возможность применения к корпоративным договорам такой меры гражданско-правовой ответственности, как возмещение имущественных потерь (п. 5 ст. 406.1 ГК РФ).

Необходимо отметить, что такое основное юридическое последствие признания гражданско-правовой сделки недействительной и последствие неосновательного предоставления, как реституция («правовой механизм восстановления добросовестных субъектов недействительной сделки в прежнем имущественном положении») [15, с. 133], к корпоративному договору, как правилу, не применяется.

К общим правовым последствиям признания корпоративного договора недействительным относится прекращение его действия и, соответственно, – прав и обязанностей сторон. Представляется, что,

в указанной связи, а также – с целью обсуждения вопросов правовых последствий подобного признания, нивелирования негативных явлений, связанных с недействительностью договора и (либо) с целью принятия нового корпоративного договора, целесообразно инициировать назначение общего собрания.

Методологическая основа: комплекс научных приемов и методов познания явлений и процессов, включающий в себя общенаучный диалектический метод и частно – научные методы, такие как формально-логический, метод сравнительного правоведения; системно-правовой и метод правового моделирования.

Результаты

1. Констатация корпоративного договора в качестве недействительной сделки не способствует признанию после такового признания действий ее сторон юридическим фактом, благодаря которому происходит возникновение ожидаемых результатов и правовых последствий. В указанной связи, отсутствует основание признать за подобным актом действительную сделку, т.е. происходит аннулирование статуса сделки, как таковой. Представляется, что целесообразность данного законодательного подхода объясняется тем, что правовой режим гражданско-правовой сделки оказывает влияние, как на процесс совершения корпоративного договора в динамике, так и на иные возможности сторон. Подобные возможности позволяют формировать требования в отношении определенных дефектов сделки в ситуациях, когда условия корпоративного договора не соответствуют воле законодателя либо его сторон, общим условиям действительности сделки.

В связи с изложенным, не представляется возможным недействительный корпоративный договор рассматривать в качестве юридического факта, т.е. самостоятельного юридического явления. Соответственно, с учетом данной позиции, корпоративным договором следует признавать исключительно сделку, обладающую качествами и признаками сделки, как юридического факта.

2. Законодатель, регулирующий отношения в сфере корпоративного договора, его разновидностей, не включает необходимых положений о его недействительности и о правовых последствиях подобной недействительности ни в Гражданский кодекс РФ, ни в ФЗ № .208-ФЗ, ФЗ № 14-ФЗ, что выступает значительной проблемой. Правоприменитель вынужден при наличии обстоятельств недействительности данного договора применять аналогию закона, а также – руководствоваться буквальным толкованием различных норм, которые расконцентрированы по Гражданскому кодексу РФ, по иным нормативным правовым актам. Наличие гражданско-правовых норм о недействительности сделок и о правовых последствиях их недействительности не решают сложностей недействительности корпоративного договора.

С целью решения обозначенных проблем, предлагается включить в Гражданский кодекс РФ новую статью 67.2.1 «Недействительность корпоративного договора», указав основания и правовые последствия недействительности данной сделки. Правовые особенности недействительности и правовых последствий недействительности договора об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью и акционерного соглашения предлагается отразить в ФЗ № .208-ФЗ, ФЗ № 14-ФЗ.

3. Представляется, что корпоративный договор может быть признан недействительным также по общим основаниям недействительности сделок (оспоримый, ничтожный), так и с учетом особенностей корпоративного правоотношения, при этом, при признании недействительной части названного договора, по общему правилу, не способствует недействительности договора в целом.

Однако, необходимо учитывать следующее:

- в связи с необходимостью конкретизации в ст. 180 ГК РФ правовой категории «часть сделки», обосновано внесение изменений в данную норму РФ и формирование в следующей редакции: «Недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части. Часть сделки – одно или несколько ее условий, относящихся к содержанию сделки»;
- с целью более совершенного правоприменения и в отсутствии необходимого правового регулирования, обосновано внесение изменений в ст. 180 ГК РФ путем регламентации новых пунктов 2 и 3 в следующей редакции: Пункт 2. «Если без недействительной части сделка утрачивает интерес для сторон, сделка должна быть признана недействительной в целом». Пункт 3. «При признании недействительной части сделки, касающейся существенного условия, сделка признается недействительной в целом». Пункт 4. «Сделка признается недействительной в целом при отсутствии необходимой степени дееспособности стороны сделки». Пункт 5. «Сделки, предусмотренные ст. 168, 169,

17 ГК РФ, включающие недействительную часть, признаются недействительными в целом».

Обсуждение

До включения корпоративного договора в кодифицированный акт гражданского законодательства (ст. 67.2 ГК РФ), практика российских судов исходила из признания, что условия корпоративного договора, противоречащие уставу, признаются в качестве недействительных [13]. Данная позиция была поддержана и в научном сообществе, и в практике российских судов. Однако, впоследствии, в рамках обсуждения вопроса о корреляции названных локальных документов корпорации, которые были приняты во внимание Верховным Судом РФ, данная судебная инстанция указала, что корпоративный договор может противоречить учредительным документам хозяйственного общества, при этом, участники корпорации не могут, в указанной связи, ссылаться на его недействительность. При этом, сторона корпоративного договора не утрачивает правомочие на формирование к другой стороне требований, которые основаны на таком соглашении [12]. Изложенное полностью соответствует позиции законодателя, изложенной в Гражданском кодексе РФ (п. 7 ст. 67.2 ГК РФ).

Заключение

В связи с особым значением корпоративного договора в различных корпорациях, вносящих значительный вклад в экономику, недействительность данной сделки может негативно отразиться, как на деятельности корпорации, в целом, так и на правах отдельных ее участников. Корпоративный договор может быть признан в качестве недействительной сделки по различным основаниям, в т.ч. при наличии хотя бы одного из условий действительности сделок: законность содержания; наличие у сторон необходимого объема гражданской правосубъектности, предоставляющей возможность совершения сделки; обязательность корреляции и воли, и волеизъявления; соблюдение формы сделки

Законодатель, регулирующий отношения в сфере корпоративного договора, его разновидностей, не включает положений о его недействительности и о правовых последствиях недействительности в Гражданский кодекс РФ, как и в акты специального законодательства о корпоративных организациях (в ФЗ № 208-ФЗ, ФЗ № 14-ФЗ), что признано пробелом действующего законодательства, требующим устранения.

Анализ норм действующего законодательства на современном этапе позволяет к правовым последствиям признания корпоративного договора недействительным относится прекращение его действия и, соответственно, — прав и обязанностей сторон. Представляется, что, с целью обсуждения вопросов правовых последствий подобного признания, нивелирования негативных явлений и (либо) для принятия нового корпоративного договора, целесообразно инициировать назначение общего собрания. К последствиям представляется возможным отнести: право требовать возмещения убытков, взыскания неустойки (как штрафа, так и пеней), оплаты денежной компенсации, использования других мер гражданско-правовой ответственности в связи с признанием договора корпорации недействительным. К другим мерам гражданско-правовой ответственности при признании корпоративного договора недействительным относится возмещение морального вреда, защита чести, достоинства и деловой репутации, которые защищаются, как общими гражданско-правовыми способами защиты (ст. 12 ГК РФ), так и специальными способами, предусмотренными в ст. 152 ГК РФ. С 1 июня 2015 г. законодатель допускает возможность применения к корпоративным договорам такой меры гражданско-правовой ответственности, как возмещение имущественных потерь (п. 5 ст. 406.1 ГК РФ). Такое основное последствие признания сделки в качестве недействительной и последствие неосновательного предоставления, как реституция, к корпоративному договору, по общему правилу, не применяется.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.06. 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Российская газета. 2002. 27 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 20.12.2025) // Российская газета. 1994. 8 декабря.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.12.2025) // Российская газета. 1994. 8 декабря.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 09.12.2025) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 09.12.2025) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

6. Ем В.С. Последствия недействительности сделок // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 147–148.

7. Карапетов А.Г. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.

8. Мейер Д.И. Русское гражданское право (по изд. 1843 г.). М., 2015. 804 с.

9. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.10.2014. г. № 306-ЭС14–14 по делу № А06–2044/2013 (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70661564/>) (дата обращения 02.12.2025).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2014 г. по делу № А40–97313/2013 (<https://sudact.ru/arbitral/doc/V3oWXGNW7wLI/>) (дата обращения 12.12.2025).

12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2014 г. по делу № А40–97313/2013 (<https://sudact.ru/arbitral/doc/V3oWXGNW7wLI/>) (дата обращения 12.12.2025).

13. Садилов О.Н. Гражданское право. В 3 т. Т. 1. М.: Инфра, 2006. 493 с.

14. Суханов Е.А. Гражданское право. В 4 т. Т. 1. М.: Статут, 2019. 576 с.

15. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 07.03.2021) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 1. – Ст. 1.

16. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

17. Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // РГ. 2013. 13 мая.

18. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (11 издание, 1-е посмертное, просмотренное и дополненное по поручению юридического факультета Императорского Московского университета). В 3 т. Т. 2. – М.: Издательство Бр. Башмаковых (по изд. 1915 г.). М., 2015. 483 с.

19. Эмрих Р.А. Свобода договора как принцип философии права: автореф. ... канд. юр. наук. 12.00.03. Саратов, 2000. 180 с.

20. Эргашев А.С. Маслеников Е.В. Роль государственных корпораций в экономике России (на примере государственных корпораций «Росатом» и «Ростех») // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 4. С. 315. С. 303–315.

CONSEQUENCES OF VIOLATING A CORPORATE AGREEMENT

Valievskaya A.A.
Saratov State Law Academy

This article addresses the pressing issue of invalidating corporate agreements executed in joint-stock companies and limited liability companies. The article discusses the general grounds for invalidating transactions, which apply when invalidating a corporate agreement, and establishes legal specifics for corporate entities. Attention is paid to the positions of the Supreme Court of the Russian Federation.

It is noted that invalidating a corporate agreement does not facilitate the recognition of subsequent actions by its parties as a legal fact, which results in the expected results and legal consequences. The article substantiates the need for amendments to the Civil Code of the Russian Federation by including a new Article 67.2.1, "Invalidity of a Corporate Agreement," specifying the grounds and consequences of invalidity. Corresponding amendments are also justified for inclusion in Federal Law No. 208-FZ and Federal Law No. 14-FZ. Amendments are proposed regarding the invalidity of parts of the corporate agreement.

Keywords: corporation, corporate agreement, invalidity of transaction, joint-stock company, limited liability company, liability

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of June 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on February 24, 2021) // Rossiyskaya Gazeta. July 27, 2002.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on December 20, 2025) // Rossiyskaya Gazeta. December 8, 1994.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on December 9, 2025) // Rossiyskaya Gazeta. December 8, 1994.

4. Civil Code of the Russian Federation. Part Three of November 26, 2001, No. 146-FZ (as amended on December 9, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Article 4552.

5. Civil Code of the Russian Federation. Part Four of December 18, 2006, No. 230-FZ (as amended on December 9, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part 1). Article 5496.

6. Em, V.S. Consequences of Invalidity of Transactions // Civil Law Bulletin. 2014. No. 6. Pp. 147–148.

7. Karapetyan, A.G. Transactions, Representation, and Limitation Period: Article-by-Article Commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos, 2018. 1,264 p.

8. Meyer, D.I. Russian Civil Law (based on the 1843 edition). Moscow, 2015. 804 p.

9. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 8, 2014, No. 306-ES14–14 in Case No. A06–2044/2013 (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70661564/>) (accessed December 2, 2025).

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 “On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 2015. No. 140.

11. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of February 11, 2014, in Case No. A40–97313/2013 (<https://sudact.ru/arbitral/doc/V3oWXGNW7wLI/>) (accessed December 12, 2025).

12. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated February 11, 2014, in case No. A40–97313/2013 (<https://sudact.ru/arbitral/doc/V3oWXGNW7wLI/>) (accessed December 12, 2025).

13. Sadikov, O.N. Civil Law. In 3 volumes, Vol. 1. Moscow: Infra, 2006. 493 p.

14. Sukhanov, E.A. Civil Law. In 4 volumes, Vol. 1. Moscow: Statut, 2019. 576 p.

15. Federal Law of December 26, 1995 No. 208-FZ (as amended on March 7, 2021) “On Joint-Stock Companies” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 1. – Art. 1.

16. Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ (as amended on February 24, 2021) “On Limited Liability Companies” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 7. – Art. 785.

17. Federal Law of May 7, 2013 No. 100-FZ “On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // RG. 2013. May 13.

18. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law (11th edition, 1st posthumous, revised and supplemented by order of the Law Faculty of the Imperial Moscow University). In 3 Vols. Vol. 2. – M.: Bashmakov Brothers Publishing House (based on the 1915 edition). M., 2015. 483 p.

19. Emrikh R.A. Freedom of Contract as a Principle of Legal Philosophy: Abstract of Cand. Sci. (Law). 12.00.03. Saratov, 2000. 180 p.

20. Ergashev A.S. Maslennikov E.V. The Role of State Corporations in the Russian Economy (using the example of the state corporations Rosatom and Rostec) // RUDN University Bulletin. Series: Public and Municipal Administration. 2020. Vol. 7. No. 4. P. 315. P. 303–315.

Величко Светлана Александровна,

доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин, Юридический институт,
Луганский государственный университет имени Владимира
Далы

E-mail: sb1802@yandex.ru

Статья посвящена комплексному анализу способов защиты прав граждан в сфере социального обеспечения в Российской Федерации. Рассматривается правовой механизм, обеспечивающий реализацию одного из фундаментальных социальных прав. Особое внимание уделяется различным формам и методам, которые могут быть использованы гражданами для восстановления нарушенных прав в области пенсионного обеспечения, государственного социального страхования и иных видов социальной поддержки. Подробно рассматриваются различные механизмы защиты, включая: судебную защиту как основной гарантированный государством способ восстановления нарушенных прав; самозащиту прав гражданами на социальное обеспечение; защиту прав через профессиональные союзы и их контрольные функции; обращение в комиссию по трудовым спорам как досудебный механизм разрешения конфликтов.

Ключевые слова: защита прав, социальное обеспечение, российские граждане, судебная защита, самозащита, профсоюзный контроль, комиссия по трудовым спорам, формы защиты.

Введение

В условиях роста количества случаев непризнания права на социальную защиту, частоты его нарушений, следствием чего является количество увеличения споров в определенной сфере, особую актуальность приобретает исследование способов защиты социальных прав граждан, предусмотренных ст. 45 Конституции РФ.

Нарушения в сфере назначения и выплаты пенсий, пособий и иных социальных выплат – распространенное явление. Граждане часто сталкиваются с необоснованными отказами, задержками и бюрократическими барьерами, что требует от них знания действенных механизмов защиты.

Наибольший вклад в развитие учения о понятии, видах и содержании способов защиты субъективных прав и интересов человека внесли учёные-цивилисты.

В частности, А.П. Сергеев указывает, что «способами защиты субъективных прав лица являются закрепленные в законе материально-правовые меры правового принуждения, целью которых является восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и влияние на правонарушителя»¹.

По мнению В.В. Витрянского, «способами защиты являются предусмотренные законом средства, с помощью которых обеспечивается прекращение, предупреждение, устранение нарушений права, его возобновление и/или компенсация убытков, вызванных нарушением субъективного гражданского права»².

Цель исследования – провести комплексный анализ системы способов защиты права российских граждан на социальное обеспечение, выявить их особенности, эффективность и проблемы применения, а также сформулировать предложения по их совершенствованию.

Задачи исследования: классифицировать и охарактеризовать основные формы (юрисдикционную и неюрисдикционную) и способы защиты прав в сфере социального обеспечения; проанализировать специфику и процедуры способов защиты; выявить проблемные аспекты и коллизии; на основе проведенного анализа разработать практические рекомендации для граждан и правоприменителей по эффективному использованию механизмов защиты.

Предметом исследования является совокупность правовых норм, регулирующих способы и процедуры защиты нарушенных прав российских граждан в сфере социального обеспечения, а также теоретические подходы к их пониманию и классификации.

Для проведения комплексного анализа способов защиты прав российских граждан на социальное обеспечение в статье логично использовать совокупность общенаучных и частнонаучных методов, таких как: метод системного анализа, метод анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод, метод классификаций.

Основная часть

Анализируемые позиции цивилистов относительно понимания целевой направленности способов защиты права на социальную защиту нашли свое отражение и в научных трудах ученых-представителей науки права социального обеспечения.

Так, по мнению А.И. Петровой, «способы защиты права на социальное обеспечение избираются уполномоченным субъектом с целью восстановления нарушенного права, прекращения противоправных действий, посягающих на него, признания нормативно-правового акта не подлежащим применению, что создает условия для всестороннего удовлетворения интереса, опосредованного исследуемым субъективным правом человека»³.

Следовательно, приведенный учеными перечень последствий их применения является неполным и указывает на значительное распространение признания права как способа защиты права на социальную защиту, что довольно часто применяется при отказе в назначении пенсии, проведении ее перерасчета и т.д.

¹ Сергеева А.П., Толстого Ю.К. 4-е изд., перераб. и доп. Том 1. М., 2005. – 765 с.

² Брагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 4-е изд. – М.: Статут, 2020. – 847 с.

³ Петрова Е.И. Инструментарий защиты социально-обеспечительных прав граждан. Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 1. – С. 185–189.

М.В. Лушников и А.М. Лушников в качестве родового признака способов защиты исследуемого права называют «систему средств, направленных на восстановление нарушенного права, устранение препятствий его осуществления, удовлетворение интереса к получению желаемых видов социальной защиты в соответствии с установленным порядком, воздействие на правонарушителя»¹.

В главе 5 Федерального закона «Об основах обязательного социального страхования» от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ определены средства надзора и общественного контроля в сфере общеобязательного государственного социального страхования, на допущенные страховщиком или страхователем нарушения страхового законодательства и установление срока для их устранения, отмены соответствующего незаконного решения и возмещения убытков.

А.В. Малько отмечает, что «правовыми средствами является правовое явление, выражающееся в инструментах и деяниях, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается удовлетворение общественно полезных целей»².

Следовательно, применение правовой категории «средства» при определении понятия способов защиты права на социальную защиту определяет, прежде всего, деятельностную сущность исследуемого явления, проявляющегося через правореализационную или правоприменительную деятельность по защите непризнанного, оспариваемого или нарушенного права на социальную защиту.

На это обстоятельство при исследовании способов защиты трудовых прав и интересов работников обратила внимание также В.В. Лазовская, которая способы соответствующей защиты определила как «совокупность действий, применяемых юрисдикционными органами, самим уполномоченным лицом или его представителями с целью защиты трудовых прав и интересов путем прекращения нарушений трудового законодательства, возобновления нарушенных или оспариваемых трудовых прав и возмещения причиненного вреда»³.

Исходя из такого понимания способов защиты прав человека, основным юрисдикционным органом, уполномоченным, среди прочего, осуществлять защиту права на социальную защиту, является суд, который по результатам рассмотрения материалов каждого конкретного дела может признать за человеком право на конкретный вид социальной защиты, признать противоправными решения, действия или бездействие социально обязанного субъекта, обязать его совершить определенные действия, в том числе возместить причиненный вред. К субъектам, уполномоченным среди прочего осуществлять деятельность в сфере защиты права на социальную защиту, также принадлежит Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и тому подобное.

Из содержания ст. 45 Конституции РФ можно сделать вывод, что каждый имеет право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Отсюда следует, что способ защиты избирается гражданами, чьи права нарушены, и заключается в их действиях, не запрещенных законом.

В то же время особенностью права на социальную защиту является то, что оно не всегда реализуется человеком, который им наделен, лично. Так, субъектами (получателями социальных услуг в правоотношениях социального обслуживания) могут быть дети с инвалидностью или лица с инвалидностью, признанные судом недееспособными по гражданскому законодательству. Соответственно, в случае нарушения их права на социальную защиту, такие лица не смогут защитить свое субъективное право с помощью предусмотренных законодательством способов. Основываясь на анализе особенностей правового положения уполномоченных субъектов социально-обеспечительных правоотношений, можно отметить, что эти субъекты обладают правом на удовлетворение потребностей в материальных и нематериальных ресурсах, направленных на предупреждение, преодоление или смягчение негативных последствий социальных рисков. Реализация этих прав осуществляется посредством выполнения обязанностей субъектами, осуществляющими социальную деятельность в различных формах собственности и хозяйствования. Следовательно, способы обеспечения социальной защиты в большинстве случаев выбираются именно этими субъектами, что подчёркивает роль их дееспособности и необходимость наличия соответствующих механизмов защиты.

Таким образом, способы защиты права на социальную защиту различаются в зависимости от того, в какой форме защиты они применяются – юрисдикционной или нет, на что указывает субъект, осуществляющий защиту: специально уполномоченный орган; лицо, чье право нарушено, его уполномоченный, законный или договорный представитель.

Форма и способ защиты права на социальную защиту неразрывно связаны между собой. Как замечает А.А. Сапфирова «каждая форма защиты объединяет в единое целое конкретные, характерные для нее, способы и соответствующих субъектов защиты»⁴. По мнению В.П. Карташовой, «именно формы и примененные в их рамках способы защиты образуют тот необходимый состав, с помощью которого потерпевшие от нарушения права на социальную защиту лица достигают желаемого юридического результата по восстановлению нарушенного права»⁵.

Следовательно, можно выделить способы защиты субъективных прав, а именно: материально-правовые и процессуальные. К материально-правовым способам защиты субъективных прав относятся такие действия субъектов материальных правоотношений, которые направлены на защиту нарушенных прав. Процессуальными способами защиты прав и интересов лица признается деятельность юрисдикционных органов по защите нарушенных или оспариваемых прав.

Таким образом, среди способов защиты субъективных прав в зависимости от их воздействия на нарушителя, можно выделить: восстановительные меры, меры, направленные на прекращения нарушений, а также штрафные санкции.

Восстановительные способы защиты права на социальную защиту направлены на восстановление положения, существовавшего до нарушения. Такими способами является восстановление нарушенных прав (например, проведение перерасчета пенсии в связи с повышением заработной платы работающих на аналогичной должности и др.); присуждение к исполнению обязанности (например, обязательство предоставить социальные услуги в связи с необоснованным отказом в осуществлении социального обслуживания и т.п.). Способы защиты права на социальную защиту, направленные на устранение его нарушений, включают меры, которые прекращают противоправные действия, нарушающие соответствующее субъективное право, а также создают условия для его эффективной реализации. В основном, такие способы предполагают признание за субъектом права на определённый вид социальной защиты или признание противоправными решений, действий или бездействия социально обязанного субъекта.

Следует отметить, что содержательное определение понятия «моральный вред», сформулированное в научных трудах, гражданском законодательстве и практике судопроизводства, обладает универсальным межотраслевым характером. Это определение может быть использовано при анализе возможности и целесообразности компенсации морального вреда, причинённого нарушением субъективных прав в различных отраслях права, таких как трудовое, семейное, социальное и другие.

Так, в соответствии со ст. 150 ГК РФ моральный вред заключается:

- 1) в физической боли и страданиях, которые физическое лицо испытало в связи с увечьем или другим повреждением здоровья;
- 2) в душевных страданиях, которые физическое лицо испытало в связи с противоправным поведением в отношении него самого, членов его семьи или близких родственников;
- 3) в душевных страданиях, которые физическое лицо испытало в связи с уничтожением или повреждением его имущества;
- 4) в унижении чести и достоинства физического лица, а также деловой репутации физического или юридического лица.

Одним из эффективных способов защиты права на социальную защиту является возмещение морального вреда. Однако в современных условиях его применение в Российской Федерации сталкивается с определенными ограничениями. Это связано с несовершенством отраслевых нормативных правовых актов, большинство из которых предусматривают ответственность виновных лиц за нарушение права на социальную защиту в соответствии с действующим законом.

Нормы соответствующего содержания содержатся в законах РФ «О государственной социальной помощи», «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и т.д. Однако ни одним из названных и многочисленных других нормативных правовых актов прямо не предусмотрена возможность возмещения субъектом, вины-

¹ Лушников М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. СПб., 2006. – 938 с.

² Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. – 1999. – № 2. – С. 4–16.

³ Лазовская В.В. Неюрисдикционная форма защиты трудовых прав / Проблемы научной мысли. – 2022 – № 12. – С. 26–28.

⁴ Сапфирова А.А. Способы защиты трудовых прав, свобод и правовых интересов в сфере труда внесудебными органами государства // Трудовое право. – М.: Интел-Синтез. – 2008. – № 8 (102). – С. 80–88.

⁵ Карташова В.П. Современные проблемы соотношения форм и способов защиты гражданских прав в российской цивилистике: автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб., 2005. – 20 с.

вным в нарушении права на социальную защиту, морального вреда, что может стать основанием для ложного заключения об отсутствии у человека, субъективное право, предусмотренное ст. 45 Конституции РФ, которое нарушено, моральных (реже физических) страданий, вызванных противоправными деяниями обязанного субъекта.

Аналогичные последствия присущи и нарушению, непризнанию права на социальную защиту. Так, нарушение права на социальную защиту в виде пенсии в форме неправомерного отказа в назначении соответствующей денежной выплаты или необоснованного ее прекращения влечет за собой материальную ответственность обязанного субъекта, включающую в себя возмещение морального вреда.

Правоприменительная практика также свидетельствует о причинении нарушением права на социальную защиту моральных страданий, которые должны возмещаться обязанным субъектом, допустившим нарушение.

Так, возмещение морального вреда в праве социального обеспечения является способом защиты, имеющим штрафной характер, для применения которого необходимо одновременное наличие следующих условий: противоправность поведения, причинный вред, причинно-следственная связь между причиненным вредом и противоправными деяниями, вина правонарушителя.

Целесообразно обратить внимание, что штрафные способы защиты права на социальную защиту всегда имеют дополнительный характер и сами по себе не являются эффективными при условии неприменения восстановительных и/или прекращающих способов. При этом противоправность деяний социально обязанного субъекта, ставших поводом для применения избранных управомоченным лицом способов защиты, устанавливается именно в процессе восстановления нарушенного права. В дальнейшем указанные факты имеют значение преюдициальных для определения возможности возмещения морального вреда.

О необходимости установления наличия вреда, причиненного управомоченному субъекту нарушением права, гарантированного Конституции РФ, и причинно-следственной связи между ним и деяниями правонарушителя стоит отметить, что Постановлением Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», сформулирована презумпция причинения морального вреда противоправными действиями, бездействием социально обязанного субъекта, обязанность доказывания отсутствия которой полностью возлагается на последнего, что согласуется с общими правилами доказывания в административном судопроизводстве (как было указано выше – большинство споров в сфере социальной защиты решается в судебном порядке в соответствии с положениями КАС РФ).

Нарушение прав человека при осуществлении полномочий органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными и служебными лицами является основанием для возмещения за счет государства или органов местного самоуправления материального и морального вреда, причиненного незаконными решениями, действиями или бездействием соответствующих субъектов, что соответствует задачам как гражданского, так и административного судопроизводства в РФ по обеспечению эффективной защиты прав, свобод и интересов физических лиц.

Эффективность юридической защиты каждого, чьи права и свободы были нарушены, даже если такое нарушение было совершено лицами, осуществлявшими свои официальные полномочия, гарантирована ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод 1950 года. Таким образом, адекватное возмещение вреда, в частности морального, является одним из эффективных способов защиты нарушенного, непризнанного или оспариваемого права на социальную защиту. Сама лишь констатация в судебном решении нарушения прав истца не может быть достаточной для того, чтобы защита могла считаться эффективной.

При этом для применения возмещения морального вреда в качестве способа защиты права на социальную защиту вина социально обязанного субъекта в страданиях или унижениях, вызванных неправомерными действиями с его стороны, не имеет значения. Форма вины – умысел или неосторожность – учитывается исключительно при решении вопроса об объеме возмещения морального вреда управомоченному лицу, а также может иметь значение для привлечения непосредственно сотрудника (должностного лица) органа социальной защиты в дальнейшем к юридической ответственности.

В то же время основным препятствием на пути эффективного применения возмещения морального вреда, причиненного вследствие нарушения права на социальную защиту, как способа защиты соответствующего субъективного права человека, является закрепление социально-обеспечительным законодательством требования к соци-

ально обязанным субъектам относительно исключительно целевого использования средств, которые должны направляться на цели социальной защиты и не могут тратиться на компенсацию морального вреда.

Таким образом, сложившаяся ситуация требует внесения изменений в нормативные и правовые акты, регулирующие исследуемую сферу общественных отношений, путем предвидения возможности возмещения субъектами, виновными в нарушении права на социальную защиту, морального вреда, причиненного управомоченному лицу неправомерными действиями (бездействием) первых, размер которой будет определяться судом на основании всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела.

Судебная практика, как правило, ограничивается восстановлением права лица на социальную защиту, однако оставляет без наказания должностных лиц социально обязанных субъектов, что имеет негативное влияние на дальнейшее правоприменение, в связи с чем судам необходимо не просто восстанавливать нарушенное право, но и привлекать в судебном процессе к ответственности тех должностных лиц, которые допустили нарушение права на социальную защиту.

Вышеназванные виды способов защиты права на социальную защиту применяются для их характеристики в процессе применения юрисдикционной формы защиты исследуемого права. Способы же самозащиты права на социальную защиту имеют определенные особенности и отличаются от анализируемых выше.

Так, по мнению С.В. Горбачевой, способы самозащиты можно условно поделить на правовые и не правовые. Как отмечает ученая, «правовые способы самозащиты – это действия, урегулированные нормами права; неправомерные способы самозащиты – это действия, прямо не предусмотренные законодательством, однако не противоречащие ему»¹.

Следовательно, несколько сомнительной является возможность применения для определения вида способов самозащиты субъективного права категории «неправомерные», поскольку ею, чаще всего, характеризуются противоправные явления. Самозащита же – всегда правомерное действие субъекта права.

В свою очередь по функциональному критерию выделяются такие способы защиты как: прекращающие (прекращающие начало правонарушения) и предупреждающие неблагоприятные последствия правонарушения), восстанавливающие (устраняющие продолжающееся правонарушение), компенсационные (устраняющие причиненный вред) и обеспечительные (создающие предпосылки для получения компенсации) способы.

В то же время уполномоченное лицо не лишено возможности прекратить любые нарушения принадлежащего ему права. Прекращающим способом самозащиты права на социальную защиту, например, может быть отказ от социальных услуг (кроме случаев, определенных законом), право на которую гарантировано Федеральным законом «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). При этом лицо, которое отказывается от социального обслуживания, не должно объяснять причины принятого им решения и не лишается права на получение социальных услуг от другого их поставщика.

Управомоченное лицо в целях защиты своего права может применять обеспечительные способы самозащиты, которые заключаются в осуществлении действий, обеспечивающих сохранение содержания и объема права на социальную защиту. Примером такого способа защиты права на социальную защиту является заключение договоров страхования пожизненной пенсии, которые в соответствии Закона РФ «О гарантировании прав участников негосударственных пенсионных фондов в рамках деятельности по негосударственному пенсионному обеспечению», заключаются между участником фонда и страховой организацией после наступления пенсионного возраста, определенного в Пенсионном контракте, в частности, и в случае его (контракта) расторжения из-за существенного нарушения администратором Пенсионного фонда его условий.

Закключение

Таким образом, специфика методов защиты права на социальную защиту определяется тем, что гражданин выступает в роли «уязвимой» стороны в системе отраслевых отношений, поскольку объективно обладает значительно меньшим запасом организационных, информационных, материальных и профессиональных ресурсов по сравнению с другими участниками этих отношений – субъектами, обладающими соответствующими социально-защитными полномочиями или делеги-

¹ Горбачева С.В. Самозащита прав по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Нижний Новгород. – 2005. – 25 с.

рованными функциями в соответствии с законодательством. Именно соотношение ресурсов и инструментов, доступных каждой стороне для защиты своих прав и законных интересов, позволяет выделить в этих отношениях «сильную» и «слабую» сторону – в области социально-обеспечительных, процедурных и процессуальных аспектов сферы социальной защиты.

Управомоченные лица и социально обязанные субъекты обладают принципиально разными возможностями влияния на формирование взаимных прав и обязанностей, в том числе в контексте восстановления нарушенных прав и возмещения причиненного вреда. В большинстве случаев социально обязанные субъекты, обладающие властными полномочиями, занимают привилегированное положение, что зачастую оправдывается отсутствием финансирования, служащего основанием для невыполнения своих обязательств. В связи с этим, механизм защиты права на социальную защиту нельзя считать полностью эффективным, поскольку в современных условиях реализуются новые формы защиты этого права, закрепленного Конституцией РФ. Они направлены на ограничение нормативной власти государства и на обеспечение своевременного и надлежащего исполнения социально обязанных субъектов своих обязательств перед населением в сфере социальной защиты.

Литература

1. Брагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 4-е изд. – М.: Статут, 2020. – 847 с.
2. Горбачева С.В. Самозащита прав по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Нижний Новгород, 2005. – 25 с.
3. Карташова В.П. Современные проблемы соотношения форм и способов защиты гражданских прав в российской цивилистике: автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб., 2005. 20 с.
4. Лазовская, В.В. Неюрисдикционная форма защиты трудовых прав / В.В. Лазовская, В.С. Синенко // Проблемы научной мысли. – 2022 – № 12. – С. 26–28.
5. Лушникова М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. СПб., 2006. – 938 с.
6. Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. – 1999. – № 2. – С. 4–16.
7. Петрова Е.И. Инструментарий защиты социально-обеспечительных прав граждан / Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 1. – С. 185–189.

8. Сапфинова А.А. Способы защиты трудовых прав, свобод и правовых интересов в сфере труда внесудебными органами государства // Трудовое право. – М.: Интел-Синтез. – 2008. – № 8 (102). – С. 80–88

9. Сергеева А.П., Толстого Ю.К. 4-е изд., перераб. и доп. Том 1. – М.: 2005. – 765 с.

WAYS TO PROTECT THE RIGHT OF RUSSIAN CITIZENS TO SOCIAL SECURITY

Velichko S.A.

Lugansk State University named after Vladimir Dahl Lugansk. Russia

This article is dedicated to a comprehensive analysis of the methods for protecting citizens' rights in the field of social security in the Russian Federation. It examines the legal mechanisms that ensure the implementation of one of the fundamental social rights. Special attention is given to various forms and methods that citizens can use to restore violated rights in areas such as pension provision, state social insurance, and other types of social support. The article provides a detailed review of different protection mechanisms, including: judicial protection as the primary guaranteed means established by the state for restoring violated rights; citizens' self-protection of their social security rights; protection of rights through trade unions and their oversight functions; and appealing to the labor dispute commission as a pre-trial conflict resolution mechanism.

Keywords: protection of rights, social security, Russian citizens, judicial protection, self-defense, trade union control, labor dispute commission, forms of protection.

References

1. Braginsky, M.I. Contract Law: General Provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. – 4th ed. – Moscow: Statut, 2020. – 847 p.
2. Gorbacheva, S.V. Self-defense of rights under Russian legislation: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.01. – Nizhny Novgorod, 2005. – 25 p.
3. Kartashova, V.P. Modern problems of the relationship between forms and methods of protecting civil rights in Russian civilistics: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg, 2005. 20 p.
4. Lazovskaya, V.V. Non-jurisdictional form of protection of labor rights / V.V. Lazovskaya, V.S. Sinenko // Problems of Scientific Thought. – 2022 – № 12. – P. 26–28.
5. Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. Essays on the Theory of Labor Law. St. Petersburg, 2006. – 938 p.
6. Malko A.V. Legal Means as a General Theoretical Problem // Jurisprudence. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. – 1999. – № 2. – P. 4–16.
7. Petrova E.I. Instruments for Protecting the Social Security Rights of Citizens / Bulletin of Perm University. – 2010. – Issue 1. – P. 185–189.
8. Sapphire A.A. Methods of Protecting Labor Rights, Freedoms and Legal Interests in the Sphere of Labor by Extra-judicial State Bodies // Labor Law. – M.: Intel-Sintez. – 2008. – No. 8 (102). – P. 80–88
9. Sergeeva A.P., Tolstoy Yu.K. 4th ed., revised. and additional Volume 1. – M.: 2005. – 765 p.

Параллельный бизнес участника корпорации как основание для исключения из хозяйственного общества и товарищества

Гусева Анастасия Александровна,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук

E-mail: aguseva_legal@mail.ru

Автор рассматривает проблему исключения участника из хозяйственного общества и товарищества за ведение параллельного (конкурирующего) бизнеса. Отсутствие четкого определения этого понятия в законодательстве и разъяснениях высших судебных инстанций создает правовую неопределенность. В связи с этим возникают вопросы о критериях и признаках, позволяющих квалифицировать деятельность как «параллельный бизнес», а также о моменте, с которого она становится основанием для исключения из компании. Неясность в этих аспектах может приводить к спорам и затруднениям в применении обозначенного правового механизма защиты корпоративных интересов.

Ключевые слова: гражданское право; исключение участника; исключение из корпорации; корпоративный спор; общество с ограниченной ответственностью; акционерное общество; параллельный бизнес; конкурирующий бизнес

В условиях стремительно развивающегося современного бизнеса участники хозяйственных обществ и товариществ (далее совместно – корпорации) порой сталкиваются с желанием ведения параллельной деятельности. Это может проявляться в создании нового юридического лица (собственного бизнеса), участии в управлении уже существующими организациями (например, в роли генерального директора), конкурирующими с такими корпорациями, или осуществлении бизнеса в качестве индивидуального предпринимателя. Подобная практика, именуемая как «параллельный бизнес», несет в себе определенные правовые риски.

Возможные последствия параллельного бизнеса участника могут быть весьма серьезными, вплоть до принудительного исключения из состава участников корпорации. В связи с этим, важным представляется анализ того, что такое «параллельный бизнес» и в каких случаях его наличие ведет / должно вести к исключению участника из корпорации.

Основания для исключения из хозяйственных обществ и товариществ

Российский правовой порядок предусматривает, что участник хозяйственного общества (общества с ограниченной ответственностью, непубличного акционерного общества) и хозяйственного товарищества (полного товарищества, командитного товарищества) может быть исключен из состава корпорации принудительно в судебном порядке. В статье 67 Гражданского кодекса РФ¹ (далее – ГК РФ) указаны следующие основания для исключения:

- действия (бездействие) участника причиняют существенный вред корпорации;
- действия (бездействие) участника существенно затрудняют деятельность корпорации или достижение целей, ради которых создавалась корпорация;
- участник грубо нарушает свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами.

В отношении обществ с ограниченной ответственностью (далее также – ООО) в статье 10 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»² (далее – Закон об ООО) указаны следующие основания:

- участник грубо нарушает свои обязанности;
- действия (бездействие) участника делают невозможной или существенно затрудняют деятельность общества.

В Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³ (далее – Закон об АО) отсутствует статья, посвященная исключению акционера из состава непубличного акционерного общества (далее – АО). Законодательство об акционерных обществах не содержит каких-либо специфичных / отдельных оснований для исключения акционера.

Стоит отметить, что указанные основания для исключения из хозяйственных обществ и товариществ сформулированы в общем виде и, на наш взгляд, намеренно не содержат деталей, поскольку конкретизация по такому вопросу приведет к злоупотреблениям и совершению действий (бездействию), формально не нарушающим закон, но фактически не отвечающим интересам корпорации. Именно поэтому суд в каждом конкретном случае должен установить, является ли допущенное участником нарушение достаточным для его исключения из корпорации. В результате именно суды играют ключевую роль в тонкой настройке этого механизма, в том числе на уровне постановлений Пленумов высших судебных инстанций, информационных писем и обзоров⁴.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

² Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, № 7, ст. 785.

³ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 1.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой

Верховный Суд РФ обозначил лишь некоторые из примеров действий (бездействия), которые могут быть основаниями для исключения¹, среди которых в том числе осуществление конкурирующей деятельности.

При этом, как разъяснила высшая судебная инстанция, возможность исключения участника не зависит от того, могут ли быть последствия действий (бездействия) участника устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом².

В статье 65.2 ГК РФ закреплены обязанности участников корпорации, среди которых обязанность не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации, не совершать действия (бездействия), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация. Из формулировки статьи об обязанностях участника следует, что нарушение этих обязанностей в другой статье кодекса (статья 67 ГК РФ) как раз является основанием для исключения. Помимо этого, на участника хозяйственного общества и товарищества, как и на любого другого участника гражданского оборота, распространяется общее требование о добросовестном осуществлении прав (статья 1, 10 ГК РФ).

В научной литературе отмечается, что обязанностью не причинять вред обществу, закрепленная в пункте 4 статьи 65.2 ГК РФ, ранее носила общий гражданско-правовой характер, в то же время теперь же она является корпоративной, что дает возможность применять к нарушителям такие меры, как исключение из корпорации [5]. Эта обязанность включает в себя воздержание от действий, которые, даже не будучи направленными на прямой вред, существенно препятствуют или делают невозможным достижение целей юридического лица [4]. Такие действия обесценивают само существование общества / товарищества, которое является инструментом для реализации целей, поставленных учредителями / участниками.

Запрет на конкуренцию

Прямой запрет на ведение параллельного бизнеса участником корпорации (закрепленный в ГК РФ, Законе об ООО и Законе об АО) отсутствует. Такой запрет вытекает, на наш взгляд, из общего принципа добросовестности, а также из наличия у участника корпорации фидуциарных обязанностей, к которым относятся обязанность по лояльности (duty of loyalty) и обязанность по заботливости (duty of care). Стоит отметить, что в науке ставится под сомнение наличие фидуциарных обязанностей у участника корпорации [3], и, как правило, фидуциарные обязанности исследуются в разрезе отношений генерального директора и юридического лица, либо в контексте анализа в российском гражданском праве фидуциарности как таковой [1], [2]. Тем не менее, нам представляется логичным и обоснованным выделение у участников корпорации фидуциарных обязанностей (которые содержательно могут отличаться от фидуциарных обязанностей генерального директора в силу различного правового положения по отношению к корпорации). На наш взгляд, именно фидуциарность отношений обязывает участника действовать в интересах юридического лица, не причинять ущерб корпорации в угоду собственным интересам, не голосовать за одобрение заведомо убыточной сделки, не вести конкурирующую деятельность и др.

В судебной практике встречается подход, в соответствии с которым констатируется наличие у участника юридического лица фидуциарных обязанностей по отношению к корпорации и ее участникам³, нарушение которых может влечь исключение из состава участников такой корпорации.

Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 140, 30.06.2015;

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, 2000;

Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» // Вестник ВАС РФ, № 8, август, 2012;

Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 5, май, 2020.

¹ Пункт 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

² Пункт 9 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019.

³ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2021 по делу № А45-22720/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2026).

Важно отметить, что реализация механизма исключения участника из корпорации построена на правовой природе хозяйственных товариществ и обществ (за исключением публичного акционерного общества), которые создаются и функционируют на основе лично-доверительных отношений между участниками. Именно это обстоятельство предопределило, на наш взгляд, саму возможность принудительного исключения одного из участников, когда такое доверие обоснованно утрачено в том числе в результате причинения ущерба корпорации.

Желание участника создать параллельный бизнес может быть обусловлено несколькими причинами, среди которых самой очевидной и распространенной является извлечение дополнительного дохода, а также бо́льшая независимость в принятии решений (если, например, в «новой» корпорации всего один участник в отличие от «первоначальной» корпорации, в связи с чем решения принимаются без учета мнения других) и др. Для удобства введем несколько понятий: (1) «первоначальная» корпорация – корпорация, в которой потенциально исключаемое лицо является участником, и (2) «новая» корпорация – корпорация, созданная потенциально исключаемым лицом («параллельный бизнес»).

Конкуренция (как таковая) влечет здоровое соперничество хозяйствующих субъектов, в связи с чем положительно сказывается на развитии экономики в целом. Создание конкурентной среды, влекущей появление новых технологий, снижение издержек и экономический рост, должно поощряться государством. Именно поэтому государство борется с монополистической деятельностью и недобросовестной конкуренцией. В рамках корпоративных правоотношений ключевым является вопрос, создает ли параллельный (конкурирующий) бизнес конфликт интересов и наносит ли он ущерб деятельности корпорации.

Понятие «параллельного бизнеса»

Прежде чем оперировать каким-либо термином, необходимо четко обозначить его смысловое наполнение. В противном случае, разночтения в толковании понятия способны породить правовую неопределенность и поколебать стабильность гражданского оборота.

Верховный Суд РФ, обозначая основания для исключения корпорации, применяет термин «осуществление конкурирующей деятельности»⁴. В судебной практике и среди юристов же чаще звучит понятие «параллельный бизнес». Мы убеждены, что эти термины синонимичны и могут взаимозаменять друг друга.

Законодательное определение «параллельного бизнеса» в российском праве отсутствует. В связи с этим автор предлагает в качестве ключевого критерия для определения «параллельности» рассматривать наличие конкуренции на одном и том же товарном рынке. Для установления факта конкуренции между «новой» и «первоначальной» корпорациями необходимо анализировать товарный рынок, включая его продуктовые и географические границы. При этом, на наш взгляд, следует использовать подходы, применяемые в антимонопольном регулировании для определения товарного рынка⁵.

Например, если обе компании занимаются розничной торговлей электроникой в одном регионе, это указывает на конкуренцию, в то время как деятельность в совершенно разных отраслях, например, розничная торговля электроникой и производство хлебобулочных изделий, исключает возможность квалификации деятельности как «параллельного бизнеса». Указанный пример является наиболее простым, когда отсутствие конкуренции в силу продуктовых границ очевидно. Сложнее обстоит ситуация, когда товары различные, но могут образовывать общий (один) товарный рынок: например, сахар, искусственные подсластители и др. В этом контексте значение также приобретает такая категория конкурентного права как взаимозаменяемые товары (статья 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁶).

Запрет на «параллельный бизнес»

В отношении запрета на «параллельный бизнес» законодательство и практика его применения может быть построена по двум путям: (1) создание участником параллельного бизнеса само по себе является основанием для исключения, поскольку ведет к нарушению интересов «первоначальной» корпорации и влечет утрату доверия между участ-

⁴ Пункт 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

⁵ Приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 34, 23.08.2010.

⁶ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета, № 162, 27.07.2006.

никами, и (2) помимо создания «новой» конкурирующей корпорации, необходимы иные признаки для того, чтобы это стало основанием для исключения участника.

Текущее российское регулирование построено на том, что исключить можно участника при наличии признаков, указанных в статье 67 ГК РФ, а именно либо при наличии последствий в виде существенного вреда корпорации, существенного затруднения ее деятельности или достижения ею целей, либо при грубом нарушении участником своих обязанностей.

Логичный вопрос, возникающий из текущего правового регулирования, заключается в том, можно ли осуществление конкурирующей деятельности назвать грубым нарушением участником своих обязанностей, либо же необходимы последствия для корпорации в виде вреда и затруднения деятельности / достижения целей.

Верховный Суд РФ, разъясняя положения закона, указал, что осуществление конкурирующей деятельности может быть основанием для исключения, если эти действия причинили обществу существенный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили¹.

Причинение вреда

Существенность вреда является расплывчатой категорией, поскольку ее определение в отсутствие математических показателей и формул находится в исключительной компетенции (в исключительном усмотрении) конкретного судьи. Более того, применение арифметики в подобного рода спорах может быть не всегда уместно, например, причинение вреда может выражаться не только в убытках (в том числе в упущенной выгоде), но и в потере клиентов, репутационном вреде, неправомерном завладении конфиденциальной информации (в том числе в использовании ноу-хау).

При рассмотрении дел об исключении участника из хозяйственного товарищества или общества суд дает оценку степени нарушения участником своих обязанностей, а также устанавливает факт совершения участником конкретных действий или уклонения от их совершения и наступления (возможности наступления) негативных для общества последствий².

Судья самостоятельно определяет, является ли причиненный вред (в чем бы он ни выражался) достаточно существенным, чтобы стать основанием для юридических последствий в виде исключения из корпорации. Многие аспекты вреда в контексте корпоративных отношений могут быть сложно измеримыми в денежном выражении, в связи с чем кажется верным уход законодателя от установления однозначных пороговых значений существенности.

Затруднение деятельности корпорации

Верховный Суд РФ справедливо отмечает, что «Для деятельности общества с ограниченной ответственностью личность участников имеет юридическое значение. Отношения между участниками общества носят в значительной степени лично-доверительный характер, и сохранение персонального состава участников, как правило, рассматривается ими как одно из основных условий успешного ведения общего дела, является средством достижения коммерческих интересов самого общества»³.

Действительно общество с ограниченной ответственностью в российском праве представляет собой организационно-правовую форму юридического лица, где основополагающим элементом выступают лично-доверительные отношения между участниками. Именно это, на наш взгляд, предопределяет возможность исключения участника из ООО.

Общество с ограниченной ответственностью является наиболее распространенной формой организации бизнеса в России, однако необходимо иметь в виду, что участие в такой корпорации требует соблюдения не только формальных, но и иных обязанностей участника по отношению к корпорации и другим участникам, вытекающих из лично-доверительных отношений.

ООО — это не просто юридическое лицо, а сообщество лиц, объединенных взаимной лояльностью. В отличие от публичных акционерных обществ, в рамках деятельности непубличных хозяйственных обществ значение играет в том числе доверие между участниками и репутаци-

онные связи, что усиливает роль этических норм в корпоративном поведении. Аналогичный подход применим в отношении хозяйственных товариществ.

Создание участником параллельного бизнеса подрывает основу доверительных отношений, которые являются фундаментом нормального функционирования хозяйственного общества и товарищества. В результате нарушенное доверие становится серьезным препятствием для продолжения эффективной совместной деятельности внутри корпорации. Участники теряют уверенность друг в друге, что приводит к снижению кооперации, ухудшению принятия решений и, в конечном итоге, к затруднениям в развитии и достижении целей юридического лица.

В связи с этим можно говорить о том, что создание параллельного бизнеса затрудняет деятельность корпорации, поскольку в таком случае нарушается доверие между участниками, что составляет базис функционирования непубличных хозяйственных обществ и хозяйственных товариществ.

При создании параллельного бизнеса, как правило, используются ресурсы «первоначальной» корпорации. Это подразумевает неправомерное применение активов и ресурсов, которые приобретены благодаря членству в «первоначальной» корпорации. В частности, к таким ресурсам могут относиться материальные активы (оборудование, здания и пр.), существующая клиентская база, технологии, объекты интеллектуальной собственности, сотрудники «первоначальной» корпорации. Использование этих ресурсов в деятельности «новой» корпорации поднимает вопросы о конфликте интересов и нарушении обязательств перед «первоначальной» корпорацией.

Возражая против исключения, участник во многих случаях приводит доводы о том, что, создавая новое юридическое лицо, он лишь реализовывал свою гражданскую правоспособность. На наш взгляд, суды справедливо отклоняют такие доводы, поскольку хотя статья 18 ГК РФ наделяет граждан возможностью создавать юридические лица самостоятельно или с участием других лиц, однако указанный аспект правоспособности имеет общеправовую ограничитель в виде недопустимости извлечения преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения, создание же «параллельного» общества и фактический вывод бизнеса во вновь созданное юридическое лицо уже само по себе является крайне недобросовестным поведением, создавшим состояние крайней затруднительности для продолжения деятельности «первоначальной» корпорации⁴.

Некоторые суды отмечают, что осуществление конкурирующей деятельности, безусловно, свидетельствует о намерении участника причинить, а также затруднить деятельность общества, ради которой оно было создано, поскольку дальнейшее пребывание в составе участников лица, в интересы которого входит снижение эффективности деятельности корпорации, является несовместимым с интересами других участников, создает препятствия для реализации их законных прав⁵.

С учетом судебной практики⁶ можно сделать вывод, что параллельный бизнес может стать основанием для исключения из корпорации при наличии следующих обстоятельств:

- «новая» корпорация имеет идентичное или схожее наименование, вводящее потребителей и контрагентов в заблуждение (например, ООО «Березовка» и ООО «Березка», ООО «Портфлот» и ООО «Портофлот»);
- «новая» корпорация использует в своем фирменном наименовании обозначение, сходное до степени смешения с товарным знаком «первоначальной» корпорации;
- «новая» корпорация использует в документах коммерческое обозначение «первоначальной» корпорации, в частности, на бланках и иных документах;

⁴ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.07.2014 по делу № А53-36279/2012 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2026).

⁵ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.04.2023 по делу № А19-2065/2022, Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2021 по делу № А45-22720/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2026).

⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.06.2023 по делу № А45-21665/2021, Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2021 по делу № А45-22720/2020, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.02.2024 по делу № А56-70700/2022, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.06.2025 по делу № А32-56558/2023, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.07.2014 по делу № А53-36279/2012, Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.02.2025 по делу № А64-7070/2023, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.02.2024 по делу № А56-106586/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2026).

¹ Пункт 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

² Пункт 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, пункт 17 Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999.

³ Пункт 5 Обобщения судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2024.

- «новая» корпорация использует шаблон договора, такой же как «первоначальная» корпорация, в результате чего контрагенты считают, что вступают в отношения с «первоначальной» корпорацией (такое возможно, в частности, если в «новой» корпорации тот же самый генеральный директор);
- «новая» корпорация имеет схожие виды деятельности (как правило, один и тот же ОКВЭД основного вида деятельности, однако оцениваются в том числе и фактически осуществляемые виды деятельности);
- «новая» корпорация пользуется клиентской базой и деловой репутацией «первоначальной» корпорации, переманивая клиентов и/или трудоустривая сотрудников к себе;
- «новая» корпорация пользуется имеющейся в ее распоряжении информацией о практике ведения его финансово-хозяйственной деятельности.

Ранее анализировались критерии, определенные Верховным Судом РФ для квалификации параллельного бизнеса как запрещенного («запрещенного» в данном контексте означает то, что такой бизнес может привести к исключению из корпорации). Согласно этим критериям, такая деятельность должна либо причинить существенный вред, либо сделать невозможной деятельность корпорации, существенно затруднить ее деятельность. Эти положения задают рамки для оценки влияния деятельности участника вне корпорации на возможность его исключения из ее состава.

Вместе с тем, поскольку ведение параллельного бизнеса рассматривается как корпоративное правонарушение, которое может повлечь исключение из состава участников, важным фактором, на наш взгляд, в подобных спорах является отсутствие согласия остальных участников корпорации на осуществление конкурирующей деятельности. Отсутствие явного разрешения или одобрения на ведение конкурирующего бизнеса участником должно учитываться при принятии решения о том, является ли эта деятельность основанием для исключения.

Ведущим принципом (концептуальной первопричиной) при исключении участника из корпорации является утрата доверия со стороны остальных членов. Поэтому, если предположить ситуацию, когда участники знают о параллельном бизнесе участника и выражают свое согласие, зафиксированное, например, решением общего собрания, то последующее обращение в суд с иском об исключении из-за этого же параллельного бизнеса кажется необоснованным. Хотя одобрение конкурирующей деятельности маловероятно, полностью исключать такую ситуацию нельзя. Если участник прямо или косвенно одобрял ведение параллельного бизнеса другим участником, знал об этом в течение продолжительного времени и был согласен с такой ситуацией, то его дальнейшие действия по судебному исключению участника, ведущего этот параллельный бизнес, следует квалифицировать как противоречивое и недобросовестное поведение (статья 1, 10 ГК РФ).

Помимо этого, стоит отметить и иную неоднозначную ситуацию, которая может возникнуть — подготовка к ведению параллельного бизнеса. Формально, сам процесс «приготовления» не содержит всех признаков корпоративного правонарушения, влекущего исключение из корпорации, поскольку на этом этапе еще отсутствуют негативные последствия, такие как причинение вреда или затруднение деятельности корпорации. Однако, если участники корпорации наблюдают активные действия одного из членов по созданию юридического лица с аналогичным видом деятельности, а также по «передаче» этому лицу нематериальных активов корпорации (информации, отработанных бизнес-процессов и пр.), то ожидание наступления реального вреда или затруднений в деятельности «первоначальной» корпорации выглядит нелогичным упущением возможности своевременного предотвращения ущерба. Поэтому подготовительные действия к ведению парал-

лельного бизнеса должны также порицаться со стороны законодателя, чтобы участники корпорации имели возможность оперативно защитить нарушенные корпоративные интересы, не дожидаясь наступления фактического вреда или затруднений в деятельности. Вместе с тем, представляется, что в рамках действующего правового регулирования и с учетом сложившейся судебной практики, одних лишь подготовительных действий к осуществлению конкурирующей деятельности будет недостаточно для исключения участника из состава корпорации.

Использование механизма корпоративной защиты в виде исключения участника ограничено лишь ситуациями, когда участник грубо нарушил свои обязанности, либо он причинил вред юридическому лицу, либо его поведение настолько деструктивно, что делает невозможной или крайне затрудняет нормальное функционирование корпорации.

Литература

1. Агламова В.В. Концепция фидуциарных правоотношений и возможность ее применения в корпоративном праве России // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2012. № 1. С. 23–29;
2. Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е. Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 3. С. 20–25;
3. Гутников О.В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право. 2019. № 6. С. 25–29;
4. Ломакин Д.В. Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2021. № 2. С. 3–12;
5. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В.А. Ваipan, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. Москва: Статут, 2021. Т. 1. 622 с.

COMPETING BUSINESS ACTIVITY OF A SHAREHOLDER AS A BASIS FOR EXCLUSION FROM A CORPORATION

Guseva A.A.

The author analyses the problem of exclusion of a shareholder from a corporation for operating a competing business («parallel business»). The absence of legal definition for this concept in the legislation and explanations of the highest judicial instances creates legal uncertainty. Therefore, there are issues problems with defining the criteria which qualify an activity as a «parallel business», as well as the moment when it becomes the basis for exclusion from the corporation. Ambiguity in these aspects can lead to disputes and difficulties in applying this legal mechanism for protecting corporate interests.

Keywords: civil law; exclusion of a participant; exclusion from a company; corporate dispute; limited liability company; joint stock company; parallel business; competing business activities

References

1. Aglamazova V.V. The concept of fiduciary relations and the possibility of its application in Russian corporate law // Business law. The application "Business and Law in Russia and abroad". 2012. No. 1. pp. 23–29;
2. Bogdanov E.V., Bogdanova E.E., Bogdanov D.E. The problem of fiduciary duty and fiduciary transactions in Russian civil law. 2017. No. 3. pp. 20–25;
3. Gutnikov O.V. Fiduciary duties in Russian corporate law // Civil law. 2019. No. 6. pp. 25–29;
4. Lomakin D.V. General characteristics of the rights and obligations of participants in a limited liability company // Civil law. 2021. No. 2. pp. 3–12;
5. Scientific and practical commentary to the Federal Law "On Limited Liability Companies": in 2 parts / V.A. Vaipan, A.V. Gabov, E.P. Gubin, et al.; edited by I.S. Shitkina. Moscow: Statute, 2021. Vol. 1. 622 p.

Евпринцева Виктория Андреевна,

аспирант кафедры правового обеспечения экономической деятельности, ФГБОУ ВО Самарский государственный экономический университет
E-mail: viktoriyapatrakova@yandex.ru

В статье автором проанализированы сущностные аспекты правовой природы института банкротства, сформированного в правовой механизм торговых (предпринимательских) отношений, исследована историческая ретроспектива зарождения и развития указанного института. Автором предпринята попытка обоснования принципиальной неприменимости института банкротства к регулированию отношений потребительской задолженности путем применения метода сравнения целей, принципов и задач института банкротства и института несостоятельности гражданина. В результате исследования автор приходит к выводу, что применение процедур несостоятельности, созданных для коммерческого оборота, в сфере личных финансов не только противоречит природе физического лица, но и не позволяет достигнуть декларируемых социально-реабилитационных целей финансового оздоровления граждан.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность гражданина, торговое банкротство, торговое право, правовая природа несостоятельности физического лица, неприменимость, потребительская задолженность.

Введение

Сегодня кризисные явления в сфере финансов, повышение уровня безработицы, рост уровня инфляции приводят к тому, что социально-экономическая реабилитация неплатежеспособных граждан переходит из разряда редкого исключения в категорию бытовых явлений. В этой связи, изучение и совершенствование законодательного регулирования несостоятельности (банкротства) граждан приобретает важное значение. Современное российское законодательство, регламентирующее несостоятельность физических лиц, является адаптацией института, исторически созданного для иных целей и субъектов. Расширение сферы действия закона о банкротстве на граждан, не являющихся предпринимателями, поставило перед правовой доктриной фундаментальный вопрос: насколько релевантными являются инструменты, отточенные веками для регулирования профессионального торгового оборота, для разрешения проблем потребительской неплатежеспособности?

Целью настоящей статьи является исследование фундаментальных основ институтов банкротства хозяйствующих субъектов и несостоятельности граждан, а также обоснование тезиса о неэффективности применения института банкротства, как механизма, вытекающего из торговых правоотношений, к отношениям несостоятельности физических лиц.

Материалы и методы исследования

Исследование исторической ретроспективы происхождения института банкротства из реалий торгового права

Изначально, истории не было известно понятие банкротства несостоятельного должника. Правоотношения между должниками и кредиторами наиболее активно регулировались в Древнем Римском праве, заложившем основы многих современных правовых конструкций. В тот период речь шла непосредственно о заёмщике, который не исполнил свои обязательства перед займодавцем. Такой неудавшийся заёмщик считался по законам того времени уголовным преступником, а его невозможность расплатиться по долгам – злым умыслом [1]. Наказание ему вменялось соответствующее – уголовное преследование, оплата личным трудом.

Как писал в своей статье О.М. Свириденко, пропорциональное удовлетворение требований кредиторов происходило в первую очередь путем продажи имущества должника [2]. При этом, автор отмечал, что, если стоимости имущества не хватало, взыскание обращалось уже на личность должника. Тогда кредитор забирая должника, уводил его в свой дом, сажал на цепь и мог продать в рабство (*trans Tiberim*), а в случае нескольких кредиторов, они могли принять решение о расчленении должника на части. Эта практика отражала карательный характер древних процедур несостоятельности, сопряженный с личной ответственностью должника.

Непосредственно институт банкротства несостоятельного должника сформировался в качестве прямого ответа на потребности развивающейся торговли. Его происхождение и эволюция ясно отражают коммерческий характер правоотношений, урегулированных институтом банкротства.

В средневековый период институт банкротства претерпел значительные изменения, особенно в рамках *lex mercatoria* (торгового права). Первое упоминание термина «банкрот» вытекает из хозяйственных отношений средневековой Италии (IX–X вв.). Банкротами (от итальянского: *banco* – скамья, *rotta* – сломанная) в то время называли торговцев, ростовщиков, которые стали неплатежеспособными.

Ключевым этапом становления института стало средневековье, где процедура банкротства имела сословный характер и применялась исключительно к купцам и торговцам. Развитием правового регулирования правоотношений банкротства должника занимались торговые гильдии и городские магистраты городов – государств. Так, в итальянских городах-государствах должники разделялись на беглецов, прекративших, неудачников, банкротов. Процедурой признания должника несостоятельным руководил судебный орган, было распространено заключение мирового соглашения должника и кредиторов [3]. Это ограничение субъектного состава является прямым доказательством того, что банкротство изначально рассматривалось как специальный, профессиональный механизм для урегулирования конфликтов в сфере коммерческого кредита.

В XVIII–XIX веках сформировались современные концепции банкротства, основанные на разделении конкурсного производства и реабилитационных процедур. Эпоха Просвещения способствовала гуманизации законодательства о несостоятельности. В этот период в европейских странах были приняты первые комплексные законы о банкротстве, предусматривающие как ликвидационные, так и восстановительные механизмы.

Особой вехой в кодификации правоотношений несостоятельности в Европе стало Торговое уложение Франции 1807 года, которое регулировало вопросы несостоятельности (банкротства) исключительно хозяйствующих субъектов, коммерсантов. Данный правовой акт усилил уголовную направленность норм в сфере конкурсного права, закрепил три вида несостоятельности (несчастная, неосторожная, злостная) и ввёл особый порядок отсрочки платежей для купца, оказавшегося неплатёжеспособным из-за форс-мажора (события, от него не зависящего) [4].

Развитие законодательства о банкротстве в XIX–XX веках подтверждает его тесную связь с предпринимательской деятельностью. Российские правоведы, включая Г.Ф. Шершеневича, последовательно отстаивали коммерческую сущность данного института. Ученый считал, что необходимость банкротства проистекает из взаимосвязи частных хозяйств [5]. В Уставе о банкротях 1832 года и последующих нормативных актах регулировались исключительно случаи несостоятельности торговцев и промышленников. Эволюция правового регулирования демонстрирует устойчивую традицию ограничения банкротства сферой профессиональной коммерции.

Личь с развитием капиталистических отношений, когда торговый оборот перестал быть сословной привилегией, произошло расширение действия института на представителей иных сословий. Однако сама процедурная конструкция, её логика и инструментарий остались наследием торгового права.

Исследовав основные этапы развития правоотношений несостоятельности (банкротства) сквозь призму времени, автор приходит к однозначному выводу: институт банкротства имеет непосредственную коммерческую направленность, историческое наследие данного правового института выражено в специализации банкротства на регулировании в первую очередь торговых, предпринимательских, ростовщических отношений. Таким образом, можно заключить, что банкротство – это механизм, созданный для упорядоченного разрешения ситуаций неплатёжеспособности в сфере профессиональной предпринимательской деятельности.

Результаты и обсуждение

Признаки, цели и задач института банкротства: подтверждение торгово-правовой природы

Современная доктрина рассматривает банкротство как многогранную экономическую категорию, теоретический правовой институт, судебный процесс, категории несостоятельности (неплатёжеспособности) и т.д. [6] Исходя из анализа всех начал банкротства в совокупности, автор приходит к выводу, что и цели института банкротства множественны. К ним автор относит следующее:

Совместное (соразмерное) удовлетворение требований кредиторов является фундаментальной целью, направленной на замену хаотичного «бега кредиторов» четко урегулированной очередностью формирования реестра удовлетворения требований кредиторов, что является потребностью торговли наравне с обеспечением стабильности торгового и хозяйственного оборота во взаимосвязи с защитой интересов кредиторов.

Восстановление платёжеспособности хозяйствующего субъекта (реабилитация) оценивается в качестве цели, производной от экономической целесообразности сохранения функционирующей экономической единицы, восстановившей финансовую стабильность своего оборота.

Кроме того, к неотъемлемым целям банкротства относят санирование экономики (очищение оборота от неэффективных участников) и предотвращение или пресечение недобросовестного поведения должника.

В качестве **признаков** института банкротства принято выделять следующие:

1. Особый субъект правоотношений, это профессиональный участник коммерческого оборота (хозяйствующий субъект) (до 2015 года (Имеется в виду, что в Российской Федерации на основании Федерального закона от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

расширен круг лиц, имеющих возможность пройти процедуру банкротства (Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» дополнен главой X Банкротство гражданина».) [7];

2. Наличие простого множества участников, в том числе множественности кредиторов, как типичная ситуация для хозяйственной деятельности [8];

3. Недостаточность имущества для удовлетворения требований кредиторов в полном объеме.

4. Строгая формализация процедуры, выраженная в закреплении всех ее шагов в законе, что позволяет обеспечить предсказуемость процесса и равенство всех кредиторов в деле, что является немаловажным фактором обеспечения стабильности рыночных отношений и справедливого распределения конкурсной массы должника.

5. Существенным признаком, который отличает процедуру банкротства, является участие суда арбитражной юрисдикции, который единственный уполномочен рассматривать дела о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации. Еще Г.Ф. Шершеневич писал, что основной задачей суда при торговой несостоятельности являлась проверка соответствия должника одному из признаков несостоятельности, определенных законом, а также действительности требований кредиторов [5]. С.А. Карелина указывает, что законодатель наделяет суд распорядительными и контрольными функциями в делах о банкротстве [9].

Задачи института банкротства носят технико-юридический характер: установление круга обоснованных требований кредиторов, обеспечение сохранности и проведение мероприятий по реализации «конкурсной массы», расчёт с кредиторами. Всё это формирует механизм, изначально созданный для обслуживания потребностей торгового (предпринимательского) оборота.

Принципы банкротства, как механизма обеспечения экономической стабильности в обществе, выступают в качестве системообразующих элементов законодательного регулирования правоотношений несостоятельности. К ним можно отнести:

1. Принцип справедливости и пропорциональности, который заключается в обеспечении равного и справедливого удовлетворения требований кредиторов за счет активов должника;

2. Принцип эффективности, который при глобальном рассмотрении направлен на быстрое высвобождение экономических ресурсов (капитала, трудовых кадров, имущественного комплекса и т.д.) из нерентабельных субъектов в целях извлечения из них выгоды более успешными предприятиями;

3. Принцип ответственности контролирующих должника лиц, что является в том числе превентивной мерой, предохраняющей собственников бизнеса и менеджеров от неосмотрительного поведения, необоснованных рисков и мошенничества;

4. Принцип реабилитации и сохранения бизнеса – обеспечивает помощь и поддержку жизнеспособному бизнесу, попавшему во временное и, что значительно важнее, обратимое финансовое затруднение. Этот принцип в современном экономико-правовом поле определил вектор политики многих государств на финансовое оздоровление участников торгового оборота, что трансформирует институт банкротства из карательного (ликвидационного) в преимущественно реабилитационный [10];

5. Принцип прозрачности (гласности) и публичности, который призван обеспечить удобство для контрагентов за счет повышения информационной «гигиены» и недопущения сокрытия и искажения фактов.

6. Принцип баланса интересов закрепляет необходимость постоянного поиска баланса между интересами кредиторов, должника, работников, государства и общества.

7. Принцип государственного контроля за проведением процедуры конкурсного производства.

Анализ вышеперечисленных принципов приводит автора к следующему выводу: институт банкротства задуман законодателем как социально-экономический стабилизатор, задачей которого состоят в справедливом перераспределении активов между субъектами экономических отношений в зависимости от их эффективности и конкурентоспособности, обеспечение оздоровления капиталов и ликвидация убыточных предприятий, действие в режиме гласности и открытости информации. Все эти задачи, по мнению автора, объективно вступают в противоречие с правовой природой института несостоятельности граждан.

Правовая природа физического лица и специфические признаки его финансовой несостоятельности

Физическое лицо как субъект права принципиально отличается от субъекта предпринимательской деятельности, что обуславливает и иную природу его неплатёжеспособности.

М.Г. Потапов определяет правовой статус физического лица следующим образом: «это его юридическое положение и состояние, включающие права и обязанности соответственно в своей статике и динамике» [11]. По своей сути правовая природа физического лица – это правовая конструкция, при помощи которой государство внедряет гражданина в своё правовое поле, признаёт его полноценным участником общественных правоотношений, наделяет его правами и свободами для реализации своих интересов, возлагает на него обязанности для обеспечения интересов общества и правопорядка, гарантирует защиту его прав и законных интересов.

Существенными особенностями правового статуса физического лица, противоречащими публичному характеру института банкротства, являются право на защиту частной жизни и достоинства гражданина.

Исходя из вышесказанного, можно обозначить сущность несостоятельности физического лица. В первую очередь, природа обязательств физического лица вытекает из его бытовой жизни. Долги физического лица в подавляющем большинстве случаев являются потребительскими (кредиты на бытовые нужды, займы) или вытекают из личных обязательств (возмещение вреда, уплата алиментов). Они не связаны с извлечением прибыли или предпринимательским риском, а являются следствием жизненных обстоятельств, зачастую непредвиденных (болезнь, потеря работы).

Автор отмечает, что неплатежеспособность физического лица – это, как правило, социально-экономическая проблема, а не результат неудачной коммерческой стратегии. Её причина лежит в дисбалансе между доходами от трудовой деятельности и иными и расходами на бытовые нужды, а не в рыночной конъюнктуре или ошибках управления бизнесом.

Из этого вытекает важнейшая задача института потребительской несостоятельности – снижение социальной напряженности в обществе.

Разрешение ситуации потребительской задолженности должно преследовать прежде всего социально-реабилитационную цель – восстановление платежеспособности гражданина и его реабилитацию как полноценного члена общества, а не оптимизацию средств должника и их аккумуляцию в конкурсную массу для максимально полного возврата средств кредиторам.

Таким образом, несостоятельность физического лица – это явление иной правовой и социальной природы, нежели банкротство хозяйствующего субъекта.

Неприменимость торгового института банкротства к несостоятельности физических лиц

Анализ вышеизложенных положений приводит автора к необходимости выявления несоответствий и противоречий между банкротством юридических лиц и предпринимателей и потребительской несостоятельностью граждан. Так, необходимо отметить, что перенос процедурных конструкций торгового банкротства в сферу личных финансов приводит к неэффективности процедуры финансовой реабилитации граждан.

Во-первых, имеет место несовпадение целей. Как автор уже упоминал выше, цель торгового банкротства – оптимальное соразмерное удовлетворение требований кредиторов и возможная реабилитация бизнеса. Белоусов А.П. определил сущность банкротства, как проведение комплекса мер по реализации имущественного комплекса должника – юридического лица в целях равномерного погашения требований кредиторов и освобождения экономики страны от неэффективных участников экономического оборота [12]. Для физического лица же доминирующей должна быть цель социальной реабилитации и продолжение жизни без долгов. Однако процедура, сфокусированная на формировании и реализации «конкурсной массы», носит по отношению к гражданину карательно-ликвидационный, а не реабилитационный характер.

Во-вторых, при банкротстве потребителей происходит отрицание природы долга. Е.А. Семенова писала, что существуют риски несения убытков кредиторами, вызванными недобросовестным поведением должников, получивших карт-бланш на легкое списание задолженности [13]. Так, законодатель не разграничил понятия предпринимательской задолженности и потребительского кредита. Между тем, исходя из доктринальной природы банкротства, списание задолженности, носящей коммерческую (бизнес) направленность является перераспределением коммерческого риска, а списание потребительского кредита – форма социальной защиты. Смешение этих логик в одной процедуре искажает её суть.

В-третьих, как уже было сказано, процедура банкротства изначально носит публичный и гласный характер, что позволяет коммерсантам избегать несостоятельности, неудачливых контрагентов. В свою очередь,

эта особенность процедуры банкротства противоречит принципу защиты частной жизни гражданина и коммерческой тайны.

Необходимо также упомянуть фикцию «реабилитации» через ликвидацию. В торговом праве ликвидация юридического лица – естественный исход неудачного предприятия. Применительно к физическому лицу «ликвидация» его имущества при сохранении самого субъекта является противоестественной. Гражданин не может быть «ликвидирован», а изъятие у него имущества, необходимого для достойной жизни, подрывает саму идею реабилитации.

Наконец, доказательством неэффективности института банкротства физических лиц служит тот факт, что законодатель, вводя банкротство граждан, фактически не создал для них отдельной процедуры, а механически распространил на них правила, разработанные для предпринимателей, о чём свидетельствует идентичность процесса для индивидуальных предпринимателей и физических лиц. Это прямое подтверждение попытки использовать неподходящий инструмент.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, автор полагает необходимым еще раз выделить основные тезисы настоящего исследования:

1. Институт банкротства испокон веков формировался как институт торгового (предпринимательского) права, что подтверждается его происхождением, изначальным субъектным составом и системой целей, направленных на упорядочение коммерческого кредита;
2. Правовая природа физического лица и характер его финансовой несостоятельности принципиально отличны от природы субъекта предпринимательства. Неплатежеспособность гражданина – это социально-экономическая, а не коммерческая проблема.
3. Применение процедур торгового банкротства к физическим лицам является неприемлемым в силу системного несовпадения целей, игнорирования сущности потребительского долга, противоречия принципу защиты частной жизни гражданина.
4. Современное законодательство, в попытках снизить социальную напряженность в обществе, расширило действие института банкротства на граждан, однако не создало адаптированный правовой инструмент для наиболее эффективного достижения целей финансового оздоровления граждан. Существующая процедура не только не достигает декларируемой социально-реабилитационной цели, но и зачастую усугубляет положение добросовестного должника.

Таким образом, институт банкротства, рождённый для «разбитой лавки» купца, оказывается принципиально непригодным для помощи гражданину, оказавшемуся в затруднительной финансовой ситуации. Разрешение проблемы потребительской несостоятельности требует не адаптации чуждых коммерческих процедур, а выработки самостоятельного, социально-ориентированного механизма, основанного на иных правовых принципах и целях.

Литература

1. Покровский И.А. «История римского права» [Текст] / И.А. Покровский; вступ. ст., пер. с лат., науч. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса; Центр изуч. рим. права. ISBN 5-89740-014-8. Источник в электронном виде. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/25/> (дата обращения: 28.11.2025).
2. Свириденко О.М. Зарождение институтов конкурсного процесса в римском праве // Журнал российского права. 2005. № 6 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-institutov-konkursnogo-protsessa-v-rimskom-prave> (дата обращения: 30.11.2025).
3. Калинов А.Ю. Возникновение и развитие конкурсного права / А.Ю. Калинов // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5, № 4(20). – С. 124–133. – EDN UWREGU URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-konkursnogo-prava> (дата обращения: 19.12.2025).
4. Мельникова А.К. Развитие института банкротства в России и за рубежом // Синергия наук. 2020. № 50. С. 161–165. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43940279> (дата обращения: 28.11.2025).
5. Шершеневич, Г.Ф. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. – 3-е изд. – Москва: Статут, 2021. – 477 с. – (Классика российской цивилистики.) – ISBN 978-5-8354-1726-1
6. Суворов Е. Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex russica. – 2020. – Т. 73. – № 11. – С. 21–34. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.021-034.
7. Монченко О.В. Должник как субъект правоотношений в сфере несостоятельности (банкротства): некоторые теоретические и практические вопросы // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dolzchnik-kak-subekt-pravootnosheniy-v-sfere-nesostoyatelnosti-bankrotstva-nekotorye-teoreticheskie-i-prakticheskie-voprosy> (дата обращения: 18.12.2025).

8. Османова Д.О. Правовой режим основных множественностей в процедуре банкротства // Lex Russica. 2021. № 11 (180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-osnovnyh-mnozhestvennostey-v-protsedure-bankrotstva> (дата обращения: 18.12.2025).

9. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб.-практ. пособие / С.А. Карелина. -М.: Волтерс Клувер, 2006. – 177 с. – ISBN 5-466-00130-9 (в пер.). С. 41 Электронная версия книги [https://dl.booksee.org/genesis/842000/d1a440d5e44a2eb55e15df7a94afd928/_as/\[Karelina,_Svetlana_Aleksandrovna\]_Pravovoe_reguli\(-BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/842000/d1a440d5e44a2eb55e15df7a94afd928/_as/[Karelina,_Svetlana_Aleksandrovna]_Pravovoe_reguli(-BookSee.org).pdf) (дата обращения: 18.12.2025).

10. Рудакова О.Ю. Возможности и перспективы применения оздоровительных процедур банкротства // Известия АлтГ У. 2013. № 2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-i-perspektivy-primeneniya-ozdorovitelnyh-protsedur-bankrotstva> (дата обращения: 30.11.2025).

11. Потапов М.Г. Проблемы правового статуса физического лица // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-statusa-fizicheskogo-litsa> (дата обращения: 18.12.2025).

12. Белоусов А.Л. Институт банкротства в Российской Федерации: становление и пути развития правового обеспечения // Russian Journal of Economics and Law. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-bankrotstva-v-rossiyskoy-federatsii-stanovlenie-i-puti-razvitiya-pravovogo-obespecheniya> (дата обращения: 30.11.2025).

13. Семенова Е.А. Правовое регулирование сделок при банкротстве гражданина / Е.А. Семенова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 9. – С. 30–33. – EDN SHBKFY.

CRITICAL ANALYSIS OF THE BANKRUPTCY INSTITUTE AS A TOOL OF TRADE LAW

Evpryntceva V.A.

Samara State University of Economics

In the proposed article, the author analyzes the essential aspects of the legal nature of the bankruptcy institution, which has been formed as a legal mechanism for trade (entrepreneurial) relations, and examines the historical background of the emergence and development of this institution. The author attempts to justify the fundamental inapplicability of the bankruptcy institution to the regulation of consumer debt relations by comparing the goals, principles, and objectives of the bankruptcy institution and the institution of individual insolvency. As a result of the study, the author concludes that the application of insolvency procedures designed for commercial transactions in the field of personal finances not only contradicts the nature of an individual, but also does not allow for the achievement of the declared social and rehabilitation goals of financial recovery for citizens.

Keywords: bankruptcy, individual insolvency, commercial bankruptcy, commercial law, legal nature of individual insolvency, inapplicability, consumer debt.

References

1. Pokrovsky I.A. "History of Roman law" [Text] / I.A. Pokrovsky; foreword, transl. from Lat., scientific ed. and comm. A.D. Rudokvas; Center for the study of Roman law. ISBN 5-89740-014-8. Electronic resource. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/25/> (accessed: 28.11.2025).

2. Sviridenko O.M. Emergence of insolvency procedure institutions in Roman law // Journal of Russian law. 2005. No.6 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-institutov-konkursnogo-protsessa-v-rimskom-prave> (accessed: 30.11.2025).

3. Kalinov A. Yu. Emergence and development of insolvency law / A. Yu. Kalinov // Science. Society. State. – 2017. – Vol. 5, No. 4(20). – P. 124–133. – EDN UWREGU URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-konkursnogo-prava> (accessed: 19.12.2025).

4. Melnikova A.K. Development of the bankruptcy institute in Russia and abroad // Synergy of sciences. 2020. No. 50. P. 161–165. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43940279> (accessed: 28.11.2025).

5. Shershenevich, G.F. Bankruptcy proceedings / G.F. Shershenevich. – 3rd ed. – Moscow: Statut, 2021. – 477 p. – (Classics of Russian civil law.) – ISBN 978-5-8354-1726-1

6. Suvorov E.D. On the concept of bankruptcy // Lex Russica. – 2020. – Vol. 73. – No. 11. – P. 21–34. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.021-034.

7. Monchenko O.V. The debtor as a subject of legal relations in the field of insolvency (bankruptcy): some theoretical and practical issues // Gaps in Russian legislation. 2019. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dolzhenik-kak-subekt-pravootnosheniy-v-sfere-nesostoyatelnosti-bankrotstva-nekotorye-teoreticheskie-i-prakticheskie-voprosy> (accessed: 18.12.2025).

8. Osmanova D.O. Legal regime of main pluralities in bankruptcy procedure // Lex Russica. 2021. No.11 (180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-osnovnyh-mnozhestvennostey-v-protsedure-bankrotstva> (accessed: 18.12.2025).

9. Legal regulation of insolvency (bankruptcy): textbook-practical manual / S.A. Karelina. -Moscow: Wolters Kluwer, 2006. – 177 p. – ISBN 5-466-00130-9 (pbk.). P. 41 Electronic version of the book [https://dl.booksee.org/genesis/842000/d1a440d5e44a2eb55e15df7a94afd928/_as/\[Karelina,_Svetlana_Aleksandrovna\]_Pravovoe_reguli\(-BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/842000/d1a440d5e44a2eb55e15df7a94afd928/_as/[Karelina,_Svetlana_Aleksandrovna]_Pravovoe_reguli(-BookSee.org).pdf) (accessed: 18.12.2025).

10. Rudakova O. Yu. Opportunities and prospects for the application of rehabilitation bankruptcy procedures // Izvestiya AltG U. 2013. No.2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-i-perspektivy-primeneniya-ozdorovitelnyh-protsedur-bankrotstva> (accessed: 30.11.2025).

11. Potapov M.G. Problems of the legal status of an individual // International journal of humanities and natural sciences. 2021. No.11–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-statusa-fizicheskogo-litsa> (accessed: 18.12.2025).

12. Belousov A.L. Bankruptcy institute in the Russian Federation: formation and ways of developing legal support // Russian Journal of Economics and Law. 2024. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-bankrotstva-v-rossiyskoy-federatsii-stanovlenie-i-puti-razvitiya-pravovogo-obespecheniya> (accessed: 30.11.2025).

13. Semenova E.A. Legal regulation of transactions in the bankruptcy of an individual / E.A. Semenova // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2015. – No. 9. – P. 30–33. – EDN SHBKFY.

Добросовестное использование искусственного интеллекта в сфере труда: правовые границы и вызовы алгоритмической дискриминации

Жужгина Александра Андреевна,

ассистент Школы права и управления, Тюменский
государственный университет

E-mail: a.a.zhuzhgina@utmn.ru

Статья исследует добросовестное использование искусственного интеллекта в сфере труда через призму общеправового запрета злоупотребления правом и принципа недопустимости дискриминации. Показано, что алгоритмический таргетинг вакансий и ИИ-системы отбора персонала формируют новую, скрытую форму дискриминации, при которой кандидаты лишаются доступа к информации о вакансиях и не могут зафиксировать факт нарушения. Анализируются зарубежные подходы, предусматривающие специальные требования к системам высокого риска, включая аудит, оценку воздействия и уведомление соискателей, и сопоставляются с фрагментарным характером российского регулирования, не учитывающего специфику алгоритмических решений. Обосновывается необходимость закрепления в трудовом законодательстве обязанностей работодателя по прозрачности алгоритмов, профилактике алгоритмической дискриминации и установлению презумпции его ответственности за решения, принимаемые ИИ-системами.

Ключевые слова: искусственный интеллект; добросовестность; злоупотребление правом; алгоритмическая дискриминация; ответственность работодателя.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Фундаментальные проблемы методики разработки и связанного с ней правового и этического регулирования в сфере применения систем и моделей искусственного интеллекта» (FEWZ-2024-0052)»

Исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, а также Конституции РФ, в ст. 2 ТК РФ закреплён перечень из 20 основных принципов правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений, традиционно рассматриваемых как отраслевые и распространяющихся на весь комплекс трудовых правоотношений. В современной доктрине отмечается тенденция фактического расширения этого перечня за счёт включения в него принципа недопустимости злоупотребления правом и принципа добросовестности поведения участников [1, с. 15], которые изначально были разработаны в гражданском праве и получили нормативное выражение в ст. 10 ГК РФ, определяющей злоупотребление правом как умышленное, заведомо недобросовестное поведение, выходящее за пределы дозволенного осуществления субъективных прав. Применительно к трудовым отношениям данный принцип был прямо введён в судебную практику Постановлением Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2 [2], где судам при разрешении споров о восстановлении на работе предписано учитывать недопустимость злоупотребления правом со стороны работников, а позднее Верховный Суд РФ распространил этот подход и на работодателей, подчеркнув, что нарушение установленных законом, договором или иными источниками границ осуществления прав свидетельствует о злоупотреблении и несовместимо с требованием добросовестного поведения сторон трудового договора.

Работодатель, осуществляя свои права, обязан действовать добросовестно, в том числе принимать управленческие решения с учетом того, что работник является экономически более слабой стороной трудового правоотношения. При использовании предоставленных законом гарантий при увольнении работник должен сообщить работодателю обо всех известных ему обстоятельствах, препятствующих расторжению с ним трудового договора [3, с. 7].

Применительно к ИИ (далее – ИИ) возникает вопрос: где проходит граница между законным использованием технологий и злоупотреблением в трудовых отношениях?

На сегодняшний день ни в одной стране мира не сформировано устоявшееся, легально закреплённое определение добросовестного использования ИИ: ни российский законодатель, ни зарубежные правовые порядки не вводят такого термина в текст законов, ограничиваясь общими декларативными принципами.

Так, в руководство по этике ИИ [4] закреплены такие принципы, как подотчетность и добросовестность, которые раскрываются через обязанность действовать честно документировать решения, не вводить пользователей в заблуждение относительно возможностей ИИ, обеспечивать механизмы рассмотрения жалоб и пересмотра решений.

В кодексе этики ИИ термин «добросовестность» встречается в контексте информирования пользователей об их взаимодействии с ИИ, «когда это затрагивает вопросы прав человека и критических сфер его жизни, и обеспечивать возможность прекратить такое взаимодействие по желанию пользователя» [5]. В трудовой плоскости это означает, что работодатель, использующий ИИ при найме и оценке персонала, должен не только раскрывать факт применения алгоритмических систем, но и давать кандидату/работнику право выбора и право на пересмотр автоматического решения человеком, а в нормативной перспективе – закреплять эти требования как юридически обязательные стандарты прозрачности, уважения автономии и профилактики дискриминации.

Как справедливо указывают А.М. Лушников и М.В. Лушникова, четвёртая научно-техническая революция сопровождается «сокращением объёма императивного правового регулирования и возрастанием роли горизонтального регулирования трудовых отношений, их «гибкости»» [6, с. 6]. В этих условиях цифровые технологии, включая ИИ, применяемый в сфере управления персоналом для автоматизации подбора сотрудников и способный создавать риск алгоритмической дискриминации кандидатов, приобретают особое значение. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость не общих запретов, а специальных, адресных механизмов правового воздействия (требований

ваний к прозрачности алгоритмов, их предварительной оценки и сертификации и т.п.).

Изложенное позволяет по-новому поставить вопрос о добросовестном использовании технологий ИИ в сфере труда: критерии злоупотребления правом и недобросовестного поведения сторон должны применяться не только к «классическим» ситуациям увольнения или исполнения трудовой функции, но и к проектированию, внедрению и эксплуатации алгоритмических систем, способных затрагивать права соискателей и работников.

Самым опасным в использовании ИИ в сфере труда является цифровая дискриминация (или «алгоритмическая дискриминация» [7, с. 5] или «дискриминация через ИИ-решения» [8, с. 34]) – качественно новая форма нарушения равных прав и возможностей, возникающая вследствие воспроизводства и усиления исторических предубеждений через алгоритмы и цифровые системы. В отличие от традиционной дискриминации, которая часто имеет персональный характер и может быть объективно зафиксирована, цифровая дискриминация отличается технологической опосредованностью, скрытностью, масштабностью и крайней сложностью юридической квалификации.

Конституция РФ закрепляет общее правило равенства всех перед законом и судом и содержит универсальный запрет любых форм дискриминации, тем самым задавая рамку для всей отраслевой регламентации, включая трудовое право. Развивая этот конституционный императив, ст. 3 ТК РФ конкретизирует дискриминацию как недопустимое ограничение прав и свобод в сфере труда по перечисленным «классическим» основаниям (пол, раса, национальность и др.), а также по любым иным признакам, не связанным с деловыми качествами работника, что превращает критерий «деловых качеств» в ключевой фильтр для оценки правомерности поведения работодателя. Эмпирический анализ судебной практики показывает, что именно там, где связь между принятым решением и деловыми качествами работника наиболее уязвима для проверки (отказ в приеме на работу, установление и изменение условий оплаты труда), концентрируется наибольшее число антидискриминационных исков: суды и истцы «цепляются» за те ситуации, которые прямо названы в законе и разъяснениях высших судов, а потому легче поддаются квалификации как дискриминация и лучше обеспечены доказательственными стандартами. [9, С. 12]. Концентрация споров по отдельным основаниям неслучайна: именно эти ситуации в правоприменении устойчиво рассматриваются как типичные формы недопустимой дискриминации, что побуждает истцов и их представителей «подгонять» фактические обстоятельства под уже сложившиеся модели. В особенности это касается отказа в приеме на работу по причинам, не связанным с деловыми качествами кандидата, который воспринимается как классический и наиболее «узнаваемый» сюжет для предъявления антидискриминационного иска.

Одновременно всё большее распространение при подборе персонала получает таргетинг – технология адресного показа информации узкому кругу пользователей на основе их поисковой истории, профилей в соцсетях и демографических характеристик, которые алгоритмические используются для фильтрации аудитории. [10, С. 89].

К основным преимуществам таргетинга относят охват только целевой аудитории, доступ к узким группам пользователей по заданным критериям и возможность контроля эффективности. Вместе с тем при использовании этой технологии для подбора персонала такие преимущества превращаются в источник скрытой дискриминации: вакансии показываются лишь пользователям, соответствующим параметрам работодателя, которые нередко не связаны с деловыми качествами и фактически выступают фильтрами по полу, возрасту, национальности, семейному положению и другим признакам. В итоге кандидат может даже не знать, что был «отсечён» алгоритмом, так как не видел объявление о вакансии, а узнаёт о ней случайно, что затрудняет фиксацию нарушения и доказательство дискриминации [11, с. 130].

Сложность фиксации дискриминации при использовании таргетинга не означает её отсутствия: зарубежная практика показывает, что даже «тонкие» цифровые фильтры уже становятся предметом правовой оценки. Показателен пример с рекламой вакансий на Facebook [12], когда объявления для водителей грузовиков и монтажников окон фактически адресовались исключительно молодой мужской аудитории, тогда как женщины и лица старше 55 лет просто не видели эти предложения. Формально работодатели ссылались лишь на «настройку демографической группы», утверждая, что никого прямо не исключали и не запрещали доступ к профессии. Однако правоприменитель квалифицировал эти действия именно как дискриминацию по признакам пола и возраста, подчеркнув, что ограничение доступа к информации о вакансиях через алгоритмические настройки по своему эффекту эквивалентно прямому запрету и не может быть оправдано ссылками на маркетинговую или кадровую стратегию. Исследователи

справедливо указывают, что доводы работодателей о том, будто таргетинг не препятствует трудоустройству дискриминируемых групп, несостоятельны: такие лица фактически лишаются доступа к информации о вакансиях и, не зная о них, не могут претендовать на должность [13]. Одновременно ссылки на «типичные» гендерные предпочтения в выборе профессии выглядят неубедительно в условиях размывания традиционных социальных ролей.

Алгоритмы, разработанные на исторических данных, нередко воспроизводят скрытые предубеждения, приводя к дискриминации по возрасту, полу, семейному статусу или иным критериям. Ярким примером стал скандал с системой Amazon, автоматически понижавшей рейтинг резюме женщин: система обучалась на резюме, представленных претендентами, получившими работу за десятилетний период, большая часть из которых были мужчинами, вследствие чего алгоритм закрепил и усилил существовавший исторический дисбаланс в кадровом составе компании [14].

В российской правоприменительной практике случаи алгоритмической дискриминации при найме в основном остаются латентными: они не доходят до суда не потому, что отсутствуют, а потому, что у соискателей фактически нет процессуальных инструментов установить причинноследственную связь между отказом в трудоустройстве и применением автоматизированных систем отбора [15, с. 16]. При действующей редакции ТК РФ запрет дискриминации сформулирован технологически нейтрально и не учитывает особенностей алгоритмических решений (закрытый характер моделей, непрозрачность критериев, отсутствие обязанности по раскрытию логики алгоритма), что образует нормативный пробел и затрудняет адаптацию трудового права к цифровой экономике. На этом фоне положения п. 1.4 Кодекса этики ИИ предлагают более развитый, хотя и сугубо рекомендательный, стандарт должного поведения: на акторов ИИ возлагается обязанность проверять используемые алгоритмы, массивы данных и методы обработки на предмет недопущения дискриминации, разрабатывать и внедрять специальные методики и программные решения для выявления и предотвращения дискриминации по охраняемым признакам, а также заранее и однозначно декларировать правила функционирования системы в отношении различных групп. По существу, это формирует модель «должной осмотрительности» в отношении ИИ-систем, которая в перспективе может и должна быть трансформирована в императивные трудовые обязанности работодателя: проводить регулярный аудит алгоритмов, документировать критерии автоматизированного отбора и нести ответственность за последствия решений, принятых с использованием таких систем.

Однако этические принципы носят рекомендательный характер и не имеют обязательной силы. Преобразование этических норм в жесткие правовые требования в российском трудовом законодательстве остается неотложной задачей.

Опыт зарубежных стран демонстрирует, что одного общего запрета дискриминации недостаточно: использование ИИ-систем при найме требует специальных превентивных механизмов. Показателен подход штата Колорадо, где к работодателям, применяющим автоматизированные системы принятия решений, предъявляются не декларативные, а процедурные обязанности: выстраивать полноценную политику и программу управления рисками, регулярно проводить оценку воздействия таких систем на права соискателей и работников, прозрачно информировать их о том, что решение в их отношении принимает ИИ, раскрывать сведения о применяемых системах высокого риска и, наконец, в установленный срок уведомлять надзорные органы о выявленных случаях алгоритмической дискриминации. Тем самым законодатель исходит из презумпции опасности ИИ-инструментов для равенства в сфере труда и перекладывает на работодателя активную обязанность по мониторингу, профилактике и раскрытию рисков, а не просто по недопущению «явных» нарушений [16].

Европейский Союз разработал Регламент об ИИ, относящий системы ИИ для найма к категории высокого риска, поскольку они могут значительно влиять на будущие карьерные перспективы, средства к существованию людей и права работников, увековечивать исторически сложившиеся модели дискриминации, нарушать основные права на защиту персональных данных и неприкосновенность частной жизни [17].

Предлагается закрепить на уровне трудового законодательства следующие обязанности работодателя:

- А) Обеспечивать прозрачность алгоритмов и логики принятия решений при подборе персонала;
- Б) Проводить обязательный аудит ИИ-систем с целью выявления скрытых предубеждений;
- В) Уведомлять соискателей об использовании автоматизированных систем при принятии решения о приеме на работу;

Г) Документировать и хранить параметры, на основании которых алгоритм отсеял кандидата;

Д) Устанавливать механизмы человеческого надзора за критически важными решениями алгоритмов.

Целесообразно закрепить презумпцию ответственности работодателя за решения, принятые ИИ-системами при найме, независимо от наличия «вины» самой программы, поскольку работодатель является тем субъектом, который внедряет и использует данную систему, и, следовательно, несет за нее полную ответственность.

Литература

1. Офман Е.М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений: автореферат дис. кандидата юридических наук: 12.00.05 / Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (в ред. от 9 декабря 2025 г.) // Российская газета. 2006. 31 дек. № 297.

3. Жильцов М.А., Майфат А.В. Принцип добросовестности в гражданском и трудовом праве // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. N 1. С. 6–9.

4. ASEAN Guide on AI Governance and Ethics. https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf. (дата обращения: 22.01.2026)

5. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (утв. и опубликован на сайте Ассоциации «Альянс в сфере искусственного интеллекта» 10.01.2022) // Режим доступа: <https://a-ai.ru> (дата обращения: 22.01.2026)

6. Лушников А.М., Лушников М.В. Четвертая научно-техническая революция и трудовое право: реальные вызовы // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. N 2. С. 3–6.

7. Хубулова, М.И. Искусственный интеллект в трудовом праве: алгоритмическая дискриминация / М.И. Хубулова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2022. – № 3. – С. 4–15.

8. Новиков, Д.А. Проблемы признания правосубъектности искусственного интеллекта и ответственности за принятые решения в трудовых отношениях / Д.А. Новиков // Трудовое право России. – 2024. – № 2. – С. 33–48.

9. Сыченко Е.В. Анализ судебной практики о дискриминации при приеме на работу // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. N 3. С. 11–13.

10. Родченкова В.В., Тенькова С.А. Таргетинг или как за нами следят // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2018. N 18. С. 89.

11. Митрясова А.С. Трансформация занятости и трудовых отношений под воздействием искусственного интеллекта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 5. С. 128–133.

12. Are Targeted Facebook Job Ads Discriminatory? The Social Media Problem. URL: <https://www.molylaw.com/2019/04/discriminatory-job-ads/> (дата обращения: 09.12.2025).

13. Campbell A.F. Job ads on Facebook discriminated against women and older workers, EEOC says // Vox.com. 2019. 25 September.

14. Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women // Reuters. 2018. October 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight/amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK08G/> (дата обращения: 25.01.2026).

15. Закалюжная Н.В. Новые формы проявления дискриминации в трудовых отношениях и методология борьбы с ними // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. N 4. С. 15–18.

16. Colorado. Senate Bill 24–205 “Consumer Protections for Artificial Intelligence”: Act of 17 May 2024. URL: <https://leg.colorado.gov/bills/sb24-205> (дата обращения: 22.01.2026)

17. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 206.

P. 1–120. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_2024_206 (дата обращения: 22.01.2026).

CONSCIENTIOUS USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE LABOR SPHERE: LEGAL BOUNDARIES AND CHALLENGES OF ALGORITHMIC DISCRIMINATION¹

Zhuzhgina A.A.

Tyumen State University

The article examines the conscientious use of artificial intelligence in the labor sphere through the lens of the general legal prohibition of abuse of rights and the principle of non-discrimination. It is shown that algorithmic job targeting and AI-based recruitment systems create a new, hidden form of discrimination, in which candidates are deprived of access to job information and cannot document the violation. The paper analyzes foreign approaches that establish specific requirements for high-risk systems, including audits, impact assessments, and candidate notification, and compares them with the fragmented nature of Russian regulation that fails to reflect the specifics of algorithmic decisionmaking. The author substantiates the need to enshrine in labor legislation the employer's duties related to algorithmic transparency, prevention of algorithmic discrimination, and the presumption of employer responsibility for decisions made by AI systems.

Keywords: artificial intelligence; good faith; abuse of rights; algorithmic discrimination; employer liability.

References

1. Ofman, E.M. Abuse of Rights by the Subjects of Labor Relations: Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.05. Ural State Law Academy. Yekaterinburg, 2006. 23 p.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2004, No. 2 “On the Application by the Courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation” (as amended on December 9, 2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2006. December 31. No. 297.

3. Zhiltsov, M. A., & Mayfat, A.V. The Principle of Good Faith in Civil and Labor Law // Labor Law in Russia and Abroad. 2023. No. 1. Pp. 6–9.

4. ASEAN Guide on AI Governance and Ethics. Retrieved from https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf. (accessed: 22.01.2026).

5. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence (approved and published on the website of the Alliance for Artificial Intelligence on January 10, 2022). Available at: <https://a-ai.ru> (accessed: 22.01.2026).

6. Lushnikov, A. M., & Lushnikova, M.V. The Fourth Scientific and Technological Revolution and Labor Law: Real Challenges // Labor Law in Russia and Abroad. 2019. No. 2. Pp. 3–6.

7. Khubulova, M.I. Artificial Intelligence in Labor Law: Algorithmic Discrimination // Labor Law in Russia and Abroad. 2022. No. 3. Pp. 4–15.

8. Novikov, D.A. Problems of Recognizing the Legal Personality of Artificial Intelligence and Responsibility for Decisions Made in Labor Relations // Labor Law of Russia. 2024. No. 2. Pp. 33–48.

9. Sychenko, E.V. Analysis of Court Practice on Discrimination in Hiring // Labor Law in Russia and Abroad. 2021. No. 3. Pp. 11–13.

10. Rodchenkova, V. V., & Tenkova, S.A. Targeting or How We Are Being Watched // Social Communications: Science, Education, Profession. 2018. No. 18. P. 89.

11. Mityrasyova, A.S. Transformation of Employment and Labor Relations under the Influence of Artificial Intelligence // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2023. No. 5. Pp. 128–133.

12. Are Targeted Facebook Job Ads Discriminatory? The Social Media Problem. Retrieved from <https://www.molylaw.com/2019/04/discriminatory-job-ads/> (accessed 09.12.2025).

13. Campbell, A.F. Job Ads on Facebook Discriminated against Women and Older Workers, EEOC Says // Vox.com. September 25, 2019.

14. Amazon Scraps Secret AI Recruiting Tool That Showed Bias against Women // Reuters. October 10, 2018. Retrieved from <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight/amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK08G/> (accessed 25.01.2026).

15. Zakaluzhnaya, N.V. New Forms of Discrimination in Labor Relations and the Methodology for Combating Them // Labor Law in Russia and Abroad. 2025. No. 4. Pp. 15–18.

16. Colorado. Senate Bill 24–205 Consumer Protections for Artificial Intelligence: Act of 17 May 2024. Retrieved from <https://leg.colorado.gov/bills/sb24-205> (accessed 22.01.2026).

17. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence and Amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 206. Pp. 1–120. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_2024_206 (accessed 22.01.2026).

¹ This study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project FEWZ-2024–0052.

Задорожная Евгения Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса, АНО ВО «Московский международный университет»

E-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Карташов Иван Вячеславович,

студент, АНО ВО «Московский международный университет»

E-mail: williebgx@gmail.com

Ковригина Елена Борисовна,

студент, АНО ВО «Московский международный университет»

E-mail: elenakovrigina361@gmail.com

В статье анализируются предпосылки возникновения рекламы как явления и сферы правового регулирования, а также положения российского законодательства, регулирующего правовой режим рекламной деятельности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Ключевыми новеллами выступают требования об обязательной маркировке рекламных сообщений при помощи буквенно-цифрового идентификатора (токена), установление обязательных отчислений, производимых с дохода от рекламной деятельности в цифровом пространстве. Отмечены особенности поэтапного введения правовых норм, упорядочивающих правоотношения в цифровом пространстве, выражающиеся в поэтапном введении маркировки, обязательных отчислений и ограничений на ресурсы, где запрещается осуществление рекламной деятельности, что может свидетельствовать о начале формирования четкой, прозрачной и не нарушающей сложившихся на рынке обычаев делового оборота законодательной конструкции.

Ключевые слова: реклама, интернет-реклама, маркировка, токен, erid.

Устройство первобытного человеческого общежития не позволяло каждому из его членов на равных заниматься необходимой для выживания трудовой деятельностью: разница в физическом развитии и возрасте, а также половая принадлежность существенно ограничивали возможности разных его членов в рамках определенных задач, которые они были бы способны реализовать с наибольшей эффективностью. При этом, никуда не пропадали человеческие потребности, неспособные быть реализованными за счёт собственного труда: их удовлетворение ложилось на плечи иных членов общежития. Еще в эпоху неолита возникли признаки формирования концепции разделения труда и примитивного товарооборота [12, с. 15–17]. Естественным путём, с укреплением концепции разделения труда и распространением товарооборота, возникла уже иная потребность – в привлечении внимания к собственному предложению, поддержанию к нему интереса и его распространению, т.е. в рекламе.

Развивалась и реклама: надписи на зданиях и придорожных камнях сменились рекламными листовками и брошюрами; глашатаев сменили профессиональные дикторы на радио и телевидении; сегодня всему этому на смену приходят push-уведомления и рекламные блоки на сайтах и в приложениях. Над самой рекламой всё чаще работают профессиональные психологи [14], что говорит о потребности в квалифицированных специалистах в отрасли, занятых разработкой концепций не прямой и таргетированной (т.е. обращённой к конкретной аудитории, наиболее заинтересованной или способной к приобретению рекламируемого объекта) рекламы.

Однозначно можно сказать, что реклама на сегодняшний день – массовое, повсеместно встречаемое явление. Нередки случаи, когда отличить рекламу от иной информации на уровне бытового восприятия становится практически невозможно. Это порождает проблему регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу рекламы, что приводит к необходимости её уже правового урегулирования. В целях разрешения сложившейся проблемы, законодателем был принят Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – ФЗ № 38) [1], являющийся основополагающим нормативно-правовым актом в этой сфере. В соответствии со ст. 4 упомянутого ФЗ, рекламные отношения регулируются также иными федеральными законами и нормативно-правовыми актами, издаваемыми Президентом и Правительством РФ в соответствии с ФЗ № 38.

Последние крупные изменения в основополагающий закон о рекламной деятельности, выразившиеся в добавлении статей 18.1 и 18.2, касаются регулирования правоотношений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», оставшиеся неурегулированными специальными нормами вплоть до принятия Федерального закона от 30.04.2021 № 124-ФЗ [2] и Федерального закона от 26.12.2024 № 479-ФЗ [3].

Основным требованием, предъявленным законодателем к участникам рекламного рынка в Интернете, стало требование об обязательной маркировке рекламы: теперь, каждое рекламное объявление обязано содержать пометку формата «Реклама. Сведения о рекламодателе (может быть использована ссылка на сайт с информацией о нём). Буквенно-цифровой идентификатор (токен, далее – erid)».

Размещение маркировки зависит от вида интернет-рекламы, но главным требованием остаётся возможность прочесть и скопировать её конечным пользователем – потребителем рекламы. Например, маркировку рекламы можно разместить в формате гиперссылки, в выпадающем меню, в начале текста, поверх картинки или видеоролика текстом, в описании к видео/изображению/подкасту или вовсе в следующем сообщении. При этом, разместить маркировку на самом изображении или видеоролике нельзя, ведь в таком случае её невозможно скопировать, а значит маркировка не будет соответствовать закону.

С 18.09.2025 года рассылки, осуществляемые путём направлений сообщений по электронной почте, в личных сообщениях в социальных сетях и мессенджерах, в push-уведомлениях и иные сообщения, рассылаемые через сети электросвязи, а также повторы в Интернете рекламных сообщений, осуществлённых в неизменном в сравнении с первоисточником виде, продемонстрированных в рамках теле- и радиопередач СМИ, были освобождены от требований по маркировке рекламы в Интернете (п. 1 Распоряжения Правительства РФ от 30.05.2022 г. № 1362-п) [5].

Почти сразу же после введения маркировки рекламы, участники рынка столкнулись со штрафами за её отсутствие. Как показывает анализ судебной практики, подобные проблемы возникают у субъектов в результате непроработанности договора между контрагентами: техническая возможность получения eгid имеется у любого лица, участвующего в цепочке распространения рекламы, однако ФЗ № 38 не указывает на лицо, несущее обязанность за его получение (ч. 7 ст. 38 ФЗ № 38 установлена ответственность для рекламодателя за отсутствие на объявлении самой маркировки, но не за её получение или же корректное размещение).

Например, в Решении Архангельского областного суда от 29.08.2024 г. по делу № 7р-291/2024 [8] ответственным за отсутствие маркировки рекламы установлен главный редактор издания (рекламораспространитель). Рекламному объявлению, выпущенному в зарегистрированном СМИ, не был присвоен уникальный идентификатор, а потому суд счёл, что главный редактор, как лицо, несущее ответственность и принимающее окончательное решение по производству и выпуску материалов СМИ, несёт ответственность в т.ч. за соблюдение требований законодательства о рекламе при публикации соответствующих материалов.

В другом решении [9] ответственным был признан уже рекламодатель, при чём в обстоятельствах, когда изначально умысла на создание рекламного сообщения у участников не было: в телеграмм-канале, по собственной воле его администратора (рекламораспространителя), приходящегося знакомым индивидуальному предпринимателю (рекламодателю), была размещена информация о новом асортименте сервис-центра, принадлежащего ИП, без соблюдения требований ФЗ № 38. Сообщение было признано рекламой, Роскомнадзор пришёл к выводу, что ей не был присвоен eгid и ИП был привлечён к ответственности после признания его рекламодателем со стороны административного органа (т.е. отсутствовал сам факт регистрации в ЕРИР рекламного сообщения). Судом были отклонены приведённые ИП доводы о том, что признанное рекламой сообщение она не размещала, не заказывала и не распространяла, а эти действия были осуществлены её знакомым самостоятельно, без её ведома и воли. Единственное, что позволило избежать ИП ответственности – процессуальные нарушения, допущенные со стороны контролирующего органа.

Таким образом, контрагентам целесообразно предусмотреть в договоре обязанность лица по получению eгid, чтобы избежать взаимных претензий и административной ответственности [13]. Решение же законодателя оставить именно на участников рекламного рынка определение такого лица автором видится логичным, поскольку позволяет им сохранить свободу выбора условий размещения и распространения рекламы, предоставления соответствующих услуг.

Другой же случай, о котором уже было сделано примечание ранее – некорректное размещение маркировки. В данном случае, действительно, ответственность несёт лишь рекламодатель: так, в Решении Алтайского краевого УФАС России от 02.08.2024 г. по делу № 022/05/18.1–816/2024 [11] указано, что отсутствие хотя бы одного из элементов установленной формы маркировки, упомянутых ранее, влечёт ответственность по ч. 7 ст. 38 ФЗ № 38. Рекламодателем был указан только eгid, требования о пометке «Реклама» и информации о рекламодателе были проигнорированы.

Помимо этого, важно соблюдать требования о возможности копирования eгid с целью его проверки как контролирующими органами, так и потребителями рекламы, о чём упоминалось выше. Ответственность за нарушение данного требования возлагается на рекламодателя по ч. 7 ст. 38 ФЗ № 38. Примером может выступить Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2025 г. № 09АП-76507/24 по делу № А40–231029/2024 [10], в котором суд признал социальную сеть Likee, как рекламодателя (несмотря на размещение в ней соответствующего материала посредством рекламной сети Bigo Ads), ответственным за невозможность копирования и визуализации указателя страницы сайта в Интернете при показе рекламного объявления в формате вертикального короткого видеоролика рекламодателя Flowwow. Материалу был присвоен уникальный идентификатор, он также был размещён на самом видеоматериале, но в описании к видеоролику он отсутствовал, что было сочтено нарушением требований Приказа Роскомнадзора от 30.11.2022 № 191 [6] (авторы обращают внимание, что на день публикации указанная редакция утратила силу; актуальная редакция – от 25.03.2025 № 68) [7].

Важно отметить, что ч. 10.7 ст. 5 ФЗ № 38 с 01.09.2025 года [4] прямо установлен запрет на размещение рекламы на информационных ресурсах (сайтах и социальных сетях) иностранных и международных организаций, общественных или религиозных объединений или иных организаций:

1. Деятельность которых признана нежелательной на территории РФ в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»;

2. Деятельность которых запрещена на территории РФ на основании Федерального закона от 25.07.2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» или Федерального закона от 06.03.2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;

3. Иных информационных ресурсах, доступ к которым ограничен на основе Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ином законодательстве в данной сфере.

В заключение отметим, что регулирование складывающихся в цифровой среде правоотношений всегда представляет колоссальный вызов для абсолютно любого законодателя в мире из-за неумолимого и безудержного развития информационных технологий ежедневно. Проявляемая отечественным законодателем аккуратность в регулятивном подходе к цифровому пространству как в целом, так и применительно к рассмотренной отрасли, выразившаяся в поэтапном введении маркировки, обязательных отчислений и ограничений на ресурсы, где запрещается осуществление рекламной деятельности, вызывает у авторов надежду на формирование чёткой, прозрачной и не нарушающей сложившихся на рынке обычаев делового оборота законодательной конструкции, поскольку у участников рекламного рынка появляется возможность постепенной адаптации к новым требованиям.

Литература

1. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // URL: <https://base.garant.ru/12145525/> (дата обращения: 05.11.2025);
2. Федеральный закон от 30.04.2021 № 124-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» // URL: <https://base.garant.ru/400720739/> (дата обращения: 05.11.2025);
3. Федеральный закон от 26.12.2024 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/411207513/> (дата обращения: 05.11.2025);
4. Федеральный закон от 07.04.2025 № 72-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральный закон «О рекламе» // URL: <https://base.garant.ru/411825212/> (дата обращения: 14.12.2025);
5. Распоряжение Правительства РФ от 30.05.2022 № 1362-р (ред. от 18.09.2025) «Об утверждении состава информации о распространённых в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» рекламе и (или) социальной рекламе, подлежащих учету, хранению и обработке Роскомнадзором» // URL: <https://base.garant.ru/404773803/> (дата обращения: 18.12.2025);
6. Приказ Роскомнадзора от 30.11.2022 № 191 «Об утверждении требований к идентификатору рекламы, его содержанию, порядку и сроков его присвоения, размещения при распространении рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», хранения и предоставления в федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // URL: <https://base.garant.ru/406050989/> (дата обращения: 07.11.2025);
7. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 25.03.2025 № 68 «Об утверждении Требований к идентификатору рекламы, идентификатору социальной рекламы, его содержанию, порядку и сроков его присвоения, размещения при распространении рекламы и (или) социальной рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», хранения и предоставления в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // URL: <https://base.garant.ru/411874488/> (дата обращения: 07.11.2025);
8. Решении Архангельского областного суда от 29 августа 2024 г. по делу № 7р-291/2024 // СПС Гарант (дата обращения: 16.11.2025);
9. Решение Арбитражного суда Амурской области от 18 июня 2024 г. по делу № А04–3197/2024 // СПС Гарант (дата обращения: 16.11.2025);
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 февраля 2025 г. № 09АП-76507/24 по делу № А40–231029/2024 // СПС Гарант (дата обращения: 23.11.2025);
11. Решение Алтайского краевого УФАС России от 2 августа 2024 г. по делу № 022/05/18.1–816/2024 // СПС Гарант (дата обращения: 16.11.2025);

12. Экономическая история: учебник для вузов / О.Д. Кузнецова, И.Н. Шапкин, А.С. Квасов, Л.И. Пермякова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 416 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18324-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/559600> (дата обращения: 18.12.2025);

13. Аналитическая статья «Маркировка рекламы. Как складывается судебная практика». – Текст: электронный // Гарант.ру: [Электронный ресурс]. – URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/tyupa_vsevolod/1760873/ (дата обращения: 15.11.2025);

14. Сумских И.А. Идеи психоанализа в современной рекламе // Территория науки. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-psihoanaliza-v-sovremennoy-reklame> (дата обращения: 19.12.2025).

TRANSFORMATION OF THE LEGAL REGULATION OF ADVERTISING ACTIVITIES ON THE INTERNET

Zadorozhnaya E.V., Kartashov I.V., Kovrigina E.B.
Moscow International University

The article analyzes the prerequisites for the emergence of advertising as a phenomenon and sphere of legal regulation, as well as the provisions of Russian legislation regulating the legal regime of advertising activities in the Internet information and telecommunications network. The key innovations are the requirements for mandatory labeling of advertising messages using an alphanumeric identifier (token), the establishment of mandatory deductions made from income from advertising activities in the digital space. The features of the phased introduction of legal norms regulating legal relations in the digital space are noted, expressed in the phased introduction of labeling, mandatory deductions and restrictions on resources where advertising activities are prohibited, which may indicate the beginning of the formation of a clear, transparent and legislative structure that does not violate established business practices in the market.

Keywords: advertising, online advertising, labeling, token, erid.

References

1. Federal Law No. 38-FZ of 13.03.2006 (as amended on 31.07.2025) "On Advertising" (as amended and supplemented, intro. effective from 01.09.2025) // URL: <https://base.garant.ru/12145525/> (date of request: 05.11.2025);

2. Federal Law No. 124-FZ of 30.04.2021 "On Amendments to the Federal Law "On Advertising" // URL: <https://base.garant.ru/400720739/> (date of request: 05.11.2025);

3. Federal Law No. 479-FZ dated December 26, 2024 "On Amendments to the Federal Law "On Advertising" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // URL: <https://base.garant.ru/411207513/> (date of request: 05.11.2025);

4. Federal Law No. 72-FZ dated 04/07/2025 "On Amendments to Article 12 of the Federal Law "On Countering Extremist Activities" and the Federal Law "On Advertising" // URL: <https://base.garant.ru/411825212/> (date of request: 14.12.2025);

5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/30/2022 № 1362-r (as amended on 18.09.2025) "On approval of the composition of information on advertising and (or) social advertising distributed on the Internet, subject to registration, storage and processing by Roskomnadzor" // URL: <https://base.garant.ru/404773803/> (date of request: 18.12.2025);

6. Roskomnadzor Order No. 191 dated 11/30/2022 "On Approval of the Requirements for the Advertising Identifier, its Content, the Procedure and Timing of its Assignment, Placement during the Distribution of Advertising on the Internet Information and Telecommunications Network, Storage and Provision to the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications" // URL: <https://base.garant.ru/406050989/> (date of request: 07.11.2025);

7. Order No. 68 of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media dated 25.03.2025 "On Approval of the Requirements for the Advertising Identifier, the Social Advertising Identifier, its Content, the Procedure and Timing of its Assignment, Placement during the Distribution of Advertising and (or) Social Advertising on the Internet information and Telecommunications network", storage and provision to the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications" // URL: <https://base.garant.ru/411874488/> (date of request: 07.11.2025);

8. The decision of the Arkhangelsk Regional Court of August 29, 2024 in case No. 7p-291/2024 // SPS Garant (date of application: 16.11.2025);

9. Decision of the Arbitration Court of the Amur Region dated June 18, 2024 in case № A04-3197/2024 // SPS Garant (date of application: 16.11.2025);

10. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated February 28, 2025 № 09AP-76507/24 in case № A40-231029/2024 // SPS Garant (date of application: 23.11.2025);

11. The decision of the Altai Regional FAS of Russia dated August 2, 2024 in case No. 022/05/18.1-816/2024 // SPS Garant (date of application: 16.11.2025);

12. Economic history: a textbook for universities / O.D. Kuznetsova, I.N. Shapkin, A.S. Kvasov, L.I. Permyakova. – 4th ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 416 p. (Higher education). – ISBN 978-5-534-18324-5. – Text: electronic // Educational platform Yurayt [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/559600> (date of request: 18.12.2025);

13. Analytical article "Advertising labeling. How judicial practice develops." – Text: electronic // Garant.<url>: [Electronic resource]. – URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/tyupa_vsevolod/1760873/ (date of request: 15.11.2025);

14. Sumsikh I.A. Ideas of psychoanalysis in modern advertising // Territory of Science. 2012. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-psihoanaliza-v-sovremennoy-reklame> (date of request: 19.12.2025).

Иванова Татьяна Александровна,

кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: taivanova@list.ru

В статье раскрывается особенность международного коммерческого арбитража, его значение. Автор анализирует определения международного коммерческого арбитража российских и зарубежных ученых.

Автор подробно рассматривает особенности институционального коммерческого арбитража, обращает внимание на следующие постоянно действующие международные коммерческие арбитражи: Арбитражный суд Международной торговой палаты, Лондонский международный третейский суд.

Делается вывод о том, что институциональный арбитраж является организационно оформленным органом, имеет ряд преимуществ перед арбитражем ad hoc.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, ученые, российские, зарубежные, международная торговля, разрешение споров, специфический механизм, специалист, институт, способ.

Между государствами постоянно осуществлялась международная торговля, развивались коммерческие отношения. Однако, для рассмотрения коммерческих споров, не имелось соответствующих норм права. Вследствие этого был разработан порядок для рассмотрения международных коммерческих споров. Процедура получила наименование «международный коммерческий арбитраж».

Коммерческий арбитраж рассматривает споры, которые возможны в будущем и могут быть в настоящее время. Дела рассматриваются в международном коммерческом арбитраже по определенному регламенту. В этом специфика международного коммерческого арбитража.

В настоящее время разграничиваются понимания о международном коммерческом арбитраже российских и зарубежных ученых. Юристы зарубежных государств ссылаются на то, что институциональный арбитраж – это специальное учреждение, которое осуществляет функции «руководителя арбитражного процесса» [1, с. 291]. Этот руководитель, в качестве ведущего выполняет обслуживание по техническим и организационным вопросам, что помогает сторонам организовать процедуру рассмотрения споров.

По размышлениям российской ученой Г.К. Дмитриевой: «институциональный коммерческий арбитраж представляется как негосударственный орган. Он действует при торгово-промышленных палатах, организациях, которые «являются международными». [2, с. 620].

Международному коммерческому арбитражному суду при Торгово-промышленной палате Российской Федерации среди выдающихся во всем мире международных арбитражей отводится центральное место. Данным вопросом занимались такие ученые как С.Н. Абрамов, Т.Е. Абова, Л.П. Ануфриева, В.Д. Арсеньев, А. Белов, М.М. Богуславский, Н.Г. Вилкова, А.А. Добровольский, Г.К. Дмитриева, А.Н. Жильцов, В.Д. Зорькин, И.С. Зыкин, В. Кабатов, В.Е. Крутских, Л.А. Лунц, М.Т. Розенберг, С.Н. Лебедев, И.С. Мартынов, В.В. Поздняков, Г. Ласк, Л. Лехтинен, О.К. Осипов, О.Н. Садиков, Б. Сеглин, А.Я. Сухарев, М.С. Шакарян, К.К. Ярков, и другие.

Международный коммерческий арбитраж считается одним из актуальных способов разрешения споров между участниками международных коммерческих сделок. Многими учеными, юристами разных стран выделяются предпочтения такого способа разрешения споров. К данным предпочтениям относятся: предоставление сторонам спора права выбрать арбитров; место, где будет проведена процедура арбитража; язык разбирательства, а так же обеспечение конфиденциальности.

При рассмотрении споров значительное место отводится тому, чтобы обеспечить принудительное исполнение решений, которое вынес международный коммерческий арбитраж. В некоторых странах допустимо исполнение решений в принудительном порядке. Это страны участницы конвенции «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» 1958г [3].

Физические лица обращаются к услугам международных арбитражей. При рассмотрении споров есть недоверие компетентности государственных судов. Арбитраж – это совершенная система, с помощью которой разрешаются споры в сфере торговли между государствами.

Арбитражный процесс часто является более дорогостоящим, осуществляется дольше, чем судебное разбирательство. Однако, сторон устраивает само качество обслуживания со стороны частных судей (арбитров), которых можно выбрать самим, а так же конфиденциальность. [4, с. 37].

В процессе осуществления международного экономического и научно-технического сотрудничества возникают гражданско-правовые отношения, носящие международный характер. В ходе реализации этих отношений возможно возникновение определенных разногласий, гражданско-правовых споров. Поэтому стороны заключают арбитражное соглашение или заранее предусматривают в основном контракте арбитражную оговорку и впоследствии передают свой спор на разрешение институционального органа или арбитража ad hoc.

Рассмотрим практические вопросы.

Обществом и компанией был заключен договор поставки продукции. Согласно договору все споры, которые возникнут в процессе его осуществления, будут разрешаться по выбору истца. Судом в соответствии с системой определения подсудности, или третейским судом.

Законодательство Российской Федерации считает допустимым заключить альтернативное соглашение о рассмотрении споров. Дан-

ное соглашение предусматривает право истца по своему усмотрению обратиться в третейский суд, международный коммерческий арбитраж или в суд.

Между иностранной корпорацией и российским обществом возник спор. В связи с этим, иностранная корпорация обращается в арбитражный суд с заявлением о признании и приведении в исполнение решений арбитража ad hoc. Определением суда первой инстанции, которое было оставлено без изменения, постановлением арбитражного суда округа, требования иностранной корпорации были удовлетворены. Суды пришли к выводу, что оснований отказать в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения нет. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты. Дело было направлено в арбитражный суд первой инстанции на новое рассмотрение. Основанием этого является то, что при принудительном исполнении решения третейского суда по инициативе стороны разбирательства суд может отказать в принудительном исполнении решения третейского суда, если оно было вынесено по спору, который не предусматривался арбитражным соглашением или не относился к его условиям, содержал постановления по вопросам, которые выходили за пределы арбитражного соглашения (часть 3 статьи 244 АПК РФ, подпункт 1 статьи 36 Закона о международном коммерческом арбитраже). Основание заключается в установлении правильности арбитражного соглашения и его надлежащим образом заверенной копии, которые были предоставлены в суд (статьи II и IV Конвенции 1958 года). Руководствуясь этим, суд решает вопрос о том, имело ли место волеизъявление сторон отказаться от рассмотрения спора по существу в суде. Чтобы проверить данные основания в суд необходимо представить подлинное соглашение о третейском разбирательстве или его надлежащим образом заверенную копию (пункт 2 части 4 статьи 242 АПК РФ). Для подтверждения факта о заключении арбитражного соглашения, иностранная компания указала на данные под присягой показания иностранного юриста. Однако общество ссылалось на то, что арбитражных соглашений с взыскателем не заключало. Подлинные арбитражные соглашения или их надлежащим образом заверенные копии, по результатам оценки которых суд мог бы сделать выводы о наличии (отсутствии) у сторон арбитражного соглашения волеизъявления на отказ от рассмотрения спора по существу в суде, в материалах дела отсутствовали, на обозрение суду не представлялись.

Вывод о наличии у сторон соглашения о разрешении споров волеизъявления на передачу спора в третейский суд, международный коммерческий арбитраж может быть сделан судом только по результатам оценки подлинных арбитражных соглашений, заключенных любым из предусмотренных законом способов, или их надлежащим образом заверенных копий [5].

Для институционального (или постоянно действующего) коммерческого арбитража присуще наличие постоянно действующего органа. В случае необходимости данный орган выполняет определенные административные функции [6, с. 56].

Институциональный арбитраж в большинстве случаев формируется при различных коммерческих организациях, организациях и ассоциациях предпринимателей.

Институциональные арбитражные органы действуют на основе своих регламентов, устанавливают свои правила процедуры, свой секретариат, который помогает арбитрам вести дела. В институциональном арбитраже имеется список арбитров, из числа которых каждая сторона назначает арбитра для рассмотрения ее спора. Как справедливо замечает Н.Ю. Ерпылева «отличительными качествами институционального международного коммерческого арбитража выступают правила созданные в соответствии с уставом. Устав содержит положение о рассмотрении споров, которые поступили, правовое положение коммерческого арбитража; арбитражный регламент [7, с. 612]. Формирование списков арбитров, из которых избирается состав арбитража, отмечал М.М. Богуславский. [8, с. 621].

Для институционального арбитража характерным считается то, что, он создается исходя из особенностей, которые присущи соответствующему постоянно действующему арбитражному учреждению. На эту особенность постоянно действующих арбитражных органов указывают многие специалисты.

Следует заметить, что число систематически действующих арбитражей расширяется. Наиболее известные: Арбитражный суд Международной торговой палаты. В Российской Федерации Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при торгово-промышленной палате Российской Федерации. Это наиболее типичный вид арбитража это Институциональный арбитраж. Институциональный арбитраж обладает преимуществами перед другим видом арбитража, то есть перед арбитражем ad hoc.

Во-первых, у внешнеторговой палаты, биржи, ассоциации больше возможностей привлечь к деятельности арбитров широкий круг лиц, обладающих высокой квалификацией. Внесение фамилии специалиста в список арбитров какого-либо постоянно действующего арбитражного суда означает признание его высокой квалификации, так как институциональный арбитражный орган, заинтересованный в повышении своего авторитета, включает в список арбитров специалистов обладающих широкими познаниями в области транспорта, связи, внешней торговли, права и т.д.

Во-вторых, в постоянно действующих арбитражных органах не может быть ситуации, при которой стороны не смогут достичь соглашения о порядке назначения арбитров, о кандидатурах арбитров, а так же ситуации, при которой одна из сторон отклоняется от выбора арбитров, в этом случае правление биржи или председатель арбитражного суда выдвигает необходимого арбитра.

В-третьих, институциональные арбитражные органы оперативно разрешают споры.

В-четвертых, у институционального арбитражного суда своя практика рассмотрения споров, которая имеет большое значение. Это способствует тому, что арбитры институционального арбитража обладают большими знаниями по сравнению с арбитрами арбитража ad hoc.

В-пятых, разбирательство споров в институциональном арбитраже намного дешевле и быстрее, чем в арбитраже ad hoc. Немаловажное значение здесь приобретает тот факт, что арбитры постоянно действующего арбитражного органа проживают, как правило, по месту нахождения арбитража и легко могут собраться для выполнения своих функций. Арбитры же арбитража ad hoc очень часто имеют место жительства в разных странах, поэтому стороны вынуждены нести дополнительные расходы, связанные с поездками арбитров.

В-шестых, преимущества постоянно действующего арбитража по причине того, что он является организационно оформленным органом. В сущности, по каждому определенному делу формируется арбитражный суд. Постоянными в арбитражных органах являются: «техническое оборудование» и услуги, которые предоставляются сторонами.

В наши дни международный коммерческий арбитраж пользуется спросом. Вызвано это тем, что он выступает в качестве объективного органа для разрешения спора. Арбитраж считается многообразным приемом разрешения экономических споров между государствами. В период, когда международная торговля стала прогрессировать, его влияние особенно выросло.

Целесообразно подчеркнуть, что в настоящее время возникают спорные ситуации между компаниями разных государств. Это приводит к увеличению популярности Международного коммерческого арбитражного суда в вопросе рассмотрения споров [9, с. 310].

Неопределенность сложившаяся на сегодняшний день, нестабильность международных отношений создают предпосылки того, что компании разных государств придают значение международному коммерческому арбитражу. Международный коммерческий арбитраж при Торгово-промышленной Палате сохраняет высокий спрос, свою значимость, как обоснованное средство разрешения противоречий.

Институциональный международный коммерческий арбитраж обладает преимуществами. К таковым относится присутствие закономерностей и процессов, которые помогают быстро создать арбитражный суд. Регламентировать процессуальные ситуации: отвод арбитра, определение арбитражных расходов, обеспечение иска.

К преимуществам так же следует отнести: конфиденциальность производства. Арбитражное производство является закрытым и, при одобрении обеих сторон сохранить его в тайне, может оставаться секретным долгое время; гарантию исполнения решения в других странах, это возможно благодаря Нью-Йоркской Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

Однако, есть и проблемы, которые следует разрешить. Необходимо снизить расходы на разрешение дел, тем самым сделать условия обращения в международный коммерческий арбитраж для сторон доступными. Следует отменить ограничения полномочий арбитров, поскольку арбитры не могут принудить любую из сторон или третьих лиц к сотрудничеству в ходе разбирательства. Например, предоставить доказательства, или передать определенные документы. Все это способствует тому, что процесс затягивается, что невыгодно сторонам. В связи, с этим, на законодательном уровне следует пересмотреть данные вопросы и внести изменения в законодательство.

Литература

1. Демирчян В. В., Новикова Т. В. Институциональные и изолированные международные коммерческие арбитражи обзор практики и сравнительная характеристика // Ученые записки Крымского феде-

рального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 291–297.

2. Международное частное право Учебник / Под ред. Г.К. Дмитриевой М.: Проспект. 2016. 680с.

3. Нью-Йоркской конвенции «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» 1958г // Вестник ВАС РФ. № 8. 1993.

4. Ермакова Е.П. Альтернативное урегулирование споров в области энергетики. Часть 2. Международные споры //Журнал «Вестник Государственной регистрационной палаты при Минюсте России», 2014. № 1–2. С. 37–46.

5. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 года // <https://www.vsrfr.ru/documents/all/27518/?ysclid=mjzused949v851035849> (дата обращения 04.01.2026 г.)

6. Миноли Е. Арбитраж и международное экономическое сотрудничество в области промышленного и научно-технического развития // Сборник материалов IV международного конгресса по арбитражу (3–6 октября 1972 г., Москва). М., 1974. С. 45–69.

7. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: Учебник. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 655 с.

8. Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 672 с.

9. Радецкая М.В. Краткий комментарий к решению МКАС при ТПП РФ от 7 июля 2016 г. по делу № 271/2015 // Вестник международного коммерческого арбитража. 2017. № 1(14). С. 310–327.

FEATURES OF INSTITUTIONAL COMMERCIAL ARBITRATION

Ivanova T.A.

SARATOV state law Academy»

The article reveals the peculiarity of international commercial arbitration and its significance. The author analyzes the definitions of international commercial arbitration by Russian and foreign scientists.

The author examines in detail the features of institutional commercial arbitration, draws attention to the following permanent international commercial arbitrations: the Arbitration Court of the International Chamber of Commerce, the London International Arbitration Court.

It is concluded that institutional arbitration is an institutionalized body, has a number of advantages over ad hoc arbitration.

Keywords: international commercial arbitration, scientists, Russian, foreign, international trade, dispute resolution, specific mechanism, specialist, institute, method.

References

1. Demirchyan V. V., Novikova T.V. Institutional and isolated international commercial arbitrations: a review of practice and a comparative analysis // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2018. Vol. 4 (70). No. 4. Pp. 291–297.

2. International Private Law Textbook / Edited by G.K. Dmitrieva. Moscow: Prospekt. 2016. 680p.

3. The New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards of 1958 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. No. 8. 1993.

4. Ermakova E.P. Alternative Dispute Resolution in the Energy Sector. Part 2. International Disputes // Vestnik of the State Registration Chamber under the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2014. No. 1–2. Pp. 37–46.

5. Review of the practice of court review of cases related to the performance of functions of assistance and control in relation to arbitration courts and international commercial arbitration. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 26, 2018 // <https://www.vsrfr.ru/documents/all/27518/?ysclid=mjzused949v851035849> (accessed: 04.01.2026)

6. Minoli E. Arbitration and International Economic Cooperation in the Field of Industrial and Scientific and Technical Development // Collection of Materials of the IV International Congress on Arbitration (3–6 October 1972, Moscow). Moscow, 1974. Pp. 45–69.

7. Erpyleva N. Yu. Private International Law: Textbook. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2015. 655 p.

8. Boguslavsky M.M. International Private Law: Textbook. Moscow: NITs INFRA-M, 2016. 672 p.

9. Radetskaya M. V. A Brief Commentary on the Decision of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation dated July 7, 2016, in Case No. 271/2015 // Bulletin of International Commercial Arbitration. 2017. No. 1(14). Pp. 310–327.

Проблемные аспекты представительства интересов недееспособных лиц в гражданском процессе

Костоломов Александр Сергеевич,
аспирант, кафедра «гражданско-правовые дисциплины»,
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию проблемных аспектов института законного представительства недееспособных и ограниченно дееспособных лиц в гражданском судопроизводстве России. Цель работы – установить особенности и системные противоречия, возникающие в правоприменительной практике при реализации данного института, регулируемого нормами ГК РФ, ГПК РФ и Федерального закона «Об опеке и попечительстве». В качестве основной проблемы исследования выделяется фундаментальная коллизия интересов опекуна и подопечного, которую действующее законодательство игнорирует, исходя из фиктивной презумпции их полного совпадения. Автором детально проанализированы пробелы правового регулирования, в частности отсутствие четкого механизма разрешения конфликта интересов и замены законного представителя, а также формальный характер судебного контроля за его диспозитивными действиями. Рассматриваются иные системные проблемы, такие как смешение материально-правового и процессуального статуса опекуна, квазипредставительство со стороны стационарных учреждений и недостаточность гарантий личного участия недееспособного лица в процессе. На основе проведенного анализа сформулированы конкретные предложения по модернизации законодательства. Результаты исследования указывают на необходимость трансформации патерналистской модели опеки в сбалансированную систему гарантированного и контролируемого представительства, обеспечивающую реальный доступ к правосудию.

Ключевые слова: недееспособность, гражданская процессуальная дееспособность, законный представитель, опекун, попечитель, органы опеки и попечительства, гражданский процесс, судебная защита.

Цель исследования – установить особенности проблемных аспектов представительства интересов недееспособных лиц в гражданском процессе. Проблема исследования состоит в том, что институт представительства интересов недееспособных и ограниченно дееспособных лиц является краеугольным камнем системы гражданской юрисдикции, призванной обеспечить доступ к правосудию и восстановлению нарушенных прав для граждан, которые в силу психического расстройства не могут самостоятельно осуществлять свои процессуальные права и обязанности. Правовое регулирование данного института осуществляется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее – Закон об опеке). Однако, несмотря на детальную законодательную регламентацию, практическая реализация представительства в суде выявляет ряд системных проблем, которые ставят под угрозу достижение основной цели процесса – вынесение законного и обоснованного решения, полноценно защищающего права и интересы недееспособной стороны [3, 4].

Фундаментальной проблемой, пронизывающей весь институт законного представительства недееспособных, является потенциальная или реальная коллизия интересов опекуна (попечителя) и его подопечного. В соответствии со статьей 52 ГПК РФ права, свободы и законные интересы недееспособных граждан защищают в суде их законные представители. Аналогичная норма закреплена в статье 15 Закона об опеке, возлагающей на опекуна обязанность защищать права и интересы подопечного в суде. Однако законодатель исходит из презумпции полного совпадения интересов, что зачастую является не более чем юридической фикцией. На практике ситуации, когда интересы представителя и недееспособного лица вступают в противоречие, нередки. Это может касаться споров о возмещении вреда, причиненного подопечному действиями самого опекуна (например, при ненадлежащем исполнении обязанностей), жилищных споров, когда опекун проживает вместе с подопечным и его действия могут быть направлены на сохранение своего жилищного статуса в ущерб интересам представляемого, или споров о распоряжении имуществом подопечного. В подобных случаях опекун, будучи процессуальным представителем, оказывается в положении, когда он должен действовать против собственных интересов, что противоречит базовым психологическим и социальным установкам [1, 2].

ГПК РФ не содержит четкого механизма разрешения данной коллизии. Статья 52 предусматривает, что суд назначает адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у недееспособного. Однако ситуация, когда представитель есть, но его интересы противоречат интересам подопечного, нормативно не урегулирована. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» указал, что в случае противоречия интересов подопечного и опекуна орган опеки и попечительства обязан назначить временного представителя для участия в конкретном судебном процессе. Тем не менее, данное разъяснение носит ограниченный характер (только для алиментных споров) и не закреплено в процессуальном законе, что создает правовую неопределенность. Отсутствие императивной нормы, обязывающей суд при выявлении коллизии отстранять законного представителя от участия в деле и назначать независимого представителя (адвоката за счет средств бюджета), является существенным пробелом, нарушающим право недееспособного на эффективную судебную защиту.

Как отмечает в своем исследовании Попова А.В., другой проблемой является двойственная природа статуса опекуна. С одной стороны, он является субъектом материального права (осуществляет гражданско-правовые сделки от имени подопечного, управляет его имуществом), с другой – выступает в качестве процессуальной фигуры. Это приводит к смешению функций. Опекун, инициирующий процесс или выступающий в нем в качестве ответчика по спору, связанному с его собственными действиями (например, по иску о признании сделки недействительной), де-факто представляет в одном лице и себя, и противоположную сторону. Такая ситуация нарушает базовые принципы состязательности и равноправия сторон, закрепленные в статье 12 ГПК РФ [5].

Более того, законный представитель обладает всем объемом процессуальных прав стороны, включая право на заключение мирового соглашения, признание иска, отказ от иска. Реализация этих диспозитивных полномочий при отсутствии эффективного контроля может привести к существенному ущемлению имущественных прав недееспособного лица. Суд, согласно статье 52 ГПК РФ, рассматривает заявления законных представителей о распоряжении материальными правами подопечного. Однако судебная проверка часто носит формальный характер, поскольку суд лишен возможности выяснить истинную волю недееспособного лица и оценить мотивы представителя с позиции исключительной пользы для подопечного. Риск злоупотреблений и недобросовестных действий в этой сфере крайне высок.

На практике суды крайне редко по собственной инициативе ставят вопрос о наличии противоречий между интересами опекуна и подопечного. Такая коллизия признается лишь в очевидных случаях прямого спора между ними (например, иск подопечного к опекуну о возмещении вреда). Однако латентные конфликты, когда интересы опекуна объективно расходятся с интересами недееспособного, но не выражены в прямом противостоянии, остаются вне поля зрения. Например, при рассмотрении иска о выселении подопечного из жилого помещения, где также проживает опекун, последний, защищая жилищные права подопечного, де-факто защищает и собственное право на жилье. Мотивация для активной и эффективной защиты в таком процессе может быть высокой, но суд не исследует этот вопрос. Даже при очевидном конфликте механизм замены представителя работает с перебоями. Назначение адвоката за счет бюджета часто упирается в проблемы финансирования и несоординированность действий между судом и органами адвокатского сообщества, что приводит к затягиванию процесса[6].

Процессуальное законодательство не в полной мере учитывает специфику участия недееспособных лиц в судопроизводстве. Принцип состязательности, рассчитанный на активных и равных субъектов, оказывается дисфункционален, когда одна из сторон лишена возможности самостоятельно формировать свою правовую позицию. Законный представитель, даже действующий добросовестно, может не обладать необходимой квалификацией для ведения дела в суде. При этом обязанность суда по всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств дела (статья 12, 56 ГПК РФ) и его вспомогательная роль в сборе доказательств по делам данной категории не всегда реализуются в необходимой мере. Контроль за действиями законного представителя в процессе возложен на суд и отчасти на органы опеки и попечительства. Однако взаимодействие суда и органов опеки носит эпизодический характер. Органы опеки, привлекаемые к участию в деле в соответствии со статьей 47 ГПК РФ для дачи заключения, зачастую ограничиваются формальными отзывами, не вникая в существо процессуальных действий представителя. Не выработана эффективная процедура оперативного информирования органа опеки о возникновении в процессе коллизии интересов или о намерении представителя совершить распорядительное действие[8].

Баловнева, В.И. пишет о том, что отдельной проблемой является представительство лиц, признанных недееспособными, но помещенных в стационарные учреждения социального обслуживания. В соответствии со статьей 35 ГК РФ администрация такого учреждения является его опекуном. В случае возникновения спора с самим учреждением (например, о качестве оказания услуг, возмещении вреда) администрация становится процессуальным противником самой себя, что является абсолютно порочной конструкцией, блокирующей доступ к правосудию. Правоприменительная практика в подавляющем большинстве случаев строится на том, что воля и интересы подопечного полностью персонифицированы в его опекуне. Личное присутствие недееспособного в суде зачастую считается нецелесообразным или даже нежелательным. Между тем, многие лица, признанные недееспособными, сохраняют способность выражать простые предпочтения, симпатии или антипатии, иметь привязанность к месту жительства, определенным людям. Эти обстоятельства могут быть критически важны в жилищных, семейных делах, делах о помещении в учреждение. Невыяснение судом доступных форм волеизъявления (через психолога, социального работника, беседу в присутствии специалиста) делает решение технически законным, но несправедливым по существу, не учитывающим индивидуальность человека[9].

Нормативно-правовая база, регулирующая представительство недееспособных лиц в гражданском процессе, на первый взгляд представляется комплексной и детализированной. Ее образуют положения Гражданского кодекса РФ (ст. 29, 30, 35), определяющие основания и порядок установления опеки и попечительства, Гражданского процессуального кодекса РФ (ст. 37, 52), закрепляющие гражданскую процессуальную дееспособность и статус законного представителя,

а также Федеральный закон «Об опеке и попечительстве», конкретизирующий их права и обязанности. Однако системный анализ выявляет существенные коллизии и пробелы. Ключевая проблема заключается в рассогласовании материально-правового и процессуального статуса представителя. ГК РФ и Закон об опеке возлагают на опекуна обязанность действовать исключительно в интересах подопечного, но ГПК РФ, предоставляя ему все полномочия стороны процесса (включая диспозитивные права на отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения), не содержит адекватных гарантий против злоупотребления этими полномочиями. Процедура судебного утверждения таких действий, предусмотренная ч. 2 ст. 52 ГПК РФ, носит формальный характер, поскольку суд лишён эффективных инструментов для проверки истинной выгоды подопечного и не имеет доступа к информации, которой обладает только опекун. Более того, законодательство полностью игнорирует ситуацию конфликта интересов, не предусматривая механизма его разрешения, кроме общей отсылки к возможности назначения адвоката при отсутствии представителя, что неприменимо к случаю, когда представитель есть, но его интересы противоположны интересам недееспособного лица. Таким образом, законодательная конструкция исходит из идеализированной презумпции полного тождества воли и интересов опекуна и подопечного, что создаёт фундаментальную уязвимость всей системы защиты[10, 11].

Современная доктрина, основанная на положениях Конвенции о правах инвалидов (ратифицирована РФ в 2012 году), исходит из необходимости обеспечения максимального участия лиц с психическими расстройствами в решениях, затрагивающих их жизнь. Статья 284 ГПК РФ предписывает суду в ходе заседания по делу о признании лица недееспособным обеспечить участие самого гражданина. Однако в рамках других гражданских дел, где недееспособный выступает стороной (например, по жилищному или имущественному спору), его личное участие является правом, а не обязанностью, и зачастую не обеспечивается. Между тем, даже недееспособное лицо может иметь определенные, доступные для него способы выражения предпочтений, отношения к делу, которые должны быть учтены судом. Игнорирование этого аспекта делает процесс неполным, а решение – нелегитимным с точки зрения соблюдения прав человека.

Как подчеркивает Каюмова Н.А., центральной проблемой выступает неразрешенная законодателем коллизия интересов опекуна и подопечного, которая ставит под сомнение саму возможность эффективной и беспристрастной защиты в рамках существующей модели. Патерналистский подход, основанный на полном замещении воли, в условиях отсутствия действенных механизмов процессуального контроля создает риски формализации защиты и потенциальных злоупотреблений, нарушая принципы состязательности и равноправия сторон[12].

Для преодоления выявленных дисфункций необходима последовательная модернизация правового регулирования. Первостепенное значение имеет имплементация в ГПК РФ четкой процедуры разрешения конфликтов интересов, обязующей суд назначать независимого адвоката при отстранении законного представителя. Параллельно требуется существенное усиление судебного контроля за распорядительными действиями опекунов через обязательное заключение органов опеки и расширение доказательственных полномочий суда. В соответствии с современными стандартами прав человека необходимо законодательно закрепить гарантии личного участия недееспособного лица в процессе с использованием специальных процедур выяснения его мнения. Отдельного запрета требует порочная практика представительства подопечного администрацией стационарного учреждения в спорах против этого же учреждения.

Таким образом, вектор совершенствования лежит в трансформации института от патерналистской опеки к системе гарантированного и контролируемого представительства, основанной на балансе между независимой профессиональной защитой, эффективным судебным надзором и уважением автономии личности. Реализация указанных мер позволит обеспечить не только формальный, но и содержательный доступ к правосудию для наиболее уязвимой категории участников гражданского процесса.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.

4. Конвенция о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 7. – С. 45–67.

5. Попова А.В. Актуальные проблемы осуществления гражданских прав и обязанностей недееспособных и ограниченно дееспособных граждан опекунами и попечителями // Цифровая наука. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-osuschestvleniya-grazhdanskih-prav-i-obyazannostey-nedeeposobnyh-i-ogranichenno-deeposobnyh-grazhdan-opekunami> (дата обращения: 26.12.2025).

6. Шогенова, М.Х. Проблемы обеспечения прав недееспособных лиц в гражданском праве и процессе / М.Х. Шогенова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 1 (343). – С. 118–121. – URL: <https://moluch.ru/archive/343/77246>.

7. Маврин М. Г., Ананьева Е.О. Актуальные проблемы и вопросы судебного представительства по гражданским делам // Научный Лидер. 2023. № 7 (105). URL: <https://scilead.ru/article/4042-aktualnie-problemi-i-voprosi-sudebnogo-predst>.

8. Выродова А.Ю. Проблемы процессуального статуса представителя в гражданском процессе // Актуальные исследования. 2024. № 17 (199). Ч. II. С. 10–12. URL: <https://apni.ru/article/9100-problemy-processualnogo-statusa-predstavitelya-v-grazhdanskom-processe>.

9. Баловнева, В.И. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве: проблемы и пути решения / В.И. Баловнева, Д.О. Баловнев. // Право: история, теория, практика: материалы IV Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2016. – С. 53–55.

10. Борисова А.К. Проблемы реализации имущественных прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан // Вестник науки № 9 (66) том 1. С. 53–58. 2023 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/9897> (дата обращения: 26.12.2025 г.)

11. Бахмутов А.В. Проблемы реализации гражданских прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-grazhdanskih-prav-nedeeposobnyh-i-ogranichenno-deeposobnyh-grazhdan> (дата обращения: 26.12.2025).

12. Каюмова Н.А. Дееспособность граждан в свете изменений гражданского кодекса Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deeposobnost-grazhdan-v-svete-izmeneniy-grazhdanskogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 26.12.2025).

PROBLEMATIC ASPECTS OF REPRESENTING THE INTERESTS OF INCAPACITATED PERSONS IN CIVIL PROCEEDINGS

Kostolomov A.S.

Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the study of problematic aspects of the institution of legal representation of legally incompetent and legally disabled persons in Russian civil proceedings. The purpose of the work is to establish the features and systemic contradictions that arise in law enforcement practice in the implementation of this institution, regulated by the norms of the Civil Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Guardianship and Trusteeship." The main problem of the study is the fundamental conflict of interests between the guardian and the ward, which the current legislation ignores, based on the fictitious presumption of their complete coincidence. The author analyzes in detail the gaps in legal regulation, in particular, the lack of a clear mechanism for resolving conflicts of interest and replacing a legal representative, as well as the formal nature of judicial control over his dispositive actions. Other systemic problems are being considered, such as the confusion of the guardian's substantive and procedural status, quasi-representation by inpatient facilities, and insufficient guarantees for the personal participation of an incapacitated person in the process. Based on the analysis, specific proposals for the modernization of legislation have been formulated. The results of the study indicate the need to transform the paternalistic guardianship model into a balanced system of guaranteed and supervised representation that ensures real access to justice.

Keywords: incapacity, civil procedural capacity, legal representative, guardian, trustee, guardianship and guardianship authorities, civil procedure, judicial protection.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on February 24, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 25, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.

3. Federal Law of April 24, 2008 No. 48-FZ (as amended on July 14, 2022) "On Guardianship and Trusteeship" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2008. – No. 17. – Art. 1755.

4. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (concluded in New York on 13.12.2006) // Bulletin of International Treaties. – 2013. – No. 7. – Pp. 45–67.

5. Popova A.V. Topical issues of implementation of civil rights and responsibilities of incapacitated and particularly capacitated citizens by guardians and trustees // Digital Science. 2020. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-osuschestvleniya-grazhdanskih-prav-i-obyazannostey-nedeeposobnyh-i-ogranichenno-deeposobnyh-grazhdan-opekunami> (Accessed: 26.12.2025).

6. Shogenova, M. Kh. Problems of Ensuring the Rights of Incapacitated Persons in Civil Law and Procedure / M. Kh. Shogenova. – Text: direct // Young scientist. – 2021. – No. 1 (343). – Pp. 118–121. – URL: <https://moluch.ru/archive/343/77246>.

7. Mavrin M. G., Ananyeva E.O. Topical problems and issues of court representation in civil cases // Scientific Leader. 2023. No. 7 (105). URL: <https://scilead.ru/article/4042-aktualnie-problemi-i-voprosi-sudebnogo-predst>.

8. Vyrodova A. Yu. Problems of the procedural status of a representative in civil proceedings // Current research. 2024. No. 17 (199). Part II. Pp. 10–12. URL: <https://apni.ru/article/9100-problemy-processualnogo-statusa-predstavitelya-v-grazhdanskom-processe>.

9. Balovneva, V.I. Problems of representation in civil proceedings: problems and solutions / V.I. Balovneva, D.O. Balovnev. // Law: history, theory, practice: materials of the IV International scientific conference (St. Petersburg, July 2016). – St. Petersburg: Svoyn Publishing House, 2016. – P. 53–55.

10. Borisova A.K. Problems of implementing the property rights of incapacitated and particularly capable citizens // Science Bulletin. No. 9 (66), Vol. 1, Pp. 53–58. 2023. ISSN 2712-8849 // Electronic resource: <https://www.vestnik-nauki.ru/article/9897> (accessed: 26.12.2025)

11. Bakhmutov, A.V. Problems of Implementing the Civil Rights of Incapacitated and Partially Capacitated Citizens // Gaps in Russian Legislation. 2009. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-grazhdanskih-prav-nedeeposobnyh-i-ogranichenno-deeposobnyh-grazhdan> (date of access: 26.12.2025).

12. Kayumova N.A. Legal capacity of citizens in light of amendments to the Civil Code of the Russian Federation // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deeposobnost-grazhdan-v-svete-izmeneniy-grazhdanskogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 26.12.2025).

Трасты, корпорации и партнерства: организационно-правовые инструменты управления недвижимостью в системе общего права

Саяпина Татьяна Сергеевна,

преподаватель кафедры гражданского права
и предпринимательского права Одцовского филиала
МГИМО МИД России; старший преподаватель кафедры
конституционного и гражданского права Государственного
университета просвещения
E-mail: tatiana-communicate@yandex.ru

Статья посвящена сравнительному анализу ключевых организационно-правовых форм управления недвижимостью в системе общего права (траст, корпорация, партнерство). Актуальность исследования обусловлена потребностями глобального рынка капитала в гибких, эффективных и сложноструктурных инструментах владения, распоряжения и инвестирования в недвижимые активы. На основе компаративного метода и анализа научной литературы выявлены доктринальные и исторические основания уникальности конструкций управления недвижимостью в странах общего права, в частности, концепции «расщепления» права собственности на отдельные титулы, что позволяет создавать многоуровневые модели разделения управления, рисков и выгоды. В работе последовательно рассмотрены сущностные характеристики траста, корпоративных форм и партнерств, определены их сравнительные преимущества, сферы применения и тенденции развития в контексте современных вызовов: интернационализации, цифровизации, токенизации, а также необходимости взаимодействия с государством в рамках публично-частного партнерства. Сделан вывод о том, что конкурентное преимущество юрисдикций общего права в сфере управления недвижимостью базируется на экосистеме взаимодополняющих инструментов, доктринальной гибкости и возможности их бесконечной комбинаторики для решения конкретных практических задач.

Ключевые слова: управление недвижимостью, общее право, траст, корпорация, партнерство, расщепление права собственности, компания с ограниченной ответственностью.

Система общего права предлагает диверсифицированный и исторически сложившийся набор организационно-правовых форм, каждая из которых представляет собой уникальный инструмент для владения, управления и распоряжения недвижимыми активами. В отличие от континентальной традиции с ее акцентом на едином и неделимом праве собственности, общее право развивалось через прецеденты и практические решения конкретных задач, что породило более гибкие и функциональные конструкции. Управление недвижимостью, требующее сочетания долгосрочного планирования, эффективного администрирования, привлечения капитала и минимизации рисков, служит идеальной сферой для применения и развития этих инструментов.

Л.Ю. Дементьева и О.А. Шубина верно отмечают, что для стран континентальной (романо-германской) правовой семьи конструкция траста является концептуально чужеродной в силу ее глубинного противоречия таким фундаментальным основам, как унитарная и неделимая конструкция права собственности, исчерпывающий перечень вещных прав («numerus clausus») и неограниченная свобода собственника распоряжаться своим имуществом [1, с. 143]. Попытки имплементации аналогов траста, будь то российское доверительное управление имуществом, французская модель «fiducie» или немецкая модель «Treuhand», неизбежно приводят к созданию конструкций, имеющих сугубо обязательственную, а не вещно-правовую природу, где управляющий не приобретает титула собственности, а действует на основании договора. Этот континентальный правовой императив, как справедливо заключают вышеназванные исследователи, делает невозможным полноценное «расщепление» права собственности на юридический и бенефициарный титулы, что является сущностным ядром классического траста. Данный концептуальный барьер лишь подчеркивает уникальность и гибкость инструментария общего права, развивавшегося в иной доктринальной парадигме.

Центральное место в англосаксонской системе занимает траст – институт, не имеющий прямых аналогов в романо-германской семье. Его фундаментальный принцип – разделение юридического титула, принадлежащего доверительному управляющему («trustee»), и права на выгоду («equitable title»), принадлежащего бенефициару, – представляет собой классическую сложноструктурную модель, где правомочия владения, управления и распоряжения отделены от правомочия пользования и получения плодов. Е.Д. Тягай справедливо отмечает, что это разделение, исторически восходящее к различию между судами общего права и права справедливости, создает мощный механизм для отделения функций управления от права на доход, что было бы концептуально затруднительно в системе, исходящей из принципа единства права собственности [4, с. 28–29].

Кроме того, по мнению Е.Д. Тягай, данная диверсификация форм владения и управления стала возможной благодаря фундаментальной доктрине общего права, признающей сложноструктурные модели права собственности, в рамках которых единое право не является неделимым, но может быть «расщеплено» на отдельные титулы и правопритязания, принадлежащие разным лицам одновременно или последовательно во времени. Эта концепция, коренящаяся в феодальной системе землевладения и теории имущественных титулов («estates»), радикально отличается от континентального подхода с его акцентом на едином и абстрактном праве собственности. Она создает правовую почву для гибкого моделирования имущественных интересов, где различные комбинации фригильдных и нефригильдных титулов, настоящих прав («present estates») и будущих интересов («future interests») образуют комплексные режимы, адаптируемые под конкретные экономические и социальные задачи [4, с. 26–27].

М.Н. Семякин, А.В. Губарева и С.П. Степкин верно отмечают, что феномен «расщепления» (энтропии) права собственности, при котором единое право «дробится» на отдельные правомочия и титулы, является объективной тенденцией, обусловленной экономическими потребностями повышения эффективности использования имущества [3, с. 157–158]. Однако если в англосаксонской системе это привело к легитимации сложноструктурных моделей вроде траста, то в континентальной традиции (включая российскую) ответом стал принцип «numerus clausus» – закрытый перечень санкционированных государством вещных прав. Этот принцип, как подчеркивают авторы, направ-

лен на борьбу с энтропией и обеспечение стабильности оборота путем стандартизации ограниченных вещных прав, что концептуально противоречит допущению свободного создания частными лицами «нетипичных» вещных конструкций, подобных трасту.

Параллельно с трастом существуют и активно используются корпоративные формы, прежде всего компании с ограниченной ответственностью, а также различные модели партнерств – от полных товариществ до современных товариществ с ограниченной ответственностью («LLP», «LLC»). Каждая из этих форм обладает собственным балансом контроля, ответственности, налоговых последствий и гибкости управления, что позволяет участникам рынка подбирать оптимальную структуру под конкретный проект – будь то строительство коммерческого центра, управление жилым фондом или создание инвестиционного фонда недвижимости.

В этой связи актуальность исследования заключается именно в комплексном анализе того, как эти классические и современные инструменты общего права взаимодействуют и конкурируют в сфере управления недвижимостью. Необходимо выявить их сравнительные преимущества, тенденции развития и те доктринальные корректировки, которые происходят под влиянием требований глобального рынка капитала, сложных налоговых режимов и растущего объема регулирования.

Итак, на сегодняшний день, траст, как системообразующий институт права справедливости («equity»), представляет собой наиболее характерный для общего права инструмент управления активами. А.Э. Колиева верно отмечает, что сущность траста как фидуциарной конструкции радикально отличается от моделей континентального права. Если в романо-германской системе фидуциарные отношения развивались в рамках института представительства и договорных обязательств (поручение, комиссия), то англосаксонский траст оформился как уникальная историческая конструкция «доверительной собственности» («trust») [2, с. 80].

Ее уникальность заключается не в «расщеплении» единого права собственности на правомочия, а в концептуальном разделении юридического титула («legal ownership») у доверительного управляющего («trustee») и имущественного интереса (выгоды) у бенефициара. В результате лицо, лишенное собственного интереса в имуществе, получает правомочия по его управлению и распоряжению, обязуясь действовать исключительно в интересах другого лица. Таким образом, траст представляет собой не право, а «правообязанность», что делает его прямым воплощением фидуциарного (доверительного) начала в его наиболее чистой форме.

Его сущность заключается в фидуциарных отношениях, где учредитель («settlor») передает активы доверительному управляющему, который обязан управлять ими исключительно в интересах бенефициаров или для достижения определенных целей. В контексте недвижимости это позволяет отделить профессиональное управление, возложенное на корпоративного или профессионального доверительного управляющего, от прав на получение доходов и конечное распределение актива.

Такое разделение правомочий предоставляет уникальные возможности. Во-первых, траст является мощным инструментом преемственности и планирования недвижимости («estate planning»), позволяя избежать процедуры завещания («probate») и обеспечить конфиденциальную передачу активов наследникам на заранее определенных условиях. Во-вторых, трасты, особенно безотзывные, могут обеспечивать защиту активов от потенциальных кредиторов учредителя или бенефициаров, поскольку юридическое право собственности принадлежит доверительному управляющему. В-третьих, трастовая форма идеально подходит для пулинга капитала множества инвесторов, что является основой для создания коллективных инвестиционных схем, таких как паевые трасты недвижимости («Real Estate Investment Trusts» – «REITs»).

При этом траст налагает на доверительного управляющего строгие фидуциарные обязанности: обязанности лояльности («duty of loyalty»), исключительной работы в интересах бенефициаров, и обязанности заботы («duty of care»), требующей от него действий разумного и добросовестного управляющего. Нарушение этих обязанностей влечет персональную ответственность доверительного управляющего. Для управления коммерческой недвижимостью часто создаются трасты с четким инвестиционным мандатом, где полномочия доверительного управляющего детально определены в трастовом договоре, что ограничивает его усмотрение, но повышает предсказуемость для инвесторов-бенефициаров.

Корпорация, в особенности компания с ограниченной ответственностью («limited liability company»), выступает в качестве основного субъекта для операционной деятельности и прямого владения недви-

жими активами. Ее ключевое преимущество – это ограниченная ответственность акционеров: их риски ограничены размером вклада в уставный капитал, что критически важно для рискованных проектов в сфере недвижимости. Активы юридически принадлежат компании как самостоятельному лицу, а не ее участникам.

Корпоративная форма обеспечивает централизованное управление через совет директоров и наемных менеджеров, что способствует профессионализации. Она также обладает значительной гибкостью в привлечении капитала через выпуск различных классов акций или облигаций. Однако корпорация подвержена двойному налогообложению на уровне компании и акционеров, хотя многие юрисдикции создали специальные режимы для инвестиционных компаний в недвижимости («REITs»), позволяющие избежать этого при распределении большей части доходов акционерам.

Как верно обращает внимание Д.Р. Царпкина, современные государства все чаще распределяют исполнение публичных функций между негосударственными субъектами, формируя архитектуру распределенных компетенций при сохраняющемся публичном контроле [5, с. 45]. Активы юридически принадлежат компании как самостоятельному лицу, а не ее участникам, что соответствует выявленной в зарубежном опыте модели публичных корпораций, где специальные юридические лица выполняют задачи публичного характера на рыночных началах.

Корпоративная форма обеспечивает централизованное управление через совет директоров и наемных менеджеров, что способствует профессионализации и создает предпосылки для «встроенного» режима подотчетности, основанного на корпоративных процедурах. Она также обладает значительной гибкостью в привлечении капитала через выпуск различных классов акций или облигаций, что особенно значимо для капиталоемких инфраструктурных проектов.

Однако, как показывает систематизация зарубежного опыта, эффективное взаимодействие государства с такими корпоративными структурами требует обеспечения жесткой публичной подотчетности через статутную определенность делегируемых функций, обязательный внешний аудит, публичную отчетность и прозрачность раскрытия информации. Корпорация подвержена двойному налогообложению на уровне компании и акционеров, хотя многие юрисдикции создали специальные режимы для инвестиционных компаний в недвижимости («REITs»), позволяющие избежать этого при распределении большей части доходов акционерам. При этом, в соответствии с выводами исследования, критически важным условием правомерности делегирования является наличие антикоррупционных гарантий и четкого режима ответственности юридических лиц, что в полной мере применимо и к корпорациям, действующим в сфере управления недвижимостью.

С.Г. Стерник, Н.Б. Сафронова, Д.К. Гаценко, А.А. Лебедева справедливо отмечают, что реализация масштабных проектов в сфере недвижимости, в особенности в формате комплексного развития территорий (КРТ), сталкивается с необходимостью поиска эффективных моделей взаимодействия государства и частного бизнеса. По мнению данных ученых, в части российского опыта, несмотря на созданную федеральную законодательную базу, региональная вовлеченность в программы КРТ остается неравномерной, а для девелоперов сохраняются значительные риски и административные барьеры [6, с. 10]. В этом контексте организационно-правовые формы, такие как корпорации и партнерства, выступают не только инструментами владения активами, но и потенциальными субъектами публично-частного партнерства (ГЧП) при реализации инфраструктурных и социально-значимых проектов КРТ. Зарубежный опыт (Великобритания, Германия, США) демонстрирует, что успешное применение моделей ГЧП требует четкого распределения рисков между государством и бизнесом, наличия специализированных поддерживающих институтов, а также гарантий со стороны государства как собственника инфраструктурных объектов. Следовательно, для повышения инвестиционной привлекательности комплексных проектов в сфере недвижимости необходимо дальнейшее развитие гибридных правовых форм и контрактных моделей, которые бы сочетали гибкость частного права с долгосрочными публичными гарантиями и контролем.

Однако, как показывает систематизация зарубежного опыта, эффективное взаимодействие государства с такими корпоративными структурами требует обеспечения жесткой публичной подотчетности через статутную определенность делегируемых функций, обязательный внешний аудит, публичную отчетность и прозрачность раскрытия информации. Корпорация подвержена двойному налогообложению на уровне компании и акционеров, хотя многие юрисдикции создали специальные режимы для инвестиционных компаний в недвижимости («REITs»), позволяющие избежать этого при распределении большей части доходов акционерам. При этом, в соответствии с выводами ис-

следования, критически важным условием правомерности делегирования является наличие антикоррупционных гарантий и четкого режима ответственности юридических лиц, что в полной мере применимо и к корпорациям, действующим в сфере управления недвижимостью.

Партнерства, как традиционные («general partnerships»), так и современные гибридные формы, заполняют нишу между трастом и корпорацией. Полное товарищество, основанное на лично-доверительных отношениях («fiduciary relations» между партнерами), предполагает неограниченную солидарную ответственность всех участников по долгам партнерства. Это делает его рискованным для крупных проектов, но удобным для небольших, закрытых групп инвесторов, стремящихся к прямому контролю и сквозному налогообложению (доходы и убытки проходят напрямую на партнеров).

Ответом на потребность в ограничении ответственности стало появление товариществ с ограниченной ответственностью («Limited Liability Partnership» — «LLP» и, в особенности, «Limited Liability Company» — «LLC» в ее партнерской интерпретации). «LLC», ставшая доминирующей формой для многих проектов в сфере недвижимости в США, сочетает сквозное налогообложение партнерства с ограниченной ответственностью членов, подобно корпорации. Управление в «LLC» регулируется гибким операционным соглашением, которое может быть настроено практически под любые нужды, определяя доли в прибыли, права голоса и процедуры принятия решений.

Конкуренция и синергия между этими формами приводят к созданию многоуровневых структур. Типичная схема для крупного инвестиционного проекта может включать корпорацию или «LLC» в качестве оператора и прямого владельца актива, траст в качестве холдинговой структуры для владения долями в этой компании (обеспечивая преемственность и защиту активов), а также партнерство (например, «LLC») на уровне инвесторов для объединения их капитала. Такое структурирование позволяет эффективно разделять риски, привлекать различные классы инвесторов и оптимизировать налоговые последствия.

«REITs» служат ярким примером конвергенции этих инструментов. По своей экономической сути это инвестиционные фонды недвижимости: они могут быть созданы как трасты (что исторически чаще), так и корпорации. Законодательство предъявляет к ним строгие требования по структуре активов (преимущественно недвижимость) и распределению доходов, но взамен предоставляет существенные налоговые льготы. Это делает «REITs» идеальным инструментом для вывода капитала на биржу и привлечения средств массового инвестора в сектор недвижимости.

Фидуциарные обязанности остаются общим сквозным элементом, связывающим все эти формы, но их содержание и адресат различаются. В трасте они лежат на доверительном управляющем перед бенефициарами; в корпорации — на директорах и офицерах перед компанией и ее акционерами; в партнерстве — на партнерах друг перед другом. Это создает сложную сеть ответственности, которая защищает интересы инвесторов и обеспечивает стандарты управления.

Партнерства, как традиционные («general partnerships»), так и современные гибридные формы, заполняют нишу между трастом и корпорацией. Полное товарищество, основанное на лично-доверительных отношениях («fiduciary relations» между партнерами), предполагает неограниченную солидарную ответственность всех участников по долгам партнерства. Это делает его рискованным для крупных проектов, но удобным для небольших, закрытых групп инвесторов, стремящихся к прямому контролю и сквозному налогообложению (доходы и убытки проходят напрямую на партнеров).

Ответом на потребность в ограничении ответственности стало появление товариществ с ограниченной ответственностью («Limited Liability Partnership» — «LLP» и, в особенности, «Limited Liability Company» — «LLC» в ее партнерской интерпретации). «LLC», ставшая доминирующей формой для многих проектов в сфере недвижимости в США, сочетает сквозное налогообложение партнерства с ограниченной ответственностью членов, подобно корпорации. Управление в «LLC» регулируется гибким операционным соглашением, которое может быть настроено практически под любые нужды, определяя доли в прибыли, права голоса и процедуры принятия решений.

Конкуренция и синергия между этими формами приводят к созданию многоуровневых структур. Типичная схема для крупного инвестиционного проекта может включать корпорацию или «LLC» в качестве оператора и прямого владельца актива, траст в качестве холдинговой структуры для владения долями в этой компании (обеспечивая преемственность и защиту активов), а также партнерство (например, «LLC») на уровне инвесторов для объединения их капитала. Такое структурирование позволяет эффективно разделять риски, привлекать различные классы инвесторов и оптимизировать налоговые последствия.

«REITs» служат ярким примером конвергенции этих инструментов. По своей экономической сути это инвестиционные фонды недвижимости, но их организационно-правовая форма может варьироваться: они могут быть созданы как трасты (что исторически чаще), так и корпорации. Законодательство предъявляет к ним строгие требования по структуре активов (преимущественно недвижимость) и распределению доходов, но взамен предоставляет существенные налоговые льготы. Это делает «REITs» идеальным инструментом для вывода капитала на биржу и привлечения средств массового инвестора в сектор недвижимости.

Фидуциарные обязанности остаются общим сквозным элементом, связывающим все эти формы, но их содержание и адресат различаются. В трасте они лежат на доверительном управляющем перед бенефициарами; в корпорации — на директорах и офицерах перед компанией и ее акционерами; в партнерстве — на партнерах друг перед другом. Это создает сложную сеть ответственности, которая защищает интересы инвесторов и обеспечивает стандарты управления.

Важнейшим современным трендом является интернационализация структур управления. Трасты и компании офшорных юрисдикций (например, Британские Виргинские острова, Каймановы острова, Джерси) активно используются для владения транснациональными портфелями недвижимости. Это позволяет использовать преимущества благоприятного регулирования, но также порождает вопросы о соблюдении налогового и антиотмывочного законодательства стран, где расположены сами активы. Развитие технологий также влияет на данные инструменты. Внедрение цифровых платформ для управления активами, использование токенизации прав собственности (где доля в трасте или «LLC» может быть представлена цифровым токеном) начинают тестировать границы традиционных правовых концепций. Однако базовые принципы фидуциарных обязанностей, разделения прав и ограниченной ответственности остаются неизменным фундаментом.

А.О. Безруков, М.В. Мамонов, М.А. Сучков, А.А. Сушенцов справедливо отмечают, что в XXI веке технологический суверенитет становится необходимым условием суверенитета политического, а ключевой инфраструктурой будущего выступают цифровые экосистемы и данные, контроль над которыми определяет геэкономическое влияние [7]. В контексте управления недвижимостью эта логика находит свое прямое отражение. Цифровая трансформация сектора, выражающаяся во внедрении платформ для управления активами, технологий «умного» города («smart city») и интернета вещей («IoT»), а также в пилотных проектах по токенизации прав собственности, принципиально меняет природу актива. Недвижимость все чаще становится не просто физическим объектом, но и узлом в цифровой сети, генерирующим и потребляющим данные, что резко повышает ее стратегическую значимость. В этих условиях выбор организационно-правовой формы для владения и управления таким активом становится не только вопросом гражданско-правовой оптимизации, но и элементом обеспечения национально-экономической устойчивости.

Таким образом, система общего права предлагает не набор жестких предписаний, а конструктор из взаимодополняющих инструментов. Выбор между трастом, корпорацией и партнерством определяется конкретными целями: акцент на защите активов и преемственности склоняет чашу весов в сторону траста; необходимость ограничения ответственности и привлечения институционального капитала — в сторону корпорации или «LLC»; потребность в гибкости управления и сквозном налогообложении для закрытой группы — в сторону партнерства.

Проведенный анализ демонстрирует, что организационно-правовые инструменты общего права — трасты, корпорации и партнерства — образуют высокоадаптивную экосистему, доктринальной основой которой служит развитая система сложноструктурных моделей права собственности. Как верно обращает внимание Е.Д. Тягай, их эволюция была движима практическими потребностями рынка и стала возможной благодаря присущей общему праву гибкости в конструировании вещных титулов, включая возможность их темпорального разделения на настоящие права и будущие интересы [4, с. 30–31]. Эта система, основанная на принципе «numerus clausus» (закрытого перечня) вещных прав, обеспечивает одновременно стабильность базовых конструкций и почти безграничные возможности для их комбинаторики в рамках договорных отношений. Именно данное свойство позволяет создавать многоуровневые схемы владения, эффективно разделяя риски, управление и выгоду, что составляет ключевое конкурентное преимущество юрисдикций общего права в сфере управления сложными недвижимыми активами.

Траст, с его фундаментальным разделением юридического и бенефициарного титула, остается уникальным и наиболее мощным инструментом для решения задач, выходящих за рамки простой коммерческой операции, — таких как планирование преемственности, защита

активов и создание долгосрочных инвестиционных пулов. Его фидуциарная природа устанавливает высокий стандарт поведения для управляющих, что является ключевым элементом доверия в отношениях с бенефициарами.

Корпоративные формы и современные гибриды, такие как «LLC», стали ключевой операционной и инвестиционной формой, предлагая идеальный баланс ограниченной ответственности, гибкости управления и потенциала для роста. Их способность привлекать институциональный капитал и выходить на публичные рынки через структуры типа «REITs» трансформировала рынок недвижимости, сделав его доступным для широкого круга инвесторов.

Перспективы развития связаны с дальнейшей интернационализацией, усилением регулирования в области прозрачности бенефициарных владельцев и противодействия отмыванию денег, а также с интеграцией новых технологий. Токенизация и цифровые реестры могут изменить способ учета и передачи долей в трастах и партнерствах, но вряд ли отменят лежащие в их основе правовые принципы фидуциарных отношений и разделения прав.

В конечном счете, сила системы общего права в данной сфере заключается не в монополии одной формы, а в наличии выбора и возможности их комбинирования. Это обеспечивает устойчивость и конкурентоспособность юрисдикций общего права, предлагающих инвесторам и владельцам недвижимости инструментарий, способный воплотить практически любую коммерческую или личную цель, связанную с управлением недвижимыми активами.

Литература

1. Дементьева, Л.Ю. Анализ институтов, аналогичных институту траста, в законодательстве Российской Федерации / Л.Ю. Дементьева, О.А. Шубина // Научные исследования в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития: Сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Уфа, 05 ноября 2021 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2021. – С. 142–146. – EDN PDUULG.
2. Колиева, А.Э. Зарубежные модели фидуциарных правоотношений / А.Э. Колиева // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6, № 10А. – С. 77–86. – EDN YFOEBV.
3. Семякин, М.Н. Энтропия собственности в западной и российской правовой доктрине и практике / М.Н. Семякин, А.В. Губарева, С.П. Стелкин // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 156–172. – DOI 10.52468/2542–1514.2021.5(1).156–172. – EDN JJQAOK.
4. Тягай, Е.Д. Право собственности на недвижимость в США: Сложноструктурные модели / Е.Д. Тягай. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2014. – 200 с. – ISBN 978-5-392-13581-3. – EDN MMTMTW.
5. Царапкина, Д.Р. Делегирование государством властных полномочий коммерческим и некоммерческим организациям: систематизация зарубежного опыта / Д.Р. Царапкина // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 6–1. – С. 42–51. – EDN LCKEAA.
6. Prospects of the public-private partnership on integrated development of areas in regions / S.G. Sternik, N.B. Safronova, D.K. Gatsenko,

A.A. Lebedeva // Real Estate: Economics, Management. – 2022. – No. 4. – P. 6–11. – EDN BCFQLS.

7. Sovereignty and Digital / A.O. Bezrukov, M.V. Mamonov, M.A. Suchkov, A.A. Sushentsov // Russia v global'noj politike. – 2021. – Vol. 19, No. 2(108). – DOI 10.31278/1810–6439–2021–19–2–106–119. – EDN OAFSTP.

TRUSTS, CORPORATIONS, AND PARTNERSHIPS: ORGANIZATIONAL AND LEGAL INSTRUMENTS FOR MANAGING REAL ESTATE IN THE COMMON LAW SYSTEM

Sayapina T.S.

Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, State University of Education

This article provides a comparative analysis of key legal forms of real estate management in common law jurisdictions (trusts, corporations, and partnerships). The relevance of this study stems from the global capital market's need for flexible, efficient, and complex instruments for owning, managing, and investing in real estate assets. Using a comparative method and an analysis of scientific literature, this article identifies the doctrinal and historical foundations for the unique nature of real estate management structures in common law jurisdictions, particularly the concept of "splitting" ownership into separate titles, which allows for the creation of multi-layered models for separating control, risks, and benefits. The article examines the essential characteristics of trusts, corporate forms, and partnerships, identifying their comparative advantages, areas of application, and development trends in the context of contemporary challenges: internationalization, digitalization, tokenization, and the need for interaction with the state through public-private partnerships. It is concluded that the competitive advantage of common law jurisdictions in the field of real estate management is based on an ecosystem of complementary instruments, doctrinal flexibility and the possibility of their endless combinatorics to solve specific practical problems.

Keywords: estate management, common law, trust, corporation, partnership, split ownership, limited liability company.

References

1. Dementeva, L. Yu. Analysis of institutions similar to the trust institution in the legislation of the Russian Federation / L. Yu. Dementeva, O.A. Shubina // Scientific research in the modern world: experience, problems and development prospects: Collection of scientific articles based on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Ufa, November 5, 2021. – Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Bulletin of Science", 2021. – Pp. 142–146. – EDN PDUULG.
2. Kolieva, A.E. Foreign Models of Fiduciary Relationships / A.E. Kolieva // Issues of Russian and International Law. – 2016. – Vol. 6, No. 10A. – Pp. 77–86. – EDN YFOEBV.
3. Semyakin, M.N. Entropy of Ownership in Western and Russian Legal Doctrine and Practice / M.N. Semyakin, A.V. Gubareva, S.P. Stepkin // Law Enforcement. – 2021. – Vol. 5, No. 1. – Pp. 156–172. – DOI 10.52468/2542–1514.2021.5(1).156–172. – EDN JJQAOK.
4. Tyagay, E.D. Real Estate Ownership in the USA: Complex Structural Models / E.D. Tyagay. – Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2014. – 200 p. – ISBN 978-5-392-13581-3. – EDN MMTMTW.
5. Tsarapkina, D.R. Delegation of Authority by the State to Commercial and Non-Commercial Organizations: Systematization of Foreign Experience / D.R. Tsarapkina // Issues of Russian and International Law. – 2025. – Vol. 15, No. 6–1. – Pp. 42–51. – EDN LCKEAA.
6. Prospects of the public-private partnership on integrated development of areas in regions / S.G. Sternik, N.B. Safronova, D.K. Gatsenko, A.A. Lebedeva // Real Estate: Economics, Management. – 2022. – No. 4. – P. 6–11. – EDN BCFQLS.
7. Sovereignty and Digital / A.O. Bezrukov, M.V. Mamonov, M.A. Suchkov, A.A. Sushentsov // Russia v global'noj politike. – 2021. – Vol. 19, No. 2(108). – DOI 10.31278/1810–6439–2021–19–2–106–119. – EDN OAFSTP.

Морозова Галина Михайловна,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра конкурентного права и антимонопольного регулирования, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

E-mail: morozova_gm@usue.ru,

Шайбакова Людмила Фаритовна,

доктор экономических наук, профессор, кафедра конкурентного права и антимонопольного регулирования, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

E-mail: econlaw@mail.ru

В статье рассматривается договор аренды как один из видов договора по передаче имущества в пользование. На основе теоретико-правового анализа взглядов ученых-исследователей, уточнено понятие «договор аренды», выявлены его основные признаки, особенности, сущность и содержание. Отмечена необходимость осуществления экономического анализа договоров аренды, определена его информационная база и направления.

Ключевые слова: Аренда, договор аренды, экономический анализ договора аренды.

Введение

В современных условиях договор аренды является важным инструментом регулирования правоотношений в обществе, который позволяет арендаторам использовать имущественные объекты без приобретения в собственность, а арендодателям – получать инвестиционный доход.

Аренда имущества выгодна арендодателю, так как он имеет возможность получать стабильный пассивный доход, корректировать стоимость аренды в зависимости от ряда факторов (сезона, экономической обстановки и др.).

Аренда имеет ряд преимуществ для арендатора: экономия средств (арендные платежи ниже, чем стоимость покупки), пластичность (изменение условий аренды при меняющейся рыночной ситуации), отсутствие расходов на обслуживание и ремонт (эти обязательства берет на себя арендодатель), выбор (подбор наиболее подходящего имущества из широкого спектра доступных вариантов), налоговые преимущества (арендатор может списывать арендные платежи в качестве расходов).

Договор аренды играет важную роль в хозяйственной деятельности, позволяя результативно эксплуатировать имущество без необходимости его приобретения в собственность.

В современных условиях договор аренды используется в различных сферах хозяйственной деятельности, например в строительстве, торговле, промышленности и др.

Договор аренды обеспечивает четкость, стабильность и защиту прав и интересов арендодателя и арендатора в процессе аренды.

Тема исследования актуальна, так как договор аренды был и остается популярной формой регламентации экономических отношений в сфере найма недвижимости и организации производственно-экономического процесса. В настоящее время существуют теоретико-правовые проблемы договора аренды, например, неопределенность объекта аренды. То есть законодателем не установлена полная опись индивидуальных признаков объекта аренды, что ведет к заключению договоров с неясными условиями, а значит к признанию их незаключенными [12].

Еще одним аргументом, подтверждающим актуальность темы исследования, является учащение судебных споров, в результате заключения, исполнения и прекращения договора аренды.

Из этого следует, что во избежание негативных последствий, возникла необходимость уточнения некоторых теоретико-правовых аспектов и экономического анализа договоров аренды.

Цель исследования

Исследование договора аренды как разновидности договора по передаче имущества в пользование. Уточнение понятия «договор аренды», выявление его признаков, особенностей, сущности и содержания. Определение информационной базы и направлений экономического анализа договора аренды.

Результаты исследования и их обсуждение

Обязательства по передаче имущества в пользование означают переход имущественного объекта от собственника другому лицу на определенное время без смены права собственности. По истечении срока договора имущество возвращается собственнику.

Договоры по передаче имущества в пользование имеют следующие особенности:

- передача собственником имущества во временное пользование в течение указанного в договоре времени или бессрочно.
- сохраняемость свойств и ценности передаваемого в пользование объекта.
- наличие в содержании договора условий пользования имуществом объектом и поддержания его в исправном состоянии [10].

Виды договоров по передаче имущества в пользование классифицируют по ряду признаков. Так, по моменту заключения, большинство таких договоров консенсуальные, то есть считаются заключенными и приобретают юридическую силу с момента согласования всех существенных условий. По соотношению прав и обязанностей эти договоры относят к взаимным, в них обе стороны предоставляют друг другу права и обязательства [6].

В законодательстве нашей страны существуют три основных вида договоров, по передаче имущества в пользование: договор аренды, договор найма, ссудный договор. В контексте нашего исследования вниманию подлежит договор аренды.

Договор аренды (имущественного найма) – это соглашение, в силу которого один участник (наймодатель) обязуется предоставить другому участнику договора (нанимателю) объект имущества во временное владение и/или пользование за определенную плату (ст. 606 ГК РФ).

Теоретический анализ взглядов ученых, позволил сравнить разные трактовки термина «договор аренды» (таблица 1).

Таблица 1. Сравнение определений договора аренды

Автор	Определение
З.А. Ахметьянова	Договор аренды – это одно из наиболее распространенных договорных обязательств по передаче объекта имущества в срочное пользование[1].
А. А. Багманов	Договор аренды – один из гражданско-правовых договоров, определяющий обязанность арендодателя возмездно предоставить арендатору объект во временное владение и (или) пользование на определенный срок за установленную плату [2].
А.В. Волкова	Договор аренды – это соглашение между арендодателем и арендатором в рамках которого арендодатель предоставляет арендатору временное пользование имуществом за установленную плату[4].
И. В. Кушнир	Договора аренды – это разновидность гражданско-правового договора, который позволяет арендатору получить выгоду в качестве результата использования арендуемого имущества[5].

Таким образом, большинство авторов определяют договор аренды как гражданско-правовой, в виде соглашения между субъектами по поводу возмездной передачи имущества во временное пользование на взаимовыгодных условиях.

Теоретико-правовой анализ мнений различных авторов (таблица 2) показал, что единого взгляда о наиболее важных характеристиках договора аренды в юридической литературе нет.

Таблица 2. Сравнительные характеристики мнений авторов о договоре аренды

Автор	Основная отличительная характеристика договора аренды
А.В. Волкова	Временной характер, то есть наличие в договоре конкретного срока аренды, по истечении которого объект возвращается арендатором собственнику[4].
В.В. Витрянский, Е.А. Суханов и др.	Консенсуальный, возмездный, взаимный и двусторонний характер арендного договора [3, 11].
И.В. Кушнир	Арендатор получает право собственности на плоды, продукцию и доходы, получаемые им в результате эксплуатации арендуемого имущества[5].
А.В.Скрябина	Целенаправленность договора аренды на возмездную передачу собственником (арендодателем) на определенное в договоре время здания (сооружения) во владение и пользование другому лицу (арендатору) для удовлетворения последним своих потребностей[12].
Т.Б. Семенуха	Обязательность государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества, при отсутствии которой стороны лишены возможности осуществлять юридически значимые действия по исполнению принятых в рамках договора обязательств. Исполнение договора, не зарегистрированного в установленном законом порядке, не порождает договорных правоотношений [13].
И.В.Мовчан, О.В. Журавлева	Недопустимость и невозможность передачи объекта арендного договора без земельного участка, на котором расположен данный объект [7].

Признаки договора аренды:

- передача имущества во владение или пользование без перехода права собственности;
- срочный договор;
- возмездный, консенсуальный, взаимный и двусторонний договор;
- объект – только индивидуально-определенные непотребляемые вещи [9].

Содержание арендного договора включает разделы:

- Общие положения – название документа, номер, дату и место заключения.

- Предмет договора – характеристики идентификации объекта аренды.
- Права и обязанности сторон – арендатора (обязанность предоставить объект аренды в надлежащем виде) и арендодателя (обязанность в срок и полном объеме производить оплату и вернуть в надлежащем виде и в срок арендуемое имущество).
- Арендная плата и порядок взаиморасчетов – содержит схему оплаты. Отсутствие в договоре пункта о размере арендной платы влечет незаключенность соглашения (п. 1 ст. 654 ГК РФ).
- Ответственности сторон – сведения о неустойке и иных штрафах за нарушение правил аренды.
- Срок действия договора – указывает на какой срок (определенный или неопределенный) заключен договор.
- Разрешение споров – информация о способах разрешения разногласий.
- Заключительные положения – реквизиты и подписи сторон, печати (при их наличии).

Экономическая сущность договора аренды заключается в том, что он позволяет эффективно использовать арендуемое имущество за относительно не высокую плату, без необходимости приобретать его в собственность. Аренда – это имущественный наем для срочного возмездного владения и пользования движимым или недвижимым объектом. Она обеспечивает отдельным лицам и предприятиям возможность извлекать выгоду, временно пользуясь не собственным имуществом, при периодической (разовой) потребности в нем или при нехватке средств на приобретение объекта в собственность. Собственнику имущества аренда позволяет получать доход от сдачи в наем временно не используемого имущественного объекта.

Правовая сущность договора аренды заключается в оформлении передачи арендатору полномочий временного владения и пользования имуществом, а не в собственности (то есть арендодатель остаётся собственником передаваемого объекта).

В случае аренды недвижимого имущества договор подлежит регистрации. В остальных случаях регистрация договоров аренды не является обязательной, хотя может быть полезной при будущих спорах, поскольку нотариально заверенные соглашения не применяются в суде [8]. Порядок процедуры регистрации договора аренды следующий:

1. Сбор документации: Соберите необходимые документы, такие как удостоверения личности, документы, подтверждающие право собственности, и детали договора аренды.
2. Посещение местного жилищного управления: Обратитесь в местное жилищное или муниципальное управление, ответственное за регистрацию договоров аренды.
3. Отправка документов: Представьте все необходимые документы вместе с копией договора аренды для ознакомления.
4. Оплата регистрационных сборов: Оплатите любые применимые регистрационные сборы, которые могут варьироваться в зависимости от срока аренды и местных правил.
5. Процесс проверки: Власти могут провести процесс проверки для обеспечения соответствия местным законам и нормативным актам.
6. Оплата гербового сбора: Если применимо, оплатите гербовый сбор, связанный с договором аренды.
7. Получение подтверждения: После успешной проверки и оплаты получите подтверждение или заверенную печатью копию зарегистрированного договора аренды.
8. Сохранение копий: Как арендодатель, так и арендатор должны хранить несколько копий зарегистрированного соглашения для дальнейшего использования.
9. Юридическая сила: Зарегистрированный договор аренды имеет юридическую силу и может быть принят в судебном разбирательстве в случае возникновения конфликтов.
10. Обновления для продления: В случае продления соглашения необходимо убедиться, что регистрация обновлена соответствующим образом. [8].

Договор аренды представляет собой юридический документ, который играет важную роль в деятельности хозяйствующих субъектов (предприятий, организаций, фирм и пр.). Он защищает права обеих сторон и избавляет их от будущих споров. В течение срока действия договора между арендодателем и арендатором могут возникнуть некоторые споры. Это обеспечивает безопасность арендодателю его имущества, а также защищает арендаторов от незаконных требований арендодателей.

Договор аренды содержит все важные детали, касающиеся жилой недвижимости, арендатора, владельца недвижимости, срока аренды и суммы арендной платы за указанный срок. Это соглашение является важной основой, в котором подробно описываются права, обязанности и ожидания каждой стороны. Нельзя не подчеркнуть важность грамот-

но составленного договора аренды, поскольку он служит юридическим барьером против недоразумений и ограничивает способы использования имущества. Это важный юридический документ, который должен быть подписан обеими сторонами (арендодателем и арендатором).

Значимость договоров аренды в деятельности хозяйствующих субъектов подтверждается следующими характеристиками:

1) Ясность, то есть договор аренды дает четкое представление о соглашениях по владению, ограничивая заблуждения среди арендодателей и арендаторов.

2) Правовая защита – соглашение действует как правовой щит и защищает права обеих сторон.

3) Разрешение споров, то есть в случае конфликтов или перерывов в работе соглашение об аренде служит защитой для урегулирования разногласий, способствуя более плавному процессу достижения цели.

4) Рекомендации по использованию и техническому обслуживанию предполагают, что в соглашении изложены правила использования имущества, гарантирующие интересы обеих сторон.

5) Права и обязанности сторон определяют свободу, а также ожидания каждой стороны, создавая предпосылку их ответственности в течение срока действия соглашения.

6) Защита собственности для арендодателей заключается в том, что соглашение защищает их собственность, устанавливая правила использования и упоминая способы защиты собственности.

7) Гарантия заселения для арендаторов дает им гарантию их права на владение помещениями и гарантирует соблюдение положений, упомянутых в соглашении.

8) Прозрачная коммуникация заключается в том, что хорошо составленное соглашение способствует прямой переписке между сторонами, способствуя лучшему пониманию допущений и обязательств.

9) Юридическая справка, то есть соглашение предоставляет ориентиры на случай судебных процедур, подтверждая установленные положения соглашений.

Экономическое содержание договоров аренды заключается в том, что арендодатель сохраняя за собой статус собственника, получает доход, но передает арендатору частично правомочия собственника (владения и пользования).

Для оценки рыночных условий сделки необходим экономический анализ договора аренды. Он позволяет избежать претензий, связанных с ценой сделки, оценить итог ожидаемой отдачи от арендных затрат арендатора и инвестиционного капитала арендодателя.

Информационной базой экономического анализа договоров аренды выступает, публикуемая в соответствии с законом отчетность организаций, что обеспечивает достоверность выводов.

Все источники информационной базы экономического анализа договоров аренды подразделяются на:

– нормативно-правовые (ст. 606–670 ГК РФ; НК РФ; Письмо ФАС № АК/32618/14; Постановление Правительства РФ № 1610 от 24.09.2021; Приказ ФАС № 147/23 и др.);

– плано-учетные (ФСБУ 25/2018; ЕФС-1; ПБУ «Аренда»; МСФО 16).

Кроме того, информационная база для экономического анализа договоров аренды включает:

– Международный стандарт финансовой отчетности (МСФО) (IFRS) 16 «Аренда». Он помогает оценить влияние аренды на финансовое положение организации.

– Отчеты арендатора. В них представляется информация о форме пользования отдельными объектами и об обязательствах по аренде.

– Отчет о движении денежных средств.

Таким образом, основные элементы информационной базы экономического анализа договоров аренды включают:

– Финансовые условия договоров аренды. К ним относятся амортизационные расходы, доходы от субаренды, процентные расходы на обязательства аренды, данные балансовой стоимости объектов, размеры прибыли и убытков от арендных операций.

– Основные данные о договорах аренды. По каждому документу представляется вся основная информация: начало действия и окончания договора, арендуемый объект, период оплаты, ФИО арендатора.

Для формирования информационной базы экономического анализа договоров аренды можно использовать специализированные программы, например, онлайн-сервис «АрендаСофт» или систему «1С: Аренда и управление недвижимостью».

Направления экономического анализа заключения и исполнения договоров аренды предполагает:

1) Анализ обоснованности заключенных договорных арендных обязательств включает аргументацию арендной платы и выявление причин отказа в заключении договоров аренды. Для оценки стоимости объекта привлекают профессиональных оценщиков. Независимая оценка направлена на учет интересов обоих субъектов договора; на вы-

годность условий договора для обеих сторон. При оценке арендной стоимости объекта используют три базовых подхода:

– Прогнозирование доходов, которые будут получены при использовании объекта для коммерческих целей – доходный подход.

– Сравнение условий сдачи объекта в аренду с аналогичными объектами в регионе – сравнительный подход.

– Расчет затрат, которые бы имели место при приобретении идентичного объекта недвижимости – затратный подход.

Задача оценщика – подобрать подходы, позволяющие достичь оптимальный результат. По Федеральному оценочному стандарту № 1 (ФСО № 1) определяются общие подходы к оценке и требования к проведению оценки, применяемые при осуществлении оценочной деятельности в РФ.

Причинами не заключения договоров аренды могут послужить: не соответствие состояния арендованного имущества договору; не доведение до арендатора сведений о правах третьих лиц на арендованное имущество; наличие недостатков у арендованного имущества; требование арендодателя оплатить арендную плату до подписания акта приема-передачи и др. [9].

2) Анализ выполнения договорных обязательств обращает внимание на уровень выполнения арендных обязательств в целом, по отдельным объектам и срокам. Степень выполнения договорных обязательств определяется как отношение фактического показателя, к запланированному в договоре.

3) Анализ причин невыполнения договорных обязательств заключается в выявлении факторов, повлекших невыполнение арендных обязательств, а также в анализе последствий невыполнения этих обязательств.

Выводы

Договор аренды является важным элементом гражданского оборота, не лишенный проблем теоретико-правового характера и требующий уточнения некоторых нюансов. Договор аренды представляет собой вид соглашения сторон (арендодателя и арендатора) по передаче объекта собственности во временное пользование на возмездной основе и взаимовыгодных условиях для сторон.

Особыми признаками договора аренды принято считать: передача объекта во владение или пользование без перехода права собственности; срочный, возмездный, консенсуальный, взаимный и двусторонний характер договора; объектом служат только индивидуально-определенные непотребляемые вещи.

Экономическая сущность договора аренды заключается в том, что он позволяет эффективно использовать арендуемое имущество за небольшую плату и получать арендодателю доход от неиспользуемого им объекта собственности.

Правовая сущность договора аренды заключается в оформлении передачи полномочий арендатору на временное владение и пользование объектом, не меняя при этом собственника.

В состав договора аренды входят: общие положения (название, номер, дата), предмет договора, права и обязанности сторон, арендная плата и порядок взаиморасчетов, ответственность сторон, срок действия договора, разрешение споров, заключительные положения (реквизиты сторон).

Информационную базу договора аренды составляют: финансовые условия договоров аренды, основные данные о договорах аренды (сроки, характеристики объекта, платы и арендатора).

К основным направлениям экономического анализа договора аренды относят: анализ обоснованности заключенных договорных, выполнения договорных обязательств и причин их невыполнения.

Улучшение правового регулирования и повышение экономической эффективности договоров аренды потребует дальнейших теоретических и законодательных уточнений терминологии, а также проработки методики их экономического анализа, что улучшит правовую определенность и экономическую обоснованность арендных отношений.

Литература

1. Ахметьянова, З.А. Правовая природа арендных отношений // З.А. Ахметьянова // Юрист. – 2006. – № 2. – С. 16–22. – EDN KUUGD.
2. Багманов А.А. Договор аренды: понятие, содержание, особенности // Академическая публицистика. – 2020. – № 5. – С. 326–328.
3. Витрянский, В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. Кн. 2. 4-е изд., стереотипное / В.В. Витрянский, М.И. Брагинский. – Москва: Статут, 2002. – 800 с. – ISBN 978-5-8354-0752-1.
4. Волкова А.В. Особенности заключения договора аренды // Концепции развития и эффективного использования научного потенциала общества: сборник статей Международной научно-практической кон-

ференции (Стерлитамак, 25 мая 2023 г.). Уфа: Аэтерна, 2023. С. 138–144.

5. Кушнир И.В. Гражданское право: учебник. – М.: Волтерс клувер, 2016. – 547с.

6. Максимов С.Н. Экономика недвижимости: учебник и практикум для вузов / С.Н. Максимов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 447 с.

7. Мовчан И.В., Журавлева О.В. Понятие и элементы договора аренды / Сборник: Правовые и социальные проблемы эффективного взаимодействия государства, бизнеса и общества в условиях цифровизации. Материалы международной студенческой научно-практической конференции. Краснодар, 2025. – С. 211–218.

8. Савельева Е.А. Экономика и управление недвижимостью / Е.А. Савельева. – Издательство: Вузовский учебник, 2024, – 447 с.

9. Солдатова В.И., Романова О.А. Договор аренды в предпринимательской деятельности. Учебник для студентов и практиков. / В.И. Солдатова. – Издательство: Проспект, 2021. – 208 с.

10. Смирнова С.А. Аренда и лизинг. Практическое руководство по применению ФСБУ 25/2018 с учетом норм МСФО и рекомендаций разработчиков. / С.А. Смирнова. – Издательство: АйСи Групп, 2024. – 384 с.

11. Суханов, Е. А. О видах сделок в германском и российском гражданском праве / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2006. – № 2. – С. 7.

12. Скрыбина А.В. Договор аренды: некоторые проблемы теории и практики // В сборнике: Актуальные проблемы российского права и законодательства. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2025. – С. 143–146.

13. Семенуха Т.Б. Влияние государственной регистрации на гражданско-правовые договоры // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (144). – С. 103–112.

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE ECONOMIC ANALYSIS OF A LEASE AGREEMENT

Morozova G.M., Shaybakova L.F.

Ural State University of Economics

This article examines a lease agreement as a type of agreement for the transfer of property for use. Based on a theoretical and legal analysis of scholarly views, the concept of a "lease agreement" is clarified, identifying its main characteristics, features, essence, and content. The need for an economic analysis of lease agreements is emphasized, and its information base and areas of application are defined.

Keywords: Lease, lease agreement, economic analysis of a lease agreement.

References

1. Akhmetyanova, Z.A. Legal Nature of Lease Relations / Z.A. Akhmetyanova // Jurist. – 2006. – No. 2. – Pp. 16–22. – EDN KUUGD.

2. Bagmanov, A.A. Lease Agreement: Concept, Content, Features // Academic Journalism. – 2020. – No. 5. – Pp. 326–328.

3. Vitryansky, V.V. Contract Law. Agreements on the Transfer of Property. Book 2. 4th ed., stereotypical / V.V. Vitryansky, M.I. Braginsky. – Moscow: Statut, 2002. – 800 p. – ISBN 978-5-8354-0752-1.

4. Volkova, A.V. Features of concluding a lease agreement // Concepts for the development and effective use of the scientific potential of society: a collection of articles from the International scientific and practical conference (Sterlitamak, May 25, 2023). Ufa: Aeterna, 2023. Pp. 138–144.

5. Kushnir I.V. Civil law: textbook. – Moscow: Wolters Kluwer, 2016. – 547 pages.

6. Maksimov S.N. Real estate economics: a textbook and practical course for universities / S.N. Maksimov. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 447 pages.

7. Movchan I. V., Zhuravleva O.V. Concept and elements of a lease agreement / Collection: Legal and social problems of effective interaction between the state, business and society in the context of digitalization. Proceedings of the International Student Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2025. Pp. 211–218.

8. Savelyeva, E.A. Real Estate Economics and Management. Publisher: Vuzovsky Uchebnyk, 2024. 447 p.

9. Soldatova, V.I., Romanova, O.A. Lease Agreement in Entrepreneurial Activity. A Textbook for Students and Practitioners. Publisher: Prospect, 2021. 208 p.

10. Smirnova, S.A. Rent and Leasing. A Practical Guide to Applying FSBU 25/2018, Taking into Account IFRS Standards and Developers' Recommendations. Publisher: IC Group, 2024. 384 p.

11. Sukhanov, E.A. On the Types of Transactions in German and Russian Civil Law / E.A. Sukhanov // Bulletin of Civil Law. – 2006. – No. 2. – P. 7.

12. Skryabina A.V. Lease Agreement: Some Theoretical and Practical Issues // In the collection: Actual Problems of Russian Law and Legislation. Collection of Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, 2025. – P. 143–146.

13. Semenukha T.B. The Impact of State Registration on Civil Contracts // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 1 (144). – P. 103–112.

Пирсаидов Саид Низамиевич,

аспирант, кафедра предпринимательского и корпоративного права Московский государственный юридический университет им. Кутафина

E-mail: saidpirsaidov@mail.ru

В российской доктрине все чаще возникает необходимость в осуждении основ внеконкурсного оспаривания. Прежде всего, это касается поиска наиболее оптимальной концепции оспаривания, которая позволит обеспечить стабильность экономического оборота, а также обеспечить защитой права и законные интересы участников правоотношений о несостоятельности. Господствующая в российском праве вещная концепция внеконкурсного оспаривания все чаще сталкивается с проблемами, что заставляет задуматься о возможности использования, например, обязательно-правовой или деликтной концепции оспаривания. Соответствующий анализ данных концепций, а также истории развития моделей оспаривания позволит выделить их достоинства и недостатки, что в совокупности с накопленным на сегодняшний день практическим опытом позволит в полной мере реализовать институт внеконкурсного оспаривания в современном российском праве.

Ключевые слова: несостоятельность, правовая природа, кредитор, оспаривание сделок, внеконкурсное оспаривание.

Прежде всего стоит отметить, что имеющаяся в доктрине дискуссия относительно возможной концепции оспаривания сделок имеет важное значение для внеконкурсного оспаривания [5, 424–426]. Основным доводом является то, что внеконкурсное оспаривание по своей материально-правовой природе идентично конкурсному. Отличия заключаются в процессуально-правовом аспекте возбуждения дела о банкротстве, а также в количестве кредиторов, которые будут участвовать в оспаривании. Соответствующая ремарка была сделана с целью анализа не только имеющихся на сегодняшний день концепций оспаривания, но и тех, которые рассматривались еще в дореволюционное время, поскольку они, как правило, касались конкурсного оспаривания.

В конце 19-го века в рамках работы Гольмстена А.Х. было выделено три теории, а также предложена своя собственная, в рамках которых осуществлялся поиск основания для оспаривания, в том числе внеконкурсного, со стороны кредитора:

- 1) Деликтная теория.
- 2) Теория исключительной охраны интересов кредиторов.
- 3) Теория исполнительной силы судебного решения.
- 4) Залоговая теория. [1, с. 264]

Наибольший интерес представляет деликтная теория. Он проявляется прежде всего потому, что возникает противоречие между основанием для оспаривания, которое выделяется в рамках деликтной теории 19-го века, а также основанием для оспаривания, которое выделяется в рамках обязательно-правовой теории.

Согласно деликтной теории основанием права кредитора на оспаривание является деликт, совершенный должником совместно с его контрагентом. При этом сторонники данной теории разделились на два лагеря. Первые рассматривают контрагента по сделке в качестве соучастника деликта, в то время как вторые рассматривают контрагента в качестве «помощника», скорее всего имелось ввиду то, что к контрагенту требования идут субсидиарно, только после предъявления соответствующих требований к должнику.

Кроме того, следует отметить, что основной недостаток деликтной теории заключается в невозможности обоснования всех случаев оспаривания путем совершения противоположной стороной неправомерного действия или бездействия. Например, В.Г. Федоров высказывая критику в адрес деликтной теории, указывает на то, что она не предоставляет основания для оспаривания действий дарения со стороны должника [3, 17–18]. В таком случае при добросовестности лица, принимающего дар, у кредитора не будет основания для оспаривания сделки. Стоит отметить, что сторонник деликтной теории Отто предложил вариант разрешения путем применения механизма неосновательного обогащения к добросовестному третьему лицу, в результате чего в конкурсную массу будет возвращена сумма дара, которая определяется исключительно размером его обогащения по соответствующей сделке [1, 21–23]. Однако, в такой трактовке сложно назвать указанную модель деликтной, она больше приобретает очертания обязательно-правовой.

Еще Г.Ф. Шершеневич указывал на то, что невозможно отыскать такое основание для оспаривания, которое будет покрывать все возможные случаи и что лучше отказаться от поисков подобного основания в пользу смешанного подхода [4, 270].

На сегодняшний день взгляды на правовую природу кредиторского оспаривания можно разделить на три основные группы:

1) Вещная теория оспаривания. Согласно данной теории основанием для оспаривания является дефектная сделка, т.е. приобретение противоположной стороны является недействительным. Сторонники данной теории также разделились на две подгруппы, одни из которых считают, что недействительность возникает в результате подачи искового заявления о признании сделки недействительной, другие, что недействительность возникает в силу закона сразу с момента совершения правового действия, причиняющего вред должнику. Стоит отметить, что для российского кредиторского оспаривания реализованы обе концепции. В соответствии с практикой Верховного суда действия должника признаются недействительными вне конкурса, т.е. без инициации процедуры банкротства, путем применения статей 10, 168 ГК РФ. В то же время в соответствии с Законом о банкротстве действия должника признаются недействительными в случае подачи искового заявления.

2) Обязательственно-правовая теория. Данная теория является господствующей в Германии. В соответствии с ней основанием для оспаривания является исключительно обязательственно-правовое требование к противоположной стороне (противнику по оспариванию) предоставить незаконно полученное для удовлетворения требований оспаривающего кредитора. В отличие от вещной теории, в рамках которой отрицается само приобретение права собственности противоположной стороной, обязательственно-правовая теория не посягает на правовые последствия совершенной сделки, а лишь признает обязанность за третьим лицом обеспечить такое положение для кредитора, которое существовало бы без совершения оспариваемого акта. Согласно позиции Хельмута Коциоля, обязательственно-правовая модель кредиторско-го оспаривания сталкивается с проблемами при, например, индивидуальном оспаривании, коим является внеконкурсное оспаривание, поскольку в таком случае нарушаются интересы не неопределенной массы кредиторов, а одного конкретного. Например, каким образом кредитор наделяется в силу закона обязательственно-правовым притязанием в отношении противника по оспариванию, если в отношении должника право на удовлетворение его требований обеспечивается исключительно возможностью доступа к имуществу должника в результате принудительного исполнения? [2, 259–260] На этот вопрос еще предстоит ответить.

3) Теория правовой ответственности. К данной теории все чаще обращаются в рамках немецкой доктрины. Согласно ей предполагается, что право на оспаривание призвано лишь компенсировать уменьшение размера конкурсной массы и, следовательно, приводит лишь к недействительности оспариваемых правовых актов с точки зрения права ответственности и в пользу кредиторов; ввиду этого, желаемые изменения в праве собственности и распределении активов должны оставаться полностью действительными. Однако, стоит отметить, что недействительность в соответствии с теорией ответственности возникает немедленно (без каких-либо ограничений), и не требует обязательственно-правового требования (притязания) для возмещения утраченных активов [6, 8–10].

Практическая значимость выбора между трех вышеперечисленных моделей проявляется в правовых последствиях внеконкурсного оспаривания. Исходя из современного вещно-правового подхода согласно п. 2 ст. 167 ГК РФ «... каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом». Использование реституции создает определенные неудобства, поскольку контрагенту по оспоренной сделке сначала необходимо вернуть имущество первоначальному собственнику, а затем оно будет использовано для удовлетворения требований кредитора, при условии, что не будут осуществлены повторные попытки со стороны должника по выводу активов.

Согласно обязательственно-правовой модели требования по возмещению вреда предъявляются сразу к контрагенту по оспариваемой сделке. При этом должен быть предоставлен доступ ко всему имуществу, которое он получил от должника по оспариваемой сделке в случае, если он знал о вреде, который будет причинен кредитору. Если соответствующий субъективный критерий отсутствует, то к распоряжению должно быть представлено только то имущество, за счет которого осуществляется непосредственное обогащение контрагента. Например, при заключении договора купли-продажи вещь стоимостью 1 млн рублей была продана должником контрагенту за 500 тыс., при этом размер требований со стороны кредитора должника равен 2 млн. Если контрагент не знал о цели вывода активов, то он должен будет вернуть кредитору должника рыночную стоимость имущества, т.е. 500 тыс. рублей, но если контрагент знал о том, что будет причинен вред кредитору, то он должен будет вернуть все, что получил по оспариваемой сделке. В данном случае вмешательство в отношения между должником и третьим лицом происходит только в определенных границах, связанных с удовлетворением требования кредитора, а правовые последствия сделки остаются нетронутыми.

Деликтная модель имеет много схожего с обязательственно-правовой моделью. Прежде всего оспаривание не влечет признание сделки недействительной по смыслу статьи 168 ГК РФ. В данном случае речь идет о том, что имущество, которое находится во владении противника по оспариванию не исключается из имущественной массы должника, что создает конфликт между переходом права собственности и функцией ответственности. Однако, последствиями такого оспаривания является то, что переданное незаконно имущество не может служить средством удовлетворения требований кредиторов противника по оспариванию, т.е. для целей обращения взыскания оно ему не принадлежит ввиду совершенного совместно с должником деликта по отношению к кредитору.

Ввиду отсутствия законодательного регулирования внеконкурсного оспаривания возникает немало вопросов о его соотношении с конкурсным. В первую очередь это относится к вопросу о том может ли внеконкурсное оспаривание трансформироваться в конкурсное при возбуждении дела о банкротстве, и каким образом это может происходить? С догматической точки зрения нет никаких препятствий по переходу от внеконкурсного оспаривания к конкурсному поскольку, как было указано ранее, по своей правовой природе они идентичны и внеконкурсное оспаривание выполняет ту же самую цель защиты прав кредиторов. Однако, в рамках вещно-правовой модели оспаривания вновь возникает проблема, если кредитор должника смог во внеконкурсном порядке оспорить сделку и получить соответствующее удовлетворение, а затем инициируется дело о банкротстве. Мы видим преимущественное удовлетворение требований одного кредитора по отношению к другим. В таком случае что иные кредиторы должника или арбитражный управляющий должны оспаривать в конкурсном порядке? В пункте 1 Постановление Пленума ВАС РФ указано, что оспариванию помимо сделок в гражданско-правовом смысле подлежат также действия по исполнению судебного акта, однако, данный способ в указанном выше примере не может быть использован, поскольку исполнение судебного акта было завершено.

Если кредитор начал оспаривание сделки во внеконкурсном порядке, но затем было инициировано дело о банкротстве, то мы получаем ситуацию как при обычном гражданско-правовом оспаривании. Кредитор либо ждет решение суда уже по текущему процессу и затем с судебным решением заявляется в реестр, либо идет сразу в дело о банкротстве, чтобы не пропустить срок для вступления в реестр. В рамках немецкой системы арбитражный управляющий управомочен после возбуждения дела о несостоятельности далее сопровождать процесс, при этом возмещение издержек на судебное разбирательство будут осуществляться в пользу кредитора. Кроме того, если оспаривание к моменту возбуждения дела о банкротстве еще находится в производстве, то он приостанавливается. В дальнейшем при вступлении в процесс арбитражного управляющего он возобновляется по его требованию.

Еще один не менее важный вопрос проявляется в случае, если кредитор проиграл спор во внеконкурсном порядке. Предполагается, что последствия, связанные с невозможностью подачи искового заявления с тем же предметом и основанием могут применяться только для кредитора, который проиграл спор, остальные же кредиторы, требования которых составляют более 10% общего размера кредиторской задолженности, а также арбитражный управляющий соответствующие заявления о признании сделки недействительной подавать можно. Подобная позиция аргументируется тем, что при индивидуальном оспаривании последствия как процессуально-правовые, так и материально-правовые применяются в отношении одного кредитора, если сделка признается недействительной вещь возвращается не в конкурсную массу, а служит предметом удовлетворения требований конкретного кредитора. Кроме того, возможны существенные злоупотребления, если признать о невозможности повторного оспаривания в конкурсе. Поскольку процессуальные механизмы, предусмотренные в рамках процедуры несостоятельности, препятствующие появлению фиктивных кредиторов, не применяются при внеконкурсном оспаривании, может сложиться ситуация, когда кредитор вступил в спор с должником, при этом имея к нему требование в размере 100 тыс. рублей. Должник выводит актив стоимостью 1 млн рублей, кредитор при попытке оспаривания намеренно проигрывает процесс. Если признать невозможность конкурсного оспаривания по тому же предмету и основанию, что были во внеконкурсном, актив стоимостью 1 млн рублей не сможет послужить для удовлетворения требований кредиторов в процедуре несостоятельности.

Литература

1. Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А.Г. Смирных. — М.: «Издание книг ком», 2019.
2. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. N 3.
3. Федоров В.Г. Право опровержения действий, совершенных должником в ущерб его кредиторам. К вопросу о законодательных мерах борьбы с неплатежом и фиктивным банкротством. СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1913.
4. Шершеневич, Габриэль Феликсович. Конкурсный процесс. — 3-е изд. — Москва: Статут, 2021. — (Классика российской цивилистики.)

5. Шишмарева, Татьяна Петровна. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Шишмарева Татьяна Петровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»]. – Москва, 2022.

6. Alexandr Weiland. Münchener Kommentar zum Anfechtungsgesetz: AnfG • § § 1–20. 2022.

ABOUT THE CONCEPT OF CHALLENGING THE TRANSACTIONS PREJUDICIAL

Pirsaidov S.N.

Moscow State Law University named after Kutafin

In Russian doctrine, there is increasingly a need to condemn the foundations of challenge against transactions to creditors prejudice. First of all, this concerns the search for the most optimal concept of contestation, which will ensure the stability of economic turnover, as well as protect the rights and legitimate interests of participants in insolvency legal relations. The proprietary concept of challenge against transactions to creditors prejudice, which is dominant in Russian law, is increasingly encountering problems, which makes us think about the possibility of moving, for example, to the law of obligations or tort concept of contestation. An appropriate analysis of these concepts, as well as the history of the development of contestation models, will highlight their various pros and cons, which, together with the practical experience accumulated to date, will make it possible to fully

implement the institution of challenge against transactions to creditors prejudice in Russian legal system.

Keywords: insolvency, legal nature, creditor, challenging transactions, non-competitive challenging.

References

1. Golmsten, A. Kh. The Doctrine of the Creditor's Right to Refute Legal Acts Committed by the Debtor to His Detriment in Modern Legal Literature / edited by A.G. Smirnykh. Moscow: Izdatelstvo knigi kom, 2019.
2. Kotsiol, H. Basics and Controversial Issues of Challenging the Debtor's Actions Committed to the Detriment of His Creditors (Beginning) // Bulletin of Civil Law. 2017. Vol. 17. No. 3.
3. Fedorov, V.G. The Right to Refute Actions Committed by the Debtor to the Detriment of His Creditors. On the Issue of Legislative Measures to Combat Non-Payment and Fictitious Bankruptcy. St. Petersburg: Publishing House of the Legal Book Warehouse "Pravo", 1913.
4. Shershenevich, Gabriel Felixovich. Bankruptcy Process. 3rd ed. – Moscow: Statut, 2021. – (Classics of Russian civilistics.)
5. Shishmareva, Tatyana Petrovna. Legal Means of Ensuring the Effectiveness of Insolvency Proceedings in Russia and Germany: dis. ... Doctor of Law: 12.00.03 / Shishmareva Tatyana Petrovna; [Place of defense: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"]. – Moscow, 2022.
6. Alexandr Weiland. Munich Comment on the Application Form: AnfG • § § 1–20. 2022.

Управление недвижимостью в XXI веке: адаптация классических институтов романо-германского права к новым экономическим реалиям

Саяпина Татьяна Сергеевна,

преподаватель кафедры гражданского
и предпринимательского права Одцовского филиала
МГИМО МИД России; старший преподаватель кафедры
конституционного и гражданского права Государственного
университета просвещения
E-mail: tatiana-communicate@yandex.ru

В статье исследуется трансформация институтов коллективного управления объектами недвижимого имущества в странах романо-германской правовой семьи под влиянием социально-экономических и технологических вызовов. Анализируется эволюция правовых форм, таких как кондоминиумы, товарищества собственников жилья и кооперативы, их законодательные основания и условия создания. Особое внимание уделяется адаптации этих классических конструкций к требованиям цифровой эпохи, экологической ответственности и усложнения финансовых отношений, а также выявляются новые проблемы коллективного управления, отсутствовавшие в традиционной парадигме, включая цифровые риски и необходимость баланса между индивидуальными и коллективными интересами в условиях устойчивого развития.

Ключевые слова: кондоминиум, товарищество собственников, недвижимое имущество, романо-германская правовая семья, право общей долевой собственности, цифровизация управления, управление общим имуществом.

Е.М. Корнеева справедливо обращает внимание на то, что исторически в правовых системах романо-германской семьи управление недвижимым имуществом, особенно землей, строилось на приоритете детальной правовой регламентации, обеспечивающей публичность и определённость оборота. Она отмечает, что ещё в римском праве сформировался ключевой принцип «*superficies solo cedit*» («сделанное над поверхностью следует за поверхностью»), заложивший основу для понимания недвижимости как единого комплекса, прочно связанного с землей [7, с. 54–55]. Этот подход был развит в средневековом праве, где недвижимость, прежде всего земля, приобрела привилегированное положение, а её правовой режим, порядок перехода и защиты стали предметом тщательной государственной регламентации, в отличие от более диспозитивного регулирования оборота движимых вещей. Именно эта исторически сложившаяся традиция юридической формализации и регистрации прав, ориентированная на обеспечение определённости и устойчивости оборота, создала необходимые предпосылки для последующего возникновения и развития сложных институтов коллективного управления.

Институты коллективного управления недвижимостью в романо-германской правовой семье исторически сформировались как производные от фундаментального института права общей долевой собственности, получившего детальную регламентацию в гражданских кодексах. Их первичной функцией было обеспечение юридического механизма для владения, пользования и распоряжения общими частями здания или иного имущественного комплекса, физически неразрывно связанными с индивидуально принадлежащими помещениями. Основными организационно-правовыми формами такого управления стали кондоминиумы (или аналогичные им конструкции разделённой собственности) и специализированные объединения собственников – товарищества собственников жилья или недвижимости, кооперативы.

Конкретным примером успешной трансформации и имплементации этих классических институтов в постсоциалистическом контексте является Эстонская Республика. После восстановления независимости в 1991 году и перехода от советской правовой системы к романо-германской, в Эстонии была проведена масштабная земельная реформа, основанная на принципах реституции, приватизации и муниципализации. В её рамках было восстановлено и детально регламентировано право частной собственности на землю и недвижимость, а также введен комплекс ограниченных вещных прав, включая право застройки («*arendusõigus*»), сервитуты и ипотеку, что создало правовой фундамент для формирования рынка недвижимости и институтов его коллективного управления. Ключевую роль в системе учёта и обеспечения прав сыграли государственный земельный кадастр и крепостная книга («*kinnisturaamat*»), выступающие техническим и юридическим регистрами соответственно [1, с. 129]. Это позволило эффективно внедрить модели разделённой собственности и создать условия для деятельности объединений собственников, аналогичных западноевропейским товариществам.

Внедрение и эффективное функционирование любых форм коллективного управления, от классического кондоминиума до инновационных трастов, в странах романо-германской правовой семьи принципиально опирается на единый фундаментальный принцип – юридическую и техническую определённость границ объектов недвижимости. Как справедливо отмечается в исследованиях, основным элементом обеспечения прав, связанных с землёй, является именно граница недвижимой собственности, документально зафиксированная и признаваемая государством. В отличие от стран общего права, где приоритет могут иметь естественные ориентиры или давнее фактическое землепользование, в континентальной системе приоритет, как правило, отдаётся официальным кадастровым планам и геодезическим документам, зарегистрированным в государственных реестрах. Эта «фиксированная граница», определяемая координатами в национальной системе отсчёта (координированный кадастр), создаёт однозначную пространственную основу для регистрации права собственности, установления сервитутов, разделения имущества на доли и, как следствие, для формирования органов коллективного управления, чьи полномочия и обязанности чётко привязаны к контурам конкретного земельного участка и расположенных на нём зданий [2, с. 103].

В Италии основной формой коллективного управления общим имуществом многоквартирных домов является кондоминиум («condominio»), регулируемый Гражданским кодексом (ст. 1117–1139). При этом правовом режиме каждый собственник квартиры автоматически становится совладельцем общих частей дома. Управление осуществляется через собрание собственников («assemblea condominiale») и избираемого администратора («amministratore condominiale»). Итальянские ассоциации владельцев недвижимости часто оказывают оперативную поддержку именно в сложных вопросах взаимодействия внутри кондоминиума [6].

Важной особенностью французской правовой системы является наличие специализированной формы для коллективного управления имуществом, связанным с землей и инфраструктурой, – Ассоциация землевладельцев («Association Syndicale de Propriétaires», «ASP»). Это группа землевладельцев, целью которой является строительство, содержание или управление инфраструктурой, выполнение работ или действий, представляющих общий интерес, в частности, развитие или содержание дорог и различных сетей. Права и обязанности ассоциации связаны с имуществом, входящим в её состав. Существуют различные типы товариществ собственников жилья, включая Свободное товарищество собственников («Association Syndicale Libre», «ASL») и Свободное товарищество городских землевладельцев («Association Foncière Urbaine Libre», «AFUL»). Нормативной основой для деятельности «ASL» и «AFUL» служит Постановление № 2004–632 от 1 июля 2004 года [8] и реализующий его Указ № 2006–504 от 3 мая 2006 года [4].

Эффективность управления в рамках классической модели разделённой собственности, каковой является немецкий кондоминиум («Wohnungseigentum») [5], обеспечивается подробно прописанной в Законе о праве собственности на кондоминиумы («WEG») системой сдержек и противовесов, которая превращает сообщество собственников в правоспособное объединение. Ключевым здесь является институт профессионального управляющего, полномочия и порядок назначения которого строго регламентированы, а с 2020-х годов дополнены требованием о сертификации, все это повышает немецкие стандарты управления.

Процедурная эффективность достигается благодаря гибкому регулированию проведения собраний собственников, включая виртуальные форматы, а также принципу двойного большинства для ключевых решений, что позволяет балансировать интересы большинства и меньшинства владельцев. Закон создаёт основу для долгосрочного планирования, обязывая формировать резервы на капитальный ремонт и утверждать финансовые сметы, а также стимулирует модернизацию, упрощая согласование изменений, направленных на повышение доступности, установку зарядных станций для электромобилей и улучшение энергоэффективности.

Таким образом, немецкая модель, оставаясь в рамках классической долевой собственности, развивает комплексный правовой каркас, который стратегически ориентирует сообщество собственников на долгосрочное развитие и адаптацию к современным вызовам.

У.Б. Филатова справедливо обращает внимание на то, что при управлении недвижимостью в странах, придерживающихся «концепции общности» (Германия, Австрия, Швейцария), законодательство делает особый акцент на детальной регламентации правомочия управления, выходящего за рамки классической триады собственника [3, с. 102–104].

Эффективность обеспечивается за счет введения строгой классификации управленческих мероприятий (обычные, необходимые, чрезвычайные) и четкого определения для каждого из них процедуры принятия решений (принципом большинства или единогласия). При этом ключевым является закрепление права любого собственника на самостоятельное совершение неотложных действий по сохранению имущества в общих интересах, с последующим распределением расходов. Этот подход, основанный на балансе коллективного принятия решений и индивидуальной инициативы в экстренных случаях, а также на стимулировании диспозитивного договорного регулирования, создает правовой фундамент для эффективного и бесконфликтного долгосрочного управления общим имуществом.

Исследуя современные тенденции управления недвижимостью, важно обратить внимание на то, что на пересечении социальных вызовов XXI века и классических правовых конструкций возникает качественно новые модели. Они выходят за рамки управления лишь технически общими частями здания и направлены на переосмысление самой сути права собственности в отношении базового ресурса – земли. Ярким примером такой эволюции является распространение в Европе модели «Community Land Trust» («CLT») и её национальных аналогов, таких как французский «Organisme de Foncier Solidaire» («OFS») [9].

Эта модель предлагает радикальную адаптацию классических институтов: она основана на стратегическом разделении права собственности на землю и на расположенные на ней здания. Земля навечно изымается из рыночного оборота и закрепляется за некоммерческой организацией (трастом, фондом или ассоциацией), что становится возможным благодаря адаптации в континентальном праве механизмов, подобных англосаксонскому трасту, – через долгосрочное наследственное право застройки («Erbbaurecht», «Bail Réel Solidaire»). Управление таким комплексным активом дополняется инновационными экономико-правовыми инструментами, призванными обеспечить долгосрочную доступность: предварительным отбором жильцов по социальным критериям, формульным ограничением цены перепродажи и механизмами изъятия спекулятивной прибыли в пользу коллективного субъекта.

Параллельно с трансформацией правовых основ управления, как справедливо обращает внимание Майкл Мэй, происходит технологическая эволюция инструментария. Симуляционное моделирование, первоначально использовавшееся преимущественно на этапах проектирования и строительства, утверждается в качестве стратегического инструмента и в сфере эксплуатационного управления недвижимостью («Facility Management»). Внедрение динамического моделирования энергосистем, анализа людских потоков и оптимизации пространства позволяет перейти от реагирующего к предиктивному и сценарному управлению объектами. Это особенно актуально для сложных имущественных комплексов, подобных CLT, где долгосрочная устойчивость зависит не только от юридических, но и от технико-экономических параметров.

На основе изложенного, можно сделать следующие выводы. Институты коллективного управления недвижимостью в рамках романогерманской правовой традиции обнаруживают высокую степень устойчивости и адаптивности, укорененных в классической основе права общей долевой собственности. Конструкции, такие как кондоминиумы и товарищества собственников, изначально созданные для управления неделимым общим имуществом, не только сохраняют свою актуальность, но и формируют фундамент современных правовых систем, что наглядно иллюстрируется примером Эстонской Республики. Успешная постсоциалистическая трансформация в данном случае свидетельствует о том, что ключевым условием эффективной имплементации указанных институтов является создание прозрачной и надежной системы регистрации прав, базирующейся на принципе юридической и технической определенности границ. Государственные кадастры и реестры, фиксирующие координатно заданные границы, выступают в качестве краеугольного элемента, без которого невозможны ни легитимное разделение собственности на доли, ни функционирование органов коллективного управления.

Национальные модели управления, будь то итальянский кондоминиум («condominio»), французские ассоциации землевладельцев («Association Syndicale de Propriétaires») или немецкое право собственности на квартиры («Wohnungseigentumsgesetz»), развивают общий принцип в специфических направлениях, отражая особенности национальных правовых традиций и социальные запросы. Объединяющей их тенденцией является движение в сторону профессионализации управления и детализации процедурных механизмов. Опыт Германии является в этом отношении показательным, демонстрируя потенциал модернизации классической модели через сертификацию управляющих, цифровизацию проведения собраний, введение механизмов двойного большинства для защиты интересов меньшинства и обязательное долгосрочное финансовое планирование. Подобное развитие трансформирует сообщество собственников из простого производного от вещного права в правоспособное объединение, способное к стратегическому планированию и адаптации к таким вызовам, как энергетический переход.

Сегодня прослеживается качественная трансформация целей и правовых основ коллективного управления как одну из наиболее значимых современных тенденций. Модели, подобные доверительному управлению землей («Community Land Trust») и его национальным аналогам (например, французскому «Organisme de Foncier Solidaire»), представляют собой радикальный отход от утилитарной логики управления общим имуществом здания. Они осуществляют переосмысление самой сущности права собственности посредством стратегического разделения права на землю и расположенные на ней объекты недвижимости с целью изъятия земли из рыночного оборота. Путем адаптации механизмов долгосрочного наследственного права застройки («Erbbaurecht», «Bail Réel Solidaire») и внедрения специальных социально-экономических инструментов (ограничение цены перепродажи, предварительный отбор правообладателей) данные модели ориентированы на достижение фундаментальных общественных це-

лей, таких как обеспечение долгосрочной доступности жилья и устойчивое развитие территорий.

Кроме того, можно констатировать неразрывную связь эволюции управления с технологическим прогрессом. Имплементация методов симуляционного моделирования и предиктивной аналитики в сфере эксплуатационного управления недвижимостью («Facility Management») знаменует переход от реактивной модели обслуживания к стратегическому, основанному на данных управлению активами. Данная технологическая эволюция приобретает особую значимость для комплексных форм, подобных «CLT», долгосрочная эффективность которых зависит от оптимизации как юридических, так и технико-экономических параметров.

Таким образом, современное развитие институтов коллективного управления характеризуется определенным синтезом: традиционные правовые конструкции романо-германской правовой семьи подвергаются гибкой адаптации для решения актуальных социальных задач, а их операционная эффективность усиливается за счет внедрения цифровых технологий и передовых управленческих методик, что в совокупности способствует формированию более устойчивой и социально ориентированной среды.

Литература

1. Богданов, В.Л. Земельная политика и механизм управления земельными ресурсами в Эстонской Республике / В.Л. Богданов, Ю.В. Рябов, М.К. Бурлакова // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 127–144. – DOI 10.5922/2074-9848-2017-1-8. – EDN XWQWER.
2. Владимиров, И.А. Правовые вопросы определения границ недвижимого имущества в зарубежных странах / И.А. Владимиров, Р.А. Иксанов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2023. – № 1 (58). – С. 101–105. – DOI 10.47598/2078-9025-2023-1-58-101-105. – EDN LOHTGT.
3. Филатова, У.Б. Институт права общей собственности в странах романо-германской правовой семьи (Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и России: сравнительно-правовое исследование): специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Филатова Ульяна Борисовна. – Москва, 2015. – 437 с. – EDN BMMYRT.
4. Décret n° 2006–504 du 3 mai 2006 portant application de l'ordonnance n° 2004–632 du 1er juillet 2004 relative aux associations syndicales de propriétaires. JORF n°106 du 5 mai 2006. Texte consolidé v. 01/01/2023.
5. Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht (Wohnungseigentumsgesetz – WEG). 15.03.1951. BGBl. I S. 175. Neugefasst durch Bek.v. 12.01.2021, BGBl. I S. 34. Zuletzt geändert durch Art. 1 G v. 10.10.2024, BGBl. 2024 I Nr. 306.
6. Giorgia. (2024). Associazioni proprietari immobiliari: tutela e vantaggi per i proprietari [Электронный ресурс]. Mercato Immobiliare, Notiziario Immobiliare. URL: <https://www.notiziarioimmobiliare.it/mercato-immobiliare/associazioni-proprietari-immobiliari-12832> (дата обращения: 29.12.2025).
7. Korneeva, E.M. (2017). Land Rights and other Real Estate in Civil Law of the Countries of Romano-Germanic Legal Family: Historical Aspects. Odesa National University Herald. Jurisprudence. 22. S. 54–63. 10.18524/2304–1587.2017.2(31).133043.

8. Ordonnance n° 2004–632 du 1er juillet 2004 relative aux associations syndicales de propriétaires. JORF n°153 du 2 juillet 2004. Texte consolidé v. 01/01/2026.

9. Urbane Community Land Trusts in Europa [Электронный ресурс]. – URL: https://vb.nweurope.eu/media/11755/shicc_eu-clt-guide_2020_de.pdf (дата обращения: 29.12.2025).

REAL ESTATE MANAGEMENT IN THE 21ST CENTURY: ADAPTING CLASSICAL INSTITUTIONS OF ROMANO-GERMANIC LAW TO NEW ECONOMIC REALITIES

Sayapina T.S.

Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, State University of Education

This article examines the transformation of collective management institutions for real estate in countries of the Romano-Germanic legal system under the influence of socioeconomic and technological challenges. It analyzes the evolution of legal forms such as condominiums, homeowners' associations, and cooperatives, their legal foundations, and the conditions for their establishment. Particular attention is paid to the adaptation of these classic structures to the demands of the digital age, environmental responsibility, and the increasing complexity of financial relations. New challenges of collective management absent from the traditional paradigm are also identified, including digital risks and the need to balance individual and collective interests in the context of sustainable development.

Keywords: condominium, homeowners' association, real estate, Romano-Germanic legal family, right of common shared ownership, digitalization of management, management of common property.

References

1. Bogdanov, V.L. Land policy and the mechanism of land resources management in the Republic of Estonia / V.L. Bogdanov, Yu.V. Ryabov, M.K. Burlakova // Baltic region. – 2017. – Vol. 9, No. 1. – P. 127–144. – DOI 10.5922/2074-9848-2017-1-8. – EDN XWQWER.
2. Vladimirov, I.A. Legal issues of determining the boundaries of real estate in foreign countries / I.A. Vladimirov, R.A. Iksanov // Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). – 2023. – No. 1 (58). – P. 101–105. – DOI 10.47598/2078-9025-2023-1-58-101-105. – EDN LOHTGT.
3. Filatova, U.B. The Institute of Common Property Law in the Countries of the Romano-Germanic Legal Family (Germany, Austria, Switzerland, France and Russia: a comparative legal study): specialty 12.00.03 "Civil Law; Business Law; Family Law; Private International Law": dissertation for the degree of Doctor of Law / Filatova Ulyana Borisovna. – Moscow, 2015. – 437 p. – EDN BMMYRT.
4. Décret n° 2006–504 du 3 May 2006 portant application de l'ordonnance n° 2004–632 du 1er juillet 2004 relative aux associations syndicales de propriétaires. JORF n°106 du 5 May 2006. Texte consolidé v. 01/01/2023.
5. Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht (Wohnungseigentumsgesetz – WEG). 03/15/1951. BGBl. I S. 175. Neugefasst durch Bek.v. 01/12/2021, BGBl. I S. 34. Zuletzt geändert durch Art. 1 G v. 10.10.2024, BGBl. 2024 I Nr. 306.
6. Giorgia. (2024). Associazioni proprietari immobiliari: tutela e vantaggi per i proprietari [Electronic resource]. Mercato Immobiliare, Notiziario Immobiliare. URL: <https://www.notiziarioimmobiliare.it/mercato-immobiliare/associazioni-proprietari-immobiliari-12832> (access date: 12/29/2025).
7. Korneeva, E.M. (2017). Land Rights and other Real Estate in Civil Law of the Countries of Romano-Germanic Legal Family: Historical Aspects. Odesa National University Herald. Jurisprudence. 22. S. 54–63. 10.18524/2304–1587.2017.2(31).133043.
8. Ordonnance n° 2004–632 du 1er juillet 2004 relative aux associations syndicales de propriétaires. JORF n°153 du 2 juillet 2004. Texte consolidé v. 01/01/2026.
9. Urbane Community Land Trusts in Europe [Electronic resource]. – URL: https://vb.nweurope.eu/media/11755/shicc_eu-clt-guide_2020_de.pdf (access date: 12/29/2025).

Токарева Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail: e.v.tokareva@edu.nsuem.ru

Статья раскрывает содержание и практическую реализуемость принципа доступности правосудия применительно к делам о несостоятельности, учитывая их особую процессуальную природу и фрагментарность регулирования. Показано, что доступность в банкротстве определяется не только формальным правом на обращение, но и совокупностью экономических, организационных и доказательственных барьеров. На материале судебного банкротства проанализированы эффекты переноса расходов на заявителя при недостаточности имущества должника, повышение пошлин, зависимость движения дела от возможности финансировать управляющего и сопутствующие процедуры, что ведет к латентной несостоятельности и фактическому «имущественному цензу». Внесудебная модель через МФЦ рассматривается как инструмент расширения доступа для граждан, однако выявляются риски формальной проверки, смещения бремени защиты на кредиторов и возможности злоупотреблений (селективное раскрытие обязательств, манипулирование цессией и исполнительным производством). Отдельно обсуждаются информационная асимметрия и повышенные стандарты доказывания в обособленных спорах, влияние цифровизации при сохранении «цифрового неравенства», проблемы трансграничных банкротств и правовой неопределенности из-за нестабильности регулирования и мораториев. Обоснована необходимость системной унификации процессуальных подходов и устранения дифференцированных норм для обеспечения предсказуемой и реально достижимой судебной защиты.

Ключевые слова: банкротство, принцип доступности правосудия, судебное банкротство, внесудебное банкротство.

Введение

В рамках иерархически выстроенной системы принципов цивилистического процессуального права определяющую роль в формировании цивилистического процесса играют функциональные принципы, среди которых особо выделяется принцип доступности правосудия.

Данный принцип находит свое отражение в Конституции РФ, международных актах, закрепляющих общепризнанные права и свободы человека и гражданина, а также в нормах процессуального законодательства. Согласно ст. 46 и 47 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод и при этом никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. При этом термин «доступность правосудия», а точнее – «доступ к правосудию», используется в тексте Конституции РФ всего один раз (в ст. 52) применительно к защите прав потерпевших. Однако, по сути, все указанные нормы касаются гарантированной государством возможности судебной защиты своих прав и законных интересов для заинтересованных лиц и обязанности государства в лице судебных органов предоставить эту защиту, но ни одна из правовых норм, включая и нормы процессуального права, не раскрывает содержание данного понятия.

Применительно к тематике настоящего исследования сложности добавляет еще и тот факт, что дела о банкротстве не вписаны в цивилистическую процессуальную форму; ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не имеет общего концепта; рассмотрение дел о несостоятельности представляет собой конгломерат процедур и институтов различных по природе и законодательной методологии [5], что обуславливает необходимость обратиться к особенностям реализации данного принципа в делах о несостоятельности (банкротстве).

Материалы и методы исследования

В отечественной процессуалистике указанное начало, трактуемое как доступность судебной защиты, впервые было концептуализировано и аргументировано В.М. Семёновым. Учёный определил его как гарантируемую государством возможность любого лица, обладающего надлежащим интересом, обратиться в судебный орган за охраной нарушенного права [6].

К настоящему времени накоплен значительный корпус исследований, развивающих эту концепцию. Так, по мнению В.В. Яркова, принцип доступности в процессуальном праве представляет собой нормативное предписание, согласно которому всякое заинтересованное лицо вправе инициировать судебное разбирательство с целью защиты собственных прав и законных интересов. Учёный подчёркивает, что доступность правосудия проявляется и в широте процессуальных возможностей, предоставляемых сторонам и иным участникам процесса [1]. С.В. Баранов, предлагая более детальную структуру принципа, выделяет в нём ряд ключевых компонентов: 1) субъективный – выраженный в потенциальной потребности и стремлении лица к судебной защите; 2) компетенционный – проявляющийся в «предметном, территориальном и темпоральном аспектах» рассмотрения споров; 3) институциональный – воплощающийся в существовании системы ординарных судов при одновременном запрете чрезвычайных судебных органов; 4) процессуальный – заключающийся в реализации принципа состязательности; 5) организационный – связанный с достаточной численностью судебных учреждений, соответствующей квалификацией судейского корпуса и уровнем их теоретико-правовой подготовки; 6) системный – выражающийся в многоуровневом контроле и надзоре за законностью и обоснованностью судебных актов [2].

Результаты и обсуждение

Центральным препятствием на пути к правосудию в делах о банкротстве остается экономический барьер, выраженный в необходимости финансирования расходов на проведение процедур. В отличие от классического искового производства, где расходы, как правило, ограничиваются государственной пошлиной и оплатой услуг представителя, дело о банкротстве требует постоянного финансового обеспечения деятельности арбитражного управляющего, публикации сведений, проведения инвентаризации и торгов. Сложившаяся практика применения ст. 59 Закона о банкротстве, возлагающая расходы на заявителя при недостаточности имущества должника, создает «охлаждающий эффект»

для кредиторов. Потенциальный инициатор банкротства, оценивая риски, зачастую отказывается от подачи заявления, понимая, что вероятность удовлетворения его требований ничтожна мала по сравнению с гарантированными расходами, которые он понесет. Это приводит к латентной несостоятельности, когда фактически неплатежеспособные субъекты продолжают формально существовать в реестре, накапливая долги и создавая угрозу стабильности оборота [14]. Судебная практика последних лет демонстрирует ужесточение подхода к проверке финансовой состоятельности заявителя на стадии принятия заявления, что фактически превращает имущественный ценз в процессуальное условие доступа к суду.

Ситуация усугубляется в делах о банкротстве граждан, где законодатель попытался решить проблему доступности через введение института внесудебного банкротства через многофункциональные центры (МФЦ). Изначально жесткие критерии по сумме долга и обязательному окончанию исполнительного производства делали эту процедуру недоступной для наиболее уязвимых слоев населения – пенсионеров и получателей социальных пособий, у которых исполнительное производство не могло быть окончено из-за наличия постоянного, хоть и минимального, дохода. Расширение критериев доступа к внесудебному банкротству в 2023 году стало значительным шагом вперед, однако анализ правоприменения показывает сохранение проблем. МФЦ, выступая в роли квази-судебного органа, осуществляют лишь формальную проверку документов, что переносит бремя оспаривания неправомерного доступа к процедуре на кредиторов, вынуждая их инициировать судебные разбирательства и нести соответствующие издержки [9].

Проблематика вознаграждения арбитражного управляющего является еще одним аспектом, влияющим на доступность процедуры. С одной стороны, фиксированная сумма вознаграждения, установленная законом много лет назад, явно не соответствует объему ответственности и трудозатрат управленческого, что приводит к отказу профессионалов от ведения дел «пустых» должников или банкротов-физических лиц с отсутствием ликвидных активов. Это создает категорию «брошенных» дел, где суд годами не может утвердить кандидатуру управляющего, фактически блокируя движение процесса. С другой стороны, попытки судов снизить вознаграждение или отказать в выплате процентов при отсутствии реального погашения требований кредиторов, хотя и направлены на защиту конкурсной массы, демотивируют управляющих, снижая качество их работы. В результате формируется теневой рынок услуг, где доступ к процедуре обусловлен наличием неформальных договоренностей о дополнительном финансировании, что прямо противоречит принципам независимости и добросовестности [3].

Особый интерес представляет вопрос доказывания в обособленных спорах, где распределение бремени доказывания напрямую влияет на возможность защиты прав. Стандарт доказывания в делах о банкротстве выше, чем в обычном гражданском процессе, стремясь к стандарту «вне разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*) при оспаривании подозрительных сделок или привлечении к субсидиарной ответственности. Однако для миноритарных кредиторов, не обладающих доступом к внутренней документации должника, этот стандарт часто становится непреодолимым препятствием. Верховный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость перераспределения бремени доказывания в пользу более слабой стороны, применяя доктрину *prima facie*, однако на уровне судов первой инстанции инерция мышления часто приводит к отказу в удовлетворении требований из-за недоказанности обстоятельств, объективно скрытых от кредитора [3]. Это создает ситуацию информационной асимметрии, нарушающую принцип процессуального равенства.

Институт субординации требований аффилированных кредиторов, активно развиваемый судебной практикой, двояко влияет на доступность правосудия. С одной стороны, он защищает независимых кредиторов от размывания конкурсной массы требованиями, искусственно созданными бенефициарами должника. С другой стороны, жесткий подход к субординации может ограничить права лиц, реально финансировавших бизнес в кризисной ситуации, лишая их надежды на возврат средств и демотивируя инвесторов участвовать в санации предприятий. Грань между корпоративным участием и заемным финансированием часто размыта, и судебная ошибка в квалификации правоотношений может привести к фактической экспроприации прав требования добросовестного лица, закрывая ему доступ к распределению активов [6].

Цифровизация правосудия, безусловно, повысила техническую доступность процедуры. Системы «Мой Арбитр» и «Картотека арбитражных дел» позволяют участникам отслеживать ход процесса и подавать документы удаленно, что критически важно с учетом геогра-

фической протяженности страны. Однако «цифровое неравенство» сохраняется: лица, не обладающие навыками работы с электронными системами или не имеющие квалифицированной электронной подписи, оказываются в уязвимом положении. Более того, массовый характер банкротств граждан привел к перегрузке электронных систем и аппаратов судов, что выражается в задержках публикации судебных актов и обработки входящей корреспонденции. Техническая доступность не тождественна содержательной доступности правосудия, если за электронной подачей следует многомесячное ожидание первого судебного заседания [1].

Сложность законодательства о банкротстве требует обязательного участия квалифицированных юристов, что также увеличивает стоимость входа в процесс. В отличие от многих категорий споров, где возможно самопредставительство, специфика конкурсного права делает самостоятельное ведение дела гражданином или директором малого предприятия практически невозможным без риска совершения фатальных процессуальных ошибок. Отсутствие развитой системы бесплатной юридической помощи (*pro bono*) в сфере банкротства для малоимущих граждан оставляет значительную часть должников один на один с профессиональными представителями кредиторов, что подрывает состязательность процесса. Государственные юридические бюро, как правило, не обладают компетенцией в столь узкоспециализированной области, а стоимость услуг частных консультантов часто сопоставима с суммой долга [2].

Отдельного внимания заслуживает проблема доступности правосудия для иностранных кредиторов в рамках трансграничных банкротств. Несмотря на отсутствие в России полноценного регулирования трансграничной несостоятельности на законодательном уровне, судебная практика постепенно вырабатывает механизмы признания иностранных банкротных процедур на основе принципа взаимности. Тем не менее, иностранные лица сталкиваются с серьезными барьерами: необходимость легализации документов, сложности перевода, санкционные ограничения и проблемы с трансграничными переводами денежных средств для уплаты пошлин и финансирования процедур. Политизация экономических отношений в последние годы создала дополнительные риски дискриминации иностранных участников, что противоречит глобальному характеру современного бизнеса и принципам *comitas gentium*.

Правовая определенность как элемент доступности правосудия страдает от частого изменения позиций высших судебных инстанций и нестабильности законодательства. Постоянные реформы, введение мораториев на банкротство, изменение очередности удовлетворения требований создают среду, в которой невозможно прогнозировать исход дела. Мораторий на банкротство, введенный в 2022 году, хотя и преследовал цель поддержки бизнеса, фактически заблокировал доступ кредиторов к правосудию на длительный срок, лишив их возможности принудительного взыскания долгов и инициирования процедур несостоятельности. Этот период «заморозки» правовых средств защиты показал, насколько хрупким может быть право на суд в условиях чрезвычайного регулирования [5].

Судебный контроль за торгами является важным элементом обеспечения доступности активов должника для покупателей и максимизации выручки для кредиторов. Однако практика показывает, что электронные торговые площадки нередко используются для ограничения конкуренции через установление необоснованных требований к задаткам, создание искусственных технических сбоев или использование «таранных» участников. Оспаривание результатов торгов в судебном порядке представляет собой сложный и дорогостоящий процесс с неочевидным результатом. Суды часто отказывают в признании торгов недействительными по формальным основаниям, ссылаясь на защиту добросовестного приобретателя, даже при наличии явных признаков манипулирования ценой. Это снижает доверие к институту банкротных торгов и уменьшает круг потенциальных инвесторов [8].

В контексте субсидиарной ответственности наблюдается тенденция к расширению круга ответчиков, включая не только номинальных руководителей, но и бенефициаров, членов их семей и даже наследников. С одной стороны, это повышает шансы кредиторов на удовлетворение требований, делая правосудие более результативным. С другой стороны, привлечение к ответственности наследников должника (в пределах наследственной массы) или детей контролирующих лиц ставит этические вопросы и требует особо тщательного судебного разбирательства. Риск необоснованного привлечения к ответственности становится фактором, сдерживающим предпринимательскую инициативу, и может рассматриваться как барьер для нормального экономического оборота. Доступность правосудия здесь должна трактоваться и как право на защиту от необоснованного преследования.

Оспаривание сделок должника — один из самых эффективных инструментов пополнения конкурсной массы. Однако расширительное толкование понятий «вред кредиторам» и «неравноценное встречное исполнение» приводит к тому, что под ударом оказываются обычные хозяйственные операции. Контрагенты должника, не знаящие о его финансовом состоянии, вынуждены возвращать полученное по сделкам, часто не имея возможности встать в реестр кредиторов из-за пропуска сроков. Это создает ситуацию правовой незащищенности участников оборота, для которых банкротство партнера становится непредсказуемым риском. Баланс интересов здесь смещен в сторону конкурсной массы, что, возможно, оправдано целями банкротства, но снижает доверие к стабильности гражданского оборота.

Институт обеспечительных мер в делах о банкротстве также играет двойственную роль. Своевременный арест активов контролирующих лиц необходим для гарантии исполнимости будущего судебного акта. Однако суды, опасаясь блокировать деятельность бизнеса, крайне неохотно идут на принятие обеспечительных мер до вынесения решения по существу. Высокий стандарт доказывания необходимости принятия мер, требуемый судами, часто делает этот инструмент недоступным для кредиторов, у которых нет ресурсов для проведения частного детективного расследования по поиску активов. В результате к моменту привлечения к ответственности активы оказываются выведенными, и судебный акт превращается в «бумажное правосудие» без реального экономического содержания.

Роль налогового органа как заявителя в делах о банкротстве имеет свою специфику. Обладая административным ресурсом и доступом к информации, фискальный орган находится в привилегированном положении по сравнению с коммерческими кредиторами. Практика взыскания налоговых недоимок через банкротство часто носит карательный характер, не оставляя бизнесу шансов на восстановление. При этом процедуры урегулирования задолженности (мировые соглашения, рассрочки) в отношениях с бюджетом крайне формализованы и труднодоступны. Это создает дисбаланс, где публичный интерес превалирует над частным, искажая принципы конкурсного права.

Завершая анализ проблематики, нельзя не отметить влияние территориальной доступности правосудия. Концентрация арбитражных судов в областных центрах создает логистические трудности для участников из отдаленных районов, особенно в делах о банкротстве граждан. Использование систем видеоконференцсвязи (ВКС) частично решает эту проблему, но организация ВКС требует участия другого суда, что не всегда возможно. Система веб-конференций (онлайн-заседаний), получившая развитие в последние годы, является более гибким инструментом, но ее применение зависит от технического оснащения конкретного судьи и стабильности интернет-соединения, что пока не гарантировано повсеместно.

Следовательно, современная доктрина квалифицирует принцип доступности правосудия как гарантированную открытость судебной защиты ущемленного права для любого заинтересованного субъекта. Индивид, намеренный прибегнуть к суду, не должен наталкиваться на необоснованные институциональные или процессуальные барьеры. Однако в полной ли мере эта теоретическая парадигма воплощается в делах о несостоятельности, если учесть, что эволюция банкротного законодательства представляет собой непрерывный процесс переосмысления целого спектра проблем, включая именно проблему доступа к правосудию? Ответ на данный вопрос во многом детерминирован тем, применяется ли судебная либо внесудебная форма урегулирования неплатежеспособности, поскольку каждая из указанных моделей по-разному влияет на реализацию рассматриваемого принципа.

При использовании судебной процедуры банкротства исходят из того, что подача заявления о признании должника несостоятельным не носит характер безусловного субъективного права и допускаются исключительно при одновременном соблюдении предусмотренных законом предпосылок. Тем самым проявляются специфические грани действия принципа доступности правосудия внутри конкурсного процесса. Во-первых, законодатель устанавливает минимальный порог размера денежных требований, предъявляемых к должнику; во-вторых, данные требования, как общее правило, подлежат предварительному подтверждению вступившим в силу судебным актом; в-третьих, заявитель обязан опубликовать досудебное уведомление о намерении инициировать производство [4]. Однако учитывая общую стоимость процедуры судебного банкротства (не менее 150 000 рублей, куда входят услуги на вознаграждение финансового управляющего, обязательные публикации, расходы на организацию торгов, судебные издержки и иные расходы), а также существенное повышение размеров государственной пошлины, можно констатировать недоступность данной процедуры для ряда категорий не только физических, но и юридических лиц в силу невозможности реализации данного принципа на практике.

Применительно к внесудебному банкротству реализация принципа доступности правосудия видится в следующем.

Цель и ожидаемый эффект процедуры внесудебного банкротства состоят в освобождении гражданина-должника от обязательств при соблюдении установленных законом параметров долга и иных дополнительных предпосылок, когда отсутствуют реальные перспективы исполнения обязательств и возникает возможность преодоления состояния несостоятельности, признание которого традиционно осуществляется исключительно судом и сопровождается инициированием, продлением либо завершением судебных процедур банкротства. Преимущество внесудебного формата проявляется не только для должника, но и для его кредиторов, поскольку классический судебный процесс нередко растягивается на продолжительный период, сопряжен с дополнительными финансовыми и временными издержками и не гарантирует пропорционального удовлетворения требований.

Внесудебное банкротство по существу представляет собой исключительный заявительный механизм избавления граждан от долгов с участием административного звена — многофункционального центра (МФЦ). Данная особенность побуждает некоторых исследователей переосмысливать роль суда в указанной процедуре. Хотя обращение к судебной защите при внесудебном банкротстве не исключено, а законодательно предусмотренный контроль за деятельностью МФЦ судом прямо не отрицается, подобная конструкция не противоречит принципу доступности правосудия [7]. Однако она порождает дополнительные правовые риски, обусловленные: а) наличием иного, расширенного по отношению к традиционному, регулирования; б) выводом значительного массива взаимоотношений участников банкротства из судопроизводства; в) необходимостью поддержания баланса прав и законных интересов всех затронутых лиц.

Доступность правосудия в рамках внесудебной процедуры во многом определяется поведением участника, прежде всего физического лица-должника, что выражается в следующих потенциальных практиках.

Селективное раскрытие обязательств. Освобождение распространяется исключительно на долги, указанные в заявлении, поданном в МФЦ. Должник может умышленно включить лишь часть обязательств, чтобы уложиться в лимит, установленный законом. Если нераскрытые кредиторы своевременно не отслежат публикацию в ЕФРСБ, должник получит возможность оперативного и относительно безболезненного списания задолженности. Предусмотренная санкция — право таких кредиторов инициировать обычное банкротство — представляется недостаточной для надлежащего предотвращения злоупотреблений.

Использование цессии в целях противодействия списанию долга. Процедура прекращает обязательства только перед лицами, обозначенными в заявлении. Остаётся неопределённым режим обязательств, если должник ошибся в идентификации кредитора. Последний вправе до подачи заявления уступить требование третьему лицу и не уведомить об этом должника, что не затрагивает действительность цессии, либо, после публикации сведений в ЕФРСБ, оформить уступку «задним числом». Вероятно, новый кредитор предпримет попытку оспорить итоги процесса, ссылаясь на договор цессии.

Манипулирование исполнительным производством с целью блокирования процедуры. Инициировать внесудебное банкротство гражданин вправе при условии, что в отношении него окончено исполнительное производство возвратом исполнительного листа хотя бы одним кредитором по причине отсутствия имущества, при этом после указанной даты не должно возникнуть иных подобного рода производств. Лингвистический анализ нормы позволяет заключить, что наличие ранее возбужденных, но не завершённых производств до момента возврата исполнительного документа препятствием не является [3]. Подобная неоднозначность открывает возможности для процессуальных манёвров, направленных как на воспрепятствование запуску внесудебной процедуры, так и на злоупотребление этим механизмом со стороны должника.

Таким образом, несмотря на потенциальные выгоды, внесудебное банкротство нуждается в дальнейшей нормативной и правоприменительной детализации, обеспечивающей надлежащее соотношение публичных и частных интересов, а также устойчивую защиту прав всех участников оборота.

Выводы

В завершение представляется необходимым подчеркнуть, что до настоящего времени сохраняется широкий спектр как теоретических, так и практических затруднений, связанных с обеспечением доступности правосудия в делах о несостоятельности (банкротстве); данное обстоятельство лишь усиливает значимость современной научной дискуссии

в указанной области. Следует признать, что игнорирование ключевых правовых принципов порождает устойчивые негативные тенденции, отрицательно влияющие на результативность судебной деятельности, причём их число неуклонно растёт. В силу изложенного возникает настоятельная потребность не только в дальнейшем углублённом доктринальном исследовании, но и во всестороннем реформировании процессуального законодательства с позиции реализации основ цивилистического процесса: требуется устранить фрагментарно-дифференцированные нормы действующих процессуальных кодексов, осуществить унификацию процессуального права, что, в конечном счёте, должно обеспечить последовательное и единообразное применение правовых предписаний.

Литература

1. Арбитражный процесс: учебник / А.В. Абсаямов, И.Г. Арсенов, Е.А. Виноградова и др.; отв. ред. В.В. Ярк. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2010. 880 с.
2. Баранов С.В. Доступность правосудия как условие реализации конституционного права на судебную защиту в Российской Федерации: дис. канд. юр. наук: 12.00.02. – Российская академия государственной службы при Президенте РФ, Москва, 2011–180 с.
3. Зайцев О., Мифтахутдинов Р., Юхнин А., Карелина С., Сердитова Е., Пацация М., Уксусова Е., Ястржембский И., Архипов Д., Пермяков О., Константинов Д., Строев Н., Бабкин О. Внесудебное банкротство // Закон. 2020. N 9. С. 21–38.
4. Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / Н.В. Алексеева, С.Т. Багыллы, А.В. Белякова и др.; отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. 416 с.
5. Сахнова Т.В. Банкротство как метапроцессуальная категория // Вестник гражданского процесса. 2024. N 1. С. 48–64.
6. Семёнов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства / В.М. Семёнов. – М.: Юрид. лит., 1982–152 с.
7. Фокин Е.А. Доступность правосудия в делах о банкротстве // Журнал российского права. 2024. N 11. С. 46–58.

THE PRINCIPLE OF ACCESS TO JUSTICE IN BANKRUPTCY CASES

Tokareva E.V.

Novosibirsk State University of Economics and Management

The article elucidates the content and practical feasibility of the principle of access to justice as applied to insolvency cases, considering their specific procedural nature and the fragmentary character of regulation. It demonstrates that accessibility in bankruptcy is determined not only by the formal right to file a claim but also by a combination of economic, organizational, and evidentiary barriers. Drawing on judicial bankruptcy practice, the analysis examines the effects of shifting costs to the applicant in cases of the debtor's insufficient assets, increased fees, and the dependence of case progression on the ability to finance the insolvency administrator and related procedures, which results in latent insolvency and a de facto "property census." The extrajudicial model via Multifunctional Centers is viewed as a tool for expanding access for individuals; however, it reveals risks of formal verification, shifting the burden of defense to creditors, and potential abuses (selective disclosure of obligations, manipulation of assignments and enforcement proceedings). Particular attention is given to information asymmetry and heightened proof standards in separate disputes, the impact of digitalization amid persistent "digital inequality," issues in cross-border insolvencies, and legal uncertainty stemming from regulatory instability and moratoriums. The article substantiates the need for systemic unification of procedural approaches and elimination of differentiated norms to ensure predictable and realistically attainable judicial protection.

Keywords: bankruptcy, the principle of accessibility of justice, judicial bankruptcy, extrajudicial bankruptcy.

References

1. Arbitration process: textbook / A.V. Absalyamov, I.G. Arsenov, E.A. Vinogradova et al.; responsible ed. V.V. Yarkov. 4th ed., rev. and exp. Moscow: Infotropic Media, 2010. 880 p..
2. Baranov S.V. Accessibility of justice as a condition for the implementation of the constitutional right to judicial protection in the Russian Federation: diss. cand. legal sci.: 12.00.02. – Russian Academy of Public Administration under the President of the RF, Moscow, 2011–180 p.
3. Zaitsev O., Miftakhutdinov R., Yukhnin A., Karelin S., Serditova E., Patsatsia M., Uksusova E., Yastrzhembsky I., Arkhipov D., Permyakov O., Konstantinov D., Stroeve N., Babkin O. Extrajudicial bankruptcy // Zakon. 2020. N 9. P. 21–38.
4. Problems of implementing the principles of civil proceedings in law enforcement activities: monograph / N.V. Alekseeva, S.T. Bagylla, A.V. Belyakova et al.; responsible eds. V.M. Zhuykov, S.S. Zavriy. Moscow: NORMA, INFRA-M, 2024. 416 p.
5. Sakhnova T.V. Bankruptcy as a metaprocedural category // Vestnik of Civil Procedure. 2024. N 1. P. 48–64.
6. Semenov V.M. Constitutional principles of civil proceedings / V.M. Semenov. – Moscow: Yurid. lit., 1982–152 p.
7. Fokin E.A. Accessibility of justice in bankruptcy cases // Journal of Russian Law. 2024. N 11. P. 46–58.

Цифровое имущество как новый объект гражданского права и инвестиционной деятельности: правовой аспект Российской Федерации и Вьетнама (СРВ)

Фам Хо Хоанг Лонг,

преподаватель, кафедра международное и публичное право,
Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: KKFam@fa.ru

Динамичное развитие цифровых технологий требует создания правовых инструментов для своевременной регуляции. С 1 января 2026 года вьетнамский Закон о цифровой промышленности вступил в силу, официально признавая новый тип имущества, называемый цифровым имуществом. Согласно вьетнамскому законодательству, цифровое имущество состоит из двух видов: виртуального актива и криптографического актива. Однако остаётся много вопросов относительно правовой природы и практического применения этого вида имущества во Вьетнаме. Практика показывает, что признание этих двух видов имущества имуществом в соответствии с гражданским законодательством требует большего, чем просто введение понятий цифрового имущества в законодательство. Это требует создания надёжной информационной инфраструктуры и согласованности, а также актуализации системы нормативных актов, касающихся данной области. В статье рассматриваются взгляды российского законодательства и российских ученых на аналогичные вопросы, проводится сравнительный анализ и даются рекомендации для вьетнамского законодательства.

Ключевые слова: Цифровые имущества, цифровые активы, виртуальные активы, криптографические активы, Закон о цифровой промышленности, имущественные права, обязательные права.

Развитие информационных технологий привело к появлению новых форм имущества. При этом цифровые имущества рассматриваются как тенденция будущего. Однако потенциал этого вида имущества остается недостаточно реализованным в силу озабоченности относительно связанных с ними рисков и опасностей. Страны всего мира предпринимают значительные усилия по преодолению правовых барьеров в отношении цифровых активов и одновременно усиливают развитие информационной инфраструктуры в целях обеспечения строгого контроля над операциями с такими активами.

Закон о цифровой промышленности № 71/2025/QH15 от 14 июня 2025 года Вьетнама (Закон № .71), вступивший в силу 1 января 2026 года, признает цифровые активы новой категорией имущества во Вьетнаме. Более того, определение цифровых активов в целях инвестирования также включено в нормативное определение цифровых активов. Закон № 71 выделяет две формы цифровых активов, включающие виртуальные активы и криптографические активы. Виртуальные активы в электронной среде представляют собой категорию цифровых активов, которые могут быть использованы в целях совершения операций обмена или инвестирования. Криптографические активы представляют собой категорию цифровых активов, использующих технологию криптографического кодирования или цифровую технологию с аналогичными функциями для аутентификации активов в процессе их создания, выпуска, хранения и передачи прав на них. Виртуальные активы и Криптографические активы включают ценные бумаги, цифровые формы законного платежного средства и иные финансовые активы в соответствии с положениями законодательства о гражданском праве и финансовом праве. Однако гражданское право по-прежнему оставляет открытым вопрос о правовой природе этого вида собственности. Является ли это правом собственности или особым видом собственности, выходящим за рамки традиционной юридической науки?

Ст. 105 Гражданского кодекса Вьетнама определяет содержание понятия «имущество», включающее деньги, денежные средства, вещи, ценные бумаги и имущественные права. Другими словами, при подходе в соответствии с действующим Гражданским кодексом, цифровые активы могут быть отнесены только к одной из указанных категорий: вещами, ценным бумагам или имущественным правам. Очевидно, что цифровые активы, обладающие нематериальной природой и существующие в виртуальной среде, не могут квалифицироваться как вещи в соответствии с вьетнамским законодательством, которое требует наличия у них физических признаков, то есть способности быть визуально воспринимаемыми и физически осязаемыми. Кроме того, Закон № .71 прямо исключил возможность отнесения цифровых активов к ценным бумагам, таким как акции, или иным финансовым активам. Таким образом, логично заключить, что цифровые активы следует рассматривать как имущественные права.

Соответствует ли данный подход сущности цифровых активов, и содержит ли действующее законодательство пробелы в отношении отнесения данной формы активов к одной из существующих категорий имущества? 18 марта 2019 года в ст. 127 ГК Российской Федерации был введен новый вид имущества, ранее не упоминавшийся в законодательстве – цифровые права. При этом ст. 141.1 раскрывает содержание цифровых прав как обязательственных и иных прав. Таким образом, российские законодатели предпринимают целенаправленные усилия по определению надлежащего места и роли данной категории активов в системе российского гражданского законодательства.

Ряд ученых выражают поддержку решению российских законодателей. Потапенко С.В. и Павлов Е.А. приходят к выводу о том, что цифровые права представляют собой имущественные права, существующие исключительно в информационной среде, включающие цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, а также обязательственные и иные права, определяемые в качестве таковых законом, содержание и порядок осуществления которых регулируются в соответствии с правилами функционирования информационной системы, соответствующей установленным законодательством критериям [11; С. 10].

Наряду с этим Мефодьева К.М., признавая цифровые права новым объектом гражданского права, подчеркивает, что они представляют собой самостоятельный объект коммерческой стоимости, не зависящий от его материального или электронного воплощения [9, С. 125].

Вместе с тем ряд ученых не поддерживают данный подход и полагают, что по своей сущности цифровые права не представляют собой новую категорию имущества, а являются лишь формой выражения или проявления уже существующих видов имущества. Конобеевская И.М. полагает, что введение в законодательство понятия «цифровые права» по существу не является полностью корректным с точки зрения юридической терминологии, и классификация их в качестве объектов гражданского права представляет собой принципиальную ошибку [8, С. 333]. Авторы, такие как Василевская Л.Ю. и Аюшеева И.З., подчеркивают, что по сути не происходит появления новой категории имущества, а имеет место лишь цифровизация (дигитализация) уже существующих имущественных прав [3].

По нашему мнению, существование цифровых прав основано на функционировании киберпространства – виртуального мира, являющегося продуктом интеллектуальной деятельности человечества. Мы полагаем, что электронный мир представляет собой нематериальное явление, существующее в зависимости от управления и функционирования человеческих цифровых инструментов. Таким образом, нет оснований рассматривать его как параллельный мир, отдельный от мира физической реальности, в котором живет человечество, и считать, что продукты, создаваемые в этом электронном пространстве, обладают эквивалентной ценностью и значением по сравнению с имуществом, созданным посредством человеческого труда и творчества в материальном мире. Речь идет о продуктах технологии блокчейна, таких как криптовалютные активы, токены, смарт-контракты и виртуальные активы в среде онлайн-игр. Необходимо провести четкое различие между этими объектами и компьютерным программным обеспечением. Компьютерное программное обеспечение имеет принципиально иную природу. Во-первых, оно существует в форме, которая может быть сохранена и хранится на серверах, компакт-дисках, USB и т.д., что полностью противоположно децентрализованному характеру некоторых видов криптовалютных активов. Во-вторых, компьютерное программное обеспечение является объектом права интеллектуальной собственности, который давно признан в качестве объекта гражданского права.

Таким образом, позиция Василевской Л.Ю. представляется весьма обоснованной в утверждении, что цифровые права по своей сущности не могут быть поставлены в один методологический ряд с другими видами гражданских прав, такими как предпринимательские права или права интеллектуальной собственности, которые возникают и функционируют в реальной жизнедеятельности человеческого общества. Более того, цифровизация прав не приводит к появлению новых прав, а представляет собой лишь их цифровой способ фиксации [5; С. 15]. Иными словами, цифровые права являются инструментом криптографического кодирования и цифрового представления уже существующих видов имущества и имущественных прав. Вместе с тем указанный автор подчеркивает, что цифровизация касается гражданских прав, а не материальных вещей, поскольку невозможно трансформировать материальную форму физического объекта в цифровую последовательность данных таким образом, чтобы получатель этих данных по-прежнему был способен воспринимать материальный объект всеми органами чувств [4; С. 113–114].

Мы можем более полно уяснить природу данной категории активов, рассмотрев каждый вид цифровых активов, перечисленный в законе. Во-первых, виртуальные активы в электронной среде представляют собой категорию цифровых активов, которые могут быть использованы в целях совершения операций обмена или инвестирования. Данное определение содержит определенные проблемы формулировки, поскольку использует терминологию, для которой отсутствует подробное толкование, необходимое для точной идентификации понятия «виртуальные активы». В упрощенном понимании электронная среда представляет собой окружение, сформированное электронными устройствами, взаимосвязанными посредством сети интернет. Электронные устройства, не использующие интернет, обычно не рассматриваются в данном контексте. Альтернативное упрощенное описание электронной среды может включать технологию блокчейна, в которой виртуальные активы принимают форму криптовалютных активов и токенов. Или же иная электронная среда может представлять собой онлайн-игровые платформы, где осуществляются транзакции с виртуальными игровыми активами. Данное понимание виртуальных активов кажется соответствующим законодательному определению. Однако вьетнамское законодательство предусматривает административные санкции за нарушение правил, связанные с куплей-продажей и обменом виртуальных активов в киберпространстве [10].

Виртуальные активы могут стать инвестициями в соответствии с положениями данного закона. Это представляет собой принципиально новый аспект, открывающий новый инвестиционный инструмент для инвесторов во Вьетнаме. Использование имущественных прав в ка-

честве инвестиционных средств является деятельностью, разрешенной законодательством и весьма распространенной на практике. Ст. 34 Закона о предпринимательской деятельности 2020 года определяет, что в качестве взноса капитала могут использоваться вьетнамские донги, свободно конвертируемая иностранная валюта, золото, права пользования земельным участком, права интеллектуальной собственности, технология, ноу-хау, и иное имущество, которое может быть оценено в вьетнамских донгах. Данное положение порождает три ключевых вопроса, требующих уточнения: во-первых, методология оценки виртуальных активов; во-вторых, Механизм управления и установления законного собственника виртуальных активов; в-третьих, Механизм совершения операций и введения виртуальных активов в предпринимательскую деятельность.

Виртуальные активы, обладающие природой выражения имущественных прав, не отражают напрямую денежную стоимость, а требуют прохождения надлежащей процедуры оценки для введения их в предпринимательский оборот. Необходимо признать, что в настоящее время Вьетнам не располагает достаточной технико-информационной инфраструктурой, а также не имеет надлежащего нормативно-правового механизма для реализации процедуры оценки виртуальных активов. На данный момент не существует прямого официального признания процедур оценки стоимости виртуальных активов. Уголовные дела содержат первоначальные попытки признания данной категории активов в контексте расследования преступлений, связанных с хищением криптовалютных активов [1; 2]. Однако суды не осуществляют прямого признание их в качестве самостоятельной категории имущества, а предпринимают попытки пересчета их стоимости в денежном эквиваленте на основе цены реализации криптовалюты на рынке, квалифицируя таким образом преступное деяние как хищение имущества в крупном размере. При этом вещественным доказательством по уголовному делу признается не сама криптовалюта, а сумма денежных средств, полученная от ее реализации на рынке. Данный подход демонстрирует определенную осторожность государственных органов при определении действительной стоимости данной категории активов. Отсутствие надлежащего механизма оценки виртуальных активов представляет собой существенное препятствие для их признания в качестве инвестиционного инструмента.

Еще одним значимым вопросом является тот факт, что виртуальные активы на основе технологии блокчейна обладают децентрализованным характером, в связи с чем установление происхождения и идентификация собственника такого имущества остаются открытыми проблемами. В частности, в отношении имущественных прав регистрация права собственности служит средством защиты прав и законных интересов собственника, идентификации имущества в связи с определенным субъектом права, а также инструментом управления потоками капитала в экономике и предотвращением финансовых преступлений. Имущественные права, такие как права пользования земельным участком, права на акции, доли участия в уставном капитале компании и права интеллектуальной собственности, подлежат государственной регистрации и охране со стороны государственных органов. Однако в настоящее время не существует какого-либо конкретного государственного органа, несущего ответственность за управление и регистрацию виртуальных активов. Это обстоятельство создает существенный пробел в правовом регулировании, приводя к парадоксальной ситуации, когда виртуальные активы признаны законодательством, но не имеют практической реализуемости и не могут быть надлежащим образом администрированы в реальной предпринимательской жизни.

Третий вопрос касается механизма передачи прав на виртуальные активы и их практического использования субъектами инвестиционной и предпринимательской деятельности. Следует отметить, что одной из существенных характеристик инвестирования является необходимость передачи прав на имущество и его использования в целях предпринимательской деятельности [12]. Однако при наличии двух указанных выше дефектов – отсутствия механизма оценки и отсутствия системы регистрации и управления – практическое использование виртуальных активов в качестве инвестиций остается принципиально неопределенным. Предположим, инвесторы вносят виртуальные активы в качестве капитальных вложений в предпринимательскую деятельность: какое практическое содержание может иметь стоимость такого имущества за пределами его денежного эквивалента? В случае прав пользования земельным участком материальная ценность очевидна через его предпринимательское использование – строительство производственных объектов, развитие сельскохозяйственного производства и т.д. В отношении прав интеллектуальной собственности коммерческая ценность явно прослеживается через их практическую реализацию – эксплуатацию товарных знаков, использование

программного обеспечения, внедрение полезных решений и т.п. Необходимо учитывать, что виртуальные активы по своей природе представляют собой объекты электронной среды, и их практическое использование будет генерировать дополнительную виртуальную ценность, для управления которой отсутствуют надлежащие нормативные механизмы. Это создает порочный круг между тремя обозначенными выше проблемами: их комплексное разрешение требует одновременного решения всех трех аспектов, в противном случае система окажется нежизнеспособной.

В связи с изложенным выше представляется преждевременным и недостаточно обоснованным рассмотрение виртуальных активов в качестве объекта инвестирования в соответствии с положениями действующего вьетнамского законодательства при условии, что существующие система управления, инфраструктурное обеспечение и правовой регламент не обладают достаточной способностью удовлетворить специфические технико-организационные требования, предусмотренные природой данной категории активов.

Обратимся ко второй категории активов, упомянутой в законе – криптографическим активам. Резолюция № 05/2025/NQ-CP от 9 сентября 2025 года Правительства Вьетнама была издана для осуществления пилотного проекта по регулированию рынка криптографических активов во Вьетнаме. В данной Резолюции криптографические активы определяются как категория цифровых активов, при создании, выпуске, хранении и передаче которых применяется технология криптографического шифрования или иная цифровая технология с равнозначными функциональными характеристиками для целей аутентификации. Согласно ст. 5 Резолюции, криптографические активы должны быть выпущены на основе базовых материальных активов и не могут быть ценными бумагами или государственной валютой. Данный подход соответствует позиции российских законодателей в их попытке цифровизации уже существующих категорий имущества. Однако установление требования о том, что криптографические активы должны базироваться на материальных активах, исключает признание их в качестве независимой новой категории имущества и не позволяет рассматривать их в качестве самостоятельного объекта гражданского права. По существу, они представляют собой лишь трансформацию формы существования имущества в цифровую форму, признаваемый законодательством. При попытке цифровизации материальных вещей происходит утрата их физической сущности – того атрибута, который является определяющим фактором их существования в материальном мире. Как было отмечено ранее, цифровизация может быть применена к имущественным правам. Однако процесс цифровизации этих имущественных прав по сути не создает новых имущественных прав, а лишь усложняет структуру существующих имущественных прав. Иными словами, было бы некорректным рассматривать цифровые активы в качестве самостоятельного имущественного права, образованного на основе иного имущественного права, что создало бы конструкцию «право на право» [4]. Независимо от того, применяется ли цифровизация к имущественным правам, материальным вещам или иным объектам, она представляет собой исключительно новый способ представления и выражения соответствующего имущества в новой среде, именуемой электронной средой, но никоим образом не создает новый объект гражданского правоотношения.

Одновременно с этим, учитывая столь неопределенную природу, квалификация данной формы активов в качестве «инвестиции» также представляется неосуществимой. Инвестиции представляют собой категории имущества, признанные и урегулированные гражданским и деловым законодательством. Если рассматривать «криптографические активы» (последовательность компьютерных кодов) в качестве самостоятельной новой категории имущества, подлежащей введению в инвестиционную и предпринимательскую деятельность, остается неясным, какую роль и правовое значение будет выполнять в данном правоотношении то базовое материальное имущество, на основе которого были созданы криптографические активы. Таким образом, необходимо переосмыслить концептуальную сущность и определение понятия «криптографические активы», рассматривая его не в качестве самостоятельной новой категории имущества, а как способ цифровизации и представления уже существующих форм материального имущества.

Спешка в законодательной деятельности, вызванная стремлением соответствовать мировым тенденциям и создать правовую базу для инвестиционной деятельности в сфере высоких технологий, создает множество пробелов в правовом регулировании. По нашему мнению, введение цифровых активов в качестве самостоятельной новой категории имущества в систему вьетнамского законодательства требует тщательного и взвешенного подхода. По существу, природа «цифровых активов» (включая виртуальные активы и криптографические активы) заключается в том, что они представляют собой метод криптогра-

фического кодирования и цифровизации уже существующих имущественных прав и отражают сущность соответствующего имущественного права. При разработке системы законодательства, касающейся цифровых активов, законодатели должны четко определить сущность и природу данных имущественных отношений для предотвращения технико-терминологической путаницы при классификации конкретных разновидностей виртуальных и криптографических активов. Кроме того, для практической реализации введения цифровых активов в хозяйственный оборот необходимо разработать комплексную систему технико-информационной инфраструктуры, создать скоординированный механизм управления и администрирования, а также сформировать более прочную и развитую нормативно-правовую базу, чем та, которой в настоящее время располагает Вьетнам.

Литература

1. Апелляционное постановление № 46/2025/HS-PT от 29.07.2025 Апелляционного суда CPB по провинции Фу То
2. Апелляционное постановление № 841/2023/HS-PT от 01.11.2023 Апелляционного суда CPB по городу Хошимину;
3. Аюшеева И.З. Цифровые объекты гражданских прав // *Lex russica*. 2021;74(7). С. 32–43. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.032-043>
4. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
5. Василевская Л.Ю. Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам // *Lex Russica*. 2025. № 9 (226). С. 9–23. doi: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023
6. Гражданский кодекс Вьетнама от 24 ноября 2015 № 91/2015/QN13
7. Закон Вьетнама от 14 июня 2025 № 71/2025/QN15 о «цифровой промышленности»
8. Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право*, 2019, 19 (3). С. 330–334. doi: 10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334
9. Мefeldьева К.М. Цифровые данные как объект гражданского правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 125.
10. Постановление № 15/2020/NĐ-CP Правительства CPB от 03.02.2020 об установлении размеров и порядка наложения административных штрафов за правонарушения в сфере почтовых услуг, телекоммуникаций и использования радиочастотного спектра
11. Потапенко С. В., Павлов Е.А. Цифровые права в системе объектов гражданских прав. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;(2). С. 9–14. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-2-9-11>
12. Фам Хо Х.Л. Риск как особенность инвестиционной деятельности по законодательству России и Вьетнама // *Евразийский Юридический Журнал*, 2025, № 9 (208). С. 57–59. DOI: 10.46320/2073-4506-2025-9-208-57-59

DIGITAL ASSETS AS A NEW OBJECT OF CIVIL LAW AND INVESTMENT ACTIVITY: LEGAL ASPECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND VIETNAM (SRV)

Pham Ho Hoang Long

Financial Industry under the Government of the Russian Federation

The dynamic development of digital technologies requires the adaption of legal instruments, regulating relations arisen from utilizing these technologies. On January 1, 2026, the Vietnamese Law of Digital Industry came into effect, officially recognizing a new type of property called digital property (assets). According to Vietnamese law, digital property consists of two types: virtual property and encrypted property. However, there are still many issues regarding the legal nature and application of this property in Vietnam. In practice, recognizing digital property within the scope of property in civil law requires more than just incorporating its concept of into the law. It requires the establishment of a robust information infrastructure, as well as consistency and updates within the system of related legal norms. This article examines the perspectives of Russian law and Russian scholars on similar issues, conducts a comparative analysis, and provides recommendations for Vietnamese law.

Keyword: Digital property, digital assets, virtual property, encrypted property, Law of Digital Industry, property rights, law of obligations.

References

1. Appellate Decision No. 46/2025/HS-PT dated July 29, 2025, of the Appellate Court of Vietnam in the province of Phu Tho
2. Appellate Decision No. 841/2023/HS-PT dated November 1, 2023, of the Appellate Court of Vietnam in Ho Chi Minh City.

3. Ayusheeva I.Z. Digital Objects of Civil Rights // *Lex Russica*. 2021;74(7). Pp. 32–43. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.032-043>
4. Vasilyevskaya L. Yu. Token as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification of Digital Rights // *Current Issues of Russian Law*. 2019. No. 5 (102). Pp. 111–119.
5. Vasilyevskaya L. Yu. Digitalization of Objects in Civil Circulation: From Transformation to New Legal Regimes // *Lex Russica*. 2025. No. 9 (226). Pp. 9–23. doi: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.009-023
6. Civil Code of Vietnam, November 24, 2015, No. 91/2015/QH13
7. Vietnam's Law No. 71/2025/QH15 on "Digital Technology Industry" dated June 14, 2025.
8. Konobeevskaya I.M. Digital Rights as a New Object of Civil Rights // *Herald of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2019, 19 (3). Pp. 330–334. doi: 10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334

9. Mefodyeva K.M. Digital Data as an Object of Civil Law Regulation in Germany, the USA, and Russia: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2019. p. 125
10. Resolution No. 15/2020/NĐ-CP of the Government of Vietnam, dated February 3, 2020, on the establishment of the amounts and procedures for imposing administrative fines for violations in postal services, telecommunications, and the use of radio frequency spectrum.
11. Potapenko S.V., Pavlov E.A. Digital Rights in the System of Civil Rights Objects. *Legal Bulletin of Kuban State University*. 2021;(2). Pp. 9–14. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-2-9-11>
12. Pham Ho H.L. Risk as a Feature of Investment Activity According to the Legislation of Russia and Vietnam // *Eurasian Legal Journal*, 2025, No. 9(208). Pp. 57–59. DOI: 10.46320/2073-4506-2025-9-208-57-59

Хасанов Артур Александрович,

аспирант, Новосибирский государственный университет

В научных работах, посвящённых правовому анализу компьютерных игр, часто указывается, что современные компьютерные игры стоит рассматривать как сложный объект (мультимедийный продукт). Несмотря на осмысленность данной позиции стоит рассмотреть адекватность прижившегося в российских судах подхода – классификацию компьютерных игр как программ для ЭВМ. С этой целью проводится разбор понятия программы для ЭВМ. В ходе семантического анализа понятия устанавливается, что достаточно абстрактное определение программы для ЭВМ может весьма успешно описать Компьютерную игру. Рассматривается проблема соотношения мультимедийного продукта и программы для ЭВМ. Формируется вывод о прикладной ценности классификации Компьютерных игр как мультимедийного продукта.

Ключевые слова: Компьютерная игра Программа для ЭВМ, Сложный объект, мультимедийный продукт.

Введение

В настоящий момент популярной позицией научного сообщества по вопросу места компьютерных игр в системе объектов гражданского права является их классификация в качестве сложного объекта (мультимедийного продукта). При этом авторы выражают несогласие позицией, устоявшейся в судах Российской Федерации, о том, что компьютерные игры относятся к категории программы для ЭВМ. Иллюстративным примером подобной критики является небольшая статья Рожковой М.А. «Современная компьютерная игра – это не программа для ЭВМ» [4]. Эту позицию автор подробнее раскрывает в монографии: «Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы» Приведём ряд наиболее значимых аргументов из данной работы:

– «С точки зрения фактического содержания и структуры, современная видеоигра может включать в себя ряд разнородных результатов интеллектуальной деятельности. Помимо программного кода (программы для ЭВМ), в ее состав могут входить графические и аудиовизуальные произведения, элементы дизайна, сценарные материалы, музыкальные произведения, базы данных, персонажи, товарные знаки и иные объекты, обладающие признаками самостоятельной охраноспособности»

Выводы авторов в целом можно признать верными. В особенности, выводы Рожковой М.А. – автора, создавшего множество научных работ, посвящённых программам для ЭВМ и компьютерным играм, включая глубокие работы, посвящённые подробному анализу программ для ЭВМ.

Стоит отметить, что при анализе работ часто и отчасти справедливо время уделяется «истинному», существующему за пределами категорий гражданского права, существу программного кода, являющемуся в первую очередь техническим решением. Однако в «правовой реальности» понятие программы для ЭВМ сформулировано весьма специфическим образом. Если использовать только тот смысл, который может быть извлечён из слов, формирующих термин «программа для ЭВМ», можно представить ситуацию, когда даже современная компьютерная игра будет программой для ЭВМ.

Для этого проведём семантический анализ термина «программа для ЭВМ», сравним его с общепринятым и академическим восприятием понятия «мультимедийный продукт» и разберёмся, при каких условиях игру можно будет воспринять как программу для ЭВМ, а в каких как мультимедийный продукт.

Семантический анализ понятия

Начнём с разбора понятия «программа для ЭВМ» (далее по тексту – ПЭВМ).

ПЭВМ характеризуется следующим образом: «Программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определённого результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения»¹. Разберём подробно данное определение.

1) Определимся с понятием «ЭВМ». ГОСТ 19781-90 определяет ЭВМ как: «вычислительная машина, основные устройства которой выполнены на электронных компонентах»². Иными словами, ЭВМ может быть, как обычный компьютер, так и игровая консоль, телефон или звуковая колонка. В связи с этим представляется, что указание в определении ПЭВМ на «другие компьютерные устройства» может рассматриваться как чрезмерное, хоть и указание «иные компьютерные устройства» очевиднее демонстрирует, что данное понятие относится не только компьютерам в их социально-традиционном понимании, но и к любым электронным устройствам, выполняющим различные вычисления.

2) Вернёмся к определению ПЭВМ. Фундаментальным элементом понятия является определение ПЭВМ как «совокупность данных и команд».

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 1261. Программы для ЭВМ.

² Государственный стандарт СССР. ГОСТ 19781-90 «Обеспечение систем обработки информации программное. Термины и определения» (утв. И введен в действие Постановлением Государственного комитета СССР по управлению качеством продукции и стандартам от 27 августа 1990 г. N 2467)

Данные относительно ПЭВМ можно рассматривать как информацию различных типов¹. Команды можно интерпретировать как «обращение оператора системы обработки информации к управляющей программе, переданное посредством консоли, для оказания воздействия на ход обработки данных»². Объективная форма обозначает, что данные и команды могут быть восприняты третьими лицами. Следует обратить внимание на следующее. Категория «данные», как и категория «информация» являются достаточно обширными. И, как следствие, данная формулировка не препятствует тому, чтобы рассматривать какие-либо изображения и звуки как данные, которые используются как часть ПЭВМ.

3) Отдельно определена цель ПЭВМ – функционирование ЭВМ и получение результата. В случае видеоигр получаемым результатом может быть возможность пользователя взаимодействовать с игрой и осуществлять игровой процесс (геймплей), а также воспринимать порождаемые игрой аудиовизуальные отображения.

Наличие цели само по себе является интересной особенностью ПЭВМ. Данная характеристика рассматриваемого объекта авторского права отличает его от прочих. Так, изображения, музыка и т.д. в своём юридическом значении не имеют какой-либо цели, что указывает на отсутствие у данных объектов утилитарного назначения, в то время как ПЭВМ может выполнять утилитарную функцию. Это сближает данный объект авторского права с объектами патентного права, имеющими юридически прописанную утилитарную функцию в виде экономической или иной социальной выгоды. Утилитарность выполняемой функции может подтверждаться через следующий элемент определения.

4) Важным элементом определения являются «подготовительные материалы». Исходя из семантики термина логично предположить, что это могут быть материалы, на основании которых ведётся разработка. Смысл уточнения «полученные в результате разработки» в том, что первым этапом разработки ПЭВМ может являться разработка подготовительной документации (например, технического задания). Представляется, что данный подход является наиболее целесообразным. Примером подготовительных материалов можно назвать:

– Техническое задание, в котором описывается в том числе цель создания программы;

– Сюжет видеоигры, потому что он может описывать основные действия в рамках игры и как следствие формировать то, что будет программироваться и как будут выглядеть аудиовизуальные отображения.

Включение подготовительных материалов в определение ПЭВМ логично. Если не учитывать подобные документы в качестве существенных, то юридически установить цель ПЭВМ будет сложнее. Из-за этого позиции, в которых под «подготовительными материалами» подразумеваются материалы, используемые только непосредственно в момент разработки кода, нецелесообразно считать верными [1, с. 351–352]; в данном случае следует указать на верность выводов Савельева А.И. [6] и Рожковой М.А. [4, с. 10–61]

5) Разберём, что может быть формально интерпретировано как аудиовизуальное отображение – любой графический и звуковой элемент (например, саундтрек игры и внешний вид персонажа игры). **Отметим, что семантически аудиовизуальные отображения включаются в понятие «данные и команды».** Важный критерий: необходимо, чтобы данные элементы были «порождены» программой для ЭВМ. В данном случае порождение может означать прямую техническую (логическую) зависимость существования аудиовизуальных отображений от написанных команд и данных. Это означает, что любое аудиовизуальное отображение может быть представлено в качестве программного кода. В целом констатация данного факта не представляется уникальной, т.к. данная техническая возможность является общеизвестной как относительно звука³, так и изображений⁴.

Вывод анализа

Теперь представим, что один или группа субъектов, во-первых, пишет текст, описывающий некую совокупность действий каких-то объектов

¹ Типы данных // MQL4.com. URL: <https://book.mql4.com/ru/basics/types> (Дата обращения: 30.01.2026).

² Государственный стандарт СССР. ГОСТ 19781-90

³ Цифровой аудиоформат // Википедия: Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B0%D1%83%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82 (Дата обращения: 30.01.2026).

⁴ Графические форматы // Википедия: Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8B%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%8B (Дата обращения: 30.01.2026).

между собой (создаёт сюжет), что создаёт единый замысел, во-вторых, рисует изображения и пишет музыку (создаёт данные), а затем, в-третьих, пишет код для отображения сюжета и данных на ЭВМ (создаёт команды). Это в целом может описывать процесс создания игры в соавторстве.

На основе представленных выше рассуждений допустимо сделать вывод, что компьютерная игра может быть интерпретирована как программа для ЭВМ. Аргумент о том, что видеоигры не могут считаться программой для ЭВМ исключительно на том основании, что в них есть, например, музыка или сложные графические модели, неактуален. Более того, необоснованно ссылаться на то, что с играми связаны другие объекты авторского права, например, сюжет, который может быть защищён как отдельное произведение, так как также он может быть интерпретирован как подготовительный материал.

Такой позиции частично придерживаются Рожкова М.А [5] и Крайнова Е.Р., Ивлева И.М. [3, с. 58]

Таким образом, компьютерную игру можно описать через конструкцию ПЭВМ. Однако в таком случае возникает вопрос дистинкции между мультимедийным продуктом и ПЭВМ.

Кратко о соотношении мультимедийного продукта и ПЭВМ

Мультимедийность продукта может определяться его интерактивностью⁵. В международных исследованиях мультимедийного продукта как категории права интерактивность также указывается как основной признак [7]. Данная характеристика встречается в работах российских учёных в отношении категории мультимедийного продукта в национальном праве [8].

Продолжая данную тему, заметим, что категория сложных объектов описывается тем, что есть некое лицо, собирающее несколько объектов интеллектуальной собственности, и объединяющее их единым замыслом, формируя данный объект авторского права. Однако можно предположить, что, если игра изначально вписывается как единый объект, состоящий по своему юридическому определению из категорий, обладающих способностью быть отдельными объектами авторского права, весь процесс создания игры можно описать, например, через конструкцию служебного произведения. Группе работников поручают в соавторстве создать один объект – ПЭВМ – компьютерную игру. И каждый создаёт исключительно свою часть данного объекта, но при этом он всё ещё считается единым объектом авторского права.

Представляется, что данный пример не вступает в противоречие с юридическим определением ПЭВМ и действует в рамках закона, с другой стороны демонстрирует, что при должном рассмотрении провести грань между ПЭВМ и мультимедийным продуктом может быть затруднительным.

Способ проведения дистинкции

Представляется, что данная проблема возникает по ряду причин. Одной из которых является подход к ПЭВМ, из-за которого в отношении данного объекта очень сложно провести грань между ПЭВМ как объектом интеллектуальной собственности и объективной формой носителя ПЭВМ. Это отчасти проблематично, поскольку у ПЭВМ может быть определённая функция, и как следствие она может быть объектом патентного права, исходя из его определения. Эта проблема может быть частично исправлена изменениями в закон, разрешающими патентовать ПЭВМ; таковыми можно считать исправления, предлагаемые законопроектом № 922784–8⁶.

Однако проблема дистинкции между объективной формой ПЭВМ и ПЭВМ как объектом интеллектуальной собственности всё ещё остаётся, поскольку в настоящий момент защищается именно программный код как текст. Именно поэтому для ПЭВМ предусмотрена такая мера защиты как депонирование. Она обеспечивает защиту объекта авторского права системой защиты, схожей по своей структуре с системой защиты объектов патентного права – патентованием.

Представляется, что дистинкцию возможно произвести следующим образом: когда ПЭВМ исполняет свою техническую функцию (механизм отображения аудиовизуального отображения на ЭВМ), его следует воспринимать как объективную форму; эффективность данно-

⁵ Мультимедиа // Википедия: Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D0%B-%D1%8C%D1%82%D0%B8%D0%B-%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0> (Дата обращения: 30.01.2026).

⁶ Законопроект № 922784–8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922784-8> (Дата обращения: 30.01.2026).

го решения будет защищаться механизмами патентного права; а сами порождаемые произведения должны восприниматься скорее как объект авторского права в составе ПЭВМ.

Объективная сторона ПЭВМ также проявляется в той части, в которой пользователь может взаимодействовать с ПЭВМ манипулированием устройствами ввода ЭВМ (клавиатурой, мышью и т.д.).

Однако, определив в каких случаях ПЭВМ выступает как объект интеллектуальной собственности, можно заметить, что она может выполнять и исключительно утилитарную задачу по функционированию ЭВМ и отображению изображений и звуков. Что ещё сильнее подсвечивает тот факт, что провести грань между мультимедийным продуктом и ПЭВМ проблематично, поскольку оба объекта могут быть объединены единым замыслом и могут состоять (по собственным определениям) из нескольких объектов авторского права.

Мультимедийный продукт, помимо прочего, является ещё и способом организации процесса, который может быть в определённых вопросах выгодным. Так Архипов В.В. и Тихов С. Отмечают: «При распространении режима сложного объекта на компьютерные игры, лицо, организовавшее создание компьютерной игры (разработчик-организатор), приобретает особый статус, позволяющий ему аккумулировать права и правомочия для дальнейшего управления правами на компьютерную игру. ... Закон также защищает интересы разработчика-организатора и признаёт неправомерными те условия лицензионного договора, которые ограничивали бы право разработчика-организатора использовать его сложный объект.» [2].

Если вернуться к вопросам сущностной разницы, то можно сказать, что если для ПЭВМ интерактивность как может быть свойством, так может и не быть им, то для мультимедийного продукта данный признак можно воспринимать как обязательный. Соответственно, по данному критерию любой мультимедийный продукт – ПЭВМ, но не любая ПЭВМ – мультимедийный продукт. Второй критерий, как уже было ранее сказано, – организационный. Мультимедийный продукт как правовая конструкция имеет свои преимущества, выраженные в ранее упомянутой статье Архипова В.В. и Тихова С.

Стоит учитывать, что практика использования правовой конструкции «мультимедийный продукт» как для описания компьютерных игр, так и других объектов цифрового пространства, невелика. Изучение судебной практики показывает, что все обнаруженные судебные решения характеризуют компьютерные игры через конструкцию ПЭВМ, а не через конструкцию «мультимедийный продукт».

Также мультимедийный продукт как сложный объект относится к объектам авторского права. Грамматическая конструкция понятия сложного объекта позволяет включать в его состав объектов патентного права. Компьютерные игры также могут включать патентуемые элементы¹. В теории включение объекта патентного права в состав сложного объекта не должно вызывать затруднений. Однако представляется маловероятным предсказать полный список практических трудностей, связанных с исключительностью данного состава сложного объекта.

Итог

Несмотря на множество обоснованных теоретических заключений о принадлежности компьютерных игр к категории сложного объекта, их интерпретация как ПЭВМ не противоречит содержанию данной правовой категории. Содержание ПЭВМ как правовой категории может описать практически любые возможные формы существования компьютерных игр, поскольку понятие ПЭВМ включает в себя несколько элементов, описываемых категориями авторского права. Более того, отсутствие практики применения норм о сложном объекте к категории компьютерных игр делает данный правовой режим непривлекательным на практике.

Литература

1. Алексейчук А.А. Подходы к квалификации сложного программного обеспечения // Право цифровой экономики – 2020 (16): Ежегодник-антология / рук. и науч. ред. Д.Ю.н. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2020. С. 351–352.

¹ Хасанов А.А. Допустимость патентования игровых механик [Электронный ресурс] // Advances in Law Studies. – 2025. – Т. 13. – № 1. – С. 36–40. – URL: <https://build-pro.press.ru/nauka/article/95946/view> (дата обращения: 16.01.2026).

2. Архипов В., Тихов С. Компьютерные игры – это не сложный объект? // Denuo Legal. 2023. <https://denuo.legal/ru/insights/news/13/>

3. Крайнова Е.Р., Ивлева И.М. К вопросу о гражданско-правовом статусе компьютерных игр // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2019. С. 58.

4. Рожкова М.А. Понятие «компьютерная программа» (программа для ЭВМ) в российском праве (подробный комментарий к статье 1261 Гражданского кодекса) // Право цифровой экономики – 2022 (18): Ежегодник-антология / рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2022. С. 10–61.

5. Рожкова М.А. Современная компьютерная игра – это не программа для ЭВМ // Закон.ру. 2021. 15 ноября. https://zakon.ru/blog/2021/11/15/sovremennaya_kompyuternaya_igra_eto_ne_programma_dlya_ev_m_a_modern_computer_game_is_not_a_computer#_ftnref1

6. Савельев А.И. Актуальные вопросы судебной практики в сфере оборота программного обеспечения в России.

7. Савицкая К.Д. Признаки мультимедийного произведения // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2022. № 12. <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-multimediynogo-proizvedeniya>

8. Шатковская Т.В., Андросова Д.А. Режим правовой охраны мультимедийных продуктов по законодательству Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/rezhim-pravovoy-ohrany-multimediynyh-produktov-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii>

CAN A COMPUTER GAME BE CONSIDERED A COMPUTER PROGRAM?

Khasanov A.A.
Novosibirsk State University

In papers devoted to the legal analysis of computer games, it is often noted that modern computer games should be regarded as a complex object (a multimedia product). Despite the reasonableness of this position, it is worth examining the adequacy of the approach that has taken root in Russian courts—the classification of computer games as computer programs. To this end, the concept of a computer program is analyzed. Through semantic analysis of the term, it is established that the rather abstract definition of a computer program can quite successfully describe a computer game. The issue of the correlation between a multimedia product and a computer program is examined. A conclusion is formed regarding the practical value of classifying computer games as multimedia products.

Keywords: “Computer game, Computer program, Complex object, Multimedia product”

References

1. Alekseychuk, A.A. “Approaches to the Qualification of Complex Software” // Law of the Digital Economy – 2020 (16): Yearbook-Anthology / Edited by Doctor of Law M.A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2020. Pp. 351–352.
2. Arkhipov, V., Tikhov, S. “Are Computer Games Not a Complex Object?” // Denuo Legal. 2023. <https://denuo.legal/ru/insights/news/13/>
3. Kraynova, E.R., Ivleva, I.M. “On the Civil Law Status of Computer Games” // Modern Jurisprudence: Current Issues, Achievements, and Innovations. Collection of Articles from the XIX International Scientific and Practical Conference. Penza, 2019. p. 58.
4. Rozhkova, M.A. The Concept of “Computer Program” (Computer Program) in Russian Law (Detailed Commentary on Article 1261 of the Civil Code) // Law of the Digital Economy – 2022 (18): Yearbook-Anthology / Director and Scientific Editor M.A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2022. Pp. 10–61.
5. Rozhkova M.A. A Modern Computer Game Is Not a Computer Program // Zakon.ru. 2021. November 15. https://zakon.ru/blog/2021/11/15/sovremennaya_kompyuternaya_igra_eto_ne_programma_dlya_ev_m_a_modern_computer_game_is_not_a_computer#_ftnref1
6. Savelyev A.I. Current Issues of Judicial Practice in the Sphere of Software Circulation in Russia.
7. Savitskaya K.D. “Characteristics of a Multimedia Work” // Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences. 2022. No. 12. <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-multimediynogo-proizvedeniya>
8. Shatkovskaya T.V., Androsova D.A. “The Regime of Legal Protection of Multimedia Products under the Legislation of the Russian Federation” // North Caucasian Law Bulletin. 2025. No. 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/rezhim-pravovoy-ohrany-multimediynyh-produktov-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii>

Цифровые финансовые активы в системе объектов гражданских прав: правовая природа и проблемы квалификации

Ходус Валерий Михайлович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса, Академия труда и социальных отношений

E-mail: valerakhodus@list.ru

В статье рассматриваются цифровые финансовые активы как элемент современной системы объектов гражданских прав и анализируются ключевые проблемы их правовой квалификации в российском правовом порядке. Исследуются последствия включения категории цифровых прав в ст. 128 ГК РФ и раскрывается содержание легальной дефиниции цифровых прав, установленной ст. 141.1 ГК РФ, применительно к конструкциям Закона о цифровых финансовых активах. Обосновывается дуалистический характер правовой природы ЦФА, сочетающий признаки имущественного права (как объекта гражданских прав) и технологически обусловленной формы его фиксации в информационной системе. Особое внимание уделяется соотношению правового режима ЦФА и бездокументарных ценных бумаг, выявляются их общие свойства и критерии разграничения, включая институциональные особенности учета и роль инфраструктурных субъектов. Рассматривается разграничение ЦФА, цифровой валюты и утилитарных цифровых прав. Анализируются особенности оборота ЦФА, включая роль оператора информационной системы, оператора обмена и смарт-контрактов, а также момент перехода цифровых прав. Делается вывод о необходимости дальнейшей гармонизации регулирования цифровых финансовых активов с учетом принципов стабильности гражданского оборота и юридической определенности.

Ключевые слова: Цифровые финансовые активы, цифровые права, распределенный реестр (блокчейн), оператор информационной системы, оператор обмена ЦФА, смарт-контракт, цифровая валюта, утилитарные цифровые права.

Современный этап развития гражданского оборота характеризуется фундаментальной трансформацией традиционных правовых институтов под воздействием процессов цифровизации. Ключевой новеллой отечественного законодательства стало включение в 2019 году в перечень объектов гражданских прав, закрепленный в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), категории «цифровые права». Данный шаг законодателя был обусловлен необходимостью формирования правовой базы для регулирования отношений в киберпространстве, связанных с использованием технологий распределенного реестра (блокчейн) и токенизацией активов. [1, с. 112]

Легальная дефиниция, закрепленная в ст. 141.1 ГК РФ, определяет цифровые права как названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. [2, ст. 141.1] Важно подчеркнуть, что законодатель избрал ограничительный подход: к цифровым правам относятся исключительно те, которые прямо названы таковыми в законе.

В рамках развития положений ГК РФ был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА), который ввел в правовой оборот понятие цифровых финансовых активов (далее – ЦФА). [3] В современной цивилистической доктрине вопрос о правовой природе ЦФА является дискуссионным. Анализ научных позиций позволяет выделить два основных подхода к квалификации данного феномена.

Первый подход, которого придерживается законодатель (исходя из буквального толкования ст. 128 ГК РФ) и ряд исследователей, рассматривает цифровые права и ЦФА как самостоятельный, новый вид объектов гражданских прав. Сторонники этой позиции указывают, что ЦФА занимают отдельное место в системе объектов, будучи разновидностью имущественных прав. [4, с. 64–65]

Второй подход, находящий широкую поддержку в академическом сообществе, сводится к тому, что ЦФА не являются принципиально новым видом субъективных прав, а представляют собой лишь особый «цифровой» способ их фиксации. В частности, Л.Ю. Василевская обоснованно указывает, что процессы цифровизации не формируют самостоятельный вид имущественных прав, «сосуществующий» с обязательственными либо корпоративными, а выражаются прежде всего в трансформации способа их юридической фиксации и реализации. [1, с. 112–114] Аналогичной позиции придерживаются А.И. Гончаров и В.А. Садков, утверждая, что сущностным наполнением категории ЦФА является совокупность уже известных законодательству имущественных прав (требований), а сама конструкция ЦФА есть не что иное, как инновационная технология фиксации таких прав в информационных системах, которую следует относить к разновидности письменной формы сделки. [5, с. 85–86]

Особый научный интерес представляет соотношение правового режима ЦФА и бездокументарных ценных бумаг (БЦБ). Исследователи отмечают, что правовое регулирование допускает внесение изменений в реестр цифровых финансовых активов не по воле текущего правообладателя, а в силу предусмотренных законом юридических оснований – на основании вступившего в законную силу судебного акта, исполнительного документа либо свидетельства о праве на наследство. [1, с. 115–116]

Вместе с тем А.В. Захаркина выделяет ключевые критерии разграничения данных правовых категорий:

1. Наличие посредника. Оборот БЦБ предполагает обязательное участие посредника (регистратора, депозитария), осуществляющего записи по счетам (п. 2 ст. 149 ГК РФ). В то же время идеология ЦФА (изначально базирующаяся на технологии распределенного реестра) подразумевает возможность децентрализации и отсутствия посредников, хотя Закон о ЦФА все же вводит фигуру оператора информационной системы. При этом осуществление цифровых прав возможно только в информационной системе без обращения к регистратору. [4, с. 63–65]

2. Архитектура информационной системы. Инфраструктура БЦБ базируется на системе депозитарного учета, тогда как ЦФА существуют

в виде записей в информационной системе; на практике такие системы могут быть реализованы с применением технологии распределённого реестра (блокчейн). [4, с. 63–65]

Следует также отметить формалистский подход российского законодателя: согласно ст. 142 ГК РФ, объектом может быть признана ценная бумага только в силу прямого указания закона. Поскольку Закон о ЦФА прямо не именует данные активы ценными бумагами (и даже противопоставляет их в ч. 11 ст. 1 Закона о ЦФА), формально они ими не являются, несмотря на сущностное тождество функций (удостоверение прав). [6, с. 154]

Для точного определения правовой природы ЦФА необходимо отграничить их от смежных понятий, таких как «цифровая валюта» и «утилитарные цифровые права».

Цифровая валюта

Закон о ЦФА проводит четкую демаркацию между ЦФА и цифровой валютой. Основное отличие заключается в наличии обязанного лица. В отношении ЦФА всегда существует обязанное лицо (эмитент), к которому у обладателя актива есть право требования (денежное, корпоративное и т.д.). В отношении цифровой валюты, как правило, отсутствует обязанное лицо (за исключением операторов и узлов информационной системы в части технологического обеспечения), и она используется преимущественно как средство платежа или инвестиций, не удостоверяя прав на иные объекты. [7, с. 71–72] Отграничение ЦФА от цифровой валюты обосновано тем, что в случае с ЦФА легко установить правомочных и обязанных лиц, тогда как для децентрализованных цифровых валют это зачастую невозможно.

Утилитарные цифровые права (УЦП)

Данная категория введена Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». [8] УЦП предоставляют право требовать передачи вещей, исключительных прав или выполнения работ/оказания услуг. Законодатель развел сферы действия этих инструментов: УЦП не могут удостоверять денежные требования (прерогатива ЦФА), а ЦФА не могут удостоверять права на вещи или результаты работ (прерогатива УЦП). Однако закон допускает создание гибридных инструментов, включающих одновременно признаки и ЦФА, и УЦП. [9, с. 144–145]

Квалификация ЦФА как самостоятельного объекта гражданских прав вызывает критику в научном сообществе из-за создания искусственного дуализма. Фактически ЦФА, удостоверяющие денежные требования, идентичны облигациям, а ЦФА, удостоверяющие корпоративные права, — акциям. Формалистский подход российского законодателя, требующий прямого указания в законе для признания объекта ценной бумагой (ст. 142 ГК РФ), привел к созданию параллельной правовой реальности для сущностно идентичных объектов. Это отличает российский подход от практики США или Швейцарии, где инвестиционные токены (asset tokens) квалифицируются как ценные бумаги по существу (substance over form), например, через тест Хоуи. [10, с. 178–181]

Особую сложность вызывает конструкция ЦФА, удостоверяющих права на ценные бумаги. В доктрине отмечается, что здесь возникает громоздкая юридическая фикция «права на права на права» (право требовать передачи ценной бумаги, которая сама удостоверяет права). Л.А. Новоселова и О.А. Полежаев указывают на противоречивость подходов, когда ЦФА выступают то как способ фиксации прав, то как самостоятельный объект, создавая эффект «матрешки». [11, с. 77–78]

Сделки с цифровыми финансовыми активами (купля-продажа, обмен и иные распоряжения) как правило оформляются с использованием механизма, обеспечиваемого оператором обмена ЦФА, который организует заключение сделок посредством сведения встречных заявок участников. Вместе с тем законодатель допускает ряд исключений: приобретение ЦФА при их выпуске, равно как и операции, направленные на прекращение обязательств, могут осуществляться внутри информационной системы без участия оператора обмена. При этом оператор информационной системы обеспечивает техническую и правовую инфраструктуру оборота, включая внесение записей в реестр и исполнение предусмотренных правилами информационной системы процедур, связанных с обменом. [3, ст. 5, 8, 10]

Ключевым инструментом, опосредующим оборот ЦФА, выступает смарт-контракт. В регламентах функционирования информационных систем смарт-контракт закрепляется как программно-алгоритмический механизм, обеспечивающий автоматическое формирование и внесение юридически значимых записей в реестр ЦФА при наступлении заранее заданных параметров и событий. Законодатель, в свою очередь, допускает действительность сделок, исполнение которых осуществляется без совершения сторонами дополнительных волевых актов в мо-

мент исполнения, поскольку исполнение обеспечивается заранее выраженным соглашением об автоматизированном (условном) порядке реализации обязательства. Смарт-контракт обеспечивает недвусмысленность исполнения (гарантированность и точность) и самоисполнимость обязательств. [13, 264–265]

При этом стоит отметить, что использование смарт-контрактов не устраняет полностью риски недействительности сделок. Основанием для признания сделки с цифровыми правами недействительной может выступать, например, установление отсутствия волеизъявления обладателя прав, что требует надежной идентификации лица, совершающего техническую манипуляцию.

Момент перехода прав на ЦФА жестко привязан к техническим процессам в информационной системе. Переход прав, удостоверяемых ЦФА, к новому правообладателю считается состоявшимся с даты отражения соответствующей операции в информационной системе посредством внесения записи в её реестр. [3, ст. 8, 10] Данная модель по своей юридической логике близка к обороту бездокументарных ценных бумаг, поскольку и там возникновение прав у приобретателя связывается с фиксацией соответствующей записи на его счёте учёта. [2, ст. 149.2]

В научной литературе справедливо отмечается, что ЦФА могут выступать эффективным инструментом обеспечения исполнения обязательств, в частности, предметом залога. Правовой режим ЦФА предполагает, что распоряжение активом может быть обременено или поставлено под ограничение; при этом момент возникновения такого ограничения определяется не волей сторон, а фактом внесения записи в информационную систему, где учитываются цифровые права. [12, с. 174–175]

Правила соответствующей информационной системы допускают фиксацию обременения ЦФА залогом посредством внесения записи в реестр как в автоматическом режиме при срабатывании смарт-контракта, так и по распоряжению владельца цифрового финансового актива. Прекращение залога также фиксируется соответствующей записью. Преимуществом использования ЦФА в качестве обеспечения является то, что денежные средства (если ЦФА удостоверяют денежные требования) не «замораживаются», а остаются в обороте, позволяя эмитенту использовать их до момента обращения взыскания. [12, 175–177]

Для минимизации конфликтов в инвестиционных отношениях с ЦФА предлагается использовать конструкции договора репо и эскроу, реализуемые через смарт-контракты. Это позволяет автоматизировать исполнение обязательств и снизить риски неисполнения. При этом расчеты по сделкам с ЦФА могут осуществляться с использованием номинального счета оператора информационной системы, бенефициарами по которому являются участники сделки. [14, 169–171]

Вопрос защиты прав на ЦФА, в том числе истребование цифровых активов из чужого незаконного владения, является одним из наиболее сложных в цивилистической доктрине. Согласно ст. 141.1 ГК РФ, принадлежность цифрового права определяется правилами соответствующей информационной системы: обладателем признаётся лицо, наделённое возможностью осуществлять распоряжение данным правом посредством функционала системы. Тем самым формируется обратная презумпция принадлежности цифрового права лицу, за которым оно закреплено в реестровом контуре информационной системы. [2, ст. 141.1]

В условиях цифрового оборота решающее юридическое значение имеет не фактическое «обладание» активом, а достоверность и правильность записи о принадлежности цифрового права в информационной системе (реестре). При выбытии ЦФА из владения правообладателя вследствие несанкционированного доступа, ошибки учёта либо иного неправомерного вмешательства предметом защиты становится восстановление принадлежности цифрового права как реестровой позиции — путём внесения корректирующей записи в информационную систему. Соответственно, приоритетное значение приобретает судебная защита, направленная на подтверждение принадлежности права и последующее приведение записей информационной системы в соответствие с вступившим в законную силу судебным актом. [3, ст. 4.5, 8]

В этой связи традиционная «вещно-правовая» модель истребования (виндикации) не может быть механически перенесена на отношения по ЦФА: цифровой финансовый актив представляет собой имущественное право, существование и оборотоспособность которого обусловлены правилами информационной системы и фиксацией в виде записи. Следовательно, восстановление нарушенного права реализуется преимущественно через признание (подтверждение) принадлежности цифрового права, оспаривание совершённых распоряжений и применение общих последствий недействительности сделок, а также

через обязанность оператора обеспечить юридически значимое изменение реестра по установленным основаниям. [15, с. 16]

Дополнительной гарантией стабильности оборота выступает предусмотренная законом ответственность оператора информационной системы: при утрате либо искажении данных об объеме ЦФА и их правообладателях, при сбоях функционирования системы либо предоставлении недостоверной информации оператор обязан возместить пользователям причиненные убытки. При этом законодатель возлагает на оператора обязанность совершить действия, направленные на реализацию волеизъявления пользователя, которое не было исполнено по причине технического сбоя, что подтверждает приоритет правового механизма защиты над технологической «самодостаточностью» цифровой инфраструктуры. [3, ст. 9]

Таким образом, механизм защиты прав на ЦФА следует квалифицировать как комплексный реестрово-обязательственный инструмент: юридический результат обеспечивается не фактом обладания цифровым ключом, а совокупностью правового статуса лица, правил информационной системы и публично значимого подтверждения правомочий посредством судебного акта и обязательных действий оператора информационной системы.

Тем не менее, для стабильности оборота фигура добросовестного приобретателя ЦФА имеет критическое значение. Добросовестным считается приобретатель, который при совершении сделки не располагал и объективно не должен был располагать сведениями о том, что отчуждатель не был уполномочен передавать данный актив. В цифровой среде добросовестность приобретателя подтверждается его полаганием на данные информационной системы как на юридически значимые.

В российском регулировании закреплены случаи, когда запись в реестре ЦФА может быть внесена независимо от волеизъявления действующего правообладателя: в частности, при наличии вступившего в законную силу судебного акта, свидетельства о праве на наследство либо исполнительного документа. [3, ст. 6] Это подтверждает, что принцип «код есть закон» в российской юрисдикции подчинен общим принципам гражданского права и судебной защиты.

Таким образом, защита прав на ЦФА представляет собой комплекс мер, включающий:

1. Техническую защиту: обеспечение оператором бесперебойности системы и сохранности записей.
2. Гражданско-правовую ответственность оператора: возмещение убытков при технологических сбоях.
3. Восстановление прав: возможность внесения записей по решению суда или актам государственных органов (восстановление корпоративного контроля или прав на актив).
4. Оспаривание сделок: применение общих норм о недействительности сделок при пороке воли, с учетом особенностей цифровой формы волеизъявления.

Проведенный анализ позволяет заключить, что введение категории ЦФА в российское гражданское право является попыткой законодателя адаптировать традиционные цивилистические конструкции к реалиям цифровой экономики. С онтологической точки зрения ЦФА не создают принципиально нового вида субъективного гражданского права, а выступают высокотехнологичным (цифровым) способом фиксации и оборота классических имущественных прав (обязательственных и корпоративных).

Правовая природа ЦФА характеризуется дуализмом: с одной стороны, это имущественное право (объект), с другой – уникальный код в информационной системе (форма). Специфика данного объекта заключается в жесткой привязке к информационной системе, которая определяет содержание и условия осуществления права, а также обеспечивает его оборот без необходимости обращения к традиционным посредникам, характерным для рынка ценных бумаг.

Таким образом, ЦФА в системе объектов гражданских прав РФ занимают место *suī generis*, находясь на стыке правового режима имущественных прав и бездокументарных ценных бумаг, но обладая уникальными технологическими особенностями фиксации и оборота на базе распределенных реестров.

Текущее регулирование создает ситуацию, при которой экономически однородные отношения (инвестирование в долг или капитал) регулируются различными правовыми режимами в зависимости от формы фиксации прав – классической (ценные бумаги) или цифровой (ЦФА). Это порождает регуляторный арбитраж и требует дальнейшей гармонизации законодательства о рынке ценных бумаг и цифровых финансовых активах.

Подводя итог, следует констатировать, что правовой режим ЦФА в Российской Федерации сформирован как симбиоз обязательственных и корпоративных прав, оборот которых жестко привязан к инфраструктуре информационных систем. Защита добросовестного при-

обретателя в этой системе обеспечивается достоверностью записей в реестре и ответственностью оператора системы за ее целостность.

Литература

1. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 111–119.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025 N 466-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.
4. Захаркина А.В. Цифровые финансовые активы через призму учения о бездокументарных ценных бумагах // *Ex jure*. – 2022. – № 3. – С. 55–69.
5. Гончаров А. И., Садков В.А. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22. – № 2. – С. 82–90.
6. Леонтьева Н.Е. Цифровые финансовые активы: новый объект или давно известная сущность? // Образование и право. – 2022. – № 1. – С. 153–159.
7. Конобеевская И.М. Развитие концепции цифровых прав в российском гражданском законодательстве // Юридическая наука. – 2020. – № 10. – С. 70–74.
8. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
9. Мограбян А.С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 10. – С. 141–147.
10. Гончаров А. И., Гончарова М.В., Орлова А.А. Правовое регулирование цифровых финансовых активов – требований передачи ценных бумаг хозяйственного общества // Правоприменение. – 2025. – Т. 9. – № 3. – С. 124–133.
11. Новоселова Л. А., Полежаев О.А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть закона. – 2021. – № 2. – С. 75–91.
12. Новиков М. А., Ломакина М.С. Использование цифровых финансовых активов в качестве способа обеспечения исполнения обязательств по договору // Государственная служба и кадры. – 2025. – № 2. – С. 171–179.
13. Попов Н.К. Смарт-контракт как информационная основа учета цифровых финансовых активов // Тенденции и перспективы развития финансов в условиях цифровизации: материалы II Международной научно-практической интернет-конференции (Донецк, 19 февраля 2025 г.). – Донецк: ДонНУЭТ им. М. Туган-Барановского, 2025. – С. 263–267.
14. Матыцин Д.Е. Правовые конструкции сделок, используемые по особым информационным технологиям для минимизации конфликтов в инвестиционных отношениях // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 1. С. 156–176.
15. Павлова Д.А. Цифровые права как объект частноправового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2025. – 28 с.

DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS: LEGAL NATURE AND QUALIFICATION PROBLEMS

Khodos V.M.

Academy of Labor and Social Relations

The article considers digital financial assets as an element of the modern system of objects of civil rights and the key problems of their legal qualification in the Russian legal order are analyzed. The article examines the consequences of including the category of digital rights in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation and reveals the content of the legal definition of digital rights established by Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, in relation to the constructions of the Law on Digital Financial Assets. The dualistic nature of the CFA's legal nature is substantiated, combining the features of property law (as an object of civil rights) and a technologically determined form of its fixation in the information system. Special attention is paid to the correlation of the CFA's legal regime and undocumented securities, their common properties and differentiation criteria are identified, including institutional accounting features and the role of infrastructural entities. The differentiation of CFA, digital currency and utilitarian digital rights is considered. The features of CFA turnover are analyzed, including the role of an information system operator,

an exchange operator and smart contracts, as well as the moment of digital rights transfer. It is concluded that there is a need for further harmonization of regulation of digital financial assets, taking into account the principles of stability of civil turnover and legal certainty.

Keywords: Digital financial assets, digital rights, distributed registry (blockchain), information system operator, CFA exchange operator, smart contract, digital currency, utilitarian digital rights.

References

1. Vasilevskaya L. Yu. Token as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification of Digital Law // *Current Issues of Russian Law*. – 2019. – No. 5 (102). – P. 111–119.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.
3. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (as amended on December 15, 2025 N 466-FZ) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 31 (Part 1). Article 5018.
4. Zakharkina A.V. Digital Financial Assets through the Prism of the Doctrine of Uncertificated Securities // *Ex jure*. – 2022. – No. 3. – Pp. 55–69.
5. Goncharov A. I., Sadkov V.A. Legal Nature of Digital Financial Assets under the Legislation of the Russian Federation // *Legal Paradigm*. – 2023. – Vol. 22. – No. 2. – Pp. 82–90.
6. Leontyeva N.E. Digital Financial Assets: A New Object or a Long-Known Entity? // *Education and Law*. – 2022. – No. 1. – Pp. 153–159.
7. Konobeevskaya I.M. Development of the Concept of Digital Rights in Russian Civil Legislation // *Legal Science*. – 2020. – No. 10. – P. 70–74.
8. Federal Law of 02.08.2019 No. 259-FZ “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2019. No. 31. Article 4418.
9. Mograbyan A.S. Digital Rights as Objects of Civil Rights in Russia // *Current Issues of Russian Law*. – 2022. – Vol. 17. – No. 10. – P. 141–147.
10. Goncharov A. I., Goncharova M.V., Orlova A.A. Legal regulation of digital financial assets – requirements for the transfer of securities of a business entity // *Law enforcement*. – 2025. – Vol. 9. – No. 3. – Pp. 124–133.
11. Novoselova L. A., Polezhaev O.A. Digital financial assets as objects of property relations: current issues of theory and practice // *Power of law*. – 2021. – No. 2. – Pp. 75–91.
12. Novikov M. A., Lomakina M.S. Use of digital financial assets as a means of securing the fulfillment of obligations under a contract // *Civil Service and Personnel*. – 2025. – No. 2. – Pp. 171–179.
13. Popov N.K. Smart contract as an information basis for accounting of digital financial assets // *Trends and prospects for the development of finance in the context of digitalization: Proceedings of the II International scientific and practical Internet conference (Donetsk, February 19, 2025)*. – Donetsk: DonNUET named after M. Tugan-Baranovsky, 2025. – Pp. 263–267.
14. Matytsin D.E. Legal structures of transactions used by special information technologies to minimize conflicts in investment relations // *Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 17. No. 1. Pp. 156–176.
15. Pavlova D.A. Digital rights as an object of private law regulation: Abstract of a PhD thesis. – St. Petersburg, 2025. – 28 p.

Правовая модель ведомственной информационной системы оперативно-розыскной деятельности таможенных органов

Гордеев Антон Сергеевич,
аспирант Российской таможенной академии

В статье рассматривается проблема использования информации из открытых источников в оперативно-розыскной деятельности таможенных органов. Предлагается правовая модель ведомственной информационной системы, обеспечивающая легальный статус данных, полученных в ходе ОРМ, включая информацию из незаконно опубликованных баз данных. Анализируются конституционно-правовые, уголовно-правовые и административно-правовые аспекты создания и использования такой системы. Делается вывод о том, что предложенная модель соответствует требованиям законодательства и является необходимым инструментом современной оперативно-розыскной деятельности, которая может автоматизировать выбор объекта таможенного контроля при перемещении физическими лицами таможенной границы ЕАЭС.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, таможенные органы, информационные системы, базы данных, персональные данные, неправомерный доступ, система управления рисками, пассажирские манифесты, таможенный контроль, OSINT.

Введение

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) таможенных органов требует систематизации и анализа информации из различных источников. Одной из актуальных проблем является слабое оснащение базами данных таможенных органов. Одним из источников информации для оперативных подразделений на данный момент являются открытые источники баз данных. Проблему использования баз данных можно решить путем создания закрытой ведомственной информационной системы, включающей информацию из открытых источников и данные, полученные в ходе ОРМ. Особый интерес представляет вопрос легализации так называемых «незаконно опубликованных баз данных, содержащих конфиденциальную информацию», представляющих оперативный интерес, а именно информации, полученной из несанкционированных источников, – путём включения её в официальную ведомственную информационную систему.

В условиях отсутствия у ФТС России единой базы сведений о физических лицах, перемещающихся через таможенную границу ЕАЭС, актуальной задачей является поиск и внедрение новых источников информации для повышения эффективности таможенного контроля и модернизации правового регламента оперативных баз данных [18]. Одним из таких источников может стать база данных, в которую будут загружаться пассажирские манифесты авиакомпаний, содержащие ценные сведения о перемещениях физических лиц, и могут быть использованы в рамках риск-ориентированного подхода.

Целью настоящей работы является анализ нормативно-правовой базы, позволяющей таможенным органам создавать и использовать ведомственные информационные системы для целей ОРД, разработка правовой модели такой системы, обеспечивающей легальный статус данных, полученных в ходе ОРМ, и разработка концепции применения такой базы данных при таможенном контроле.

Конституционно-правовые основы

Создание и использование информационных систем, содержащих персональные данные физических лиц, затрагивает конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [1] и запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия [1].

Однако, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1, ст. 55]. Ключевым принципом такого ограничения является **принцип достаточности** – ограничение должно быть соразмерно преследуемой цели и не выходить за её пределы.

Предлагаемая ведомственная информационная система ОРД таможенных органов соответствует принципу достаточности благодаря целевому и поэтапному характеру обработки персональных данных.

1. **Получение пассажирских манифестов в ходе ОРМ.** Пассажирские манифесты авиакомпаний, содержащие информацию о всех пассажирах, получаются в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и передаются от территориальных таможенных органов в Главное управление по борьбе с контрабандой ФТС России.

2. **Анализ данных в ГУБК ФТС России.** В ГУБК ФТС России проводится анализ полученных данных для выявления лиц, совершивших частые перелеты в страны с высоким риском незаконного перемещения товаров, или имеющих иные признаки оперативной заинтересованности.

3. **Расширение базы данных через ОСИИТ.** На основе полученных данных проводится открытое исследование (ОСИИТ) для выявления возможных связей лица и сбора оперативно значимой информации из открытых источников. Таким образом, база данных на основе манифестов расширяется за счет данных из открытых источников.

Таким образом, система не осуществляет тотальный контроль над всеми гражданами, а напротив, обеспечивает целевую обработку данных только в отношении лиц, имеющих признаки оперативной заинтересованности. Это соответствует конституционному принципу достаточности и исключает риск превращения в инструмент тотального контроля. Информация используется исключительно в целях ОРД и таможенного контроля, в соответствии с требованиями законодательства.

Правовые основы создания ведомственной информационной системы

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает правовые основы ОРД в Российской Федерации. Здесь отмечается, что органы, осуществляющие ОРД, «для решения задач, возложенных на них настоящим Федеральным законом, могут создавать и использовать информационные системы...».

Это положение имеет принципиальное значение, поскольку оно предоставляет таможенным органам как субъектам ОРД право на создание информационных систем в целях выполнения возложенных на них функций.

Федеральный закон от «О таможенном регулировании в Российской Федерации» устанавливает требования к информационным системам, используемым таможенными органами. Согласно нормам, «информационные системы и информационные технологии используются таможенными органами в целях обеспечения выполнения возложенных на них задач, в том числе для обмена информацией в электронном виде с федеральными органами исполнительной власти, иными органами и организациями» [3, ст. 52, 301].

Таким образом, законодатель признаёт право таможенных органов на создание информационных систем как инструмента выполнения своих функций, включая функции ОРД.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» даёт определение информационной системы. Согласно его нормам, информационные системы включают в себя государственные информационные системы (федеральные и региональные), муниципальные информационные системы и иные информационные системы [4, ст. 13].

Оператор информационной системы – это собственник используемых для обработки содержащейся в базах данных информации технических средств, который правомерно пользуется такими базами данных, или лицо, с которым этот собственник заключил договор об эксплуатации информационной системы [4].

Уголовно-правовой аспект

Использование информации из «незаконно опубликованных баз данных» требует анализа с точки зрения уголовного законодательства. Законодатель устанавливает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации.

Кроме того, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 [6] разъясняет, что «применительно к статье 272 УК РФ неправомерным доступом к компьютерной информации является получение или использование такой информации без согласия обладателя информации лицом, не наделённым необходимыми для этого полномочиями, либо в нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка независимо от формы такого доступа (путем проникновения к источнику хранения информации в компьютерном устройстве, принадлежащем другому лицу, непосредственно либо путем удаленного доступа)».

Таким образом, получение информации из открытых источников, где она уже опубликована, не является «неправомерным доступом», так как не требует обхода систем защиты и не нарушает установленный порядок. А включение такой информации в ведомственную систему ОРД является законным действием, направленным на выполнение задач, возложенных на таможенные органы.

Правовая модель ведомственной информационной системы

Предлагаемая правовая модель основана на следующих принципах:

1. **Право на создание информационной системы.** Таможенные органы имеют прямое право на создание информационной системы в целях ОРД.
2. **Включение данных, полученных в ходе ОРМ.** Данные, полученные в ходе проведения ОРМ, могут быть включены в ведомственную информационную систему.
3. **Закрытый характер системы.** Ведомственная информационная система имеет закрытый характер и используется только в целях ОРД. Доступ к информации ограничен должностными лицами таможенных органов, имеющими соответствующие полномочия.
4. **Легальный статус информации.** Информация, включённая в ведомственную информационную систему в установленном порядке, получает легальный статус и может использоваться в целях ОРД или таможенного контроля через систему управления рисками.

Конкретная правовая модель создания ведомственной информационной системы

Создание ведомственной информационной системы ОРД таможенных органов требует следующих документов и процедур:

1. **Приказ о создании информационной системы.**
 - **Основание:** Приказ ФТС России от 10.10.2019 № 1570 [7].
 - **Содержание:**
 - Наименование информационной системы (например, «Ведомственная информационная система оперативно-розыскной деятельности таможенных органов»).
 - Цели и задачи создания системы (систематизация и анализ информации для целей ОРД, создании системы рисков для контроля лиц при пересечении таможенной границы физическими лицами).
 - Ответственные подразделения, Главное управление по борьбе с контрабандой, а именно оперативно-аналитические подразделения, Управление по противодействию коррупции, а именно служба оперативного обеспечения и ЦИТТУ в части касающейся технического обслуживания.
 - Сроки создания и ввода в эксплуатацию.
 2. **Положение об информационной системе.**
 - **Основание:** Приказ о создании информационной системы.
 - **Содержание:**
 - Общие положения (назначение, правовые основы, термины и определения).
 - Структура информационной системы (центральная база данных, базы данных таможенных органов).
 - Порядок формирования информационных ресурсов (включение данных из открытых источников, данных, полученных в ходе ОРМ).
 - Порядок доступа к информации (категории пользователей, права доступа).
 - Порядок защиты информации (технические и организационные меры).
 3. **Регламент включения информации в информационную систему.**
 - **Основание:** Положение об информационной системе.
 - **Содержание:**
 - Процедура включения данных из открытых источников (документирование источника, проверка достоверности).
 - Процедура включения данных, полученных в ходе ОРМ (ведение дела оперативного учета, документирование результатов ОРМ, включение в систему).
 - Процедура включения «незаконно опубликованных баз данных»:
 - Выявление факта незаконного распространения информации (статья 272.1 УК РФ) [5].
 - Ведение дела оперативного учета по признакам преступления.
 - Проведение ОРМ в целях выявления источника утечки и проверки достоверности информации.
 - Документирование результатов ОРМ.
 - Включение информации в ведомственную информационную систему с указанием источника, даты включения, должностного лица.
 4. **Инструкция по работе с информационной системой.**
 - **Основание:** Положение об информационной системе.
 - **Содержание:**
 - Порядок входа в систему и аутентификации.
 - Порядок поиска и анализа информации.
 - Порядок формирования отчетов и аналитических материалов.
- Порядок действий в случае сбоев и инцидентов.

Обоснование легальности использования «незаконно опубликованных баз данных»

Использование «незаконно опубликованных баз данных, содержащих конфиденциальную информацию и оперативно значимые сведения» в рамках ОРД является легальным при соблюдении следующих условий:

1. **Наличие правовых оснований.** Таможенные органы как органы ОРД имеют право проводить ОРМ в целях выявления и пресечения преступлений. Некоторые базы данных содержат информацию о лицах, объектов оперативной заинтересованности.
 2. **Соблюдение процедур.** Информация о таких базах данных должна быть получена в ходе проведения ОРМ и задокументирована в установленном порядке.
 3. **Пропорциональность.** Использование такой информации должно быть соразмерно целям ОРД и не нарушать права и законные интересы граждан. В данном случае, ущерб от незаконного распространения информации (например, утечка персональных данных) уже нанесен, и использование этой информации таможенными органами в целях выявления и пресечения преступлений является мерой, направленной на защиту общественных интересов.
 4. **Закрытый характер использования.** Информация используется только в рамках ведомственной информационной системы и не подliegt дальнейшему распространению.
- Таким образом, включение «незаконно опубликованных баз данных» в ведомственную информационную систему ОРД является не са-

мостоятельным действием, а результатом проведения ОРМ, направленных на выявление и пресечение преступлений. Это обеспечивает легальный статус такой информации и позволяет использовать ее в целях ОРД без нарушения законодательства.

Применение пассажирских манифестов в системе управления рисками

Предлагаемая ведомственная информационная система ОРД будет основана на полученных данных из пассажирских манифестов авиакомпаний, что позволит создать эффективный инструмент для выявления лиц, систематически незаконно перемещающих товары через таможенную границу ЕАЭС (так называемых «челноков»). Пассажирские манифесты содержат информацию о фамилии, имени, отчестве пассажира, дате рождения, документах, удостоверяющих личность, а также о маршруте следования. Анализ этих данных в совокупности с информацией из других источников позволит выявлять лиц, совершающих частые поездки в страны с высоким риском незаконного перемещения товаров, и применять к ним меры по минимизации рисков.

Интеграция данных из пассажирских манифестов в ведомственную информационную систему ОРД позволит не только выявлять «челноков», но и повысить систему управления рисками в отношении физических лиц. На основе анализа частоты и направлений поездок, а также другой информации, можно будет формировать профили рисков и применять их для выбора объектов таможенного контроля. Это позволит сосредоточить внимание на областях риска с высоким уровнем, обеспечить эффективное использование ресурсов таможенных органов и создать условия для ускорения и упрощения перемещения через таможенную границу Союза физических лиц. Данный подход соответствует положениям Таможенного кодекса ЕАЭС, касающихся системы управления рисками [8, ст. 377].

Защита информации в ведомственной системе

Создание и использование ведомственной информационной системы ОРД требует строгого соблюдения законодательства о защите информации и персональных данных. Федеральный закон «О персональных данных» [9] устанавливает требования к обработке персональных данных, включая их сбор, хранение, использование и защиту.

В рамках ведомственной системы должны быть реализованы следующие меры защиты:

- **Организационные меры:** назначение ответственных за обработку персональных данных, разработка внутренних документов, регламентирующих работу с персональными данными, обучение сотрудников.
- **Технические меры:** использование сертифицированных средств защиты информации, контроль доступа к информации, резервное копирование данных, защита от несанкционированного доступа.

Соблюдение этих мер обеспечит конфиденциальность и безопасность персональных данных, содержащихся в ведомственной информационной системе, и предотвратит их утечку или неправомерное использование.

Заключение

Таким образом, создание ведомственной информационной системы таможенных органов из открытых источников является правомерным. Такая база данных является необходимым средством современной оперативно-розыскной деятельности. Система обеспечивает соблюдение конституционного принципа достаточности, предоставляет аналитическим подразделениям необходимые инструменты для проведения комплексного анализа информации, и позволяет перейти от интуитивного риска к объективному риск-ориентированному подходу при таможенном контроле физических лиц, перемещающихся через таможенную границу ЕАЭС.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 1 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 27 октября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32. Ст. 4877.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред.

от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 17 ноября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 N 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» // Российская газета. 2022. 28 декабря.

7. Приказ ФТС России от 10 октября 2019 г. № 1570 «Об утверждении Порядка формирования информационных ресурсов таможенных органов Российской Федерации и доступа к ним» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 12.11.2019.

8. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (в ред. от 1 января 2024 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии.

9. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 6 февраля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.

10. Яковец Е.Н. Меры по совершенствованию информационно-аналитического обеспечения деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Вестник экономики и права. 2020. № 47.

A LEGAL MODEL OF A DEPARTMENTAL INFORMATION SYSTEM FOR CUSTOMS AUTHORITIES' OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Gordeev A.S.

Russian Customs Academy

This article examines the use of open-source information in customs authorities' operational investigative activities. A legal model for a departmental information system is proposed that would ensure the legal status of data obtained during operational investigative activities, including information from illegally published databases. The constitutional, criminal, and administrative aspects of the creation and use of such a system are analyzed. It is concluded that the proposed model complies with legal requirements and is a necessary tool for modern operational investigative activities, capable of automating the selection of objects of customs control when individuals move across the EAEU customs border.

Keywords: operational investigative activities, customs authorities, information systems, databases, personal data, unauthorized access, risk management system, passenger manifests, customs control, OSINT.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Federal Law of 12 August 1995 No. 144-FZ "On Operational-Investigative Activities" (as amended on 1 April 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Art. 3349.
3. Federal Law of August 3, 2018 No. 289-FZ "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on October 27, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32. Art. 4877.
4. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended on June 24, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. Art. 3448.
5. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on November 17, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 N 37 "On certain issues of judicial practice in criminal cases concerning crimes in the sphere of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunications networks, including the Internet" // Rossiyskaya Gazeta. 2022. 28 December.
7. Order of the Federal Customs Service of Russia of 10 October 2019 N 1570 "On approval of the Procedure for the formation of information resources of customs authorities of the Russian Federation and access to them" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>, 12.11.2019.
8. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on 1 January 2024) // Official website of the Eurasian Economic Commission.
9. Federal Law of 27 July 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" (as amended on February 6, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. Article 3451.
10. Yakovets E.N. Measures to Improve Information and Analytical Support for the Activities of Bodies Carrying Out Operational-Investigative Activities // Bulletin of Economics and Law. 2020. No. 47.

К вопросу о понятии источника повышенной опасности при анализе правоприменительной практики итоговых процессуальных решений по СТ.168 УК РФ

Бруевич Марина Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: bruevich1709@mail.ru

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятием источника повышенной опасности, в соответствии со ст. 168 УК РФ. Подчеркиваются проблемные моменты квалификации при применении уголовного закона и принятии итоговых процессуальных решений на этапе предварительной проверки и проведения предварительного расследования по преступлениям, связанным с пожаром. Особое внимание уделяется детализации критериев данного понятия – вредоносности свойств и не подконтрольности со стороны человека. Отдельно анализируется термин «обращение», используемый в ст. 168 УК РФ применительно к понятию источника повышенной опасности. В подтверждение выводов автора, приводятся практические примеры, связанные с обоснованием источника повышенной опасности применительно к конкретным обстоятельствам пожара. В качестве метода улучшения ситуации предлагается четкое обозначение признаков (критериев) указанного понятия на законодательном уровне.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, вредоносность свойств, не подконтрольность со стороны человека, объект (предмет) материального мира, место пожара, процесс эксплуатации (деятельности), правила предосторожности, существующие и будущие источники повышенной опасности.

Отсутствие в законодательстве детальной характеристики понятия «источник повышенной опасности» является не только причиной научной дискуссии, но и создает проблемные моменты в ходе правоприменительной практики.

Данный вопрос актуален не одно десятилетие, что находит свое отражение в работах ряда авторов, как в 60 годах XX столетия, так и на современном этапе [1–5].

В научных публикациях автора также затрагиваются вопросы, связанные с проблемными моментами квалификации и принятия законных процессуальных решений, по преступлениям, связанным с пожаром [6–9].

По смыслу законодательства [10], под источниками повышенной опасности понимают механизмы, виды энергии, электрооборудование, процессы и вещества, которые представляют повышенную опасность для окружающих. И вредоносность этих предметов не поддается или не в полной мере поддается контролю со стороны человека ввиду чего они и создают опасность.

Здесь необходимо подчеркнуть два базовых компонента (критерия) источника повышенной опасности – это вредоносность свойств и не подконтрольность со стороны человека.

Критерий, связанный с не подконтрольностью или неполной подконтрольностью человеку заслуживает особого внимания. На наш взгляд, согласно данному признаку, к источникам повышенной опасности, должны относиться, в том числе, бытовые электроприборы и электропроводка, подающая напряжение электрического тока в 220В и 380В, а не только энергия высокого напряжения.

Так, рассмотрев сообщение по факту повреждения имущества, наступившего в результате пожара в двух жилых домах с надворными постройками [11], дознаватель ФПС МЧС пришел к выводу, что наиболее вероятной технической причиной пожара, явился аварийный режим работы электропроводки в виде первичного короткого замыкания. Было принято итоговое процессуальное решение по итогам предварительной проверки об отказе в возбуждении уголовного дела. Обосновывая процессуальное решение в постановлении, дознаватель указывает, что электропроводка, подающая напряжение электрического тока в 220В и 380В, не может рассматриваться как источник повышенной опасности, так как не является источником высокого напряжения в соответствии с ГОСТ 32144-2013.

Согласно ГОСТ 32144-2013 «Нормы качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения» [12] характеристики напряжения подвержены изменениям из-за изменений нагрузки, влияния кондуктивных электромагнитных помех, создаваемых отдельными видами оборудования, и возникновения неисправностей, вызываемых, главным образом, внешними событиями. В результате возникают случайные изменения характеристик напряжения во времени в точках поставки электрической энергии потребителю. Учитывая непредсказуемость ряда явлений, влияющих на напряжение, не представляется возможным установить определенные допустимые границы значений для соответствующих характеристик напряжения, а значит полностью осуществлять контроль.

Таким образом, несмотря на то, что электропроводка в 220 и 380В проложена в жилых домах, учреждениях школьного (дошкольного) образования и ее эксплуатация осуществляется без какого либо допуска, проверки специальных знаний, учитывая непредсказуемость ряда явлений, влияющих на напряжение, не представляется возможным осуществление за ней полного контроля. Обстоятельства, связанные с ненадлежащим уходом за электропроводкой, целесообразно расценивать как неосторожные действия, приведшие к общественно-опасным последствиям.

Также законодатель, использует в ст. 168 УК РФ термин «обращение», то есть деятельность, включающую в себя эксплуатацию, пользование, хранение и т.д. с источниками повышенной опасности, свойства которых не подконтрольны человеку (в той или иной степени).

Так, гр-н. Ж., 29.05.2020 г., в период времени с 00 часов 30 минут до 06 часов 30 минут, находясь в квартире по адресу: Хабаровский край, в г. Амурске [13], пренебрегая необходимыми мерами предосторожности при использовании источника повышенной опасности, открыл четыре крана газовых конфорок на газовой плите, располо-

женной в кухонном помещении. После чего покинул помещение кухни и уснул в помещении зала, оставив газовые краны в положении «открыто», то есть допустил распространение газа во внутренний объем помещений квартиры. Проснувшись 29.05.2020 г. около 06 часов 30 минут, гр-н Ж. подошел к балконному проему, где при помощи зажигалки попытался зажечь сигарету, после чего произошло возгорание газо-воздушной смеси, с последующим хлопком бытового газа. В результате неосторожных действий гр-на Ж., выразившихся в неосторожном обращении с источником повышенной опасности – газовой плитой, послужившей причиной пожара, повреждено имущество собственников указанной квартиры на общую сумму 740766 рублей, что является крупным размером.

Еще один пример из правоприменительной практики.

28.01.2022 года в 13 часов 00 минут гр-н Ш., находясь в здании станции технического обслуживания, расположенного по адресу: Самарская область, г. Тольятти [14], допустил выполнение огневых работ по ремонту автомобиля марки Mazda 6, а именно, замене пола в автомобиле, с применением искрообразующего инструмента (сварочного аппарата) вблизи элементов автомобиля, выполненных из горючих материалов. В результате воздействия источников зажигания сварочного аппарата на горючие материалы автомобиля, расположенного в здании станции технического обслуживания, произошло возгорание горючих элементов, расположенных между салоном и моторным отсеком автомобиля с последующим распространением огня по всей площади транспортного средства. Таким образом, гр-н Ш., действуя по неосторожности, совершил уничтожение и повреждение чужого имущества, путем неосторожного обращения с источником повышенной опасности. Гр-ном Ш., при проведении огневых работ, не были защищены конструкции и отделка автомобиля, выполненные из горючих материалов, от попадания на них искр металлическим экраном, покрывалами для изоляции очага возгорания или другими негорючими материалами и при необходимости политы водой. Тем самым Ш. нарушил правила противопожарного режима в РФ, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2020 г. № 1479. В результате преступных действий Ш., потерпевшей причинен имущественный вред в крупном размере на общую сумму 383 838,0 (триста восемьдесят три тысячи восемьсот тридцать восемь) рублей. Данное деяние было квалифицировано в соответствии со ст. 168 УК РФ.

Также хотелось бы отметить, что квалифицирующим признаком объективной стороны ст. 168 УК РФ является несоблюдение или нарушение специальных правил обращения с такими объектами. В статье, как ранее указывалось, используется термин «обращение», то есть эксплуатация, использование и т.д. Таким образом, это деятельность (действие либо бездействие) с указанными предметами. Ввиду этого, хотелось бы привести пример незаконного, на наш взгляд, итогового процессуального решения по материалам предварительной проверки.

Так, 07.06.2025 года на земельном участке СНТ «Родник» Завьяловского района Удмуртской республики [15] произошел пожар в бане. В результате пожара огнем была уничтожена баня с предбанником и садовой дом. Также огонь перекинулся на соседние участки (сгорели хозяйственные постройки, баня с предбанником, были повреждены огнем садовый дом, беседка и теплица), в результате чего был причинен крупный ущерб чужому имуществу в размере более 600000 рублей. Наиболее вероятной (непосредственной) причиной пожара, на основании пожарно-технического заключения явилась, неправильная эксплуатация отопительной печи и ее дымохода в бане.

Тем не менее, дознаватель принял необоснованное процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела на основании того, что печь была самодельной, а хозяин участка, где произошел пожар, заявил в объяснении «... что участок с домом купил недавно и не знал, что данная самодельная печь смонтирована с конструктивными недостатками, и ее эксплуатация может привести к пожару». Как указал дознаватель, учитывая, что собственник не знал, что «его действия по использованию печи могли привести к пожару», в данном случае нет неправильной эксплуатации со стороны собственника, и не усматривается неосторожное обращение с источником повышенной опасности (печью).

Здесь хотелось бы отметить, что в соответствии со ст. 38 ФЗ «О пожарной безопасности», ответственность за нарушение требований пожарной безопасности в любом случае несут собственники имущества, а в п. 77 Постановления Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации», установлены требования, предъявляемые к эксплуатации печного оборудования, которые необходимо соблюдать, и установлен запрет на использование неисправного и самодельного печного оборудования.

Ввиду недостаточной законодательной регламентации понятия источника повышенной опасности, в целях необходимости применения уголовного закона при оформлении процессуальных решений, в отдельных подразделениях МЧС России, данный вопрос решается в рамках проведения пожарно – технических исследований. Что достаточно спорно с юридической точки зрения.

Так, по факту пожара, произошедшего 28.10.2023 года в автомобиле Mercedes-Benz 223602 (Sprinter) г. Ялты [16], в рамках пожарно-технической экспертизы, было установлено, что очаг пожара находился внутри автомобиля в районе расположения кресел первого ряда пассажирского салона, находящихся за водительским сидением. Источником зажигания послужило тепловое воздействие электронагревательного прибора, в результате нагрева горючего материала до температуры, обеспечивающей возникновение и развитие горения. Технической причиной пожара послужило возгорание горючих материалов в очаге пожара от теплового воздействия электронагревательного прибора – «турбосушки», в результате нагрева материала до температуры, обеспечивающей возникновение и развитие горения. Таким образом, из очага пожара за счет тепловых конвективных потоков и лучистой энергии, огонь получил распространение по горючим материалам в объеме салона автомобиля, а также через технологические отверстия в передке вовнутрь моторного отсека.

На основании полученных данных, дознаватель назначил проведение дополнительной судебной пожарно – технической экспертизы, так как в ходе производства по уголовному делу возник вопрос – является ли изъятый с места пожара электрический прибор «Турбосушка» источником повышенной опасности, а также правильно ли он эксплуатировался.

Перед экспертом были поставлены следующие вопросы:

1. Является ли источником повышенной опасности, изъятый с места пожара электрический прибор «Турбосушка»?
2. Можно ли оставлять без присмотра включенным в электрическую сеть, работающий, по типу изъятый с места пожара, электрический прибор «Турбосушка»?

Исходя из компетенции пожарно-технического эксперта, ответ на первый вопрос давался с точки зрения пожарной безопасности.

Эксперт указал, что в законодательстве Российской Федерации о пожарной безопасности отсутствует понятие источника повышенной опасности и сослался на понятие, согласно, энциклопедического словаря «Гражданская защита» [17] – как техногенного объекта, человеческого фактора или природного процесса, создающего угрозу жизни и здоровью людей, гибели животного и растительного мира, разрушения объектов техносферы и поражения природной среды. Потенциальная опасность этих источников определяется характеристиками поражающих факторов: интенсивностью излучений, концентрацией и дозой отравляющих веществ, давлением ударных волн, мощностью тепловых потоков, инфекционностью микроорганизмов.

Также он указал, что изъятый с места пожара электрический прибор «Турбосушка», согласно материалам уголовного дела, является бытовым электронагревательным прибором, то есть устройством, предназначенным для преобразования электрической энергии в тепловую. Электронагревательный прибор выделяет тепловую энергию, которая в данном случае послужила источником зажигания и привела к возникновению пожара. В связи с этим данное устройство можно отнести к источнику пожароопасности, под которым понимается вещество, материал, конструкция, изделие, состояние или процесс, способные инициировать пожар, образовывать опасные факторы пожара, наносить материальный ущерб и создавать угрозу для людей.

Исходя из понятия, указанного в Постановлении Пленума Верховного Суда от 26.01.2010 г. № 1, эксперт сделал вывод о том, что электронагревательный прибор «Турбосушка» не является источником повышенной опасности, так как имелась возможность его полного контроля человеком.

Тем не менее, при ответе на вопрос: «Можно ли оставлять без присмотра включенным в электрическую сеть, работающий, по типу изъятый с места пожара, электрический прибор «Турбосушка»? Эксперт в заключении привел подпункт «и» пункта 35 Правил противопожарного режима в Российской Федерации, где указано, что запрещается оставлять без присмотра включенными в электрическую сеть электронагревательные приборы, а также другие бытовые электроприборы, в том числе находящиеся в режиме ожидания, за исключением электроприборов, которые могут и (или) должны находиться в круглосуточном режиме работы в соответствии с технической документацией изготовителя. Был сделан вывод о том, что изъятый с места пожара электрический прибор «Турбосушка» (электронагревательный прибор) запрещается оставлять без присмотра включенным в электрическую сеть, если в соответствии с технической документацией изготовителя

не предусмотрен круглосуточный режим работы данного электроприбора.

Таким образом, возникает закономерный вопрос: «Если электроприбор запрещается оставлять без присмотра, разве не следует, что он не подконтролен (в той или иной степени) деятельности человека?» И насколько правомочно решать вопрос о признании конкретного объекта (предмета) источником повышенной опасности лицом, обладающим специальными знаниями в области пожарной безопасности в рамках пожарно-технической экспертизы.

Необходимо отметить, что даже в случае максимальной бдительности и выполнении всех правил предосторожности невозможно полностью проконтролировать устройство, использующее электрическую энергию.

Поэтому значение имеют особые, специфические свойства объекта, признаваемого источником повышенной опасности: вероятность проявления этих вредоносных свойств даже при максимальной бдительности владельца источника во время его эксплуатации (при учете владельцем всех известных ему вредоносных специфических проявлений источника; при сведении вероятности причинения вреда волевыми усилиями владельца источника повышенной опасности до возможного минимума).

Таким образом, на наш взгляд, источники повышенной опасности представляют собой такие объекты (предметы) материального мира, которые обладают для окружающих потенциальной опасностью причинения вреда, проявляющиеся в процессе их эксплуатации по причине невозможного полного контроля над ними со стороны человека.

К сожалению, отсутствие законодательного определения указанного понятия вызывает трудности при применении уголовного закона и оформлении итоговых процессуальных решений на этапе доследственной проверки и предварительного расследования, а также обоснование источника повышенной опасности в обвинительном акте (постановлении). Решить данную проблему можно только путем четкого обозначения признаков (критериев) источника повышенной опасности, так как при постоянном развитии науки и техники дать исчерпывающий перечень существующих и будущих источников нельзя.

В Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России для профессиональной переподготовки слушателей МЧС России, занимающихся вопросами профессиональной деятельности в области познания по делам о пожарах разработан курс обучения с применением дистанционных образовательных технологий. В данном курсе изучаются разделы: социально-правового обеспечения личного состава МЧС России, организации надзорно-профилактической деятельности МЧС России, основы гражданского права и процесса, основы возникновения и развития пожаров, пожарной безопасности объектов и населенных пунктов, организации пожаротушения и проведения аварийно-спасательных работ, основы теории права, основы уголовного процесса, состав преступления и теория доказательств, криминалистики и расследования экспертизы пожаров. [18,19]

Данная программа направлена на повышение доступности образования для сотрудников МЧС России с использованием современных цифровых технологий. [20]

Литература

1. Собчак А.А. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда действием источника повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964. С. 8.
2. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. С. 9–10, 29, 41–44.
3. Косякова Н.С. Проблемы уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества по неосторожности. Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013. № 4 (21). С. 62–71.
4. Карева Е.В. Источник повышенной опасности: понятие и классификация источников повышенной опасности в современной науке. Интернаука. 2021. № 41–3 (217). С. 12–14.
5. Калачева Т.Л., Королёва Ю.С. Проблема соотношения понятий «источник повышенной опасности» и «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих» В сборнике: Научная Россия: теории, проблемы и вызовы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции со студенческим участием. Хабаровск, 2025. С. 58–62.
6. Бруевич М.Ю., Губанова О.А. Анализ проблемных моментов деятельности органов познания при расследовании преступлений, связанных с пожарами Юридическая наука. 2024. № 8. С. 337–341.
7. Бруевич М.Ю., Зуев А.В., Платонов А.В. Проблемные моменты, подлежащие установлению и доказыванию по преступлениям, связанным с пожаром. Вопросы Российского и международного права. 2022. Т. 12. № 7–1. С. 190–197.

8. Бруевич М.Ю., Зуев А.В., Платонов А.В. Специфика проблемных моментов расследования криминальных пожаров. Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 8–1. С. 355–363.

9. Бруевич М.Ю., Губанова О.А. Показания участников уголовного судопроизводства как средство установления истины по уголовным делам, связанным с пожаром. Юридическая наука. 2025. № 1. С. 167–171.

10. Постановление Пленума Верховного Суда от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

11. Материалы предварительной проверки по факту пожара № 27/19 от 10.04.2020 г., произошедшего в двух жилых домах с надворными постройками по адресу: Пермский край, г. Добрянка, ул. Калинина д. 3,5.

12. ГОСТ 32144-2013. Межгосударственный стандарт. Электрическая энергия. Совместимость технических средств электромагнитная. Нормы качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения.

13. Материалы уголовного дела № 12110080018000001 от 20.05.2020 г. по факту пожара, произошедшего в квартире по адресу: Хабаровский край, г. Амурск, ул. Амурская д. 10 кв. 87.

14. Материалы уголовного дела № 12210360031000001 от 28.01.2022 по факту пожара, произошедшего в здании станции технического обслуживания, расположенного по адресу: Самарская область, г. Тольятти, ул. Куйбышева, д. 21.

15. Материалы предварительной проверки по факту пожара № 155 от 07.06.2025 г. по факту пожара произошедшего в бане по адресу: Удмуртская Республика, Завьяловский район, СНТ «Родник».

16. Материалы уголовного дела № 12410350022000001 от 21.05.2024 г. по факту пожара, произошедшего 28.10.2023 года в автомобиле Mercedes-Benz 223602 (Sprinter) по адресу: г. Ялта, ул. Красина 1»Б».

17. Гражданская защита: Энциклопедический словарь (издание третье, переработанное и дополненное); под общей ред. В.А. Пучкова / МЧС России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 664 с., стр.195.

18. Губанова О.А. Продвижение по службе квалифицированных специалистов // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2016. № 2 (31). С. 28–30

19. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26–28.

20. Губанова О.А., Михайлов В.А., Михайлова В.В. Курс повышения квалификации с применением дистанционных образовательных технологий // Современное профессиональное образование. 2025. № 9. С. 83–87.

ON THE CONCEPT OF A SOURCE OF HIGH DANGER IN THE ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF FINAL PROCEDURAL DECISIONS UNDER ARTICLE 168 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Bruевич M.Y., Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

The article discusses issues related to the concept of a source of increased danger, in accordance with Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation. It highlights the problematic aspects of qualification when applying criminal law and making final procedural decisions at the stage of preliminary verification and preliminary investigation of crimes related to fire. Special attention is paid to the details of the criteria for this concept, such as the harmfulness of the properties and the lack of human control. The article also analyzes the term "handling" used in Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the concept of a source of increased danger. In support of the author's conclusions, practical examples are provided related to the justification of a source of increased danger in relation to specific fire circumstances. As a method for improving the situation, it is proposed to clearly define the features (criteria) of this concept at the legislative level.

Keywords: source of increased danger, harmfulness of properties, lack of human control, object (subject) of the material world, place of fire, process of operation (activity), safety rules, existing and future sources of increased danger.

References

1. Sobchak A.A. Civil liability for causing harm by the action of a source of increased danger: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences. L., 1964. p. 8.
2. Krasavchikov O.A. Compensation for damage caused by a source of increased danger. Moscow, 1966. Pp. 9–10, 29, 41–44.
3. Kosyakova N.S. Problems of criminal liability for the destruction or damage of someone else's property by negligence. Right. Safety. Emergency situations. 2013. No. 4 (21). Pp. 62–71.

4. Kareva E.V. Source of increased danger: the concept and classification of sources of increased danger in modern science. *Internauka*. 2021. No. 41–3 (217). Pp. 12–14.
5. Kalacheva T.L., Koroleva Yu.S. The problem of the relationship between the concepts of “a source of increased danger” and “activities that create increased danger to others” In the collection: *Scientific Russia: theories, problems and challenges. Materials of the III All-Russian scientific and practical conference with student participation*. Khabarovsk, 2025. Pp. 58–62.
6. Bruevich M.Yu., Gubanova O.A. Analysis of problematic aspects of the activities of investigative bodies in the investigation of crimes related to fires. *Yuridicheskaya nauka*. 2024. No. 8. Pp. 337–341.
7. Bruevich M.Yu., Zuev A.V., Platonov A.V. Problematic issues to be established and proven in crimes related to fire. *Issues of Russian and international law*. 2022. Vol. 12. No. 7–1. Pp. 190–197.
8. Bruevich M.Yu., Zuev A.V., Platonov A.V. The specifics of the problematic aspects of the investigation of criminal fires. *Issues of Russian and international law*. 2023. Vol. 13. No. 8–1. Pp. 355–363.
9. Bruevich M.Yu., Gubanova O.A. Testimony of participants in criminal proceedings as a means of establishing the truth in criminal cases related to fire. *Legal science*. 2025. No. 1. Pp. 167–171.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of January 26, 2010 No. 1 “On the application by courts of civil legislation regulating relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen.”
11. Materials of the preliminary inspection on the fact of fire No. 27/19 dated 04/10/2020, which occurred in two residential buildings with outbuildings at the address: Perm Krai, Dobryanka, Kalinina str. 3, 5.
12. GOST 32144–2013. The interstate standard. Electrical energy. Electromagnetic compatibility of technical means. Standards for the quality of electrical energy in general-purpose power supply systems.
13. Materials of the criminal case No. 12110080018000001 dated 05/20/2020 on the fact of a fire that occurred in an apartment at the address: Khabarovsk Territory, Amursk, ul. Amurskaya, 10 sq.87.
14. Materials of the criminal case No. 12210360031000001 dated January 28, 2022 on the fact of a fire that occurred in the building of a service station located at 21 Kuibyshev Street, Tolyatti, Samara region.
15. Materials of the preliminary inspection on the fact of fire No. 155 dated 06/07/2025. on the fact of a fire that occurred in a sauna at the address: Udmurt Republic, Zavyalovsky district, SNT “Rodnik”.
16. Materials of the criminal case No. 12410350022000001 dated 05/21/2024 on the fact of a fire that occurred on 10/28/2023 in a Mercedes-Benz 223602 (Sprinter) car at the address: Yalta, Krasina str. 1”B”.
17. Civil protection: An Encyclopedic dictionary (third edition, revised and supplemented); under the general editorship of V.A. Puchkov / EMERCOM of Russia. Moscow: FSBI VNII GOChS (FC), 2015. 664 p., p.195.
18. Gubanova O.A. Career advancement of qualified specialists // *Psychological and pedagogical problems of human and social security*. 2016. No. 2 (31). Pp. 28–30
19. Gubanova O. A., Bruevich M. Yu. The right to a second pension // *Law and Government*. 2023. No. 1. Pp. 26–28.
20. Gubanova O. A., Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Advanced training course using distance learning technologies // *Modern professional education*. 2025. No. 9. Pp. 83–87.

Зайко Тамара Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра
судебной деятельности и уголовного процесса,
Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева
E-mail: tmzayko@mail.ru

Мингалёв Андрей Дмитриевич,

студент, Институт государственного и международного
права, Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева
E-mail: mingalevandre1@yandex.ru

Эффективная борьба с подростковой преступностью остается одним из главных приоритетов государственной политики в области правоохранительной деятельности. Предметом статьи является рассмотрение вопросов анализа и учета в правоохранительной деятельности психологических особенностей совершения правонарушений несовершеннолетними. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации основных эмоциональных мотивов и психологических особенностей совершения правонарушений несовершеннолетними с точки зрения разработки превентивных мер по предупреждению соответствующих правонарушений. Исследование проведено с помощью методов библиографического и междисциплинарного подходов. В результате проведения исследования выявлены основные виды и направления преступлений и правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в зависимости от их психической склонности. На основе анализа определены ключевые направления усиления воспитательной работы с несовершеннолетними для предупреждения преступлений. Сформулированы основные направления профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: психология противоправного поведения, преступность несовершеннолетних, правопорядок, правовое воспитание.

Введение

Психология личности несовершеннолетнего преступника представляет собой важное направление исследований как в юридических науках, так и психологии личности. Как показали результаты проведенного нами ранее анализа совершаемых подростками преступлений [3], в последние годы наблюдается тенденция к усилению их тяжести. Как мы уже отмечали, ранее преобладали случаи мелкого хулиганства, в то время как сегодня суммарно более половины подростковых преступлений приходится на группу тяжких преступлений (квартирные кражи, разбойные нападения, грабежи и посяательства на жизнь и здоровье другого человека) [3, с. 296]. Таким образом, эффективная борьба с подростковой преступностью должна быть одним из важных приоритетов правоохранительной деятельности. Также важно выявить мотивы и причины девиантного поведения несовершеннолетних.

Выявление причин и мотивов преступности несовершеннолетних правонарушителей нужно проводить с учетом того факта, что такая преступность представляет собой сложную форму криминальной мотивации, поскольку правонарушениям подростков присуща криминальная полимотивация (наличие нескольких мотивов деятельности) [9, с.139]. И в этой борьбе особое место занимает правильная оценка личности подростка [4].

Психологические аспекты личности подростка-правонарушителя

Криминологическими элементами структуры личности преступника являются: социально-демографический, нравственно-психологический, правовой, криминологический и биологический элементы, включающие разнообразие компоненты своей социальной значимости [1, с. 117].

Обращаясь к вопросу оценки личности подростка, совершившего правонарушение или преступление, нужно прежде всего отметить, что на формирование его личности оказывает влияние множество таких различных взаимодействующих факторов как самосознание, личностные эмоциональные и психологические особенности, социальное окружение, семейные отношения и другие условия взросления подростка.

С этой точки зрения для эффективного воздействия на личность подростка необходимо изучение особенностей его характера, менталитета, эмоциональной сферы, взглядов, способы реагирования на стрессовые ситуации. Такое знание позволит правоохранительным органам помочь подростку осознать последствия его действий, развить правильное отношение к закону и обществу, а также предотвратить повторение правонарушений в будущем с учетом уникального психологического профиля каждого подростка [5; 8].

Психологической основой совершения подростками правонарушений и тем более преступлений или, напротив, соблюдение ими норм права и общественного поведения является уровень эмоциональной сформированности подростка, его самосознание и ориентированность на мнение других, его эго-идентичность (под эго-идентичностью в психологии понимается представление человека о себе и своих возможностях). Так, подросток, имеющий позитивную и сформированную эго-идентичность, скорее всего будет более ответственно относиться к правовым нормам. И, напротив, у личности с различными отклонениями в эго-идентичности может возникнуть неправильное отношение к восприятию норм социума и права. В частности, существующая у многих подростков (в силу их социальной незрелости) сильная потребность в признании со стороны окружающих и ориентированность на мнение других приводит к тому, что подростки могут подвергаться давлению или внушению как со стороны взрослых, так и сверстников. Например, подростки могут совершить акт вандализма или кражу под воздействием мнения своих сверстников, или стремясь привлечь внимание, показать свою смелость. Чрезмерное проявление самоуверенности или агрессивности является признаком наличия у подростка так называемой реакции компенсации, когда подросток может пытаться скрыть свои недостатки или негативные эмоции за агрессивным поведением.

Похожее последствие имеет и реакция подражания, в соответствии с которой подросток имитирует поведение сверстников или своего кумира, даже если их поведение является нежелательным или противоречит нормам общества. К аналогичным негативным послед-

ствиям в поведении подростков приводит и реакция нигилизма, которая проявляется в отрицательном отношении к окружающему миру и авторитетам, что может приводить к игнорированию правил и норм, их несоблюдению.

Часто к противоправному поведению приводит и такое психологическое состояние как «миф о собственной исключительности», когда подросток переоценивает свои способности и возможности, или же свои проблемы и переживания, считая их уникальными и непонятными окружающим. В таком состоянии подростки переживают периоды эмоциональных всплесков, могут проявлять агрессию и раздражительность, что, в свою очередь, может привести к противоправным действиям. Другой стороной проявления этого состояния является стремление к приключениям, экстремальным видам деятельности и поиску новых впечатлений и ощущений (в том числе запрещенных), что позволяет им самоутвердиться и удовлетворить потребность в проявлении собственных сил.

Данное состояние тесно связано с эгоцентрическим восприятием мира подростом, когда в центре его внимания находится собственное «Я»: потребности, желания и интересы. Положительным следствием данного состояния является стремление подростков к достижению успеха в учебе, спорте, творчестве или других сферах жизни. Отрицательным следствием – агрессия, противоправные действия, совершение преступлений. Например, подросток, оказавшись в конфликте с другим человеком, может неправильно оценить ситуацию и в ответ на объективно сделанное замечание ответить оскорблением, проявить агрессию или угрозу. Аналогично, при наличии трудностей с реализацией своих потребностей или желаний, может спровоцировать подростка на кражу, грабёж, мошеннические действия.

В целом, психологи отмечают, что эмоции в подростковом возрасте могут быть особенно интенсивными и непредсказуемыми, что приводит к совершению поспешных и необдуманных поступков [2]. Особенно высока вероятность импульсивного поведения в ситуациях конфликта или острой необходимости в удовлетворении какой-либо потребности или желания. Например, если подросток испытывает сильное желание приобрести что-то, чего у него нет возможности купить, он может реагировать агрессивно или иным негативным способом (украсть, отобрать или уничтожить вещь, которая есть у другого. Психологи особо отмечают, что способность понимать и адекватно интерпретировать поведение других людей, а также адаптироваться к социальной среде определяют успешное преодоление подростком различных жизненных проблем.

Это связано, в том числе с возрастными особенностями формирования эмоционального интеллекта, который еще плохо развит у подростков, особенно у тех, кто взрослеет в неблагоприятных семейных условиях или окружающей среде.

Еще одним важным элементом самосознания и эго-идентичности подростков является социальный интеллект, который представляет собой сложную систему интеллектуальных способностей (когнитивной сферы личности), включающую способность к эмпатии, пониманию социальных норм и правил, адекватную реакцию на эмоциональные и поведенческие выражения других людей.

Когнитивная сфера личности продолжает интенсивное развитие в период подросткового возраста. Формируются когнитивные способности подростка, такие как формальное мышление, способность к абстрактному мышлению, рефлексия, гипотетико-дедуктивное мышление, позволяющее прогнозировать различные варианты развития событий и делать выводы на основе логических рассуждений. В этот период осознанное обучение и появившийся жизненный опыт создают условия для формирования абстрактного и формально-логического мышления у подростков, в результате чего появляются навыки и умения логически рассуждать, делать выводы, анализировать информацию и оперировать понятиями. Но уровень усвоения этих понятий может существенно различаться в зависимости от организации обучения и окружающей среды. «Складывающееся мышление может быть эмпирическим, абстрактно-ассоциативным, сводящимся к оперированию заранее заданными признаками предмета (как правило, при традиционном обучении). В системе развивающего обучения ставится задача выработки так называемого содержательно-теоретического мышления, позволяющего понять внутреннюю сущность изучаемого предмета, закономерности его функционирования и преобразования» [10, с. 236].

Так, столкнувшись с конфликтной ситуацией, подросток может использовать свои знания о социальных нормах и правилах поведения для выработки определенного (адекватного) решения проблемы, если эмоциональный и социальный интеллекты развиты правильно, а интеллектуальные способности находятся на достаточном уровне

для того, чтобы обдумать последствия своих действий и предвидеть реакцию на них других людей.

Проявление эмоционального и социального интеллектов происходит в рамках копинг-стратегий (способов реагирования на стрессовые ситуации и преодоление трудностей), которые могут быть соответственно позитивными или негативными. Позитивные стратегии помогают подростку справиться с проблемами, например, позитивные копинг-стратегии могут включать в себя поиск поддержки у близких людей или обращение за профессиональной помощью. Негативные копинг-стратегии могут привести к дезадаптации и негативным последствиям, в частности проявляются в «уходе в себя», злоупотреблении наркотиками или алкоголем, агрессивном поведении. Важно, чтобы психическое развитие подростка соответствовало его возрасту и стадии взросления.

Факторы формирования личности подростка

Оценка факторов формирования личности подростка и его психологического здоровья показала, что одним из основных негативных факторов является семейное неблагополучие [6]. Оно оказывает негативное воздействие на формирование ценностей и моральных установок несовершеннолетних. Поэтому самые эффективные меры профилактики видятся в школьном и семейном воспитании и контроле со стороны школьных психологов и классных руководителей [7].

Другим фактором формирования преступного поведения подростков является свободный доступ в Интернет, а практически неконтролируемый контент, содержащийся в сети, особенно негативного характера, пропагандирующего культ силы, вседозволенности, агрессивного поведения также способствуют увеличению числа преступлений среди подростков.

Третьим важным фактором формирования личности подростка, в том числе его склонности к совершению правонарушений является сложившая у него система межличностных отношений. Эта система в значительной степени определяет его социальную адаптацию и взаимодействие с окружающими, включая умение строить доверительные отношения, навыки решения конфликтов и поиска компромиссов, свойства симпатии и эмпатии. Именно с системой межличностных отношений связано такое свойство преступности несовершеннолетних как групповой характер преступных действий. В отличие от взрослых преступников, несовершеннолетние склонны совершать преступления в компании сверстников, и это связано с особенностями подростковой психологии, называемой реакцией «группирования». В таком состоянии подростки испытывают потребность в принадлежности к определенной группе или сообществу, чтобы найти поддержку, защиту и понимание. И при отсутствии достаточной эмоциональной и социальной зрелости это проявляется в вовлечении подростков в асоциальные группы и в совершение правонарушений и преступлений.

Специалисты обращают внимание на то, что неспособность подростков эффективно справляться с трудностями, стремление к использованию неэффективных методов решения проблем и низкая устойчивость к стрессу могут стать факторами развития у них девиантного поведения. Таким образом, понятие личности несовершеннолетнего преступника представляет собой комплекс характеристик, определяющих индивидуальные особенности и поведенческие черты несовершеннолетнего, который совершает противоправные действия. Влияние возрастных особенностей на правосознание и юридически значимое поведение подростков проявляется через развитие их когнитивных, эмоциональных и социальных способностей. Несовершеннолетние часто еще не обладают полной зрелостью мышления и не способны к адекватной оценке последствий своих действий. Они могут иметь ограниченное понимание норм и правил, регулирующих общественные отношения, и не всегда осознают правовые последствия своих поступков. Кроме того, возрастные особенности подростков также включают в себя повышенную склонность к риску, стремление к автономии и независимости. Изучение психологии личности несовершеннолетнего преступника позволяет выявить особенности мотивации его противоправного поведения. Это позволяет разработать индивидуальный подход к работе с каждым подростком, учитывая его индивидуальные психологические и эмоциональные особенности.

Выводы

В заключение необходимо отметить, что на подростковую преступность значительное влияние оказывают психологические особенности формирования личности подростка, прежде всего его эмоциональный фон, его эго-идентичность, а также семейное состояние и условия внешней среды. Объективная необходимость в поддержке и одобрении со стороны других людей приводит к формированию такой особенности подростковой преступности как ее групповой характер. Поэтому вовле-

чение подростков в различные виды групповой деятельности (кружки по интересам, спортивные секции, творческие и научные коллективы и т.д.), организуемые со стороны государства, молодежных движений, школы, инициативных групп граждан, которые могут способствовать формированию у подростков «здоровых» интересов и увлечений и предупредить девиантное поведение.

Вступление подростков в социально-правовые отношения предполагает не только знание законов и норм, но и их осознанное понимание и применение в повседневной жизни. Несовершеннолетние должны уметь анализировать ситуации, оценивать их социальные последствия и принимать обоснованные решения, исходя из усвоенных нравственных и правовых принципов. Однако невысокий уровень развития практического мышления, несформированность социального интеллекта и ограниченный жизненный опыт могут затруднять успешное решение подобных задач. Это требует применения специальных воспитательных и психологических методов и инструментов воздействия на подростков в процессе их обучения и социализации.

Литература

1. Абрамова Н. Г. К вопросу о личности несовершеннолетнего осужденного // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 41, № 1. С. 116–120. doi: 10.21779/2224-0241-2022-41-1-116-120
2. Волков Б. С. Психология подростка: учебное пособие. М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2005. 206 с.
3. Зайко Т. М., Мингалёв А. Д. Превентивность правонарушений несовершеннолетних – психологические аспекты // Юридическая наука. 2024. № 3. С. 294–298.
4. Зайко Т. М., Пантюхина Г. А. Личность несовершеннолетнего преступника: психолого-криминологический аспект // Правоотношения и юридическая ответственность: новое в законодательстве: Сборник материалов научно-теоретической конференции (25–26 марта 2015). Екатеринбург: Уральский Институт коммерции и права, 2015, С. 57–69.
5. Зорина Е. М., Стеценко В. Ю. Правовое воспитание: теоретико-правовой и институциональный анализ // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 20–24.
6. Лебедева Ю. Ю. Семейное неблагополучие как один из факторов формирования криминогенного поведения несовершеннолетнего // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 2. С. 95–100.
7. Окутина Н. Н., Забелич Л. В. Преступность несовершеннолетних в России: состояние и меры профилактики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 114–121
8. Сафуанов Ф. С., Васьков Е. В. Психологический анализ мотивации преступных действий несовершеннолетних правонарушителей при совершении групповых и индивидуальных деликтов // Прикладная юридическая психология, 2010, № 2, с. 123–135.

9. Трякшина Ю. В. Причины и личность в преступной деятельности несовершеннолетних // Ученые записки Тамбовского отделения РПСМ У. 2021. № 22. С. 134–143.

10. Шаповаленко И. В. Возрастная психология (психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005. 349 с.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF JUVENILE DELINQUENCY PREVENTION

Zaiko T.M., Mingalev A.D.

Ural State Legal University named after V.F. Yakovleva

Effectively combating juvenile delinquency remains a key priority for state law enforcement policy. This article examines the analysis and integration of the psychological underpinnings of juvenile delinquency into law enforcement. The purpose of this study is to identify and systematize the primary emotional motives and psychological underpinnings of juvenile delinquency for the development of preventive measures. The study utilized bibliographic and interdisciplinary approaches. The study identified the main types and patterns of crimes and offenses committed by juveniles, depending on their psychological predisposition. Based on this analysis, key areas for strengthening educational work with minors to prevent crimes were identified. Key areas for preventing juvenile delinquency are outlined.

Keywords: psychology of unlawful behavior, juvenile delinquency, law and order, legal education.

References

1. Abramova, N. G. "On the Personality of a Juvenile Convict" // Legal Bulletin of DSU. 2022. Vol. 41, No. 1. pp. 116–120. doi: 10.21779/2224-0241-2022-41-1-116-120
2. Volkov, B. S. "Adolescent Psychology: A Textbook". Moscow: Academic Project, Gaudeamus, 2005. 206 p.
3. Zaiko T.M., Mingalev A.D. Prevention of Juvenile Delinquency – Psychological Aspects // Legal Science. 2024. No. 3. pp. 294–298.
4. Zaiko T.M., Pantyukhina G.A. Personality of a Juvenile Offender: Psychological and Criminological Aspect // Legal Relations and Legal Liability: New in Legislation: Collection of Materials of a Scientific and Theoretical Conference (March 25–26, 2015). Ekaterinburg: Ural Institute of Commerce and Law, 2015, pp. 57–69.
5. Zorina E.M., Stetsenko V. Yu. Legal Education: Theoretical, Legal, and Institutional Analysis // Legal Science. 2025. No. 11. pp. 20–24.
6. Lebedeva Yu.Yu. Family dysfunction as one of the factors in the formation of criminogenic behavior of minors // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2023. No. 2. pp. 95–100.
7. Okutina N.N., Zabelich L.V. Juvenile delinquency in Russia: state and preventive measures // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). pp. 114–121
8. Safuanov F.S., Vaske E.V. Psychological analysis of the motivation for criminal actions of juvenile offenders when committing group and individual offenses // Applied Legal Psychology, 2010, No. 2, pp. 123–135.
9. Tryakshina Yu.V. Causes and Personality in Juvenile Criminal Activity // Scientific Notes of the Tambov Branch of the Russian Scientific and Methodological University. 2021. No. 22. pp. 134–143.
10. Shapovalenko I.V. Age Psychology (Developmental Psychology and Age Psychology). Moscow: Gardariki, 2005. 349 p.

Особенности выявления и разоблачения криминальных инсценировок при расследовании убийств

Ибрагим Лума Аднан Ибрагим,

аспирант, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: lumai9604@gmail.com

Настоящее исследование посвящено методике раскрытия криминальных инсценировок при расследовании убийств. Автором раскрывается понятие и сущность криминальной инсценировки, предлагается криминалистическая классификация криминальных инсценировок, раскрывается сущность негативных обстоятельств, указывающих на криминальную инсценировку. Рассматриваются типичные способы криминальных инсценировок, особенности моделирования физической обстановки и механизма события при её осуществлении. Констатируется, что характерными элементами криминальных инсценировок при расследовании убийств являются внутренне несогласованный следовой комплекс, который включает как реальные следы воздействия, возникшие при совершении убийства, так и искусственно созданные следы, а также информационная неустойчивость обстановки инсценировки и поведения лица, осуществляющего её. На основании исследования указанных закономерностей предлагается алгоритм действий по диагностике и разоблачению криминальной инсценировки, а также обосновывается внесение изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: уголовный процесс, инсценировка, убийство, расследование, методика, диагностика, следователь, эксперт.

Криминальная инсценировка – это целенаправленное создание ложной картины преступной деятельности с целью избежать уголовной ответственности или подвести под подозрение невиновных. Этот процесс тесно связан со смежными правовыми понятиями, такими как фальсификация доказательств и симуляция преступного поведения.

Криминальная инсценировка представляет собой форму интеллектуального противодействия расследованию, направленную на дезориентацию субъектов уголовного судопроизводства и искажение их познавательной деятельности при установлении обстоятельств преступления. Её воздействие рассчитано прежде всего на следователя, дознавателя, оперативного сотрудника и прокурора, принимающих процессуальные решения по делу, а также на лиц, содействующих расследованию, – эксперта, специалиста, переводчика, понятых. В отдельных случаях адресатом инсценировки становятся свидетели и иные участники уголовного процесса, чье восприятие событий используется для закрепления ложной картины происшествия. Тем самым инсценировка функционирует как целенаправленное средство противодействия раскрытию преступлений, нарушающее нормальный ход познания и препятствующее достижению объективной истины по делу.

Важное значение для понимания криминальных инсценировок имеет её классификация. Так, классификация криминальных инсценировок по временному критерию позволяет более точно анализировать поведение преступников и выстраивать версии о произошедшем. В зависимости от временного контекста, инсценировки могут быть поделены на три основные категории: предшествующие, совпадающие и последующие к криминальному событию. Каждый из этих категорий несет в себе специфические признаки.

а) криминальная инсценировка, предшествующая криминальному событию, может быть направлена на создание обманчивой ситуации, вводящей следствие в заблуждение. Такие действия могут быть спланированы заблаговременно для подготовки почвы для совершения преступления, что позволяет преступнику обеспечить себе временное преимущество.

б) инсценировка, совпадающая во времени с криминальным событием, представляет собой более рискованный шаг со стороны преступника и часто используется для усиления эффекта или внезапного введения в заблуждение. В таких случаях преступник может попытаться одновременно совершить преступление и создать мнимую ситуацию, которая затруднит его идентификацию.

в) криминальная инсценировка, следующая за совершением преступления, чаще всего применяется для сокрытия улик и попытки обмануть экспертов. Она является наиболее распространенной формой инсценировки, так как позволяет преступнику манипулировать доказательствами.

Существенным фактором диагностики инсценировки выступают негативные обстоятельства, выявляемые в ходе расследования убийств. Их своевременное обнаружение позволяет следователю идентифицировать противоречия между реальной картиной происшествия и внешне правдоподобной версией, предлагаемой лицом, заинтересованным в сокрытии преступления. Анализ негативных обстоятельств становится исходной точкой для формирования альтернативных следственных версий и выхода за пределы инсценированной фабулы.

Негативные обстоятельства целесообразно определять как признаки, элементы обстановки или факты, внутренне противоречащие либо объективно ожидаемой картине развития события, либо заявленной версии о произошедшем, а также факты отсутствия обязательных признаков, которые с высокой степенью вероятности должны были бы присутствовать при честном объяснении произошедшего. Они выражаются в несоответствии между объективной следовой картиной и заявленной версией события, либо в отсутствии признаков, которые неизбежно должны были бы присутствовать при естественном развитии криминального происшествия.

Модель действий следователя по выявлению негативных обстоятельств включает следующие ключевые этапы:

1. Детальная фиксация всех элементов обстановки и первичная инвентаризация признаков.

В отличие от стандартного осмотра, данный этап предполагает не только тщательную фиксацию видимых следов (биологических,

механических, бытовых), но и фиксацию «отсутствия» определенных элементов, которые должны были бы быть обнаружены при заявленном сценарии события. К каждому элементу обстановки предъявляется вопрос: логичен ли он в заявленной версии? Почему тот или иной предмет оказался на данном месте, и может ли быть иное объяснение его положения?

2. Систематическое сопоставление выявленных признаков с типовыми моделями развития преступления.

Здесь используется не только личный следственный опыт, но и сведения из профессиональных баз данных, доктринальных источников, судебной практики. Для каждого обнаруженного признака формируется гипотеза о его происхождении и проверяется: соответствует ли этот признак ожидаемому механизму или противоречит ему? Если обнаружены признаки, выходящие за пределы типичной картины, они подлежат отдельной фиксации как потенциальные негативные обстоятельства.

3. Поиск и структурирование «фактов отсутствия» и аномалий.

Особенность авторского подхода заключается в акценте на «фактах отсутствия» – то есть выявлении не только того, что присутствует, но и того, чего явно не хватает (например, отсутствие следов борьбы при насильственной смерти; отсутствие травм, типичных для падения; неестественно чистая обстановка при следах перемещения тела). Для каждого обнаруженного аномального или отсутствующего признака формируется перечень возможных объяснений, из которых первоочередное – искусственное изменение картины события.

4. Ранняя интеграция комплексных экспертных исследований.

Авторская методика предусматривает обязательное направление материалов на судебно-медицинскую, трасологическую, биологическую, техническую экспертизу на ранних этапах расследования. При этом следователь должен формулировать четкие вопросы экспертам, включая вопросы о механизме образования травм, последовательности событий, давности следов и возможности умышленного их создания или уничтожения.

5. Последовательная проверка альтернативных версий.

Для каждого негативного обстоятельства выдвигаются альтернативные гипотезы: допускается, что признак мог появиться и без инсценировки. Только последовательная проверка всех версий – посредством повторных осмотров, дополнительных экспертиз, анализа цифровых и поведенческих следов – позволяет исключить случайные аномалии и подтвердить наличие инсценировки.

6. Психологическая диагностика действий фигурантов и свидетелей.

Следователь должен анализировать структуру показаний, реагирование на уточняющие вопросы, изменения в эмоциональном фоне. Особое внимание уделяется несостыковкам, уклончивости, избыточной детализации малозначимых моментов. При необходимости привлекаются специалисты по криминалистической психологии для комплексной оценки поведения.

7. Коллективное обсуждение результатов и командное взаимодействие.

Модель действий предполагает организацию рабочих групп, обсуждение сложных эпизодов с экспертами и коллегами, проведение повторных или дополнительных осмотров, что позволяет взглянуть на ситуацию с разных профессиональных позиций и снизить риск когнитивных искажений.

8. Подробное документирование каждого выявленного негативного обстоятельства.

Любая аномалия или нестыковка должны быть не только отражены в протоколах осмотра, но и последовательно включены в материалы дела, объяснены в заключениях экспертов, а также подкреплены фотографиями, схемами, выводами совещаний рабочей группы. Это обеспечивает процессуальную устойчивость выводов о наличии инсценировки.

Современная методология криминалистического анализа инсценировки убийства строится преимущественно на интеграции двух ключевых исследовательских стратегий: системно-структурного и междисциплинарного подходов. Автором предлагается алгоритм действий следователя по выявлению негативных обстоятельств, обеспечивающий формирование объективной доказательственной базы при расследовании убийств, сопровождаемых инсценировкой. В отличие от традиционного осмотра места происшествия, данный алгоритм опирается на сочетание криминалистического, экспертного и психологического анализа и ориентирован на переход от описательной фиксации к аналитическому выявлению «фактов отсутствия». Ключевым элементом является анализ «следов отсутствия» – признаков, которые должны присутствовать при естественном развитии событий, но объективно отсутствуют. Такая структура позволяет своевременно

выявлять инсценировку и снижать вероятность следственных ошибок. Алгоритм включает фиксацию обстановки, сопоставление признаков с типовыми моделями преступлений, выявление аномалий, раннее назначение комплексных экспертиз, проверку альтернативных версий, психологическую оценку поведения участников и документирование установленных несоответствий.

Методика расследования инсценировок, на основании исследований, проведенных автором, предполагает ряд последовательных этапов.

На начальном этапе формируется полный перечень возможных моделей происшествия – от инсценировки убийства под самоубийство или несчастный случай до имитации исчезновения, – каждая из которых фиксируется в информационно-аналитической системе с указанием приоритетных индикаторов инсценировки. Последующие этапы предусматривают блочное построение расследования, где материально-следовое, цифровое и психолого-коммуникативное направления работают автономно, но в рамках единой программы. Внутри блоков разрабатываются алгоритмы выявления аномалий, включающие систематизацию данных, проведение экспертиз, анализ временных интервалов и сопоставление объективных признаков с проверяемыми версиями. Использование автоматизированных аналитических инструментов снижает влияние субъективного фактора и повышает точность оценочных выводов. Встроенная система обратной связи обеспечивает сопоставление результатов отдельных направлений и корректировку программы расследования. Завершающий этап предполагает формализацию и финальную проверку собранных материалов.

Международный опыт показывает, что действия, препятствующие правосудию, в том числе инсценировка, могут квалифицироваться как самостоятельные преступления. Международная практика демонстрирует схожие подходы. Так, в уголовном законодательстве США, особенно на уровне отдельных штатов, распространено преследование за obstruction of justice, в рамках которого криминальная инсценировка (например, сокрытие тела, имитация самоубийства, создание ложного алиби) может квалифицироваться как felony offense (тяжкое преступление)¹. В законодательстве Германии (§ 258 StGB – Strafvereitelung) действия, направленные на воспрепятствование привлечению виновного к ответственности, в том числе инсценировки, подлежат уголовному преследованию как самостоятельный состав². Это позволяет утверждать, что в мировой практике инсценировка может и должна рассматриваться как преступление sui generis, а не только как квалифицирующий или смягчающий/отягчающий признак основного преступления.

В правовых системах, где закреплено понятие воспрепятствования правосудию, охватываются именно такие случаи активного искажения фактов. Установление самостоятельной ответственности в национальном законодательстве также могло бы способствовать более четкому регулированию и усилению превентивного воздействия уголовного закона.

Вместе с тем криминализация инсценировки сталкивается с рядом проблем. Прежде всего, значительная часть таких действий и без того подпадает под действующие нормы. Добавление специального состава об инсценировке в особенной части Уголовного кодекса приведет к дублированию, излишней фрагментации и усложнению законодательства. Возникает также трудность разграничения: где заканчивается сокрытие и начинается инсценировка? Например, если преступник уничтожает следы и одновременно создает видимость несчастного случая, возникает вопрос, нужно ли это квалифицировать как два деяния или как сложную форму одного и того же поведения.

Криминализация инсценировки противоречила бы принципу экономии уголовной репрессии. Уголовное право должно ограничиваться наиболее опасными формами поведения, избегая чрезмерной детализации. Введение новой статьи не увеличит эффективность борьбы с преступностью, но усложнит квалификацию и создаст риск двойного учета одного и того же поведения – как основного преступления и как инсценировки.

Кроме того, признание инсценировки отдельным преступлением неизбежно породит проблемы при назначении наказания. Поскольку инсценировка почти всегда совершается во взаимосвязи с основным деянием, она будет квалифицироваться в совокупности. Это приведет к назначению наказаний за каждое преступление и к неоправданному ужесточению санкций. Более логичным представляется учет инсценировки не как самостоятельного преступления, а как элемента, повышающего опасность уже совершенного деяния.

¹ United States Code. 18 U.S.C. § 1503 URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1508> (дата обращения 28.11.2025)

² Уголовный кодекс ФРГ URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_258.html (дата обращения 28.11.2025)

Рассмотрение инсценировки преступного события как обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность, представляется более последовательным и системно обоснованным вариантом, чем ее криминализация в качестве самостоятельного преступления. Такой подход позволяет учесть повышенную опасность инсценировки и в то же время избежать избыточной фрагментации уголовного законодательства.

Вследствие этого, предлагается внести дополнение в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, введя в перечень обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность совершение инсценировки при совершении преступлений. Включение инсценировки в перечень отягчающих обстоятельств обусловлено ее общественной опасностью. Законодательное закрепление отягчающего характера инсценировки позволяет устранить существующий нормативный пробел и повысить эффективность предупреждения преступлений, сопряженных с созданием ложной следовой ситуации.

Важным условием раскрытия криминальной инсценировки при расследовании убийств является организация экспертной поддержки при их раскрытии и расследовании. Это предполагает целостную систему взаимодействия следователя и специалистов различных профилей. Судебно-медицинские, криминалистические, биологические, цифровые и психологические эксперты привлекаются с начального этапа, образуя междисциплинарное экспертное ядро. Экспертизы организуются модульно: медико-криминалистический, цифрово-коммуникационный, биометрический и психолого-криминалистический модули работают автономно, но их выводы проходят обязательную междисциплинарную сверку. Завершающим звеном выступает комплексная реконструкция событий, объединяющая результаты всех модулей в единую аналитическую схему развития преступления.

Предложенная модель организации экспертной поддержки расследования инсценированных убийств требует уточнения с позиции уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, поскольку ряд её элементов (в частности, оперативное формирование междисциплинарной экспертной группы, регулярные координационные совещания и финальная совместная реконструкция событий) не имеют прямого нормативного закрепления в действующих нормах УПК РФ. Вместе с тем анализ зарубежных правовых порядков (Германии, Франции, Великобритании, Нидерландов) позволяет предложить механизмы, которые могут быть адаптированы и в российскую уголовно-процессуальную систему.

Так, в Германии организация осмотра места происшествия при расследовании насильственных преступлений осуществляется с участием специализированных криминалистических подразделений (Kriminaltechnisches Team), в состав которых включаются судебно-медицинские эксперты, криминалисты, специалисты по трасологии, баллистике и цифровым следам. Участие таких специалистов на первоначальном этапе расследования регламентируется ведомственными инструкциями земельной полиции и рассматривается как стандарт расследования тяжких преступлений против личности.

Аналогичный подход реализуется в Нидерландах, где в рамках Национальной полиции функционируют междисциплинарные экспертные группы (Forensic Expertise Teams), обеспечивающие комплексный криминалистический и экспертный анализ уже на стадии первичного осмотра места происшествия. Внутренние регламенты предусматривают распределение задач между экспертами различных профилей, их координацию в ходе осмотра и последующую интеграцию выводов при реконструкции события преступления. При этом результаты совместной работы фиксируются в процессуальных документах и используются для формирования и проверки следственных версий, что снижает риск фрагментарной оценки следовой картины и повышает достоверность выводов о механизме происшествия.

С учётом вышесказанного, целесообразно учесть зарубежный опыт экспертного сопровождения расследования инсценированных убийств и закрепить на уровне уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации возможность междисциплинарной экспертной координации и реконструкции события преступления. Во-первых, в ст. 164 и 178 УПК РФ целесообразно закрепить право следователя привлекать к осмотру места происшествия нескольких специалистов с возможностью формирования временной междисциплинарной экспертной группы, действующей в рамках одного следственного действия с распределением функций и фиксацией результатов в протоколе. Во-вторых, в ст. 198 УПК РФ предлагается предусмотреть возможность проведения междисциплинарных экспертных совещаний в ходе назначения и производства экспертиз, а также закрепить допустимость обмена предварительными выводами между экспертами при условии процессуальной фиксации и соблюдения принципа самостоятельности экспертного заключения.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Свод Законов США. Раздел 18. UnitedStatesCode. Title 18 – Crimes and Criminal Procedure. 18 U.S.C. § 1503 URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1508> (дата обращения 28.11.2025)
4. Уголовный кодекс ФРГ. 7. Strafgesetzbuch (StGB) URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_258.html (дата обращения 28.11.2025)

THE SPECIFICS OF IDENTIFYING AND EXPOSING CRIMINAL STAGING IN THE INVESTIGATION OF MURDERS

Ibrahim Luma Adnan Ibrahim
Peoples' Friendship University of Russia

The present study is devoted to the method of uncovering criminal staging in the investigation of murders. The author reveals the concept and essence of criminal staging, offers a criminalistic classification of criminal stagings, reveals the essence of negative circumstances indicating criminal staging. The typical methods of criminal stagings, the features of modeling the physical environment and the mechanism of the event during its implementation are considered. It is stated that the characteristic elements of criminal stagings in the investigation of murders are an internally uncoordinated trace complex, which includes both real traces of exposure that arose during the commission of the murder, and artificially created traces designed, as well as the information instability of the staging environment and the behavior of the person carrying it out. Based on the study of these patterns, an algorithm of actions for the diagnosis and exposure of criminal staging is proposed, as well as the introduction of amendments to criminal and criminal procedure legislation.

Keywords: criminal trial, staging, murder, investigation, methodology, diagnosis, investigator, expert.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on October 15, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on October 27, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.
3. United States Code. Title 18. United States Code. Title 18 – Crimes and Criminal Procedure. 18 U.S.C. § 1503 URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1508> (date of access 28.11.2025)
4. Criminal Code of the Federal Republic of Germany. 7. Criminal Code (StGB) URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_258.html (date of access 28.11.2025)

Исаев Михаил Фёдорович,

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: isaevmf@bk.ru

Автором исследована уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за организацию незаконной миграции. Целью статьи является системное выделение и подробная характеристика этапов развития данного уголовно-правового регулирования с определением специфики правового воздействия на каждом из них, а также идентификация ключевых детерминантов, обусловивших изменение содержания и структуры нормы. Методологическую основу работы составляют историко-правовой метод, позволивший ретроспективно проследить генезис нормы, и догматический метод, примененный для анализа юридической конструкции состава преступления и его санкций в различные хронологические периоды. Полученные результаты заключаются в систематизации шести ключевых этапов развития специальной нормы об ответственности за организацию незаконной миграции, от первичной криминализации данного преступления до его глубокой дифференциации, и определении детерминантов данного процесса. Полученные результаты могут быть использованы в правотворческой и правоприменительной деятельности. Научная новизна полученных результатов отражается первично в проведенной систематизации, а также в моделировании будущего этапа «превентивной криминализации» деяний, способствующих организации незаконной миграции. В качестве вывода отмечено, что эволюция нормы демонстрирует поступательный переход от появления специальной нормы к созданию более сложно структурированного состава, отражающего повышенную общественную опасность деяния.

Ключевые слова: организация незаконной миграции, уголовная ответственность, эволюция, статья 322.1 УК РФ, этапы, детерминанты, квалифицирующие признаки.

Предметом настоящего исследования выступают уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за организацию незаконной миграции, в их историческом развитии, начиная с советского периода и вплоть до современной редакции статьи 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹.

Начало исследования целесообразно связать с **первым этапом** (этап отсутствия специализированного состава). Этот этап охватывает период действия Уголовного кодекса РСФСР до 1 января 1997 года и действия первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации в его первоначальной редакции вплоть до 28 декабря 2004 года.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года отсутствовала специальная норма об ответственности за организацию незаконной миграции. В то же время, этот Кодекс содержал статью 83 об ответственности за нарушение режима Государственной границы Российской Федерации.

В первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года специальная норма об ответственности за организацию незаконной миграции также отсутствовала, что влекло за собой привлечение к уголовной ответственности за подобные действия по статье 322 УК РФ как за пособничество в незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации, а также по статье 327 УК РФ как за подделку документов. Включение в уголовное законодательство самостоятельной нормы было обусловлено необходимостью выполнения международных обязательств по регулированию миграционных потоков и борьбой с незаконной миграцией.

В свою очередь, **второй этап** (этап появления самостоятельной уголовно-правовой нормы об ответственности за организацию незаконной миграции) берет начало с принятия Федерального закона от 28.12.2004 № 187-ФЗ², которым была введена статья 322.1 УК РФ. Так, законодатель криминализировал сам факт организации незаконного въезда, пребывания или транзита, установив санкцию за основной состав в виде широкой альтернативы видов наказания, включая штраф, обязательные и исправительные работы, а также лишение свободы до двух лет. Квалифицированный состав предусматривал совершение деяния организованной группой или в целях совершения преступления. Вместе с тем, уже Федеральным законом от 27.12.2009 № 377-ФЗ³ в санкции как основной, так и квалифицированной частей было добавлено ограничение свободы, что ознаменовало курс на ужесточение уголовной репрессии в рамках общей политики того периода.

Третий этап (2011–2016 гг.) связан с систематизацией санкций и дифференциацией ответственности. Его начало ознаменовал Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ⁴, который включил в санкцию ч. 1 ст. 322.1 УК РФ принудительные работы, а также повысил максимальный срок обязательных работ. Дальнейшее развитие этого этапа связано с Федеральным законом от 30.12.2012 № 308-ФЗ «О внесении изменений в статью 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁵. Он, не меняя текста диспозиции, усовершенствовал санкции части второй данной статьи, закрепив сочетание лишения свободы со штрафом и ограничением свободы в качестве единой, комплексной

¹ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954

² Федеральный закон от 28.12.2004 N 187-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // РГ. – № 290. – 2004

³ Федеральный закон от 27.12.2009 N 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Российская газета. – № 253. – 2009

⁴ Федеральный закон от 07.03.2011 N 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // РГ. – № 51. – 2011

⁵ Федеральный закон от 30.12.2012 N 308-ФЗ «О внесении изменений в статью 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // РГ. – № 3. – 2013

меры ответственности за квалифицированный состав, что способствовало единообразному применению нормы на практике.

Далее заметим, что **четвертый этап** (этап кардинального ужесточения ответственности) связан с принятием Федерального закона от 06.07.2016 № 375-ФЗ¹. Так, в основном составе из санкции были исключены все альтернативные виды наказания, кроме лишения свободы на срок до пяти лет, что радикально изменило его карательный потенциал. Одновременно в квалифицированном составе признак о совершении деяния организованной группой был дополнен совершением деяния группой лиц по предварительному сговору. Отсюда следует, что основанием таких изменений стала необходимость адекватного противодействия повышенной общественной опасности деяния, все чаще совершаемого в рамках организованных преступных структур, а также его связи с террористическими угрозами.

Пятый этап (этап криминализации деяний специального субъекта и уточнения целей) ознаменован принятием Федерального закона от 04.11.2019 № 354-ФЗ². Законодатель, среди прочего, ввел новый квалифицирующий признак – совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения, тем самым выделив повышенную опасность коррупционной составляющей в механизме организации незаконной миграции. Также была уточнена редакция признака «в целях совершения преступления на территории Российской Федерации».

Шестой, современный этап (этап фундаментальной дифференциации и детализации квалифицирующих признаков) был запущен принятием Федерального закона от 09.11.2024 № 383-ФЗ³. В дополнение к вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что законодатель не просто ужесточил санкции, введя нижний предел наказания для основного состава, но и провел глубокую дифференциацию ответственности, выделив три части вместо двух. Отметим также, что в новой редакции появилась целая система квалифицирующих (ч. 2) и особо квалифицирующих (ч. 3) признаков, таких как использование поддельных документов, применение интернет-ресурсов, а также цель скрыть другое преступление. Детерминантом столь масштабного изменения нормы стала потребность в адекватном ответе на новые способы совершения преступления, его трансакционный и высокоорганизованный характер, а также необходимость создания более гибкого и эффективного инструмента уголовно-правового воздействия.

При изучении эволюции уголовной ответственности за организацию незаконной миграции следует более углублённо рассмотреть ключевые детерминанты изменения действующего законодательства и обосновать текущий этап, а также спрогнозировать возможные пути развития законодательства о борьбе с организацией незаконной миграции.

Первым детерминантом выступает криминализация новых способов и повышение общественной опасности. Рассматривая эволюцию ст. 322.1 УК РФ, следует отметить, что, как справедливо указывают Е.Л. Иванова[2] и М.И. Петровская[7], изначально правоприменительная практика сталкивалась с неопределенностью объективной стороны состава преступления, что сковывало борьбу с деятельностью по фиктивному оформлению документов, в частности, сертификатов о знании русского языка. В свою очередь, выработка правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, разъяснивших, что организация незаконной миграции включает в себя создание условий для пребывания, позволила начать активное преследование лиц, организующих фиктивную сдачу экзаменов⁴, что послужило одним из факторов, обусловивших криминализацию новых способов совершения преступления.

Наряду с изложенным, как демонстрирует в своих исследованиях И.А. Любый[4], организация незаконной миграции напрямую связана с формированием этнических анклавов, становящихся очагами уличной преступности, наркоторговли и экстремизма, что трансформирует

данное деяние из нарушения правил документооборота в угрозу национальной безопасности, что и обусловило кардинальное ужесточение санкций в редакциях 2016 и 2024 годов, поскольку прежняя мера ответственности не соответствовала реальной общественной опасности совершаемых деяний. Указанное позволяет выделить следующий детерминант – связь с тяжкими и особо тяжкими преступлениями.

Далее заметим, что, как наглядно иллюстрирует статистика, приведенная М.Ф. Костюком и Е.В. Кунц[3], а также рассмотренная Е.А. Мельниковым[6] практика, систематическое совершение преступлений в сфере миграции, несмотря на неоднократное привлечение к уголовной ответственности по нормам о преступлениях небольшой тяжести (ст. 322.2, 322.3 УК РФ в прежних редакциях), демонстрировало неэффективность существовавшего уголовно-правового инструментария. Отсюда следует, что детерминантом повышения категорий тяжести этих преступлений и введения нижних пределов санкций в ст. 322.1 УК РФ выступила необходимость преодоления правового нигилизма и обеспечения реальной неотвратимости наказания для организаторов преступных схем, что свидетельствует о недостаточной эффективности более ранних редакций ст. 322.1 УК РФ.

Также стоит обратить внимание на выводы, сделанные А.Г. Хабибулиным и К.Р. Мурсалимовым[8], которые указывают на активное использование организаторами незаконной миграции информационно-телекоммуникационных сетей для рекламы услуг, коммуникации и оформления фиктивных документов. Данный факт закономерно выступил одним из ключевых детерминантов введения в ч. 2 ст. 322.1 УК РФ (ред. от 09.11.2024) специального квалифицирующего признака, связанного с использованием сети «Интернет», что отразило адаптацию уголовного закона к современным вызовам и цифровым реалиям преступной деятельности.

В дополнение к вышесказанному, Д.К. Чирков, А.А. Литвинов[10], И.И. Гловов[1] обоснованно акцентируют внимание на том, что противодействие незаконной миграции не может ограничиваться лишь уголовно-правовыми мерами и требует интеграции миграционной, социальной и информационной политики, т.е. комплексного межотраслевого противодействия. Данная идея нашла свое частичное отражение в новеллах административного законодательства, запрещающих деятельность частных посредников в проведении экзаменов, что указывает на детерминант комплексного реформирования смежных отраслей права для повышения эффективности уголовно-правовой нормы.

Представленный анализ доктринальных положений позволяет утверждать, что действующая редакция ст. 322.1 УК РФ (с 09.11.2024) представляет собой этап «глубокой дифференциации и системной интеграции». Его особенностью является не просто ужесточение наказания, а создание сложно структурированного состава с тремя частями, детализированной системой квалифицирующих признаков, отражающих современные способы и цели совершения преступления, а также ориентация на межотраслевое взаимодействие (связь с административными и информационными нормами).

Следующий этап, который, вероятно, наступит в ближайшем будущем, можно определить как этап «превентивной криминализации и профилактического контроля». Его неизбежность обусловлена определенными факторами, вытекающими из анализа правовой доктрины.

Первым фактором выступает расширение объектов уголовно-правовой охраны. Как показывают исследования Е.Л. Ивановой[2], М.И. Петровской[7], следующим логичным шагом может стать криминализация przygotowительных действий на стадии создания устойчивых преступных схем (например, создание устойчивых интернет-ресурсов для рекламы таких услуг), что, вероятно, потребует введения новых норм в главу 32 УК РФ, реализуя тем самым превентивный подход к криминализации.

В качестве второго фактора можно выделить акцент на пресечение финансирования. Работы А.Г. Хабибулина и Е.А. Мельникова⁵ косвенно указывают на необходимость воздействия на экономическую основу данного преступного бизнеса. Это может выразиться в дополнении ст. 322.1 УК РФ признаком, связанным с легализацией преступных доходов, полученных от организации незаконной миграции, либо в более активном применении ст. 174.1 УК РФ.

Еще одним значимым фактором выступает интеграция с миграционным аудитом. Так, идеи Д.К. Чиркова⁶ и И.И. Глового⁷ о необходимости регулярного мониторинга и оценки миграционной ситуации трансформируется в потребность законодательного закрепления обязанностей хозяйствующих субъектов (крупных арендодателей, логи-

¹ Федеральный закон от 06.07.2016 N 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // РГ. – № 150. – 2016

² Федеральный закон от 04.11.2019 N 354-ФЗ «О внесении изменений в статью 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // РГ. – № 249. – 2019

³ Федеральный закон от 09.11.2024 N 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // РГ. – 256. – 2024

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. N 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // СПС «КонсультантПлюс»;

⁵ Указ. соч.

⁶ Указ. соч.

⁷ Указ. соч.

стических компаний) по проведению внутреннего контроля с целью выявления признаков организации незаконной миграции, с установлением административной ответственности за неисполнение данной обязанности.

Результаты исследования демонстрируют, что эволюция ст. 322.1 УК РФ прошла шесть последовательных этапов. **Первый этап** (до 2004 г.) характеризовался отсутствием специализированного состава. **Второй** (2004–2011 гг.) ознаменовался введением базового состава и его первоначальной корректировкой. **Третий этап** (2011–2016 гг.) был связан с систематизацией санкций и дифференциацией ответственности. **Четвертый** (2016–2019 гг.) отразил кардинальное ужесточение наказания. **Пятый** (2019–2024 гг.) – криминализацию специального субъекта. Современный, **шестой этап** (с 2024 г.) представляет собой фундаментальную дифференциацию и детализацию квалифицирующих признаков. Ключевыми детерминантами данной эволюции выступили: необходимость выполнения международных обязательств, повышение общественной опасности деяния, его связь с организованной и террористической преступностью, активное использование интернет-технологий, а также неэффективность предшествующих редакций нормы.

Полученные в ходе нашего исследования результаты могут быть использованы в сфере правотворчества для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в части противодействия транснациональной преступности. Результаты исследования могут быть использованы в правоприменительной практике, способствуя единообразному пониманию современной редакции ст. 322.1 УК РФ. Научная новизна исследования заключается в авторской периодизации уголовной ответственности за организацию незаконной миграции, характеристике детерминант такой периодизации. Текущий этап развития такого законодательства представляется в виде «глубокой дифференциации и системной интеграции» и в научном прогнозировании его вероятностного развития в сторону «превентивной криминализации и профилактического контроля», что предполагает расширение объектов охраны и акцент на пресечение финансирования.

Таким образом, развитие статьи 322.1 УК РФ носит прогрессивный и адаптивный характер, реагируя на усложнение способов и рост общественной опасности организации незаконной миграции. Эволюция данной нормы пройдя путь от первичной криминализации базового состава до его глубокой дифференциации, в будущем будет двигаться необходимостью опережающего правового реагирования на усложняющиеся преступные схемы, что потребует дальнейшего расширения инструментария уголовного закона в сторону превентивных и финансово-ориентированных мер. Основным вектором эволюции является движение от общего запрета к созданию детализированного, сложно структурированного состава, ориентированного на нейтрализацию конкретных современных угроз, с параллельным усилением карательного потенциала нормы. Дальнейшее развитие статьи будет обусловлено необходимостью опережающего правового реагирования, что предопределяет смещение акцентов на превентивные и финансово-ориентированные меры воздействия.

Литература

1. Глотов И.И. Увеличение численности мигрантов на территории Российской Федерации как фактор, влияющий на оперативную обстановку в местах лишения свободы // Миграционное право. – 2025. – № 1. – С. 37–41.
2. Иванова Е.Л. Актуальные вопросы уголовно-правовой политики в сфере противодействия незаконной миграции // Российский следователь. – 2024. – № 11. – С. 19–22.
3. Костюк М.Ф., Кунц Е.В. К вопросу о лицах, осужденных за преступления в сфере миграции // Миграционное право. – 2025. – № 2. – С. 20–22.
4. Любый И.А. Борьба с преступностью мигрантов в российских мегаполисах // Российский следователь. – 2024. – № 11. – С. 33–35.

5. Любый И.А., Мехряков И.С. Правовые аспекты борьбы с нелегальной миграцией в Китайской Народной Республике // Миграционное право. – 2025. – № 2. – С. 28–30.

6. Мельников Е.А. Правовое обеспечение противодействия незаконной миграции // Миграционное право. – 2025. – № 1. – С. 15–17.

7. Петровская М.И. К вопросу о некоторых проблемах правоприменительной деятельности и реализации юридической ответственности в сфере вынужденной миграции в России // Миграционное право. – 2025. – № 3. – С. 42–44.

8. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Меры по совершенствованию государственного контроля в сфере миграции: правообразующий и правоприменительный аспекты // Миграционное право. – 2025. – № 1. – С. 2–5.

9. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Современные тенденции государственной политики в сфере миграции: правообразующий аспект // Миграционное право. – 2025. – № 2. – С. 2–5.

10. Чирков Д.К., Литвинов А.А. Миграция, политика и преступность в России: современные тенденции // Миграционное право. – 2025. – № 1. – С. 18–22.

THE EVOLUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZING ILLEGAL MIGRATION UNDER RUSSIAN LAW

Isaev M.F.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The author examines criminal law provisions establishing liability for organizing illegal migration. The article aims to systematically identify and provide a detailed description of the stages of development of this criminal law regulation, defining the specific legal impact at each stage, and identifying the key determinants that have led to changes in the content and structure of the provision. The methodological basis of the study is a historical and legal approach, allowing for a retrospective tracing of the provision's genesis, and a dogmatic approach, applied to analyze the legal structure of the crime and its sanctions across various chronological periods. The results obtained systematize six key stages in the development of a special provision on liability for organizing illegal migration, from the initial criminalization of this offense to its extensive differentiation, and identify the determinants of this process. The findings can be used in lawmaking and law enforcement. The scientific novelty of the obtained results is reflected primarily in the systematization conducted, as well as in the modeling of the future stage of "preventive criminalization" of acts that facilitate illegal migration. In conclusion, it is noted that the evolution of the norm demonstrates a progressive transition from the emergence of a specific norm to the creation of a more complex structure reflecting the increased social danger of the act.

Keywords: organization of illegal migration, criminal liability, evolution, Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, stages, determinants, qualifying features.

References

1. Glotov I.I. Increase in the Number of Migrants on the Territory of the Russian Federation as a Factor Affecting the Operational Situation in Places of Deprivation of Liberty // Migration Law. – 2025. – No. 1. – Pp. 37–41.
2. Ivanova E.L. Current Issues of Criminal Law Policy in the Sphere of Combating Illegal Migration // Russian Investigator. – 2024. – No. 11. – Pp. 19–22.
3. Kostyuk M.F., Kunts E.V. On the Issue of Persons Convicted of Migration-Related Crimes // Migration Law. – 2025. – No. 2. – Pp. 20–22.
4. Lyuby I.A. Fight against Migrant Crime in Russian Megacities // Russian Investigator. – 2024. – No. 11. – P. 33–35.
5. Lyuby I.A., Mekhryakov I.S. Legal aspects of the fight against illegal migration in the People's Republic of China // Migration law. – 2025. – No. 2. – P. 28–30.
6. Melnikov E.A. Legal support for combating illegal migration // Migration law. – 2025. – No. 1. – P. 15–17.
7. Petrovskaya M.I. On some problems of law enforcement and the implementation of legal responsibility in the sphere of forced migration in Russia // Migration law. – 2025. – No. 3. – P. 42–44.
8. Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Measures to improve state control in the field of migration: law-forming and law enforcement aspects // Migration law. – 2025. – No. 1. – Pp. 2–5.
9. Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Current trends in state policy in the field of migration: law-forming aspect // Migration law. – 2025. – No. 2. – Pp. 2–5.
10. Chirkov D.K., Litvinov A.A. Migration, politics and crime in Russia: current trends // Migration law. – 2025. – No. 1. – Pp. 18–22.

Интернет-пространство как облегчённая среда совершения сексуального насилия в отношении детей (на примере Азербайджанской Республики)

Исмаилова Эсмира Вагиф кызы.

магистрант образовательной программы «Регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: esmayilova414@gmail.com

В статье интернет-пространство рассматривается как самостоятельная социально-технологическая среда, обладающая выраженным криминальным потенциалом и объективно способствующая снижению барьеров для совершения сексуального насилия и сексуальной эксплуатации в отношении детей при одновременном росте латентности и пролонгированного характера данных преступлений. Исследование выполнено на примере Азербайджанской Республики – государства, в котором охрана детства традиционно рассматривается как фундаментальная правовая и нравственная ценность и приоритет государственной политики. Обосновывается вывод о том, что цифровизация радикально трансформировала механизмы сексуальных преступлений против несовершеннолетних, сместив акцент с физического контакта на дистанционные формы психологического воздействия, манипуляции, формирования зависимости и разрушения личных границ ребёнка. На основе анализа материалов 54 уголовных дел выявлены типовые модели вовлечения несовершеннолетних в проституцию и в изготовление порнографических материалов посредством сети Интернет. Раскрыты причины позднего выявления данных преступлений, включая цифровую анонимность, трансграничность коммуникаций, ограниченность процессуальных механизмов оперативного сохранения цифровых следов, а также недостаточную вовлечённость семьи и образовательных учреждений в цифровую профилактику. Особое внимание уделено новым угрозам, связанным с использованием синтетических изображений и видеоматериалов. Сформулированы комплексные предложения по совершенствованию административного и профилактического законодательства, включая институциональные меры предупреждения и дополнение статьи 189 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках.

Ключевые слова: интернет-пространство; дети; сексуальное насилие; сексуальная эксплуатация; цифровая виктимизация; кибергруминг; детская порнография; латентность преступлений; профилактика; родительская ответственность; Азербайджан.

Защита детей от сексуального насилия и сексуальной эксплуатации в условиях цифровизации представляет собой одну из наиболее острых и социально значимых проблем современного правового развития. Для Азербайджанской Республики данная проблематика имеет особую актуальность, поскольку охрана детства традиционно воспринимается как неотъемлемый элемент национальной правовой культуры, нравственных устоев общества и государственной политики. Ребёнок рассматривается не только как субъект прав, но и как высшая социальная ценность, требующая усиленной и многоуровневой защиты со стороны семьи, общества и государства. Эти подходы закреплены как в национальном законодательстве, так и в международных обязательствах Азербайджана в сфере прав ребёнка [1].

Вместе с тем развитие интернета и цифровых технологий привело к формированию качественно новой социальной среды, в рамках которой традиционные механизмы охраны детства оказались недостаточно адаптированными к изменившимся формам угроз. Интернет перестал быть вспомогательным инструментом и превратился в самостоятельное пространство социализации, формирования идентичности и эмоционального опыта. Именно в этом пространстве возникают новые формы криминального поведения, характеризующиеся высокой скрытностью, дистанционностью и трансграничностью, что принципиально осложняет их выявление и правовую оценку [2].

Криминологическая специфика интернет-пространства как облегчённой среды совершения сексуального насилия в отношении детей обусловлена совокупностью взаимосвязанных факторов. Цифровая анонимность и псевдонимность позволяют преступникам конструировать ложные идентичности и имитировать социально приемлемые роли, включая ровесников, друзей, наставников или лиц, оказывающих помощь в обучении [3]. Асинхронный характер коммуникаций и постоянная доступность каналов связи создают условия для длительного психологического воздействия, при котором преступное поведение реализуется не одномоментно, а в форме поэтапного процесса формирования доверия и зависимости. Отсутствие физического контакта на ранних стадиях снижает субъективное ощущение риска у преступника и затрудняет своевременное распознавание угрозы со стороны взрослых.

Особую роль играет технологическое и когнитивное неравенство между взрослым и несовершеннолетним. Преступник, как правило, обладает более высоким уровнем цифровой компетентности, использует закрытые каналы связи, временные сообщения и зарубежные платформы хранения данных, тогда как ребёнок не осознаёт ни правовых, ни психологических последствий передаваемой информации [4]. В условиях доминирования визуальной культуры цифровой среды происходит постепенная нормализация сексуализированного контента, что облегчает подмену границ допустимого общения.

Центральным механизмом вовлечения несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию в интернете выступает кибергруминг – многоэтапный процесс установления доверительных отношений, сопровождающийся манипуляцией, эмоциональным сближением и разрушением личных границ ребёнка [5]. Его опасность заключается в использовании тонких психологических особенностей детского возраста, включая повышенную внушаемость, потребность в признании и недостаточную способность к критической оценке рисков. В цифровой среде данные особенности усиливаются эффектом психологической дистанции, создающим иллюзию безопасности и управляемости ситуации.

Для Азербайджанской Республики дополнительную сложность представляет трансграничный характер интернет-коммуникаций. Анализ уголовных дел показывает, что в ряде случаев преступники находят за пределами страны и используют иностранные языки и культурные коды как инструмент завоевания доверия. Общение под предлогом изучения языков или культурного обмена может восприниматься семьёй и образовательными учреждениями как социально полезное, что снижает уровень контроля и способствует росту латентности преступлений [6].

Эмпирический анализ материалов 54 уголовных дел выявил устойчивые типовые модели сексуальной эксплуатации детей в цифровой среде. Интернет используется как основной канал вовлечения подростков в проституцию, средство психологического давления и контроля,

а также как инструмент склонения несовершеннолетних к созданию порнографических материалов без физической встречи с преступником. Распространённой формой является принуждение к демонстрации интимных частей тела посредством видеосвязи, что подтверждает тенденцию смещения сексуального насилия в дистанционную форму с пролонгированным характером виктимизации [7].

Существенным вызовом последних лет является использование технологий создания синтетических изображений и видеоматериалов, позволяющих имитировать участие ребёнка в сексуализированном контенте. Такие технологии применяются для шантажа, психологического давления и удержания жертвы в состоянии подчинения. Вред психическому здоровью ребёнка в подобных случаях не зависит от фактического участия в создании контента и может иметь долговременные последствия, включая депрессивные расстройства, социальную изоляцию и утрату доверия к взрослым [8].

Правовую основу противодействия данным преступлениям в Азербайджанской Республике образуют специальные нормы Уголовного кодекса, включая статьи 171, 171–1 и 171–2, направленные на защиту несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий [9]. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что уголовно-правовые меры не могут рассматриваться как единственный инструмент защиты. Современные цифровые угрозы требуют смещения акцента на предупреждение, раннее выявление и комплексную профилактику.

Научная новизна настоящего исследования заключается в доктринальном обосновании концепции цифровой безопасности ребёнка как элемента надлежащего воспитания и самостоятельного объекта правовой охраны. С учётом масштабности и распространённости сексуальных преступлений в интернете представляется целесообразным формирование специализированных институциональных механизмов предупреждения и пресечения данных деяний. В частности, обоснована необходимость создания специализированных подразделений по защите детей в цифровой среде, функционирующих при органах внутренних дел либо в форме межведомственных центров с участием правоохранительных органов, органов опеки, образовательных и социальных служб. Такие структуры могли бы осуществлять мониторинг цифровых платформ, анализ типовых сценариев кибергroomинга, координацию реагирования на сигналы риска и взаимодействие с международными организациями.

Особое значение имеет развитие процессуальных механизмов оперативного временного сохранения цифровых данных, позволяющих предотвратить утрату доказательственной информации на ранних стадиях расследования. Наряду с этим требуется нормативное закрепление межведомственных протоколов реагирования на угрозы сексуальной эксплуатации детей в цифровой среде, включающих алгоритмы действий для образовательных учреждений и социальных служб.

Важнейшим элементом системы предупреждения является семья как первичный субъект защиты ребёнка. В условиях цифровизации надлежащее воспитание невозможно без участия родителей в обеспечении цифровой безопасности. В этой связи обоснованным представляется развитие административной ответственности за систематическое ненадлежащее обеспечение цифровой безопасности ребёнка.

В целях совершенствования законодательства предлагается дополнить статью 189 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках следующими положениями:

189.5. Систематическое невыполнение или ненадлежащее выполнение без уважительных причин родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по обеспечению цифровой безопасности несовершеннолетнего, выразившееся в отсутствии разумного контроля за использованием ребёнком сети Интернет, социальных сетей и иных информационно-коммуникационных сервисов при наличии очевидных признаков риска либо официальных предупреждений со стороны образовательных учреждений, органов опеки и попечительства или иных уполномоченных органов.

Предлагаемая ответственность носит предупредительный характер и ориентирована не на наказание родителей за сам факт виктимизации ребёнка, а на пресечение системного и грубого бездействия при наличии реальных сигналов опасности.

Таким образом, интернет-пространство в современных условиях объективно выступает облегчённой средой совершения сексуального насилия и сексуальной эксплуатации детей, что требует адекватной и комплексной правовой реакции. Формирование эффективной системы защиты возможно лишь при сочетании уголовно-правовых, административных, институциональных и профилактических мер, направленных на сохранение психического, нравственного и социального благополучия ребёнка как высшей ценности общества и государства.

Литература

1. Конвенция о правах ребёнка от 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров. Нью-Йорк: ООН, 1989. С. 3–25.
2. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия. Страсбург, 2007. С. 7–41.
3. Конвенция о киберпреступности. Будапешт, 2001. С. 5–28.
4. United Nations Office on Drugs and Crime. Study on the Effects of New Information Technologies on the Abuse and Exploitation of Children. Vienna, 2015. P. 15–78.
5. Save the Children. Online Grooming and Child Sexual Exploitation. London, 2020. P. 9–64.
6. WeProtect Global Alliance. Global Threat Assessment. London, 2023. P. 22–110.
7. Martellozzo E. Online Child Sexual Abuse. London: Routledge, 2019. P. 31–96.
8. Smahel D. et al. EU Kids Online 2020. London, 2020. P. 14–88.
9. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики, г. Баку.
10. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.12.2024 г.), г. Баку.

THE INTERNET SPACE AS A FACILITATING ENVIRONMENT FOR SEXUAL VIOLENCE AGAINST CHILDREN (CASE OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN)

Ismailova E.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the Internet space as an autonomous socio-technological environment with significant criminogenic potential that objectively facilitates sexual violence and sexual exploitation against children while increasing latency and the prolonged nature of victimization. The study is conducted using the example of the Republic of Azerbaijan, a state where child protection is traditionally regarded as a core legal and moral value and a strategic priority of public policy. The research demonstrates that digitalization has radically transformed the mechanisms of sexual crimes against minors, shifting the focus from physical contact to remote psychological influence, manipulation, dependency formation, and erosion of personal boundaries. Based on the analysis of 54 criminal cases, typical online patterns of involving minors in prostitution and the production of child sexual abuse materials are identified. The article reveals the main reasons for delayed detection, including digital anonymity, cross-border communications, insufficient procedural mechanisms for rapid preservation of digital evidence, and gaps in family and educational prevention. Special attention is paid to emerging threats related to synthetic images and videos. Comprehensive proposals are formulated to improve criminal, administrative, and preventive legislation, including institutional prevention measures and amendments to Article 189 of the Code of Administrative Offences of the Republic of Azerbaijan.

Keywords: Internet space; children; sexual violence; sexual exploitation; digital victimization; online grooming; child pornography; crime latency; prevention; parental responsibility; Azerbaijan.

References

1. Convention on the Rights of the Child of 20 November 1989 // Collection of International Instruments. New York: United Nations, 1989. Pp. 3–25.
2. Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse. Strasbourg, 2007. Pp. 7–41.
3. Convention on Cybercrime. Budapest, 2001. Pp. 5–28.
4. United Nations Office on Drugs and Crime. Study on the Effects of New Information Technologies on the Abuse and Exploitation of Children. Vienna, 2015. Pp. 15–78.
5. Save the Children. Online Grooming and Child Sexual Exploitation. London, 2020. Pp. 9–64.
6. WeProtect Global Alliance. Global Threat Assessment. London, 2023. P. 22–110.
7. Martellozzo E. Online Child Sexual Abuse. London: Routledge, 2019. P. 31–96.
8. Smahel D. et al. EU Kids Online 2020. London, 2020. P. 14–88.
9. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan, Baku.
10. Code of Administrative Offences of the Republic of Azerbaijan (with amendments and additions as of 27.12.2024), Baku.

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, судья
в отставке, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы квалификации преступлений по части 2 ст. 209 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях. По мнению автора, в подобных случаях, особенно в части участия в совершаемых бандой нападениях, неизбежны затруднения. Как следует из п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», подобные нападения совершаются лицами, которые членами банды не являются, но, в то же время, осознают, что действуют именно в составе банды. Поэтому при судебном рассмотрении дела должно быть установлено, что виновный, действуя совместно с иными лицами, согласно определенному распределению ролей, оказывая им соответствующую поддержку, совершая соответствующее связанное с нападением преступление, знал, что совершает преступление совместно с членами банды, однако сам ее членом не являлся. Подобные ситуации закономерно влекут возникновение вопросов о том, кого же тогда следует считать членом банды и что отличает лицо, не входящее в банду, от участника банды, осуществляющего ту же преступную деятельность. По мнению автора, признание виновного лица не входящим в состав банды не соответствует целям и задачам уголовного права, поскольку безосновательно снижает ответственность такого лица.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, организованная преступная группа, участник банды, лицо, не являющееся членом банды, совместность совершения преступлений.

Вторая часть статьи 209 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность в случаях участия виновного в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых бандой нападениях. В соответствующих случаях при дефиниции действий виновных практически всегда возникают затруднения.

Исходя из п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», такие нападения совершаются лицами, которые членами банды не являются, но, в то же время, осознают, что действуют именно в составе банды. [1]

Соответственно, в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения дела должно быть установлено, что виновный, действуя совместно с иными лицами, согласно определенному распределению ролей, оказывая им соответствующую поддержку, совершая соответствующее связанное с нападением преступление, знал, что совершает преступление совместно с членами банды, однако сам ее членом не являлся.

При квалификации деяния в подобных случаях закономерно возникновение вопросов о том, кого же тогда следует считать членом банды и что отличает лицо, совершающее преступление в составе банды, но не являющееся ее членом, от лица – члена банды, совершающего то же преступление?

По мнению А.В. Хадзегова, подобные нападения – самостоятельная форма бандитизма, которая в судебной практике встречается очень редко. К ним можно отнести применение оружия с изъятием имущества, а также действия по обеспечению нападения – доставку к месту совершения преступления, устранение препятствий к совершению преступлений, контроль за обстановкой и т.д. [2]

Полагаем, что в части утверждения о том, что подобное явление очень редко встречается в судебной практике, данное суждение совершенно верно, по имеющейся статистике составляет всего 5,7% от общего числа нападений членов банд. [3]

Однако вышеуказанная оценка действий лиц, которые не входят в банду, но знают о ее деятельности, является очень спорной. Следует учесть, что пособник заведомо находится в сговоре с прочими соучастниками, имеет заранее отведенную ему роль в совершении преступлений, ему известна цель совершения преступления, то есть фактически от прочих членов банды он не отличается.

Так, решением Московского областного суда О.С. признан виновным по статьям 222 ч. 3, 33 ч. 5, 162 ч. 4 п. «а», 33 ч. 5, 209 ч. 2 УК РФ с назначением наказания в виде 10 годам 6 месяцам лишения свободы, то есть признан участником банды и совершенного ей нападения, а также участником незаконного хранения оружия в составе организованной группы. Установлено, что О.С. арендовал квартиру, в которой члены банды находились в момент задержания.

Однако по жалобе стороны защиты апелляционным определением Первого апелляционного суда общей юрисдикции указанный приговор был изменен. О.С. полностью оправдан по ст. ст. 33 ч. 5, 209 и 222 ч. 3 УК РФ, его действия переквалифицированы по ст. ст. 33 ч. 5, 162 ч. 3 УК РФ, окончательное наказания назначено в виде 8 лет лишения свободы.

Свою жалобу сторона защиты мотивировала тем, что в материалах дела отсутствуют доказательства осведомленности О.С. о деятельности банды, а также о наличии таких ее признаков как устойчивость, сплоченность, тесная взаимосвязь участников, их вооруженность, в приговоре не приведены описания конкретных действий О.С., которые возможно было бы квалифицировать как содействие банде при совершении преступлений. [4]

Таким образом, апелляционная инстанция установила, что деятельность виновного ограничивалась только обеспечением места проживания членов банды, а осведомленность его о характере деятельности преступной группы установлена не была.

В случаях же, когда деятельность виновного носит выраженный характер пособничества членам банды в совершении определенных нападений, виновный знает этих членов банды, знаком с их целями и планами, осознает характер и смысл своих действий, то отсутствуют основания утверждать, что подобное лицо членом банды не является.

С нашей точки зрения, наличие, в любой форме, специального согласия виновного лица на прием его в преступную группу, при оцен-

ке его действий неважно. О членстве в банде свидетельствует весь образ его действий, особенно согласованность их с действиями прочих членов группы. Поэтому часто упоминаемые в литературе клятвы на верность банде, знакомство с соответствующим уставом, различные ритуалы при вхождении в банды, внешняя атрибутика членов определенной преступной группы сами по себе несущественны.

Согласно утверждению А. Мондохонова, даже в случаях, когда член преступной группы не знает всех обстоятельств преступления, то сами детали его преступного поведения свидетельствуют о вхождении его в определенную группу. [5]

В частности, решением Владимирского областного суда Д. осужден по ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 209, ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 4 ст. 162, ч. 5 ст. 33 и п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ за совершение пособничества в совершаемых бандой нападениях, за пособничество к приготовлению к разбою организованной группой и пособничество в разбое, совершенном организованной группой. [6]

Указанным решением лидерам банды К. и З., непосредственно совершавшим нападения, было назначено наказание соответственно в виде 11 и 9 лет лишения свободы, а Д. – в виде 8 лет 2 месяцев лишения свободы.

Д., не участвуя в совершении преступлений, непосредственно, технически обеспечивал возможность совершения преступлений в составе банды, при этом сам не был осведомлен о конкретных планах совершения бандой определенных преступлений. Он работал на автозаправке, где было совершено разбойное нападение, и сообщал членам банды информацию, необходимую для нападения.

Характерно, что Д., все участие которого сводилось к предоставлению информации, в данном случае осужден именно как член банды. С учетом его преступной роли, Д. не знал о всей специфике совершаемых преступлений, но понимал конечную цель совершаемых деяний.

По мнению В. Быкова, разделение банды на постоянных членов и лиц – участников нападений неудачно, так как всякое участие лица в преступлениях банды делает его членом банды. [7] Действительно, странно полагать, что лицо, действующее совместно и согласованно с членами банды, знающее о их принадлежности к банде, объединенное с ними общими целями и мотивами преступной деятельности и обеспечивающее их поддержку, при этом само членом банды не является.

Поэтому, присоединяясь к вышеуказанному мнению, также считаем, что формулировка «лицо, не являющееся членом банды, но участвующее в нападениях» является достаточно искусственной и влечет необоснованное занижение уголовной ответственности для лиц, непосредственно принимающих участие в преступной деятельности банды, как одного из самых опасных видов организованных преступных групп.

Литература

1. Постановление Пленума ВС РФ от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». – Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: – электронный.
2. А.В. Хадзегов. Банда и состав бандитизма в уголовном праве России. Дисс... канд. юрид. наук. Ростов – на – Дону, 2004. С. 142–143.

3. Правовой портал «Судебная статистика РФ» URL: <https://stat.api-prpcc.ppf/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения 01.12.2023 г.)

4. Н. Мещеряков «Пособник банды оправдан по ст. 209 и ст. 222 УК РФ» / <https://advokat-nm.ru/praktika/posobnik-bandy-opravadan-po-st-209-i-st-222-uk-rf/> (дата обращения 21.01.2026 г.)

5. Мондохонов А. Создание, руководство и участие в организованной группе // Законность. 2012. № 10. С. 3

6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.12.2005 г. № 86-о05–29. URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_33085.htm (дата обращения 13.03.2023 г.)

7. Быков В. Банда – особый вид организованной вооруженной группы // Российская юстиция. 1999. № 6. С. 51.

PARTICIPATION IN BANDITRY AS A FORM OF CRIME

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the qualification of crimes under Part 2 of Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for criminal liability for participation in a stable armed group (gang) or in attacks committed by such a group. According to the author, difficulties are inevitable in such cases, especially in terms of participation in attacks committed by a gang. According to paragraph 10 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 17, 1997, No. 1 „On the Practice of Applying the Legislation on Liability for Banditry by Courts,” such attacks are committed by individuals who are not members of a gang, but who are aware that they are acting as part of a gang. Therefore, during the trial, it must be established that the perpetrator, acting in concert with other persons in accordance with a specific distribution of roles, providing them with appropriate support, and committing the relevant assault-related crime, knew that he was committing the crime in concert with gang members. Such situations naturally raise questions about who should be considered a member of a gang and what distinguishes a person who is not a member of a gang from a member of a gang who engages in the same criminal activity. According to the author, recognizing a guilty person as not being a member of a gang does not correspond to the goals and objectives of criminal law, as it unjustifiably reduces the responsibility of such a person.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, organized criminal group, gang member, person who is not a member of a gang, and joint commission of crimes.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 17, 1997 No. 1 “On the practice of courts applying legislation on liability for banditry.” – Access from the help. – the legal system “ConsultantPlus”. Text: – electronic.
2. A.V. Khadzegov. Gang and the composition of banditry in Russian criminal law. Diss... kand. jurid. sciences'. Rostov-on-Don, 2004. Pp. 142–143.
3. Legal Portal “Judicial Statistics of the Russian Federation” URL: <https://stat.api-prpcc.ppf/stats/ug/t/11/s/1> (date of appeal 12/01/2023)
4. N. Meshcheryakov “Gang accomplice acquitted under Articles 209 and 222 of the Criminal Code of the Russian Federation” / <https://advokat-nm.ru/praktika/posobnik-bandy-opravadan-po-st-209-i-st-222-uk-rf/> (accessed 01/21/2026)
5. Mondokhonov A. Creation, leadership and participation in an organized group // Legality. 2012. No. 10. P. 3
6. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.12.2005 No. 86-о05–29. URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_33085.htm (accessed on 13.03.2023)
7. Bykov V. Gang – a special type of organized armed group // Russian Justice. 1999. No. 6. P. 51.

Проблема установления причастности бытовых электроприборов к возникновению пожара

Плешаков Виталий Владимирович,

кандидат технических наук, доцент, начальник учебно-научного комплекса, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
E-mail: v.pleshakov@mail.ru

Коновалова Анна Андреевна,

преподаватель кафедры, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
E-mail: a.a.bleznikova@yandex.ru

Чепракова Виктория Руслановна,

старший преподаватель кафедры, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
E-mail: v.dzhugan@academygps.ru

Кушкин Владислав Алексеевич,

курсант факультета пожарной и техносферной безопасности, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
E-mail: vlad.kushkin@yandex.ru

В данной статье рассмотрена возможность возникновения пожара в результате неисправности бытовых электроприборов. По результатам натурных экспериментов была оценена возможность появления пожара из-за бытовых электроприборов. Результаты исследования помогут пересмотреть представления о причастности к пожарам бытовых электроприборов.

Ключевые слова: пожар, аварийный режим работы, электрообогреватель, причина пожара.

По данным официальной статистики ежегодно более 60 тыс. пожаров в нашей стране возникают в результате нарушения правил устройства и эксплуатации электрооборудования. При этом погибает более 2 тыс. человек, а ущерб от таких пожаров составляет около 10 млрд. Рублей [1].

По статистике каждый год от бытовых электронагревательных приборов возникает около 3 тыс. пожаров. К бытовым электроприборам относят в том числе и тепловые вентиляторы. В специальной литературе указывается, что пожароопасность тепловентиляторов обуславливается тем, что воздух принудительно продувается вентилятором через нагревательный элемент, как правило, достаточно мощный. В основном, за счет того, что при отсутствии принудительного обдува воздухом (теплосъёма) нагревательный элемент тепловентилятора начинает работать, по сути, в аварийном режиме. Для того чтобы избежать подобной ситуации, в тепловентиляторах обычно предусмотрена блокировка включения нагревательного элемента [2].

Установление причастности электроприборов к возникновению пожаров представляет известную сложность ввиду наличия в электроприборах и в том числе тепловентиляторах нескольких степеней защиты от работы в аварийном режиме. Поэтому вывод эксперта о непосредственной причине пожара, связанной с причастностью электроприборов, имеющих несколько независимых дублирующих систем защиты от пожара к возникновению пожара, может быть ошибочным [3].

В этой связи актуальность выбранной темы обуславливается необходимостью совершенствования методологии установления причастности аварийных режимов работы возникающих в электроприборах к возникновению пожаров.

В ходе проведения эксперимента объектом исследования являются бытовые электроприборы, а именно тепловентиляторы с разными типами нагревательных элементов.

Первый эксперимент был проведен в Академии ГПС МЧС России 04.04.2025 г. на бытовом тепловентиляторе марки АЭРОБОГРЕВАТЕЛЬ HS-689 (далее – тепловентилятор) с керамическим нагревательным элементом. Перед проведением эксперимента у данного тепловентилятора было отключено устройство защиты от перегрева. Тепловентилятор перед проведением эксперимента изображен на рисунке 1.

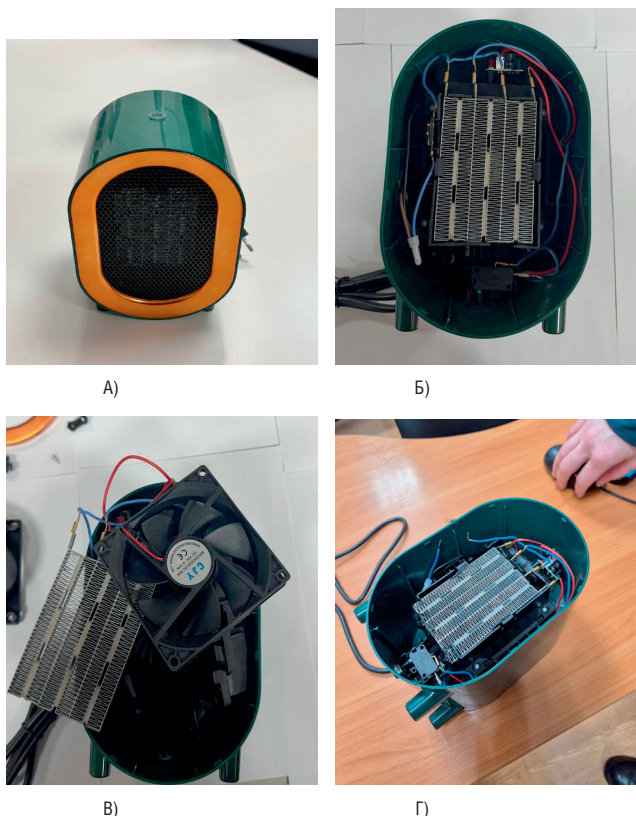

Рис. 1. Бытовой тепловентилятор марки АЭРОБОГРЕВАТЕЛЬ HS-689

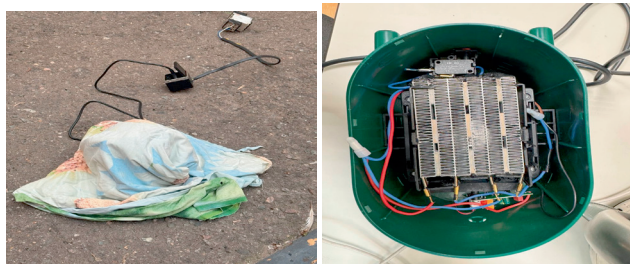
А) Внешний вид тепловентилятора; Б) Керамический нагревательный элемент тепловентилятора; В) Вентилятор тепловентилятора;

Г) Тепловентилятор с отключенным устройством защиты от перегрева.

Целью данного эксперимента являлось выявление отличительных признаков на различных элементах тепловентилятора при пожаре.

Результаты исследования эксперимента 1.

В ходе данного эксперимента, рисунок 2, наблюдалось оплавление пластмассового крепежа для электронагревательного элемента, а также была составлена сводная таблица, в которой показана температура корпуса и нагревательного элемента тепловентилятора на определенный момент времени эксперимента.

А)

Б)

Рис. 2. Проведение и результаты эксперимента

А) Работа тепловентилятора в аварийном режиме;

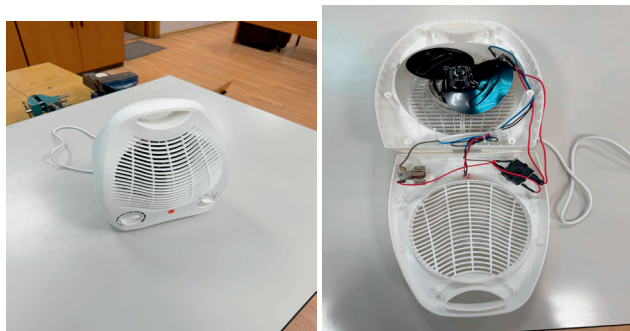
Б) Оплавление пластмассового крепежа для электронагревательного элемента

Таблица 1. «Зависимость температур корпуса и нагревательного элемента от времени работы тепловентилятора в аварийном режиме»

Время работы тепловентилятора, сек	Температура корпуса тепловентилятора, °C	Температура нагревательного элемента тепловентилятора, °C
30	33	58
60	35	66
90	38	145
120	40	160
150	38	250

Проведя данный эксперимент, были сделаны следующие выводы, что на момент времени 150 секунд, температура нагревательного керамического элемента, достигает своего критического значения (250 °C), и начинает остывать. Вместе с нагревательным элементом отключается вентилятор. После отключения наблюдается повторные включения и работа вентилятора на не продолжительное время (2–3 секунды).

Второй эксперимент был проведен в Академии ГПС МЧС России 11.09.2025 г. на бытовом тепловентиляторе со спиральным нагревательным элементом, рисунок 3. Перед проведением эксперимента также было отключено защитное устройство от перегрева.

А)

Б)

Рис. 3. Бытовой тепловентилятор со спиральным нагревательным элементом

А) Внешний вид тепловентилятора; Б) Тепловентилятор в разобранном виде.

Целью эксперимента является выявления отличительных признаков на различных элементах тепловентилятора при пожаре в определенных условиях.

Результаты исследования эксперимента 2.

В ходе данного эксперимента, рисунок 4, составили сводную таблицу, в которой показана максимальная температура полотна на определенный момент времени.

Проведя данный эксперимент, были сделаны следующие выводы, что максимальная температура составила 84 °C, но после чего срабатывает защитное устройство и отключает работу нагревательного элемента. В нашем случае защитное устройство спирального нагревательного элемента было спаяно оловянно-свинцовым припоем (температура плавления от 180 до 270 °C), но так как температура нагрева

спирального нагревательного элемента составляет до 600 °C, то припой плавится, тем самым восстанавливает работу защитного устройства бытового тепловентилятора.

Рис. 4. Проведение эксперимента

Таблица 2. «Зависимость максимальной температуры полотна от времени аварийной работы тепловентилятора»

Время работы вентилятора, мин.	Максимальная температура полотна, °C
1	84
2	70
3	68
4	73
5	61
6	65
7	74

Проведенное исследование показало, что возникновение пожара от обогревателя по причине аварийного режима работы, конечно, возможно, но маловероятно. Причина этому множество независимых дублирующих систем защиты от пожара и это необходимо учитывать при анализе причин пожара и отработке версии о причастности тепловентиляторов к возникновению пожара.

Литература

- Пожары и пожарная безопасность в 2023 году: информационно-аналитический сборник / В.С. Гончаренко, Т.А. Четчина, В.И. Сибирко [и др.]. – Балашиха: ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2024. – 110 с. – EDN B5ONFO.
- Чешко И. Д., Плотников В.Г. Анализ экспертных версий возникновения пожара. В 2-х книгах. СПбФ ФГБУ ВНИИПО МЧС России, Кн. 2 – Санкт-Петербург: 2012. – 364 с.: ил.
- Богатищев А.И. Методы решения задач пожарно-технической экспертизы / А.И. Богатищев, С.И. Зернов, С.Ю. Карпов Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Академия государственной противопожарной службы. – Москва: Академия ГПС МЧС России, 2009. – 150 с.

THE PROBLEM OF ESTABLISHING THE INVOLVEMENT OF HOUSEHOLD ELECTRICAL APPLIANCES IN A FIRE

Pleshakov V.V., Kononova A.A., Cheprakova V.R., Kushkin V.A.
State Fire Academy

This article discusses the possibility of a fire occurring as a result of a malfunction in household electrical appliances. Based on the results of field experiments, the possibility of a fire occurring due to household electrical appliances was evaluated. The findings of this study will help to reevaluate the role of household electrical appliances in fires.

Keywords: fire, emergency mode, electric heater, cause of the fire.

References

- Fires and Fire Safety in 2023: Information and Analytical Collection / V.S. Goncharenko, T.A. Chechetina, V.I. Sibirko [et al.]. – Balashikha: FGBU VNIIPPO EMERCOM of Russia, 2024. – 110 p. – EDN B5ONFO.
- Cheshko I. D., Plotnikov V.G. Analysis of Expert Versions of Fire Occurrence. In 2 books. SPbF FGBU VNIIPPO EMERCOM of Russia, Book 2 – St. Petersburg: 2012. – 364 p.: ill.
- Bogatishchev A.I. Methods of solving problems of fire-technical expertise / A.I. Bogatishchev, S.I. Zernov, S. Yu. Karpov Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Academy of the State Fire Service. – Moscow: Academy of the State Fire Service of the Russian Ministry of Emergency Situations, 2009. – 150 p.

К вопросу о криминалистически значимых особенностях лиц, склонных к совершению мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационной среды

Мовсуми Сабина Рафиг кызы,

аспирант, кафедра уголовного процесса и криминалистики,
Иркутский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста
России)

E-mail: sabina.movsumi@yandex.ru

Мошенничества, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационной среды, представляют высокую общественную опасность ввиду того, что ежедневно потерпевшими становятся тысячи граждан России, ущерб которым отражается на их благосостоянии и уровне жизни, впоследствии это вытекает в экономические проблемы государства.

Автором рассмотрены понятия, выработанные некоторыми учеными о криминалистически значимых характеристиках личности преступника. Проанализированы смежные данному вопросу результаты криминологических и психологических исследований, которые способствуют совершенствованию методики расследования мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационной среды. Исследование позволило раскрыть в собственной классификации криминалистически значимые особенности лиц, склонных к совершению мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационной среды.

Ключевые слова: кибермошенничество; личность; криминалистическая характеристика личности.

Согласно статистическим данным, совокупный ущерб, причиненный гражданам и организациям в России от мошенничества, совершенного дистанционным путем, за 10 месяцев 2025 г. составил более 154 млрд рублей [15].

Мошенничества, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационной среды, зачастую вызывают трудности у органов следствия при их расследовании ввиду отсутствия актуальной и конкретной методики их расследования и раскрытия с учетом типичных способов их совершения, а также тех способов, которые могут быть появятся в ближайшем будущем.

Данная методика может быть разработана и практически применима в том случае, если правоприменитель в лице сотрудников правоохранительных органов, в том числе органов следствия, будет иметь точное представление о криминалистически значимых особенностях лиц, склонных к совершению мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационной среды. Поскольку успешное расследование и противодействие данным видам мошенничества возможно лишь понимая, кто стоит по ту сторону совершенного преступления.

В криминалистике личность преступника изучается с разных позиций – как элемент криминалистической характеристики преступления, как объект тактического воздействия при расследовании преступлений и как субъект поведения при совершении преступления, который включает в свою структуру тесно связанные между собой его внутреннюю и внешнюю сферы деятельности.

Личность преступников, совершающих мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационной среды, имеет свои особенности, которые должны быть учтены как при разработке криминалистической характеристики данных преступлений, так и при построении методики их расследования.

Как верно изложено А.Е. Шалагиным и О.Н. Хрустальной «современное изучение личности преступника осуществляется с целью определения эффективных, практико-ориентированных подходов, минимизирующих (предупреждающих) ее противоправные проявления, а также своевременного воздействия на детерминанты преступности и преступного поведения. Криминологический (криминалистический) портрет личности преступника используется для предупреждения и пресечения преступления, при расследовании и рассмотрении конкретного уголовного дела, в пенитенциарной практике, а также в процессе ресоциализации (адаптации) лиц, ранее отбывавших наказания в местах лишения свободы» [17, с. 330].

Кроме того, Р.С. Белкиным отмечено «криминалистическое значение характеристики личности возможного преступника: данная характеристика, как позволяет сузить круг лиц, среди которых может находиться преступник, так и дает возможность выдвинуть версии о мотиве и цели преступления, о способе совершения и сокрытия преступления (как и наоборот), о месте нахождения искомых объектов и т. п.» [5, с. 120].

«При этом в криминалистике понятие «личность преступника» представляет собой комплекс «биологических (антропологических, анатомических, биохимических, функциональных), социальных (общегражданских, семейно-бытовых, профессиональных, антиобщественных) и психических (психологических, психопатологических) свойств человека, сведения о которых отражены в окружающей среде и могут оказать существенное влияние на организацию поисково-познавательной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений» [11, с. 4].

В своей научной статье О.П. Грибунов, А.Н. Залескина, А.А. Терещенко сделали вывод о важности изучения данного вопроса, обратив внимание на его значимость «проблема, касающаяся характеристики личности преступника имеет важное значение как для криминалистики, так и других смежных наук, так как исследование вопроса личности преступника играет одну из главных ролей в процессе раскрытия преступления и его расследования» [8, с. 117].

«Познание личности преступника в криминалистике осуществляется путем изучения ее индивидуальных качеств и свойств, отраженных в следах преступления» [6, с. 187].

В.Н. Кудрявцев считал, что «преступник – это более высоким уровнем тревожности и неуверенности в себе, импульсивности и агрессив-

ности, отчужденности от общественно полезной деятельности» [12, с. 80]. Между тем, по нашему мнению, данные характеристики не являются признаками, которые позволяют категорично сделать вывод, что их обладатель является преступной личностью. Поскольку в современном мире при распространённости развития множества психических болезней и отклонений разного уровня серьезности перечисленные признаки говорят лишь о наличии психических проблем у личности, которые не влекут обязательное становление им преступником.

Кроме классической характеристики личности данного вида мошенничества обратим внимание на утверждение А.А. Комарова, с которым согласны В.А. Аксенов и Т.В. Молчанова об этнических особенностях таких мошенников. Так, В.А. Аксенов и Т.В. Молчанова уделяют внимание на преобладание лиц цыганской национальности в общей доле лиц, совершающих мошеннические действия с использованием средств мобильной связи [1, с. 83].

С.В. Чучко в своем исследовании выделяет, что данного вида мошенникам кроме высокого интеллекта и соответствующего положения в обществе свойственно хорошее понимание потребностей и запросов потребителей, из-за чего мошенники при продаже товаров с использованием сети Интернет реализуют товары повышенного спроса [16, с. 280].

В.А. Машлякевич выделяет коммуникабельность как одно из главных психологических свойств телефонного мошенника [14, с. 153]. Данное свойство можно обобщить при характеристике личности преступников, совершающих мошенничество путем информационно-телекоммуникационной среды.

Е.В. Зотина обозначает значимость исследования языковых признаков при исследовании личности данного вида мошенника, поскольку «манипулятивное воздействие на жертву реализуется посредством использования специальных коммуникативных тактик, направленных на установление доверительного речевого взаимодействия, дискурсивных маркеров поддержания речевого контакта, интонации» [9, с. 156].

Я.В. Самиулина полагает, что «круг дистант-мошенников составляют самые разные индивиды – и дилетанты, и те, кого именуют высокочеловеческими специалистами-компьютерщиками» [14, с. 127].

При исследовании вопроса криминалистически значимых особенностей личности преступника помимо обращения к достижениям науки криминалистики, считаем необходимым представить мнения как ученых-криминологов, так и ученых из области психиатрии и психологии, поскольку категория «личность преступника» является междисциплинарным объектом, перечисленные науки являются фундаментальными для исследования данного вопроса.

Так, Э. Фромм предложил разделить всех людей на два типа – продуктивный (создающий) и непродуктивный (потребляющий). Данную классификацию возможно перенести и на преступников, в таком случае их типизировать возможно, как непродуктивные лица. Раскрывая их подробнее, Э. Фромм выделил четыре типа непродуктивных лиц:

- «1) рецептивный (получающий) и мазохистский;
- 2) эксплуататорский (берущий) с садистскими наклонностями;
- 3) накопительский, с деструктивными наклонностями в отношениях с другими людьми и обществом;
- 4) рыночный (обменивающий), с выраженным эгоцентризмом и равнодушием к другим людям» [15].

Представляется, что исследуемая категория мошенников относится к рыночному типу непродуктивного лица.

Ученые, посвятившие множество своих трудов криминологии, Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов, под личностью преступника понимают «личность индивида, который совершил преступление вследствие определенных психологических особенностей, антиобщественных взглядов (установок), негативного отношения к нравственным и культурным ценностям, выбравший криминальный образ жизни для удовлетворения своих потребностей и не предпринимавший мер для предотвращения общественно опасных последствий» [3, с. 12].

Д.А. Дриль поддерживал позицию, изложенной еще когда-то Ч. Ломброзо о том, что преступная сущность в человеке является врожденным признаком, однако обращал внимание, что социум, в котором растет и живет человек – способствует развитию этих признаков либо их сведению до контролируемого минимума.

Так, Д.А. Дриль писал: «преступное действие человека, как и всякое его действие вообще, есть всегда результат взаимодействия двух факторов: воздействий, исходящих от внешней среды, с одной стороны, и физической и психической структуры подвергающегося этим воздействиям, с другой» [13, с. 261].

Р.Л. Ахмедшин сформулировал следующее определение понятия криминалистической характеристике личности преступника: «это система данных о лице, совершившем преступление, способствующих раскрытию и расследованию последнего» [4, с. 59].

Криминалистически значимые особенности личности преступника представляет собой в конечном результате криминалистический портрет личности преступника, который подразумевает использование всех доступных данных, важных для расследования преступления и выяснения причин его совершения. Это не только социально-демографические данные (пол, возраст, семейное положение, место проживания и др.), но и данные об особенностях его личности, эмоциональном состоянии на момент совершения преступления, мотивационной сфере.

Также к данным о лице, которые составляют его криминалистический портрет, мы относим определенные его способности, навыки и умения, позволяющие ему достичь преступного умысла.

Таким образом, преступники, совершающие мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационной среды, имеют криминалистически значимые особенности, систему которой мы рассмотрим ниже.

I. Криминалистически значимые особенности исследуемого вида мошенников, относящиеся к когнитивным способностям:

- 1) хорошая скорость мыслительной реакции, аналитический склад ума, развитое формально-логическое мышление, что помогает в изучении компьютерных программ и программировании;
- 2) психологическая манипуляция, которая выражается в умении излагать информацию в том виде и темпе, в котором жертва не сможет критически рассуждать;
- 3) артистическое поведение – согласимся с мнением Д.Н. Алиевой, которая утверждает: «только мошенники обладают таким артистическим складом ума, изворотливостью, хитростью, умением приспособляться к обстановке, завоевывать доверие жертвы» [2, с. 23];
- 4) информационная осведомленность о сути работы специальных служб, правоохранительных органов, Банка России, возможностей Госуслуг, а также оперирование ими в ходе беседы с жертвой;
- 5) навыки убедительной речи с использованием множества категорий из различных областей, которые чаще всего мало знакомы жертвам преступления, в связи с чем, создают в них чувства компетентности «сотрудника», находящегося по ту сторону связи;
- 6) повышенная когнитивная гибкость, позволяющая злоумышленнику менять изначально продуманный план в случаях, когда жертва действует неожиданным образом;
- 7) навыки запугивания, при которых жертва входит в состояние повышенной тревожности и страха, в результате мышечной заторможенности ослабевает способность адекватного восприятия ситуации, ухудшаются когнитивные способности, за этим следует физиологическое недомогание в виде повышения сердцебиения и ухудшения самочувствия. Состояние тревоги и страха – приводят к подавлению волевой сферы, а это комфортная среда для управления жертвой мошенником. Такое состояние у разных возрастных групп может длиться разное количество времени, однако в среднем длится в пределах 10–15 минут [7, с. 170], следовательно, у преступников есть не так много времени, чтобы достичь своего преступного умысла при непосредственном контакте с жертвой;
- 8) навык многозадачности при выполнении нескольких когнитивных процессов. Так, мошенники в режиме многозадачности одновременно поддерживают контакт с жертвой (через мобильную связь либо посредством сети «Интернет») и совершают множество действий в быстрые сроки в банковских приложениях жертвы, в аккаунте Госуслуг, профилях в социальных сетях и мессенджерах.

II. Криминалистически значимые особенности лиц, склонных к совершению исследуемого вида мошенничества, относящиеся к индивидуальным характеристикам личности:

- 1) отличается организованностью характера – как для себя, так и для иных лиц, с кем совершает единый преступный умысел, прорабатывает стратегию преступления и тактику действий и задач для каждого лица;
- 2) такому лицу характерна четкая речь, а также привычка переспрашивать у собеседника какие-либо факты, обстоятельства, его позицию, задавая множество уточняющих вопросов;
- 3) неорганизованность в бытовых ситуациях, проявляющаяся в пренебрежительном отношении к порядку вокруг;
- 4) являясь чаще всего уверенным пользователем ПК, а также в связи с тем, что большую часть дня проводит в работе с ПК и в сообществе подобных любителей компьютерных устройств и программирования, часто в своей речи использует компьютерный жаргон, который понятен программистам и другим специалистам, профессионально работающим с компьютером;
- 5) данные лица способны творчески мыслить при разработке новых способов совершения мошенничеств в информационно-

телекоммуникационной среде, а также при взаимодействии с потенциальными жертвами;

6) данного вида мошенники являются замкнутыми людьми, не имеют большого круга общения;

7) руководствуются при совершении данных преступлений корыстной целью, что выражается в быстром извлечении дохода незаконными путями с минимальным усилием с их стороны и азартом, выражающегося в проверке собственных способностей в использовании компьютера и программ;

8) при осуществлении поиска потенциальной жертвы руководствуется наличием тех же качеств личности в жертве, как и у себя: корыстная цель и азарт либо ищет социально уязвимых, ведомых и доверчивых лиц, если же сталкивается с гражданином, который активно и на хорошем уровне пользуется устройствами, входящими в информационно-телекоммуникационную среду, а также активно защищает свои права и интересы – прекращает с ним контакт, не пытаясь применить свои навыки убеждения и стратегию осуществления преступного умысла. Как сообщает МВД России, такой мошенник: «боятся уточняющих вопросов и проверки информации, теряет интерес, если чувствует уверенность и осведомленность собеседника» [10];

9) реалисты, несмотря на навыки сокрытия и уничтожения информационных следов совершенного преступления, часто при наличии неопровержимых доказательств их вины начинают активно сотрудничать со следствием.

III. Криминалистически значимые особенности лиц, склонных к совершению исследуемого вида мошенничества, относящиеся к компетенциям в работе с устройствами информационно-телекоммуникационной среды:

1) легкое и быстрое использование любых компьютерных устройств, вне зависимости от их вида и производителя;

2) наличие в доступе множества VPN-сервисов для маскировки собственного IP-адреса при совершении необходимых преступных действий, а также использование динамического IP-адреса (адрес присваивается устройству автоматически при каждом подключении к интернету);

3) наличие и использование множества телефонных устройств без GPS-отслеживания, а также большого количества SIM-карт;

4) самостоятельное создание вредоносных программных обеспечений для заражения компьютерных и мобильных устройств, Wi-Fi роутеров, иных гаджетов (умных часов, браслетов, колонок, радиостройств и др.) потенциальных жертв;

5) высокий уровень пользования сетью «Интернет», в том числе осуществления поиска, анонимной покупки и скачивания ВПО с Даркнета;

6) высокий уровень навыков дистанционного подключения и скрытого пользования устройствами жертв, относящихся к устройствам информационно-телекоммуникационной среды;

7) высокий уровень навыков сокрытия виртуальных-следов путем использования специальных программ, стирающих все данные, а также умение оставлять минимум следов в цифровом пространстве.

Обратим внимание, что при совершении мошенничества путем использования информационно-телекоммуникационной среды, на первое место выходит эмоциональная сфера личности потенциальной жертвы и её личностные свойства.

IV. Криминалистически значимые особенности лиц, склонных к совершению исследуемого вида мошенничества, относящиеся к социально-демографическим, профессиональным признакам:

1) это преимущественно мужской пол, однако в последние года стала возрастать численность женщин-преступников, совершающих данного вида мошенничества по причине их трудовой деятельности в сфере, уязвимой к мошенническим действиям (кредитные учреждения, бухгалтер в организации, программисты, сотрудники социального фонда России);

2) возраст данных преступников варьируется от 14 лет до 40 лет, однако с каждым годом доля лиц от 20 до 40 лет возрастает;

3) в профессиональном плане – данные лица нередко имеют профильное среднее либо высшее образование, а также дополнительное специальное образование, в которых применяются хорошие технические навыки;

4) исследуемый вид мошенников составляют как средний класс, которые могут обеспечивать себе достойную жизнь с учетом доходов от профессиональной и преступной деятельности, а также низший класс – имеют низкий уровень дохода, сами закредитованы, в связи с чем имеют большое количество долгов либо находятся в исправительных учреждениях для отбывания срока наказания;

5) семейное положение исследуемых лиц может быть различным, однако преобладают люди, не состоящие в браке. При этом, в случа-

ях, когда лицо состоит в официальном браке – нередки случаи, когда соучастником в данных преступлениях является супруг преступника;

6) место жительства данных лиц в большинстве своем находится в большой территориальной отдаленности от жертвы преступления – он может находиться в другом городе, регионе, стране, поскольку способ совершения данного вида мошенничества не ограничен территориальными границами.

Завершая характеристику криминалистически значимых особенностей личности преступника, совершающего мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационной среды, отметим, что, как правило, на момент возбуждения дела личность мошенника, неизвестна сотрудникам правоохранительных органов, так как преступления совершаются дистанционно, в ходе которых не всегда сохраняется достаточное количество цифровых следов. Кроме того, преступник, как правило, внутренне организован, психологически готов к задержанию и настроен на противодействие расследованию, что должен учитывать следователь, проводящий предварительное расследование. Следствие нередко приходится работать с достаточно интеллектуальными людьми, так как чаще всего это коммуникабельный человек, который обладает ясным, критичным умом, в случае его обнаружения следствием нередко даёт ложные показания, способен к манипулированию людьми, что, безусловно, необходимо учитывать, при организации расследования и, прежде всего, при проведении следственных действий с его участием.

Литература

1. Аксенов В. А., Молчанова Т. В. Особенности личности современного интернет-мошенника в механизме индивидуального преступного поведения // Криминологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 76–86.
2. Алиева Д. Н. Мошенничество: уголовно-правовой и криминологический анализ: по материалам Республики Дагестан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2005. – 26 с.
3. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. – М.: Пенатес–Пенаты, 2000. – 451 с.
4. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: природа и содержание // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 283. – С. 55–62.
5. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М.: Юрид. лит., 1988. – 304 с.
6. Влезько Д. А. Значение личности преступника в криминалистике // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 4. – С. 186–189.
7. Гордеева О. В. Исследования продолжительности эмоций в западной психологии: сколько «живет» радость? // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2018. – № 4. – С. 164–177.
8. Грибунов О. П., Залескина А. Н., Терещенко А. А. Характеристика личности преступников, входящих в организованные преступные группы, созданные на этнической основе: криминалистический аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (92). – С. 112–118.
9. Зотина Е. В. Междисциплинарный подход к исследованию личности преступника, совершающего мошеннические действия с использованием средств сотовой связи // Борьба с преступностью: теория и практика. – 2023. – С. 155–157.
10. Информационное агентство РБК. «Враг хитер и опасен»: МВД составило портрет типичного кибермошенника // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6826e3989a79470db2f8e0cd>. (дата обращения: 10.01.2026).
11. Комиссарова Я. В. Криминалистическое изучение личности: Научно-практическое пособие для магистров. отв. ред. Я. В. Комиссарова // Проспект, 2016. – 141 с.
12. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 800 с.
13. Майстренко Г. А. Соотношение биологического и социального в происхождении преступности и преступности в трудах Д. А. Дриля // Образование и право. – 2021. – № 12. – С. 260–262.
14. Машлякевич В. А. Криминалистическая характеристика личности телефонного мошенника // Правовые проблемы укрепления Российской государственности. – 2013. – С. 152–154.
15. РИА Новости. В МВД оценили ущерб от дистанционных хищений // URL: <https://ria.ru/20251211/uscherb-2061537107.html>. (дата обращения: 10.01.2026).
16. Самиулина Я. В. К вопросу о криминалистически значимых сведениях о личности интернет-мошенника теория и практика социогуманитарных наук // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2024. – С. 125–129.

17. Фромм Э. Человек для самого себя: Введение в психологию этики. – М., 1993. – С. 60–90.
18. Чучко С.В. Криминалистическая характеристика личности преступника, который совершает мошенничества, связанные с куплей-продажей товаров через интернет // Борьба с преступностью: теория и практика. – 2021. – С. 279–281.
19. Шалагин А. Е., Хрусталева О.Н. Криминолого-психологические характеристики личности преступника: от теории к практике // Вестник Казанского Юридического Института МВД России. – 2020. – № 3. – С. 329–337.

ON THE ISSUE OF CRIMINALISTICALLY SIGNIFICANT FEATURES OF PERSONS PRONE TO COMMIT FRAUD USING THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION ENVIRONMENT

Movsumi S.

Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

Fraud perpetrated through the information and telecommunications environment poses a significant public danger, as thousands of citizens in Russia become victims daily. The damage inflicted upon them affects their well-being and standard of living, which in turn leads to economic issues for the state.

The author examines concepts developed by various scholars regarding the forensically significant characteristics of the criminal. An analysis of related criminological and psychological research results contributes to the improvement of investigative methodologies for fraud committed using information and telecommunications technologies. The study has led to the identification of forensically significant traits of individuals prone to committing fraud through these means in the author's own classification.

Keywords: cyberfraud; personality; criminalistic characterization of personality.

References

1. Aksenov V. A., Molchanova T.V. Personality features of a modern Internet fraudster in the mechanism of individual criminal behavior // Criminological Journal, 2020, No. 4, Pp. 76–86.
2. Alieva D.N. Fraud: criminal law and criminological analysis: based on the materials of the Republic of Dagestan: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. – Makhachkala, 2005. – 26 p.
3. Antonyan Yu. M., Enikeev M.I., Eminov V.E. Psychology of crime and punishment. Moscow: Penates–Penaty, 2000. 451 p.

4. Akhmedshin R.L. Criminalistic characteristics of the criminal's personality: nature and content // Bulletin of Tomsk State University. – 2004. – No. 283. – Pp. 55–62.
5. Belkin R.S. Criminalistics: problems, trends, prospects. From theory to practice. Moscow: Yurid, lit., 1988. 304 p.
6. Vlezko D.A. The significance of the criminal's personality in criminology // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 4. – Pp. 186–189.
7. Gordeeva O.V. Research on the duration of emotions in Western psychology: how long does joy "live"? // Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology. 2018. No. 4. pp.164–177.
8. Gribunov O. P., Zaleskina A.N., Tereshchenko A.A. Personality characteristics of criminals belonging to organized criminal groups created on an ethnic basis: a criminalistic aspect // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (92). – Pp. 112–118.
9. Zotina E.V. Interdisciplinary approach to the study of the identity of a criminal who commits fraudulent acts using cellular communications // Combating crime: theory and practice. – 2023. – Pp. 155–157.
10. RBC News Agency. "The enemy is cunning and dangerous": The Ministry of Internal Affairs has drawn up a portrait of a typical cyber fraudster // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6826e3989a79470db2f8e0cd>. (accessed: 10.01.2026)
11. Komissarova Ya.V. Criminalistic study of personality: A scientific and practical guide for masters. edited by Ya.V. Komissarova // Prospect, 2016. 141 p.
12. Kudryavtsev V. N., Eminov V.E. Criminology: textbook, Moscow: Norma: Infra-M, 2010, 800 p.
13. Maistrenko G.A. The ratio of biological and social in the origin of crime and the criminal in the writings of D.A. Drill // Education and law. – 2021. – No. 12. – Pp. 260–262.
14. Mashlyakevich V.A. Criminalistic characteristics of the personality of a telephone fraudster // Legal problems of strengthening Russian statehood. 2013. Pp. 152–154.
15. RIA Novosti. The Interior Ministry assessed the damage from remote theft // URL: <https://ria.ru/20251211/uscherb-2061537107.html>. (accessed: 10.01.2026)
16. Samiulina Ya.V. On the issue of criminalistically significant information about the identity of an Internet fraudster theory and practice of socio-humanitarian sciences // Theory and Practice of Socio-humanitarian Sciences, 2024, Pp. 125–129.
17. Fromm E. A man for himself: An introduction to the psychology of ethics. Moscow, 1993. Pp. 60–90.
18. Chuchko S.V. Criminalistic characteristics of the personality of a criminal who commits fraud related to the purchase and sale of goods via the Internet // Combating crime: theory and practice. – 2021. – Pp. 279–281.
19. Shalagin A. E., Khrustaleva O.N. Criminological and psychological characteristics of the criminal's personality: from theory to practice // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 3. – Pp. 329–337.

Проблемы использования криптовалют в целях совершения преступлений, связанных с незаконным вознаграждением

Нетесов Иван Станиславович,

аспирант, Тюменский государственный университет

В статье исследуются особенности использования криптовалют как инструмента, способствующего совершению преступлений, связанных с незаконным вознаграждением. Рассматриваются правовые, технологические и криминологические аспекты данного явления, включая механизмы применения цифровых валют в коррупционных схемах, трудности их квалификации и расследования, а также проблемы правового регулирования в Российской Федерации. Анализируются положения Федеральных законов № 259-ФЗ и № 149-ФЗ, материалы судебной практики и инициативы по совершенствованию уголовного законодательства, направленные на признание цифровой валюты предметом преступных посягательств. Особое внимание уделяется технологическим характеристикам криптовалют – анонимности, децентрализации и необратимости транзакций, создающим предпосылки для их использования в противоправных целях. В заключении сформулированы предложения по совершенствованию нормативного регулирования, развитию механизмов международного сотрудничества и применению аналитических технологий, включая искусственный интеллект, для повышения эффективности противодействия коррупции, связанной с использованием цифровых валют.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, коррупция, незаконное вознаграждение, цифровые финансовые активы, анонимность, уголовное право, противодействие коррупции.

Введение

В связи с технологическим развитием общества в последние годы различные криптовалюты приобрели значительное внимание как инновационные финансовые инструменты из которых к наиболее массовым можно отнести Bitcoin. Учитывая устойчивый тренд на цифровизацию общества становится очевидным, что цифровые валюты в будущем станут неотъемлемой частью повседневной жизни и гражданского оборота. Перспективы, которые открывают перед нами развитие цифровых валют в виде децентрализации выпуска и регулирования валюты, удобства перевода, скорости и анонимности расчетов (в том числе трансграничных) несут в себе риски использования данных финансовых инструментов в преступных целях, включая коррупционные преступления и другие преступные деяния. Большая часть авторов в сфере юриспруденции, рассматривающие проблемные аспекты цифровой валюты (криптовалюты) изучают гражданско-правовую сторону данной проблемы. Настоящая статья направлена на исследование механизмов, посредством которых криптовалюты могут быть использованы для совершения преступлений коррупционной направленности, а также предлагаются возможные меры по их предотвращению.

Как указывают многие авторы, рассматривающие данную проблематику «преступники, не ограниченные перманентно не успевающими за развитием современных технологий законодательными нормами, находятся на острие научно-технического прогресса» [2, с. 377]. С данным суждением авторов сложно не согласиться, поскольку нормативно-правовое регулирование каких-либо возникающих процессов или явлений в обществе устанавливается в виду назревшей потребности общества в данном урегулировании.

Стоит отметить, что проблемные вопросы использования цифровой валюты (криптовалюты) в качестве незаконного вознаграждения уже давно возникали на практике. Так, Тугулымским районным судом Свердловской области было вынесено решение о признании информации, размещенной на страницах ряда Интернет-сайтов, запрещенной к распространению в Российской Федерации ввиду того, что она пропагандирует коррупцию и содержит разъяснение механизма дачи взятки должностным лицам. Суд фактически признал коррупционным поведением действия лиц, позволяющие передать вознаграждение (цифровые активы – криптовалюту) взяткодателем взяткополучателю за совершением в его пользу определенных действий в пределах полномочий взяткополучателя [5, с. 13].

В настоящей статье используется комплексная научная методология, включающая в себя правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и аналитический подходы, а также методы логического и эмпирического анализа.

Текущее правовое регулирование

Правовое регулирование цифровой валюты (криптовалюты) с момента её популяризации в Российской Федерации претерпело значительные изменения. На 2025 год в России действует следующее правовое регулирование в области криптовалют. Основными нормативно-правовыми актами, регулирующие общественные отношения связанные с криптовалютой являются Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Закон № 259-ФЗ) и Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»². Данными законами регулируется оборот цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) и цифровой валюты (криптовалюты). Также указанными законами вводится легальное понятие цифровых финансовых активов, цифровой валюты и майнинга цифровой валюты. Из смысла данного законом определения цифровой валюты вытекает,

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета – 06.08.2020.

² Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ // Российская газета – 28.07.2006.

что понятие «криптовалюта» и «цифровая валюта» тождественны. Кроме того, запрещается использование криптовалюты в качестве средства платежа на территории Российской Федерации. Законом также была введена налоговая отчетность по операциям с криптовалютами по общим правилам и в связи с этим физические и юридические лица обязаны декларировать доходы, полученные от операций с цифровыми валютами. В противном случае указанные лица лишаются права на судебную защиту (п. 6 ст. 14 № 259-ФЗ).

Как указывают отдельные авторы «Законом № 259-ФЗ цифровая валюта признана в качестве имущества лишь в отдельных сферах правоотношений, к примеру, в области противодействия коррупции, банкротства, исполнительного производства, легализации (отмывания) доходов, которые были получены в ходе реализации преступной деятельности и так далее» [7, с. 280]. Однако для целей уголовно-правового законодательства цифровая валюта так и не признана имуществом¹.

Таким образом, текущее правовое регулирование направлено в основном на создание правовой основы для использования цифровых активов в рамках инвестиционной деятельности, обеспечение налогового контроля и предотвращение незаконных операций. По нашему мнению, текущее правовое регулирование в большей степени направлено не на урегулирование существующих вопросов связанных с криптовалютой, а на использование технологии, на которой базируются криптовалюты для создания суверенных финансовых инструментов. Поэтому в рамках данного регулирования основное внимание акцентировано на выпуске ЦФА и регулировании деятельности её операторов, которыми являются только крупные организации финансовой системы РФ (из-за больших требований для включения в реестр). В виду этого было оставлено без должного внимания и регулирования общий оборот цифровой валюты, которому посвящена всего одна статья закона (ст. 14 № 259-ФЗ), а также организации по обмену криптовалюты (цифровой валюты). В то же время коррупционные преступления с использованием цифровой валюты совершаются внутри общего неподотчетного оборота цифровой валюты, что не затрагивает сферу регулирования вышеупомянутых ЦФА и их операторов.

Как указывают эксперты, «ЦФА и криптовалюты имеют общую технологическую базу, но различаются в правовом и экономическом аспекте. Криптовалюты, как правило, ничем не обеспечены и не имеют каких-либо гарантий по защите прав потребителей и сохранности средств. В случае с ЦФА есть конкретный эмитент, который несет обязательство перед инвесторами»². Тем не менее цифровые валюты на практике имеют ценность, которую можно выразить в денежном эквиваленте национальной валюты, что уже само по себе имеет потенциал для её использования в преступных целях, учитывая технологические особенности криптовалют.

Перспективы правового регулирования

В апреле 2022 года Генеральный прокурор РФ, выступая с отчетом в Совете Федерации, высказал предложение о необходимости урегулировать положения о цифровой валюте в действующем уголовно-правовом законодательстве, признать их в качестве предмета преступных посягательств и применять к ней ограничительные меры. Примечательно, что соответствующие поправки в уголовно-правовое законодательство пока не были приняты. До сих пор не имеется предусмотренного уголовно-правовым законодательством механизма конфискации цифровой валюты (ст. 104.1 УК РФ)³.

Однако первые шаги совершенствования законодательства в этом направлении уже были сделаны. Так, Федеральным законом от 25.10.2024 N 349-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ в часть 10 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ были внесены поправки. Согласно новой редакции федеральным органам исполнительной власти, органам прокуратуры, органам дознания и органам предварительного следствия, органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность для выполнения задач, возложенных на соответствующие органы предоставляется адрес-идентификатор цифровой валюты (криптокошелька). Также на рассмотрении в государственной думе имеется законопроект № 902782–8 «О внесении изменений в статью 104–1 Уго-

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета – 30.12.2008.

² Криптовалюта и ЦФА: почему их пути расходятся? – URL: https://club.forbes.ru/part_news/kriptovaljuta-i-cifrovye-finsansovyje-aktivy-pochemu-ih-puti-rashodyatsya (дата обращения: 06.04.2024)

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Российская газета – 07.06.2010.

⁴ Федеральный закон от 25.10.2024 г. № 349-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета – 28.10.2024.

ловного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об особенностях изъятия цифровой валюты)»⁵. В пояснительной записке к законопроекту указывается, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не содержат понятия, а также прямого указания на статус имущества цифровой валюты, что осложняет расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с использованием цифровой валюты, в обеспечении имущественных требований по ним. В целях устранения данной проблемы законопроектом цифровая валюта признается имуществом для целей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Технологические особенности цифровой валюты и риски для использования в преступных целях

Что касается технологических особенностей цифровой валюты и их влияния на потенциальное использование её в преступных целях необходимо отметить следующее.

Ряд авторов считают, что «Развитие цифровой экономики приводит к появлению множества различных криптовалют, которые могут использоваться в коррупционных схемах. Использование криптовалют и анонимность открываемых крипто-кошельков затрудняют раскрытие и расследование преступлений» [9, с. 139–140]. При этом авторы отмечают, что «При совершении сделки, в том числе противоправной, с использованием криптовалюты нет необходимости в посредниках, в том числе банках, нет необходимости «снимать» наличные, передавать их, потребность в личных встречах отсутствует, что также существенным образом затрудняет работу оперативных сотрудников и доказывание преступления в рамках уголовного дела. Инфраструктура криптовалютных сетей имеет огромное количество сервисов-холдеров, где можно создать собственный кошелек абсолютно анонимно, не проходя верификацию по паспортным данным» [6, с. 111], а также, что «Использование криптовалюты при совершении рассматриваемых преступлений является дополнительным препятствием для организации их расследования и раскрытия, так как затрудняет оценку предмета преступления, наложение на него ареста, конфискации имущества и т.д.» [4, с. 134].

Изложенные доводы также подтверждаются конкретными примерами из судебной практики. Суды на практике признают, что использование цифровой валюты в преступных целях затрудняет квалификацию преступлениям и придаёт дополнительную конспирацию преступной деятельности. Так, в Кассационном определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.07.2025 по делу N 77–2138/2025 указано, что «Принимая решение об оправдании подсудимого по п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, суд указал, что приведенные в обвинении операции являлись лишь финансовым инструментом, направленным на сокрытие преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств; получение криптовалюты и ее дальнейшая конвертация в деньги, произведены в целях конспирации преступной деятельности, что не может однозначно указывать на цель введения преступных доходов в легальный оборот».

Впоследствии оправдательный приговор обвинения в легализации преступных доходов с помощью криптовалюты был отменен и отправлен на новое рассмотрение. Тем не менее это указывает на то, что в вопросах квалификации преступлений с использованием криптовалют на практике возникают трудности.

В совокупности рассмотренные технологические особенности цифровых валют позволяют сделать вывод о том, что их функциональные характеристики напрямую способствуют возникновению условий, благоприятных для противоправного использования. Высокий уровень анонимности пользователей, обеспечиваемый отсутствием обязательной идентификации при создании и использовании криптокошельков создает значительные сложности для установления личности участников финансовых операций. Это обстоятельство, в свою очередь, препятствует эффективному контролю со стороны государственных органов и снижает прозрачность финансовых потоков.

Децентрализованный характер криптовалютных сетей и исключение посредников в лице банков и иных финансовых институтов позволяют участникам осуществлять сделки напрямую, минуя традиционные механизмы государственного и банковского надзора. Такая архитектура делает возможным проведение операций в транснациональ-

⁵ Проект федерального закона № 902782–8 «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об особенностях изъятия цифровой валюты)» (внесён в Государственную Думу РФ в 2025 г.). – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8#bh_note (дата обращения – 23.12.2025).

ном масштабе, что осложняет применение национальных правовых норм и мер финансового контроля.

Кроме того, необратимость транзакций в цифровой валюте исключает возможность аннулирования или блокировки незаконных переводов без согласия их получателя, а наличие множества анонимных сервисов-холдеров и миксеров обеспечивает участникам дополнительные инструменты для сокрытия следов происхождения средств. В результате данные особенности не только способствуют сокрытию преступной деятельности, но и существенно затрудняют процесс расследования, доказательства состава преступления, а также арест и конфискацию цифровых активов.

Таким образом, технологическая природа криптовалют, включающая анонимность, децентрализацию, отсутствие посредников и необратимость транзакций, формирует объективные предпосылки для их использования в коррупционных и иных преступных схемах. Это обстоятельство подчеркивает необходимость разработки и внедрения эффективных правовых, технических и организационных мер, направленных на снижение криминогенного потенциала цифровых валют при сохранении их инновационного значения для мировой экономики.

Использование цифровых валют для совершения коррупционных преступлений

Итак, рассмотрев технологические особенности цифровой валюты, способствующие её использованию в преступных целях считаем необходимым осветить коррупционную составляющую использования цифровой валюты. Относительно использования цифровой валюты непосредственно в коррупционных целях можно выделить следующие аспекты.

Использование криптовалют в коррупционных схемах может выражаться в получении/дачи взятки в виде криптовалюты, что само по себе делает их менее обнаруживаемыми и связываемыми с коррупционными действиями. Как верно указывают некоторые авторы, что «Коррупция существует во многом благодаря ее финансовому источнику, к которому относятся полученные или будущие доходы от теневой, прежде всего криминальной деятельности» [9, с. 142].

По нашему мнению, механизм дачи/получения взятки в цифровой валюте выглядит примерно следующим образом. Так, «Будущий взяткодатель открывает электронный кошелек в криптовалюте. Для этого ему не требуется проходить верификацию, предоставлять какие-то документы – возможно выполнить это анонимно, получив подтверждение на адрес электронной почты. После этого взяткодатель может зачислить на созданный им криптокошелек виртуальные деньги, а затем связаться с будущим взяткополучателем, чтобы передать ему идентификатор электронного криптокошелька» [1, с. 378]. При этом, согласно разъяснениям пункта 10 Пленума ВС РФ получение цифровой валюты считается взяткой, которая окончена с момента поступления средств на электронный кошелек. При этом не имеет значения, получил ли должностное лицо реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными ему деньгами по своему усмотрению¹.

На сегодняшний день имеются реальные случаи использования различных криптовалют в коррупционных целях, в частности, для получения взяток.

Пожалуй, наиболее крупным и шумевшим является дело о привлечении к уголовной ответственности бывшего начальника следственного отдела Следственного комитета России по Тверскому району Москвы по делу о получении рекордной взятки в размере более 2718 биткоинов (7,3 млрд рублей) и \$1,5 млн. Бывший следователь получил наказание в виде 16 лет лишения свободы за взятку в 7,3 млрд рублей². Примечательно, что указанный размер взятки на текущий момент является самым крупным в России.

Как указывают СМИ, в период с 2020 по 2022 год бывший следователь получал от участников хакерской группировки Infracore Organization деньги за принятие им разных решений, в том числе по уголовному делу хакеров. В частности, за то, чтобы фигурантов отправили под домашний арест, а не заключали в следственный изолятор, а также за то, чтобы следствие не арестовывало их криптокошельки, где хранились электронные деньги на сумму 5212,9 биткойна, или 14 млрд рублей. Половина из них была передана осужденному следователю.

Коды к криптокошелькам он хранил в папке ноутбука под названием «Пенсия»³.

Кроме того, в Хакасии бывший начальник отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков МВД Хакасии в сентябре 2020 года был приговорен к восьми годам лишения свободы за получение взятки в криптовалюте от наркоторговца и разглашение государственной тайны, по части 3 статьи 290 и части 1 статьи 283 УК РФ соответственно [8, с. 83].

Между тем, нарушение законодательства о противодействии коррупции не во всех случаях приводит к уголовному преследованию. Так, по результатам осуществления контроля за расходами старшего оперуполномоченного по особо важным делам Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Татарстан выявлены обстоятельства, свидетельствующие о несоответствии расходов общему доходу. В ходе рассмотрения дела судом было установлено, что государственным служащим был зарегистрирован аккаунт на криптовалютной бирже «Binance» под своим именем, на котором имелась криптовалюта неустановленного происхождения на общую сумму в размере 49,7 млн руб. Решением Верхнеуслонского районного суда Республики Татарстан от 17.04.2024 по делу N 2–11/2024 в доход государства были взысканы денежные средства в размере 49777453,22 рублей, эквивалентные стоимости цифровой валюты, приобретенной и отчужденной по различным сделкам.

Приведенные примеры показательны, поскольку отражают насколько огромные суммы денежных средств находятся в теневом незаконном обороте цифровой валюты.

Результаты и выводы исследования

Стоит отметить, что в части текущего правового регулирования наиболее радикальным решением было бы запретить обращение цифровой валюты в РФ. Подобное предложение о запрете организации обращения криптовалют в России поступило в апреле 2024 года от депутатов Государственной Думы⁴. На наш взгляд таким образом проблема напротив усугубляется тем, что увеличивается количество теневых обменников криптовалюты, получает широкое распространение P2P – прямой криптообмен между гражданами в виду чего идентификация коррупционных/преступных транзакций в значительной степени затруднена.

В связи с изложенным, предлагаем следующие меры по предотвращению коррупционных преступлений с использованием криптовалют. На наш взгляд, одним из ключевых подходов к снижению рисков использования криптовалют в коррупционных схемах является введение свободного обращения цифровой валюты, строгих нормативных актов, требующих соблюдения процедур идентификации клиента и противодействия отмыванию денежных средств в отношении финансовых организаций по обмену криптовалют, криптовалютных бирж. Поскольку биржи криптовалюты также могут стать средством совершения преступлений, предметом которых выступает криптовалюта [3, с. 411]. Немаловажным также будет совершенствование уголовного-правового законодательства в сфере конфискации цифровой валюты и, возможно, введение квалифицированных составов для преступлений, совершенных с использованием цифровой валюты в виду повышенной степени общественной опасности вследствие латентности таких преступлений.

Таким образом, важным направлением совершенствования системы противодействия преступлениям, связанным с использованием цифровых валют, является установление нормативных требований к обменным сервисам и торговым платформам, обеспечивающих операции с криптовалютами. Обязательство таких организаций предоставлять отчетность и взаимодействовать с правоохранительными органами представляет собой ключевой инструмент повышения прозрачности финансовых потоков и снижения рисков их использования в противоправных целях. Наряду с нормативными мерами особое значение приобретают технологические решения, направленные на мониторинг и анализ операций с цифровыми активами. Разработка и внедрение специализированных аналитических систем, позволяющих отслеживать и классифицировать блокчейн-транзакции, создают возможность для оперативного выявления подозрительной активности и построения моделей оценки вероятности совершения преступлений. Использование технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в данном контексте открывает перспективы

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (Дата обращения: 25.04.2024)

² Апелляционное определение Московского областного суда от 14.01.2025 по уголовному делу № 22–54/2025 – URL: https://oblsud-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srn_num=1&name_op=case&case_id=257535777&case_uid=48a8e70b-9283-49e7-a324-7c856912cc41&delo_id=4&new=4 (дата обращения – 23.12.2025)

³ Экс-следователя приговорили к 16 годам за взятку в 7,3 млрд рублей биткойнами – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/08/24102943.shtml?utm_auth=false (дата обращения – 23.12.2025)

⁴ В Думе предложили запретить организацию обращения криптовалют с сентября – URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/04/2024/662c07f99a7947cdf0c46d7f> (Дата обращения: 30.04.2024)

для прогнозирования и автоматизированного выявления потенциальных коррупционных схем на ранних стадиях их формирования. Учитывая трансграничный характер криптовалютного оборота, эффективное противодействие преступлениям в этой сфере невозможно без активного международного сотрудничества. Формирование единых стандартов и процедур в области регулирования криптовалют, а также координация усилий правоохранительных органов различных государств по обмену информацией и совместному расследованию преступлений являются необходимыми условиями для обеспечения комплексного контроля и снижения криминогенного потенциала цифровых финансовых технологий.

Заключение

Резюмируя можно сказать, что криптовалюты представляют как возможности, так и вызовы для современного общества. Их анонимность, децентрализованный и трансграничный характер делают их привлекательными для использования в преступных, в частности, коррупционных схемах. Однако с правильными мерами правового регулирования, технологическими инструментами и международным сотрудничеством можно значительно снизить риски, связанные с использованием криптовалют в коррупционных целях.

Литература

1. Асатрян Х. А., Христюк А.А. Проблемы определения предмета взяточничества и особенности его выявления в современных реалиях //Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 3. – С. 374–383.
2. Куликова А. А., Жмурко Р.Д. Криптовалюта как предмет преступления: проблемы квалификации и защиты //Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № . 11–2. – С. 376–381.
3. Коренная А. А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений //Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № . 3. – С. 408–415.
4. Никонов П.В. Роль информационно-коммуникационных технологий и компьютерной информации в совершении коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции. – 2021. – С. 132–136.
5. Никонов П.В. Современные уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения: монография // П.В. Никонов. – Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации» (Иркутск), 2022.
6. Полтарыхин В.А. Криптовалюта как предмет коррупционного преступления //Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества. – 2020. – С. 109–113.
7. Садихов Д.А. Криптовалюта как предмет преступления // Актуальные вопросы юридической науки и практики – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2022 – С. 278–284.

8. Усачева Е. А., Филимонов А.Д. Криптовалюта как предмет взятки и коммерческого подкупа: проблемы регулирования //Искусство правовередения. The art of law. – 2023. – № . 1 (5). – С. 80–91.

9. Чернов С.Б. Противодействие коррупции в условиях цифровой экономики //Экономические науки. – 2020. – № . 186. – С. 139–144.

CHALLENGES OF USING CRYPTOCURRENCIES FOR CRIMINAL PURPOSES RELATED TO ILLEGAL REMUNERATION

Netesov I.S.

Tyumen State University

The article examines the features of using cryptocurrencies as a tool that facilitates crimes involving illicit remuneration. The study analyzes legal, technological, and criminological aspects of this phenomenon, including the mechanisms through which digital currencies are employed in corruption schemes, the challenges of qualification and investigation, and the current state of legal regulation in the Russian Federation. The analysis includes Federal Laws No. 259-FZ and No. 149-FZ, judicial practice, and legislative initiatives aimed at recognizing digital currency as an object of criminal encroachment. Particular attention is paid to the technological characteristics of cryptocurrencies – anonymity, decentralization, and irreversibility of transactions which create prerequisites for their misuse. The article concludes with proposals for improving legal frameworks, enhancing international cooperation, and developing analytical technologies, including artificial intelligence, to strengthen anti-corruption efforts involving digital currencies.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, corruption, illicit remuneration, digital financial assets, anonymity, criminal law, anti-corruption.

References

1. Asatryan H. A., Khristyuk A.A. Problems of Defining the Subject of Bribery and Features of Its Detection in Modern Realities // All-Russian Criminological Journal. – 2022. – Vol. 16. – No. 3. – P. 374–383.
2. Kulikova A. A., Zhmurko R.D. Cryptocurrency as a Subject of a Crime: Problems of Qualification and Protection // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2020. – No. 11–2. – P. 376–381.
3. Korennaya A. A., Tydykova N.V. Cryptocurrency as a Subject and Means of Committing Crimes // All-Russian Criminological Journal. – 2019. – Vol. 13. – No. 3. – P. 408–415.
4. Nikonov P.V. The Role of Information and Communication Technologies and Computer Information in the Commission of Corruption Crimes Related to Giving and Receiving Bribes and Other Types of Illegal Remuneration // Digital technologies in the fight against crime: problems, status, trends. – 2021. – P. 132–136.
5. Nikonov P.V. Modern Criminal Law and Criminological Problems of Combating Corruption Crimes Related to Giving and Receiving Bribes and Other Types of Illegal Remuneration: Monograph // P.V. Nikonov. – Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (Irkutsk), 2022.
6. Poltarykhin V.A. Cryptocurrency as a Subject of a Corruption Crime // Legal and Moral Aspects of the Functioning of Civil Society. – 2020. – Pp. 109–113.
7. Sadikhov D.A. Cryptocurrency as a subject of crime // topical issues of legal science and practice – Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University", 2022 – Pp. 278–284.
8. Usacheva E. A., Filimonov A.D. Cryptocurrency as a subject of bribery and commercial bribery: problems of regulation // The art of law. – 2023. – No. 1 (5). – P. 80–91.
9. Chernov S.B. Anti-corruption in the digital economy // Economic sciences. – 2020. – No. 186. – P. 139–144.

Реализация признака явности действий при превышении должностных полномочий на практике (ст. 286 УК РФ)

Новиков Альберт Сергеевич,

адвокат, аспирант Юридической школы Дальневосточного
федерального университета
E-mail: a_lbert@mail.ru

«Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». Так сформулирована ч. 1 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий». Признак явности действий при превышении должностных полномочий, не находя своей нормативной и теоретической конкретики, тем не менее имеет свое практическое приложение в деятельности органов судебной власти. В данной статье мы обращаемся к тому, какой смысл и значение придается данной категории судебными инстанциями, где предпринимаем попытку с практической точки зрения выявить необходимость и значение «явного» признака превышения должностных полномочий. С таких же позиций рассматривается и категория «активности» действий при превышении должностных полномочий, введенная в судебную практику Верховным судом РФ.

Ключевые слова: объективная сторона преступления, должностные преступления, должностные полномочия, превышение должностных полномочий, признак явности при превышении.

Как представляется, отдельного внимания заслуживает интерпретация категории явности действий при превышении должностных полномочий непосредственно правоприменителем. И в данном контексте видится актуальным исследовать изложение рассматриваемого признака в правоприменительном аспекте.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в пункте 19 указывает о наступлении ответственности при превышении должностных полномочий в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий [1].

В данном случае заслуживает внимания то, что Постановление Пленума снабжает действия по превышению полномочий новым, не закрепленным в законе признаком «активные». И таким образом, мы можем предположить, что судом делается попытка некоторого уточнения «явности», либо предпринимаются меры к разграничению деяния в виде неактивных (но явных) действий в целях удобства поиска границ между дисциплинарным проступком и преступлением.

Однако ещё большую критику может вызвать судебная практика по конкретным уголовным делам, идущая, на наш взгляд, неопределённым образом по определённому УК РФ и Постановлением Пленума ВС РФ пути.

Так Третий кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 31.01.2023 по делу N 77–363/2023 указал, что «суд обоснованно расценил действия осужденного как активные, совершенные должностным лицом и явно выходящие за пределы его полномочий» [2]. В данном случае присутствует отражение как «активности», так и «явности» действий.

В кассационном определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2024 по делу N 77–529/2024 установлено, что «подписание актов приема-передачи в отсутствие экспертного заключения представляет собой совершение активных действий, вопреки условиям, установленным законом, то есть выходящих за пределы полномочий должностного лица» [3]. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 06.02.2024 по делу N 77–375/2024 указывает о правильности выводов судов «о превышении подсудимого своих должностных полномочий, поскольку он совершил такие активные действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не имеет права совершать» [4]. В указанных примерах «явность» судами не затронута и не раскрыта вовсе, а причину, по которой был отдан приоритет активности действий, судебные акты в данном случае не содержат.

Так же встречаются судебные акты кассационных инстанций без разъяснения того, что же собой представляет явный выход за пределы полномочий, без содержания или какого-либо упоминания об активности действий, но, однако, с формальной оговоркой об их явности [5].

Вместе с тем, присутствуют судебные акты, которые не отражают ни явного, ни активного характера деяния. Например, кассационным определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 31.10.2023 по делу N 77–2590/2023 установлено, что «вопреки доводам кассационной жалобы судом правильно установлено, что подсудимый, состоя в должности главы муниципального образования разрешив приватизацию жилых помещений, находящихся в муниципальной собственности, лицам, не имевшим прав пользования жилым помещением на условиях социального найма, без разрешения на отчуждение жилых помещений со стороны Собрания депутатов МО «Коношский муниципальный район» нарушил положения ст. 2 Закона РФ «О приватизации жилищного фонда в РФ» и положения Устава МО «Коношский муниципальный район», то есть вышел за пределы своих полномочий» [6]. В данном судебном акте мы видим, что рассматриваемые признаки никак не описаны и не указаны вовсе.

В развитие этой мысли следует привести практику, где вышестоящие суды не усмотрели обязательность наличия и описания таких признаков в действиях подсудимого или в приговоре. Так, кассационным определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2023 по делу N 77–1728/2023, установлено, что ответственность «наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые никто

и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать» [7], чего судебная коллегия в действиях подсудимого не обнаружила и поэтому отменила приговор, направив дело на новое рассмотрение.

Отменен приговор апелляционным определением Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 04.12.2018 по делу N 22-308/2018, в силу того, что «описательно-мотивировочная часть приговора не содержит описания каких-либо активных действий, совершенных подсудимым в отношении потерпевшего, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства» [8].

В постановлении Президиума Хабаровского краевого суда от 27.06.2016 по делу N 44у-88/2016 отражено, что «суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу, что при установленных судом первой инстанции обстоятельствах действия подсудимого не носили явный, то есть очевидный, существенный и грубый характер» [9].

В данном случае очевидно, что изложенные позиции судов бесспорно демонстрируют неясность таких характеристик как «явность» и «активность» непосредственно для правоприменителя. На наш взгляд, их неясность, неоднозначность, а в случае с появившейся «активной» характеристикой, надуманность искупаются судебными приставлениями следованием строго канцелярскому принципу – их формального отражения в судебных актах без смыслового наполнения.

Однако, необходимо обратить внимание и на то, что несмотря на приведенную практику, Конституционный суд РФ неоднократно высказывался об отсутствии правовой неопределенности в статье о превышении должностных полномочий, «в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать противоправность своего деяния и предвидеть наступление ответственности за его совершение и которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению данной нормы правоприменительными органами, а потому не может рассцениваться как нарушающая конституционные права заявителей» [10].

Вместе с этим, как представляется, данное неоспоримое с процессуальной точки зрения судебное установление фактически (и юридически) не снимает продемонстрированную реальную неопределенность не только в понимании подразумеваемых слов (понятий), но и в их применении в практической плоскости.

Как указывалось нами выше, появление «активного» признака, который в рассматриваемой статье отсутствует, небезосновательно вызывает справедливое сомнение. Причины его отражения в действующем Постановлении Пленума ВС РФ не ясны. Более того, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 N 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» активность действий вообще отсутствовала [11].

В этой связи, введение характеристики активности не видится нам обоснованным по причине отсутствия в ней какой-либо юридической необходимости. И даже не может быть объяснено следованием традиционному правопониманию превышения должностных полномочий.

Мы можем лишь предположить, что возникновение дополнительного признака связано, с неопределенностью в отграничении дисциплинарных проступков от преступлений, совершаемых должностными лицами. Юридическая литература отражает проблему в отсутствии ясных критериев в данном аспекте [12]. И, как представляется, для этих целей, возможно счесть справедливым то, что «активность» призвана способствовать отражению большей степени опасности совершаемого деяния.

Однако в таком случае, по логике кажущейся нам верной, можно заключить о неприступном характере неактивных, но явных действий. И в виду того, что «активность» является характеристикой объективной стороны, сформулированной Верховным судом РФ, явно и неактивно действующее лицо не должно подлежать уголовной ответственности по причине отсутствия в его действиях объективного признака состава.

Но, бесспорно, отдельного внимания заслуживает критерий явности выхода за пределы должностных полномочий. Следует отметить, что его наличие так же может быть обусловлено причиной в трудности отграничения проступка от преступления.

В этой связи, представляется справедливым вопрос о возможности преступного деяния в виде неявного превышения. Ответ на него частично может дать статья Уголовного кодекса РФ № 203 о «Превышении полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей». В описании ч. 1 ст. 203 УК РФ содержится «совершение действий, выходящих за пре-

делы полномочий» [13] и какая-либо «явность» или тем более «активность» действий здесь совершенно отсутствует и не предполагается.

Таким образом, следует сделать вывод о возможности неявного превышения, однако безотносительно к ст. 286 УК РФ, потому как два уголовных состава с превышением пределов сконструированы законодателем по-разному. Следовательно, как можно заключить, в таком случае неявное превышение должностных полномочий необходимо относить в разряд дисциплинарных проступков.

Вместе с этим, как показывает вышеприведенная практика, стоит только правоприменителю добавить слово «явно» к описанному преступному деянию и вероятность того, что вышестоящая судебная инстанция сможет переоценить и интерпретировать данное оценочное понятие по-своему существенно уменьшается. Что, однозначно, на наш взгляд, свидетельствует о формальном характере «явного» признака объективной стороны, сделавшегося обязательным в силу закона.

Между тем, полагаем необходимым упомянуть о наличии «явности» во всех составах превышения власти по существовавшим Уголовным кодексам РСФСР. Так в УК РСФСР 1922-го года в ст. 106 «Превышение власти» он имелся [14]. В УК РСФСР 1926-го года в ст. 110 «Превышение власти или служебных полномочий» явный признак присутствовал [15]. Исключением не был и УК РСФСР 1960-го года, в котором в ст. 171 «Превышение власти или служебных полномочий» данная характеристика так же содержалась [16].

Как представляется, указанное обстоятельство может подтвердить наш довод о традиционном понимании законодателем смысла превышения властных полномочий, заключающемся в возможных и допустимых нарушениях со стороны властей придерживающихся то ли в силу революционной необходимости и оправданности перегибов, то ли в силу исключительности их статуса.

Таким образом, мы видим, что «явный» характер переключивает из кодекса в кодекс в силу инертности законотворческих процессов, что, в том числе, не может исключать переходящих ошибок юридической техники при формулировании рассматриваемого состава.

Следует так же сказать и о нередко возможном размытом характере полномочий служащих, в связи с чем, превышения полномочий сводятся на нет посредством их отождествления с неявным нарушением (так называемым несущественным нарушением закона), которые в свою очередь противопоставляются узаконенному явному превышению.

Изложенное наталкивает нас на мысль об избыточности и отсутствии необходимости в «явном» характере превышения должностных полномочий. И в данном случае необходимо вернуться к теоретическим воззрениям по данному вопросу, упомянув позицию, отличающуюся своей категоричностью, но кажущуюся определенно справедливой.

По мнению А.А. Ильина, явность – это «признак с формальным значением, так как превышение либо существует, либо его нет» [17]. Нам представляется, что данный подход правильным образом опровергает иные позиции ученых о теоретической составляющей данного признака и в рассмотренном случае, позиция А.А. Ильина направлена на обсуждение явного признака с точки зрения его необходимости и логичности.

По всей видимости, можно высказаться о том, что большинство ученых в вопросе осмысления узаконенных признаков (в данном случае в статье 286 УК РФ) придерживаются концепции правового позитивизма, объясняя нововведения, санкционированные государством. Меньшинство же поддерживает естественно-правовую концепцию, по-видимому, задаваясь вопросом: «Для чего это нужно и насколько это справедливо?».

Мы же склонны примкнуть к меньшинству, так как считаем, что нарушение закона либо есть, либо его не существует, как не должно существовать безызвестное несущественное нарушение закона. И в этой связи, признак явности в составе объективной стороны рассматриваемого деяния видится нам определенно излишним, совершенно неоднозначным, характеризующимся вариативностью от ситуации и качества правоприменительного процесса.

Поэтому, мы полагаем, что неправовая по своей сути характеристика действий приобрела правовую форму, порождающую проблемы для правоприменения, избавление от которой будет, как представляется, способствовать правильной квалификации преступлений.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс»;

2. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2023 N 77–363/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2024 по делу N 77–529/2024 // СПС «КонсультантПлюс»;
4. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.02.2024 N 77–375/2024 // СПС «КонсультантПлюс»;
5. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2024 по делу N 77–898/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2023 по делу N 77–1837/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.12.2023 по делу N 77–5281/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.08.2023 по делу N 77–3428/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;
6. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 31.10.2023 по делу N 77–2590/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;
7. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2023 по делу N 77–1728/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;
8. Апелляционное определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 04.12.2018 по делу N 22–308/2018 // СПС «КонсультантПлюс»;
9. Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 27.06.2016 по делу N 44у-88/2016 // СПС «КонсультантПлюс»;
10. Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 N 411-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коробова Николая Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 286 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 N 1076-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Сергея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью четвертой статьи 11 и статьей 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс»;
11. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 N 4 (ред. от 10.02.2000) «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге // СПС «КонсультантПлюс»;
12. Майстренко, Г.А. Правовое отличие преступления от правонарушений и аморальных проступков в законодательстве России / Аграрное и земельное право. 2017. № 9(153). С. 140.; Иванова, С.И. Отграничение преступлений от дисциплинарных и аморальных проступков / Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 1701–1705. (4–6);
13. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»;
14. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.» // СПС «КонсультантПлюс»;
15. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.» // СПС «КонсультантПлюс»;
16. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС «КонсультантПлюс»;
17. Ильин, А.А. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2013 С. 19.

ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF OFFICIAL POWERS IN CASE OF THEIR EXCESS (ARTICLE 286 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Novikov A.S.

Far Eastern Federal University

The performance by an official of actions that clearly go beyond his powers and entail a significant violation of the rights and legitimate interests of citizens or organizations or the interests of society or the state protected by law. This is how Part 1 of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation "Exceeding official powers." A sign of the manifestation of actions in excess of official powers, not finding its normative and theoretical specifics, nevertheless has its practical application in the activities of the judiciary. In this article, we turn to what meaning and importance is attached to this category by the courts, where we are trying from a practical point of view to identify the need and significance of the "obvious" sign of abuse of office. From the same position, the category of "activity" of actions in excess of official powers, introduced into judicial practice by the Supreme Court of the Russian Federation, is also considered.

Keywords: objective side of the crime, malfeasance, official authority, abuse of office, evidence of overreach.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 No. 19 (ed. 11.06.2020) "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" //SPS "ConsultantPlus";
2. Cassation ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction of 31.01.2023 N 77–363/2023/SPS "ConsultantPlus";
3. Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 07.02.2024 in case No. 77–529/2024/SPS "ConsultantPlus";
4. Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of 06.02.2024 No. 77–375/2024/SPS "ConsultantPlus";
5. Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 21.02.2024 in case No. 77–898/2024/SPS "ConsultantPlus"; Cassation ruling of the Fifth Court of Cassation of General Jurisdiction of 18.12.2023 in case No. 77–1837/2023/SPS "ConsultantPlus"; Cassation ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction of 12.12.2023 in case No. 77–5281/2023/SPS "ConsultantPlus"; Cassation ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction of 23.08.2023 in case No. 77–3428/2023/SPS "ConsultantPlus";
6. Cassation ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction of 31.10.2023 in case No. 77–2590/2023/SPS "ConsultantPlus";
7. Cassation ruling of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction of 30.05.2023 in case No. 77–1728/2023/SPS "ConsultantPlus";
8. Appeal ruling of the Supreme Court of the Karachay-Cherkess Republic of 04.12.2018 in case No. 22–308/2018/SPS "ConsultantPlus";
9. Resolution of the Presidium of the Khabarovsk Regional Court of 27.06.2016 in case No. 44u-88/2016/SPS "ConsultantPlus";
10. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.02.2015 N 411-О "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Nikolai Vladimirovich Korobov about violation of his constitutional rights by Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation" //SPS "ConsultantPlus"; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30.05.2023 N 1076-О "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivanov Sergey Vyacheslavovich about violation of his constitutional rights by parts one and two of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as part four of Article 11 and Article 15 of the Federal Law "On Operational Search Activities" //SPS "ConsultantPlus";
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 30.03.1990 No. 4 (ed. 10.02.2000) "On judicial practice in cases of abuse of power or official position, abuse of power or official authority, negligence and official forgery/SPS "ConsultantPlus";
12. Maistrenko, G.A. Legal distinction of crime from offenses and immoral offenses in the legislation of Russia/Agrarian and land law. 2017. № 9(153). С. 140.; Ivanova, S.I. Delimitation of crimes from disciplinary and immoral offenses/Scientific and methodological electronic journal "Concept." – 2016. – Т. 15. – С. 1701–1705. (4–6);
13. Criminal Code of the Russian Federation/SPS "ConsultantPlus";
14. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 01.06.1922 (ed. 25.08.1924) "On the Enactment of the Criminal Code of R.S.F.S.R." (together with the "Criminal Code of R.S.F.S.R." //SPS "ConsultantPlus";
15. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 22.11.1926 (ed. 27.04.1959) "On the Enactment of the Criminal Code R.S.F.S.R. 1926 Edition" (together with the "Criminal Code R.S.F.S.R.")/SPS "ConsultantPlus";
16. The Criminal Code of the RSFSR (approved by Armed Forces of the RSFSR 27.10.1960) //SPS "ConsultantPlus";
17. Ilyin, A.A. Excess of official powers (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation): concept, types, issues of legislative technology and differentiation of responsibility: author... dis. cand. jurid. sciences. M., 2013 P. 19.

Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе уголовного судопроизводства по статье 210.1 УК РФ

Прошин Владимир Михайлович,
адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита»
E-mail: advokat.proshin.v.m@gmail.com

В ходе уголовного судопроизводства по статье 210.1 УК РФ укоренилась практика, согласно которой установление по делу самого факта возложения на виновного статуса «вора в законе», соответствующего высшей ступени в преступной иерархии, и отдельных обстоятельств проявления, поддержания и укрепления авторитета в преступной среде с позиции занимаемого статуса, является необходимым и достаточным основанием привлечения к ответственности по данной статье. Данный статус предоставляет его носителю значительную линейку преступных возможностей с позиции организации, влияния и осуществления преступной деятельности, что и явилось одним из оснований отнесения данного преступления к особо тяжким. При этом по неписанным «воровским традициям» носитель данного статуса обязан заниматься преступной деятельностью в различных её проявлениях как преступным промыслом на постоянной основе. В ходе уголовного судопроизводства по данной статье установление полного перечня противоправных действий и инициатив преступного характера, обязательная реализация которых с необходимостью сопряжена с занятием высшего положения в преступной иерархии, не происходит, но наличие их в действиях и поведении виновного предполагается. Данное предположение основано на оценке самого факта «занятия высшего положения в преступной иерархии», как обязывающего виновного использовать весь спектр противоправных средств, способов и методов осуществления преступной деятельности. [1]

Ключевые слова: «вор в законе», преступная иерархия, преступление, преступная деятельность, уголовное преследование, доказывание, установление обстоятельств, преступный авторитет, преступная среда, уголовные традиции, уголовная ответственность, общественная опасность, умышленное деяние, противоправность, презумпция, обстоятельства совершения преступления.

Введённая Федеральным законом от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ в Уголовный кодекс РФ статья 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» с момента начала действия и до настоящего момента вызывает много споров, в следствие чего имеют место частые обращения в Конституционный Суд РФ по поводу оспаривания конституционности данной нормы. Так, например, с жалобой по такого рода основанию в Конституционный Суд РФ обратился гражданин М.В. Белов, осужденный приговором Саратовского областного суда от 7 июля 2023 года (с учетом изменений, внесенных апелляционным определением от 20 ноября 2023 года) за совершение преступления, квалифицированного по статье 210.1 УК Российской Федерации, к 9 годам лишения свободы с ограничением свободы на срок два года. Суд установил, что М.В. Белов, заняв в апреле 2020 года высшее положение в преступной иерархии, осуществлял предоставленные этим положением организационно-распорядительные, иные регулирующие и дисциплинарные функции в уголовно-преступной среде (среди осужденных исправительной колонии, где он отбывал наказание). В кассационном порядке приговор оставлен без изменения. По мнению заявителя жалобы неконституционность данной нормы заключается в том, что она позволяет привлекать к уголовной ответственности в отсутствие разъяснения понятия и признаков криминального статуса лица, а также без письменного предупреждения такого лица об уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. [2]

Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы, указав что оспариваемая норма с учетом ее места в системе уголовно-правового регулирования не содержит неопределенности, которая лишала бы лицо, добровольно принимающее свой неформальный статус в преступной среде, возможности осознать содержание установленного уголовным законом запрета, общественную опасность и противоправность своего деяния, свидетельствующего о лидерстве в преступной иерархии, о поддержании, укреплении или проявлении (реализации) виновным своего авторитета в этой среде, предвидеть его правовые последствия и которая приводила бы к произвольному ее применению. [3]

Определение Конституционного Суда отражает сложившуюся практику понимания предмета доказывания при производстве по уголовному делу по ст. 210.1 УК РФ. То есть установление по делу самого факта возложения на виновного статуса «вора в законе», согласно уголовным традициям соответствующего высшей ступени в преступной иерархии, и отдельных обстоятельств проявления, поддержания и укрепления авторитета в преступной среде с позиции занимаемого статуса, в правоприменительной практике считается достаточным для привлечения к ответственности по данной статье. Придание высокой степени общественной опасности этому преступлению основано на результатах научных исследованиях и итогах правоприменительной практики, которые сходятся в единой оценке факта «занятия высшего положения в преступной иерархии» как умышленного стремления к увеличению масштаба организационных возможностей и силы влияния уголовного авторитета, обязывающих их носителя инициировать и контролировать преступную деятельность в различных направлениях и сферах на обязательной основе. Поэтому в ходе уголовного судопроизводства по данной статье установление полного перечня противоправных действий и инициатив преступного характера, обязательная реализация которых с необходимостью сопряжена с занятием высшего положения в преступной иерархии, не происходит, но наличие их в действиях и поведении виновного предполагается в силу занимаемого положения в преступной иерархии. При этом неустановленные предполагаемые противоправные действия и инициативы преступного характера, обязательность осуществления которых сопряжена с занимаемым статусом, напрямую не вменяются виновному, но опосредованно учитываются в оценке самого факта «занятие высшего положения в преступной иерархии», обязывающего виновного использовать весь спектр противоправных средств, способов и методов осуществления преступной деятельности. В этом особенность доказательного процесса при производстве по этой статье и этим определяется высокая степень общественной опасности в совершения данного преступления.

Содержание диспозиции статьи 210.1 УК РФ, формирующей уголовно-правовой состав особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 15 УК РФ), оставляет единственную возможность успешности производства по данному преступлению – это, при установлении самого факта «занятия высшего положения в преступной иерархии» и отдельных обстоятельств проявления предоставленных в результате этого возможностей, допускать презумпцию доказанности осознаваемой готовности к реализации всего спектра противоправных действий и инициатив с позиции положения, обзывающего заниматься преступной деятельностью, и понимание противоправности и опасности последствий занятого статуса в преступном мире. Тем не менее даже при допуске упомянутой доказательной презумпции сбор, проверка и оценка доказательств наличия элементного состава этого преступления, воплотившегося в обстоятельства события преступления, подлежащие обязательному установлению при производстве по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), оставляют большой простор для субъективного усмотрения со стороны субъектов уголовного преследования и суда, что приводит к правовой неопределённости в определении предмета доказывания.[4]

Источником правовой неопределённости, лежащей в основе широкого субъективного усмотрения при определении предмета доказывания в ходе сбора, проверки и оценки сведений об обстоятельствах совершения преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, является отсутствие нормативной либо административно-ведомственной фиксации общепринятого понимания содержания и форм ступеней преступной иерархии, условия и порядок продвижения в этой иерархии, масштаб организационных возможностей в преступном мире, сопряжённых со статусом лица, занимающего высшее положение, порядок и гарантии обеспечения этого статуса силой преступных традиций. Положение диспозиции статьи 210.1 УК РФ представляет собой усечённый состав преступления «занятие высшего положения в преступной иерархии», как разновидность формального. Нормативное закрепление общего подхода к толкованию определения «высшее положение в преступной иерархии» и разъяснение наличия и понимания иерархии в преступном мире давало бы основание в ходе доказывания обстоятельств, подлежащих согласно ст. 73 УПК РФ обязательному установлению, ограничиться достаточностью установления самого факта возложения на субъекта статуса высшего положения в преступной иерархии при производстве по уголовному делу. В данном случае содержание нормы ст. 210.1 УК РФ, указывая на высокую общественную опасность самого факта занятия высшего положения в преступной иерархии, не устанавливает необходимого и достаточного законодательного критерия, фиксирующего масштаб организационных возможностей и их последствия с позиции занятого статуса, наделяющего наивысшим авторитетом влияния в преступной среде.

То есть при производстве по этой статье субъекты уголовного преследования и суд опираются ни на чём не основанное допущение «разумности» (объективности) ожидания того, что субъект, облачённый статусом высшего положения в преступной иерархии, с обязательностью аккумулирует в своих руках, как лидер преступного сообщества, все вопросы организации и контроля противоправной деятельности на подконтрольной территории. Данное допущение основано на научно-прикладных исследованиях, характеризующих одну из основных черт факта «занятия высшего положения в преступной иерархии» – это обязанность носителя данного статуса заниматься преступной деятельностью с позиции лидера «преступного мира». При нормативном же определении понятия высшего положения в преступной иерархии и фиксации содержания и форм ступеней данной иерархии доказательный процесс по делу мог бы основываться на строго формальном понимании диспозиции статьи 210.1 УК РФ, и, следовательно, предмет доказывания ограничивался бы установлением самого факта возложения на субъекта статуса «высшего положения в преступной иерархии».

Тем не менее при отсутствии документальной фиксации причинно-следственного понимания степени опасности занятия лицом высшего положения в преступной иерархии интересам государства, общества и отдельной личности правоприменительная практика вполне обоснованно пошла по пути установления в каждом конкретном деле, наряду с фактом занятия высшего положения в преступной иерархии, сведений об обстоятельствах проявления интеллектуально-волевых усилий соответствующего «положенца» по управлению, координации и контролю преступной деятельностью на подконтрольной ему территории, доставшейся последнему согласно распределению сфер влияния на «воровской сходке» с равными по положению лицами. То есть направление доказательного процесса данного состава идёт по пути установления обстоятельств проявления влияния приобретённого уголовного авторитета в уголовном мире, соответствующего общепри-

нятому в уголовной среде пониманию занятия высшего положения в преступной иерархии, на организацию и контроль противоправной деятельности.

Так при производстве практически по всем уголовным делам по статье 210.1 УК РФ вина лица за наличие у него статуса «вора в законе» и занятие лидирующего положения в преступной иерархии доказывается установлением сведений об особом отношении к нему как со стороны заключённых при отбытии наказания в местах лишения свободы, так и на свободе со стороны лиц, занимающихся преступной деятельностью. Особое отношение заключается в признании представителями преступного мира за «положенцем» непрекращаемого авторитета в вопросах разрешения конфликтов, контроля и руководства преступной деятельностью на подконтрольной территории, определения порядка формирования и направления использования доходов от преступной деятельности, толкование правил и условий взаимоотношений в преступных коллективах, наличие права решающего голоса при определении наказания лицам за нарушение неписанных правил «воровского мира», наличие права на инициирование преступных действий при обращении как к заключённым в местах лишения свободы, так и при обращении в обратном направлении по проблемам текущих условий функционирования территориально и функционально объединённого преступного коллектива, по вопросам действий отдельных лиц, чьи интересы пересеклись с интересами преступного мира и т.д.

Таким образом, отсутствие правовой определённости в фиксации единого всеобщего понимания статуса «высшего положения в преступной иерархии» и, как следствие, отсутствие доказательной презумпции обязательности наличия в высшей степени общественно опасных, противоправных результатов обладания данным статусом, обуславливают ход доказательного процесса при производстве по уголовному делу по статье 210.1 УК РФ в направлении установления обстоятельств отправления обладателем соответствующего статуса лидирующих функций в деле организации и контроля преступной деятельностью на территории и в сферах, согласованных на «воровской сходке» с равными по положению в преступном мире лицами.

Поэтому, с нашей точки зрения, следующий примерный перечень сведений об обстоятельствах события преступления «занятие высшего положения в преступной иерархии» следует включать в предмет доказывания по такого рода делам:

- сведения о добровольном волеизъявлении принятия на себя неформального статуса «вора в законе», как высшей ступени в преступной иерархии;
- сведения об обстоятельствах осознанности лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, общественной опасности и противоправности действий и инициатив, реализация которых в рамках преступной деятельности с обязательностью сопряжена с занимаемым положением;
- сведения об обстоятельствах соблюдения лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, необходимой традиции постоянного поддержания, укрепления и проявления своего авторитета в преступной среде;
- сведения о результатах проявления криминального авторитета лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в вопросах организации и управления преступной деятельностью, определения условий формирования доходов от преступной деятельности и направлений их использования, инициирования отдельных преступлений с позиции занимаемого положения на подконтрольной территории и в преступной среде;
- сведения об осознанности лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, правовых и социальных последствий проявления своего авторитета в вопросах организации и управления преступной деятельностью на подконтрольной территории и в преступной среде;
- сведения об обстоятельствах противодействия лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, как борьбе правоохранительных органов с преступностью в целом, так и расследованию отдельных преступлений;
- сведения об обстоятельствах реализации интеллектуально-волевых усилий по пропаганде в обществе антисоциального поведения, противоречащего правовым нормам и угрожающего социальному порядку и благополучию окружающих людей, по навязыванию поведения, уклоняющегося от выполнения морально-нравственных норм межличностных отношений.

Установление вышеперечисленных обстоятельств при производстве по уголовному делу по ст. 210.1 УК РФ, в условиях отсутствия нормативного толкования уголовно-преследуемого статуса, будет являться законным и обоснованным итогом, влекущим возложения уголовной ответственности на субъекта за «занятие высшего положения в пре-

ступной иерархии». При этом следует отметить, что установление всех вышеуказанных обстоятельств при производстве по уголовному делу по ст. 210.1 УК РФ является идеальным результатом доказательного процесса, который в правоприменительной практике трудно реализовать. В ходе правоприменительной практики сложилась особенность доказывания состава преступления «занятие высшего положения в преступной иерархии», которая находит своё проявление в правильности определения достаточности доказательств с позиции их объёма и качества на стадии оценки.

Правоприменительная практика пошла по пути оценки достаточности доказательств для возложения ответственности за данное преступление на основе установления самого факта занятия высшего положения в преступной иерархии и доказанности отдельных результатов проявления данной статусности из вышеуказанного перечня в различных аспектах и направлениях организации и контроля преступной деятельностью. То есть при установлении факта возложения на лицо статуса «вора в законе», как высшей ступени в преступной иерархии, и отдельных обстоятельств использования криминальной «авторитетности» этого положения в различных аспектах и направлениях преступной деятельности, наличие в действиях обвиняемого (подсудимого) перечня иных вышеуказанных обстоятельств, с обязательностью сопровождающих данный криминальный титул, предполагается, хотя данная доказательная презумпция прямо законом и не предусмотрена.

В данном случае уголовно-правовое и криминалистическое понимание детерминированности результатов всего комплекса вышеуказанных общественно-опасных последствий, являющихся объективно обязательным причинно-следственным результатом обладания статусом «вора в законе», как высшей ступени в преступной иерархии, является единственным возможным направлением доказательного процесса по данной статье Уголовного кодекса РФ, обеспечивающим соблюдение конституционных основ уголовного судопроизводства и достижение задач, установленных ст. 6 УПК РФ.

Литература

1. Статья 210.1 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025 г.).
2. Федеральным законом от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 г. № 60-О.
4. Статья 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. От 27.10.2025).

CIRCUMSTANCES TO BE ESTABLISHED DURING CRIMINAL PROCEEDINGS UNDER ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Proshin V.M.

Moscow Bar Association "Zashchita"

In criminal proceedings under Article 210.1 of the Russian Criminal Code, it has become established that establishing the very fact of the perpetrator's status as a "thief in law," corresponding to the highest level of the criminal hierarchy, and the specific circumstances of the manifestation, maintenance, and strengthening of their authority within the criminal underworld based on their status, constitutes a necessary and sufficient basis for prosecution under this article. This status affords its bearer a significant range of criminal opportunities in terms of organizing, influencing, and carrying out criminal activity, which is one of the grounds for classifying this crime as particularly serious. Moreover, according to unwritten "thieves' traditions," the bearer of this status is obliged to engage in criminal activity in its various manifestations as a criminal enterprise on a permanent basis. In criminal proceedings under this article, a full list of illegal actions and criminal initiatives, the mandatory implementation of which is necessarily associated with occupying a high position in the criminal hierarchy, is not established, but their presence in the perpetrator's actions and behavior is presumed. This assumption is based on the assessment of the very fact of "occupying a high position in the criminal hierarchy" as obliging the perpetrator to use the entire spectrum of illegal means, methods and techniques for carrying out criminal activity.

Keywords: "thief in law", criminal hierarchy, crime, criminal activity, criminal prosecution, proof, establishment of circumstances, criminal authority, criminal environment, criminal traditions, criminal liability, public danger, intentional act, illegality, presumption, circumstances of the crime.

References

1. Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on October 15, 2025).
2. Federal Law of April 1, 2019, No. 46-FZ.
3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 28, 2025, No. 60-O.
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on October 27, 2025).

К вопросу о наличии у адвоката-защитника права осуществлять аудиофиксацию хода и результатов следственного действия

Тутушев Тамерлан Тагирович,

аспирант кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Васяев Александр Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
уголовно-процессуального права Московского
государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Деятельность адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве обеспечивает соблюдение конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь, в условиях формирования негативной тенденции обвинительного уклона в деятельности органов предварительного расследования она имеет особую важность и значимость. При этом в настоящее время правовая регламентация полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве не является удовлетворительной, в частности, противоречиво законодатель разрешает вопрос о возможности осуществления защитником аудиозаписи при производстве следственных действий. Цель исследования состоит в выявлении значения правомочия защитника осуществлять аудиозапись в ходе производства следственных действий и разрешении вопроса о рациональности нормативного закрепления такого права. На основании анализа норм действующего уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной практики и позиций представителей научного сообщества по рассматриваемому вопросу сделан вывод о противоречивости норм УПК РФ в данной части. В результате исследования предложено в рамках ст. 53 УПК РФ нормативно закрепить за защитником права на осуществление аудиозаписи в ходе производства следственного действия при уведомлении об этом субъекта, осуществляющего производство следственного действия, при этом, такое уведомление не должно носить разрешительного характера.

Ключевые слова: защитник, адвокат, ходатайство, следственное действие, аудиозапись, аудио фиксация, технические средства.

Деятельность адвоката-защитника обеспечивает реализацию такого важного права личности, как получение квалифицированной юридической помощи, что непосредственно проистекает из положений ст. 48 Конституции Российской Федерации. Обеспечение права на защиту лица, вовлеченного в уголовно-процессуальную деятельность, выступает в качестве обязанности государства и необходимого условия справедливого правосудия¹, выстроенного, в первую очередь, на основании принципа состязательности сторон.

Сущность деятельности адвоката-защитника как на досудебных, так и на судебных стадиях производства по уголовному делу сводится, главным образом, к опровержению доказательств, собранных стороной обвинения, а также к установлению обстоятельств, свидетельствующих в пользу подозреваемого (обвиняемого, подсудимого)², в чем и проявляется защитное свойство деятельности адвоката. При этом, преимущественным образом защитник реализует указанную выше функцию посредством осуществления доказательственной деятельности, свои полномочия в рассматриваемой сфере защитник реализует как посредством самостоятельного собирания доказательственной информации, так и посредством участия в следственных и иных процессуальных действиях, производимых субъектом предварительного расследования. Участие адвоката-защитника в процессе доказывания по уголовному делу имеет чрезвычайно высокое значение в контексте обеспечения права личности на защиту в ходе уголовного судопроизводства.

Материалы судебной-следственной практики, к сожалению, ярко свидетельствуют о необоснованном обвинительном уклоне в деятельности органов предварительного расследования³. Безусловно, субъекты, ведущие производство по уголовному делу, стремятся к собиранию именно доказательств обвинительного свойства, нередко совершенно необоснованно не только не прилагая усилий к собиранию доказательственной информации, подтверждающей позицию стороны защиты, но и игнорируя такую информацию, в том числе и поступающую непосредственно от защитника. При этом, видится возможным согласиться с теми исследователями, которые констатируют уголовно-процессуальную обязанность следователя выявлять, собирать и оценивать все доказательства, вне зависимости от их направленности и характера, с единственно допустимой целью – установлением объективной истины по уголовному делу⁴. Следователь и адвокат-защитник, бесспорно, в рамках уголовного процесса ориентируют свою деятельность на выполнение противоположных функций. И если, как правило, следователь ориентирован на сбор именно обвинительных доказательств, уличающих подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, то адвокат-защитник имеет своей целью собрать доказательства, свидетельствующие о его невиновности.

При этом, как представляется, наиболее эффективной формой доказательственной деятельности адвоката-защитника выступает именно участие в производстве следственных и иных процессуальных действий, поскольку результативность самостоятельного собирания доказательственной информации защитником значительным образом поставлена в зависимость от субъективного усмотрения субъекта предварительного расследования (в рамках настоящего исследования де-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9. С. 17.

² Францифоров Ю.В., Анненков С.И., Францифоров А.Ю. Юридическая помощь адвоката в уголовном судопроизводстве // Вестник СГЮА. 2022. № 2 (145). С. 228–236; Буянтеев С.О. Повышение эффективности состязательной деятельности адвоката-защитника в досудебном производстве по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. С. 14.

³ Корякина З.И. К вопросу об обязательном участии защитника в уголовном судопроизводстве // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2025. № 3. С. 37–46.

⁴ Мочалин А.Ю. Правовые неопределенности и пути совершенствования процессуального статуса следователя в предварительном расследовании // Eromen. Global. 2025. № 65. С. 225–231; Васяев А.А. Достоверные сведения при разрешении вопроса о заключении под стражу // Современное право. – 2010. – № 6. – С. 92–95.

ляется акцент на том, что защитник уполномочен на собирание именно доказательственной информации, которая только в случае ее приобретения уполномоченным лицом к материалам уголовного дела приобретает статус доказательств). Одновременно с этим, достаточность процессуальных возможностей адвоката-защитника при его участии в производстве следственных и иных процессуальных действий, а также полнота их правовой регламентации в настоящее время не могут быть признаны удовлетворительными.

Так, одним из наиболее дискуссионных и неоднозначно разрешаемых на практике вопросов в рассматриваемой сфере выступает вопрос относительно наличия у адвоката-защитника права осуществлять аудио фиксацию хода и результатов следственного действия. Участие защитника в производстве следственных действий направлено на соблюдение принципа законности при производстве следственных действий. УПК РФ устанавливает положение о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением требований законности. Адвокат, который принимает участие в производстве следственных действий, в том числе, осуществляет контроль за соблюдением следователем соответствующей процедуры и уголовно-процессуальной формы и в случае выявления нарушений немедленно реагирует на них посредством, например, внесения замечаний в протокол следственного действия¹. Во-вторых, участие защитника при производстве следственного действия направлено на обеспечение полноты и объективности результатов данного следственного действия. Как уже было указано ранее, в силу специфики деятельности, в том числе частой профессиональной деформации, следователи при производстве следственных действий могут ориентироваться именно на сбор обвинительных доказательств, на выявление обстоятельств, уличающих лицо в совершении инкриминируемого ему преступления. Соответственно доказательства которые могут быть трактованы в пользу подозреваемого (обвиняемого), могут остаться без внимания, что и обуславливает необходимость участия адвоката-защитника при производстве следственного действия.

Цели участия адвоката-защитника в производстве следственного действия, на наш взгляд, уже не позволяют судить об обоснованности запрета осуществления аудио фиксации хода и результатов производимого следственного действия, одновременно с этим, на протяжении длительного времени в научной литературе по данному вопросу высказываются неоднозначные точки зрения.

М.О. Баев, к примеру, не усматривает каких-либо запретов на реализацию защитником данного действия, при этом, автор считает, что правомерность аудио фиксации в таком случае обуславливается обязательным наличием согласия следователя². О недопустимости отказа в предоставлении защитнику данного права также высказывается А.А. Васяев³, А.В. Рагулин⁴. При этом имеются и диаметрально противоположные точки зрения. Так, например, А.А. Давлетов считает, что поскольку УПК РФ данное право защитника прямо не предусматривает, а также в силу того, что руководящую роль при производстве следственного действия занимает именно следователь (дознатель), то и предоставление защитнику возможности осуществлять аудиозапись в полной мере зависит именно от усмотрения субъекта предварительного расследования, поскольку защитник в данном случае, априори, характеризуется усеченным объемом правомочий⁵.

Представляется, что согласиться с мнением А.А. Давлетова в силу складывающейся правозащитной практикой не представляется возможным. Как уже отмечалось ранее, единственная процессуальная функция следователя состоит именно в обеспечении собирания максимально полного объема доказательственной информации, необходимой для объективного и всестороннего анализа обстоятельств расследуемого преступного события. На наш взгляд, в качестве процессуальной функции следователя в российском уголовном процессе стоит рассматривать именно функцию предварительного расследова-

ния, реализация которой обеспечивает всестороннее, полное и объективное изучение обстоятельств уголовного дела, а также соблюдается принцип состязательности сторон на стадии досудебного производства по уголовному делу. И, как свидетельствуют материалы судебной практики, данный подход зачастую поддерживается и самими судами⁶.

При этом, как свидетельствуют материалы судебной практики, суды при разрешении данного вопроса нередко ссылаются на правовую позицию Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой аудио фиксация допроса, как и в целом применение средств фиксации, — это исключительное право лица, осуществляющего предварительное расследование⁷. Одновременно с этим, федеральное законодательство адвокатской деятельности и об адвокатуре⁸ позволяют адвокату применять технические средства, в то время как Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации⁹ конкретного запрета на то также не содержит.

И.А. Узгорская также отмечает, что осуществление защитником аудиозаписи в ходе производства следственного действия возможно только при наличии на то согласия следователя (дознателя), при этом автор констатирует, что процесс аудиозаписи следственного действия защитником является одной из наиболее эффективных гарантий обеспечения конституционного права на защиту, в связи с чем, правовых оснований для отказа в удовлетворении таких ходатайств у субъекта предварительного расследования нет¹⁰.

Е.А. Бравилова, например, при этом, высказывается против законодательного предоставления защитнику права на осуществление аудио фиксации, считая, что достаточным в данном случае будет закрепление его права делать письменные заявления о нарушениях в протоколе следственного действия¹¹. В рамках настоящего исследования данная позиция также поддержана быть не может. Как уже отмечалось ранее, субъекты предварительного расследования нередко характеризуются обвинительным уклоном своей деятельности, в то время как простые замечания защитника в протоколе следственного действия не смогут рассматриваться судом как достоверные доказательства того, что такие нарушения действительно имели место быть.

Статья 6 УПК РФ закрепляет такие фундаментальные положения, как сущность всей уголовно-процессуальной деятельности, которая в целом заключается в назначении справедливого наказания лицу, виновному в совершении преступления. Данное положение закономерно актуализирует вопрос о том, чем именно может быть сущностно обоснован запрет защитнику осуществлять аудиозапись в ходе производства следственного действия. Если рассуждать здраво, то следователь (дознатель), которые при производстве следственного действия не допускают нарушений норм уголовно-процессуального законодательства, добросовестно реализуют свою процессуальную функцию, не имеют оснований препятствовать реализации защитником своей возможности вести аудиозапись. При этом, на практике такие субъекты своим процессуальным статусом нередко злоупотребляют «в интересах расследования», в том числе, например, отводя вопросы, противоречащие позиции стороны обвинения, при производстве допроса или очной ставки.

При этом, в адвокатском сообществе запрет на осуществление аудиозаписи в ходе производства следственного действия рассматривается как воспрепятствование законной деятельности адвоката-защитника¹². По данному вопросу между судами и органами предварительного расследования, и органами адвокатуры спор до настоящего

¹ Бравилова Е.А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника в следственных действиях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 15–24.

² Баев М.О. Тактические особенности участия адвоката-защитника в производстве следственных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 78–84.

³ Васяев А.А. Протокол судебного заседания — доказательство? / А.А. Васяев, М.В. Пальчикова // Современное право. 2010. № 4. С. 116–119.

⁴ Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на использование технических средств: проблемные вопросы реализации и пути их решения // Ученые труды российской Академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2 (25). С. 8–12.

⁵ Давлетов А.А. Право адвоката применять технические средства при производстве следственных действий // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 44–48.

⁶ Нагорная М. Оснований для применения диктофона нет // Официальный сайт палаты адвокатов. URL: <https://pbarf.ru/news/fpa/osnovaniya-dlya-primeneniya-diktфона-net/?ysclid=17rzk0ive63467324> (дата обращения: 01.11.2025).

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

⁸ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

¹⁰ Узгорская И.А. К вопросу о применении аудиозаписи в ходе предварительного расследования // Вестник КРУ МВД России. 2021. № 3 (53). С. 67–70.

¹¹ Васяев А.А. Ошибки или нарушения уголовно-процессуального закона? / А.А. Васяев // Адвокат. — 2010. № 4. С. 9–11.

¹² Шварц О. Степень защищенности профессиональных прав адвокатов: краткое резюме результатов исследования. М.: Центр конституционных исследований, 2022. URL: <http://files.constlawcenter.ru/wp-content/uploads/2022/11/defenders-rights.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

времени не разрешен. Так, например, Адвокатской палатой Краснодарского края было констатировано, что адвокат-защитник имеет право беспрепятственно осуществлять аудиозапись при производстве следственных и иных процессуальных действий при уведомлении об этом субъекта предварительного расследования, без необходимости получения согласия последнего¹. При этом, ходатайство защитника, инициировавшего рассмотрение данного вопроса в Адвокатской палате Краснодарского края, было расценено следователем как ходатайство, в удовлетворении которого было отказано, законность чего впоследствии подтвердил Южный окружной военный суд².

В целом, позиция следователя и суда вполне согласуется с положениями действующего УПК РФ, поскольку в соответствии со ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, в том числе и принимать решение о применении технических средств. Таким образом складывается ситуация, при которой УПК РФ, с одной стороны, прямо не предусматривает наличия у адвоката-защитника права без получения на то согласия субъекта предварительного расследования осуществлять аудиозапись в ходе производства следственного действия, а с другой стороны, запрета на осуществление данного действия законодательство также не содержит. В итоге – данный вопрос законодателем не урегулирован, а положения УПК РФ позволяют каждой из сторон вполне легально трактовать их в свою пользу.

При этом, как уже было отмечено, законодательство об адвокатской деятельности такое право защитникам предоставляет, более того, в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ установлено отсутствие безусловного приоритета норм УПК РФ над нормами иного федерального законодательства, который является ограниченным лишь рамками специального предмета регулирования³. В рамках другой правовой позиции органа конституционного контроля также было определено, что приоритет УПК РФ может быть ограничен, в частности, правилами о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений⁴.

Сказанное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о возможности и целесообразности нормативного закрепления за защитником права на осуществление аудиозаписи в ходе производства следственного действия при уведомлении об этом субъекта, осуществляющего производство следственного действия, при этом, такое уведомление не должно носить разрешительного характера. При этом, учитывая, что данное правомочие предоставлено адвокату-защитнику законодательством, специально предназначенным для урегулирования статуса адвоката в Российской Федерации, соответствующие изменения логично закрепить именно в ст. 53 УПК РФ, регламентирующей полномочия защитника в уголовном судопроизводстве. В настоящее время, реализация данного предложения не вступит в противоречие ни с нормами УПК РФ, ни с разъяснениями Конституционного Суда РФ по данному вопросу.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 08 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7,

¹ Ап Краснодарского края указала, что адвокат может использовать диктофон без разрешения следователя // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ap-krasnodarskogo-kрая-ukazala-chto-advokat-mozhet-ispolzovat-diktofon-bez-razresheniya-sledovatelya/> (дата обращения: 20.12.2025).

² Уведомление защитника о применении аудиозаписи следователь принял за ходатайство // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/uvvedomlenie-zashchitnika-o-primenenii-audiozapisi-sledovatelya-prinyal-za-khodataystvo/> (дата обращения: 20.12.2025).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 08 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из Справ. – правовой системы «Консультант Плюс».

29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из Справ. – правовой системы «Консультант Плюс».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

4. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9. С. 17.

6. Адвокатская палата Краснодарского края указала, что адвокат может использовать диктофон без разрешения следователя // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ap-krasnodarskogo-kрая-ukazala-chto-advokat-mozhet-ispolzovat-diktofon-bez-razresheniya-sledovatelya/> (дата обращения: 20.12.2025).

7. Васяев А.А. Ошибки или нарушения уголовно-процессуального закона? // Адвокат. 2010. № 4. С. 9–11.

8. Васяев А.А. Протокол судебного заседания – доказательство? / А.А. Васяев, М.В. Пальчикова // Современное право. 2010. № 4. С. 116–119.

9. Васяев А.А. Достоверные сведения при разрешении вопроса о заключении под стражу // Современное право. – 2010. – № 6. – С. 92–95.

10. Баев М.О. Тактические особенности участия адвоката-защитника в производстве следственных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 78–84.

11. Бравилова Е.А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника в следственных действиях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 15–24.

12. Буянтуев С.О. Повышение эффективности состязательной деятельности адвоката-защитника в досудебном производстве по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. 216 с.

13. Давлетов А.А. Право адвоката применять технические средства при производстве следственных действий // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 44–48.

14. Корякина З.И. К вопросу об обязательном участии защитника в уголовном судопроизводстве // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2025. № 3. С. 37–46.

15. Мочалин А.Ю. Правовые неопределенности и пути совершенствования процессуального статуса следователя в предварительном расследовании // Epomen. Global. 2025. № 65. С. 225–231.

16. Нагорная М. Оснований для применения диктофона нет // Официальный сайт палаты адвокатов. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/osnovaniya-dlya-primeneniya-diktofona-net/?ysclid=17rzkboive63467324> (дата обращения: 01.11.2025).

17. Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на использование технических средств: проблемные вопросы реализации и пути их решения // Ученые труды российской Академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2 (25). С. 8–12.

18. Уведомление защитника о применении аудиозаписи следователь принял за ходатайство // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/uvvedomlenie-zashchitnika-o-primenenii-audiozapisi-sledovatelya-prinyal-za-khodataystvo/> (дата обращения: 20.12.2025).

19. Узгорская И.А. К вопросу о применении аудиозаписи в ходе предварительного расследования // Вестник КРУ МВД России. 2021. № 3 (53). С. 67–70.

20. Францифоров Ю.В., Анненков С.И., Францифоров А.Ю. Юридическая помощь адвоката в уголовном судопроизводстве // Вестник СГЮА. 2022. № 2 (145). С. 228–236;

21. Шварц О. Степень защищенности профессиональных прав адвокатов: краткое резюме результатов исследования. М.: Центр конституционных исследований, 2022. URL: <http://files.constlawcenter.ru/wp-content/uploads/2022/11/defenders-rights.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

ON THE ISSUE OF WHETHER A DEFENSE LAWYER HAS THE RIGHT TO RECORD THE PROGRESS AND RESULTS OF AN INVESTIGATIVE ACTION

Tutushev T.T., Vasyaev A.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The activity of a defense lawyer in criminal proceedings ensures compliance with the constitutional right of citizens to qualified legal assistance, and in the context of the formation of a negative trend of accusatory bias in the activities of preliminary investigation bodies, it is of particular importance and significance. At the same time, the current legal regulation of the powers of a defense attorney in criminal proceedings is not satisfactory, in particular, the legislator inconsistently resolves the issue of the possibility of audio recording by a defense attorney during investigative actions. The purpose of the study is to identify the significance of the defender's right to make audio recordings during investigative actions and to resolve the issue of the rationality of the normative consolidation of such a right. Based on the analysis of the norms of the current criminal procedure legislation, law enforcement practice and the positions of representatives of the scientific community on the issue under consideration, it is concluded that the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in this part are contradictory. As a result of the study, it was proposed, within the framework of Article 53 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, to normatively assign to the defender the right to make an audio recording during the investigative action when notifying the subject conducting the investigative action, while such notification should not be permissive.

Keywords: defender, lawyer, petition, investigative action, audio recording, audio recording, technical means.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004 No. 13-P "On the Case of Reviewing the Constitutional Validity of Certain Provisions of Articles 7, 15, 107, 234, and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Request of a Group of State Duma Deputies" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 27. Article 2804.
2. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 8, 2005 No. 439-O "On the Complaint of Citizens S.V. Borodin, V.N. Burobin, A.V. Bykovsky, and Others Regarding the Violation of Their Constitutional Rights by Articles 7, 29, 182, and 183 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Access from the Reference Legal System "Consultant Plus".
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 15, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Art. 4921.
4. Federal Law of May 31, 2002 No. 63-FZ (as amended on April 22, 2024) "On Advocacy Activity and the Bar in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 23. Art. 2102.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015, No. 29 (as amended on December 9, 2025) "On the Application by Courts of Legislation Ensuring the Right to Defense in Criminal Proceedings" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 9. P. 17.
6. The Bar Association of Krasnodar Krai indicated that a lawyer may use a voice recorder without the investigator's permission // Advocate Newspaper. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ap-krasnodarskogo-kraya-ukazala-chto-advokat-mozhet-ispolzovat-diktofon-bez-razresheniya-sledovatelya/> (date of access: December 20, 2025).
7. Vasyaev, A.A. Errors or Violations of the Criminal Procedure Law? // Advocate. 2010. No. 4. Pp. 9–11.
8. Vasyaev A.A. Court Record – Evidence? / A.A. Vasyaev, M.V. Palchikova // Modern Law. 2010. No. 4. Pp. 116–119.
9. Vasyaev A.A. Reliable Information in Resolving the Issue of Detention // Modern Law. 2010. No. 6. Pp. 92–95.
10. Baev M.O. Tactical Features of the Participation of a Defense Attorney in Investigative Actions // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2015. No. 2. Pp. 78–84.
11. Bravilova E.A. Certain Issues of Participation of Defense Attorneys in Investigative Actions // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. Pp. 15–24.
12. Buyantuev S.O. Improving the Efficiency of Defense Attorneys' Adversarial Activities in Pre-Trial Criminal Proceedings: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Ulyanovsk, 2024. 216 p.
13. Davletov A.A. The Lawyer's Right to Use Technical Means in Investigative Actions // Advocate Practice. 2020. No. 2. Pp. 44–48.
14. Koryakina Z.I. On the Issue of Mandatory Participation of Defense Attorneys in Criminal Proceedings // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. 2025. No. 3. Pp. 37–46.
15. Mochalin A. Yu. Legal Uncertainties and Ways to Improve the Procedural Status of an Investigator in a Preliminary Investigation // Epomen. Global. 2025. No. 65. Pp. 225–231.
16. Nagornaya M. There are no grounds for using a voice recorder // Official website of the Chamber of Advocates. URL: <https://fparf.ru/news/tpa/osnovaniy-dlya-primeneniya-diktofona-net/?ysclid=l7rzkb0ive63467324> (date accessed: 01.11.2025).
17. Ragulin A.V. The Right of a Defense Attorney to Use Technical Means: Problematic Issues of Implementation and Ways to Solve Them // Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary Services. 2012. No. 2 (25). Pp. 8–12.
18. The investigator accepted the defense attorney's notification about the use of an audio recording as a petition // Advocate Newspaper. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/uvvedomlenie-zashchitnika-o-primenenii-audiozapisi-sledovatel-prinyal-zakhodatystvo/> (date of access: 20.12.2025).
19. Uzgorskaya I.A. On the issue of using an audio recording during the preliminary investigation // Bulletin of the Criminal Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (53). Pp. 67–70.
20. Franciforov Yu.V., Annenkov S.I., Franciforov A. Yu. Legal assistance of a lawyer in criminal proceedings // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 2 (145). Pp. 228–236;
21. Schwartz O. The degree of protection of professional rights of lawyers: a brief summary of the research results. Moscow: Center for Constitutional Studies, 2022. URL: <http://files.constlawcenter.ru/wp-content/uploads/2022/11/defenders-rights.pdf> (accessed: 20.12.2025).

Проблемы повышения эффективности аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности таможенных органов

Яковец Евгений Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, заслуженный юрист Российской Федерации, Российская таможенная академия

Гордеев Антон Сергеевич,

аспирант Российской таможенной академии

В статье рассматриваются актуальные проблемы повышения эффективности аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности таможенных органов Российской Федерации. Авторы обосновывают ключевую роль интеграции учетно-регистрационных, оперативных и иных информационных ресурсов в едином информационном пространстве как необходимого условия развития современной оперативно-розыскной аналитики. Анализируется состояние и ограничения действующих информационных систем таможенных и иных правоохранительных органов, выявляется проблема межведомственной разобщенности и фрагментарности оперативно значимых данных. Особое внимание уделяется зарубежному опыту организации межведомственных интегрированных банков оперативных данных, а также концепциям полицейской деятельности на основе оперативных данных и информации. Рассматриваются перспективы внедрения интеллектуальных аналитических систем и аппаратно-программных комплексов с элементами искусственного интеллекта в деятельность таможенных органов. Делается вывод о необходимости централизованного и системного подхода к развитию аналитических информационных систем в рамках государственных программ.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, аналитическая работа, таможенные органы, информационные системы, интегрированные банки данных, межведомственное информационное взаимодействие, искусственный интеллект, большие данные.

Успешно решить задачи аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД) таможенных органов возможно лишь при условии наличия максимально возможного объема исходной учетно-регистрационной и иной оперативной информации, который образуется за счёт интеграции соответствующих баз и банков данных на едином виртуальном пространстве. Под интеграцией в данном случае понимается не простое механическое слияние множества малых учётов в один большой, а прежде всего, – создание единой информационной инфраструктуры, предназначенной для анализа сведений, которые принадлежат различным субъектам информационного обмена.

Развитие таможенных органов РФ во многом определяется применением новейших информационных систем. В последние годы в их деятельность внедрены такие современные информационные технологии, как предварительное информирование, таможенное декларирование товаров в электронной форме, удалённый выпуск товаров, автоматическая регистрация таможенных деклараций и автоматический выпуск товаров. На основе использования ИТКС осуществляется и развивается взаимодействие таможенных органов на межведомственном и международном уровнях.

По мнению авторов данной статьи, наиболее оптимальное определение информационной системы сформулировал в своё время профессор В.Н. Лопатин: «... – это технологическая система, представляющая совокупность технических, программных и иных средств, объединённых структурно и функционально для обеспечения одного или нескольких видов информационных процессов и предоставления информационных услуг». Подобное видение рассматриваемого понятия согласуется с положениями п. 3 Требований о защите информации, содержащейся в информационных системах общего пользования, утверждённых приказом ФСБ России и ФСТЭК от 31 августа 2003 г. № 416/489. Здесь отмечается, что информационная система включает в себя средства вычислительной техники, информационно-вычислительные комплексы и сети, средства и системы передачи, приёма и обработки информации, средства изготовления, тиражирования документов и другие технические средства обработки речевой, графической, видео- и буквенно-цифровой информации, программные средства (операционные системы, системы управления базами данных и т.п.), средства защиты информации, применяемые в информационных системах.

Попытки создания объединённой информационной системы или интегрированного банка данных оперативно-розыскного назначения (ИБДОРН) в оперативно-розыскных органах (ОРО) предпринимаются давно. В таможенных органах, в частности, создана в этих целях Единая автоматизированная информационная система таможенных органов (ЕАИС). Тем не менее, полной интеграции оперативно значимых сведений при использовании этой информационной системы не достигается. Существенной проблемой в области создания ИБДОРН до сих пор является межведомственная разобщённость. Информационные ресурсы различных ОРО требуют более тесной интеграции при посредничестве специализированной межведомственной структуры.

Вспоминая сегодня недобрым словом недружественные России государства, входящие в Европейский Союз, следует, тем не менее, признать, что они уже давно организовали единую межведомственную систему учёта и использования оперативно значимых сведений. Для этого в каждом из них создан централизованный банк электронных данных, в котором хранятся сведения о лицах и событиях, представляющих оперативный интерес. Каждый правоохранительный орган или спецслужба государства-члена ЕС, имея компьютерную связь с централизованным банком данных, располагает возможностью постоянного получения необходимых сведений. Интеграцией данных, представляющих оперативный интерес для различных силовых ведомств, в каждом европейском государстве занимается Национальный департамент по оперативным данным (НДОД). Он укомплектован представителями различных правоохранительных органов и спецслужб (пограничная служба, исправительные учреждения, таможенные органы, финансовая разведка, береговая охрана, полиция, службы разведки и безопасности, налоговые органы и др.), которые в рамках применяемой в ЕС модели полицейской деятельности на основе оператив-

ных данных и информации (ПДОДИ) располагают доступом к оперативным сведениям своего ведомства и правомочны осуществлять информационный обмен с представителями других заинтересованных структур, представленных в НДОД. Этот департамент отвечает за ведение национальной базы оперативных данных о преступности, а также за проведение стратегического и оперативного анализа, включая оценку угроз, возникающих на национальном уровне. Он же оказывает практическую помощь региональным (местным) подразделениям анализа оперативной информации. На уровне государств-членов ЕС функционируют взаимозависимые, совместимые между собой или одноплатформенные ИТКС, поддерживающие интегрированный банк данных, а также внедрены соответствующие механизмы защиты оперативной информации.

Таким образом, на Западе давно уже создан и эффективно действует в интересах всех заинтересованных ведомств единый межведомственный информационный массив правоохранительных органов и спецслужб. Для российских силовиков, включая сотрудников таможенных органов, — это пока ещё не решённая проблема.

Весьма значимым в рассматриваемой связи представляется вопрос использования современных аппаратно-программных средств, способных осуществлять в режиме реального времени оперативное распознавание противоправных деяний, отождествление злоумышленников по их статическим и динамическим признакам, прогнозирование преступного поведения последних и др. Подобные комплексы, основанные на применении искусственного интеллекта (ИИ), способного эффективно оценивать морфологические и функциональные признаки физических лиц, а также событийную информацию, уже используются сегодня не только зарубежными, но и российскими силовыми структурами в рамках борьбы с общеуголовными, экономическими и другими преступлениями, а также для задержания подозреваемых и лиц, находящихся в розыске. Представляется целесообразным более широкое внедрение таких аппаратно-программных комплексов и в деятельность таможенных органов.

Детальный анализ сущности и содержания ПДОДИ, основанной на использовании ИИ, показывает, что с концептуальных позиций для российских ОРО практически ничего нового в ней не содержится. Более двадцати пяти лет назад подобный алгоритм осуществления аналитической работы, был разработан НИИ «Восход» и использован в Уточнённой концепции автоматизации криминальной милиции (КМ) ГУВД г. Москвы, а также целом ряде проектов ведомственных нормативных правовых актов, в том числе — ориентированных на общесоюзный уровень их применения.

Уточнённая концепция предусматривала оснащение информационно-аналитических подразделений КМ ГУВД и окружных УВД г. Москвы аппаратно-программными комплексами (АПК) «КРИМИНАЛ», включавшими в свой состав следующие информационные системы: 1) автоматизированную систему оперативной дактилоскопической идентификации (АСОДИ) «Узор», 2) автоматизированную систему оперативной портретной идентификации (АСОПИ) «Фигурант», 3) автоматизированную логико-аналитическую систему (АЛАС) «Криминал», которые были разработаны Институтом проблем информатики Российской академии наук (ИПИ РАН) и по своим техническим возможностям не имели на тот период мировых аналогов. В перспективе предусматривалось дополнение АПК «КРИМИНАЛ» автоматизированными системами оперативной идентификации по почерку, фоноскопическим и геномным признакам. Разработанная концепция долгое время ожидала своего применения на практике, однако своего часа так и не дождалась.

Что же представляла собой «российская ПДОДИ», которую планировалось апробировать вначале на территории г. Москвы, затем внедрить в деятельность всей криминальной милиции Российской Федерации, а в перспективе — при наличии соответствующих предпосылок — и всех ОРО страны? На организационно-управленческих уровнях КМ ГУВД г. Москвы (город — административный округ — муниципальный район) предстояло создать автоматизированные банки оперативно-розыскной и иной, в том числе полнотекстовой информации (массивы, именуемые сегодня «Большими данными»), а также организовать в режиме реального времени её изучение в рамках аналитической поддержки деятельности оперативных служб и подразделений в ходе решения задач ОРД. Информационно-аналитические подразделения (ИАП) КМ не должны были дублировать работу информационных центров, однако учёты последних предполагалось наряду с прочими массивами сведений задействовать в аналитической работе.

В целях обеспечения комплексной уголовной регистрации лиц, представлявших оперативный интерес, в муниципальных ОВД предполагалось создать кабинеты уголовной регистрации личности. С учётом 16-ти часового рабочего времени численность низовых ИАП должна

была составлять не менее 5 шт. ед. В целом по городу для их функционирования требовалось 850 шт. ед.

В окружных УВД штатную численность информационно-аналитических отделов следовало довести до 24 шт. ед. В общей сложности здесь должны были трудиться не менее 240 сотрудников. Информационно-аналитический отдел (ИАО) КМ ГУВД г. Москвы также планировалось расширить и преобразовать в самостоятельное управление криминальной милиции со штатной численностью 66 шт. ед. В целом по городу общая численность ИАП КМ должна была составить 1156 шт. ед.

В Главке предусматривалось развёртывание АПК «КРИМИНАЛ», состоявшего из АСОДИ «Узор-3» и АСОПИ «Фигурант», которые были рассчитаны на размещение регистрационных данных в отношении 100–200 тыс. подучётных лиц, а также АЛАС «Криминал», позволявшей в режиме реального времени проводить аналитическую обработку свыше 1 млн полнотекстовых документов на естественном русском и иностранных языках. Здесь же предполагалось сформировать банк данных на членов преступных формирований и группировок, преступников-гастролеров, лиц, совершавших серийные преступления, а также без вести пропавших.

На уровне ОУВД предусматривалось развёртывание АПК «КРИМИНАЛ», состоявшего из АСОДИ «Узор-3» и АСОПИ «Фигурант», рассчитанных на размещение регистрационных данных в отношении 50–60 тыс. фигурантов, а также АЛАС «Криминал», позволявшей в режиме реального времени проводить аналитическую обработку свыше 500 тыс. полнотекстовых документов. В ОУВД планировалось сформировать банк данных на лиц, проживавших на территории округа или имевших к ней притяжение, ранее судимых либо проходивших по оперативной информации.

В муниципальных ОВД предусматривалось оснащение кабинетов уголовной регистрации специализированным оборудованием для сигналетической фотосъёмки и дактилоскопирования. Стоимость одного комплекта такого оборудования составляла сумму, эквивалентную \$7 645, а в целом по городу (для 170 низовых подразделений) — \$1 299 650. В этом же кабинете предполагалось разместить одномашинный сетевой вариант АСОПИ «Фигурант» (стоимость её составляла сумму, равную \$13 500), в целом по городу на это потребовалась бы сумма, эквивалентная \$2 295 000.

Для приобретения 11 АПК «КРИМИНАЛ» (ГУВД и 10 ОУВД г. Москвы) необходимы были денежные средства, эквивалентные \$7 842 000.

Предполагалась, что автоматизированные аппаратно-программные комплексы, размещённые в ГУВД г. Москвы, окружных УВД и муниципальных ОВД после подключения к оптоволоконной ИТКС составят ИБДОРН московской КМ, с использованием которого процесс установления подозреваемых по конкретным преступлениям значительно ускорится. Специалисты подсчитали, что одновременное внедрение указанных систем позволило бы сразу же поставить на оперативный учёт в масштабе города более 600 тыс. криминально активных лиц. В дальнейшем объём интегрированного банка данных планировалось довести до 1,5 млн подучётников. По самым осторожным прогнозам, через полтора года после ввода данной системы в эксплуатацию реальную раскрываемость преступлений в городе удалось бы повысить на 10–15%.

Автоматизированный поиск злоумышленников предусматривал многоуровневый анализ данных, поступающих из различных источников. Помимо массивов структурированной информации должны были использоваться вневедомственные сведения, в том числе — разрозненные, фрагментарные и имевшие косвенное отношение к объектам поиска. В конечном итоге это позволяло получать качественно новые сведения об изучаемых объектах, а подключение к данному комплексу геоинформационных технологий способствовало бы определению их координат на местности. Одновременно проводилась бы идентификация следов преступлений, а также анализ выявляемых морфологических и функциональных признаков подозреваемых лиц.

Таким образом, на первоначальном этапе технологии аналитического поиска предусматривала максимальное расширение информационных потоков за счёт поступления значительного объёмов изучаемых сведений, а на последующем — их сужение до минимального уровня с целью установления конкретных подозреваемых, которые окончательно устанавливались с помощью идентификационных и диагностических методик.

Стоимость всего проекта, позволявшего реализовать положения приведённой выше Уточнённой концепции, по предварительным расчётам, должна была составить сумму, эквивалентную \$11 436 650. Много это или мало? Всё в мире относительно. В конце 1990-х гг. столичные власти приступили к реставрации Гостиного двора на ул.

Ильинка, д. 4 построенного в конце XVIII в. итальянским архитектором Дж. Кваренги. В прессе тогда промелькнула информация о том, что стоимость стеклянного перекрытия этого здания составила 20 млн долларов, и мэр г. Москвы Ю.М. Лужков, не задумываясь, выделил эти деньги. Половина же указанной суммы, благодаря использованию которой в деятельности столичной криминальной милиции могла бы произойти настоящая революция, для московского правительства, оказалась «неподъёмной». Предложения руководства ГУВД г. Москвы, связанные с автоматизацией деятельности оперативных служб милиции, поддержки так и не нашли.

Несколько позже через МВД России удалось получить денежные средства, эквивалентные \$0,5 млн, на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИИОКР) по линии автоматизации КМ ГУВД г. Москвы, однако их оказалось явно недостаточно. Несмотря на то, что в полном объёме задачи по оснащению московской КМ современными АПК с элементами ИИ из-за отсутствия соответствующего финансирования решить так и не удалось, тем не менее, отдельные элементы этого комплекса всё же были доведены до эксплуатационного уровня за счёт финансовых средств, выделенных префектами некоторых административных округов г. Москвы (Центрального, Восточного, Северного, Северо-Восточного). Однако связать эти АПК воедино с помощью оптоволоконной сети ввиду отсутствия финансирования не удалось. Вместе с тем, даже автономное их использование в рассматриваемый период способствовало установлению подозреваемых по целому ряду тяжких и особо тяжких преступлений, большинство из которых иным путём вряд ли были бы раскрыты.

В заключение представляется необходимым обратить внимание на следующее. Оперативно-розыскная аналитика объективно относится к числу наиболее ресурсоёмких направлений деятельности правоохранительных органов, что обуславливает необходимость её устойчивого и системного материально-технического обеспечения. В этой связи представляется обоснованным вывод о том, что финансирование создания и развития специализированных аналитических информационных систем должно осуществляться в рамках централизованных государственных программ, в том числе с использованием механизмов государственного оборонного заказа.

В практике органов внутренних дел Российской Федерации соответствующие подходы к организации и финансированию аналитической деятельности неоднократно обсуждались на уровне управленческих решений. Вместе с тем в условиях технологического развития конца XX – начала XXI века концепции, ориентированные на использование интеллектуальных аналитических систем, фактически не получили должного развития. В результате при информатизации криминальной милиции был реализован упрощённый подход, основанный на внедрении универсальных автоматизированных информационно-поисковых систем общего назначения (таких как «Flint», «CronosPlus», «Бинар», «Легенда», «Сова» и др.), которые даже на момент их активного использования не отвечали требованиям развития криминальной и оперативно-розыскной аналитики.

В современных условиях, характеризующихся интенсивным развитием технологий анализа больших массивов данных и интеллектуальных методов обработки информации, представляется целесообразным возвращение к концептуальным идеям создания отечественных комплексных аналитических систем, ориентированных на решение задач правоохранительной деятельности. Реализация подобных подходов могла бы быть осуществлена, в частности, в рамках формирования единой государственной системы противодействия преступлениям в информационно-телекоммуникационной среде, разработка которой в настоящее время осуществляется под координацией Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Литература

1. Васильева Н. В России хотят создать систему борьбы с преступлениями в интернете // Парламентская газета. 2022. 21 января // URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-khotyat-sozdat-sistemu-borby-s-prestupleniyami-v-internete.html> (дата обращения: 22.01.2022).

2. Лопатин В.Н. Теоретико-правовые проблемы защиты единого информационного пространства и их отражение в системах российского права и законодательства // Актуальные проблемы информационного права: Материалы круглого стола 27 января 2000 г. в 2 т. – М.: ИМПЭ, 2000. – Т. 2 // URL: http://www.for-expert.ru/problemny_inform_prava/15.shtml (дата обращения: 19.10.2023).

3. Никитченко И.И., Липатова Н.Г. Возможности использования информационных технологий в условиях действия Таможенного кодекса Евразийского экономического союза // Вестник Российской таможенной академии. 2018. № 2. С. 34–43.

4. OSCE Guidebook on Intelligence-Led policing. [Руководство ОБСЕ по полицейской деятельности на основе оперативных данных и информации] // Серия публикаций ДТНУ/ОСВПД. – Вена, июль 2017 г. Т. 13. – 104 с.

5. Сомов Ю.И. Организационно-экономический механизм оценки применения новых информационно-коммуникационных технологий в таможенной деятельности // Вестник Российской таможенной академии. 2018. № 2. С. 92–98.

6. Яковец Е.Н. Соотношение «полицейской работы на основе оперативных данных и информации», практикуемой странами-участницами ОБСЕ, и отечественного оперативно-розыскного анализа // Оперативник (Сыщик). 2018. № 3(56). Июль. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2018. – С. 64–69.

PROBLEMS OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF ANALYTICAL WORK IN THE SPHERE OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES OF CUSTOMS AUTHORITIES

Yakovets E.N., Gordeev A.S.
Russian Customs Academy

This article examines current challenges in improving the effectiveness of analytical work in the sphere of operational-investigative activities of customs authorities of the Russian Federation. The authors substantiate the key role of integrating accounting, registration, operational, and other information resources into a single information space as a prerequisite for the development of modern operational-investigative analytics. The state and limitations of existing information systems of customs and other law enforcement agencies are analyzed, identifying the problem of interdepartmental disunity and fragmentation of operationally significant data. Particular attention is given to international experience in organizing interdepartmental integrated operational data banks, as well as concepts of policing based on operational data and information. The prospects for implementing intelligent analytical systems and hardware and software systems with elements of artificial intelligence in customs agencies are examined. A conclusion is reached regarding the need for a centralized and systematic approach to the development of analytical information systems within the framework of state programs.

Keywords: operational investigative activities, analytical work, customs agencies, information systems, integrated databases, interdepartmental information interaction, artificial intelligence, big data.

References

1. Vasilyeva N. "Russia Wants to Create a System to Combat Internet Crimes" // Parliamentary Newspaper. 2022. January 21 // URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-khotyat-sozdat-sistemu-borby-s-prestupleniyami-v-internete.html> (Accessed: January 22, 2022).

2. Lopatin V.N. "Theoretical and Legal Problems of Protecting a Single Information Space and Their Reflection in Russian Legal and Legislative Systems" // Current Issues of Information Law: Proceedings of the Round Table on January 27, 2000, in 2 volumes. – Moscow: IMPE, 2000. – Vol. 2 // URL: http://www.for-expert.ru/problemny_inform_prava/15.shtml (Accessed: October 19, 2023).

3. Nikitchenko I.I., Lipatova N.G. Possibilities of Using Information Technologies in the Context of the Customs Code of the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2018. No. 2. Pp. 34–43.

4. OSCE Guidebook on Intelligence-Led Policing // DTNU/OSMU Publication Series. – Vienna, July 2017. Vol. 13. – 104 p.

5. Somov Yu.I. Organizational and Economic Mechanism for Assessing the Application of New Information and Communication Technologies in Customs Activities // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2018. No. 2. Pp. 92–98.

6. Yakovets E.N. The Correlation between "Intelligence-Based Policing" Practiced by OSCE Participating States and Domestic Operational-Investigative Analysis // Operativnik (Detective). 2018. No. 3(56). July. – Moscow: I.I. Shumilova Publishing House, 2018. – P. 64–69.

Некоторые особенности рассмотрения конституционных жалоб в Федеральном конституционном суде Германии и Конституционном Суде РФ

Иванов Филипп Валерьевич,

аспирант, кафедра конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

В статье представлен сравнительный анализ институтов конституционной юстиции в Федеративной Республике Германия и Российской Федерации. при этом особое внимание уделяется механизмам рассмотрения конституционных жалоб, организационной структуре соответствующих органов, нормативно-правовым основам их деятельности, а также аспектам цифровизации правосудия. На основе анализа официальных отчётов за 2024 год, законодательства и научной литературы выявляются как общие черты в рамках европейской модели конституционного контроля, так и различия. Статья подчёркивает эффективность российской системы в условиях высокой нагрузки и предлагает выводы об адаптации зарубежного опыта.

Ключевые слова: Федеральный конституционный суд Германии, Конституционный Суд Российской Федерации, конституционная юстиция, конституционная жалоба, верховенство Конституции, конституционное судопроизводство.

В современном правовом государстве одно из центральных мест занимает институт конституционной юстиции, обеспечивающий защиту основополагающих прав и свобод граждан, а также гарантирующий верховенство Конституции или Основного закона. Однако подходы к организации и функциям этих институтов различны в зависимости от исторических, политических и правовых традиций каждой страны. В контексте изучения конституционного судопроизводства представленные модели России и Германии обладают значительным количеством общих черт, и в первую очередь оба государства реализуют свою конституционную судебную практику в рамках европейской модели. [1].

Федеральный конституционный суд Германии был создан в 1951 году на основе Основного закона для Федеративной Республики Германия, принятого в 1949 году [2]. Его учреждение было прямым ответом на уроки нацистского тоталитаризма и слабость Веймарской республики. Веймарская система, где не существовало специализированного органа для защиты конституции, оказалась неспособна противостоять дестабилизации со стороны экстремистских сил. Поэтому создание сильного, независимого и автономного конституционного суда стало центральным элементом новой демократической системы Германии. В свою очередь, в России Конституционный Суд был создан в 1994 году. Таким образом, в Германии конституционное судопроизводство осуществляется значительно дольше, чем в России. В этом свете особенно актуально провести сравнительный анализ методов и процедур, применяемых в конституционном судопроизводстве в Германии и России, учитывая их уникальные исторические и правовые традиции.

Как указывается в книге, посвящённой семидесятилетию Основного закона Германии, Конституционный суд принял на себя роль истинного «хранителя конституции», особенно в отношении защиты фундаментальных прав, и заслужил огромное уважение немецкого народа. [3] Его нормативную основу составляют нормы Конституции (Основного закона), Федерального закона о Конституционном суде Германии и процедурных правил (далее Правила), которые в совокупности определяют его статус, компетенцию, организационную структуру и процедуры рассмотрения дел. Это в определённой мере схоже с нормативной базой, определяющей компетенцию, порядок деятельности и правовой статус Конституционного Суда Российской Федерации: его составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» и Регламент Конституционного Суда Российской Федерации.

Прежде чем перейти к рассмотрению процессуальных особенностей рассмотрения конституционных жалоб, стоит остановиться на внутреннем устройстве Федерального конституционного суда Германии. Так, Федеральный конституционный суд состоит из двух сенатов, каждый из которых насчитывает по восемь судей, при этом не менее трёх членов в каждом сенате должны быть выбраны из числа судей высших федеральных судов. Для занятия поста судья должен быть не моложе 40 лет, иметь право на избрание в Бундестаг и обладать необходимой судебной квалификацией, а также не совмещать эту должность с другими. Срок полномочий судей составляет 12 лет, но не может превышать возраста выхода на пенсию, который в Германии составляет 68 лет, и повторное избрание невозможно. Судьи избираются Бундесратом и Бундесратом в равных долях путём тайного голосования, требующего квалифицированного большинства в две трети голосов, что символизирует представительство как народа, так и земель в высшем конституционном органе и отражает форму правления и федеративное устройство Германии. Председатель и вице-председатель Конституционного суда Германии избираются поочерёдно самими судьями, причём вице-президент должен быть членом другого сената, что служит дополнительной гарантией внутреннего равновесия.

Таким образом, уже на этапе формирования судейского корпуса возможно проследить отличия, не затрагивая особенности самой процедуры назначения судей, так как она больше отражает специфику именно формы правления и политического режима. Так, в настоящее время судьи Конституционного суда России назначаются бессрочно и ограничены лишь возрастом пребывания в должности 70 лет (за исключением председателя и заместителя председателя). В свою

очередь, 20 лет назад в Конституционном суде России применялись по сути аналогичные правила для назначения судей: судьи назначались на срок 15 лет с предельным возрастом 70 лет, также без возможности переизбрания. Но затем были приняты соответствующие изменения, и полномочия судей стали бессрочными, ограниченными только одним возрастным цензом.

Работа сенатов Конституционного суда Германии строится на принципах систематичности и гибкости, обеспечивая эффективное распределение нагрузки среди судей. В начале финансового года председатель сената распределяет обязанности по подготовке и представлению докладов по делам, учитывая мнение заинтересованных судей. Это распределение может быть изменено только при перегрузке или длительном отсутствии судьи. Для особо важных дел возможны несколько докладчиков. Заседания сенатов проводятся в регулярные дни, установленные самими сенатами, с возможностью внеочередных по решению коллектива или инициативе председателя в экстренных случаях. Повестка дня утверждается председателем в консультации с сенатом и направляется судьям не позднее чем за 10 дней [4].

Юрисдикция Федерального конституционного суда Германии, как и Конституционного суда России, исключительно широка и охватывает все ключевые аспекты конституционной системы. Он является единственным органом, уполномоченным рассматривать дела о лишении основных прав, запрете политических партий, жалобах на решения парламентских органов, импичменте федеральному президенту и спорах между конституционными органами. Однако наиболее массовым и социально значимым институтом является конституционная жалоба.

В Германии Федеральный конституционный суд выделяется как одна из наиболее загруженных инстанций, ежегодно рассматривающая тысячи конституционных жалоб. По данным официального отчета суда за 2024 год, в суд поступило 4640 обращений, из которых 96% составили конституционные жалобы, а количество предварительных запретов составило 159 штук. При этом средний показатель успешности рассмотрения конституционных жалоб составляет менее 2%, а решения преимущественно принимаются в заседании палат троек судей. Среднее время рассмотрения большинства дел составляет менее года, однако некоторые дела рассматривались и более трех лет. В самом отчете констатируется сохранение положительной тенденции, направленной на уменьшение количества рассматриваемых дел [4].

В свою очередь, согласно отчету за 2024 год, в Конституционный суд России поступило 13258 обращений, что почти в три раза больше, чем количество обращений, поступивших в Конституционный суд Германии. При этом большинство дел, принятых к рассмотрению, рассматриваются в течение года [6].

Согласно параграфу 23 Федерального закона о Конституционном суде Германии, конституционная жалоба изначально требовала строго письменной формы и до недавнего времени такая форма не предполагала признания электронных способов обращения в высшую конституционную инстанцию, что ставило под сомнение соответствие системы подачи жалоб современным требованиям цифровой доступности правосудия. Возможность подачи жалобы в электронном виде появилась только летом 2024 года. В случае если жалобу подает адвокат, он обязан подавать её в Конституционный суд Германии только в электронном формате, а документы, имеющие определённый гриф, могут передаваться на бумажном носителе до 2035 года. Сравнивая две системы, видно, что Россия опередила Германию почти на 9 лет во введении электронных жалоб в конституционном судопроизводстве. Это отражает более продуктивный подход к цифровизации в российском правосудии, стимулированный государственными программами по информатизации, что в конечном итоге сказывается на обеспечении принципа доступности правосудия в целом.

После поступления жалобы следует предварительная юридическая оценка и регистрация в одной из двух систем. Согласно параграфу 63 Правил, обращения заносятся в общий реестр, что позволяет оперативно выявить случаи явной неприемлемости или несоответствия требованиям. К таким ситуациям относятся, в частности, обращения, поданные с нарушением установленных процессуальных сроков, или те, где заявитель не исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты. Если же жалоба успешно преодолевает «фильтр» предварительной, то есть процедуру допустимости (*zulässig*), она переводится в процессуальный регистр с присвоением номера. Законом определены два срока для подачи конституционных жалоб при разных обстоятельствах. В случае если заявитель исчерпал все доступные средства защиты в обычных судах перед обращением в Конституционный суд, срок равен одному месяцу с возможностью восстановления данного срока при наличии уважительных оснований, обращение о восстановлении срока должно быть подано в течение двух недель с момента устранения причин пропуска месячного срока. В случае

с законодательством Российской Федерации такой срок восстановлен быть не может, но и срок подачи существенно выше и равен одному году. Однако Федеральный конституционный суд Германии обладает дискрецией приступить к рассмотрению конституционной жалобы, даже если заявитель не исчерпал все доступные внутренние механизмы правовой защиты, в случае если жалоба имеет общее значение или если заявитель понесёт серьёзный и непоправимый ущерб, если ему придётся сначала обратиться в суды за защитой. В другом случае конституционная жалоба возможна, когда сам нормативный акт самостоятельно, непосредственно и реально нарушает конституционные права заявителя, такой срок равен одному году с момента вступления закона в силу.

Сенаты делят компетенцию тематически, а внутри сената дела распределяются по вышеупомянутому годовому плану и передаются судьё-докладчику в зависимости от сферы права. Далее следует процесс подготовки дела. У каждого судьи есть четверо научных помощников, которые подчинены только судье: они анализируют материалы, изучают практику и доктрину, готовят заключение с сутью дела, анализом и предложением по решению, служащим основой для обсуждения. Таким образом, ключевым отличием этапа предварительного рассмотрения обращений или «фильтрующего этапа» Конституционного суда Германии и России заключается в том, что в России таким фильтром выступает аппарат конституционного суда в лице секретариата, который наделён полномочиями уведомлять заявителей о несоответствии их обращения требованиям федерального конституционного закона. А также в соответствии с регламентом Конституционного суда России он вправе представить проект решения (соответствующего определения) для изучения всех судей. В свою очередь, в Конституционном суде Германии фильтрующим элементом выступает сам конституционный судья-докладчик с другими судьями. Нельзя однозначно сказать какой подход лучше. В случае с Германией получается, что каждое отдельно взятое обращение проходит через отдельного судью, подтверждая более индивидуальный подход к каждой отдельно взятой жалобе. В российской системе преобладает более массовый подход, где секретариат разгружает судей от рутинной работы, что особенно важно в России, где поступает намного больше обращений, чем в Германии. У такого подхода есть очевидное преимущество – у всех судей есть достаточное время для изучения проектов решений [6]. Помимо сказанного, у Конституционного суда России на конец каждого года находится в производстве в разы меньше дел, чем в Федеральном конституционном суде Германии, у которого на конец 2024 года ожидается рассмотрения более 2000 дел [5]. Таким образом, система предварительного рассмотрения жалоб, принятая в российском законодательстве, видится более эффективной и сбалансированной в части обеспечения своевременности судебного разбирательства.

Рассмотрение обращения в Германии происходит в двухуровневой системе: палатах или полном сенате. Палата из трёх судей одного сената отклоняет жалобы без мотивировки, если они не соответствуют критериям положений параграфа 93 Закона о Конституционном суде Германии, то есть если жалоба не имеет принципиального конституционно-правового значения и (или) в ней отсутствует необходимость в защите конституционных прав заявителя, особенно если отказ повлечёт особо тяжёлые последствия. Поскольку большинство жалоб явно не соответствуют этим критериям или противоречат существующей правовой доктрине Конституционного суда, они отклоняются единообразным решением трёхчленной палаты без возможности обжалования и без необходимости мотивировки. В свою очередь, сенат решает принципиальные дела, требующие признания федеральных законов неконституционными или где нет единогласия: решения принимаются большинством, при равенстве голосов решение отдается в пользу конституционности. Для наиболее серьёзных решений, таких как лишение основных прав, запрет политических партий или импичмент президента, требуется квалифицированное большинство в две трети, что является мощной процедурной гарантией против произвольных действий. В случае если один сенат намерен отступить от правовой позиции другого сената, дело передаётся на рассмотрение всего Пленума, который собирается при наличии кворума в две трети всех судей.

Обращение в Конституционный суд Германии не обременено государственной пошлиной согласно параграфу 34 Федерального закона о Конституционном суде Германии, в отличие от Российской Федерации, в которой установлены хоть и относительно небольшие суммы государственной пошлины для физических и юридических лиц. Но в том случае если обращение не было принято Конституционным Судом России к рассмотрению, государственная пошлина возвращается. Интересным является тот факт, что хотя процедура обращения в Германии является бесплатной, но при этом закон о Конституционном суде Германии устанавливает обязательное наличие адвоката при

проведении устного слушания, когда в Конституционном Суде России такие требования отсутствуют, и на любом этапе рассмотрения дела заявитель может представлять свою позицию самостоятельно.

Отличительной особенностью в борьбе с необоснованными жалобами и лишними обращениями в Конституционном суде Германии является санкция за злоупотребление правом на обращение: такое полномочие закреплено в параграфе 34. Если суд приходит к выводу, что жалоба подана с явным нарушением добросовестности (например, ходатайство о временном запрете подано с злоупотреблением или жалоба подана повторно без новых оснований), то суд вправе наложить штраф до 2600 евро как на заявителя, так и на его представителя. Подобного штрафного механизма в российском законодательстве не существует. Конституционный Суд России вправе лишь прекратить переписку с заявителем, который повторно обращается по одному и тому же факту, по которому было принято ранее решение (параграф 23 Регламента Конституционного суда России), но никаких материальных издержек для заявителя данное решение не несёт.

Для защиты от непоправимого вреда Конституционный суд Германии может выносить временные меры, такие как приостановка исполнения решения или депортации, которые действуют шесть месяцев и могут быть продлены. Значительным новшеством является институт жалобы на задержку судебного разбирательства, который позволяет компенсировать материальный и моральный ущерб от чрезмерной продолжительности конституционного судебного процесса вплоть до 1200 евро за каждый год задержки, при условии предварительной подачи ходатайства о задержке. Это весьма актуально в контексте длительного рассмотрения дел Конституционным судом Германии.

Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует, что оба конституционных суда действуют как ключевые элементы европейской модели конституционной юстиции, обеспечивая верховенство конституции и защиту фундаментальных конституционных прав. Основной деятельностью которых является рассмотрение конституционных жалоб. Их сходства проявляются в нормативной базе, опирающейся на конституцию и специализированный закон. Наиболее значимые различия можно систематизировать по нескольким ключевым аспектам правового регулирования и функционирования конституционных судов.

Во-первых, процедурные механизмы рассмотрения дел демонстрируют разные подходы. В Германии применяется система, в которой каждая конституционная жалоба проходит предварительное рассмотрение тремя судьями, которые принимают решение о допустимости и обоснованности обращения. Особенно значима роль судьи-докладчика, который координирует подготовку дела, анализирует материалы с помощью научных помощников и представляет отчёт на заседании. Такой подход в большей степени делает акцент на роль судьи на стадии предварительного рассмотрения обращения. В России предварительная оценка обращений делегирована аппарату суда, который осуществляет первичную фильтрацию, выявляя явно неприемлемые или формально несоответствующие требованиям жалобы. Этот административно-организованный подход позволяет разгрузить судей и повысить оперативность обработки массового потока обращений. Что в свою очередь делает российскую систему лучше адаптированной к объёму обращений, минимизируя простои несмотря на тройную нагрузку по сравнению с Германией.

Во-вторых, с точки зрения цифровой трансформации судебной системы Россия демонстрирует опережающее развитие: с 2015 года внедрена система электронной подачи жалоб в Конституционный суд, тогда как в Германии аналогичная возможность стала доступной только в 2024 году. Это свидетельствует о более продуктивной государственной политике в области информатизации судебной системы в России, что положительно сказалось на доступности правосудия, особенно для удалённых регионов.

В-третьих, принципиальное различие заключается в механизмах противодействия злоупотреблению правом на обращение в суд. В германском праве предусмотрена возможность наложения штрафов на заявителей, подающих явно необоснованные или злоупотребляющие правом жалобы, что служит действенным сдерживающим фактором и способствует рациональному использованию ресурсов Конституционного суда. В российской практике такого механизма нет.

Наконец, сроки рассмотрения дел позволяют оценить оперативность правосудия. В Германии среднее время рассмотрения дела составляет менее одного года, однако некоторые дела остаются в производстве более трёх лет, что указывает на проблему перегрузки и (или) возможного дефицита ресурсов. В России большинство дел рассматриваются в течение года, что говорит о более высокой организационной эффективности. В свою очередь, в основе германской модели лежит приоритет индивидуализации, тогда как российская более

ориентирована и приспособлена к объёму и скорости обработки, что отражает разные стратегии функционирования органов конституционной юстиции в условиях различных правовых культур и системных вызовов.

Литература

1. Саломатин, А. Ю., & Корякина, А.С. Конституционное правосудие России и Германии: сравнительно-правовой анализ с позиций достаточности и разумности. Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 2 (6). – С. 88–97. Ссылка на стр 88.
2. Конституция Республики Германия URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/index.html> (дата обращения 07.11.2025).
3. 70 years German basic law: the German constitution and its court: landmark decisions of the federal constitution court of Germany in the area of fundamental rights / Editor-in-Chief Jürgen Bröhmer; Editors Gisela Elsner, Clauspeter Hill and Marc Spitzkatz. ISBN 978-967-457-146-7 –1284 с, ссылка на 11 странице URL: <https://researchportal.murdoch.edu.au/esploro/outputs/book/70-years-German-Basic-Law-The/991005567370007891> (дата обращения 07.11.2025).
4. Процедурные правила Конституционного Суда Германии URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bverfgo_2015/index.html (дата обращения 07.11.2025).
5. Staats gerichts hof 2024 URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Downloads/DE/Jahresbericht/jahresbericht_2024.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (дата обращения 07.11.2025).
6. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений конституционного суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2024 году URL: https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Report_2024.pdf (дата обращения 07.11.2025).
7. Сивицкий, В. А. О некоторых аспектах рассмотрения обращений в адрес Конституционного Суда Российской Федерации в предварительном порядке его Секретариатом / В. А. Сивицкий. // Журнал конституционного правосудия. –2012. – № 1. – С. 23–28

SOME FEATURES OF THE CONSIDERATION OF CONSTITUTIONAL COMPLAINTS IN THE FEDERAL CONSTITUTIONAL COURT OF GERMANY AND THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ivanov F.V.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

This article presents a comparative analysis of constitutional justice institutions in the Federal Republic of Germany and the Russian Federation, with particular attention to the mechanisms for considering constitutional complaints, the organizational structure of the relevant bodies, the legal framework for their activities, and aspects of the digitalization of justice. Based on an analysis of official reports for 2024, legislation, and academic literature, both common features and differences within the European model of constitutional review are identified. The article highlights the effectiveness of the Russian system under high workloads and offers conclusions on adapting international experience.

Keywords: Federal Constitutional Court of Germany, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional justice, constitutional complaint, constitutional supremacy, constitutional proceedings.

References

1. Salomatina, A. Yu., & Koryakina, A.S. Constitutional Justice in Russia and Germany: A Comparative Legal Analysis from the Standpoint of Sufficiency and Reasonability. Science. Society. State. – 2014. – No. 2 (6). – Pp. 88–97. Link to p. 88.
2. Constitution of the Republic of Germany URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/index.html> (date of access 07.11.2025).
3. 70 Years German Basic Law: the German Constitution and its Court: Landmark Decisions of the Federal Constitution Court of Germany in the Area of Fundamental Rights / Editor-in-Chief Jürgen Bröhmer; Editors Gisela Elsner, Clauspeter Hill, and Marc Spitzkatz. ISBN 978-967-457-146-7 –1284 c, link on page 11 URL: <https://researchportal.murdoch.edu.au/esploro/outputs/book/70-years-German-Basic-Law-The/991005567370007891> (accessed 07.11.2025).
4. Procedural Rules of the Constitutional Court of Germany URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bverfgo_2015/index.html (accessed 07.11.2025).
5. Staats gerichts hof 2024 URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Downloads/DE/Jahresbericht/jahresbericht_2024.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (date of access 07.11.2025).
6. Information and analytical report on the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation adopted in the course of constitutional proceedings in 2024 URL: https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Report_2024.pdf (date of access 07.11.2025).
7. Sivitsky, V.A. On some aspects of the consideration of appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation on a preliminary basis by its Secretariat / V.A. Sivitsky. // Journal of Constitutional Justice. –2012. – No. 1. – P. 23–28

Пуховский Алексей Иванович,

магистрант Кафедры международного частного права, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Системные ограничения, налагаемые в рамках санкционной политики, существенно трансформировали параметры юридического сопровождения международных сделок слияния и поглощения (M&A). Актуальность темы аргументируется необходимостью переосмысления правовых механизмов оценки рисков, обеспечения предсказуемости в реалиях политико-экономической турбулентности. Целью в статье является выявление и анализ специфических изменений в договорной практике, которые обусловлены санкционным режимом, а также выработка рекомендаций по адаптации юридических инструментов к новым вызовам. Рассматриваемая проблематика сопровождается противоречиями в научной литературе: часть авторов акцентирует внимание на необходимости полного отказа от сделок с участием резидентов санкционных юрисдикций, другие же предлагают гибкие механизмы перестройки с учетом применимого регулирования. Автор приходит к выводу, что санкции вызывают не только рост трансакционных издержек и фрагментацию юрисдикций, но и формируют устойчивый спрос на соответствующий комплаенс, расширение функционала юриста, необходимость реинжиниринга всей структуры контрактных условий. Резюмировано, что правовое сопровождение M&A-сделок в санкционной среде требует выстраивания многослойных моделей защиты – от заблаговременной верификации контрагентов до документирования санкционно-устойчивых гарантий. Материалы статьи будут полезны практикующим юристам, специалистам по международному корпоративному праву, участникам сделок M&A, исследователям, изучающим трансформации трансграничного права под влиянием геополитических факторов. В процессе написания были использованы следующие методы: системный анализ, сравнительно-правовой подход, логико-юридическое моделирование контрактных конструкций, метод правовой прогностики – для выработки рекомендаций по адаптации сделок M&A к текущей регуляторной среде.

Ключевые слова: комплаенс, правовое сопровождение, санкции, санкционный режим, сделка M&A, структурирование договора, юридические риски

Введение

Расширяющееся применение международных санкций, которые нацелены на ограничение трансграничного взаимодействия с определёнными государствами, компаниями, физическими лицами, существенно трансформировало юридическую архитектуру сделок по слиянию и поглощению (M&A). На фоне мощного санкционного давления риски, ранее воспринимавшиеся как экзогенные или второстепенные, стали ключевыми при структурировании и составлении договорной документации.

Проблема заключается в том, что санкционные ограничения – как секторальные, так и персональные – имеют высокую степень юридической неопределённости, а сами меры динамично эволюционируют (к примеру, имеются в виду внезапное расширение санкционных списков, введение вторичных рестрикций, экстерриториальное применение норм). Это существенно влияет как на возможность заключения сделок, так и на способы их правового сопровождения.

В увязке с отмеченным выше очень важно выявить и системно проанализировать правовые трансформации, которые вызваны санкционным режимом, с особым акцентом на изменение условий контрактов и механизмов снижения рисков в международных сделках M&A. Автор уделяет особое внимание адаптации договорных конструкций к действительности, выявлению типичных юридических ловушек, а также стратегиям нейтрализации последствий.

Современные научные и прикладные исследования, посвящённые раскрытию темы, целесообразно структурировать по нескольким тематическим кластерам. Первый из них включает работы, ориентированные на выявление правовых рисков и разработку защитных механизмов в M&A. Вторую группу составляют изыскания, в рамках которых авторы изучают нюансы влияния санкционного режима на внутреннее нормативное регулирование сделок с иностранным участием. Отдельный исследовательский вектор касается валютно-финансовых аспектов и комплаенс-практик. На пересечении теории и практики находятся публикации, в которых анализируются правовые сложности в условиях неопределённости санкционного законодательства. Поднимаются вопросы на предмет изменения контрактной базы, отказов от исполнения обязательств, применения оговорок о невозможности исполнения; затрагивается также деформация добросовестности сторон.

В научной литературе обнаруживается несколько содержательных противоречий. Во-первых, отсутствует единый подход к классификации санкционных рисков в структуре контрактов. Во-вторых, слабо проработаны юридические последствия недобросовестного сокрытия санкционного статуса контрагента, а также меры, применимые в случае ретроспективного включения в соответствующие списки одной из сторон сделки. Отсутствие правоприменительной унификации затрудняет выработку устойчивой практики.

Также остаются малоисследованными такие направления, как воздействие санкций на третейскую оговорку, роль международного страхования сделок, применение альтернативных правовых режимов (например, в офшорных юрисдикциях) для обхода рассматриваемых барьеров.

Результаты и обсуждение

Санкционный режим оказывает комплексное воздействие на все стадии международной сделки – от due diligence до постсделочного сопровождения¹. Прежде всего, рестрикции, ограничительные схемы влекут за собой неопределённость правового статуса контрагента: он может быть включён в списки как до, так и после заключения сделки. Это делает традиционные подходы к проверке недостаточными (необходима динамическая оценка не только аффилированности, но и корпоративной структуры бенефициаров, их связей с государствами, которые находятся под санкционным режимом).

Помимо этого, весомое значение приобретают так называемые «вторичные санкции», применяемые США и рядом других стран. Даже если непосредственные участники сделки не включены в соответствующие перечни, само взаимодействие с третьими лицами, подпадающими под ограничения, может повлечь блокировку активов или исключе-

¹ Цыбульский А.А. Роль процедуры due diligence в процессе сделок по слияниям и поглощениям // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 4. – С. 470.

ние из долларовой инфраструктуры¹. Таким образом, за счёт санкций не просто накладываются юридические запреты, а требуется предельная правовая бдительность в отношении каждого элемента сделок.

В настоящее время ввиду политической ситуации, введением санкций в отношении Российской Федерации Европейским союзом по санкционному режиму Регламента Совета Европейского Союза от 17 марта 2014 года № 269/2014, а также США на основании Указов Президента от 8 марта 2022 года № 14066, от 11 марта 2022 года № 14068 и от 6 апреля 2022 года № 14071, иными государствами Северной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона наблюдается отток капитала (иностранные компании массово покидают РФ, продавая собственный бизнес)².

В реалиях характеризуемого давления происходит переосмысление содержания стандартных договорных положений. Одним из ключевых механизмов адаптации становятся так называемые *sanctions clauses* – специальные оговорки, посредством которых регулируется поведение сторон в случае применения санкций к одному из участников сделки или к её объекту.

Классическая оговорка о форс-мажоре больше не рассматривается в качестве надёжного инструмента защиты. Ограничения, особенно предсказуемые или политически обусловленные, всё чаще признаются судами и арбитражами не как обстоятельства непреодолимой силы, а как «коммерческие риски», которые подлежат распределению между сторонами. Поэтому в договоры внедряются более специализированные положения:

- о праве на расторжение при наступлении санкционного события (*termination rights*);
- об обязанности уведомления об изменении статуса по санкциям;
- о допуске к одностороннему отказу от исполнения обязательств и т.д.³..

Наряду с обозначенным выше, повышается значимость заверений и гарантий в отношении статусов сторон, их контролирующих лиц, источников финансирования, географии деятельности. Комплексная проработка этих положений позволяет как зафиксировать исходные условия сделки, так и сформировать основу для предъявления регрессных требований в случае санкционного инцидента.

В практике последних лет демонстрируется смещение акцента с формального соблюдения санкционных норм к проактивному управлению соответствующими рисками. Во-первых, в структуру сделок всё чаще включаются механизмы условного исполнения – *escrow*-счета, отложенные платежи, «с отлагательным условием», реализация которых зависит от отсутствия санкционного влияния в определённый момент. Во-вторых, на передний план выходит юридический аудит риска, выходящий за рамки обычного комплаенс-анализа. Юристы вынуждены учитывать как формальные ограничения, так и вероятность экстерриториального применения норм по санкциям. Это приводит к интенсивному использованию юридических заключений от юрисдикций с высокой санкционной чувствительностью, особенно в англо-американской правовой традиции. В-третьих, наблюдается усиление интереса к реструктуризации сделок с целью смягчения санкционных последствий. Задействуются механизмы разделения сделки на несколько этапов, использования номинальных структур, вывода актива из-под юрисдикции, которая наиболее подвержена санкциям. Однако подобные практики требуют осторожности, поскольку могут быть квалифицированы как обход, что само по себе является нарушением⁴.

Судебные споры, возникающие из санкционно-обусловленных нарушений, отражают в своём содержании неоднородный подход национальных судов к правовой квалификации последствий. Европейские суды, как правило, склонны рассматривать санкции ЕС как императивные нормы, а арбитражные трибуналы демонстрируют большую гибкость и возможность договорного перераспределения рисков.

¹ Debusk F.A., Chang J. US sanctions enforcement focus on mergers and Acquisitions // *Journal of Financial Compliance*. – 2021. – No. 4(3). – P. 257.

² Рохина В.В. Проблемы реализации сделок слияния и поглощения коммерческих организаций в условиях экономических санкций // *Альманах молодого исследователя*. – 2023. – № 15. – С. 66.

³ Meyer K.E., Fang T., Panibratov A.Y., et al. International business under Sanctions // *Journal of World Business*. – 2023. – No. 58(2). – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1090951623000019?dgcid=rss_sd_all (дата обращения: 18.07.2025).

⁴ Гиргушкина И. Сделки M&A в условиях санкций: ключевые риски и защитные механизмы // URL: <https://valen-legal.com/ru/news/sdelki-ma-v-usloviyah-sankcij-klyuchevye-riski-i-zashhitnye-mehanizmy/> (дата обращения: 18.07.2025); Эрвиц Л. Сделки M&A в условиях санкций: ключевые риски и способы защиты сторон // URL: <https://pravo.ru/opinion/259135/> (дата обращения: 18.07.2025).

Показательно дело *Mamancochet Mining Ltd v. Aegis Managing Agency Ltd* (2018), в котором английский суд признал, что наличие санкций само по себе не освобождает сторону от исполнения обязательств, если не доказано, что исполнение стало невозможным⁵. Подобный подход формирует практику, согласно которой санкционные риски должны быть прямо учтены в контракте, иначе они не получают юридического значения.

Регуляторные контрмеры, предпринятые Российской Федерацией в ответ на западные санкции (Указы Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 года № 79, от 1 марта 2022 года № 81, от 5 марта 2022 года № 95, от 18 марта 2022 года № 126, от 8 сентября 2022 года № 618) также создают дополнительные сложности. В частности, обязательное согласование сделок по продаже активов иностранными инвесторами через Правительственную комиссию, введение дисконта (не менее 60%), взимание *exit tax* существенно ограничивают экономическую свободу выхода иностранных участников из российской юрисдикции. Это приводит к деформации базовых рыночных механизмов, затрудняет расчёт справедливой стоимости сделки⁶.

Вдобавок, значительную роль играют требования российских регуляторов – согласование сделок с ФАС в соответствии с Законом «О защите конкуренции» (в части пороговых значений долей, выручки, изменения контроля), а также участие отраслевых ведомств – Банка России (для сделок в финансовом секторе), Роскомнадзора (в телекоммуникационной отрасли), Минпромторга (в ОПК). Эти элементы формируют многоуровневую систему разрешительного характера, которая требует предварительного правового планирования и юридической экспертизы при каждом этапе подготовки сделок⁷.

Особо следует отметить правовые и валютные риски. Новые правила контроля, в том числе, обязательная репатриация валютной выручки, создают затруднения при расчётах. Возможная блокировка зарубежных счетов российских компаний, отказ в признании решений арбитражей, претензии со стороны миноритариев, угроза национализации в стратегических секторах – все эти аспекты содействуют увеличению суммарной юридической нагрузки на сделку – требуется создание защитных механизмов в правовой конструкции соглашений⁸.

На этом фоне приобретают значение следующие адаптационные стратегии, активно внедряемые на практике:

- санкционный аудит контрагентов с использованием международных баз данных;
- структурирование сделок через нейтральные юрисдикции, не поддерживающие санкционный режим;
- внедрение оговорок, при которых допускается досрочное расторжение при введении новых ограничений;
- страхование правовых рисков (в том числе, компенсационные положения);
- проактивное взаимодействие с регуляторами и правовое сопровождение на стадии согласования⁹.

Ниже представлена сводная таблица 1, отражающая ключевые аспекты трансформации договорной структуры под действием санкционного режима.

⁵ Roche P. Put to the test: the proper interpretation of the standard London insurance market “Sanctions Limitation and Exclusion Clause” // URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en-fr/knowledge/publications/cc035dfe/put-to-the-test-the-proper-interpretation-of-the-standard-london-insurance-market-sanctions-limitation-and-exclusion-clause> (дата обращения: 18.07.2025).

⁶ Рохина В.В. Проблемы реализации сделок слияния и поглощения коммерческих организаций в условиях экономических санкций // *Альманах молодого исследователя*. – 2023. – № 15. – С. 67; Стригалева М. Слияния и поглощения в условиях санкций: как снизить риски сделок // URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/14/slianiya_i_pogloscheniya_v_usloviyah_sankcij_kak_snizit_riski_sdelok (дата обращения: 18.07.2025).

⁷ Стригалева М. Слияния и поглощения в условиях санкций: как снизить риски сделок // URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/14/slianiya_i_pogloscheniya_v_usloviyah_sankcij_kak_snizit_riski_sdelok (дата обращения: 18.07.2025).

⁸ Никулина О.В., Чичерина П.А. Валютное регулирование международных коммерческих сделок в условиях действия санкций // *Валютное регулирование. Валютный контроль*. – 2023. – № 3. – С. 5; Эрвиц Л. Сделки M&A в условиях санкций: ключевые риски и способы защиты сторон // URL: <https://pravo.ru/opinion/259135/> (дата обращения: 18.07.2025).

⁹ Стригалева М. Слияния и поглощения в условиях санкций: как снизить риски сделок // URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/14/slianiya_i_pogloscheniya_v_usloviyah_sankcij_kak_snizit_riski_sdelok (дата обращения: 18.07.2025); Грабовский Я.А. Особенности регулирования сделок с иностранными участниками в России в период санкций // *Вопросы экономики и права*. – 2024. – № 190. – С. 75.

Таблица 1. Влияние санкций на условия контрактов M&A

Элемент контракта	Изменения под воздействием санкций	Юридическое значение
Заверения и гарантии	Расширяются (включаются положения о санкционном статусе сторон, конечных бенефициаров, происхождении средств)	Обеспечивают правовую основу для регресса и защиты интересов в случае раскрытия санкционных рисков после сделки
Форс-мажор	Традиционные формулировки признаются недостаточными (санкции часто не квалифицируются как непреодолимая сила)	Требуется специальная оговорка или переопределение понятия форс-мажора применительно к санкциям
Санкционные оговорки	Внедряются в качестве самостоятельных разделов, с детальным указанием событий, подпадающих под риски, и их последствий	Помогают сторонам регулировать последствия – от отказа от исполнения до перераспределения убытков
Условия расторжения	Расширяются основания для одностороннего выхода из сделки при наступлении санкционного события или при изменении соответствующего режима	Повышают гибкость договора и защищают стороны от блокирующих обстоятельств
Отлагательные условия	Включаются санкционно-чувствительные условия (получение разрешений, отсутствие включения в списки, согласование с регуляторами)	Сделка считается завершённой только при выполнении санкционных условий, что нивелирует юридические и финансовые риски
Механизмы расчётов	Изменяется валюта платежей, используются нейтральные юрисдикции, внедряются escrow-счета, отложенные платежи	Позволяют избежать блокировки активов, обойти валютные ограничения, снизить риск невыполнения обязательств
Компенсационные механизмы	Включаются положения о возмещении убытков, наступивших из-за санкций или связанных действий госорганов	Служат правовым инструментом балансирования рисков и обеспечения эквивалентности сторон
Арбитражные оговорки и применимое право	Пересматриваются с целью выбора нейтральной юрисдикции и обеспечения исполнимости решений вне санкционного влияния	Увеличивают шансы на справедливое и реализуемое разрешение споров

(составлено автором)

Итак, санкционный контекст порождает нормативные препятствия и требует выработки устойчивых практик адаптации. Формируется новая договорная и регуляторная среда, в которой юридическая устойчивость сделки определяется не только её содержанием, но и качеством предвидения в условиях глобальной турбулентности¹.

Юрист в данной связи перестаёт быть лишь интерпретатором норм, он становится «архитектором» санкционно-устойчивой конструкции сделки (таблица 2). Это требует от специалиста глубокого понимания трансграничных режимов регулирования, способности работать с несколькими правовыми системами, навыков стратегического прогнозирования изменений.

Таблица 2. Роль юриста в сопровождении санкционно-чувствительных сделок M&A

Функция	Содержание деятельности	Цель и значимость
Анализ санкционного статуса участников сделки	Проверка сторон, бенефициаров, аффилированных лиц по международным и национальным санкционным спискам (SDN, SSI, EU Consolidated List и прочие)	Исключение риска вовлечения в сделку лиц, подпадающих под санкции, нивелирование угрозы блокировки активов и вторичных санкций
Юридическое структурирование сделки с учётом ограничений	Разработка санкционно-устойчивой модели сделки (выбор юрисдикции, валюты, формы расчётов, схемы участия посредников)	Обеспечение законности и исполнимости сделки в условиях трансграничного санкционного давления

¹ Парамонов П.О., Головецкий Н.Я. Тенденции российского рынка сделок M&A в условиях экономических санкций // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 3; Савчук Д.О., Зацаринная Е.И., Голощапова Л.В. Санкционный комплекс: защита и развитие бизнеса // Управленческий учет. – 2024. – № 2. – С. 65; Семенова О.А. Рынок слияний и поглощений в новых реалиях: как санкции повлияли на формирование сделок // Современные вызовы и векторы развития мировой экономики. Сборник материалов научной сессии. – Воронеж: 2023. – С. 125.

Окончание

Функция	Содержание деятельности	Цель и значимость
Формулирование санкционных оговорок и механизмов ответственности	Включение в договор условий об одностороннем расторжении, перераспределении рисков, компенсации убытков, блокирующих условиях	Снижение юридической неопределённости, формирование инструментов защиты сторон при ухудшении внешнеполитической ситуации
Обеспечение согласования с государственными органами	Подготовка документации и юридическое сопровождение взаимодействия с ФАС, Минфином, Правительственной комиссией, ЦБ РФ и прочими органами	Получение обязательных разрешений и предупреждение отказов, которые могут признать сделку ничтожной
Организация правового due diligence в условиях ограниченного доступа к информации	Проведение юридической проверки активов с учётом ограниченного участия западных аудиторов, использование альтернативных источников сведений	Повышение достоверности оценки рисков, устранение «слепых зон» в информации об объекте сделки
Разработка модели защиты в случае санкционного спора	Конструирование юрисдикционных и арбитражных оговорок, анализ применимого права, подготовка стратегии защиты в случае блокировок или неисполнения	Формирование правового «щита» на случай судебных разбирательств либо ареста активов
Юридический мониторинг	Отслеживание обновлений санкционных списков, нормативных актов, судебной, административной практики	Обеспечение своевременной адаптации сделки к изменяющимся условиям и предотвращение правовых последствий

(составлено автором)

Санкционный фактор вынуждает переосмыслить подход к конфиденциальности и прозрачности. Прозрачность корпоративной структуры, источников финансирования, конечных бенефициаров становится обязательным элементом юридической стратегии.

Выводы

Санкционный режим выступает не только в качестве источника правовых ограничений, но и фактора, изменяющего фундаментальные принципы договорного регулирования в международных сделках M&A. Условия контрактов подвергаются трансформации (появляются новые правовые конструкции, изменяется баланс ответственности сторон, расширяется диапазон превентивных мер и т.п.). Юридическое сопровождение требует как знания действующего законодательства, так и гибкости мышления, способности предугадывать правовые последствия санкционной динамики, а также конструировать устойчивые модели взаимодействия на фоне нормативной неопределённости. В рассматриваемом контексте формируется новая парадигма юридической практики – санкционно-чувствительное право, способное обеспечить устойчивость трансграничных сделок в условиях глобального давления.

На основе проведённого анализа уместно сформулировать комплекс рекомендаций, которые направлены на нивелирование либо существенное смягчение рисков и повышение устойчивости международных сделок M&A в реалиях действия анализируемого режима: – необходимо закрепить санкционную проверку контрагентов в качестве обязательного элемента корпоративного одобрения сделки. Юридически значимая фиксация результатов проверочных действий должна производиться на уровне советов директоров или других уполномоченных органов (с отражением в документах внутреннего контроля); – чётко и юридически определённо прописывать в договоре события, которые считаются санкционными обстоятельствами (введение ограничений в отношении стороны, её бенефициаров, юрисдикции регистрации, валюты расчётов и прочее), а также последствия – право на расторжение, отказ от исполнения, компенсация убытков; – следует рассматривать возможность включения в договор конструкции condition precedent, при которой предусматривается, что сделка вступает в силу только при отсутствии определённых санкционных рисков, либо их согласованной нейтрализации (например, через получение разрешений регуляторов). Помимо этого, целесообразно разбивать сделки на независимые этапы, каждый из которых может быть адаптирован к текущей конъюнктуре; – необходимо заранее определить, какая сторона несёт ответственность за наступление санкционного события, а также предусмотреть

механизм перераспределения последствий в виде регрессных требований, удержания платежей или страховых схем, включённых в договор;

– при наличии даже потенциальной санкционной чувствительности уместно инициировать консультативное взаимодействие с Федеральной антимонопольной службой, Центральным банком, Минфином, Роскомнадзором, Минпромторгом (в зависимости от отраслевой принадлежности объекта сделки). Это сводит к минимуму риск отказа в согласовании на позднем этапе;

– сложность трансграничного регулирования требует участия юристов, которые обладают компетенцией в санкционном праве зарубежных юрисдикций (США, ЕС, Великобритании и другие). Это особенно важно при структурировании сделок с использованием иностранных бенефициаров, валют, юрисдикций, финансовых инструментов;

– в условиях усиленного валютного контроля и блокировки внешних платежей необходимо использовать гибкие механизмы расчёта – мультивалютные счёта, офшорные клиринговые схемы, в национальных валютах третьих стран (при соблюдении требований российского валютного законодательства);

– рекомендуется заранее определять юрисдикцию разрешения споров и правовую систему, применимую к договору (с учётом вероятности признания и исполнения решений в санкционных условиях). При возможности – задействовать арбитражные оговорки с выбором нейтрального места разбирательства и формулировками, при которых учитывается санкционная специфика.

Указанные выше предложения нацелены на снижение правовой уязвимости M&A-сделок в реалиях санкций и могут быть положены в основу как внутренних комплаенс-политик, так и договорной практики в трансграничных проектах.

Литература

1. Гиргушкина И. Сделки M&A в условиях санкций: ключевые риски и защитные механизмы // URL: <https://valen-legal.com/ru/news/sdelki-ma-v-usloviyah-sankcij-klyuchevye-riski-i-zashchitnye-mehanizmy/> (дата обращения: 18.07.2025).

2. Грабовский Я.А. Особенности регулирования сделок с иностранными участниками в России в период санкций // Вопросы экономики и права. – 2024. – № 190. – С. 71–77.

3. Никулина О.В., Чичерина П.А. Валютное регулирование международных коммерческих сделок в условиях действия санкций // Валютное регулирование. Валютный контроль. – 2023. – № 3. – С. 4–11.

4. Парамонов П.О., Головецкий Н.Я. Тенденции российского рынка сделок M&A в условиях экономических санкций // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 1–12.

5. Рохина В.В. Проблемы реализации сделок слияния и поглощения коммерческих организаций в условиях экономических санкций // Альманах молодого исследователя. – 2023. – № 15. – С. 66–70.

6. Савчук Д.О., Зацаринная Е.И., Голощапова Л.В. Санкционный комплаенс: защита и развитие бизнеса // Управленческий учет. – 2024. – № 2. – С. 64–70.

7. Семенова О.А. Рынок слияний и поглощений в новых реалиях: как санкции повлияли на формирование сделок // Современные вызовы и векторы развития мировой экономики. Сборник материалов научной сессии. – Воронеж: 2023. – С. 124–126.

8. Стригалева М. Слияния и поглощения в условиях санкций: как снизить риски сделок // URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/14/sliyaniya_i_pogloscheniya_v_usloviyah_sankcij_kak_snizit_riski_sdelok (дата обращения: 18.07.2025).

9. Цыбульский А.А. Роль процедуры due diligence в процессе сделок по слияниям и поглощениям // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 4. – С. 469–471.

10. Эрвиц Л. Сделки M&A в условиях санкций: ключевые риски и способы защиты сторон // URL: <https://pravo.ru/opinion/259135/> (дата обращения: 18.07.2025).

11. Debusk F.A., Chang J. US sanctions enforcement focus on mergers and Acquisitions // Journal of Financial Compliance. – 2021. – No. 4(3). – P. 257.

12. Meyer K.E., Fang T., Panibratov A.Y., et al. International business under Sanctions // Journal of World Business. – 2023. –

No. 58(2). – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1090951623000019?&dgcid=rss_sd_all (дата обращения: 18.07.2025).

13. Roche P. Put to the test: the proper interpretation of the standard London insurance market “Sanctions Limitation and Exclusion Clause” // URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en-fr/knowledge/publications/cc035dfe/put-to-the-test-the-proper-interpretation-of-the-standard-london-insurance-market-sanctions-limitation-and-exclusion-clause> (дата обращения: 18.07.2025).

THE IMPACT OF SANCTIONS ON LEGAL SUPPORT FOR INTERNATIONAL M&A TRANSACTIONS

Pukhovskiy A.I.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

Systemic restrictions imposed by sanctions policies have significantly transformed the legal framework for international mergers and acquisitions (M&A). The relevance of this topic stems from the need to reassess legal risk assessment mechanisms and ensure predictability amid political and economic turbulence. This article aims to identify and analyze specific changes in contractual practices driven by sanctions regimes, as well as to develop recommendations for adapting legal tools to new challenges. The issue is accompanied by contradictions in academic literature: some authors emphasize the necessity of completely avoiding transactions involving parties from sanctioned jurisdictions, while others propose flexible restructuring mechanisms based on applicable regulations. The author concludes that sanctions not only increase transaction costs and jurisdictional fragmentation but also generate sustained demand for compliance expertise, expand the role of legal professionals, and necessitate a redesign of contractual structures. It is summarized that legal support for M&A transactions in a sanctions-driven environment requires the development of multi-layered protection models—from preliminary counterparty verification to documenting sanctions-resistant guarantees. The article's findings will be useful for practicing lawyers, international corporate law specialists, M&A deal participants, and researchers studying the transformation of cross-border law under geopolitical influences. The following research methods were employed: systemic analysis, comparative legal approach, logical-legal modeling of contractual structures, and legal forecasting—to develop recommendations for adapting M&A deals to the current regulatory landscape.

Keywords: compliance, legal support, sanctions, sanctions regime, M&A transaction, contract structuring, legal risks

References

1. Girkushkina I. Sdelki M&A v usloviyakh sanktsii: klyuchevye riski i zashchitnye mekhanizmy // URL: <https://valen-legal.com/ru/news/sdelki-ma-v-usloviyah-sankcij-klyuchevye-riski-i-zashchitnye-mehanizmy/> (дата обращения: 18.07.2025).

2. Grabovskii Ya.A. Osobennosti regulirovaniya сделок s inostrannymi uchastnikami v Rossii v period sanktsii // Voprosy ekonomiki i prava. – 2024. – № 190. – S. 71–77.

3. Nikulina O.V., Chicherina P.A. Valyutnoe regulirovanie mezhduнародnykh kommercheskikh сделок v usloviyakh deistviya sanktsii // Valyutnoe regulirovanie. Valyutnyi kontrol'. – 2023. – № 3. – S. 4–11.

4. Paramonov P.O., Golovetskii N. Ya. Tendentsii rossiiskogo rynka сделок M&A v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsii // Vestnik evraziiskoi nauki. – 2024. – T. 16. – № 1. – S. 1–12.

5. Rokhina V.V. Problemy realizatsii сделок sliyaniya i pogloshcheniya kommercheskikh organizatsii v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsii // Al'manakh molodogo issledovatelya. – 2023. – № 15. – S. 66–70.

6. Savchuk D.O., Zatsarinnaya E.I., Goloshchapova L.V. Sanktsionnyi kompalaens: zashchita i razvitiye biznesa // Upravlencheskii uchët. – 2024. – № 2. – S. 64–70.

7. Semenova O.A. Rynok sliyanii i pogloshchenii v novykh realiyakh: kak sanktsii povliyali na formirovanie сделок // Sovremennye vyzovy i vektory razvitiya mirovoi ekonomiki. Sbornik materialov nauchnoi sessii. – Voronezh: 2023. – S. 124–126.

8. Strigaleva M. Sliyaniya i pogloshcheniya v usloviyakh sanktsii: kak snizit' riski сделок // URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/14/sliyaniya_i_pogloscheniya_v_usloviyah_sankcij_kak_snizit_riski_sdelok (дата обращения: 18.07.2025).

9. Tsybul'skii A.A. Rol' protsedury due diligence v protsesse сделок po sliyaniam i pogloshcheniyam // Innovatsii i investitsii. – 2024. – № 4. – S. 469–471.

10. Ervits L. Sdelki M&A v usloviyakh sanktsii: klyuchevye riski i sposoby zashchity storon // URL: <https://pravo.ru/opinion/259135/> (дата обращения: 18.07.2025).

11. Debusk F.A., Chang J. US sanctions enforcement focus on mergers and Acquisitions // Journal of Financial Compliance. – 2021. – No. 4(3). – P. 257.

12. Meyer K.E., Fang T., Panibratov A.Y., et al. International business under Sanctions // Journal of World Business. – 2023. – No. 58(2). – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1090951623000019?&dgcid=rss_sd_all (дата обращения: 18.07.2025).

13. Roche P. Put to the test: the proper interpretation of the standard London insurance market “Sanctions Limitation and Exclusion Clause” // URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en-fr/knowledge/publications/cc035dfe/put-to-the-test-the-proper-interpretation-of-the-standard-london-insurance-market-sanctions-limitation-and-exclusion-clause> (дата обращения: 18.07.2025).

Гиперреализм под охраной: сравнение подходов РФ и США к охране товарных знаков в метавселенных и онлайн играх

Руссу Денис Олегович,

магистрант магистерской программы ИТ-Юрист, НИУ-ВШЭ
E-mail: russu-denis@bk.ru

Галкович Валерия Юрьевна,

магистрант магистерской программы Стратегическое
управление интеллектуальной собственностью, ИТМО

В статье проводится комплексный сравнительный анализ защиты исключительных прав на товарные знаки в индустрии онлайн игр на примере России и США. Центральное внимание уделяется исследованию законодательного пробела 4 части Гражданского Кодекса РФ, согласно которому использование в видеоиграх изображений товаров с размещением на них товарных знаков из реального мира не является недобросовестной конкуренцией в Российской Федерации. По мнению авторов данный подход является формальным, при котором права и интересы пользователей контента онлайн игр защищены не в полной мере. В статье указывается, что в США данная проблема решается путем более широкого толкования и проведением специального теста Роджерса. Авторами статьи, предлагается усовершенствование норм 4 части Гражданского Кодекса, взяв за основу успешный зарубежный опыт США. Авторы считают необходимым создание юридического стандарта, который мог бы использоваться для определения, защищенности использования товарного знака в выразительных произведениях.

Ключевые слова: товарный знак, исключительные права, тест Роджерса, закон Лемана, метавселенная, гражданский кодекс, регулирование индустрии онлайн игр, виртуальная собственность.

Введение

Индустрия онлайн-игр стала одним из ключевых сегментов цифровой экономики, в рамках которого активно используются товарные знаки из реального мира в составе виртуальных объектов и игровых миров. Такое использование обозначений порождает новые коллизии между интересами правообладателей, разработчиков и пользователей, особенно в условиях развития метавселенных и усложнения форм цифрового контента.

Целью настоящего исследования является комплексный сравнительный анализ механизмов защиты исключительных прав на товарные знаки в индустрии онлайн-игр в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки, с акцентом на выявление законодательных пробелов российского регулирования и оценку возможности заимствования отдельных элементов американского подхода, включая тест Роджерса.

Научная новизна исследования состоит в формулировании и обосновании юридического стандарта оценки использования товарных знаков в выразительных произведениях (в том числе в онлайн-играх), адаптированного к российской правовой системе с учетом зарубежного (американского) опыта. В отличие от существующих работ, фокусирующихся преимущественно на толковании норм части четвертой ГК РФ, в статье предлагается концептуальная модель, опирающаяся на идеи теста Роджерса и подходы, сложившиеся при применении закона Лемана, и перенастраивающая их под отечественный правовой порядок.

Дополнительный элемент научной новизны заключается в том, что анализируется не только защита интересов правообладателей товарных знаков, но и степень обеспеченности прав и законных интересов пользователей контента онлайн-игр, что позволяет переосмыслить баланс частных и публичных интересов в условиях развития метавселенных и цифровой экономики. На этой основе формулируются конкретные предложения по устранению законодательного пробела в части четвертой ГК РФ, связанные с закреплением специальных критериев разграничения правомерного выразительного использования товарного знака и актов недобросовестной конкуренции в индустрии онлайн-игр.

Понятие видеоигры

Современная видеоигра представляет собой сложное цифровое явление, объединяющее программный код, аудиовизуальные эффекты, музыкальное сопровождение и элементы интерактивного повествования. В отличие от традиционных произведений искусства или программного обеспечения, видеоигра характеризуется высокой степенью интерактивности: пользователь не просто воспринимает контент, но активно влияет на его развитие, принимая решения, определяющие сюжетные линии и игровые исходы.

Российское гражданское законодательство предлагает два основных подхода к квалификации видеоигр как объектов интеллектуальной собственности. Первый подход квалифицирует игры исключительно как программы для электронных вычислительных машин в соответствии со статьей 1261 ГК РФ[1], акцентируя внимание на их технической природе. Второй, более широкий подход признает видеоигры сложными объектами авторского права, включающими как программную, так и художественную составляющие.

Стоит отметить, что большинство ученых правоведов квалифицируют онлайн игру в качестве сложного объекта в силу того, что включает в себя различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности.

В частности Т.Р. Габышева отмечает, что видеоигры по своей природе являются сложными объектами, состоящими из различных видов результатов интеллектуальной деятельности[2].

Новейшая судебная практика, поддерживает подход согласно которому онлайн игра является сложным объектом. В решении Арбитражного суда по делу № А35–9534/2023 указывается, что видеоигра представляет собой мультимедийный продукт, образованный самостоятельными объектами авторского права: художественными произведениями, персонажами, названиями, логотипами и др[3]. Такая квалификация принципиально важна для разрешения споров о товарных знаках, поскольку устанавливает художественную природу видеоигр наравне с фильмами и литературными произведениями.

Особую актуальность проблемы использования товарных знаков приобретает в контексте онлайн-игр и метавселенных, где виртуальные миры максимально приближены к реальности. В современных играх очень часто можно встретить автомобили BMW и Ferrari в гоночных симуляторах, оружие Colt и Glock в шутерах, продукты Lay's и Coca-Cola в симуляторах торговли. В связи с чем может возникнуть Возникает ключевая коллизия: где проходит граница между законным творческим заимствованием и нарушением исключительного права на товарный знак.

В настоящее время в Российской Федерации грань между законным творческим заимствованием и нарушением исключительных прав устанавливается Гражданским Кодексом.

Согласно п. 2 ст. 1484 ГК РФ, использование товарных знаков вне целей индивидуализации продукции, вводимой в гражданский оборот, исключается из сферы исключительного права[1]. Эта норма легла в основу доктрины, оправдывающей размещение логотипов реальных автомобилей в гоночных симуляторах или брендовых пистолетов в шутерах. Сторонники подхода убедительно аргументируют отсутствием смешения: средний потребитель не спутает автопроизводителя с разработчиком игр благодаря фундаментальной разнородности их деятельности.

В.О. Калятин, ведущий специалист в области права интеллектуальной собственности, отстаивая формальный подход, подчеркивает, что «использование товарного знака в художественном произведении, в том числе в фильме, никогда не будет являться его использованием в смысле законодательства об интеллектуальной собственности» [4]. Такой подход опирается на ст. 1477 ГК РФ, определяющую товарный знак как средство индивидуализации товаров конкретных производителей, и исключает из сферы правовой охраны виртуальные симуляторы, не обладающие социально-экономической ценностью в гражданском обороте[1].

С формальной точки зрения логика безупречна – виртуальный BMW в симуляторе не продается на авторынке, следовательно, товарный знак не выполняет индивидуализирующую функцию.

Однако, стоит отметить, что современная игровая индустрия характеризуется гонкой за гиперреализмом, обеспечивающим конкурентные преимущества за счет аутентичности визуальных образов. Использование узнаваемых товарных знаков в фотореалистичных симуляторах существенно повышает конверсию продаж и монетизацию внутриигровых покупок.

Ярчайший пример монетизационной силы брендов – мобильная игра Grand Mobile, реалистичный симулятор жизни с 70 миллионами установок и 6 миллионами активных пользователей ежемесячно. Ежегодная выручка превышает 18 миллионов долларов, из которых десятая часть обеспечивается рекламными интеграциями с крупными партнерами – Сбером, «Горячей штучкой» и Национальной лотереей. Формат «живого города» превращает бренды в неотъемлемую часть игрового сценария: кампания Сбера превысила план по выпуску карт на 194% и подпискам СберПрайм на 189%; «Горячая штучка» достигла 290% выполнения KPI[5].

Компании-правообладатели, прекрасно осознающие постоянное использование своих брендов в видеоиграх – нередко без согласования – вынуждены прибегать к превентивным мерам. Концерн «Калашников» согласно данным ФИПС в 2016 году зарегистрировал товарный знак «АК-47» по 9-му классу МКТУ (программное обеспечение) именно из-за систематической эксплуатации образа автомата в онлайн играх[6], впоследствии начиная с 2016 года Концерном были зарегистрированы в качестве товарных знаков модели автоматов. Если бы геймдев не эксплуатировал фотореализм для монетизации, подобные регистрации оставались бы избыточными.

Судебная практика на сегодняшний день благосклонна к разработчикам. В деле № А40–64050/2019 («Столичная» против фильма «Взрывная блондинка») арбитражный суд отказал в иске, применив доктрину разнородности деятельности и отсутствия риска смешения[7]. Однако эта позиция игнорирует специфику интерактивного гиперреализма, где товарный знак выполняет функцию цифровой аутентификации, обеспечивая измеряемую конверсию.

Авторы статьи отмечают, что данный подход наносит ущерб как добросовестному правообладателю, так и рядовому потребителю поскольку для правообладателя формализм ст. 1484 ГК РФ оборачивается эрозией исключительного права: утрачивается контроль над брендом в пространстве, где формируется культура и предпочтения поколений зумеров и поколения альфа. Компания не может препятствовать использованию своего знака в компрометирующем контексте или требовать компенсацию за недобросовестное обогащение разработчиков, монетизирующих чужую репутацию.

Более того, последствия такого подхода наносят ущерб конечному потребителю. Аргумент об отсутствии смешения работает лишь отча-

сти: игрок действительно не решит, что BMW написал код игры. Однако в реалистичном симуляторе узнаваемый логотип автоматически создаст ложное впечатление аффилированности или одобрения.

В отличие от формального отечественного регулирования, США пошли путем более широкого толкования нормы, согласно которой регулирование распространяется на случаи использования знаков в произведении.

В Соединенных Штатах регулирование использования товарных знаков в видеоиграх строится на дуалистической конструкции. С одной стороны, действует классический режим охраны по Lanham Act, с другой его применение ограничивается требованиями Первой поправки к Конституции США о свободе выражения. В результате вырабатывается особый баланс, при котором включение реальных брендов в игровые миры рассматривается прежде всего как форма художественного выражения, а не как коммерческая эксплуатация знака, что радикально отличается от формальнообъектного подхода части четвертой ГК РФ.

Первая поправка к Конституции США закрепляет конституционный запрет на принятие законов, «ограничивающих свободу слова или печати», под которой американская доктрина понимает любую форму выразительной деятельности, включая художественные произведения, фильмы, музыку и видеоигры[8]. Верховный суд в ряде дел исходил из того, что видеоигры обладают нарративной структурой, персонажами и художественным стилем, а потому представляют собой *core speech* – охраняемое выражение и государственное вмешательство в эту сферу допустимо лишь в исключительных случаях[9].

Апелляционный суд Восьмого округа по делу «Интерактивное цифровое программное обеспечение Ass'n против округа Сент-Луис» признал, что видеоигры «настолько же заслуживают защиты свободы слова, как и лучшая литература», отмечая наличие сюжетных линий и вовлеченности игрока в историю[10].

Такое конституционное признание имеет принципиальное значение для споров о товарных знаках. Любой иск, посягающий на содержание игры (композицию мира, дизайн объектов, в том числе с реальными логотипами), оценивается не только по Lanham Act, но и через призму допустимости ограничения свободы выражения. Таким образом, интерес правообладателя к сохранению исключительного контроля над брендом вступает в прямое столкновение с конституционной ценностью художественной свободы разработчика, и суд вынужден искать баланс, а не механически применять критерий вероятности смешения.

Lanham Act традиционно защищает правообладателей от использования обозначений, способных вызвать вероятность смешения относительно источника товаров и услуг. В классических коммерческих спорах (реклама, упаковка товаров, доменные имена) суды применяют многофакторные тесты сопоставляя вид товаров, каналы реализации, узнаваемость знака, наличие фактического заблуждения и другие признаки.

Однако при попытке перенести тот же подход на художественные произведения, включая онлайн-игры, возникают определенные риски. Любое упоминание чужого бренда в названии, сюжете или интерфейсе игры потенциально может быть квалифицировано как создающее вероятность смешения и потому запрещено. Американские суды прямо указывают, что подобное применение Lanham Act было бы несовместимо с Первой поправкой, поскольку фактически позволило бы правообладателям блокировать использование знаков как языковых и культурных символов в искусстве.

В США при исследовании законности использования товарного знака в видеоиграх широкое распространение получил тест Роджерса (Rogers test), основанный на прецеденте Rogers v. Grimaldi в 1989 году[11]. Дело касалось применения товарного знака в заглавии фильма Федерико Феллини «Джинджер и Фред». Суд отклонил иск и постановил: «Если название обладает хотя бы минимальной художественной релевантностью и явно не вводит в заблуждение относительно сути произведения, оно не квалифицируется как недобросовестная конкуренция по Lanham Act[12].

Суть теста состоит в том, что применение Lanham Act к художественному произведению допускается только при соблюдении двух условий. Во-первых, использование знака не имеет даже минимальной художественной релевантности к произведению, во-вторых, оно является явно вводящим в заблуждение относительно источника или содержания.

Первая ступень «художественная значимость» устанавливает крайне низкий порог – достаточно показать, что включение реального бренда какимто образом связано с замыслом игры: усиливает реализм, воссоздает городской ландшафт, служит элементом сатиры или характеризует персонажа. Вторая ступень теста Роджерса фокусируется не на простой «вероятности смешения», а на наличии намеренного и очевидного сообщения о связи с правообладателем. Чтобы преодолеть эту ступень, истец должен доказать, что игра или её ре-

клама не просто создают у части потребителей впечатление возможной коллаборации, а содержат прямые или эквивалентные по смыслу утверждения о том, что правообладатель участвует в создании продукта, одобрил его или выдал лицензию.

В практике по видеоиграм федеральные суды последовательно исходят из того, что игры являются «выразительными работами», а потому споры об использовании в них товарных знаков подлежат разрешению через тест Роджерса, а не через стандартный многофакторный анализ смешения. В делах, связанных с реалистичными шутерами и симуляторами (включение реальных моделей вооружения, техники, городских объектов и заведений), суды признают художественную релевантность таких включений, поскольку они служат достижению эффекта гиперреализма и достоверной реконструкции среды.

В контексте онлайн-игр это означает, что Первая поправка и тест Роджерса в полной мере действует, когда знак встроен в игровой мир как элемент окружения, объекта или персонажа, но может оказаться недостаточной, если разработчик выносит чужой бренд на обложку, использует его в названии игры или позиционирует как основной идентификатор продукта. Тем самым американский подход проводит тонкую границу между допустимым художественным заимствованием и недопустимым присвоением чужой индивидуализирующей функции, не отказываясь от охраны товарных знаков, но подчиняя её конституционным гарантиям свободы выражения.

Проведенный сравнительный анализ регулирования товарных знаков в онлайн-играх в Российской Федерации и Соединенных Штатах выявил принципиальное различие в подходах к балансированию интересов правообладателей и творческой свободы разработчиков. Российское право, оперируя формальным критерием индивидуализирующей функции товарного знака (ст. 1484 ГК РФ), исключает использование обозначений в художественных произведениях, включая видеоигры, из сферы правовой охраны. Американское право, напротив, разрешает данный конфликт через конституционное признание видеоигр как выразительных произведений, охраняемых Первой поправкой, и применение двухэтапного теста Роджерса. Такой механизм обеспечивает гибкий баланс, допуская легитимное творческое заимствование, но прелятивуя недобросовестной коммерциализации чужих брендов.

Авторы настоящего исследования приходят к выводу, что формальный российский подход требует совершенствования. Необходимо введение специального правового стандарта, который бы различал случаи законного использования товарных знаков в выразительных целях и случаи их недобросовестной конкуренции. При этом предлагаемое решение должно быть адаптировано к российской правовой системе и не механически заимствовано из американского права.

На основании изложенного, авторами предлагается дополнить статью 1484 ГК пунктом 4 изложенным в следующей редакции: Использование товарного знака в художественном, литературном или иного рода выразительном произведении (включая видеоигры, фильмы, произведения изобразительного искусства) не признается нарушением исключительного права на товарный знак и не квалифицируется в качестве недобросовестной конкуренции при соблюдении следующих условий:

а) использование товарного знака обладает художественной релевантностью к содержанию произведения, в том числе при использовании знака для целей усиления реализма, воссоздания окружающей среды, сатиры, характеристики персонажей или иного выражения творческого замысла автора;

б) использование товарного знака не является явно вводящим в заблуждение потребителей относительно источника происхождения, одобрения, спонсорства или лицензирования произведения со стороны правообладателя.

Этот адаптированный стандарт, на основе американского опыта, обеспечит баланс интересов, защитит пользователей от ложных ассоциаций и стимулирует развитие цифровой экономики без эрозии прав на товарные знаки.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4) от 18 декабря 2006 года N 230-ФЗ
2. Габышева Т. Р. К вопросу об определении видеоигр как сложных объектов интеллектуальной собственности // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Серия: История. Политология. Право. 2019. № 4 (16).
3. Решение Арбитражного суда Курской области от 09.04.2023 по делу № А359534/2023
4. Протокол № 22 заседания Научноконсультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). – URL: <https://ipcmagazine.ru/court/1729533/> (дата обращения: 10.01.2026).

5. Язовский А. Гейминг-маркетинг: как бренды продвигают себя в виртуальных мирах // Biz360.ru.2025.URL: <https://biz360.ru/materials/geyming-marketing-kak-brendy-prodvigayut-sebya-v-virtualnykh-mirakh/> (дата обращения: 10.01.2026).

6. Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Репозиторий товарных знаков. URL: <https://www1.fips.ru/registers-web/> (дата обращения: 10.01.2026)

7. Решение Арбитражного суда города Москвы от 04.07.2019 по делу № А4064050/2019

8. Конституция Соединённых Штатов Америки. Первая поправка (1791) // U.S. Constitution. – URL: https://www.law.cornell.edu/constitution/first_amendment (дата обращения: 10.01.2026).

9. Brown v. Entertainment Merchants Association, 564 U.S. 786 (2011). Case summary // Oyez. – URL: <https://www.oyez.org/cases/2010/08-1448> (дата обращения: 10.01.2026)

10. Garry P.M. Defining Speech in an Entertainment Age: The Case of First Amendment Protection for Video Games // SMU Law Review. 2004. Vol. 57. P. 139–188. – URL: <https://scholar.smu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2079&context=smulr> (дата обращения: 10.01.2026).

11. Rogers v. Grimaldi, 875 F.2d 994 (2d Cir. 1989). Judgment of May 5, 1989, United States Court of Appeals for the Second Circuit // WIPO Lex. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/934> (дата обращения: 10.01.2026).

12. United States Trademark Act of 1946 (Lanham Act), 15 U.S.C. § 1051 et seq. // U.S. Code Title 15, Chapter 22 – Trademarks. – URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title15/chapter22&edition=prelim> (дата обращения: 10.01.2026)

HYPERREALISM UNDER PROTECTION: A COMPARISON OF RUSSIAN AND US APPROACHES TO PROTECTING TRADEMARKS IN METAVERSES AND ONLINE GAMES

Russu D.O., Galkovich V.Yu.

Higher School of Economics, ITMO National Research University

The article provides a comprehensive comparative analysis of the protection of exclusive trademark rights in the online gaming industry using the example of Russia and the United States. Central attention is paid to the study of the legislative gap in Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which the use of images of goods with trademarks from the real world in video games does not constitute unfair competition in the Russian Federation. According to the authors, this approach is formal, in which the rights and interests of users of online game content are not fully protected. The article points out that in the United States, this problem is solved by a broader interpretation and by conducting a special Rogers test. The authors of the article propose the improvement of the norms of Part 4 of the Civil Code, based on the successful foreign experience of the United States. The authors consider it necessary to create a legal standard that could be used to determine the security of trademark use in expressive works.

Keywords: trademark, exclusive rights, Rogers test, Lehman's law, metaverse, civil code, regulation of the online gaming industry, virtual property.

References

1. Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation (Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation) of December 18, 2006, No. 230-FZ
2. Gabysheva, T. R., "On the Definition of Video Games as Complex Objects of Intellectual Property" // Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series: History. Political Science. Law. 2019. No. 4 (16).
3. Decision of the Arbitration Court of the Kursk Region dated April 9, 2023, in case No. А359534/2023
4. Minutes No. 22 of the meeting of the Scientific Advisory Council at the Intellectual Property Court // Journal of the Intellectual Property Court. 2020. No. 3 (29). – URL: <https://ipcmagazine.ru/court/1729533/> (accessed: January 10, 2026).
5. Yarovskiy A. Gaming Marketing: How Brands Promote Themselves in Virtual Worlds // Biz360.ru.2025. URL: <https://biz360.ru/materials/geyming-marketing-kak-brendy-prodvigayut-sebya-v-virtualnykh-mirakh/> (accessed: 10.01.2026).
6. Federal Service for Intellectual Property. Trademark Registry. URL: <https://www1.fips.ru/registers-web/> (accessed: 10.01.2026)
7. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 04.07.2019 in case No. А4064050/2019
8. Constitution of the United States of America. First Amendment (1791) // U.S. Constitution. – URL: https://www.law.cornell.edu/constitution/first_amendment (date of access: 10.01.2026).
9. Brown v. Entertainment Merchants Association, 564 U.S. 786 (2011). Case summary // Oyez. – URL: <https://www.oyez.org/cases/2010/08-1448> (date of access: 10.01.2026)
10. Garry P.M. Defining Speech in an Entertainment Age: The Case of First Amendment Protection for Video Games // SMU Law Review. 2004. Vol. 57. P. 139–188. – URL: <https://scholar.smu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2079&context=smulr> (date of access: 10.01.2026).
11. Rogers v. Grimaldi, 875 F.2d 994 (2d Cir. 1989). Judgment of May 5, 1989, United States Court of Appeals for the Second Circuit // WIPO Lex. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/934> (access date: 01/10/2026).
12. United States Trademark Act of 1946 (Lanham Act), 15 U.S.C. § 1051 et seq. // U.S. Code Title 15, Chapter 22 – Trademarks. – URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title15/chapter22&edition=prelim> (access date: 01/10/2026)

К вопросу о приостановлении деятельности политических партий: анализ оснований и судебной практики

Коляса Виталий Станиславович,

преподаватель, кафедра фундаментальных юридических и социально гуманитарных дисциплин, Университет «Синергия»

E-mail: vit.kolyasa@mail.ru

Институт приостановления деятельности политических партий, формально являясь временной мерой воздействия, на практике всё чаще трансформируется в инструмент, предшествующий их ликвидации. Правоприменительная тенденция к расширительному толкованию оснований, включая несоблюдение формальных и процедурных требований, ставит вопрос о соразмерности мер и соответствии конституционным гарантиям свободы ассоциации. Дополнительную правовую неопределённость создаёт смешение в правоприменительном дискурсе двух различных механизмов ограничения: приостановления и фактического запрета в рамках противодействия экстремизму. В условиях развития партийной системы после либерализации 2012 года данный институт рискует превратиться из исключительной меры в рутинный механизм административного контроля. Комплексное осмысление этой проблемы с точки зрения баланса интересов и правовой определённости обуславливает цель настоящего исследования.

Ключевые слова: политические партии, приостановление деятельности, ликвидация партии.

В политической системе современного российского общества политические партии имеют важное значение, т.к., во-первых, они представляют собой один из центральных институтов современной демократии, выступающих связующим звеном между гражданским обществом (например, волеизъявление народа) и государством (например, построение правового государства, развитие национального права и демократии в целом), во-вторых, политические партии выполняющей значимую публично-правовую функцию по консолидации общества вокруг целей и задач, определённых в установленном порядке Президентом России [14] (например, сплочение общества перед современными вызовами и угрозами, возникающими на пути существования и развития государства), в третьих, действуя в рамках конституционно-правового поля, в своей программной и практической деятельности затрагивают ряд фундаментальных аспектов, определяющих основы государственного и общественного устройства.

В рамках развития современного правового государства, к которым относится Российская Федерация (далее – РФ), институт политических партий является ядром её демократического развития и функционирования, установленным Конституцией Российской Федерации (далее – КРФ) и иными Федеральными законами (далее – ФЗ) РФ, регулирующими деятельность, приостановление и прекращение деятельности политических партий на её территории.

На момент 2026 г., политическая система РФ характеризуется плюрализмом действующих политических партий. Согласно сведениям Минюста РФ, на начало 2026 г. в РФ зарегистрировано 20 политических партий [11]. Особая роль отводится партии власти «Единая Россия», которая осуществляет разработку и реализацию государственной политики РФ. Иные «парламентские партии», такие как ЛДПР, КПРФ, Справедливая Россия, Новые люди также осуществляют важную роль во внутренней политике государства.

Политические партии обладают особым публично-правовым статусом. Этот статус предполагает не только гарантии свободы деятельности, но и повышенную ответственность за соответствие своих целей и действий требованиям закона [10]. Институты ликвидации и приостановления деятельности партий по решению суда РФ представляют собой наиболее жёсткие инструменты государственного контроля, призванные защитить основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина [1]. В качестве указанных мер защиты, можно проследить следующую тенденцию. Изменения, внесённые в 2012 году в Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (далее – Закон о политических партиях), в части либерализации требований к численному составу и структуре, стали фактором существенного роста количества зарегистрированных политических партий в РФ. В частности, минимальный численный состав политической партии был снижен с 40.000 до 500 членов; иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов РФ; обновлена система отчётности политических партий перед ЦИК РФ. Уполномоченные органы имеют право 1 раз в три года осуществлять проверку документов политических партий и пр. изменения закона. Данные нововведения существенным образом понизили критерии, позволяющие создавать на территории РФ новые политические партии. Это привело к тому, что в 2015 году их количество достигало уже 77 [9, с. 2]. На начало 2026 года число зарегистрированных политических партий, как ранее было отмечено, значительно меньше, что может свидетельствовать об неэффективной деятельности последних и несоблюдении установленных нормативным регулированием требований к осуществляемой деятельности.

Правовой режим деятельности, включая основания для её принудительного прекращения или временного ограничения, для политических партий в России установлен, прежде всего, Законом о политических партиях и Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон об экстремизме).

Приостановление деятельности политической партии – это временная мера государственного принуждения, применяемая в судебном порядке уполномоченным государственным органом, в результате которой политическая партия, не устранившая в двухмесячный срок выявленные уполномоченным органом нарушения, на шестимесячный

срок лишается права осуществлять свою деятельность по решению Верховного Суда (далее – ВС) РФ. Решение принимается до устранения причин, послуживших основанием для применения данной меры [2]. В случае отсутствия мер по устранению причин, послуживших основанием для приостановления деятельности, политическая партия может быть ликвидирована впоследствии на законных основаниях. Правом подачи искового заявления в суд для приостановления деятельности и ликвидации политических партий наделён Минюст РФ. В случаях, связанных с экстремистской деятельностью, иск может подать Генеральный прокурор РФ [3].

На основе изучения судебной практики автор исследования выделяет ряд типичных оснований для приостановления деятельности политических партий в России:

1) Неисполнение предписаний Минюста РФ об устранении нарушений, выявленных в рамках государственного контроля за деятельностью политических партий. Суть: политические партии не исполняют предписания Минюста РФ об устранении обнаруженных нарушений законодательства в установленный срок (не менее 2-х месяцев):

0.1. Несоответствие Устава партии ФЗ РФ: Наличие в уставе положений, противоречащих Закону о политических партиях, Гражданскому кодексу РФ, избирательному законодательству РФ;

0.2. Нарушения в формировании и деятельности руководящих органов: Проведение съездов и заседаний без необходимого кворума, нелегитимное избрание органов, принятие решений с нарушением процедуры;

0.3. Нарушение правил членства и учёта: включение в списки членов лиц, уже состоящих в других партиях; ведение недостоверного учёта; нарушение территориального принципа членства;

0.4. Нарушения в создании и деятельности региональных отделений: отсутствие или ненадлежащее оформление отделений в более чем половине субъектов РФ; приостановление деятельности органов отделений в нарушение устава;

0.5. Недостаточное участие политической партией в деятельности, для которой она создавалась.

Судебная практика: Дело № АКПИ23–1020 от 22.04.2024 г. Всероссийская политическая партия «ПАРТИЯ ДЕЛА» приостановила свою деятельность по решению ВС РФ из-за обнаруженных нарушений:

1) Уставе отсутствовали положения, обязывающие партию извещать избирательные комиссии о выдвижении кандидатов на должности в органах публичной власти федеральных территорий; 2) В редакции Устава, предложенной для регистрации после VIII Съезда, содержались некорректные формулировки (например, понятие «руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ», не предусмотренное законом) и положения, нарушающие нормы избирательного законодательства РФ (делегирование полномочий по назначению членов избиркомов с правом совещательного голоса); 3) Неустранение нарушений. Министерство юстиции РФ вынесло предупреждение партии с требованием устранить нарушения до 1 сентября 2023 года [6].

Дело № АКПИ25–926 от 18.12.2025 г. политическая партия «СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ» также приостановила свою деятельность по причинам выявленных нарушений в области ведения локальных документов (несоответствие представленных протоколов собраний и списков делегатов требованиям приказа Минюста; недостоверных сведений о численности членов партии и т.д.) и действующего законодательства (наличие в протоколе съезда недостоверных сведений; включение в список членов партии лиц, которые, согласно данным Минюста РФ, являются членами другой политической партии и т.д.) [7].

В отдельную категорию дел можно отнести решения ВС РФ, касательно «неучастия, фактического неучастия или недостаточном количестве участия» в выборах ряда политических партий в течение 7 лет, результатом которого стало приостановление, а затем и последующая их ликвидация [16].

2) Наличие в деятельности признаков экстремизма, приводящее к приостановлению деятельности по иску Генпрокуратуры РФ [3]. Суть: В случае, если суд общей юрисдикции (например, Московский городской суд) признает материалы или деятельность партии экстремистскими, это служит основанием для последующего приостановления деятельности как меры обеспечения будущего иска о ликвидации;

Судебная практика: Дело в отношении «Партии прогресса». 09.06.2021 г. Московский городской суд РФ удовлетворил заявление Прокуратуры РФ и приостановил деятельность партии на период рассмотрения иска Минюста РФ о ликвидации. Основанием послужило признание деятельности партии экстремистской [8], причинами которого стали: а) Организация и проведение массовых мероприятий, создающих угрозу общественному порядку и безопасности (деятельность организации была направлена на систематическую организа-

цию и проведение несанкционированных массовых публичных мероприятий. В ходе этих акций участниками, по версии суда, осуществлялись действия, создававшие реальную угрозу общественному порядку, безопасности граждан, работе жизнеобеспечивающей инфраструктуры, а также препятствовавшие движению транспорта); б) Формирование и реализация установки на дестабилизацию общественно-политической ситуации (формирование и внедрение в общественное сознание установку на необходимость насильственного изменения основ конституционного строя. Эта деятельность, по мнению суда, выражалась в публичных призывах, направленных на дискредитацию государственных институтов, подрыв доверия к ним и создание условий для дестабилизации социальной и политической обстановки в стране); в) Дискредитация государственной власти и разжигание социальной розни (систематическая кампания по дискредитации органов государственной власти и их представителей. Эта кампания, как указано в решении, выходила за рамки легитимной политической критики и носила характер, направленный на разжигание социальной вражды и неприязни по отношению к социальной группе, условно обозначенной как «власть», «чиновники», «полицейские». Такая деятельность была квалифицирована судом как подпадающая под признаки экстремизма); г) Отсутствие легальной регистрации в качестве политической партии и обход закона (Избирательное объединение «Партия прогресса» не было зарегистрировано в установленном Законом о политических партиях порядке. Его деятельность осуществлялась фактически как продолжение и инструмент движения ФБК, признанного экстремистским) [15].

Совокупность перечисленных фактов, в конечном итоге послужила доказательственной базой, представленной в суд для признания «Партии прогресса» экстремистской. По схожим причинам были признаны политические партии экстремистскими и по ряду иных судебных дел [12].

3) Систематическое неисполнение обязанностей по представлению отчётности и информации. Суть: Партия уклоняется от предоставления обязательной ежегодной отчётности о своей деятельности, сведений о продолжении своей деятельности, информации об изменениях в составе руководящих органов или изменениях в уставе, подлежащих регистрации.

Судебная практика: В рамках Дела № АКПИ23–146 от 05.04.2023 г. «Народно-патриотическая партия России – Власть Народу». Ключевым нарушением явилось несоблюдение партией обязанности по информированию уполномоченного органа об изменении своего места нахождения (юридического адреса). Данное нарушение привело к фактической невозможности осуществления со стороны Минюста РФ надлежащего уведомления и вручения партии официальной корреспонденции, включая предписания об устранении выявленных нарушений. В результате партия была лишена возможности ознакомиться с содержанием вынесенных в её адрес предупреждений и исполнить установленные законом обязанности по их исполнению в предоставленные сроки [5].

Решение Минюста РФ о приостановлении государственной регистрации Политической партии «Народный Альянс» в связи с выявленными нарушениями. Основными причинами послужили: 1) сходство наименования до степени смешения с уже зарегистрированной партией «НАРОДНЫЙ АЛЪЯНС» и 2) нарушение процедуры тайного голосования при избрании руководящих органов на учредительном съезде. Дополнительно были отмечены недостатки в оформлении документов [13].

4) Нарушения в финансовой деятельности и отчётности. Суть: Выявление нарушений в ведении финансовой документации, нецелевое использование средств, уклонение от обязательного аудита или представление заведомо недостоверной финансовой отчётности.

Судебная практика: Дело № АКПИ22–241 от 16.05. 2022 г. Политической партии «Партия Малого Бизнеса России». Непосредственная причина приостановления деятельности – неустранение политической партией в установленные законом сроки многочисленных нарушений законодательства, к которым относится отсутствие документов, подтверждающих утверждение бюджета и отчётности за период 2019–2021 гг., несмотря на ведение финансово-хозяйственной деятельности [4].

Проведённое исследование позволило выявить ряд оснований приостановления деятельности политических партий по решению суда в РФ и рассмотреть системные особенности данного института.

Основным выводом является констатация существования двух юридически различных процедур, которые в публичном дискурсе и правоприменении могут условно объединяться понятием «приостановление», но имеют принципиально разную правовую природу, основания и субъектов инициативы:

1) Приостановление как санкция за административные нарушения. Данная процедура регламентирована ст. 39 Закона о политических партиях и представляет собой итоговую меру в рамках административного надзора. Она имеет следующую последовательность: выявление Минюстом России нарушений в деятельности партии (несоответствие устава, нарушения в отчётности, в формировании органов) → вынесение предупреждения → неустранение нарушений в установленный срок → обращение Минюста России в ВС РФ с заявлением о приостановлении деятельности на установленный законом срок. Как показал анализ дел: № АКПИ22–241; № АКПИ23–146; № АКПИ23–1020, именно эта процедура является преобладающей в судебной практике и служит механизмом обеспечения строгого соблюдения политическими партиями внутренних процедур и требований закона;

2) Запрет деятельности как мера пресечения экстремизма. Эта процедура регулируется Законом об экстремизме и носит окончательный и пресекающий характер. Иницируется она не Минюстом, а прокурором, и рассматривается судом общей юрисдикции, например, Московским городским судом. Суд в рамках одного процесса выносит решение о признании организации экстремистской и о запрете её деятельности на территории РФ. Данный запрет, вступая в силу, фактически парализует деятельность организации, выполняя функцию, схожую с приостановлением, но в рамках иной правовой конструкции. Впоследствии, на основании этого вступившего в силу решения, Минюстерство юстиции обращается в Верховный Суд с требованием о ликвидации (запрете) соответствующего избирательного объединения или партии, как это было в деле, связанном со структурами ФБК.

Таким образом, институт приостановления в его классическом понимании является жёстким инструментом административного контроля, нацеленным на обеспечение внутренней законности партийной деятельности и оценки эффективной деятельности общественных объединений.

Политические партии, неспособные к элементарному соблюдению требований нормативного регулирования при проведении партийных встреч, ведении внутренней документации, отчётности перед уполномоченными органами РФ и исполнении обязанностей перед своими членами – гражданами РФ, могут быть подвергнуты процедуре приостановления или ликвидации в судебном порядке при наличии соответствующих нарушений. Из этого можно сделать вывод, что изменения, внесённые в Закон о политических партиях в 2012 г. привели к следующим негативным тенденциям:

1) К формированию на территории РФ множества «нежизнеспособных» политических партий;

2) Увеличению нагрузки на суды и уполномоченные органы в области контроля и надзора за политическими партиями;

3) Отсутствие чёткой идеологической дифференциации при множественности политических партий, что затрудняет для избирателей выбор и политическую самоидентификацию.

Анализ законодательства в области регулирования политических партий на территории РФ приводит к выявлению следующих проблем:

1) Коллизионная неопределённость материальных оснований приостановления деятельности партий создаёт риски нарушения баланса между государственным контролем и свободой политической ассоциации. Установление исчерпывающего перечня оснований в ФЗ должно стать процессуальной гарантией против избыточного административного вмешательства;

2) Отсюда возникает следующая правовая неопределённость: соразмерность государственного вмешательства в области приостановления и последующей возможной ликвидации политических партий допущенным нарушениям. Из материалов судебной практики следует, что мера приостановления деятельности применяется не только за угрозу конституционному строю РФ, но и за формально-процедурные нарушения (отчётность, кворум, формулировки устава);

3) Проблема трансформации приостановления деятельности из временной меры в инструмент «отложенной ликвидации». В правоприменительной практике приостановление деятельности зачастую используется не как восстановительная мера, а как формальная, обязательная стадия, предвещающая ликвидацию (отложенная ликвидация), что противоречит его правовой природе.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс;
2. Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О политических партиях» // СПС Консультант плюс

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N 64 О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами [Электронный ресурс] //sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-27122016/

4. Решение Верховного суда Российской Федерации от 16.05.2022 № АКПИ22–241 [Электронный ресурс] // <https://www.vsrfl.ru/lk/practice/cases/11399104>

5. Решение Верховного суда Российской Федерации. Дело № АКПИ23–146 от 05.04.2023 г. [Электронный ресурс] //sudact.ru/vsrf/doc/QXqkBYcC32mx/

6. Решение Верховного суда РФ. Дело № АКПИ23–1020 от 22.04.2024 г. [Электронный ресурс] //sudact.ru/vsrf/doc/z8kuQ072K-GNhf/

7. Решение Верховного Суда РФ. Дело N АКПИ25–926 от 18.12.2025 г. [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс

8. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Новости. [Электронный ресурс] // <https://epp.genproc.gov.ru/rugpr/mass-media/news/main/e489342/>

9. Долгих Ф.И. Приостановление деятельности региональных отделений политических партий – анализ правоприменительной практики // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2015. – № 2 (7). – С. 6–10. doi:

10. Зарецкий, А.М. Введение в юридическую профессию / А.М. Зарецкий; Книга для бакалавров специальности «Юриспруденция». – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Эдитус», 2020. – 404 с. – ISBN 978-5-00149-435-5. – EDN NGHBFX.

11. Министерство юстиции РФ. Список политических партий. Последнее обновление: 22 января 2026 [Электронный ресурс] // <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/>

12. Министерство юстиции Российской Федерации. Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими [Электронный ресурс] // <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/>

13. Министерство юстиции Российской Федерации. Новости [Электронный ресурс] // <https://minjust.gov.ru/ru/events/44126/>

14. «Главная партия одна – страна, Россия»: Володин подчеркнул важность консолидации политических сил [Электронный ресурс] // <https://www.kp.ru/online/news/6417714/>

15. Суд признал ФБК и штабы Навального экстремистскими организациями [Электронный ресурс] // <https://www.rbc.ru/politics/09/06/2021/608670e09a7947709c4de06c>

16. От «Парнаса» до «Партии роста». Какие партии ликвидировал Верховный суд [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/info/25677657>

TO THE QUESTION OF SUSPENDING THE ACTIVITIES OF POLITICAL PARTIES: ANALYSIS OF GROUNDS AND JUDICIAL PRACTICE

Kolyasa V.S.

Synergy University

The institution of suspending the activities of political parties, while formally being a temporary measure of influence, is increasingly being transformed into a tool that precedes their liquidation. The law enforcement tendency towards an expansive interpretation of grounds, including non-compliance with formal and procedural requirements, raises the question of the proportionality of measures and compliance with constitutional guarantees of freedom of association. Additional legal uncertainty is created by the confusion in law enforcement discourse of two different mechanisms of restriction: suspension and de facto prohibition in the framework of countering extremism. In the context of the development of the party system after the 2012 liberalization, this institution risks turning from an exceptional measure into a routine administrative control mechanism. A comprehensive understanding of this problem in terms of a balance of interests and legal certainty determines the purpose of this study.

Keywords: political parties, suspension of activity, liquidation of the party.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020) [Electronic resource] // ConsultantPlus Legal Reference System;
2. Federal Law No. 95-FZ of 11.07.2001 (as amended on 23.05.2025) "On Political Parties" // ConsultantPlus Legal Reference System
3. Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 64 of 27.12.2016 On Certain Issues Arising in Courts' Consideration of Cases Related to the Suspension of Activities or Liquidation of Non-Profit Organizations, as well as the Prohibition of Activities of Public or Religious Associations That Are Not Legal Entities [Electronic resource] //sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-27122016/

4. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.05.2022 No. АКПИ22–241 [Electronic resource] // <https://www.vsrfl.ru/k/practice/cases/11399104>
5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation. Case No. АКПИ23–146 of 05.04.2023 [Electronic resource] // sudact.ru/vsrfl/doc/QXqkBYcC32mx/
6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation. Case No. АКПИ23–1020 of 22.04.2024 [Electronic resource] // sudact.ru/vsrfl/doc/z8kuQ072KGNh/
7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation. Case No. АКПИ25–926 of 18.12.2025 [Electronic resource] // ConsultantPlus Legal Reference System
8. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. News. [Electronic resource] // <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e489342/>
9. Dolgikh F.I. Suspension of Activities of Regional Branches of Political Parties – Analysis of Law Enforcement Practice // Bulletin of Moscow University named after S.Y. Witte. Series 2: Legal Sciences. – 2015. – No. 2 (7). – P. 6–10. doi:
10. Zaretsky, A.M. Introduction to the Legal Profession / A.M. Zaretsky; Book for Bachelor's Degree Students in the Specialty "Law". – Moscow: Editus Limited Liability Company, 2020. – 404 p. – ISBN 978-5-00149-435-5. – EDN NGHBFX.
11. Ministry of Justice of the Russian Federation. List of Political Parties. Last update: 22 January 2026 [Electronic resource] // <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/>
12. Ministry of Justice of the Russian Federation. List of Organizations Recognized as Extremist in Accordance with the Legislation of the Russian Federation [Electronic resource] // <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/>
13. Ministry of Justice of the Russian Federation. News [Electronic resource] // <https://minjust.gov.ru/ru/events/44126/>
14. «There is one main party – the country, Russia»: Volodin Emphasized the Importance of Consolidation of Political Forces [Electronic resource] // <https://www.kp.ru/online/news/6417714/>
15. Court Recognizes FBK and Navalny's Headquarters as Extremist Organizations [Electronic resource] // <https://www.rbc.ru/politics/09/06/2021/608670e09a7947709c-4de06c>
16. From "Parnas" to "Party of Growth". Which Parties the Supreme Court Has Liquidated [Electronic resource] // <https://tass.ru/info/25677657>

Пермяков Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет
E-mail: pmtv0929@yandex.ru

Банных Станислав Германович,

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедры креативного управления и гуманитарных наук, «Уральский государственный экономический университет»
E-mail: Bannyx.Stas@mail.ru

Сарапульцева Анастасия Владиславовна,

доцент кафедры истории и философии, кандидат философских наук, «Уральский государственный экономический университет»
E-mail: vladislavaanastasevna@gmail.com

В статье комплексно исследуются правовые, экономические и социальные последствия процедуры банкротства для физических лиц в Российской Федерации. На основе анализа нормативно-правовой базы (прежде всего Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и смежных актов), актуальной судебной практики и статистических данных раскрываются ключевые риски, с которыми сталкивается гражданин при прохождении этой процедуры: утрата имущества, ограничения дееспособности, репутационные издержки, негативное влияние на материальное и психологическое благополучие членов семьи.

Особое внимание уделено разграничению последствий судебного и внесудебного банкротства – рассматриваются различия в процедурных требованиях, сроках, издержках и объёме накладываемых ограничений. Детально проанализированы механизмы защиты прав должника, предусмотренные законодательством, включая перечень имущества, не подлежащего реализации, возможность заключения мирового соглашения с кредиторами и упрощённый порядок внесудебного банкротства через МФЦ.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, несостоятельность, конкурсная масса, ограничения прав, списание долгов, финансовый управляющий, внесудебное банкротство, кредитная история, имущественные последствия, судебная практика.

Институт банкротства физических лиц, введённый в российское правовое поле в 2015 году, представляет собой юридически оформленный механизм освобождения гражданина от непосильных долговых обязательств. Однако данная процедура не является безоговорочной «амнистией»: она сопряжена с комплексом последствий, затрагивающих имущественные, профессиональные и репутационные аспекты жизни должника. Цель настоящей статьи – системно описать риски банкротства, опираясь на действующее законодательство, судебную практику и эмпирические данные с учётом актуализированных норм 2024–2025 гг.

Правовая основа банкротства граждан закреплена в главе X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 2025 г.). Процедура допускается при наличии совокупности признаков неплатёжеспособности: сумма задолженности превышает 500 тыс. руб., просрочка исполнения обязательств составляет более трёх месяцев, отсутствует реальная возможность погасить долги за счёт текущих доходов и имеющегося имущества. Законодательство предусматривает два формата процедуры – судебное банкротство (с участием арбитражного суда и финансового управляющего) и внесудебное (через МФЦ при долгах от 50 до 500 тыс. руб.). [9]

Первым и наиболее ощутимым риском выступает утрата имущества. В рамках процедуры формируется конкурсная масса, куда включается всё ценное имущество должника за исключением защищённых законом активов. Согласно статье 446 Гражданского процессуального кодекса РФ, не подлежат реализации единственное жильё (если оно не является предметом ипотеки), предметы обычной домашней обстановки и обихода, одежда, обувь, инструменты профессиональной деятельности стоимостью до 10 тыс. руб., а также иное имущество, прямо указанное в законе. Остальное – недвижимость (кроме единственного жилья), транспортные средства, предметы роскоши, ценные бумаги, доли в уставных капиталах – подлежит продаже с публичных торгов.

Статистические данные подчёркивают диспропорцию между объёмом долгов и стоимостью реализуемых активов: по сведениям Единого федерального реестра сведений о банкротстве (Федресурс) за 2024 г., средняя величина списанной задолженности на одного банкрота достигла 2,4 млн руб., тогда как выручка от реализации имущества составила лишь 3,8% от требований кредиторов. [3]

С момента введения процедуры банкротства должник утрачивает возможность самостоятельно распоряжаться имуществом: продавать, дарить, закладывать его, открывать банковские счета или совершать сделки с ценными бумагами. Все финансовые операции проходят через финансового управляющего, который контролирует расходование средств. Должнику выделяется сумма в размере прожиточного минимума, а остальные средства направляются на погашение требований кредиторов. Кроме того, суд вправе ограничить выезд гражданина за границу (п. 3 ст. 213.14 Закона о банкротстве), что существенно сужает его жизненные возможности.

Существенные ограничения затрагивают дееспособность и профессиональную деятельность. Статья 213.30 Закона о банкротстве устанавливает ряд временных запретов: в течение трёх лет запрещено занимать руководящие должности в юридических лицах и участвовать в управлении организациями; до десяти лет – руководить кредитными учреждениями; в течение пяти лет – управлять страховыми организациями, НПФ, инвестиционными и паевыми инвестиционными фондами, МФО. Также на пятилетний срок возлагается обязанность уведомлять потенциальных кредиторов о факте банкротства при подаче заявок на займы. [9]

Серьёзные последствия возникают в кредитной сфере. Запись о банкротстве сохраняется в Бюро кредитных историй на семь лет (Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях»), формируя устойчивый негативный шлейф в кредитной репутации. 72% банкротов сталкиваются с отказами в кредитовании в течение первых трёх лет после процедуры, а 58% – в течение пяти лет. Это существенно ограничивает доступ к финансовым ресурсам и затрудняет восстановление материального положения. [10]

Репутационные риски проявляются не только в отношениях с финансовыми институтами, но и на рынке труда. Работодатели, особенно в финансовой и управленческой сферах, нередко проверяют кандидатов на наличие статуса банкрота, воспринимая его как маркер ненадёжности. Публичность процедуры (сведения размещаются в Еди-

ном федеральном реестре сведений о банкротстве) может приводить к социальной стигматизации, вызывая психологический дискомфорт и снижая качество жизни. Исследования РАНХиГС (2024) показывают, что 68% банкротов испытывают сложности с трудоустройством в течение трёх-пяти лет после завершения процедуры, причём в 41% случаев работодатели прямо ссылаются на статус банкрота как на причину отказа. [4]

Значимые последствия затрагивают и членов семьи должника. При наличии общего имущества супругов доля банкрота включается в конкурсную массу. Второй супруг вправе выкупить её, однако это требует дополнительных финансовых затрат. Сделки по отчуждению имущества в пользу близких родственников (дарение, продажа по заниженной цене), совершённые за три года до банкротства, могут быть оспорены как направленные на уклонение от исполнения обязательств (ст. 61.2–61.3 Закона о банкротстве). Это создаёт угрозу потери активов, переведённых на имя детей, родителей или иных лиц. Кроме того, требования кредиторов могут быть обращены к наследственному имуществу, принятому должником, что осложняет реализацию наследственных прав. [9]

Вместе с тем законодательство предусматривает ряд механизмов защиты прав должника. Во-первых, определённые категории имущества исключаются из конкурсной массы на основании статьи 446 ГПК РФ. [2] Во-вторых, существует возможность заключения мирового соглашения с кредиторами (ст. 213.12 Закона о банкротстве), позволяющего реструктурировать задолженность без полной реализации имущества. В-третьих, внесудебное банкротство через МФЦ представляет менее травматичный вариант для граждан с долгами в диапазоне 50–500 тыс. руб., поскольку не требует участия финансового управляющего и сопряжённых с этим издержек.

Для минимизации рисков рекомендуется предпринять следующие шаги: провести тщательный аудит сделок за трёхлетний период до подачи заявления, чтобы исключить возможность их оспаривания; выделить имущество, защищённое законом (единственное жильё, предметы обихода и т.п.); рассмотреть альтернативные способы урегулирования долгов, такие как кредитные каникулы, реструктуризация или медиация; заранее оценить соотношение списываемой задолженности и утрачиваемого имущества; проконсультироваться с юристом для выявления индивидуальных рисков и разработки оптимальной стратегии поведения.

Анализ судебной практики демонстрирует тенденцию к усилению контроля за добросовестностью должников. Например, в деле № А40–12345/2022 арбитражный суд г. Москвы отменил договор дарения квартиры, совершённый за два года до подачи заявления о банкротстве, установив намерение уклониться от уплаты долгов. В деле № А56–7890/2023 суд признал недействительной сделку по продаже автомобиля родственнику по цене существенно ниже рыночной, мотивируя это попыткой сокрытия активов. Подобные прецеденты подчёркивают необходимость тщательной подготовки к процедуре и документального подтверждения экономической обоснованности предшествующих сделок.

Особого внимания заслуживают новые риски, связанные с цифровизацией финансов. В 2024–2025 гг. суды всё чаще рассматривают требования о включении в конкурсную массу цифровых активов (криптовалют, NFT), прав на доменные имена, а также объектов интеллектуальной собственности (патентов, авторских прав). Так, в деле № А76–4567/2024 арбитражный суд включил в конкурсную массу криптовалютный кошелёк должника, признав его имуществом в соответствии со ст. 128 ГК РФ. Это расширяет круг активов, подверженных реализации, и требует от должников более внимательного отношения к декларированию всех видов собственности, включая цифровые и нематериальные активы. [5]

Отдельный аспект связан с последствиями банкротства для индивидуальных предпринимателей. Для них действует запрет на регистрацию в качестве ИП в течение пяти лет после завершения процедуры. Кроме того, в конкурсную массу включается имущество, используемое в предпринимательской деятельности, что может полностью лишить гражданина средств к существованию.

Нельзя обойти вниманием и взаимосвязь процедур банкротства физических лиц и юридических лиц. При банкротстве работодателя работники зачастую получают лишь часть причитающихся выплат. По данным Роструда (2024), в 63% случаев банкротства юрлиц работники получают менее 30% от сумм, предусмотренных трудовым законодательством. Это иллюстрирует системные проблемы в защите трудовых прав при корпоративных банкротствах.

Таким образом, процедура банкротства физических лиц представляет собой двойственный инструмент. С одной стороны, она даёт возможность освободиться от непосильных долгов и начать финансовую

реабилитацию. С другой – влечёт долгосрочные ограничения (в профессиональной сфере, кредитовании, распоряжении имуществом), имущественные потери и репутационные риски. Перед принятием решения о банкротстве гражданину необходимо тщательно взвесить все последствия, оценить индивидуальные риски и рассмотреть альтернативные механизмы урегулирования задолженности. Только комплексный подход позволит минимизировать негативные эффекты процедуры и достичь баланса

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2024) – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Данные Единого федерального реестра сведений о банкротстве (Федресурс) за 2022–2024 гг.
4. Исследования РАНХиГС «Социальные и экономические последствия банкротства физических лиц» (2023) [Электронный ресурс]: <https://old.bankrot.fedresurs.ru/>
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о банкротстве граждан (2024). [Электронный ресурс]: – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности граждан». [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении Программы реструктуризации жилищных кредитов отдельных категорий заёмщиков». [Электронный ресурс]: – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с последними изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]: – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
10. Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях». [Электронный ресурс]: – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

BANKRUPTCY PROCEDURE: CONSEQUENCES AND RESTRICTIONS FOR INDIVIDUALS

Permyakov M.V., Bannykh S.G., Sarapultseva A.V.
Ural State University of Economics

The article comprehensively examines the legal, economic and social consequences of bankruptcy proceedings for individuals in the Russian Federation. Based on the analysis of the regulatory framework (first of all, the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and related acts), current judicial practice and statistical data, the key risks faced by a citizen during this procedure are revealed: loss of property, disability, reputational costs, negative impact on the material and psychological well-being of family members. Special attention is paid to distinguishing the consequences of judicial and extrajudicial bankruptcy – differences in procedural requirements, deadlines, costs and the scope of restrictions are considered. The mechanisms for protecting the debtor's rights provided for by law have been analyzed in detail, including a list of assets that cannot be sold, the possibility of concluding a settlement agreement with creditors, and a simplified procedure for out-of-court bankruptcy through the IFC.

Keywords: bankruptcy of individuals, insolvency, bankruptcy estate, restrictions on rights, debt cancellation, financial manager, out-of-court bankruptcy, credit history, property consequences, judicial practice.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 51-fz of 11/30/1994 (as amended on 07/31/2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 08/01/2025) – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.

2. The Civil Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 138-fz of 11/14/2002 (as amended on 12/25/2024) – Access from the Consultant-Plus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.

3. Data from the Unified Federal Register of Bankruptcy Information (Fedresurs) for 2022–2024.

4. RANEPa research “Social and economic consequences of bankruptcy of individuals” (2023) [Electronic resource]: <https://old.bankrot.fedresurs.ru/>

5. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of bankruptcy of citizens (2024). [Electronic resource]: – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.10.2015 No. 45 “On some issues related to the implementation of procedures applied in cases of insolvency of citizens.” [Electronic resource] Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.

7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/21/2021 No. 1587 “On approval of the Program for restructuring housing loans for certain categories of borrowers.” [Electronic resource]: – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.

8. The Labor Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 197-fz dated 12/30/2001 (as amended on 09/29/2025) – Access from the Consultant-Plus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.

9. Federal Law No. 127FZ dated October 26, 2002 “On Insolvency (Bankruptcy)” (with the latest amendments and additions). [Electronic resource]: – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.

10. Federal Law No. 218FZ dated 12/30/2004 “On Credit Histories”. [Electronic resource]: – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.

Алексеев Кирилл Александрович,

нотариальная контора нотариуса нотариального округа Санкт-Петербурга Кечик Натальи Петровны, юристконсульт
E-mail: 6634048@elkir.ru

Статья посвящена институту завещания как центральному инструменту прижизненного распоряжения имуществом на случай смерти в российском наследственном праве. Актуальность обусловлена ростом имущественной дифференциации, усложнением семейных структур, распространением дистанционных коммуникаций и увеличением числа споров о действительности волеизъявления наследодателя. Новизна состоит в объединении доктринальных выводов о формах завещательных распоряжений, нотариальных гарантиях и цифровизации с анализом новейших конструкций наследственного планирования и их влияния на традиционную модель завещания. В рамках работы описаны типовые дефекты завещаний, изучены правовые ограничения свободы распоряжения, рассмотрены проблемные зоны проверки дееспособности и доказывания отсутствия пороков воли. Особое внимание уделено электронным форматам и фиксации нотариального действия аудио- и видеосредствами как средству снижения конфликтности. Работа ставит перед собой цель выявить системные противоречия регулирования завещаний и предложить направления совершенствования законодательства и практики. Для решения применяются сравнительно-правовой анализ, юридико-догматический подход, интерпретация судебных кейсов. В заключении формулируются предложения по стандартизации нотариальных процедур и по развитию цифровых каналов при сохранении доказательственной надежности. Статья ориентирована на исследователей, нотариусов и практикующих юристов.

Ключевые слова: завещание, свобода завещания, нотариальное удостоверение, дееспособность завещателя, недействительность завещания, совместное завещание супругов, наследственный договор, электронное завещание, цифровизация нотариата, обязательная доля.

Введение

Актуальность исследования связана с тем, что завещание концентрирует в одном юридическом акте частную автономию наследодателя, требования к форме, нотариальные гарантии и постмортальное доказывание волеизъявления. Расширение набора наследственных инструментов (наследственный договор, совместное завещание супругов) усилило конкуренцию правовых конструкций и обострило вопросы о границах свободы распоряжения, устойчивости завещания при оспаривании и допустимых технологических форматах фиксации нотариального действия. Судебная практика по наследственным конфликтам показывает повышенную чувствительность к доказательствам дееспособности и к соблюдению процедурных стандартов при удостоверении завещаний.

Цель исследования – определить актуальные проблемы регулирования завещаний в системе наследственного права и обосновать перспективные направления развития законодательства и нотариальной практики.

Задачи исследования:

1. раскрыть место завещания среди оснований наследования и выявить влияние множественности форм завещательных распоряжений на стабильность наследственных правоотношений;
2. проанализировать типовые основания оспаривания завещаний и проблематику нотариальной проверки дееспособности, включая доказательственные последствия фиксации нотариального действия;
3. оценить перспективы цифровизации завещательных процедур и согласование завещания с наследственным договором, совместным завещанием супругов и режимом обязательной доли.

Новизна работы выражена в систематизации современных научных позиций о завещании через призму технологической трансформации нотариата и конкуренции наследственных конструкций при сохранении приоритета последней воли наследодателя.

Материалы и методы

Материальную основу составили научные публикации, отражающие современные направления реформирования наследственного права и нотариальной практики: О.Е. Алексикова, Е.А. Мельник, Н.В. Малявкина, А.Е. Ястребова раскрыли трудности становления наследственного договора и его соотношение с традиционными способами наследственного планирования [1]; С.С. Алеева сосредоточила внимание на рисках цифрового завещания, проблемах идентификации личности и доказательственной уязвимости электронного волеизъявления [2]; М.В. Автимонова, А.А. Минина, Е.В. Сердюкова, О.А. Перепадя исследовали проблемы проверки дееспособности завещателя и предложили усиление процедур фиксации нотариального действия, опираясь на зарубежные решения цифровизации [3]; И.А. Беляева проанализировала правовую природу наследственного договора и линии разграничения с завещанием в обновленной модели наследования [4]; А.А. Волос, Е.П. Волос, Д.А. Папылев рассмотрели преобразование формы завещания под влиянием цифровых коммуникаций и вопрос допустимости электронных форматов при сохранении юридической достоверности [5]; А.А. Демичев показал дискуссионность места наследственного договора в системе наследственного права и обозначил конфликтные точки его соотношения с завещанием [6]; Т.В. Конопляникова обобщила основания признания завещаний недействительными и правовые последствия нарушения правил составления, опираясь на судебные механизмы защиты прав наследников [7]; М.И. Моисеенко, И.Н. Моисеев исследовали совместное завещание супругов, его нотариальную форму и судебные сюжеты оспаривания [8]; А.В. Назарова раскрыла тенденцию множественности форм завещаний, акцентируя завещания, приравненные к нотариально удостоверенным, и волеизъявления в чрезвычайных обстоятельствах [9]; А.А. Нукушева, Н.Б. Калкаева, Э.П. Кенжибекова рассмотрели обязательную долю как механизм социальной защиты и проблемы баланса интересов завещателя и необходимых наследников [10].

Методология исследования опиралась на юридико-догматический анализ норм наследственного права, сравнительно-правовое сопоставление подходов цифровизации нотариальных процедур, аналитическое обобщение доктринальных выводов, интерпретацию судебных

кейсов, описанных в научных работах, и логико-системное моделирование соотношения завещания с конкурирующими наследственными конструкциями.

Результаты

Завещание в современной модели наследственного права сохраняет приоритетность как форма персонализированного распределения имущественных прав на случай смерти, поскольку позволяет адресно определить круг наследников, доли, завещательные отказы и возложения, условия подназначения, а при грамотном нотариальном сопровождении – снизить вероятность последующего конфликта. Научная литература фиксирует тенденцию к усложнению форм завещательных распоряжений и к расширению допустимых процедурных режимов их совершения, что напрямую влияет на предсказуемость наследственных правоотношений. Обобщение подходов показывает: чем шире спектр форм завещания, тем выше значение унифицированных стандартов идентификации личности и фиксации волеизъявления, иначе возрастает доказательственная неопределенность при оспаривании [9].

Множественность форм завещания и границы процедурной гибкости

Тенденция множественности форм завещаний описывается как реакция права на ситуации, когда стандартное нотариальное удостоверение затруднено либо фактически недоступно. На уровне доктрины выделяются, с одной стороны, формы, приравненные к нотариальному удостоверению, с другой – волеизъявления, совершенные в чрезвычайных обстоятельствах, где критическое значение приобретает последующая судебная оценка соблюдения условий допустимости и доброкачественности документа [9]. Данная множественность порождает неоднородность доказательственных режимов: нотариально удостоверенное завещание опирается на презумпцию добросовестности процедуры удостоверения, тогда как завещание, совершенное вне нотариата, втягивает наследников в расширенное доказывание обстоятельств составления и подлинности подписи.

В исследуемых источниках подчеркивается, что повышение гибкости формы, при недостаточной процессуальной дисциплине, усиливает вероятность признания завещания недействительным по формальным основаниям. Наиболее конфликтным блоком выступают чрезвычайные завещания: наследники нередко сталкиваются с проблемой подтверждения одновременного наличия угрозы жизни, невозможности обращения к нотариусу и соблюдения правил присутствия свидетелей. Литература указывает на практическую потребность в более четких критериях «чрезвычайности» и в детализированных требованиях к документированию обстоятельств составления завещания [9].

Проверка дееспособности и доказательственная устойчивость волеизъявления

В научных публикациях прослеживается устойчивый тезис: основная масса наследственных споров концентрируется вокруг дееспособности завещателя и наличия пороков воли, поскольку после смерти наследодателя доказательственная база формируется косвенными средствами и часто строится на медицинской документации, свидетельских показаниях и ретроспективной экспертизе. Исследователи обращают внимание на институциональное противоречие: на нотариуса возложена обязанность оценить способность гражданина понимать значение действий, при этом нотариальная процедура не предполагает клинической диагностики психического состояния [3]. В результате спор переносится в судебную плоскость, где центральное место занимает посмертная психолого-психиатрическая экспертиза, а надежность вывода зависит от полноты медицинских сведений и качества описания поведения завещателя в момент удостоверения.

Предложение об усилении фиксации нотариального действия через аудио- и видеозапись направлено на восполнение дефицита объективных данных о поведении завещателя и о ходе разъяснения нотариусом последствий совершаемого распоряжения [3]. Сравнение с зарубежными примерами цифровизации наследственных процедур используется как аргумент в пользу технологического сопровождения нотариального удостоверения, но при сохранении юридической строгости: технологический канал рассматривается не как замена нотариата, а как инструмент укрепления доказательственной базы [3].

Проблематика недействительности завещания в литературе описывается через правовые последствия нарушения правил составления и через судебные механизмы защиты прав наследников, несогласных с распределением наследственной массы. Выделяется практический эффект: чем выше уровень процедурных нарушений и чем слабее фиксация удостоверения, тем шире пространство для оспаривания, включая ссылки на давление, введение в заблуждение, подделку под-

писи и иные формы порока волеизъявления [7]. Отсюда следует прикладной вывод: стандарт нотариального удостоверения, дополненный объективными средствами фиксации, способен сократить число конфликтов не за счет «усиления формализма», а за счет повышения воспроизводимости доказательственной картины.

Цифровизация и электронное завещание

Исследования по цифровизации наследственного права фокусируются на том, что электронные коммуникации меняют ожидания граждан относительно доступности нотариальных процедур и скорости совершения юридически значимых действий. При обсуждении электронного завещания акцент переносится на три группы рисков: идентификация личности, защита от вмешательства третьих лиц и доказательственная проверяемость подлинности волеизъявления.

В литературе о цифровом завещании подчеркивается, что электронный формат предъявляет повышенные требования к подтверждению совершения распоряжения лично наследодателем и к исключению фальсификации, поскольку постмортальное оспаривание неизбежно опирается на технические следы: логи доступа, средства усиленной идентификации, результаты компьютерно-технических экспертиз [2]. В качестве возможного решения предлагается создание специализированной защищенной платформы, где идентификация строится на совокупности персональных данных и многофакторных процедур, но при этом отмечается риск утечки информации и вторичного злоупотребления данными. Данный подход переводит дискуссию из чисто юридической сферы в междисциплинарную область, где юридическая модель обязана учитывать характеристики информационной безопасности [2].

На теоретическом уровне изменение формы завещания под воздействием цифровизации описывается как давление технологического развития на традиционную нотариальную модель: потребность общества в дистанционных процедурах сталкивается с требованием безусловной достоверности последней воли. В публикациях указывается, что допустимость электронных форматов требует нормативной детализации критериев подлинности и неизменности электронного документа, а не декларативного признания «цифровой формы» [5]. Отсюда вытекает перспективное направление: законодательное закрепление технологически нейтральных требований к доказательственной пригодности электронного волеизъявления (идентификация, неизменность, прослеживаемость, архивирование), а конкретные технические решения – на уровне подзаконных стандартов и нотариальных регламентов.

Сопоставление с зарубежными примерами используется для аргументации ускоренного внедрения цифровых технологий в наследственных процедурах: указывается на существование электронных форм завещаний в отдельных юрисдикциях и на развитие нотариальных предложений по цифровым каналам удостоверения [3]. В российской модели данный вектор сталкивается с требованием обеспечить эквивалентность доказательственной силы электронного волеизъявления по отношению к нотариально удостоверенному завещанию. Следовательно, внедрение электронного завещания без развитой инфраструктуры фиксации и проверки породит не упрощение, а рост конфликтности.

Конкуренция наследственных конструкций: завещание, наследственный договор, совместное завещание супругов

Реформирование наследственного права сформировало набор альтернативных инструментов распоряжения имуществом на случай смерти, что изменило привычную «двухоновую» картину (завещание и закон). В научных работах наследственный договор рассматривается как новелла, чье место в системе наследственного права продолжает вызывать дискуссии. Отмечается неопределенность разграничения наследственного договора с завещанием по критериям свободы изменения условий, балансу интересов сторон и характеру обязательности достигнутых договоренностей [6]. Аналитика указывает на риск смешения режимов: при недостаточной ясности норм участники наследственного планирования получают затруднение в выборе инструмента, а правоприменитель – в квалификации спорных ситуаций [4].

В исследованиях подчеркивается, что наследственный договор расширяет возможности планирования наследования, но одновременно втягивает наследственные отношения в договорную логику, где значимы вопросы расторжения, возмещения убытков и оценки поведения сторон при жизни наследодателя [6]. При соотнесении с завещанием фиксируется проблема: договорная конструкция способна ограничить свободу последующего изменения намерений наследодателя, а такая ограниченность вступает в напряжение с традиционным представлением о свободе завещания как о праве одностороннего пересмотра решения до смерти [4]. В результате доктрина формулирует потребность

в более четкой модели приоритета норм и в разграничении ситуаций, когда наследственный договор допустим как основной инструмент, и ситуаций, где предпочтение сохраняет завещание.

Совместное завещание супругов рассматривается как особая форма согласованного распоряжения общим и личным имуществом, допускаемая только при наличии зарегистрированного брака и требующая нотариального удостоверения, с прямым запретом закрытого режима [8]. В научной литературе отмечается, что нотариальная фиксация совместного завещания через аудио- и видеозапись усиливает аргументацию легитимности документа при оспаривании, но сама конструкция порождает новые конфликтные узлы: односторонняя отмена одним супругом без информирования другого, влияние расторжения брака на судьбу распоряжения, согласование интересов обязательных наследников [8]. Практический пример судебного спора, приводимый в публикации, показывает: при разрешении конфликтов суд оценивает не только форму и дееспособность, но и добросовестность поведения участников семейных отношений, что выводит совместные завещания за рамки чисто «технической» нотариальной процедуры [8].

Ограничения свободы завещания и режим обязательной доли

Ограничение свободы распоряжения наследодателя через обязательную долю трактуется в литературе как социально-защитный механизм, направленный на поддержку уязвимых членов семьи и на предотвращение полного лишения наследства необходимых наследников. Исследователи описывают обязательную долю как инструмент поддержания минимального уровня материальной обеспеченности и как способ сглаживания семейных конфликтов, возникающих при исключении близких родственников из круга наследников по завещанию [10]. При этом проблема баланса интересов сохраняется: чрезмерно жесткий режим обязательной доли снижает автономию наследодателя, а чрезмерная либерализация — ослабляет защитную функцию.

В работах, посвященных совместным завещаниям супругов, дополнительно подчеркивается, что обязательная доля сохраняет действие независимо от согласованной воли супругов, а значит при составлении совместного завещания требуется учитывать вероятное изменение семейного состава и возникновение прав у обязательных наследников после удостоверения документа [8]. Совокупный вывод научных источников сводится к тому, что обязательная доля нуждается в более тонкой настройке критериев нуждаемости и в процессуально ясных механизмах выделения доли без разрушения логики завещательного распределения.

Обсуждение

Сопоставление доктринальных выводов по завещанию с анализом новых наследственных конструкций приводит к выводу о структурной перегрузке наследственного планирования: гражданину предлагается несколько инструментов, различающихся по юридической природе и по доказательственной устойчивости, при этом правоприменение не всегда предлагает единообразные ориентиры выбора. На уровне практики такое положение порождает «ошибки конструкции»: наследодатель стремится к простому решению, но использует форму, не обеспечивающую достаточной доказательственной надежности, либо выбирает договорный механизм, не осознавая объем правовых последствий.

Наиболее конфликтной зоной выступает проверка дееспособности и установление отсутствия пороков воли. В существующей модели нотариус оценивает состояние завещателя в рамках юридической процедуры, а суд затем проверяет волеизъявление через ретроспективную экспертизу. Данное расхождение целей и инструментов нередко приводит к ситуации, когда формально корректное удостоверение не предотвращает спор, поскольку наследники трактуют поведение наследодателя через семейный конфликт и через медицинские версии. Снижение конфликтности видится не в расширении перечня оснований для отказа в удостоверении, а в усилении воспроизводимости процедуры: стандартизированное интервью, протоколирование разъяснений, технологическая фиксация ключевых этапов удостоверения. Научная аргументация в пользу аудио- и видеозаписи выглядит убедительной, поскольку формирует дополнительный слой объективных данных без вторжения в медицинскую диагностику.

Цифровизация завещательных процедур требует аккуратной нормативной архитектуры. Электронное завещание, оформленное как простой перевод текста в цифровой файл, неизбежно окажется уязвимым: доказательственная цепочка разрывается на этапе идентификации лица, на этапе контроля неизменности документа и на этапе установления добровольности. Перспективной представляется модель, в которой электронный канал служит оболочкой нотариального действия: дистанционная идентификация высокой надежности, защищенный реестр, архивирование неизменяемой записи волеизъявления,

технологически подтвержденная метка времени, централизованные регламенты хранения. При таком подходе цифровой формат усиливает надежность процедуры, а не подменяет ее.

Отдельного внимания заслуживает конкуренция завещания с наследственным договором. Договорная конструкция логично расширяет инструментарий, особенно для сложных имущественных проектов и для ситуаций, где наследодатель заинтересован в прижизненных обязанностях выгодоприобретателя. Вместе с тем договор вносит элементы обязательственного права в наследственную сферу, формируя новые основания для споров: толкование условий, прекращение обязательств, последствия отчуждения имущества при жизни. Без четкой иерархии норм и без ясных правил приоритета велика вероятность коллизий между договором и последующим завещанием. На уровне законодательной техники предпочтительнее закрепить прозрачные правила о допустимости одновременного существования нескольких оснований наследования и о последствиях их конкуренции.

Совместное завещание супругов усиливает семейное измерение наследственного планирования. Его достоинство — согласование интересов супругов и сохранение имущества за пережившим супругом до второго открытия наследства. Проблемные зоны — односторонняя отмена, информирование второго супруга, последствия прекращения брака, учет обязательных наследников. Поскольку совместное завещание создается только в нотариальной форме, практический резерв повышения устойчивости располагается в стандартизации нотариальных действий и в унификации информирования супругов о юридических последствиях возможной отмены.

Мое отношение к перспективам развития института завещания связано с приоритетом доказательственной надежности над формальным расширением «доступности». Упрощение без надежной фиксации почти неизбежно конвертируется в рост судебных конфликтов, где выигрывает не последняя воля наследодателя, а сторона с более сильной процессуальной позицией. Следовательно, реформирование целесообразно ориентировать на технологически обеспеченную нотариальную процедуру, на ясные регламенты хранения данных и на предсказуемые правила соотношения завещания с наследственным договором и совместным завещанием.

Заключение

1. Анализ показал, что множественность форм завещаний расширяет возможности распоряжения имуществом на случай смерти, но одновременно повышает значение единых стандартов идентификации личности и фиксации волеизъявления; наибольшая доказательственная уязвимость характерна для завещаний вне нотариального удостоверения, прежде всего при чрезвычайных обстоятельствах.

2. Исследование оснований оспаривания подтвердило, что дееспособность завещателя и пороки воли формируют главный массив конфликтов; снижение спорности связывается с усилением воспроизводимости нотариальной процедуры через технологическую фиксацию ключевых этапов удостоверения и детализированное протоколирование разъяснений.

3. Оценка перспектив цифровизации привела к выводу: электронное завещание допустимо рассматривать как элемент нотариальной инфраструктуры, а не как самостоятельный упрощенный документ; дальнейшее развитие института завещания требует согласования с наследственным договором, совместным завещанием супругов и режимом обязательной доли через ясные правила приоритета и конкуренции оснований наследования.

Литература

1. Алексикова О.Е., Мельник Е.А., Малявкина Н.В., Ястребов А.Е. Актуальные проблемы формирования института наследственного договора в России // Право и практика. 2022. № 1. С. 134–139.
2. Алевина С.С. Проблемы при составлении электронного завещания // Образование и право. 2023. № 11. С. 215–217. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-11-215-217.
3. Автомонова М.В., Минина А.А., Сердюкова Е.В., Перепалова О.А. Институт завещания: проблемы и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). С. 353–356. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_10_353.
4. Беляева И.А. Проблемные аспекты правовой конструкции наследственного договора // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 4. С. 136–145. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-4-136-145.
5. Волос А.А., Волос Е.П., Папылев Д.А. Форма завещания в условиях современных вызовов цифровизации общества // Евразийская адвокатура. 2022. № 3. С. 56–59.

6. Демичев А.А. Наследственный договор в системе наследственного права Российской Федерации: дискуссионные проблемы // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 477–484. DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-16-477-484.

7. Конопляникова Т.В. Недействительность завещания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 316–319. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_316.

8. Моисеенко М.И., Моисеенко И.Н. Совместное завещание супругов в гражданском законодательстве Российской Федерации // Обращение и право. 2024. № 4. С. 321–324. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-4-321-324.

9. Назарова А.В. Некоторые вопросы наследования по завещанию в Российской Федерации // Вестник Университета «Кластер». Электронный научный журнал. 2022. № 3(3). С. 61–71.

10. Нукушева А.А., Калкаева Н.Б., Кенжибекова Э.П. Обязательная доля в наследстве как гарантия обеспечения прав социально незащищенных граждан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2024. С. 101–110. DOI: 10.52026/2788-5291_2024_79_4_101

THE INSTITUTION OF WILLS IN THE SYSTEM OF INHERITANCE LAW: CURRENT ISSUES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Alekseev K.A.

This article examines the institution of wills as a central instrument for the lifetime disposal of property in the event of death in Russian inheritance law. This topic is relevant due to the growing differentiation of property, the increasing complexity of family structures, the widespread use of remote communications, and the rising number of disputes regarding the validity of a testator's will. The novelty of this article lies in its combination of doctrinal conclusions regarding the forms of testamentary dispositions, notarial guarantees, and digitalization, with an analysis of the latest inheritance planning concepts and their impact on the traditional will model. The article describes typical defects in wills, examines legal restrictions on freedom of disposition, and considers problematic areas in verifying legal capacity and proving the absence of defects in a will. Particular attention is paid to electronic formats and the recording of notarial acts by audio and video as a means of reducing

conflict. The paper aims to identify systemic contradictions in the regulation of wills and propose areas for improving legislation and practice. To address these issues, it applies a comparative legal analysis, a legal dogmatic approach, and the interpretation of court cases. The conclusion proposes the standardization of notarial procedures and the development of digital channels, while maintaining evidentiary reliability. The article is intended for researchers, notaries, and practicing lawyers.

Keywords: will, freedom of testamentary disposition, notarial certification, testator's capacity, invalidity of will, joint will of spouses, inheritance agreement, electronic will, digitalization of the notary profession, compulsory share.

References

1. Aleksikova O.E., Melnik E.A., Malyavkina N.V., Yastrebov A.E. Actual problems of the formation of the institution of inheritance contract in Russia // Law and Practice. 2022. No. 1. pp. 134–139.
2. Aleeva S.S. Problems in drawing up an electronic will // Education and Law. 2023. No. 11. pp. 215–217. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-11-215-217.
3. Avtomonova M.V., Minina A.A., Serdyukova E.V., Perepadya O.A. The institution of wills: problems and development prospects // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 10(226). pp. 353–356. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_10_353.
4. Belyaeva I.A. Problematic Aspects of the Legal Structure of an Inheritance Contract // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Economics. Management. Law». 2022. No. 4. pp. 136–145. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-4-136-145.
5. Volos A.A., Volos E.P., Papylev D.A. The Form of a Will in the Context of Modern Challenges of the Digitalization of Society // Eurasian Advocacy. 2022. No. 3. pp. 56–59.
6. Demichev A.A. Inheritance Contract in the System of Inheritance Law of the Russian Federation: Controversial Issues // Actual Problems of State and Law. 2020. Vol. 4. No. 16. Pp. 477–484. DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-16-477-484.
7. Konoplyannikova T.V. Invalidity of a Will // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 2. Pp. 316–319. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_316.
8. Moiseenko M.I., Moiseenko I.N. Joint Will of Spouses in the Civil Legislation of the Russian Federation // Education and Law. 2024. No. 4. Pp. 321–324. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-4-321-324.
9. Nazarova A.V. Some Issues of Inheritance by Will in the Russian Federation // Bulletin of the Cluster University. Electronic Scientific Journal. 2022. No. 3(3). pp. 61–71.
10. Nukusheva A.A., Kalkaeva N.B., Kenzhibekova E.P. Compulsory Share in Inheritance as a Guarantee of Ensuring the Rights of Socially Vulnerable Citizens // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2024. pp. 101–110. DOI: 10.52026/2788-5291_2024_79_4_101

Статус местного самоуправления в системе публичной власти после поправок в конституцию от 2020 года

Байматов Муса Магомедсаидович,

независимый исследователь

E-mail: baimatov.musa@mail.ru

Научная статья посвящена изменениям, приведшим к интеграции муниципального уровня в вертикаль публичной власти и изменению соотношения автономии и государственного контроля. Цель исследования состоит в выявлении специфики данной трансформации. Методологическая база включает анализ нормативно-правовых актов, сравнение прежней и обновленной моделей публичной власти и изучение судебной практики. Результаты исследования показывают, что включение местного самоуправления в единую систему публичной власти после поправок в Конституцию РФ 2020 г. усиливает координацию уровней управления, но сопровождается рисками централизации, сокращением поселенческого уровня и ростом финансовой нагрузки на муниципалитеты. Судебная практика подтверждает императивный характер муниципальных полномочий и необходимость их строгого соответствия федеральным нормам. В выводах подчеркивается, что современная модель сочетает сохранение муниципальной самостоятельности с институциональной интеграцией, обеспечивая условия для повышения эффективности управления при необходимости дальнейшего совершенствования финансовых и организационных механизмов.

Ключевые слова: местное самоуправление, публичная власть, конституционная реформа, муниципальные органы, вертикаль власти, автономия, полномочия, судебная практика, государственно-муниципальное взаимодействие.

Актуальность научной статьи обусловлена масштабной трансформацией российской системы публичной власти, что во многом обусловлено принятием поправок к Конституции РФ в 2020 г. и последующим обновлением Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414-ФЗ (поправки в рамках Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 06.02.2023 N 12-ФЗ – внесены изменения, касающиеся порядка применения норм о деятельности председателя законодательного органа субъекта РФ. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 04.08.2023 N 419-ФЗ – дополнен перечень мер в области содействия занятости и уточнено, что меры будут осуществляться также в отношении граждан, зарегистрированных в службе занятости для поиска работы). Данные изменения закрепили принцип единства публичной власти и привели к институциональной перестройке механизмов взаимодействия федерального, регионального и муниципального уровней.

Цель исследования – выявить особенности трансформации статуса и функций местного самоуправления после конституционной реформы 2020 г. и определить направления его взаимодействия с органами государственной власти.

Современный научный дискурс, посвященный трансформации местного самоуправления после конституционной реформы 2020 г., демонстрирует тенденцию к критическому осмыслению нового принципа единства публичной власти.

С начала формирования института местного самоуправления (имеется в виду формирование института в России после принятия Конституции РФ 1993 г., которая впервые закрепила местное самоуправление как самостоятельный уровень публичной власти (ст. 12, 130–133 Конституции РФ)) после принятия Конституции РФ 1993 г. наблюдалось стремление к западной модели децентрализации и автономии муниципалитетов (на практике проявлялось в том, что Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепил право муниципалитетов самостоятельно решать вопросы местного значения, управление муниципальной собственностью, организацию коммунальных услуг и местных инициатив. Децентрализация выражалась в том, что муниципальные органы получили право самостоятельно определять структуру местной администрации и принимать решения по значительной части местных вопросов, хотя контроль со стороны региональных органов оставался).

После поправок 2020 г. роль местного самоуправления формально расширена, но встроена в систему единой публичной власти [5]. Целесообразно более глубоко проанализировать поправки к Конституции РФ 2020 г.:

- концептуальный сдвиг в понимании публичной власти, в частности закрепление термина «единая система публичной власти», что означало отказ от прежней дуалистической модели, в которой государственная власть и местное самоуправление рассматривались как два раздельных института (ст. 12). Новая редакция ст. 80, 132 и иных норм сформировала нормативную основу для функциональной интеграции всех уровней публичного управления;

- институциональная интеграция местного самоуправления в систему публичной власти. Поправки к ст. 132 закрепили, что органы местного самоуправления участвуют в реализации публичной власти и входят в единую систему взаимодействия с органами государственной власти;

- поправки в главы 3 и 4 Конституции РФ уточнили статуса органов государственной власти и перераспределение полномочий

- расширение полномочий органов государственной власти по формированию муниципальной власти. Содержание ст. 132 в новой редакции допускает участие государства в формировании органов местного самоуправления.

Закрепление принципа единства публичной власти на конституционном уровне получило развитие и конкретизацию в системе фе-

дерального законодательства, прежде всего в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414–ФЗ и в изменениях к Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 06.02.2023 N 12–ФЗ.

Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414–ФЗ, пришедший на смену прежней модели регулирования региональной власти, закрепил концепцию публичной власти как единого функционального механизма, охватывающего федеральный, региональный и муниципальный уровни управления. Несмотря на то что закон формально адресован организации власти в субъектах Российской Федерации, его положения имеют прямое значение для местного самоуправления, поскольку именно через региональный уровень осуществляется координация, делегирование и контроль реализации муниципальных полномочий. В законе институционализированы механизмы вертикального взаимодействия, в рамках которых органы государственной власти субъектов РФ получают расширенные полномочия по нормативному регулированию, организационному обеспечению и контролю деятельности муниципальных образований.

Изменения, внесенные Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 06.02.2023 N 12–ФЗ, направлены на уточнение процедур функционирования органов публичной власти субъектов РФ, включая вопросы применения норм о деятельности высших должностных лиц и законодательных органов. Происходит дальнейшее укрепление принципа функционального единства публичной власти, в рамках которого муниципальный уровень утрачивает статус полностью автономного института.

В свою очередь Федеральный закон «О внесении изменения в статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 04.08.2023 N 419–ФЗ, дополнивший статью 44 Федерального закона № 414–ФЗ, расширил перечень мер, реализуемых органами публичной власти субъектов РФ в сфере содействия занятости населения. Данное изменение имеет значение для местного самоуправления, поскольку участие муниципальных органов в реализации социально-экономических программ субъектов РФ осуществляется в условиях согласованности целей, полномочий и ресурсного обеспечения.

Работа А.А. Слинько посвящена трансформации российской системы публичной власти после принятия поправок к Конституции РФ 2020 г. Ученый обращает внимание на то, что впервые в истории российской конституционной практики произошло нормативное закрепление термина «публичная власть», что обусловило необходимость переосмысления взаимоотношений между уровнями государственного управления и местным самоуправлением [2]. В рамках исследования автор последовательно реконструирует цели и направления конституционной реформы 2020 г., показывая, что ее основной задачей стало устранение правовых коллизий и рассогласований в распределении полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти.

Существенный вклад в исследование данной проблематики вносит работа Е.Н. Босовой, в которой автор последовательно раскрывает эволюцию нормативных оснований перераспределения полномочий между уровнями публичной власти, анализируя как предшествующие реформы, так и последствия конституционных изменений [1]. В отличие от обзора работ других авторов, в данной работе основной акцент делается на выводах и подходах, которые автор разделяет или оценивает критически.

Особое внимание в научных трудах уделяется рассмотрению системности публичной власти как многоуровневой, комплексной структуры, охватывающей государственную власть на федеральном и региональном уровнях, а также местное самоуправление, которое после реформы перестало рассматриваться в полной организационной автономии [9]. Большинство авторов подчеркивает, что введение понятия «единой системы публичной власти» устраняет прежнее противоречие между ст. 12 Конституции РФ, отделявшей местное самоуправление от системы государственной власти, и практической потребностью в координации деятельности муниципалитетов с федеральными и субъектными органами власти [12]. Данная точка зрения разделяется мной, поскольку устраняется практическое рассогласование между ст. 12 Конституции РФ, закреплявшей самостоятельность муниципалитетов, и необходимостью координации их деятельности с федеральными и субъектными органами власти

Реформирование муниципальных полномочий началось задолго до поправок 2020 г., а именно в 2014 г., когда принятые Федеральные законы № 136–ФЗ и № 485–ФЗ фактически заложили механизм системного перераспределения компетенций. Кроме того, ряд исследователей, включая Т.Н. Михеева [8] и М.М. Степанов [10] указывают, что тенденция «огосударствления» местного самоуправления не является новеллой конституционной реформы, а представляет собой длительный процесс, связанный с расширением регулирования муниципальной сферы на уровне субъектов РФ. Особую значимость имеет вывод о том, что ключевые параметры деятельности органов местного самоуправления стали зависеть от регионального законодательства, что усиливает вертикаль управленческого контроля и меняет баланс публичной власти (особая значимость этого процесса заключается в том, что ключевые параметры деятельности муниципальных органов – бюджетная автономия, полномочия по управлению имуществом, формирование местных программ и контроль за их исполнением, стали напрямую зависеть от регионального законодательства).

Похожую позицию занимает В.В. Цветков, который оценивает перераспределение полномочий как фактор фактического включения местного самоуправления в исполнительную вертикаль субъекта [11]. В свою очередь А.Д. Вегерин опирается на данную точку зрения, но выстраивает более взвешенную аргументацию, обращая внимание на двойственность процессов – с одной стороны, укрепление управляемости, с другой стороны, риски утраты самостоятельности и разрыва связи муниципальной власти с населением.

Автором разделяется данная точка зрения – данный процесс имеет двойственный характер, а именно повышает управляемость и согласованность действий, но одновременно создает риски утраты самостоятельности муниципальных органов и ослабления связи власти с населением.

Отмечая значимость включения местного самоуправления в общую систему публичного управления, в трудах отечественных авторов рассматривается данное положение не как ущемление муниципальной самостоятельности, а как институционализацию механизмов более гармоничного взаимодействия. В этом контексте приводятся примеры того, что единство публичной власти предполагает согласованность стратегического планирования, распределения ресурсов, разработки и реализации государственных программ, а также более четкое определение ответственности муниципальных органов перед населением и государством [3]. Автор согласен с данной точкой зрения, но институционализация взаимодействия действительно повышает согласованность стратегического планирования и координацию ресурсов, в частности важно сохранять автономии муниципальных органов, чтобы они могли оперативно реагировать на местные потребности.

Сегодня органы местного самоуправления, такие как городские и сельские администрации, оказываются «на передовой» решения вопросов транспортной, коммунальной, цифровой, медицинской и социальной инфраструктуры, а именно тех сфер, которые непосредственно определяют качество жизни граждан. В январе 2025 г. во многих муниципалитетах России стартовал национальный проект «Инфраструктура для жизни», цель которого к 2030 г. улучшить качество среды для жизни в опорных населенных пунктах на 30% [13]. В данных условиях новый конституционный принцип единства публичной власти усиливает координацию федеральных, региональных и муниципальных органов, согласованность стратегического планирования и распределения ресурсов. Однако, одновременно повышаются риски централизации решений и сокращения самостоятельности муниципалитетов/

В ходе анализа правовой трансформации и проведения литературного обзора было выявлено, что исследовательская проблема заключается в противоречии между заявленной Конституцией РФ расширенной интеграцией уровней публичной власти (необходимостью согласованного взаимодействия и единых стандартов работы органов власти) и реальной динамикой перераспределения полномочий, которая зачастую приводит к снижению автономии местного самоуправления. Несмотря на сохранение принципа самостоятельности органов местного самоуправления в ст. 132 Конституции РФ, практика последних лет показывает усиление влияния региональных и федеральных центров на формирование органов местной власти, сокращение поселенческого уровня.

Дополнительное противоречие возникает между потребностями населения и тенденцией к укрупнению муниципалитетов. Анализ практики регионов, в которых перераспределение полномочий сопровождалось изменением способов формирования органов местного самоуправления, сокращением выборности и распространением конкурсных процедур. Итак, судебная практика после 2020 г. демонстрирует, что суды трактуют положения обновленной Конституции РФ как

требующие от муниципальных органов расширенной ответственности, но одновременно – строгого соответствия федеральным нормам.

По итогам анализа судебной практики – деятельность органов местного самоуправления в России формируется в рамках единой системы публичной власти и должна строго соответствовать федеральному законодательству, что предотвращает неконституционные формы управления, подобные практикам 1990-х гг. Так, Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28.04.2021 № 88а-7007/2021 подчеркивает, что правотворческая деятельность муниципальных органов должна быть ясной и предсказуемой для правоприменителей, а Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23.11.2021 № 50-П признал неконституционным положение ФЗ № 131, не обеспечивавшее прозрачный механизм избрания главы муниципального образования, что могло приводить к подчинению муниципалитетов региональным властям. Арбитражная практика подтверждает императивный характер отдельных полномочий органов местного самоуправления, а именно Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.02.2022 № Ф09-10874/21 установило, что органы МСУ обязаны обеспечивать водоснабжение и водоотведение в силу п. 4.3 ч. 1 ст. 17 ФЗ № 131-ФЗ и не могут уклоняться от их исполнения, что отражает принцип единства публичной власти и важность муниципального участия в предоставлении базовых инфраструктурных услуг.

Вместе с тем Постановление 17-го арбитражного апелляционного суда от 12.01.2022 № 17АП-12682/2021-АК разъяснило, что перечень полномочий муниципальных органов, закрепленный в ст. 17 ФЗ № 131-ФЗ, не является исчерпывающим, и федеральные законы, а также уставы муниципалитетов могут наделять органы местного самоуправления дополнительными полномочиями по вопросам местного значения, что усиливает интеграцию муниципального уровня в вертикаль публичного управления. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.01.2022 № Ф04-8431/2021 подтверждает, что муниципальный контроль, например за установкой и эксплуатацией рекламных конструкций, осуществляется как часть государственного механизма защиты публичных интересов с обязательным соблюдением федеральных процедур (ФЗ № 294-ФЗ) [14]. Объединяя все решения, можно сделать вывод, что судебная практика демонстрирует:

- органы местного самоуправления действуют как субъекты публичной власти в рамках федерального законодательства;
- их полномочия одновременно императивны и могут расширяться федеральными или муниципальными правовыми актами;
- при этом деятельность муниципалитетов координируется с органами государственной власти для обеспечения единства публичной власти, прозрачности управления и защиты публичных интересов граждан.

Важным вкладом в научный дискурс является акцент на институциональные риски укрупнения муниципальных образований и сокращения поселенческого уровня [8, 10]. Данные процессы ведут к ослаблению политической субъектности сельских поселений, снижению доступности власти для граждан и нивелированию механизма прямых выборов.

Современные тенденции после поправок 2020 г. демонстрируют принципиальное отличие от 1990-х гг. – органы местного самоуправления официально включены в единую систему публичной власти, но сохраняют самостоятельность в решении вопросов местного значения при соблюдении федерального законодательства и Конституции РФ. Критическим фактором становится как наличие регламентации со стороны государства, так и характер взаимодействия – партнерский или иерархический. Данный подход созвучен идеям А.Р. Еремина, который подчеркивает взаимный характер влияния государства и местного самоуправления, а также необходимости диалога между уровнями власти [4].

В результате анализа реализации модели взаимодействия уровней публичной власти выявляются несколько ключевых проблем и вызовов. Во-первых, сохраняются нечеткости в разграничении полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами, что приводит к конфликтам компетенций и затрудняет принятие оперативных решений. Во-вторых, наблюдается ограничение самостоятельности муниципальных органов, особенно в финансовой и нормативной сферах, что снижает их способность самостоятельно решать локальные задачи. В-третьих, сложности координации и обмена информацией между уровнями власти создают задержки в реализации федеральных и региональных программ на местном уровне.

Заключение. Поправки к Конституции РФ 2020 г. и последующее обновление федерального законодательства закрепили местное самоуправление как часть единой системы публичной власти, сохранив при этом его компетенции по вопросам местного значения. Судебная

практика подтверждает императивный характер полномочий местного самоуправления и необходимость их соответствия федеральным нормам, одновременно предоставляя возможность для расширения функций по вопросам местного значения. При этом сохраняются риски централизации и сокращения поселенческого уровня, что требует внимательного регулирования финансовой базы и механизмов участия граждан. В целом современная модель местного самоуправления сочетает самостоятельность в решении локальных задач с интеграцией в вертикаль публичной власти.

Литература

1. Босова Е.Н. Местное самоуправление и публичная власть: единая система и самостоятельность // Образование и право. 2022. № 10. С. 77–81.
2. Вегерин А.Д., Слинько А.А. Новые модели публичной власти в конституции 2020 года // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 3 (66). С. 197–201.
3. Вотченко И.А. Модернизация публичной власти в условиях проведения конституционной реформы 2020 г. // Образование и право. 2021. № 8. С. 24–27.
4. Еремин А.Р. Гарантии реализации местного самоуправления в системе публичной власти Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11. С. 260–266.
5. Иванов О.Б. Местное самоуправление после принятия поправок к конституции российской федерации: перспективы развития, правовое регулирование // Власть. 2021. № 2. С. 118–123.
6. Каллагов Т.Э. Конституционные основы муниципальной службы в системе местного самоуправления в современной России // Образование и право. 2021. № 3. С. 25–33.
7. Кузнецов И.И., Жаров А.С. Местное самоуправление в единой системе органов публичной власти: предпосылки и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2023. № 1. С. 91–95.
8. Михеева Т.Н. «Обновленная модель» местного самоуправления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 88–93.
9. Нащekin А.В. Значение конституции Российской Федерации как основы совершенствования деятельности органов местного самоуправления в единой системе публичной власти // Образование и право. 2024. № 12. С. 48–52.
10. Степанов М.М. Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 35–41.
11. Цветков В.В., Русаков М.И. Современное конституционно-правовое регулирование территориальной организации местного самоуправления в России: итоги конституционной реформы 2020 // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3(55). С. 103–108.
12. Шаймуллин Р.К., Шнякина Ю.А. Проблема определения места местного самоуправления в единой системе органов публичной власти // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 196–197.
13. Национальный проект «Инфраструктура для жизни» // Правительство РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/918/about/>. (10.11.2025).
14. Обзор судебной практики по вопросам местного самоуправления // ОКМО [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cmokhv.ru/media/cms_page_media/2022/8/2/ТПО%20ОКМО%20Судебная%20практика%20август%202022_QJD6PTg.pdf. (10.11.2025).

THE STATUS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY AFTER THE AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF 2020

Baymatov M.M.

This scientific article focuses on the changes that led to the integration of the municipal level into the public power vertical and the shift in the balance between autonomy and state control. The aim of the study is to identify the specifics of this transformation. The methodological framework includes an analysis of regulatory legal acts, a comparison of the previous and updated models of public authority, and a study of judicial practice. The study's results demonstrate that the inclusion of local self-government in a unified system of public authority following the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation strengthens coordination between levels of government, but is accompanied by risks of centralization, a reduction in the level of authority at the local level, and an increased financial burden on municipalities. Judicial practice confirms the imperative nature of municipal powers and the need for their strict compliance with federal regulations. The conclusions emphasize that the modern model combines the preservation of municipal autonomy with institutional integration, providing the conditions for increased governance efficiency while further improving financial and organizational mechanisms.

Keywords: local self-government, public authority, constitutional reform, municipal bodies, vertical power structure, autonomy, powers, judicial practice, state-municipal interaction.

References

1. Bosova, E.N. Local Self-Government and Public Authority: A Unified System and Independence // Education and Law. 2022. N10. pp. 77–81.
2. Vegerin, A.D., Slinko, A.A. New Models of Public Authority in the 2020 Constitution // Region: Systems, Economy, Management. 2024. N3 (66). pp. 197–201.
3. Votchenko, I.A. Modernization of Public Authority in the Context of the 2020 Constitutional Reform // Education and Law. 2021. N8. pp. 24–27.
4. Eremin, A.R. Guarantees for the Implementation of Local Self-Government in the Public Authority System of the Russian Federation // Theory and Practice of Social Development. 2023. N11. pp. 260–266.
5. Ivanov, O.B. Local Self-Government After the Adoption of Amendments to the Constitution of the Russian Federation: Development Prospects, Legal Regulation // Power. 2021. N2. Pp. 118–123.
6. Kallagov T.E. Constitutional Foundations of Municipal Service in the Local Self-Government System in Modern Russia // Education and Law. 2021. N3. Pp. 25–33.
7. Kuznetsov I.I., Zharov A.S. Local Self-Government in a Unified System of Public Authorities: Prerequisites and Prospects // Bulletin of the Saratov University. New Series. Sociology. Political Science Series. 2023. N1. Pp. 91–95.
8. Mikheeva T.N. “An Updated Model” of Local Self-Government // North Caucasian Legal Bulletin. 2022. N1. pp. 88–93.
9. Nashchekin A.V. The Importance of the Constitution of the Russian Federation as a Basis for Improving the Activities of Local Self-Government Bodies in a Unified System of Public Authority // Education and Law. 2024. N12. pp. 48–52.
10. Stepanov M.M. Local Self-Government in the Context of the 2020 Constitutional Reform // Current Issues of Russian Law. 2021. N5. pp. 35–41.
11. Tsvetkov V.V., Rusakov M.I. Modern Constitutional and Legal Regulation of the Territorial Organization of Local Self-Government in Russia: Results of the 2020 Constitutional Reform // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. N3(55). pp. 103–108.
12. Shaimullin R.K., Shnyakina Yu.A. The Problem of Determining the Place of Local Self-Government in a Unified System of Public Authorities // Law and State: Theory and Practice. 2023. N11 (227). Pp. 196–197.
13. National Project “Infrastructure for Life” // Government of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <http://government.ru/rugovclassifier/918/about/> (10.11.2025).
14. Review of judicial practice on local self-government issues // OKMO [Electronic resource]. Access mode: https://cmokhv.ru/media/cms_page_media/2022/8/2/ТПО%20ОКМО%20Судебная%20пракка%20август%202022_QJD6PTg.pdf (10.11.2025)

Социально-правовые основания криминализации общественно опасных деяний, связанных с публичным распространением криминогенной информации

Волколупова Владислава Владимировна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: volkolupova.v@yandex.ru

В статье рассматриваются социальные и правовые предпосылки, на основе которых определяются критерии и пределы криминализации деяний, связанных с публичным распространением криминогенной информации. Автор, опираясь на доктрину уголовного права, исследует объективные критерии, определяющие допустимость и границы установления уголовно-правовых запретов в данной сфере. В работе обосновывается вывод о том, что базовым основанием криминализации рассматриваемых деяний выступает их типовая общественная опасность, присущая именно преступлению. Важными факторами являются и современные тенденции либерализации и гуманизации законодательства. Детально рассмотрены в работе, наряду с общим основанием и специальные основания для криминализации новых форм публичного распространения криминогенной информации. В их числе – значительная степень распространенности таких деяний, недостаточность мер их гражданско-правовой или административно-правовой защиты, позитивное отношение социума к устанавливаемому уголовно-правовому запрету, а также требование соразмерности, то есть оптимального соотношения социальной полезности правового запрета и потенциальных негативных последствий его установления. Автор приходит к выводу, что именно совокупность названных социально-правовых оснований позволяет установить сбалансированные и социально обусловленные пределы уголовно-правового противодействия рассматриваемым деяниям.

Ключевые слова: основания криминализации, информационная безопасность, уголовная политика, криминогенная информация, баланс интересов, типовая степень общественной опасности, уголовная ответственность.

Введение

Определение границ криминализации общественно опасных деяний, включая публичное распространение криминогенной информации, неразрывно связано с проблемой выявления социальной обусловленности проектируемых уголовно-правовых норм. Согласно устоявшейся в правовой доктрине позиции эффективность уголовно-правового запрета находится в прямой причинно-следственной связи с наличием и обоснованностью социальных и юридических предпосылок для установления уголовной ответственности [1].

Исследование В.Н. Кудрявцевым оптимальных моделей криминализации выявило следующее концептуальное условие: результативность уголовно-правового запрета обусловлена его криминологической обоснованностью и строгим соответствием установленным объективным критериям [2]. Эта фундаментальная идея служит методологической основой и для определения пределов уголовной ответственности за публичное распространение криминогенной информации.

При установлении таких пределов необходимо учитывать диалектику современных уголовно-правовых тенденций. С одной стороны, курс на либерализацию и гуманизацию законодательства закономерно ведет к ограничению использования репрессивных мер в современной уголовной политике, которая базируется на приоритете прав и свобод личности. С другой стороны, требуется установление сбалансированного соотношения между этим гуманистическим вектором и объективной потребностью усиления защиты наиболее значимых интересов личности, общества и государства от преступных посягательств [3].

Теоретические разработки объективных критериев социальной обусловленности уголовных запретов и в настоящее время по-прежнему остаются во многом дискуссионными. Среди ученых отсутствует консенсус не только относительно содержания базовых понятий, обозначающих основания для установления уголовно-правового запрета, но и относительно собственно понятия «криминализация» [4, 5, 6]. Подобную терминологическую вариативность А.И. Коробеев критикует как непродуктивную, ведущую к теоретическим спорам и бесполезную для законодателя [7, с. 66].

Однако, по нашему мнению, существующие разночтения в трактовке используемых в юридической науке терминов не оказывают существенного влияния на правовую оценку сущностных признаков криминализации и ее критериев. В контексте исследования ее социальной обусловленности, исходя из положений общей теории права, представляется методологически верным четко разграничивать основания и условия введения нового уголовно-правового запрета [8, 9].

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляет диалектический подход, который был дополнен комплексом общенаучных и частнонаучных методов. В их числе: анализ и синтез, аналогия, а также логические приемы индукции и дедукции. моделирование, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.

Результаты и обсуждения

В научном сообществе доминирует единая позиция, согласно которой ключевым критерием криминализации признается такая типовая общественная опасность деяния, которая присуща именно преступлению [10, с. 102–103]. При этом общественная опасность, как внутреннее свойство деяния (его сущностный признак) определяется как объективная способность такого деяния виновно причинять либо создавать реальную угрозу причинения существенного вреда наиболее важным и значимым социальным ценностям (правовым благам). По этому поводу В.И. Фирсов отмечает, что «в связи с признанием общественной опасности в качестве основания уголовно-правового запрета в литературе обращается внимание на такой аспект, как ее достаточность для криминализации» [11, с. 25].

Подавляющее большинство исследователей полагают, что обоснованность криминализации напрямую зависит от типовой степени общественной опасности деяния. Данный показатель должен достигать того минимального порога, который отделяет правонарушение от собственно преступления [12, 13]. Критики самостоятельного зна-

чения данного критерия указывают на практическую невозможность устанавливать реальную степень опасности единичного деяния в отрыве от типовой (родовой) опасности, имманентно присущей целому классу правонарушений, тем самым подвергая сомнению его самостоятельность как изолированного количественного показателя [14, с. 201]. Н.А. Лопашенко, в свою очередь, предлагает рассматривать данное свойство деяния не как основание, а в качестве «принципа криминализации» [10, с. 108].

Высказывается в доктрине и позиция, согласно которой степень общественной опасности конкретного поведения субъекта реализуется исключительно в границах, заданных его типовой характеристикой [11, с. 26]. Таким образом, решающим фактором для законодателя предлагается считать не индивидуальную общественную опасность единичного случая, а обобщенную типовую меру возможного вреда, свойственную подавляющему большинству аналогичных деяний, хотя иногда и зависящую от ряда внешних обстоятельств. Подобный подход обусловлен самой природой правовой нормы, которая в силу своей абстрактности не способна учесть все особенности отдельного акта поведения или конкретной личности правонарушителя [11, с. 26]. Следовательно, именно типовая степень общественной опасности служит ключевым ориентиром («мерой») при определении санкции в устанавливаемой уголовно-правовой норме.

Применительно к деяниям, совершаемым в условиях публичности путем распространения криминогенной информации, М.В. Бавсун справедливо отмечает, что «повышенная опасность таких посягательств как раз и определяется их неограниченной и абсолютно неопределенной массовостью, не связанной с такими обычно ограничивающими факторами, как национальная и расовая принадлежность, языковой барьер, государственные границы, территориальная удаленность вовлекаемых и вовлекаемых, менталитет и т.д. Единственную важность приобретает лишь собственно информация, которая оказывает соответствующее влияние на личность преступника и публичность которой, а также ее доступность обеспечивают массовость самого явления. Причем структура этой массы максимально неопределенна в силу отмеченных выше факторов» [15, с. 431].

Рассматривая социально-правовые основания криминализации отдельных деяний в целях совершенствования (усиления) уголовно-правового противодействия распространению криминогенной информации, наряду с таким универсальным, имеющим базовое значение основанием (критерием), как типовая общественная опасность деяния, в правовой доктрине выделяется и ряд других специальных оснований. К их числу многие авторы относят такой криминологически значимый фактор (критерий), как относительная (но не чрезмерная) распространенность криминализируемого деяния. Данное основание еще в середине XX века выделял В.И. Курлянский [16, с. 81–82] и И.М. Гальперин [17 с. 58]. Такой подход представляется вполне логичным, и он приемлем, на наш взгляд, и при решении вопросов о пределах криминализации публичного распространения криминогенной информации.

Важным фактором, ограничивающим применение уголовно-правовых мер, выступает идея субсидиарности уголовного права. Как обоснованно указывал в своих работах Г.А. Злобин, криминализация деяния «уместна только тогда, когда нет и не может быть нормы, достаточно эффективно регулирующей соответствующие отношения методами других отраслей права» [13, с. 217]. Таким образом, применять меры уголовно-правового характера для противодействия распространению криминогенной информации социально оправдано только в той ситуации, когда охрану соответствующих общественных отношений невозможно обеспечить с помощью менее репрессивных правовых средств, имеющихся в иных отраслях права (например, в административном или гражданском).

Многие исследователи включают в систему социально-правовых критериев криминализации и социально-психологический фактор, а именно – ее общественную «легитимацию». Речь идет о позитивном восприятии большинством населения новой уголовно-правовой нормы, направленной на противодействие публичному распространению криминогенной информации.

Как подчеркивала С.В. Подубинская, игнорирование исторического контекста и коллективной психологии при криминализации приводит к тому, что правовые предписания либо остаются декларативными, либо выполняются исключительно за счёт государственного принуждения, не достигая своих воспитательных и превентивных целей [18].

Эту мысль развивает А.И. Коробеев, полагающий, что уголовно-правовая норма социально оправдана лишь в том случае, если в общественном сознании соответствующая форма девиантного поведения устойчиво ассоциируется с необходимостью уголовной ответственности [19, с. 66]. В более ранних исследованиях А.М. Яковлева также развивалась идея о том, что индивид склонен следовать тем поведен-

ческим моделям, которые одобряются его непосредственным социальным окружением [20, с. 18]. Таким образом, общественная поддержка предлагаемых законодателем мер противодействия распространению криминогенной информации выступает важнейшим условием их успешной реализации в правоприменительной деятельности.

При этом важно учитывать, что криминализация не всегда является безусловным благом, а нередко выступает вынужденным компромиссом, предполагающим выбор в пользу защиты одних социальных ценностей ценой возможного вынужденного ограничения других. Применение уголовного закона практически всегда сопряжено не только с положительными результатами, но и с негативными социальными издержками, к числу которых относятся: разрыв социально полезных связей в результате изоляции осужденного, дисбаланс на рынке труда, косвенное влияние на демографические показатели, а также существенные бюджетные расходы на содержание пенитенциарных учреждений и программы постпенитенциарной адаптации лиц, отбывших наказание.

Таким образом, при криминализации любого деяния, в том числе и связанного с публичным распространением криминогенной информации, важно соблюдать требование соразмерности (оптимального соотношения) ожидаемого позитивного воздействия уголовного закона на общественно опасное поведение и возможных негативных последствий его практического применения.

Выводы

Завершая изложение проблем, относящихся к социальной обусловленности уголовно-правового противодействия публичному распространению криминогенной информации, можно сформулировать следующие итоговые выводы:

1. В структуре факторов (детерминант), определяющих обособленность криминализации общественно опасного поведения в виде публичного распространения криминогенной информации, важнейшим основанием выступает такая типовая общественная опасность криминализируемого деяния, которая присуща именно преступлению. При этом важно учитывать конкретные исторические условия и представления современного общества о границах преступного и непроступного поведения и о допустимости ограничения права на свободу мысли и слова с использованием в этих целях уголовно-правовых средств.

2. Наряду с базовым, сущностным основанием – наличием типовой общественной опасности деяния, связанного с публичным распространением криминогенной информации, в качестве специальных социально-правовых оснований (критериев) выступают также: 1) констатация устойчивой динамики роста числа конкретных правонарушений, даже если они ещё не приобрели повсеместного характера, но уже являются относительно распространенными; 2) доказанная неэффективность или недостаточность более «мягких» правовых механизмов (административных и гражданско-правовых) для охраны данных общественных отношений; 3) вводимая мера должна в целом соответствовать представлениям большинства граждан о справедливости и необходимости уголовно-правового реагирования, что обеспечивает её социальное принятие и эффективность; 4) законодатель не должен проводить взвешенный анализ принимаемых им решений, гарантируя, что потенциальная польза от введения уголовно-правового запрета будет социально оправдана и «перевесит» неизбежные негативные социально-экономические издержки его применения.

Литература

- Нифталиева И.А. Криминализация и декриминализация деяний как одно из направлений реализации принципа справедливости // Евразийская адвокатура. 2023. № 5(64). С. 64–65.
- Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1981. С. 3–6.
- Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / В.П. Кашепов, А.А. Гравина, Т.О. Кошаева и др.; под общ. ред. В.П. Кашепова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. С. 25–39.
- Галиакбаров Р.Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск: Изд-во Ом. ВШМ МВД СССР, 1980. С. 40–51.
- Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 47–76.
- Ефремова М.А. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны информационной безопасности Российской Феде-

рации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 222–230.

7. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 268 с.

8. Кравец И.П. Проблемные вопросы системы оснований и принципов криминализации // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 6. С. 158–168.

9. Моховиков В.В. Общее понятие и значение законодательной техники // Символ науки: международный научный журнал. 2023. № 10–1. С. 103–105.

10. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 579 с.

11. Фирсов И.В. Незаконный оборот медицинской продукции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2016. 208 с.

12. Кравец И.П. Проблемные вопросы системы оснований и принципов криминализации // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 6. С. 158–168.

13. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация: монография / Дагель П.С., Злобин Г.А., Келина С.Г. и др.; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 303 с.

14. Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность): монография. М.: Проспект, 2016. 332 с.

15. Бавсун М.В. Влияние признака публичности на криминализацию деяний и дифференциацию уголовной ответственности // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 426–433.

16. Курлянский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 77–95.

17. Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 77–95.

18. Полубинская Э.Ф. Учет социально-психологических обстоятельств при объявлении деяний преступными // Уголовное право в борьбе с преступностью. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1981. С. 62–69.

19. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 268 с.

20. Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М.: Юрид. лит., 1971. 248 с.

SOCIAL AND LEGAL GROUNDS FOR THE CRIMINALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS RELATED TO THE PUBLIC DISSEMINATION OF CRIMINOGENIC INFORMATION

Volkolupova V.V.

Saint Petersburg State University

The article examines the social and legal prerequisites that underpin the criteria and limits for criminalizing acts related to the public dissemination of criminogenic information. Drawing on the doctrine of criminal law, the author investigates the objective criteria that determine the permissibility and boundaries for establishing criminal-legal prohibitions in this area. The study substantiates the conclusion that the fundamental basis for criminalizing the acts under consideration is their typical social danger, which is characteristic of a crime. Modern trends towards the liberalization and humanization of legislation are also identified as important factors.

In addition to the general basis, the paper provides a detailed analysis of special grounds for criminalizing new forms of public dissemination of criminogenic information. These include: a significant level of prevalence of such acts; the insufficiency of civil or administrative legal protective measures; positive societal attitudes towards the proposed criminal-legal prohibition; the requirement of proportionality, i.e., an optimal balance between the social utility of the legal prohibition and its potential negative consequences.

The author concludes that it is precisely the combination of these socio-legal grounds that enables the establishment of balanced and socially justified limits for criminal-legal countermeasures against the acts in question.

Keywords: grounds for criminalization, information security, criminal policy, criminogenic information, balance of interests, typical degree of social danger, criminal liability.

References

1. Nifitalieva, I. A. (2023). Criminalization and Decriminalization of Acts as One of the Directions for Implementing the Principle of Justice. *Eurasian Advocacy*, no. 5(64), pp. 64–65.
2. Kudryavtsev, V. N. (1981). Criminalization: Optimal Models. In: *Criminal Law in the Fight Against Crime*. Moscow: Publishing House of the Institute of State and Law, USSR Academy of Sciences, pp. 3–6.
3. Kashepov, V. P., Gravina, A. A., Koshaeva, T. O. et al. (2015). *Humanization of Modern Criminal Legislation: Monograph*. Ed. by V. P. Kashepov. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, pp. 25–39.
4. Galiakbarov, R. R. (1980). Problems of Criminalizing Multi-Subject Socially Dangerous Acts. In: *Topical Issues of Criminalization and Decriminalization of Socially Dangerous Acts*. Omsk: Publishing House of Omsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, pp. 40–51.
5. Galperin, I. M. (1975). Criminal Policy and Criminal Legislation. In: *Main Directions in the Fight Against Crime*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, pp. 47–76.
6. Efremova, M. A. (2017). Social Conditionality of Criminal-Legal Protection of Information Security in the Russian Federation. *Perm University Herald. Legal Sciences*, no. 36, pp. 222–230.
7. Korobeev, A. I. (1987). *Soviet Criminal-Legal Policy*. Vladivostok: Far Eastern University Press, 268 p.
8. Kravets, I. P. (2024). Problematic Issues of the System of Grounds and Principles of Criminalization. *Gaps in Russian Legislation*, vol. 17, no. 6, pp. 158–168.
9. Mokhovikov, V. V. (2023). General Concept and Significance of Legislative Technique. *Symbol of Science: International Scientific Journal*, no. 10–1, pp. 103–105.
10. Lopashenko, N. A. (2009). *Criminal Policy*. Moscow: Wolters Kluwer, 579 p.
11. Firsov, I. V. (2016). *Illegal Circulation of Medical Products: Candidate of Legal Sciences Dissertation*. 12.00.08. Moscow, 208 p.
12. Kravets, I. P. (2024). Problematic Issues of the System of Grounds and Principles of Criminalization. *Gaps in Russian Legislation*, vol. 17, no. 6, pp. 158–168.
13. Dagel, P. S., Zlobin, G. A., Kelina, S. G. et al. (1982). *Grounds for Criminal-Legal Prohibition. Criminalization and Decriminalization: Monograph*. Eds. V.N. Kudryavtsev, A.M. Yakovlev. Moscow: Nauka, 303 p.
14. Aguzarov, T. K., Gracheva, Yu. V., Chuchaev, A. I. (2016). *Criminal-Legal Issues of Power Protection (History and Modernity): Monograph*. Moscow: Prospekt, 332 p.
15. Bavsun, M. V. (2023). The Influence of the Publicity Feature on the Criminalization of Acts and Differentiation of Criminal Responsibility. *Demidovsky Law Journal*, vol. 13, no. 3, pp. 426–433.
16. Kurlyansky, V. I. (1975). Criminal Policy, Differentiation and Individualization of Criminal Responsibility. In: *Main Directions in the Fight Against Crime*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, pp. 77–95.
17. Galperin, I. M. (1975). Criminal Policy and Criminal Legislation. In: *Main Directions in the Fight Against Crime*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, pp. 77–95.
18. Polubinskaya, E. F. (1981). Taking into Account Socio-Psychological Circumstances When Declaring Acts Criminal. In: *Criminal Law in the Fight Against Crime*. Moscow: Publishing House of the Institute of State and Law, USSR Academy of Sciences, pp. 62–69.
19. Korobeev, A. I. (1987). *Soviet Criminal-Legal Policy*. Vladivostok: Far Eastern University Press, 268 p.
20. Yakovlev, A. M. (1971). *Crime and Social Psychology*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 248 p.

Ошибки криминализации и декриминализации деяний в сфере экономической деятельности: причины, последствия и механизмы предотвращения

Восканян Тигран Гагикович,
аспирант, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный
университет»
E-mail: tigran_voskanyan_15@mail.ru

Статья посвящена анализу типовых ошибок криминализации и декриминализации деяний в сфере экономической деятельности и их влияния на эффективность уголовно-правового регулирования. Показано, что в экономическом блоке уголовного закона дефекты нормотворчества проявляются преимущественно в избыточной бланкетности диспозиций, конкуренции уголовно-правовых и административно-правовых запретов, неопределенности оценочных признаков и смешении уровней уголовной политики (криминализация и пенализация). Ошибки декриминализации выражаются в преждевременном исключении уголовно-правовой охраны без создания равноценной системы административных и гражданско-правовых мер, а также в феномене декриминализации *de facto* (формальное сохранение состава при его низкой применимости). Обосновывается необходимость институционализации междисциплинарной экспертизы проектов уголовно-правовых запретов и их отмены, применения критериев субсидиарности уголовного права и юридической определенности, а также введения постконтроля (мониторинга) эффективности уголовно-правовых новелл. В качестве ориентиров правоприменения рассматриваются правовые позиции Верховного Суда РФ по делам о незаконном предпринимательстве, налоговых преступлениях и хищениях, часто используемых для переноса в уголовно-правовую плоскость хозяйственных споров.

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, уголовная политика, экономические преступления, субсидиарность уголовного права, бланкетность, оценочные признаки, эффективность нормы, судебная практика, предпринимательский риск.

Введение

Криминализация и декриминализация деяний в сфере экономической деятельности занимают центральное место в современной уголовной политике. Экономические отношения динамичны, многоуровневые и тесно связаны с налоговым, финансовым, административным и гражданским регулированием. Это обуславливает повышенную вероятность криминализационных ошибок: уголовный закон либо чрезмерно расширяет сферу запрета, вторгаясь в зону предпринимательского риска и гражданско-правовой ответственности, либо, напротив, ослабляет охрану экономического оборота без адекватного замещения иными правовыми средствами.

В доктрине криминализация и декриминализация рассматриваются как самостоятельные уголовно-правовые институты, направленные на установление и корректировку границ уголовно-правового запрета [4; 6; 7]. При этом ключевая методологическая задача состоит в том, чтобы обеспечить согласование уголовно-правовых решений с принципами законности, справедливости и соразмерности, а также с общим требованием субсидиарности уголовного права как «крайней меры» воздействия. В экономической сфере указанное требование приобретает особую актуальность: правоприменение демонстрирует тенденцию к «уголовизации», то есть переносу в уголовно-правовую плоскость, хозяйственных конфликтов (в частности, через квалификацию по составам мошенничества/присвоения), что вынуждает учитывать не только материально-правовые, но и процессуальные аспекты эффективности уголовного запрета.

Цель статьи – выявить типовые ошибки криминализации и декриминализации экономических деяний, раскрыть их причины и последствия и предложить механизмы предупреждения таких ошибок.

Ошибки криминализации экономических деяний

Избыточная криминализация и подмена уголовного права административным контролем

Одной из наиболее распространенных ошибок выступает криминализация деяний, общественная опасность которых не требует применения уголовно-правовых мер и может быть нейтрализована административной или гражданско-правовой ответственностью. В экономической сфере это проявляется в расширении состава преступного поведения за счет формальных нарушений лицензирования, регистрации, правил ведения учета и отчетности, когда реальный вред либо отсутствует, либо не достигает уровня, оправдывающего уголовное преследование.

Критически важно подчеркнуть: экономическая деликтность неоднородна. Одни нарушения создают системную угрозу финансовому рынку или бюджетной системе, другие представляют собой дефекты делового оборота, требующие компенсации и регуляторного воздействия. Ошибочная криминализация приводит к снижению легитимности уголовного закона и к формированию практики «уголовного принуждения» в коммерческих конфликтах, что противоречит назначению уголовного права. На этом основании в научной литературе подчеркивается необходимость строгого разграничения криминализации (решения о преступности деяния) и иных уровней уголовной политики, включая пенализацию (решения о строгости санкций) [4].

Бланкетность диспозиций и «нормативная зависимость» уголовного запрета

Экономические составы часто формулируются как бланкетные: признаки преступления раскрываются через нормы налогового, финансового, таможенного, корпоративного и иного законодательства. Сам по себе бланкетный прием допустим, однако его избыточность порождает дефекты юридической определенности: содержание уголовно-правового запрета «размывается» внешним регулированием, включая подзаконные акты, которые характеризуются высокой изменчивостью.

Практическое следствие – рост усмотрения правоприменителя и региональная неоднородность квалификации. В условиях бланкетности возрастает риск ситуации, когда уголовная ответственность фактически зависит не от степени общественной опасности поведения, а от корректности соблюдения сложного регуляторного массива. Экономика к этому особенно уязвима, поскольку предпринимательская

деятельность изначально предполагает допустимость риска и вариативность управленческих решений. Суды, стремясь нивелировать указанные риски, прибегают к разъяснениям Верховного Суда РФ, который, например, по делам о незаконном предпринимательстве ориентирует на обязательную проверку признаков предпринимательской деятельности и разграничение ее от иных форм извлечения дохода.

Неопределенность оценочных признаков и проблема доказуемости

Традиционным дефектом экономических составов является широкое использование оценочных категорий («крупный размер», «существенный вред», «крупный ущерб» и т.п.) при недостаточной методике их определения. В результате:

- формируется конкуренция подходов к расчету ущерба/дохода;
- возрастает доля прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям;
- появляется феномен низкой применимости отдельных норм (в доктрине – «мертвые» или «слабо работающие» составы).

Показателен подход Верховного Суда РФ по незаконному предпринимательству, где разъясняется, что «доход» для целей ст. 171 УК РФ понимается как выручка от реализации товаров (работ, услуг) за период деятельности без вычета произведенных расходов; тем самым судебная практика фактически компенсирует недостаточную определенность закона. Наличие подобных разъяснений само по себе позитивно, однако с позиции законности предпочтительнее, чтобы ключевые дефиниции закреплялись в примечаниях к статьям либо в общих примечаниях к главе, а не формировались преимущественно судебным толкованием.

Смещение криминализации и пенализации как методологическая ошибка уголовной политики

В экономическом блоке нередко наблюдается ситуация, когда законодатель реагирует на недостатки нормы не корректировкой состава (диспозиции), а усилением/смягчением санкции. Между тем пенализация не устраняет дефекты криминализации: если деяние описано неопределенно, трудно доказуемо или дублирует административный запрет, изменение санкции не повышает эффективность нормы, а лишь усиливает дисбаланс соразмерности. Как справедливо отмечал А.И. Коробеев, криминализация и пенализация – разные элементы уголовно-правовой политики, и их подмена ведет к снижению качества уголовного регулирования [4].

Ошибки декриминализации экономических деяний

Преждевременная декриминализация без «равноценного замещения»

Декриминализация в экономике может быть оправданной, если общественная опасность деяния снизилась либо если эффективная превенция достигается административно-правовыми и гражданско-правовыми средствами. Ошибка возникает тогда, когда уголовно-правовой запрет отменяется (или существенно ослабляется), но при этом:

- не создается сопоставимый по эффективности административный механизм контроля;
- санкции за административные правонарушения экономически несоизмеримы выгоде от противоправного поведения;
- отсутствуют гарантии реального возмещения ущерба.

В результате формируется «провал замещения»: стоимость нарушения для правонарушителя снижается, а латентность возрастает. Для высокодоходных и серийно воспроизводимых практик (теневой оборот, фиктивные структуры, обходные схемы) подобная декриминализация может иметь выраженный негативный эффект.

Декриминализация *de facto* и подрыв принципа законности

Отдельного внимания заслуживает декриминализация *de facto*, когда норма формально сохраняется в УК РФ, но фактически применяется эпизодически из-за неопределенности диспозиции, сложности доказывания или ведомственных приоритетов. Такая ситуация опасна двояко: с одной стороны, нарушается принцип неотвратимости ответственности, с другой – сохраняется «уголовно-правовая тень», позволяющая использовать норму как инструмент давления, не доводя дело до приговора. В экономической сфере это усиливает коррупциогенность и снижает доверие к праву как предсказуемому регулятору.

«Декриминализация через освобождение» и риск фискализации уголовного права

В современной уголовной политике значимую роль играют механизмы освобождения от уголовной ответственности при возмещении ущерба. Так, ст. 76.1 УК РФ предусматривает освобождение от ответственности

по ряду экономических преступлений при возмещении ущерба и выполнении дополнительных финансовых условий (в зависимости от состава). Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что для применения ч. 2 ст. 76.1 УК РФ возмещение ущерба и перечисления в федеральный бюджет должны быть произведены в полном объеме.

С одной стороны, это инструмент гуманизации и восстановления нарушенных интересов; с другой – существует риск «фискализации уголовного права», когда уголовное преследование фактически превращается в средство принуждения к платежам. Для предотвращения такой деформации требуется четкое разграничение ситуаций добросовестного возмещения ущерба и случаев серийной экономической преступности, где освобождение не должно подрывать превенцию.

Последствия криминализационных и декриминализационных ошибок

Правовые последствия: дискреция, неоднородность практики, «уголовизация» споров

Избыточная криминализация и неопределенность составов усиливают дискрецию следствия и суда, а также порождают региональную неоднородность практики. Наиболее остро это проявляется в предпринимательских конфликтах, когда гражданско-правовой спор получает уголовно-правовую квалификацию по «универсальным» составам хищений. Верховный Суд РФ в постановлении по делам о мошенничестве, присвоении и растрате подчеркивает необходимость устанавливать способ хищения и момент формирования умысла, а также учитывать малозначительность в случаях отсутствия общественной опасности. Эти разъяснения выступают «предохранителем» против необоснованной уголовизации делового риска, но одновременно демонстрируют, насколько правоприменение вынуждено компенсировать дефекты законодательной техники.

Социально-экономические последствия: ухудшение делового климата и рост теневого сектора

Криминализационные ошибки негативно влияют на предпринимательскую активность и инвестиционный климат, поскольку увеличивают «регуляторную неопределенность» и стоимость правового комплаенса. Декриминализационные ошибки, напротив, способны стимулировать теневой сектор, если альтернативные средства контроля не создают достаточного превентивного эффекта. Следовательно, устойчивое развитие экономического оборота требует не «жесткости» как таковой, а юридически определенного и соразмерного уголовно-правового запрета.

Механизмы предупреждения ошибок: предложения по совершенствованию уголовной политики

Междисциплинарная экспертиза и оценка последствий (*ex ante*)

Ключевым механизмом профилактики следует признать институционализацию междисциплинарной экспертизы проектов криминализации/декриминализации, включающей:

1. криминологическую оценку распространенности и латентности деяния;
2. экономический анализ выгод и издержек уголовно-правового вмешательства;
3. юридико-техническую экспертизу определенности диспозиции и доказуемости состава;
4. анализ конкуренции с административным и гражданским регулированием.

Повышение юридической определенности: дефиниции, примечания, унификация терминологии

Предлагается минимизировать нормативную зависимость уголовного запрета от подзаконных актов и закреплять ключевые дефиниции (доход, ущерб, критерии системности) в примечаниях к статьям или в общих примечаниях к главе. Такой подход снизит необходимость «дописывания» закона судебной практикой и уменьшит риск региональной неоднородности.

Разграничение с административной ответственностью по качественным критериям

Разграничение должно строиться не только по «размеру» ущерба/дохода, но и по качественным признакам: способ (фиктивные документы, номинальные схемы), системность, организованность, причинение вреда неопределенному кругу лиц, подрыв доверия к экономическим институтам. Это позволит отграничить преступление от проступка на основе реальной общественной опасности.

Постконтроль эффективности (ex post): мониторинг применения норм

Для предотвращения декриминализации *de facto* и выявления низкоэффективных норм целесообразно внедрить мониторинг показателей применения: доля возбужденных дел, доля направленных в суд, доля приговоров, структура прекращений, возмещение ущерба. Постконтроль позволит корректировать уголовную политику на основе эмпирических данных, а не ситуативных решений.

Заключение

Ошибки криминализации и декриминализации деяний в сфере экономической деятельности обусловлены высокой сложностью экономического регулирования и тесной связью уголовного права с иными отраслями. Избыточная криминализация, бланкетность и неопределенность оценочных признаков повышают дискрецию правоприменителя и создают условия для уголовизации хозяйственных конфликтов. Ошибочная декриминализация ослабляет охрану экономического оборота при отсутствии равноценного замещения административными и гражданско-правовыми средствами. Минимизация указанных дефектов требует междисциплинарной экспертизы уголовно-правовых новелл, повышения юридической определенности состава преступления, системного разграничения с административной деликтностью и постоянного мониторинга эффективности применения уголовного закона.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 (положения о применении норм об освобождении от уголовной ответственности; разъяснения по ст. 76.1 УК РФ).
6. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 132 с.
7. Гельдибаев М. Х., Мальцагов И.Д. Криминализация общественно опасных деяний как составное (специальное) направление уголовной политики государства // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. СПб., 2006. № 6 (37). С. 89–93.
8. Злобин Г. А., Келина С.Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 111–132.
9. Коробеев А.И. Криминализация и пенализация деяний как основное содержание советской уголовно-правовой политики // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1988. С. 10–14.
10. Крапивина О.Н. Криминализация заранее не обещанных приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, как метод уголовно-правовой политики // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. М., 2008. № 1. С. 293–294.
11. Мальцагов И.Д. Криминализация деяний в законодательстве Российской Федерации (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
12. Нечаев А.Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 16–18.

13. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTA, 2020. С. 24.

14. Шеслер А. В., Мальков С.М. Уголовно-правовая политика и ее реализация: лекция. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2002. С. 15.

ERRORS IN CRIMINALIZATION AND DECRIMINALIZATION OF OFFENCES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITIES: CAUSES, CONSEQUENCES AND PREVENTION MECHANISMS

Voskanyan T.G.
Far Eastern Federal University

The article is devoted to analysis of typical errors of criminalization and decriminalization of offences in the sphere of economic activity and their impact on the effectiveness of criminal law regulation. It is shown that in the economic block of criminal law, the defects of regulation are manifested mainly in excessive blanketing of dispositions, competition of criminal-legal and administrative-legal prohibitions, uncertainty of assessment criteria and mixing of levels of criminal policy (criminalization and penalization). Decriminalization errors are expressed in the premature exclusion of criminal law without creating an equivalent system of administrative and civil-legal measures, as well as the phenomenon of *de facto* decriminalization (formal retention of composition with its low applicability). It is justified the need to institutionalize interdisciplinary examination of draft criminal law prohibitions and their abolition, application of criteria of subsidiarity of criminal law and legal certainty, as well as the introduction of post control (monitoring) of effectiveness of criminal law novelties. The legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation in cases on illegal entrepreneurship, tax crimes and embezzlement, often used to transfer economic disputes into criminal law, are considered as guidelines for law enforcement.

Keywords: criminalization, decriminalization, criminal policy, economic crimes, subsidiarity of criminal law, blankness, evaluative features, effectiveness of norms, judicial practice, entrepreneurial risk.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 18, 2004, No. 23 (as amended on July 7, 2015) "On judicial practice in cases of illegal entrepreneurship."
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 28, 2006, No. 64 "On the practice of applying criminal legislation on liability for tax crimes by courts."
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017, No. 48 (as amended on December 15, 2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement, and misappropriation."
4. Criminal Code of the Russian Federation. Article 76.1 "Exemption from criminal liability in connection with compensation for damages."
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016 No. 56 (provisions on the application of the rules on exemption from criminal liability; clarifications on Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).
6. Antonov A.D. Theoretical Foundations of Criminalization and Decriminalization: Dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2001. 132 p.
7. Geldibaev M. Kh., Maltagov I.D. Criminalization of Socially Dangerous Acts as an Integral (Special) Direction of State Criminal Policy // Legal Thought. Scientific and Practical Journal. St. Petersburg, 2006. No. 6 (37). Pp. 89–93.
8. Zlobin G. A., Kelina S.G. Some Theoretical Issues of Criminalization of Socially Dangerous Acts // Problems of Justice and Criminal Law. Moscow, 1978. Pp. 111–132.
9. Korobeev A.I. Criminalization and penalization of acts as the main content of the Soviet criminal-legal policy // Issues of improving criminal-legal regulation: inter-university collection of scientific papers. Sverdlovsk: Publishing house of the Sverdlovsk legal institute, 1988. pp. 10–14.
10. Krapivina O.N. Criminalization of the acquisition or sale of property, known to be obtained by criminal means, not promised in advance, as a method of criminal-legal policy // "Black holes" in Russian legislation. Law journal. Moscow, 2008. No. 1. pp. 293–294.
11. Maltagov I.D. Criminalization of acts in the legislation of the Russian Federation (theoretical and legal analysis): author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2007. 26 p.
12. Nechaev A.D. Conceptual Foundations of Criminalization and Decriminalization of Acts / edited by N.A. Lopashenko. Moscow: YurLitinform, 2017. pp. 16–18.
13. New Criminalization: A Philosophical and Legal Guide to the World of the Criminal and the Non-Criminal. Yekaterinburg: SAPIENTA, 2020. p. 24.
14. Shesler A. V., Malkov S.M. Criminal Law Policy and Its Implementation: Lecture. Krasnoyarsk: Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. p. 15.

Законодательная и правоприменительная пенализация незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну

Вяткин Георгий Андреевич,

адъюнкт адъюнктуры, Санкт-Петербургского университета
МВД России

E-mail: vyatkingeorgii@yandex.ru

Предметом исследования является комплекс уголовно-правовых и правоприменительных проблем пенализации незаконного получения и разглашения коммерческой, налоговой и банковской тайны по статье 183 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются такие аспекты, как неопределенность ключевых понятий, сложность доказывания и квалификации, а также системные противоречия между защитой конфиденциальности и иными публичными интересами. Цель статьи – выявить системные пробелы в законодательном регулировании и правоприменении и разработать научно обоснованные пути их преодоления. В исследовании применялись методы сравнительно-правового, формально-логического и системного анализа, а также изучение и обобщение материалов судебной практики. В результате определено, что основными барьерами эффективной уголовно-правовой защиты являются: размытость критериев охраноспособности информации, трудности в расчете реального ущерба и доказывании вины, а также недостаточная специализация правоохранительных органов. Выявлены особенности судебной практики, свидетельствующие о преобладании условных наказаний и критической зависимости исхода дел от доказательности соблюдения режима тайны и результатов IT-экспертиз. Областью применения результатов является совершенствование уголовного законодательства и ведомственных методик расследования преступлений в сфере экономики. Вкладом автора в исследование является комплексный анализ проблем доказывания на основе конкретных кейсов и разработка сбалансированного подхода, смещающего акцент с карательной функции на превентивную. Автор приходит к выводу, что ключевым условием повышения эффективности борьбы с данными преступлениями является не ужесточение санкций, а нормативная конкретизация составов, развитие профессиональных компетенций следователей и стимулирование бизнеса к внедрению адекватных мер защиты информации. Новизна исследования заключается в обосновании идеи о том, что решение проблемы лежит в системной модернизации как законодательства, так и правоприменительной практики с учетом цифровых реалий.

Ключевые слова: уголовная ответственность, коммерческая тайна, банковская тайна, налоговая тайна, статья 183 УК РФ, пенализация преступлений, проблемы правоприменения, экономические преступления, незаконное получение информации, судебная практика, квалификация преступлений

Введение

Актуальность исследования законодательной и правоприменительной пенализации, т.е. установления уголовной ответственности и назначения наказания, за незаконное получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны обусловлена комплексом фундаментальных факторов, затрагивающих основы современного государства, экономики и общества. Ее обоснование можно представить по следующим ключевым направлениям:

- экономическая безопасность и конкурентные преимущества государства. В условиях глобальной конкуренции коммерческая тайна (ноу-хау, технологии, бизнес-модели) становится ключевым активом компаний и, как следствие, национальной экономики. Ее утечка за рубеж, особенно в стратегических отраслях (ВПК, IT, энергетика), наносит ущерб конкурентоспособности страны на мировом рынке;
- стабильность финансовой системы и защита прав граждан. Так, нарушение банковской тайны подрывает доверие граждан и бизнеса к финансовым институтам, что может спровоцировать отток капитала и банковскую панику. Незаконное получение банковских данных является первым шагом к совершению масштабных краж, мошенничеств с использованием электронных средств платежа, что наносит прямой ущерб гражданам и юридическим лицам;
- цифровая трансформация и новые вызовы. Цифровизация экономики привела к тому, что огромные массивы конфиденциальной информации хранятся в электронном виде. Это многократно увеличило риски их хищения с помощью кибератак. Уголовное законодательство должно адекватно реагировать на эти вызовы, предусматривая ответственность за современные способы совершения преступлений;
- пробелы и противоречия в правоприменении. Актуален вопрос о соразмерности наказания тяжести последствий. Действующее законодательство часто критикуют за либо чрезмерно мягкие санкции за деяния, повлекшие тяжкие последствия, либо за отсутствие гибкой системы квалификации в зависимости от размера ущерба. На практике возникает сложность в разграничении, например, коммерческой тайны и информации, которая ею не является, а также в определении момента, когда законное получение информации становится незаконным. Значительное число подобных преступлений остается нераскрытыми, что создает атмосферу безнаказанности. Актуальность заключается в поиске эффективных правоприменительных практик, повышающих раскрываемость таких дел;
- международный контекст. В условиях транснационального характера бизнеса и преступности Россия обязана обеспечивать уровень защиты интеллектуальной собственности и коммерческой тайны, сопоставимый с международными стандартами.

Таким образом, актуальность исследования пенализации незаконного оборота конфиденциальной экономической информации является системной и многогранной. Она находится на стыке интересов: государства (обеспечение экономической и финансовой безопасности), бизнеса (защита конкурентных преимуществ и стимулирование инноваций), граждан (защита их финансовых активов и права на частную жизнь). Необходимость постоянного совершенствования законодательства и правоприменительной практики в этой сфере диктуется стремительным развитием технологий, глобализацией экономических процессов и появлением новых, все более изощренных способов совершения преступлений. Без эффективной системы правовой защиты этих видов тайн невозможно построение ни цифровой экономики, ни правового государства, ни стабильного финансового сектора.

Обзор научно-исследовательской литературы

Научная литература, посвященная данной проблематике, развивалась в нескольких ключевых направлениях: уголовно-правовое, криминологическое, административно-правовое и комплексное, учитывающее экономические и цифровые вызовы. Можно выделить несколько этапов и школ в исследовании этой темы:

1. Фундаментальные уголовно-правовые исследования и вопросы квалификации. Это направление составляет ядро научной дискуссии. Исследования здесь сфокусированы на анализе составов преступлений, прежде всего, ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации

(далее – УК РФ). В работах таких авторов, как А.В. Наумов, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, подчеркивалась «сложность определения непосредственного объекта преступления». Дискутируется вопрос, является ли им «исключительно отношения по охране коммерческой, налоговой или банковской тайны, либо также отношения по защите прав и законных интересов конкретных субъектов (собственника информации, клиента банка, государства)». Отдельное внимание уделяется «разграничению предмета преступления (конкретные сведения) от средств и орудий совершения преступления (носители информации)». Значительный пласт литературы посвящен сложностям правоприменения, связанным с четким определением, что является коммерческой тайной; разграничением банковской тайны и профессиональной тайны кредитных организаций; определением содержания налоговой тайны и ее соотношением с иными защищаемыми законом тайнами; отграничением ст. 183 УК РФ от смежных составов. Многие современные авторы, такие как Р.А. Курбанов, Д.А. Керимов, указывают на «недостаточную дифференциацию ответственности в ст. 183 УК РФ». Отмечается, что «диспозиция статьи слишком общая и не учитывает все современные способы хищения информации (например, с использованием IT-технологий)». Санкции за деяния, не повлекшие тяжких последствий, часто признаются «излишне мягкими, не выполняющими превентивную функцию».

2. Криминологические и криминалистические аспекты. Это направление анализирует личность преступника, причины и условия совершения преступлений, а также методику расследования. В современных исследованиях (например, М.Л. Прочухаева) все больше внимания уделяется роли самой жертвы (компании, банка) в совершении преступления. Отсутствие надлежащего режима защиты коммерческой тайны, слабая IT-безопасность, непроведение инструктажей с сотрудниками рассматриваются автором как криминогенные факторы.

3. Современные вызовы и междисциплинарные исследования. Сюда входят наиболее актуальные и динамично развивающиеся направления, отражающие новые реалии. Так, в работы А.И. Басова, В.Б. Наумова посвящены анализу киберугроз. Ученые отмечают, что «традиционная ст. 183 УК РФ не всегда эффективно охватывает состав, когда, например, произошла утечка данных из-за уязвимости в программном обеспечении, а не целенаправленных действий конкретного лица». Обсуждается вопрос конкуренции норм со ст. 272 УК РФ.

В целом научная литература демонстрирует эволюцию подходов от классического уголовно-правового анализа составов преступлений к комплексному, междисциплинарному пониманию проблемы, требующему адекватного ответа на вызовы цифровой эпохи, глобализации и транснационализации экономической преступности.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, применение которых позволило обеспечить системность, достоверность и обоснованность выводов. Формально-логический метод был использован для анализа дефиниций и конструкций уголовно-правовых норм, в частности ст. 183 УК РФ. Системно-структурный метод позволил рассмотреть уголовную ответственность за незаконный оборот конфиденциальной информации как элемент системы уголовно-правовой охраны экономической безопасности. Метод анализа документов были задействованы для изучения и обобщения судебной практики, а также правоприменительной статистики. Конкретно-социологический метод дал возможность оценить эффективность действия ст. 183 УК РФ в современных условиях и выявить системные пробелы. Метод моделирования использовался для разработки предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики на основе проведенного комплексного анализа.

Результаты исследования

Установление уголовной ответственности за незаконное получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны сопряжено с рядом сложных проблем, которые носят как законодательный, так и правоприменительный характер. К основным проблемам пенализации незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну можно отнести следующие:

1. Проблемы законодательной техники и определения состава преступления, связанные со следующими факторами:
– размытость и неопределенность ключевых понятий. Ст. 1465 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяет понятие «коммерческая тайна» как информацию, имеющую действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности третьим лицам, к которой нет свободного доступа и в отноше-

нии которой обладатель ввел режим коммерческой тайны. Однако на практике возникает множество вопросов:

а) Что именно составляет «действительную или потенциальную ценность»? Это оценочная категория, которую сложно доказать в суде.

б) Достаточно ли формально введенного режима (например, наличие грифа «Коммерческая тайна»), или необходимо реальное соблюдение всех мер конфиденциальности? Суды часто требуют доказательств именно реального, а не формального соблюдения режима.

в) Отсутствие четкого перечня, так как закон не содержит исчерпывающего списка сведений, что приводит к злоупотреблениям, когда компании пытаются засекретить очевидную или общедоступную информацию;

– сложность разграничения с гражданско-правовыми спорами. Многие случаи утечки информации являются следствием нарушения трудового или гражданско-правового договора (например, бывшим сотрудником). Суды часто сталкиваются с дилеммой: является ли это уголовно наказуемым деянием или просто гражданским деликтом? Это приводит к обвинительному уклону в сторону уголовного преследования там, где достаточно было бы дисциплинарного взыскания или взыскания убытков в гражданском порядке;

– проблемы с квалификацией и отграничением смежных составов, так как действия по незаконному получению и разглашению тайны могут подпадать под разные статьи УК РФ: ст. 183, ст. 159, ст. 201 и др. Сложность в том, чтобы правильно квалифицировать совокупность преступлений и не допустить двойного осуждения за одно и то же деяние.

Так, Люберецким городским судом Московской области рассматривалось дело о злоупотреблении служебным положением и налоговой тайне. Сотрудник Межрайонной инспекции ФНС России № 22 по Московской области незаконно получал сведения о доходах и имуществе граждан, составляющие налоговую тайну. Он делал это путем несанкционированных запросов в базы данных налоговой службы. Полученную информацию он передавал третьим лицам за вознаграждение. Проблема состояла в том, чтобы доказать, что доступ к информации был именно незаконным, а не связанным с его служебной деятельностью. Это было доказано с помощью аудита логов доступа к информационным системам ФНС, которые показали, что запросы не были связаны с исполнением его должностных обязанностей. Что касается доказывания факта разглашения, то здесь помогли оперативные мероприятия (прослушивание телефонных переговоров, фиксация передачи данных), которые установили связь между сотрудником и получателями информации. В итоге подсудимый признан виновным по ч. 3 ст. 183 УК РФ (незаконное разглашение налоговой тайны лицом, получившим к ней доступ в связи со служебной деятельностью). Назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы условно с лишением права занимать должности на государственной службе. Дело демонстрирует, что по ст. 183 УК РФ привлекают не только в бизнес-среде, но и госслужащих (Приговор Люберецкого городского суда Московской области по делу № 1–775/2019).

Приведем еще один пример, связанные с проблемами разграничения ст. 183 УК РФ от других составов преступлений. В Савеловском районном суде г. Москвы рассматривалось дело, по которому группа лиц, включая бывшего IT-специалиста банка «Русский Стандарт», получила доступ к базе данных заемщиков банка. Они скопировали паспортные данные, номера телефонов и другую личную информацию тысяч клиентов. Эти данные затем были проданы коллекторским агентствам. Действия виновных были квалифицированы не только по ст. 183 УК РФ (незаконное получение сведений, составляющих банковскую тайну), но и по ст. 159 УК РФ (мошенничество). Схема была сложной: используя полученные данные, они также имитировали погашение кредитов через подложные платежи, чтобы списывать деньги со счетов клиентов. Суд правильно выделил два самостоятельных преступления: одно против интересов банка (тайна), другое – против собственности. Ключевым доказательством стала компьютерно-техническая экспертиза, которая отследила весь путь утечки данных и установила объем похищенной информации. В итоге, все обвиняемые получили реальные сроки лишения свободы (от 3 до 5 лет). Это пример успешного и комплексного расследования сложного IT-преступления, сочетающего в себе несколько составов (Приговор Савеловского районного суда г. Москвы по делу № 1–224/2017).

2. Проблемы доказывания и правоприменения, которые обусловлены следующими факторами:

– сложность сбора доказательств («недоказанность вины»). Это одна из главных проблем на практике. Трудно доказать, что конкретное лицо именно незаконно получило информацию, а не получило к ней доступ в рамках своих полномочий. Еще сложнее доказать сам факт разглашения, особенно если он совершался анонимно (через интер-

нет). Также необходимо доказать, что именно разглашение этой конкретной информации причинило крупный ущерб (более 1,5 млн руб. – ч. 2 ст. 183 УК РФ) или привело к тяжким последствиям. Компании часто завышают размер ущерба, включая в него упущенную выгоду, которую в уголовном праве доказать крайне сложно. Помимо этого злоумышленники используют шифрование, анонимные сети, что делает практически невозможным установление канала утечки и идентификацию виновного;

– пассивность и недостаточная компетентность правоохранительных органов. Следователи часто не имеют достаточных знаний в специфике бизнес-процессов и IT-сферы, чтобы грамотно расследовать такие дела. Дела по ст. 183 УК РФ требуют трудоемкой и длительной работы, что в условиях загруженности следователей приводит к формальному подходу и отказу в возбуждении уголовных дел;

– проблема «внутренних» утечек, основной источник которых – это действующие или бывшие сотрудники. Однако доказывать умысел и корыстный мотив сотрудника, который, например, скопировал базу данных клиентов «на всякий случай», очень сложно. Часто такие действия остаются безнаказанными.

Приведем пример из судебной практики, связанный с классической «внутренней» утечкой и проблемой доказывания ущерба. Дело рассматривалось Химкинским городским судом Московской области. Бывший коммерческий директор компании-дистрибьютора медицинского оборудования (ООО «Альфа-Эйд») создал конкурирующую фирму. Будучи еще сотрудником, он скопировал на свой личный ноутбук базу данных коммерческих предложений, прайс-листов и договоров с клиентами. После увольнения он использовал эти данные для переманивания клиентов своей бывшей компании. В процессе компания доказывала наличие режима коммерческой тайны. Следствие и суд тщательно проверяли, был ли введен реальный режим коммерческой тайны. Компания предоставила: Положение о коммерческой тайне, трудовые договоры с пунктами о неразглашении, документы о том, что с сотрудниками был проведен инструктаж, логи о том, что обвиняемый имел доступ к этим файлам в рабочее время. Суд признал, что режим коммерческой тайны был соблюден. Помимо этого были проблемы с доказыванием ущерба, что стало ключевым моментом. Компания заявила ущерб в размере 42 млн рублей, рассчитанный как упущенная выгода от потерянных контрактов. Однако суд не принял этот расчет, указав на его спекулятивный характер. В итоге, ущерб был переоценен и оценен в 450 тысяч рублей (исходя из реальных затрат на формирование базы данных и потери от нескольких конкретных, но небольших сделок). Это позволило квалифицировать деяние по ч. 3 ст. 183 УК РФ (причинение крупного ущерба). В итоге, подсудимый признан виновным, ему назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы условно. Дело показывает, насколько сложно доказать «настоящий» крупный ущерб, требуемый по закону (Приговор Химкинского городского суда Московской области по делу № 1–282/2019).

3. Системные и социально-экономические проблемы, которые обусловлены наличием следующих факторов:

– конфликт между защитой тайны и интересами общества. Так, например, что касается налоговой тайны, то существует тонкая грань между защитой конфиденциальных данных налогоплательщиков и правом общества на информацию о коррупционных схемах или уклонении от уплаты налогов (как в случае с «Панамским досье»). А в отношении банковской тайны существует противоречие между защитой данных клиентов и необходимостью противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (требования FATF);

– сдерживание развития бизнеса и инноваций, так как чрезмерно жесткое законодательство и судебная практика могут создавать риски для добросовестных сотрудников и партнеров, сдерживать свободное перемещение специалистов между компаниями («мобильность трудовых ресурсов») и создавать атмосферу недоверия;

– недостаточность мер профилактики. Ведь уголовная ответственность – это крайняя мера. Гораздо эффективнее были бы превентивные меры: развитие корпоративной культуры, внедрение систем предотвращения потери данных (DLP – Data Loss Prevention), четкое регламентирование доступа к информации. Однако бизнес не всегда готов нести эти затраты, предпочитая потом обращаться в правоохранительные органы.

Анализ судебной практики по ст. 183 УК РФ позволил сделать следующие выводы в отношении установления ответственности и назначения наказания:

– самая распространенная мера наказания – «условность». Даже по квалифицированным составам (ч. 2, ч. 3 ст. 183 УК РФ) суды часто назначают условные сроки, что снижает превентивный эффект статьи;

– главная проблема обвинения – ущерб. Компании почти всегда завышают ущерб, а суды его радикально снижают, переоценивая из «крупного» в «значительный» или просто констатируя факт, но без крупного размера;

– в подобных делах не обойтись без IT-экспертизы. Практически все успешные дела по ст. 183 УК РФ основаны на четких цифровых следах: логи доступа, данные о копировании файлов, переписка в мессенджерах;

– первое, что проверяют суды – режим коммерческой тайны. Если компания не может доказать, что она реально, а не формально защищала информацию, в возбуждении дела или в обвинительном приговоре будет отказано.

Таким образом, реальная судебная практика подтверждает, что основными барьерами для применения ст. 183 УК РФ являются сложность доказывания ущерба и необходимость безупречного соблюдения процедуры защиты коммерческой тайны со стороны самой компании-потерпевшей.

Чтобы решить перечисленные выше проблемы, необходимо предпринять ряд действий. Во-первых, совершенствовать законодательство, а именно: дать более четкие и детализированные определения в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ; разработать методики расчета ущерба от разглашения коммерческой тайны; четче разграничить уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность. Во-вторых, необходимо повышать квалификацию правоприменителей: уделять больше внимания специализации следователей и дознавателей по экономическим и IT-преступлениям, создавать межведомственные рабочие группы с привлечением экспертов из бизнес-среды. В-третьих, необходимо стимулировать бизнес к профилактике: развивать стандарты и внедрять лучшие практики по защите конфиденциальной информации; учитывать затраты на внедрение систем защиты информации в целях налогообложения.

Заключение

Таким образом, проблема установления уголовной ответственности за незаконное получение и разглашение тайн является комплексной. Она требует сбалансированного подхода, который, с одной стороны, обеспечит надежную защиту прав добросовестных обладателей информации, а с другой – не создаст чрезмерных препятствий для развития бизнеса, конкуренции и не будет нарушать права граждан. Ключ лежит не только в ужесточении наказаний, но и в четкости правовых норм, повышении качества расследований и смещении акцента на превентивные меры защиты.

Литература

1. Басов А.И. Киберпреступность и уголовная политика в сфере информационной безопасности // Уголовное право. – 2020. – № 2. – С. 44–51.
2. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по Уголовному праву России. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 255 с.
3. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 457 с.
4. Керимов Д.А. Законодательная техника и проблемы криминализации деяний в экономической сфере // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 87–95.
5. Курбанов Р.А. Совершенствование уголовной ответственности за нарушение коммерческой и банковской тайны // Журнал российского права. – 2018. – № 5 (257). – С. 112–120.
6. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. – М.: Юрайт, 2015. – 480 с.
7. Прочухаева М.Л. Виктимологическая профилактика преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Российский следователь. – 2017. – № 15. – С. 33–37.

CRIMINAL PENALTIES FOR THE ILLEGAL ACQUISITION AND DISCLOSURE OF COMMERCIAL, TAX, AND BANKING SECRETS

Vyatkin G.A.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The subject of the study is the complex of criminal law and law enforcement problems of penalizing the illegal collection and disclosure of commercial, tax, and banking secrets under Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article examines such aspects as the ambiguity of key concepts, the complexity of proving and qualifying offenses, and systemic contradictions between the protection of confidentiality and other public interests. The purpose of the article is to identify systemic gaps in legislative reg-

ulation and law enforcement and to develop scientifically sound ways to overcome them. The study employed methods of comparative legal, formal-logical, and system analysis, as well as the study and generalization of judicial practice materials. As a result, it was determined that the main barriers to effective criminal law protection are: the vagueness of criteria for protectable information, difficulties in calculating real damage and proving guilt, and insufficient specialization of law enforcement agencies. The features of judicial practice were identified, indicating the prevalence of suspended sentences and the critical dependence of case outcomes on the compelling evidence of compliance with the secrecy regime and the results of IT examinations. The scope of application of the results is the improvement of criminal legislation and departmental methods for investigating economic crimes. The author's contribution to the research is a comprehensive analysis of evidence problems based on specific cases and the development of a balanced approach that shifts the focus from a punitive function to a preventive one. The author comes to the conclusion that the key condition for increasing the effectiveness of the fight against these crimes is not the toughening of sanctions, but the normative specification of offenses, the development of professional competencies of investigators, and the encouragement of businesses to implement adequate information protection measures. The novelty of the research lies in substantiating the idea that the solution to the problem lies in the systemic modernization of both legislation and law enforcement practice, taking into account digital realities.

Keywords: criminal liability, trade secret, banking secrecy, tax secrecy, Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation, penalization of crimes, law enforcement challenges, economic crimes, unlawful acquisition of information, court practice, forensic characterization, criminal classification.

References

1. Basov A.I. Cybercrime and Criminal Policy in the Sphere of Information Security // *Ugolovnoe pravo*. – 2020. – No. 2. – P. 44–51.
2. Volzhenkin B.V. Crimes in the Sphere of Economic Activity under the Criminal Law of Russia. – St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2007. – 255 p.
3. Gaukhtman L.D. Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice. – M.: AO «Tsentr YurInfoR», 2003. – 457 p.
4. Kerimov D.A. Legislative Technique and Problems of Criminalization of Acts in the Economic Sphere // *Gosudarstvo i pravo*. – 2019. – No. 4. – P. 87–95.
5. Kurbanov R.A. Improvement of Criminal Liability for Violation of Commercial and Bank Secrecy // *Zhurnal rossiiskogo prava*. – 2018. – No. 5 (257). – P. 112–120.
6. Naumov A.V. Practice of Application of the Criminal Code of the Russian Federation: Commentary on Judicial Practice and Doctrinal Interpretation. – M.: Yurait, 2015. – 480 p.
7. Prochukhaeva M.L. Victimological Prevention of Crimes in the Sphere of Entrepreneurial Activity // *Rossiiskii sledovatel'*. – 2017. – No. 15. – P. 33–37.

Гуляев Тимур Николаевич,
аспирант, Московского университета «Синергия»

Работа посвящена рассмотрению проблем соотношения международного и внутригосударственного права, приобретающих особую актуальность в условиях глобализации и увеличения роли международных норм в практической деятельности государств. Автором проведен глубокий анализ истории развития научных концепций, характеризующих природу и содержание взаимодействия указанных правовых систем, а также представлены разнообразные точки зрения отечественных и зарубежных авторов на этот предмет. Использован широкий спектр методологических приемов, включающих историко-теоретический, сравнительно-правовой и формально-догматический подходы. Результаты проведенного исследования имеют важное прикладное значение, поскольку открывают новые горизонты для совершенствования отечественной и зарубежной юриспруденции, разработки практических рекомендаций по предотвращению коллизий и созданию сбалансированной модели взаимодействия международного и внутригосударственного права.

Ключевые слова: соотношение права, международное право, внутригосударственное право, коллизии норм, судебная практика, интеграционные процессы, гармонизация права, приоритеты норм, международно-правовая регламентация, национальные правовые системы.

Проблема соотношения международного и внутригосударственного права традиционно привлекает пристальное внимание научного сообщества и вызывает оживленные дискуссии в юридической науке. Данный феномен становится особенно актуальным в связи с процессами глобализации, усиливающимся сотрудничеством государств и увеличением значимости международных норм в повседневном функционировании национальных правовых систем. Хотя научная мысль уже давно занимается данным вопросом, однозначного ответа относительно характера взаимодействия международного и внутригосударственного права до сих пор не сформулировано. Часть исследователей исходит из предпосылки существования единой правовой системы, охватывающей обе разновидности права; иные, напротив, настаивают на их полном обособлении и самостоятельности [3].

Настоящая работа ориентирована на комплексное изучение данного вопроса: выявление форм взаимодействия международного и внутригосударственного права, а также определение возможных направлений их дальнейшей интеграции. Методологическую основу исследования составляет сочетание историко-правового анализа, сравнительно-правового подхода и доктринального изучения материала. Полученные результаты могут быть использованы для формулирования практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства и минимизации существующих коллизий.

Проблематика соотношения международного и внутригосударственного права на протяжении длительного времени сохраняет устойчивый интерес в научной среде, выступая предметом дискуссий и неоднозначных оценок в юридической литературе.

Настоящее исследование направлено на всестороннее рассмотрение данного феномена, выяснение специфики взаимодействия международного и внутригосударственного права, а также определение перспектив их дальнейшей интеграции. В целях достижения поставленных задач автором осуществлён сравнительный анализ теоретических подходов, представленных в современной научной литературе; изучены эмпирические данные, а также проанализирована судебная практика, отражающая особенности применения норм международного права в различных юрисдикциях. При этом приоритетное внимание уделено российскому опыту и актуальным тенденциям развития правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Исследование выстроено на основе комплексной методологии, объединяющей исторический, сравнительно-правовой и догматический методы анализа. Совокупность полученных результатов позволяет сформировать целостное представление о соотношении международного и внутригосударственного права, выявить наиболее проблемные узлы и наметить возможные направления их преодоления.

История развития научных представлений о соотношении международного и внутригосударственного права насчитывает несколько этапов. Первоначально, в эпоху Просвещения, зарождалось представление о единой правовой системе, руководимой нормами международного права. Позднее появились два противоположных взгляда: монистический, утверждающий примат международного права над национальным, и дуалистический, отстаивающий полную автономию и независимость обеих систем. Сегодня исследователи склоняются к компромиссному подходу, признающему взаимодействие и взаимовлияние международного и внутригосударственного права, без четкого установления приоритета одной системы над другой. Современные подходы делают акцент на динамичном взаимодействии обеих систем, стремясь определить оптимальные механизмы согласования и гармонизации их норм [1].

Международное право представляет собой совокупность обязательных норм и принципов, регулирующих поведение государств и иных субъектов в международных отношениях. К признакам международного права относятся универсальность, добровольность исполнения и обеспечение суверенитета государств. Главными источниками международного права являются международные договоры, обычаи, резолюции международных организаций и судебные решения. Субъектами международного права выступают государства, международные организации, а также некоторые категории физических и юридических лиц, чьи права и обязанности определены специальными международными актами. Специфичным признаком международного права является его зависимость от согласия государств на применение тех или иных норм, что отличает его от внутригосударственного права [5].

Внутригосударственное право — это система юридических норм, регулирующих общественные отношения на территории конкретного государства. Оно характеризуется рядом признаков:

- территориальностью действия;
- обязательным исполнением гражданами и организациями;
- установленной иерархичностью нормативно-правовых актов.

Ведущими источниками внутригосударственного права являются Конституция, законы, подзаконные акты, судебные прецеденты и обычай. Субъектами внутригосударственного права выступают граждане, юридические лица, публичные учреждения и должностные лица, наделённые властными полномочиями. Регулятивная сила внутригосударственного права обеспечивается государственным принуждением, осуществляемым правоохранительными органами и судами. Внутригосударственное право устанавливает основы функционирования государственных учреждений, защищает права и свободы граждан, а также организует экономическую и социальную жизнь общества [2].

Формы взаимодействия международного и внутригосударственного права многообразны и зависят от особенностей национальной правовой системы каждого государства. Наиболее распространённым способом интеграции норм международного права является трансформация, при которой нормы международных договоров преобразуются в национальные законы через специальную процедуру принятия. Другой важной формой взаимодействия является рецепция, означающая непосредственное включение норм международного права в национальную правовую систему без предварительной переработки. Часто применяется прямое применение норм международных договоров, предусматривающих автоматическое использование международных норм в судах и органах исполнительной власти. Вместе с тем, существуют случаи индуктивного взаимодействия, когда международное право оказывает косвенное влияние на формирование внутригосударственных норм. Наконец, широко используется контроль соответствия внутригосударственного законодательства требованиям международных договоров, позволяющий избежать коллизий и обеспечивать гармоничное сочетание обеих систем права.

Коллизии возникают из-за несоответствия норм международного и внутреннего права разных стран. Основные причины: различия в юридической технике, историческое развитие правовых систем, особенности интерпретации законов. Для решения используются принципы приоритета международного права, специальные соглашения и решения международных судебных инстанций. Эффективнее всего проблему решает гармонизация законодательства путем заключения договоров и выработки единых подходов к применению норм.

Приоритет международного права над национальным подтвержден рядом судебных дел. Например, в деле «Хабидуллин против РФ» ЕСПЧ признал нарушение российского процесса из-за длительного рассмотрения дела. Аналогично, в деле «Дженкинсон против Австралии» международные стандарты экологии превалировали над внутренними законами. Сложности возникают при согласовании двух уровней права, как показывает постановление Конституционного Суда РФ № 2-П от 2008 г. Эти случаи показывают необходимость адаптации национального законодательства к международным нормам [4].

Современная тенденция развития международного права характеризуется усилением процессов интеграции и унификации правовых норм, направленных на создание единой системы правового регулирования глобального масштаба. Ведущими направлениями выступают формирование новых институциональных структур и механизмов, обеспечивающих взаимодействие государств и субъектов международного права.

Среди значимых тенденций выделяются следующие:

1. Развитие универсальных международных организаций и специализированных учреждений, таких как Всемирная торговая организация (ВТО), Международная морская организация (ИМО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ).
2. Расширение полномочий международных трибуналов и арбитражей, призванных обеспечивать эффективное разрешение споров и конфликтов.
3. Рост числа международных договоров и соглашений, регулирующих отношения в сферах экономики, торговли, экологии, гуманитарной помощи и миграции.

Данные процессы способствуют формированию общей нормативной основы поведения государств и, как следствие, укреплению устойчивости и предсказуемости в мировом сообществе. Вместе с тем сохраняются существенные препятствия и ограничения, обусловленные различиями политических и экономических условий отдельных государств, что порождает дополнительные риски нестабильности и неопределённости в развитии международного права.

Интеграционные процессы оказывают заметное влияние на соотношение международного и внутригосударственного права, стимулируя углубление взаимозависимости правовых систем и усиливая роль международных институтов.

Наиболее отчётливо данная тенденция проявляется в рамках европейских и региональных проектов интеграции, в том числе Европейского союза (ЕС), Содружества Независимых Государств (СНГ) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Международные организации и судебные органы в этих условиях выполняют ключевую функцию по формированию элементов единого правового пространства: обеспечивают координацию действий государств-участников и способствуют урегулированию потенциальных конфликтов.

Правовые позиции и решения таких институтов приобретают характер прямого воздействия на внутреннюю политику и национальное законодательство участников интеграционных объединений, повышая уровень транспарентности и предсказуемости правового регулирования.

Показательным примером выступает деятельность Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), постановления которого обязательны для государств — участников Совета Европы и предполагают необходимость адаптации национального законодательства к требованиям Европейской конвенции.

В целом указанные тенденции подчёркивают значимость современных интеграционных инициатив для оптимизации взаимоотношений международного и внутригосударственного права.

Перспективы дальнейшего развития взаимодействия международного и внутригосударственного права определяются рядом ключевых трендов, среди которых центральное место занимают возможное усиление интернационализации законодательных систем и углубление интеграции национальных правовых пространств. Один из вероятных сценариев предполагает расширение компетенции международных институтов и укрепление их влияния на регулирование значимых сфер общественной жизни.

Одновременно сохраняется альтернативный сценарий, связанный с ростом националистических настроений и стремлением отдельных государств обеспечить максимальную автономию собственной правовой системы. В рамках такого подхода возрастает вероятность сохранения фрагментации международного права и ограничения воздействия общих нормативных рамок на внутренние правовые режимы.

Ещё одним направлением возможных преобразований может стать повышение роли индивидуальных договорённостей и частноправовых инструментов, позволяющих учитывать специфику конкретных ситуаций и адаптировать правовые предписания к локальным условиям. Подобные изменения способны увеличить гибкость правовой системы и повысить эффективность регулирования общественных отношений.

В рамках настоящего исследования предпринята попытка осмысления сложного и многоаспектного явления, связанного с взаимодействием международного и внутригосударственного права. Проведён анализ исторической эволюции юридических взглядов на данную проблематику, охарактеризованы особенности каждого из рассматриваемых видов права, выделены основные формы их сопряжения, а также предложены подходы к предупреждению коллизионных ситуаций. Эмпирической основой выводов послужил массив судебной практики, демонстрирующий приоритетность норм международного права в случаях их конфликта с национальным законодательством. Вместе с тем сохраняются ряд вопросов, требующих дальнейшего исследования, прежде всего связанных с имплементацией международных норм в национальные правовые системы и механизмами их эффективного согласования.

Современные тенденции указывают на постепенное сближение правовых систем и расширение значения международных институтов. Однако сохранение национально-государственной специфики объективно задаёт пределы интеграционным процессам.

В связи с этим дальнейшее развитие взаимоотношений международного и внутригосударственного права предполагает взвешенный подход, учёт культурных традиций и исторических особенностей каждого государства, а также последовательное совершенствование правовых механизмов, обеспечивающих баланс между общими стандартами и уникальными потребностями отдельных стран.

Литература

1. Белых А.Г. Нормы международного и национального права в условиях интеграции / А.Г. Белых // Юридический мир. — 2017. — № 5. — С. 72–76.
2. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: [с учетом внесенных законами РФ по по-

правках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6 – ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7 – ФКЗ] // Российская газета. – № 7. – 2009. – 21 января.

3. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2018. – С. 321.

4. Международное публичное право в вопросах и ответах: учеб. пособие/отв. ред. К.А. Бекяшев. – Москва: Проспект, 2015. – 224 с.

5. Мещанова, М. В Соотношение международного частного и международного публичного права: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.03–2008 г.

THE RELATIONSHIP BETWEEN INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW

Gulyaev T.N.

Moscow University «Synergy»

The work is devoted to the consideration of the problems of the correlation of international and domestic law, which are becoming particularly relevant in the context of globalization and the increasing role of international norms in the practical activities of states. The author has conducted an in-depth analysis of the history of the development of scientific concepts characterizing the nature and content of the interaction of these legal systems, as well as presented a variety of points of view of domestic and foreign authors on this subject. A wide range of methodological techniques has been used, including historical-theoretical,

comparative-legal and formal-dogmatic approaches. The results of the research are of great applied importance, as they open up new horizons for improving domestic and foreign jurisprudence, developing practical recommendations for preventing collisions and creating a balanced model of interaction between international and domestic law.

Keywords: correlation of law, international law, domestic law, conflicts of norms, judicial practice, integration processes, harmonization of law, priorities of norms, international legal regulation, national legal systems.

References

1. Belykh A.G. Norms of international and national law in the context of integration / A.G. Belykh // The Legal World, 2017, No. 5, pp. 72–76.

2. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993: [taking into account the amendments introduced by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from December 30, 2008 No. 6 – FKZ, December 30, 2008 No. 7 – FKZ] // Rossiyskaya gazeta. – No. 7. – 2009. – January 21.

3. Marchenko M.N. The state and law in the context of globalization / M.N. Marchenko, Moscow: Prospekt Publ., 2018, p. 321.

4. Public international law in questions and answers: studies. the manual /ed. by K.A. Bekyashev. Moscow: Prospekt Publ., 2015. 224 p.

5. Meshchanova, M. In the correlation of international private and international public law: Abstract of the dissertation. for the job. learned. step. Candidate of Sciences. jurid. sciences': 12.00.03–2008

Карпов Артем Гагикович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, финансового и информационного права ФГБОУ «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России)
E-mail: AGKarpov.91@yandex.ru

Автором анализируется институт традиционных российских духовно-нравственных ценностей с позиций административно-правового обеспечения. Доказывается, что явления духовного и нравственного порядка могут быть предметом административно-правового регулирования. Исследуется круг нравственно-мировоззренческих ориентиров, получивших прямое нормативное закрепление, подчеркивается, что содержание духовно-нравственных ценностей формируется и раскрывается посредством закрепления в документах стратегического планирования. Делается вывод о том, что духовно-нравственные ценности с позиции административно-правового регулирования представляют собой совокупность общественных отношений, воздействие на которые осуществляется в специфических формах и методах со стороны органов публичной власти. Также отмечается, что административно-правовое регулирование в исследуемой сфере включает такие меры как административная ответственность, административно-предупредительные и административно-пресекательные меры. В работе обосновывается тезис, что административно-правовое обеспечение охраны и защиты духовно-нравственных ценностей направлено на достижение оптимального баланса между охраной конституционных прав и свобод личности и необходимостью сохранения фундаментальных ценностно-мировоззренческих основ общества.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, административно-правовое обеспечение, комплексный правовой институт, национальная безопасность, морально-нравственные ориентиры, административная ответственность, общественная нравственность, административно-предупредительные меры, административно-пресекательные меры.

На современном этапе развития российского государства особое внимание уделяется ценностно-мировоззренческим аспектам, которые лежат в основе не только общественных отношений, но и органов государства. Духовно-нравственные ценности играют существенную роль в деятельности всех уровней публичной власти. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию в 2024 году отметил, что «ценности любви, взаимной поддержки и доверия передаются в семье из поколения в поколение, так же как культура, традиции, история, нравственные устои» [5].

Традиционные ценности представляют собой нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство и нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии ее многонационального народа. Вместе с тем следует поддержать мнение отдельных ученых о том, что формирование ценностей нельзя осуществить только прямыми предписаниями, посредством которых возможно лишь создание условий, способствующих формированию, развитию и укреплению конкретных ценностей через соответствующие общественные институты [8, с. 300].

С учетом изложенного регулирование и защита отношений, связанных с духовно-нравственными ценностями, обеспечивается соответствующей системой административно-правовых мер. В связи с этим исследование духовно-нравственных ценностей является актуальным и своевременным.

Справедлива точка зрения О.А. Дизера о том, что категория «нравственность» относится к фундаментальным философским категориям, а также является одним из важных регуляторов в социальной, культурной, экономической и других сферах жизни общества, а соответствующие установки есть значимый фактор развития конкретного государства [10, с. 12]. Поэтому проблематика духовно-нравственных ценностей и ориентиров должна рассматриваться не только в общеправовом измерении, но и в контексте деятельности органов публичной власти.

При изучении духовно-нравственных основ возникает вопрос: в каком отношении явления духовного и нравственного порядка могут быть предметом правового регулирования и государственного управления? Рассматриваемая сфера относится к стратегически важным направлениям национальной безопасности Российской Федерации. Категория духовно-нравственных ценностей предполагает существование комплексного правового института, который регулируется нормами различных отраслей права, в том числе и административного. Управление отношениями в данной сфере предполагает использование административно-правовых форм и методов воздействия.

К духовно-нравственным ценностям отнесены традиционные и культурные основы общества, которые государство признает и защищает. Их охрана обусловлена важностью сохранения историко-культурного наследия и гражданского мира. Правовые основы сохранения и укрепления этих ценностей находят свое отражение в российском законодательстве.

В первую очередь, укажем, что Конституция Российской Федерации [1] институционализирует систему традиционных ценностей, которые восходят к нравственным основам жизни человека и общества, выступая правовой базой для дальнейшего развития и совершенствования регулирования общественных отношений в различных отраслях права. Закрепление данных норм в законодательстве свидетельствует о том, что государство обеспечивает поддержку моральных и нравственных принципов посредством правовых механизмов [7, с. 40].

В результате конституционных преобразований 2020 года произошло существенное расширение круга нравственно-мировоззренческих ориентиров, получивших прямое нормативное закрепление. Трансформация ценностного сегмента Конституции РФ связана, в частности, с повышением роли комплекса традиционных основ жизни российского общества. К ним отнесены историческая память и идеалы предшествующих поколений, многовековой путь развития российского государства, принцип исторического преемства, подвиг и героизм народа, государственное единство, признание социальной значимости труда, взаимная ответственность личности и публичной власти, а также

конституционная модель брака как союза мужчины и женщины. Кроме того, в число охраняемых государством ориентиров включены патриотизм, гражданская солидарность, уважительное отношение к старшему поколению и иные ключевые элементы культурно-исторического наследия.

В юридической доктрине подчеркивается, что конституционные ценности представляют собой фундаментальные социальные ориентиры, характерные для определенного государства в конкретный период его исторической эволюции. Они фиксируют цели и приоритеты публичного развития, определяют принципы построения и функционирования государственной власти, получают нормативное выражение в тексте Конституции как результат определенного цивилизационного выбора. Данные ценности выполняют функцию стратегического регулятивного механизма государственной политики. Их программный характер проявляется в направленности на обеспечение устойчивого и сбалансированного общественного развития, а также на укрепление системы конституционно-правовых гарантий личности, общества и государства [6, с. 19].

Конкретное содержание духовно-нравственных ценностей формируется и раскрывается в рамках действующего законодательства, в частности посредством нормативных правовых актов стратегического планирования. За последние четыре года в Российской Федерации были разработаны и утверждены многочисленные документы стратегического характера, в которых зафиксированы цели, соотносимые с рассматриваемыми ценностями. Основными из них являются Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [3] (далее – Стратегия), а также Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [4] (далее – Основы).

В соответствии со Стратегией укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение и защита культурного и исторического наследия народа России выступает одним из основных национальных приоритетов Российской Федерации. В указанном документе определены ключевые угрозы, способные негативно воздействовать на конституционно значимые ценности. В частности, к ним отнесены: глобальное расширение террористической и экстремистской активности; использование некоторыми транснациональными корпорациями, средствами массовой информации, зарубежными некоммерческими структурами, а также отдельными российскими организациями инструментов, способных дестабилизировать внутренние процессы; недружественная внешнеполитическая линия США и ряда иных государств в отношении Российской Федерации [11 с. 41].

Впервые на нормативном уровне понятие традиционных ценностей закреплено в Основых. Они характеризуются как морально-нравственные ориентиры, определяющие мировоззренческие установки граждан, передающиеся сквозь поколения и формирующие основу общегосударственной идентичности и целостного культурного пространства страны. Данные ценности рассматриваются как фактор укрепления гражданского единства и как явление, имеющее уникальные и самобытные формы выражения в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. Правовое закрепление исследуемого института имеет немалое значение для правоприменения, поскольку до настоящего времени большинство оценочных категорий, содержащихся в отраслевом законодательстве, официально не конкретизируются [11 с. 42].

Утверждение Основ указом Президента Российской Федерации предопределяют их специфическое административно-правовое содержание, поскольку именно глава государства уполномочен формировать ключевые ориентиры внешнеполитического и внутриполитического развития страны, определяя основные направления деятельности публичной власти.

Духовно-нравственные ценности выступают в качестве регуляторов в том числе и в сфере публичной власти. Исследование духовно-нравственных ценностей с позиции административно-правового регулирования предполагает, что они представляют собой совокупность общественных отношений, воздействие на которые осуществляется в специфических формах и методах со стороны органов публичной власти. Определяя духовно-нравственные ценности в качестве объектов управленческого воздействия, государство выступает инструментом по обеспечению их реализации и защиты.

Государственная политика в сфере сохранения и укрепления традиционных ценностей претворяется через систему мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации и иными органами публичной власти различного уровня. Реализация соответствующих полномочий предполагает активное участие институтов гражданского общества, что обеспечивает

комплексный и многоуровневый характер механизма их практического воплощения [12 с. 5–10].

С учетом ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» [2] ключевая роль в обеспечении проведения единой государственной политики в области сохранения традиционных ценностей отведена Правительству Российской Федерации. Следует также указать, что в практической реализации данного направления государственной политики принимают участие и федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие полномочия в сферах обороны, государственной безопасности, внутренних дел, а также иные органы публичной власти, реализующие соответствующие функции в пределах установленной компетенции.

С учетом закрепленных полномочий органы публичной власти различного уровня обязаны формировать и утверждать комплексные планы мероприятий по реализации Основ на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. При этом особое значение приобретает вопрос организации системного взаимодействия органов публичной власти субъектов и органов местного самоуправления с правоохранительными органами по вопросам предупреждения и пресечения противоправной деятельности, связанной с распространением деструктивных идеологических установок, в первую очередь среди молодежи. Такое взаимодействие, по мнению А.Н. Диденко, должно реализовываться в рамках соответствующих региональных или муниципальных целевых программ [9 с. 3–14].

Также необходимо отметить, что административно-правовое регулирование в исследуемой сфере включает такие меры как административная ответственность за посягательства на общественную нравственность, а также административно-предупредительные и административно-пресекательные меры. В своей совокупности они направлены на сохранение нравственного здоровья общества и предотвращение деструктивных проявлений, что обеспечивает устойчивое развитие государства и гражданского общества.

Административно-правовое обеспечение охраны и защиты духовно-нравственных ценностей направлено на достижение оптимального баланса между охраной конституционных прав и свобод личности и необходимостью сохранения фундаментальных ценностно-мировоззренческих основ общества.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим обоснованным выводам:

- 1) духовно-нравственные ценности в современном обществе являются предметом соответствующей государственной политики, предусматривающей комплекс мер по совершенствованию правового регулирования в данной сфере, а также деятельность органов публичной власти, наделенных соответствующей компетенцией;
- 2) духовно-нравственные ценности в административно-правовом понимании выступают в качестве института, находящего закрепление в сфере публичного управления посредством определения соответствующих форм и методов регулирования;
- 3) административно-правовое регулирование духовно-нравственных основ осуществляется посредством комплекса регулятивных и охранительных мер, обеспечивающих их сохранение и развитие;
- 4) административно-правовая охрана духовно-нравственных ценностей включает в себя не только меры административной ответственности, но и иные административно-принудительные меры как предупредительного, так и пресекательного характера.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.11.2020.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 03.07.2021.
4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022.
5. Послание Президента Федеральному Собранию в 2024 году – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 20.01.2026).
6. Бурла В.М. Конституционные ценности как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные

проблемы российского права. 2024. № 3. С. 11–26 // СПС «Консультант Плюс».

7. Гошуляк В.В. Идеология консерватизма в обновленной Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 6. С. 35–44 // СПС «Консультант Плюс».

8. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 2. С. 300.

9. Диденко А.Н. Соотношение публично-властных и общественных компонентов в организации местного самоуправления и муниципальных образований и их опора на традиционные российские цивилизационные ценности // Местное право. 2025. № 2. С. 3–14 // СПС «Консультант Плюс».

10. Дизер О.А. Общественная нравственность как объект административно-правовой защиты: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2018. С. 12.

11. Мещерякова А.Ф. Правовая охрана и защита традиционных ценностей в контексте обеспечения духовно-нравственной и религиозной безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2. С. 41.

12. Мохов А.А. От Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к одноименному федеральному закону? // Современное право. 2024. № 8. С. 5–10 // СПС «Консультант Плюс».

ADMINISTRATIVE AND LEGAL SUPPORT FOR THE PRESERVATION OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Karpov A.G.

Russian State University of Justice

The author analyzes the institution of traditional Russian spiritual and moral values from the perspective of administrative and legal support. It is proved that phenomena of a spiritual and moral nature can be subject to administrative and legal regulation. The author examines the range of moral and worldview guidelines that have been directly regulated by law, emphasizing that the content of spiritual and moral values is formed and revealed through their inclusion in strategic planning documents. It is concluded that spiritual and moral values, from the perspective of administrative and legal regulation, are a set of social relations that are influenced by specific forms and methods of public authorities. It is also noted that administrative and legal regulation in the field under study includes such measures as administrative liability, administrative preventive measures, and administrative counter-

measures. The paper substantiates the thesis that administrative and legal support for the protection of spiritual and moral values is aimed at achieving an optimal balance between the protection of individual constitutional rights and freedoms and the need to preserve the fundamental values and worldview foundations of society.

Keywords: traditional Russian spiritual and moral values, administrative and legal support, comprehensive legal institution, national security, moral and ethical guidelines, administrative responsibility, public morality, administrative preventive measures, and administrative countermeasures.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Federal Constitutional Law of 06.11.2020 No. 4-FKZ “On the Government of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 06.11.2020.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 03.07.2021.
4. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022.
5. Address of the President to the Federal Assembly in 2024 – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (date of access: 20.01.2026).
6. Burla V.M. Constitutional Values as a Scientific Category: Problems of Definition, Formalization, Systematization // Actual Problems of Russian Law. 2024. No. 3. pp. 11–26 // SPS “Consultant Plus”.
7. Goshulyak V.V. The Ideology of Conservatism in the Updated Constitution of the Russian Federation // Actual Problems of Russian Law. 2025. No. 6. pp. 35–44 // SPS “Consultant Plus”.
8. Kropachev N.M., Arkhipov V.V. Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of the Digital Transformation of Society: Theoretical and Legal Aspects // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2023. No. 2. p. 300.
9. Didenko A.N. The Relationship between Public-Authority and Social Components in the Organization of Local Self-Government and Municipalities and Their Reliance on Traditional Russian Civilizational Values // Local Law. 2025. No. 2. pp. 3–14 // SPS “Consultant Plus”.
10. Dizier O.A. Public Morality as an Object of Administrative-Legal Protection: Monograph. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. P. 12.
11. Meshcheryakova A.F. Legal Protection and Defense of Traditional Values in the Context of Ensuring Spiritual, Moral, and Religious Security // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2. P. 41.
12. Mokhov A.A. From the Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” to the federal law of the same name? // Modern Law. 2024. No. 8. Pp. 5–10 // SPS “Consultant Plus”.

Кириллова Наталия Павловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Каматесов Павел Александрович,

кандидат юридических наук, адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов, Адвокатская консультация «ЮСТ-групп»

В работе рассмотрены сокращенные уголовно-процессуальные формы современного российского уголовного процесса, отмечены тенденции их развития. На основе данных судебной статистики сделан вывод о тенденции снижения применения сокращенных уголовно-процессуальных форм. Представлены пути совершенствования сокращенных уголовно-процессуальных форм, допускающих упрощение, как досудебных, так и судебных стадий уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, сокращенные уголовно-процессуальные формы, сокращенное дознание, судебный штраф.

С момента начала проведения судебной реформы и после вступления в действие Уголовно-процессуального кодекса РФ законодатель не прекращает поиск уголовно-процессуальных форм, которые бы в достаточной мере обеспечили решение задач, стоящих перед правосудием. Необходимо обеспечить интересы потерпевших от преступлений путем их своевременного раскрытия, качественного расследования и судебного рассмотрения. При этом процесс предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел должен быть основан на принципе законности, поскольку нарушение закона может повлечь за собой следственные и судебные ошибки, привлечение к уголовной ответственности невиновных, нарушение прав участников уголовного судопроизводства.

Решению задач уголовного судопроизводства способствует выбор законодателем оптимальных уголовно-процессуальных форм. Мировая практика использования уголовно-процессуальных форм достаточно консервативна. Не всякое государство смело экспериментирует в этой области, поскольку неудачные эксперименты могут негативно повлиять и на состояние преступности, и на состояние законности в обществе.

Правоохранительные органы не всегда приветствуют такие реформы, поскольку нарушаются правовые традиции, привычное применение норм права.

В советский период развития уголовного процесса уголовно-процессуальные формы не отличались многообразием. Доктрина и практика исходили из того, что именно всестороннее и полное предварительное расследование и судебное разбирательство позволяет установить истину по делу, поэтому подавляющее большинство уголовных дел рассматривалось в обычной форме судопроизводства. Исключение составляли упрощенные формы уголовного судопроизводства в виде рассмотрения дел частного обвинения и в виде протокольной формы подготовки материалов предварительного расследования (Раздел IX УПК РСФСР), введенной в действие 1 марта 1985 года в отношении некоторых составов преступлений, не представляющих большой общественной опасности¹.

Современный отечественный законодатель более активен в процессе изменения законодательства, направленного на упрощение уголовно-процессуальной формы. За период современной судебной реформы сохранилось производство по делам частного обвинения, отнесенное к подсудности мировых судей, и появилось значительное количество новых упрощенных производств. Среди них: Дознание в сокращенной форме (Глава 32.1 УПК РФ); Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (Глава 40 УПК РФ); Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (Глава 40.1 УПК РФ); Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (Глава 51.1 УПК РФ).

В постсоветский период количество уголовных дел, расследованных или рассмотренных судом в упрощенных формах, неуклонно увеличивалось. По нашему мнению, расширение таких форм обусловлено несколькими причинами. В некоторых случаях существенное значение имела процессуальная экономия, желание разгрузить органы предварительного расследования и суды в случаях, когда речь идет о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, или когда обвиняемый признает вину и отсутствует спор между обвинением и защитой. В некоторых случаях законодателем преследовалась цель снизить уровень судимости в отношении отдельных категорий граждан по некоторым категориям преступлений.

В связи с изложенным, возникает вопрос о том, является ли расширение упрощенных уголовно-процессуальных форм положительной или негативной тенденцией в свете решения задач уголовного судопроизводства. Дать однозначный ответ на этот вопрос сложно. С одной стороны, оперативное предварительное расследование в сокращенные сроки приближает принятие судебного решения и восстановление нарушенного права, экономит ресурсы правоохранительных органов, что можно приветствовать. С другой стороны, если такое рас-

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.01.1985 г. о внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и гражданский процессуальный кодексы РСФСР// Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31.01. 1985. № 4, ст. 163.

следование и рассмотрение дел приводит к следственным и судебным ошибкам, обусловленным не полным установлением обстоятельств дела, то негативный эффект превалирует.

Отсутствие спора между обвинением и защитой иногда бывает кажущимся. Обвиняемый может согласиться с обоснованностью подозрения или обвинения в совершении преступления по многим причинам. Самооговор, к сожалению, не редкое явление. Выявить его в процессе упрощенных судебных производств не всегда просто. Нельзя исключить и факты злоупотреблений со стороны должностных лиц правоохранительных органов, незаконно склоняющих лицо к признанию в совершении преступления.

Со временем законодатель стал проявлять осторожность в оценке необходимости расширения упрощенных производств. Примером тому является правовое регулирование особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, предусмотренного Главой 40 УПК РФ. Следует отметить, что упрощенное производство предусмотрено в ней только в отношении стадии судебного разбирательства. Предварительное расследование сохраняется в полном объеме. Первоначальная редакция этой главы предполагала постановление приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке по делам о преступлениях, максимальная санкция за которые не превышает десяти лет лишения свободы. Со временем количество дел, рассматриваемых судами в порядке Главы 40 УПК РФ, превысило количество дел, рассматриваемых в обычной форме путем непосредственного исследования доказательств. В некоторых регионах до 80% уголовных дел рассматривалось в данной упрощенной форме. В научных работах появились предложения распространить эту форму на составы преступлений, санкции за которые превышают десять лет лишения свободы. Однако существенное увеличение количества дел, рассматриваемых в порядке, предусмотренном Главой 40 УПК РФ, вызывало беспокойство в отношении возможных латентных судебных ошибок.

Впоследствии законодатель пересмотрел свою позицию, сократив возможности применения Главы 40 УПК РФ. В настоящее время на основании ч. 1 ст. 314 УПК РФ только по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Разумеется, что и количество дел, рассмотренных в порядке Главы 40 УПК РФ, сократилось после вступления в силу указанных изменений закона.

Позицию законодателя в части ограничения применения Главы 40 УПК РФ можно считать обоснованной, так как обычная форма судебного разбирательства имеет ряд преимуществ, касающихся уголовно-процессуальных гарантий участников уголовного процесса. Полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела путем непосредственного исследования собранных на стадии предварительного расследования доказательств в большей мере способствует установлению истины по делу и вынесению законного и обоснованного приговора, нежели результаты упрощенного судебного следствия. Это становится особенно важным, когда речь идет об обвинении лиц в тяжких и особо тяжких преступлениях и об усилении уголовно-процессуальных гарантий.

Действующее законодательство предусматривает уголовно-процессуальные формы, содержащие упрощенный порядок, как предварительного расследования, так и судебного разбирательства. Так, несвойственное для российского уголовного процесса упрощение судебной стадии и стадии предварительного расследования появилось с введением института сокращенного дознания (Глава 32.1 УПК РФ) в 2013 году.

Упрощение стадии предварительного расследования сводится к тому, что дознаватель в соответствии со ст. 226.5 УПК РФ вправе не проверять доказательства, если они не оспорены сторонами, вправе не допрашивать лиц, от которых были получены объяснения, вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста. За дознавателем сохранена обязанность по проведению только тех следственных и процессуальных действий, без производства которых может произойти утрата следов преступления и, соответственно, доказательств.

Особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому проводилось в сокращенной форме, содержатся в ст. 226.9 УПК РФ и предполагают судебное производство в порядке ст. ст. 316, 317 УПК РФ, то есть без проведения судебного следствия.

О несовершенстве представленной упрощенной уголовно-процессуальной формы высказываются специалисты в области уголовного процесса. Некоторым авторами предлагается дополнить институт сокращенного дознания в части необходимого комплекса след-

ственных и процессуальных действий, которые должны быть обязательно проведены по уголовному делу. Так, М.В. Зотова предлагает на стадии предварительного расследования обязательное проведение допроса обвиняемого, в котором он будет иметь возможность высказать свою позицию по уголовному делу¹. А.И. Неряхин, в свою очередь, считает необходимым расширить полномочия прокурора, предоставив ему после окончания дознания право самостоятельно допрашивать обвиняемого перед направлением дела в суд. Предполагается, что по результатам и допроса обвиняемого, изучения материалов дела, прокурор будет вправе возратить уголовное дело для дополнительного расследования или утвердить обвинительное постановление и направить дело в суд².

В научном сообществе есть и предложения предусмотреть судебное разбирательство в обычной процессуальной форме, если расследование проводилось в форме сокращенного дознания³.

Представляется, что при сокращенном дознании необходимо полноценное, а не упрощенное судебное разбирательство. При вынесении приговора суд обязан разрешить вопросы, предусмотренные ст. 299 УПК РФ. Судам сложно принять решение без непосредственного исследования доказательств, касающихся фактических обстоятельств дела. Есть существенный риск допустить судебную ошибку, влекущую отмену приговора. Следует отметить, что в основу обвинительного постановления дознавателем могут быть положены материалы, которые с точки зрения теории доказательств вообще не являются доказательствами.

По этим причинам, по нашему мнению, суды достаточно часто не выносят приговоры, а возвращают дело для проведения обычного дознания, в ходе которого должны быть с достаточной полнотой установлены обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Об этом косвенно свидетельствуют данные Отчетов о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021–2023 годы, из которых следует существенное снижение количества уголовных дел, расследованных в порядке упрощенного дознания и рассмотренных по существу с вынесением итоговых решений. Так, в 2021 году окончено 43 675 дел, в 2022 году – 32 683 дела, в 2023 году – 22 568 дел. Таким образом, за указанный период количество уголовных дел, рассмотренных в порядке сокращенного дознания, уменьшилось вдвое.

Введение в Главу 32.1 УПК РФ положений, исключающих рассмотрение дел в упрощенном порядке, сократит количество некачественно расследованных дел и в определенной степени разгрузит суды, вынужденные возвращать такие дела органам предварительного расследования. Возможно, в суд будут направлять дела, по которым в процессе сокращенного дознания будут в полной мере установлены, обстоятельства, необходимые для вынесения судом приговора.

Еще одной упрощенной уголовно-процессуальной формой, которая нуждается в совершенствовании, является производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности в порядке, предусмотренном ст. 446.2 УПК РФ.

Положениями уголовно-процессуального закона предусмотрено два порядка прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа. Один реализуется на стадии судебного разбирательства уголовного дела, по которому в полном объеме проведено предварительное расследование и в установленном порядке прокурором принято решение о направлении дела в суд. Данный порядок предусмотрен ст. 446.3 УПК РФ и в целом не вызывает критики, связанной с процедурой применения института судебного штрафа. Чего не скажешь о порядке прекращения уголовного дела в порядке ст. 446.2 УПК РФ.

Институт прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, который реализуется в порядке ст. 446.2 УПК РФ, предусматривает упрощенный порядок, как предварительного расследования, так и судебного разбирательства. Более того, в случае направления следователем ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, прокурор не имеет полномочий по бло-

¹ Зотова М.В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Зотова Марина Владимировна. - Москва, 2016. – с. 28. С. 21.

² Неряхин А.И. обеспечение права на защиту при производстве дознания в сокращенной форме: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Неряхин Артем Игоревич. - Ульяновск, 2020. – с. 28. С. 24.

³ Журавлева Н.М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Журавлева Наталья Михайловна. - Омск, 2020. – с. 30. С. 12, Ильяшевич Т.А. Актуальные вопросы развития дознания в сокращенной форме. Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сборник научных трудов X ежегодной Всероссийской конференции, Москва, 2020. – С. 297, URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48875428_86824319.pdf (дата обращения 09.02.2025).

кированию направления необоснованного ходатайства в суд. Необоснованное ограничение полномочий прокурора, как главного субъекта уголовного преследования в суде, может привести к серьезным следственным и судебным ошибкам, существенному увеличению срока расследования и разрешения уголовных дел, по которым принимается решение о возвращении ходатайств следователей о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. Дополнительным фактором риска для судебных и следственных ошибок является возможность направлять ходатайства в отношении подозреваемого, без предъявления соответствующего обвинения.

В связи с тем, что положения ст. 446.2 УПК РФ недостаточно регламентированы, необходимо их уточнение.

По нашему мнению, ходатайства следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа должны направляться в суд только после привлечения лица в качестве обвиняемого. Выполнение требований ст. 171 УПК РФ позволит сократить число потенциальных следственных и судебных ошибок. Потерпевшему, также как и обвиняемому, должно быть предоставлено право на ознакомление со всеми материалами дела до направления его в суд с ходатайством, заявленным в порядке ст. 446.2 УПК РФ. Направление в суд ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа должно происходить после консультации обвиняемого с защитником и при обязательном участии защитника. В свою очередь, потерпевшему должна быть предоставлена возможность представить свою позицию в части подтверждения возмещения ущерба.

Необходимо признать постановление следователя о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа итоговым документом, а прокурору предоставить полномочие по его утверждению.

У суда при рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела должна быть возможность прекращать это уголовное дело при наличии всех иных, предусмотренных законом оснований, например, при примирении с потерпевшим, наличии акта об амнистии и т.д.

Судебная статистика свидетельствует о том, что правоприменитель постепенно отходит от частого прекращения уголовных дел с назначением судебного штрафа. Так, в 2020 году было прекращено с назначением судебного штрафа 58777 уголовных дел, из которых половина приходилась на судебный штраф в порядке ст. 446.2 УПК РФ. По состоянию на первое полугодие 2024 года в порядке ст. 446.2 УПК РФ прекращено только 1342 дела. Сокращение прекращенных дел прослеживается и по уголовным делам, рассмотренным в порядке ст. 446.3 УПК РФ¹.

Напомним, что инициатива принятия института судебного штрафа исходила от Верховного суда РФ. Представители судебной власти обоснованно указывали на необходимость снижения уровня судимости за преступления небольшой и средней тяжести. Как следует из данных судебной статистики, в настоящее время институт судебного штрафа применяется не часто. По нашему мнению, данное обстоятельство связано, в том числе, с тем, что уголовно-процессуальные формы, которые одновременно применяются не только в досудебных, но и в судебных стадиях уголовного процесса на практике не приживаются, а уголовно-процессуального законодательство в части регулирования упрощенных процессуальных форм нуждается в совершенствовании.

Литература

1. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.01.1985 г. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и гражданский процессуальный кодексы РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31.01. 1985. № 4, ст. 163.

2. Журавлева Н.М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Журавлева Наталья Михайловна. -Омск, 2020. – с. 30. С. 12, Ильяшевич Т.А. Актуальные вопросы развития дознания в сокращенной форме. Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сборник научных трудов X ежегодной Всероссийской конференции, Москва, 2020. – С. 297, URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48875428_86824319.pdf (дата обращения 09.02.2025).

3. Зотова М.В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Зотова Марина Владимировна. – Москва, 2016. – с. 28. С. 21.

4. Неряхин А.И. обеспечение права на защиту при производстве дознания в сокращенной форме: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09/ Неряхин Артем Игоревич. -Ульяновск, 2020. – с. 28. С. 24.

5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения 09.02.2025).

SIMPLIFICATION OF JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE MODERN CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

Kirillova N., Kamatesov P.

Saint-Petersburg State University, Bar Association of Saint-Petersburg

The paper considers the abbreviated criminal procedural forms of the modern Russian criminal process, and highlights the trends in their development. Based on the data of judicial statistics, a conclusion is drawn about the downward trend in the use of abbreviated criminal procedure forms. The paper presents ways to improve abbreviated criminal procedural forms that simplify both pre-trial and judicial stages of the criminal process.

Keywords: criminal procedure form, abbreviated criminal procedure forms, abbreviated inquiry, judicial fine.

References

1. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of January 24, 1985 On Amendments and Additions to the Criminal Procedure Code and Civil Procedure Code of the RSFSR // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR of January 31, 1985. No. 4, Art. 163.

2. Zhuravleva N.M. Abridged Form of Inquiry in Russian Criminal Procedure: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.09 / Natalya Mikhailovna Zhuravleva. – Omsk, 2020. – p. 30. P. 12, Ilyashevich T.A. Current Issues of Development of Abridged Form of Inquiry. Criminal Procedure: Current State and Development Strategy: Collection of Scientific Papers of the 10th Annual All-Russian Conference, Moscow, 2020. – P. 297, URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48875428_86824319.pdf (date of access 09.02.2025).

3. Zolotova M.V. Abbreviated Pre-trial Inquiry in Russian Criminal Procedure: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.09/ Zolotova Marina Vladimirovna. – Moscow, 2016. – P. 28. P. 21.

4. Neryakhin A.I. Ensuring the Right to Defense during Abbreviated Pre-trial Inquiry: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.09/ Neryakhin Artem Igorevich. – Ulyanovsk, 2020. – p. 28. P. 24.

5. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (accessed 09.02.2025).

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения 09.02.2025).

Седова Жанна Игоревна,

доктор юридических наук, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: Zhanna.sedova@EL5-energo.ru

Задача: Статья раскрывает значимость особых мнений арбитров третейских судов для целей утверждения обоснованности и законности принятых третейскими судами решений на примере судебной практики Верховного Суда Российской Федерации разных лет по делам об отмене решений третейских судов. Проанализирована нормативная основа для существования особого мнения арбитра в праве. Особое мнение арбитра помогает сторонам спора реализовывать в полной мере право на судебную защиту. Модель: Методологическая основа статьи – использование автором методов синтеза и анализа, описания и интерпретации. Выводы: Цена особого мнения арбитра, как одной из форм отрицания недобросовестного поведения, – это достижение справедливости посредством противостояния мнению большинства (составу арбитров третейского суда). Особое мнение арбитра, например, о наличии процессуальной ошибки или о неправильном применении третейским судом норм материального права может лечь в основу судебного акта об отмене решения третейского суда. Рамки исследования/возможность последующего использования результатов научной работы: Результаты статьи являются частью изучения вопросов применения принципов справедливости и добросовестности. Практическое значение: Выводы статьи будут полезны при рассмотрении судами дел об отмене решений третейских судов при наличии особого мнения арбитра состава третейского суда, вынесшего решение. Приведены примеры, когда третейский суд фактически не разрешил экономический спор сторон, что не допустимо. Социальные последствия: Формируется представление о значимости особого мнения арбитра для последующих судебных разбирательств по делу: наличие мотивированного особого мнения арбитра может привести к отмене решения третейского суда. Оригинальность/ценность: Статья адресована юридической научной общественности, юристам-практикам, может быть полезна обучающимся юридических факультетов в ВУЗах.

Ключевые слова: особое мнение арбитра, отмена решения третейского суда, принцип добросовестности.

Введение

Примером передовой судебной практики в условиях действия иностранных односторонних мер ограничительного характера в отношении сектора российской экономики – генерации электрической энергии, – является Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС23–5624 от 25.08.2023 по делу № А40–193861/2022 об отмене решения третейского суда, в котором Верховный Суд Российской Федерации при формировании своей правовой позиции по нарушению решением третейского суда публичного порядка Российской Федерации опирается среди прочего на **особое мнение одного из арбитров** состава этого же третейского суда, рассмотревшего спор.

Таким образом, можно однозначно отнести к прогрессивным правовым действиям:

– во-первых, действия **арбитра третейского суда**, проявившего профессиональную смелость независимого суждения и выразившего особое мнение, что бывает крайне редко в практике международных коммерческих арбитражей и иных третейских судов;

– во-вторых, действия **судейского состава Верховного Суда Российской Федерации**, выявившего признаки нарушения публичного порядка Российской Федерации с учетом наличия особого мнения одного из арбитров состава третейского суда, рассмотревшего спор с нарушениями.

Особое мнение арбитра – это одна из форм отрицания недобросовестного поведения. Особое мнение служит поддержанию баланса интересов и точно выражает позицию несогласия (по зову совести или с целью избегания персональной ответственности за принятое решение, или в связи с несовпадением политико-экономических интересов, правовых суждений и воззрений), а также может являться реакцией на недобросовестность большинства [8, с. 208, 425–428, 439–440].

Право на выражение арбитром особого мнения

Право на выражение арбитром особого мнения предусмотрено: пунктом 3 параграфа 33 Регламента Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (Приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 № 5); пунктом 3 параграфа 36 Правил арбитража международных коммерческих споров (Приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 № 6); пунктом 3 статьи 36 Регламента арбитража и медиации Венского международного арбитражного центра (VIAC) 2021¹.

Право арбитра на выражение особого мнения относится к универсальным правам и основным свободам человека, так как является реализацией права на достоинство и равенство, присущих каждому человеку. Также, особое мнение можно отнести к терпимости (толерантности) в смысле статьи 1 Декларации принципов терпимости ЮНЕСКО 1995 года, включающей в понятие терпимости то, что «каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другим»². Не случайно А.Н. Верещагин называет существование особых мнений судей «видимым подтверждением неизбежности разномыслия при толковании права» [2, с. 13]. Выражение особого мнения демонстрирует независимость и равенство судей (арбитров) [1, с. 45–48]. Э.П. Гаврилов отмечал, что особое мнение представляет собой научное, доктринальное толкование нормы закона (opinion doctorum) [3, с. 75–79], а Г.А. Гаджиев считает, что особые мнения отражают «природу и глубину теоретических дискуссий»³ при отправлении правосудия, что может служить вектором развития судебной практики в будущем, – это также применимо в отношении особых мнений арбитров третейских судов.

Особое мнение арбитра международного коммерческого арбитража, по мнению А.И. Лободы, – это изложенное в письменной форме мнение арбитра, отличное от принятого большинством мнения, в котором «арбитр может быть не согласен с решением в целом или с некото-

¹ VIAC Rules of Investment Arbitration and Mediation 2021 // 01.07.2021. URL: <https://www.viac.eu/en/investment-arbitration/content/vienna-rules-investment-2021-online>.

² Декларация принципов терпимости, принятая Резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16.11.1995 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

³ Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева (Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия») // Собрание законодательства РФ, 05.07.2004, № 27, ст. 2803.

рыми отдельными его частями. Особое мнение может касаться существа дела или относиться к процессуальным постановлениям большинства арбитров. Также, ничто не исключает права арбитра изложить свою точку зрения в отношении фактов дела, а не вопросов права... Особое мнение может указывать и на процессуальные ошибки большинства или арбитражного института, администрирующего арбитражное разбирательство» [7, с. 92–101]. Исходя из приведенного определения, можно прийти к выводу, что у арбитра есть пределы усмотрения по вопросам выражения своего особого мнения, однако требования принципа добросовестности, как нормы прямого действия, обладающей нормативной автономностью, наоборот, не ограничивают такую дискрецию арбитра.

В отношении особого мнения арбитра необходимо отметить слабую функцию развития права из-за конфиденциального характера решений международных коммерческих арбитражей и третейских судов. Президиум и Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркивают конфиденциальность процедуры рассмотрения дела в арбитраже (см. Преамбулу Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018, и пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража») [7, с. 92–101], а Определением № 305-ЭС15–20073 от 28.07.2017 по делу № А40–188599/2014 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отнесла конфиденциальность и закрытость процесса к принципам арбитража.

Указание в особом мнении арбитра на процессуальную ошибку может лечь в основу судебного акта об отмене решения арбитража, как, например, в деле об оспаривании решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации по делу № 382/1998 (см. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.07.2002 № 5-Г02–81), где из особого мнения одного из арбитров указанного третейского суда стало известно о том, что состав третейского суда, которым был разрешен возникший между сторонами спор, не соответствовал требованиям правовых норм.

Судебная практика, учитывающая выраженное арбитром особое мнение

Следует отметить, что в судебной практике очень мало дел, в которых выраженное арбитром особое мнение повлияло на исход дела. Как верно указывает Ю.В. Тай, особое мнение судьи и не должно становиться часто встречающимся правовым явлением [9, с. 25–51].

Более современный пример судебной практики (см. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС23–5624 от 25.08.2023 по делу № А40–193861/2022) продемонстрировал полезность выражения арбитром особого мнения для целей восстановления справедливости в конкретном споре.

Российский третейский суд (МКАС при ТПП РФ) в 2022 году рассматривал спор между российскими лицами, принадлежавшими европейским собственникам: одна компания являлась заказчиком строительства электростанции; вторая – подрядчиком.

Истец, являясь российской электроэнергетической генерирующей компанией, взыскивал сумму неотработанных подрядчиком авансов. Позднее, после подачи иска, ЕС ввел 15.03.2022 односторонние меры ограничительного характера (далее – «санкции») в отношении целого сектора российской экономики – производства электрической энергии (электрогенерации).

В рамках дела третейский суд рассматривал встречные иски: денежные требования сторон друг к другу. Решением третейского суда в удовлетворении требований как по первоначальному, так и по встречному искам было отказано, то есть ни одна из спорящих сторон не получила какого-либо удовлетворения своих требований.

Решение было принято третейским судом с особым мнением одного из трех арбитров, который полагал, что третейским судом неправильно применены нормы материального права и не разрешен экономический спор между сторонами.

Заказчик строительства (истец по делу) подал в российский государственный суд заявление об отмене такого решения третейского суда в связи с нарушением публичного порядка Российской Федерации, так как третейским судом не было выведено сальдо встречных представлений по денежным требованиям спорящих сторон (то есть отсутствовал расчет встречных обязательств и взаимных представлений сторон), что не позволило им реализовать в полной мере право на судебную защиту. Более того, в мотивировочной части решения прямо было указано на незакрытые выплаченные подрядчику авансов выполненными работами, но резолютивная часть решения не содержала каких-либо коррелирующих выводов по данному вопросу.

Нижестоящие государственные суды не усмотрели оснований, предусмотренных частью 4 статьи 233 АПК РФ, для отмены решения третейского суда, указав, что: (1) компетенция третейского суда на рассмотрение спора была согласована сторонами, а в силу условий договорного решения третейского суда является окончательным и обязательным к исполнению; (2) несогласие с действиями и выводами арбитров при разрешении дела не является основанием для признания факта противоречия указанного решения публичному порядку Российской Федерации; (3) доводы заявителя направлены на пересмотр решения третейского суда по существу, что недопустимо.

Верховный Суд Российской Федерации не согласился с позицией нижестоящих судов и отметил, что, разрешая спор, суды в нарушение требований статей 71, 162, 168, 243, 244 АПК РФ не учли нижеследующее.

1) Решение третейского суда может быть отменено в случае, если оно противоречит публичному порядку Российской Федерации (пункт 2 части 4 статьи 233 АПК РФ). Противоречие публичному порядку Российской Федерации является безусловным основанием для отмены решения третейского суда [4, с. 212–218] независимо его окончательного характера (см. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 № 2070/10). Определение публичному порядку дано в пункте 51 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (далее – «Постановление Пленума ВС РФ № 53»).

2) Заказчик строительства электростанции потребовал отмены решения третейского суда на основании противоречия этого решения публичному порядку Российской Федерации, выразившегося в нарушении его права на судебную защиту, а также в нарушении основополагающих принципов российского права и экономической системы, запрещающих неосновательное обогащение, нарушение фундаментального права – права частной собственности, неприменение фундаментального принципа эффективности правосудия. Таким образом, заявитель согласно пункту 45 Постановления Пленума ВС РФ № 53 обосновал наличие противоречия публичному порядку Российской Федерации (см. пункт 3 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорок о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судов и арбитражных решений»).

3) Решение третейского суда не содержало расчета встречных обязательств и взаимных предоставлений сторон. В решении третейского суда по сути было указано, что подрядчик не должен возвращать заказчику неотработанные авансы. Таким образом, третейский суд фактически не разрешил экономический спор сторон, тогда как одним из элементов публичного порядка Российской Федерации является принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности, предполагающей восстановление нарушенного права, но не обогащение в результате защиты нарушенного (оспоренного) права (пункт 1 статьи 1 и пункт 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации).

4) Решение третейского суда содержало логическое противоречие и взаимоисключающие выводы, которые привели к неосновательному обогащению подрядчика на крупную сумму, – именно на это обстоятельство сослался в особом мнении один из арбитров состава третейского суда, рассмотревшего спор. Принцип запрета неосновательного обогащения является выражением общепринятых принципов равенства и справедливости, а также конституционного принципа недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц (см. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.02.2018 № 10-П).

А.И. Нечаев подчеркивает со ссылкой на А.А. Мохова [5, с. 47–45] правовую ценность особого мнения судьи, в полной мере применимую и к особому мнению арбитра третейского суда, – «это дополнительный сигнал в адрес вышестоящего суда о том, что дело не является простым, бесспорным, а, следовательно, это мотив для более внимательного его рассмотрения. Кроме того, особое мнение может стать стимулом для обжалования решения сторонами спора, а также содержать подсказку о мотивах, которые можно было бы привести в жалобе» [6, с. 3–6].

5) Учитывая, что решение третейского суда не внесло никакой правовой определенности в спорные отношения сторон и не определило взаимные законные права и обязанности их участников, то таким решением третейского суда был нарушен основополагающий принцип российского права – принцип законности судебного решения, включающий в себя в качестве составляющих его элементов: законность, обоснованность, мотивированность и окончательность судебного акта, – способствующих как установлению правовой определенности

в спорных отношениях, так и определению справедливого баланса прав спорящих сторон.

Вместе с тем, вынесение третейским судом решения об отказе истцу (заказчику строительства) в удовлетворении требований о взыскании с подрядчика неотработанных авансов при отсутствии доказательств сдачи результата работ на взыскиваемые суммы, каких-либо первичных документов, подтверждающих объем затрат подрядчика на исполнение договорных обязательств, отсутствие актов сверки расчетов сторон, означает фактически изъятие частной собственности заказчика строительства без подтверждения факта встречного предоставления со стороны подрядчика, что свидетельствовало также о нарушении принципов соразмерности взыскания и справедливого судебного разбирательства как элементов публичного порядка Российской Федерации.

При рассмотрении дела об отмене решения третейского суда допущенные нижестоящими государственными судами существенные нарушения норм материального и процессуального права повлияли на исход дела, так как не учли наличие нарушений третейским судом принципов публичного порядка Российской Федерации, в связи с чем судебные акты по делу (определение Арбитражного суда города Москвы от 12.10.2022 по делу № А40–193861/2022 и постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.01.2023 по делу № А40–193861/2022) подлежали отмене, а дело было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела суды учли правовую позицию, изложенную в Определении Верховного Суда РФ № 305-ЭС23–5624 от 25.08.2023 по делу № А40–193861/2022, и, проанализировав решение третейского суда на соответствие критериям публичного порядка Российской Федерации, отменили это решение третейского суда.

Выводы

Особое мнение арбитра, позволяющее придерживаться своих профессиональных убеждений, обладает следующими юридическими характеристиками:

- 1) право на особое мнение и порядок его выражения предусмотрены нормами права;
- 2) является частью содержания юридически значимого документа – решения третейского суда;
- 3) содержит мотивированное непримиримое противоречие с позицией большинства арбитров, которое могло бы повлиять на содержание и экономическую сущность решения (другими словами, исход дела мог бы быть иным, по мнению арбитра, выражающего особое мнение);
- 3) влечет правовые последствия для участников спора в случае отмены решения с учетом наличия особого мнения;
- 4) обеспечивает право на защиту законных интересов, сохраняя их баланс, вносит правовую определенность в коммерческие отношения.

Заключение

Цена особого мнения арбитра, несмотря на конфиденциальность, высока – это, прежде всего, достижение справедливости при явных нарушениях, допущенных в процессе вынесения решения третейским судом. Особое мнение позволяет не поставить точку в таком арбитражном процессе, а помогает проверить решение третейского суда на предмет соблюдения всех требований публичного порядка, который особо пристально охраняется каждым из государств.

Особое мнение, которое выражено арбитром не ради собственной популяризации, выкристаллизировывает допущенные нарушения (очаги несправедливости) и антагонистические противоречия по вопросам права, в связи с чем представляет собой не только несогласие с позицией большинства, но и правовую форму отрицания недобросовестного поведения.

Особое мнение арбитра позволяет суду опереться на независимость профессионального суждения арбитра и более пристально рассмотреть вопросы соблюдения публичного порядка третейским судом, вынесшим решение при наличии особого мнения. Как точно отмечает профессор Т.Н. Нешатаева: «Успешным может быть только справедливый и милосердный суд: совместить право и мораль и есть главная сложность в профессии судьи» [10, с. 11–14].

Литература

1. Быков В.М., Манова Н.С. О праве судьи на особое мнение: продолжение темы // Российский судья. 2016. № 3. С. 45–48. EDN: VQVDZN.
2. Верещагин А.Н. Особые мнения в российских судах // Государство и право. 2008. № 2. С. 13–23. EDN: INMHEF.
3. Гаврилов Э.П. Об особом мнении судьи // Хозяйство и право. 2015. № 4. С. 75–79. EDN: UFFANV.
4. Кравцов С.А. Общая характеристика признания и исполнения решений международного коммерческого арбитража // Правоприме-

нение. 2017. № 2. С. 212–218. DOI: 10.24147/2542-1514-2017.1(2).212-218.

5. Мохов А.А. Особое мнение судьи в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2017. № 2. С. 47–55. EDN: YKGGWB.

6. Нечаев А.И. Особое мнение судей как составной элемент принципа сочетания единоличного и коллегиального рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 11. С. 3–6. EDN: UWKZLE. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-11-3-6.

7. Лобода А.И. Особое мнение арбитра // Третейский суд. 2021. № 1. С. 92–101. EDN: IOYOJE.

8. Седова Ж.И. Правовые формы отрицания недобросовестного поведения. М.: Статут, 2023. – 486 с. ISBN 978-5-8354-1945-6.

9. Тай Ю.В. Особое мнение судьи // Вестник гражданского процесса. 2016. № 3. С. 25–51. EDN: WHFFMX.

10. Толстых В.Л. Т.Н. Нешатаева: Суд Евразийского экономического союза в действии. Интервью с Нешатаевой Татьяной Николаевной, судьей Суда ЕАЭС, д.ю.н., профессором, зав. кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9(100). С. 11–14. EDN: WZTSCX.

THE VALUE OF THE ARBITRATOR'S DISSENTING OPINION AND ITS ROLE IN SHAPING JUDICIAL PRACTICES

Sedova Zh.I.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Task: The article reveals the significance of the special opinions of arbitrators of arbitration courts for the purposes of approving the validity and legality of the decisions made by arbitration courts on the example of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation of different years on the cases of the cancellation of the decisions of arbitration courts. The normative basis for the existence of the special opinion of the arbitrator in the law is analyzed. The special opinion of the arbitrator helps the parties of the dispute to realize the right to judicial protection in full. Model: The methodological basis of the article is the author's use of synthesis and analysis methods, description, and interpretation. Conclusions: The price of the arbitrator's dissenting opinion, as one of the forms of denial of unconscionable conduct, is the achievement of justice through confrontation with the majority opinion (the composition of the arbitral tribunal's arbitrators). The arbitrator's dissenting opinion, for example, on the existence of a procedural error or the incorrect application of substantive law by the arbitral tribunal, can form the basis for a court order to overturn the arbitral tribunal's decision. Research framework/possibility of subsequent use of the results of scientific work: The results of the article are part of the study of the application of the principles of fairness and good faith. Practical significance: The conclusions of the article will be useful when courts consider cases on the cancellation of decisions of arbitration courts in the presence of a dissenting opinion of the arbitrator of the arbitration court that issued the decision. Examples are given when the arbitration court did not actually resolve the economic dispute of the parties, which is not acceptable. Social consequences: The significance of the arbitrator's dissenting opinion for subsequent legal proceedings is being established: the presence of a motivated arbitrator's dissenting opinion may lead to the annulment of the arbitral tribunal's decision. Originality/Value: The article is addressed to the legal scientific community, practicing lawyers, and may be useful to students of law faculties at universities.

Keywords: arbitrator's dissenting opinion, annulment of an arbitral award, principle of good faith.

References

1. Bykov V.M., Manova N.S. On the Judge's Right to a Dissenting Opinion: Continuing the Topic // Russian Judge. 2016. No. 3. Pp. 45–48. EDN: VQVDZN.
2. Vereshchagin A.N. Dissenting Opinions in Russian Courts // State and Law. 2008. No. 2. Pp. 13–23. EDN: INMHEF.
3. Gavrilov E.P. On the Judge's Dissenting Opinion // Economy and Law. 2015. No. 4. Pp. 75–79. EDN: UFFANV.
4. Kravtsov S.A. General Characteristics of the Recognition and Enforcement of International Commercial Arbitration Awards // Law Enforcement. 2017. No. 2. Pp. 212–218. DOI: 10.24147/2542-1514-2017.1(2).212-218.
5. Mokhov A.A. Judge's Dissenting Opinion in the Civil Procedure // Bulletin of Civil Procedure. 2017. No. 2. Pp. 47–55. EDN: YKGGWB.
6. Nechaev A.I. Judge's Dissenting Opinion as an Element of the Principle of Combining Individual and Collegial Consideration of Cases in Civil Proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2022. No. 11. Pp. 3–6. EDN: UWKZLE. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-11-3-6.
7. Loboda A.I. Arbitrator's Special Opinion // Arbitration Court. 2021. No. 1. Pp. 92–101. EDN: IOYOJE.
8. Sedova Zh.I. Legal Forms of Denial of Unfair Conduct. Moscow: Statut, 2023. 486 p. ISBN 978-5-8354-1945-6.
9. Tai Yu.V. Judge's Dissenting Opinion // Bulletin of Civil Procedure. 2016. No. 3. Pp. 25–51. EDN: WHFFMX.
10. Tolstykh V.L. T.N. Neshataeva: The Court of the Eurasian Economic Union in Action. Interview with Judge of the Court of the EEU, Ph.D. in Law, Professor, Head of International Law Sub-faculty of the Russian State University of Justice, Neshataeva Tatyana Nikolaevna // Eurasian Law Journal. 2016. No. 9(100). Pp. 11–14. EDN: WZTSCX.

Применение понятия взаимозависимости в рамках налогового контроля за ценообразованием в Российской Федерации

Синицын Алексей Сергеевич,

аспирант, Кафедра административно-правовых дисциплин
и таможенного дела МГЭУ

E-mail: alexey.sinityn@list.ru

В рамках практики налогового контроля существует широкий пласт споров, связанных с оспариванием налоговыми органами примененных сторонами цен в сделках. При этом объектом такого контроля являются не только контролируемые сделки (ТЦО), попадающие под прямое регулирование Раздела V.1 НК РФ, но и прочие сделки, оспаривание цен в которых производится на основе общей антиуклонительной нормы – ст. 54.1 НК РФ. Обязательным критерием для успешного оспаривания налоговыми органами примененных сторонами таких сделок цен, является взаимозависимость: понятие, не имеющее единой трактовки, критерии применения которого различаются в зависимости от категории спора и основания для налогового контроля (ст. 54.1 НК РФ или правила Раздела V.1 НК РФ). Автор исследует эволюцию концепции взаимозависимости в российском налоговом праве, анализирует практику применения его формальных и косвенных критериев, в том числе рассматривает международный опыт. На основе проведенного анализа Автор приходит к выводу, что взаимозависимость является риск-индикативным понятием, имеющим собственное толкование в зависимости от основания осуществления налогового контроля.

Ключевые слова: налоговый контроль, статья 54.1 НК РФ, трансфертное ценообразование, взаимозависимые лица, критерии взаимозависимости, необоснованная налоговая выгода.

Введение: генезис понятия взаимозависимости в российском налоговом праве

Понятие «взаимозависимости» в российском налоговом праве имеет закрепление в статье 20 Налогового кодекса РФ (далее по тексту – **НК РФ**) с момента вступления в действия первой части НК РФ. Вместе с тем, содержание соответствующей статьи предполагает формальное закрепление понятия, а именно представляет собой открытый перечень оснований признания лиц взаимозависимыми, включая прямое или косвенное участие в юридическом лице более 20%, должностное подчинение, семейное родство, а также иные основания, которые могут быть установлены судом – при условии, что характер отношений между этими лицами может повлиять на результаты совершаемых сделок. Иными словами, статья 20 НК РФ открывает возможность для налоговых органов квалифицировать стороны сделки в качестве взаимозависимых, руководствуясь широким спектром признаков.

Во взаимосвязи со статьей 40 НК РФ, подпункт 2 пункта 1 которой позволяет проверять применяемые сторонами сделки цены на предмет соответствия рыночным (в том числе доначислить налоги в случае отклонения цены более чем на 20%), статья 20 НК РФ позволяла выбрать любую сделку в качестве объекта налогового контроля, при условии, что налоговый орган установит в ней признаки, свидетельствующие о получении необоснованной налоговой выгоды (концепции, практическое применение которой было изначально отражено в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53¹, и впоследствии формально закреплённой с 2017 года введением в НК РФ общей «антиуклонительной» нормы – статьи 54.1 НК РФ)².

Таким образом, взаимосвязь применения статей 20 и 40 НК РФ с учетом открытого перечня критериев «взаимозависимости» формально наделяла налоговый орган значительными дискреционными полномочиями в рамках налогового контроля за ценами в сделках. Отсутствие законодательно закреплённого порядка сопоставления цен с рыночными до 2012 года (до вступления в силу Раздела V.1 НК РФ³) создавало ситуацию, при которой налоговые органы были вынуждены производить расчет цен по собственному усмотрению. В этой ситуации налоговый орган, обнаружив любые обстоятельства для признания сторон сделки взаимозависимыми лицами, получал широкие пределы усмотрения на оспаривание рыночности цены по практически любой сделке на основании заявления об отклонении цены от произведенного им расчета на величину, превышающую 20%.

Такая ситуация приводила к налоговой неопределенности для всех налогоплательщиков: каждый оказывался под «дамокловым мечом» доначислений. В этих условиях даже добросовестные налогоплательщики были лишены правовой возможности достоверно не только оценить налоговые риски, но и прогнозировать налоговые обязательства, что особенно критично в перспективе итогов налоговой проверки.

Для ограничения избыточных дискреционных полномочий налоговых органов правоприменительная практика Конституционного и Верховного Судов РФ сформировала более жесткие доктринальные критерии правомерности налогового контроля цен и возложила на налоговые органы бремя доказывания дополнительных обстоятельств, тем самым усложнив предмет, подлежащий доказыванию налоговым органом. В 2003 году Конституционный Суд РФ в Определении от 04.12.2003 № 441-О⁴ ограничил основания для признания лиц взаимозависимыми: Суд определил, что право суда признавать лиц вза-

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее по тексту – Постановление № 53) // СПС «Консультант Плюс».

² Мачехин В.А. Общие и специальные налоговые антиуклонительные меры в налоговом праве РФ: использование чужого опыта // Закон. 2024. № 11. С. 37–47.

³ Федеральный закон от 18.07.2011 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 441-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Нива-7» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 20, пунктами 2 и 3 статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

имозависимыми по иным основаниям (п. 2 ст. 20 НК РФ) может быть использовано только при условии, что такие основания указаны в других правовых актах и отношения между лицами объективно способны повлиять на результаты сделок. Данная позиция была воспринята в правоприменительной практике, в частности в Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2007 по делу № А56–4500/2007 суд отметил, что налоговым органом, помимо выявления признаков взаимозависимости, должно быть доказано, что отношения сторон фактически повлияли на результаты сделки.

Впоследствии Пленум ВАС РФ в знаменитом Постановлении № 53 уточнил, что использование «взаимозависимости» как основания для доначислений возможно только в рамках доктрины необоснованной налоговой выгоды, прямо указав, что взаимозависимость не может быть единственным основанием, а должна выступать усиливающим аргументом в конструкции недобросовестности налогоплательщика. То есть факт взаимозависимости участников сделок не может служить самостоятельным основанием для признания налоговой выгоды необоснованной. С учетом изложенной логики, взаимозависимость может приобретать юридическое значение только тогда, когда она свидетельствует, что налогоплательщик действовал без проявления должной осмотрительности и/или знал, что цена в сделке была установлена в целях получения налоговой выгоды. С формированием в судебной практике критерия «многократного отклонения цены сделки от рыночного уровня»¹ было ограничено и применение суммового порога отклонения цены от рыночной. Суды пришли к выводу, что даже значительное отклонение цен в диапазоне от 11 до 52% само по себе не является достаточным основанием для налоговых доначислений. Этот концепт сохранился и в текущей правоприменительной практике – для неконтролируемых сделок отклонение должно быть действительно существенным, чтобы привести к налоговым доначислениям.

С 1 января 2012 года, с введением Раздела V.1 в НК РФ, имплементировавшего в российское налоговое законодательство международные стандарты контроля за трансфертным ценообразованием (далее по тексту – **ТЦО**), понятие взаимозависимости было уточнено законодателем. Статья 105.1 НК РФ установила конкретный перечень критериев (во многом пересекающихся с положениями статьи 20 НК РФ), при наличии которых сделка может признаваться контролируемой, и подлежать как усиленному налоговому контролю, так и обязывать налогоплательщика представлять специализированную отчетность. Впоследствии сформулированное понятие быстро трансформировалось в универсальный инструмент, и, выйдя за пределы практики ТЦО, стало применяться налоговыми органами в рамках налогового контроля и за неконтролируемыми сделками.

Безусловно, внедренное в НК РФ детальное регулирование вопросов ценового контроля, (включающее как основания, так и методы проверки соответствия цен рыночному уровню), исследования цен в сделках на предмет соответствия рыночным, оказало существенное влияние на развитие практики налогового контроля за ценообразованием, включая подходы к контролю в неконтролируемых сделках. Как будет продемонстрировано далее, суды также рассматривают Раздел V.1 НК РФ в качестве ориентира при разрешении любых налоговых споров о цене. При этом несмотря на то что правила ТЦО в Разделе V.1 НК РФ императивно регулируют только контролируемые сделки, в спорах о цене в неконтролируемых сделках соответствующие положения получили адаптированное расширительное толкование, уникальное для ценовых споров по неконтролируемым сделкам. Тенденция в полной мере коснулась и понятия взаимозависимости – жесткие критерии статьи 105.1 НК РФ были расширены, и, как будет показано в дальнейшем, ранее используемые в практике косвенные критерии взаимозависимости по-прежнему успешно учитываются судами.

Актуальность исследования

В юридической науке последних лет значительный исследовательский интерес вызывает сопоставление понятия взаимозависимости в рамках контролируемых и неконтролируемых сделок, поскольку для широкого круга налогоплательщиков остается неочевидным, какие именно критерии взаимозависимости являются основанием для усиленного интереса налоговых органов к сделке и потенциальных доначислений. Законодательный пробел, неоднородность судебных подходов и отсутствие официальных консолидированных позиций лишь подчеркивают научную и прикладную ценность данной проблематики.

¹ См.п. 3 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) // СПС «Консультант Плюс».

Определение Верховного Суда РФ от 22.07.2016 № 305-КГ16–4920 // СПС «Консультант Плюс».

Трактовка понятия взаимозависимости в российском налоговом праве

Как отмечалось ранее, до реформы 2011–2012 годов базовое определение взаимозависимости содержалось в статье 20 НК РФ и носило сравнительно узкий и формализованный характер, будучи тесно связано с прежней статьей 40 НК РФ, регулирующей контроль цен для целей налогообложения. В 2012 году в рамках имплементации правил трансфертного ценообразования был введен Раздел V.1 НК РФ, включающий статью 105.1 НК РФ, которая установила новую, развернутую легальную дефиницию взаимозависимых лиц.

Текущая редакция статьи 105.1 НК РФ, на первый взгляд, предполагает схожую концепцию взаимозависимости со статьей 20 НК РФ, вместе с тем, становится очевидно, что норма содержит как существенно расширенный набор «формальных» признаков взаимозависимости, так и ограничительные положения, направленные на недопущение их расширительного толкования. Так:

• Общая клауза (п. 1) содержит принцип признания лиц взаимозависимыми, корреспондирующий ранней позиции Конституционного Суда РФ: лица признаются взаимозависимыми, если особенности их отношений могут оказывать влияние на условия и/или результаты сделки, а также на экономические результаты их деятельности.

Нетрудно заметить, что законодатель закрепляет ключевое требование к признанию лиц взаимозависимыми: признаки взаимозависимости должны не просто *существовать*, но и *оказывать влияние* на условия сделки. Трактовку соответствующей нормы развил Верховный Суд РФ в Обзоре 16.02.2017², подчеркнув, что в предмет доказывания со стороны налоговых органов входит обязанность доказать, что взаимозависимый налогоплательщик «*был связан в полноте свободы принятия решений в сфере своей финансово-хозяйственной деятельности, что должно было сказаться на условиях и результатах исполнения соответствующих сделок*».

Иными словами, сохраняется повышенный стандарт доказывания для налоговых органов, согласно которому недостаточно лишь выявить формальные критерии, необходимо также доказать, что они повлияли на намерение сторон получить необоснованную налоговую выгоду посредством манипулирования ценой в сделке. Схожее толкование данной статьи приводит и Мунгалова М.С.³ в своем исследовании, подчеркивая необходимость установления такой причинно-следственной связи.

В перечень формальных признаков (п. 2 ст. 105.1 НК РФ) вошли:

- участие в капитале более 25% между организациями или физическим лицом и организацией;
- «перекрестное» участие одного лица более чем на 25% в нескольких организациях;
- контроль над исполнительными органами и советом директоров (назначение не менее 50% состава, осуществление полномочий единоличного органа одним и тем же лицом и т.п.);
- подчиненность по должности и близкие семейные отношения между физическими лицами;
- участие в группе КИК и статус контролирующего лица.

При этом, статья содержит в себе открытый перечень признаков взаимозависимости (п. 7 ст. 105.1 НК РФ), применение которых также требует доказывания их влияния на условия сделки. Вместе с тем, несмотря на то что Верховный Суд РФ в указанном выше Обзоре от 16.02.2017 подчеркнул право суда признавать взаимозависимость по «иным» основаниям в рамках ТЦО, проведенный Автором анализ судебной практики не выявил прецедентов признания сделки контролируемой (т.е. применения правил Раздела V.1 НК РФ) на основании признаков взаимозависимости, не поименованным в п. 2 ст. 105.1 НК РФ.

Нормативное расположение данной статьи в составе Раздела V.1 НК РФ, регулирующего трансфертное ценообразование, указывает на ее преимущественно целевую направленность – правовое регулирование налогового контроля за контролируемыми сделками. В научной доктрине действительно встречается позиция, презюмирующая, что «контроль налоговых органов за взаимозависимыми лицами сводится к контролю за трансфертным ценообразованием»⁴. Однако судебная

² Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017)

³ Мунгалова М.С. Налоговая установила взаимозависимость юрлиц. Аргументы, которые помогут избежать доначислений // Журнал «Арбитражная практика для юристов» № 1, 2024. [Электронный источник] URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/1064393> (дата обращения: 27.12.2025).

⁴ Климентьева Н.М., Дорожкина Е.Г., Анохина А.А. Взаимозависимые лица в налоговой системе России // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 1(22). С. 73–76.

практика демонстрирует, что налоговый контроль за ценообразованием осуществляется в том числе и в отношении сделок, не соответствующих критериям Раздела V.1 НК РФ: например, тот факт, что статья была воспринята за пределами рамок ТЦО-контроля, отмечается в рамках Обзора¹ судебной практики от 06.07.2016, в котором Верховный Суд РФ подчеркнул, что налоговые органы имеют право проверять сделки, «не отвечающие признакам контролируемых», однако, подтвердил указанную выше трактовку статьи 105.1 НК РФ в рамках осуществления такого контроля.

С появлением статьи 54.1 НК РФ, которая закрепила общую антиклонительную норму, распространяемую свое действие в том числе и на сделки, не подпадающие под критерии контролируемых, содержание положений ст. 105.1 НК РФ приобрело собственное толкование. В российской доктрине последних лет констатируется разграничение между «стандартной» взаимозависимостью, регулируемой рамками Раздела V.1 НК РФ и формальными критериями статьи 105.1 НК РФ, и «нестандартной» взаимозависимостью, выявляемой в рамках применения статьи 54.1 НК РФ:

- Так, Нелюбин И.Д. в работе «Понятие взаимозависимых лиц в налоговых правоотношениях» подчеркивает, что «налоговые органы в ходе проведения проверок не ограничиваются установлением факта взаимозависимости, но и устанавливают фактические обстоятельства, позволяющие сделать вывод о наличии взаимной согласованности действий лиц, формально не признаваемых взаимозависимыми в силу закона»²;
- В работе «Понятие взаимозависимых лиц в налоговых правоотношениях»³ Быкова Н.Н. и Кирышкина А.Н. выделяют три последствия выявления взаимозависимости, одним из которых является ситуация, когда лица «не могут быть признаны взаимозависимыми в силу закона, однако налоговый орган устанавливает факт взаимной согласованности действий участников гражданского оборота и констатирует получение налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды». В целях разграничения понятий взаимозависимости, используемых в рамках ТЦО-контроля и налогового контроля за ценообразованием на основе ст. 54.1 НК РФ, авторы выделяют стандартную и нестандартную взаимозависимость: последняя включает в себя всевозможные обстоятельства, указывающие на согласованность действий сторон по установлению нерыночных цен в целях получения налоговой выгоды.

Судебная практика применения ст. 54.1 НК РФ в рамках налогового контроля за ценообразованием также подтверждает, что суды в рамках толкования ст. 105.1 НК РФ руководствуются не формальным перечнем критериев взаимозависимости, а ее общей материальной формулой (п. 1) и оценочным механизмом судебного признания (п. 7). Следствием этого стало формирование в судебной практике существенного количества «косвенных» признаков, свидетельствующих о взаимозависимости сторон. К их числу, в частности, относятся (включая, но не ограничиваясь):

- Централизация основных средств или производственного процесса в одном месте⁴;
- Наличие единого координационного центра принятия решений⁵;
- Экономическая и организационная связанность сторон⁶;
- Наличие расчетных счетов в одном кредитном учреждении⁷;
- Физическое расположение (фактический адрес) устройства, с которого происходило управление банковскими счетами⁸;
- Совпадение адресов и электронных адресов (e-mail) налогоплательщика и контрагента, использование общего персонала⁹.

¹ п. 13 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016) // СПС «Консультант Плюс».

² Быкова Н.Н., Кирышкина А.Н. Понятие взаимозависимых лиц в налоговых правоотношениях // Karelian Scientific Journal. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 128–131.

³ Климентьева Н.М., Дорожкина Е.Г., Анохина А.А. Взаимозависимые лица в налоговой системе России // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 1(22). С. 73–76.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 18.02.2021 № 304-ЭС20-23974 по делу № А27-16351/2019 // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2019 № 309-ЭС18-22030 по делу № А76-25957/2016 // СПС «Консультант Плюс».

⁶ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.12.2018 № Ф03-5527/2018 по делу № А04-9919/2017 // СПС «Консультант Плюс».

⁷ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2021 по делу № А59-6596/2019 // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2017 № 305-КГ17-19419 // СПС «Консультант Плюс».

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.05.2022 № Ф04-1660/2022 по делу № А67-1606/2021 // СПС «Консультант Плюс».

При этом в юридической доктрине¹⁰ преобладает мнение, что данные «косвенные» признаки должны использоваться скорее, как «риск-индикаторы», а не как основание для доначислений.

Таким образом, современное российское регулирование взаимозависимости основано на формально закрепленном, но, при этом по своей природе, комбинированном (формально-материальном) определении статьи 105.1 НК РФ, которое экстраполируется на более широкий «антиклонительный» контекст статьи 54.1 НК РФ.

Понятие взаимозависимости в зарубежной практике

ОЭСР

Базовой точкой отсчета в международном налоговом праве является статья 9 Модельной конвенции ОЭСР¹¹, которая вводит понятие associated enterprises и закрепляет принцип «вытянутой руки» (arm's length principle). Согласно статье 9 ОЭСР и комментариям к ней, предприятия признаются ассоциированными, если одно предприятие участвует прямо или косвенно в управлении, контроле или капитале другого либо если в управлении, контроле или капитале двух предприятий участвует одно и то же лицо или группа лиц. Количественные пороги доли участия ОЭСР не устанавливает, оставляя этот вопрос на усмотрение национальных законодателей. Ключевое внимание в международных стандартах уделяется факту способности оказывать влияние, а не фиксированному проценту участия.

В редакции Руководства ОЭСР по трансфертному ценообразованию 2022 года уточняется¹², что ключевым в понятии взаимозависимости является не юридическая форма контроля, а способность влиять на условия внутригрупповых сделок; при этом государства-члены могут использовать сочетание формальных критериев (доля участия, права голоса) и материальных признаков фактического контроля.

Таким образом, модель ОЭСР задает рамочный материальный стандарт, который российская статья 105.1 НК РФ в своей основе в значительной степени воспроизводит по конструкции «management – control – capital». В то же время в отличие от подхода ОЭСР российский законодатель дополняет норму детализированным перечнем ситуаций.

США

В США ключевым нормативным источником выступает Section 482 Internal Revenue Code¹³ и соответствующие казначейские регламенты (Treas. Reg. § 1.482-1¹⁴ и след.), регулирующие корректировку доходов контролируемых налогоплательщиков. Американское регулирование оперирует понятием controlled taxpayers / controlled entities, под которыми понимаются организации, находящиеся:

- под общим собственническим или управленческим контролем (общий собственник, контроль пакета голосующих акций, совпадение ключевых управленческих органов);
- под общим контролем третьего лица (sister companies);
- в отношениях, где существует возможность координации цен и перераспределения прибыли.

Анисимова К.Б.¹⁵ также выделяет в законодательстве США такие факторы взаимозависимости, как «действие сообща», возможность оказания воздействия одного лица на другое с целью использования налоговых преимуществ, а также наличие обстоятельств, при которых фактически одно лицо может скрываться за другим.

¹⁰ Болотова О.В. Правовое регулирование налогообложения сделок с финансовыми активами организаций в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.2. / Болотова Ольга Викторовна; [Место защиты: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Диссовет Д 212.123.XX (24.2.336.02)]. Москва, 2023. 212 с.

Секретарев Р.В. Взаимозависимые лица в налоговом праве: проблемы правоприменения // Налоги и налогообложение. 2024. № 6. С. 81–89.

¹¹ OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations 2022 (EN) // [Электронный источник] URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/01/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_57104b3a/0e655865-en.pdf (дата обращения: 07.01.2026)

¹² OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations 2022 | OECD // [Электронный источник] URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_0e655865-en.html (дата обращения: 07.01.2026)

¹³ Transfer pricing | Internal Revenue Service // [Электронный источник] URL: <https://www.irs.gov/businesses/international-businesses/transfer-pricing> (дата обращения: 09.01.2026)

¹⁴ Overview of IRC Section 482 // [Электронный источник] URL: https://www.irs.gov/pub/fatca/int_practice_units/ISO9411_07_01.pdf (дата обращения: 09.01.2026)

¹⁵ Анисимова К.Б. Особенности статуса взаимозависимых лиц в международной налоговой практике // Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник». 2023. № 2. С. 982–988.

Таким образом, американская модель сконцентрирована на факте общего контроля, а не механического соблюдения долевых порогов участия: в этом она схожа с российским толкованием, обращающим внимание на суть взаимоотношений сторон, а не на формальные признаки.

Германия

В немецком праве ключевую роль играет Außensteuergesetz (AStG), в частности § 1 Abs. 2 AStG¹, определяющий связанных лиц. Так, лицом, «близким» (nahestehend), считается лицо, которое:

- прямо или косвенно владеет не менее чем ¼ (25%) доли в капитале, правах на прибыль или голосах; или
- способно оказывать контролирующее влияние (beherrschender Einfluss) на другое лицо; или
- находится под общим контролем третьего лица, обладающего существенным участием.

В некоторых случаях к «связанным» могут быть отнесены лица, которые через согласованные действия совместно с другими участниками обеспечивают контроль (например, семейные группы, concerted action).

С учетом этого, германская модель во многом структурно близка российской статье 105.1 НК РФ: она опирается на формальный количественный порог, дополненный категориями фактического контролирующего влияния и согласованных действий.

Вывод

Таким образом, как в российской, так и в международной практике доминирует комбинированный формально-материальный подход к пониманию взаимозависимости. Модели ОЭСР, США и Германии исходят из того, что формальные критерии участия должны дополняться оценкой фактического контроля и влияния на условия сделок. Схожую логику Автор видит и в российской статье 105.1 НК РФ, сочетающей открытый перечень формальных признаков с оценочной возможностью признания взаимозависимости с учетом косвенных факторов, которые могут влиять на согласованность действий сторон.

Выводы о применении понятия взаимозависимости в рамках налогового контроля за ценообразованием

С учетом вышеизложенного, применение понятия взаимозависимости напрямую зависит от вида налогового контроля за ценообразованием:

1) В отношении контролируемых сделок положения ст. 105.1 НК РФ имеют формальное толкование: взаимозависимыми признаются лица, прямо перечисленные во пункте 2 данной статьи;

2) В отношении сделок, не признаваемых контролируемыми, судебная практика руководствуется положениями ст. 105.1 НК РФ расширительно, активно используя открытый перечень косвенных признаков взаимозависимости. При этом в рамках налогового контроля за ценообразованием на основе ст. 54.1 НК РФ взаимозависимость, в силу правовой позиции Верховного Суда РФ и прямого толкования п. 1 ст. 105.1 НК РФ, не может являться единственным и достаточным доказательством получения необоснованной налоговой выгоды. Налоговым органам требуется доказать, что выявленные признаки взаимозависимости сторон повлияли на условия конкретной сделки, что привело к получению сторонами необоснованной налоговой выгоды и причинению ущерба бюджету (при отсутствии доказательств причинения ущерба бюджету отсутствуют и основания для доначислений²).

Возможность использования косвенных критериев взаимозависимости, с одной стороны, предоставляет налоговым органам гибкий инструмент для реагирования на факт правонарушений, поскольку снижает стандарт доказывания намерения сторон на получение необоснованной налоговой выгоды в рамках манипулирования установленными в сделке ценами, но, с другой стороны, эта гибкость оказывает негативное воздействие на:

- Правовую определенность налогового законодательства, поскольку формально лишает налогоплательщика возможности однозначно идентифицировать сделки, которые могут привлечь повышенное внимание налоговых органов;

- Возможность налогоплательщиков оспорить результаты налоговых проверок в силу упрощенного стандарта доказывания налоговыми органами взаимозависимости сторон на основе косвенных критериев, которые могут быть связаны с обычной практикой делового оборота (например, недостаточная проверка контрагента, использование «устных» договоренностей, недостаточная документальная фиксация исполнения сделки и т.п.).

Важно отметить: несмотря на то что сделки, попадающие под суммовые критерии Раздела V.1 НК РФ, являются для законодателя более приоритетными для целей налогового контроля (в целях которого введен Раздел V.1 НК РФ), с точки зрения правоприменительной практики сами условия их налогового контроля являются для налогоплательщика более выгодными, так как имеют большую правовую определенность. Напротив, расширительное толкование критерия взаимозависимости в контексте ст. 54.1 НК РФ порождает для налогоплательщиков ситуацию правовой неопределенности, при которой сам объект налогового контроля трудно предсказуем. Это, во-первых, лишает налогоплательщиков эффективной превентивной правовой защиты такой сделки (например, возможности превентивно подготовить обоснование применяемых цен), а, во-вторых, существенно затрудняет последующее оспаривание результатов налогового контроля в силу отсутствия возможности обосновать позицию с точки зрения нормативного регулирования.

В качестве мер, направленных на решение указанной проблемы, налоговым органам целесообразно опубликовать открытый перечень применяемых ими признаков взаимозависимости, а также критериев «отклонения» цен в сделках от рыночных показателей (подобно ранее опубликованным критериям «недобросовестности» контрагентов). Такая публикация предоставит добросовестным налогоплательщикам возможность самостоятельно идентифицировать сделки, на ценообразование которых им стоит обратить особое внимание (и, при необходимости – создаст условия для своевременной корректировки своей позиции, в том числе и в отношении своей ценовой политики).

Литература

1. OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations 2022 (EN) // [Электронный источник] URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/01/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_57104b3a/0e655865-en.pdf (дата обращения: 07.01.2026)
2. OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations 2022 | OECD // [Электронный источник] URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_0e655865-en.html (дата обращения: 07.01.2026)
3. Entwurf eines Gesetzes zur Umsetzung der Anti-Steuervermeidungsrichtlinie (ATAD-Umsetzungsgesetz – ATADUmsG). Am 10.12.2019 hat das Bundesministerium der Finanzen veröffentlicht. // [Электронный источник] URL: <https://dserver.bundestag.de/brd/2021/0245-21.pdf> (дата обращения: 08.01.2026)
4. Федеральный закон от 18.07.2011 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» // СПС «Консультант Плюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 441-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Нива-7» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 20, пунктами 2 и 3 статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Пленума Верховного Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее – Постановление № 53) // СПС «Консультант Плюс».
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016) // СПС «Консультант Плюс».
8. Определение Верховный Суд РФ от 22.07.2016 № 305-КГ16–4920 // СПС «Консультант Плюс».
9. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) // СПС «Консультант Плюс».
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2017 № 305-КГ17–19419 // СПС «Консультант Плюс».
11. Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2019 № 309-ЭС18–22030 по делу № А76–25957/2016 // СПС «Консультант Плюс».

¹ Entwurf eines Gesetzes zur Umsetzung der Anti-Steuervermeidungsrichtlinie (ATAD-Umsetzungsgesetz – ATADUmsG). Am 10.12.2019 hat das Bundesministerium der Finanzen veröffentlicht. // [Электронный источник] URL: <https://dserver.bundestag.de/brd/2021/0245-21.pdf> (дата обращения 08.01.2026)

² Зарилов В.М. «Блеск и нищета» симметричной корректировки, 2012. Налоговед; Закон сохранения налога. Интервью с председателем ВАС РФ А.А. Ивановым // Налоговед. 2010. № 3. С. 13.

Брызгалов А.В., Федорова О.С., Королева М.В., Богучий Н.П. Основные изменения в Налоговом кодексе РФ в 2025 году // Налоги и финансовое право. 2025. № 1. С. 1–41, 41–62, 63–80, 81–82, 83–85, 86, 87–88, 89–90, 90–119, 120–121, 123–127.

12. Определение Верховного Суда РФ от 18.02.2021 № 304-3С20–23974 по делу № А27–16351/2019 // СПС «Консультант Плюс».

13. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.12.2018 № Ф03–5527/2018 по делу № А04–9919/2017 // СПС «Консультант Плюс».

14. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2021 по делу № А59–6596/2019 // СПС «Консультант Плюс».

15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.05.2022 № Ф04–1660/2022 по делу № А67–1606/2021 // СПС «Консультант Плюс».

16. Анисимова К.Б. Особенности статуса взаимозависимых лиц в международной налоговой практике // Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник». 2023. № 2. С. 982–988.

17. Болотова О.В. Правовое регулирование налогообложения сделок с финансовыми активами организаций в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.2. / Болотова Ольга Викторовна; [Место защиты: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Диссовет Д 212.123.XX (24.2.336.02)]. Москва, 2023. 212 с.

18. Брызгалин А.В., Федорова О.С., Королева М.В., Богучкин Н.П. Основные изменения в Налоговом кодексе РФ в 2025 году // Налоги и финансовое право. 2025. № 1. С. 1–41, 41–62, 63–80, 81–82, 83–85, 86, 87–88, 89–90, 90–119, 120–121, 123–127.

19. Быкова Н.Н., Кирюшкина А.Н. Понятие взаимозависимых лиц в налоговых правоотношениях // Karelian Scientific Journal. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 128–131.

20. Зарипов В.М. «Блеск и нищета» симметричной корректировки, 2012. Налоговед; Закон сохранения налога. Интервью с председателем ВАС РФ А.А. Ивановым // Налоговед. 2010. № 3. С. 13.

21. Климентьева Н.М., Дорожкина Е.Г., Анохина А.А. Взаимозависимые лица в налоговой системе России // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 1(22). С. 73–76.

22. Мачехин В.А. Общие и специальные налоговые антиуклоны: меры в налоговом праве РФ: использование чужого опыта // Закон. 2024. № 11. С. 37–47

23. Мунгалова М.С. Налоговая установила взаимозависимость юриц. Аргументы, которые помогут избежать доначислений // Журнал «Арбитражная практика для юристов» № 1, 2024. [Электронный источник] URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/1064393> (дата обращения: 27.12.2025).

24. Секретарев Р.В. Взаимозависимые лица в налоговом праве: проблемы правоприменения // Налоги и налогообложение. 2024. № 6. С. 81–89.

25. Transfer pricing | Internal Revenue Service // [Электронный источник] URL: <https://www.irs.gov/businesses/international-businesses/transfer-pricing> (дата обращения: 09.01.2026)

26. Overview of IRC Section 482 // [Электронный источник] URL: https://www.irs.gov/pub/fatca/int_practice_units/ISO9411_07_01.pdf (дата обращения: 09.01.2026)

APPLICATION OF THE CONCEPT OF INTERDEPENDENCE IN THE FRAMEWORK OF TAX CONTROL OVER PRICING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sinitsyn A.S.
Moscow State University of Economics

The practice of tax control encompasses a broad range of disputes related to tax authorities challenging the prices applied by parties to transactions. The object of such control includes not only controlled transactions (transfer pricing) falling under the direct regulation of Section V.1 of the Russian Tax Code, but also other transactions where prices are challenged based on the general anti-avoidance rule – Article 54.1 of the Russian Tax Code. A mandatory criterion for the successful challenge by tax authorities of the prices applied in such transactions is interdependence: a concept lacking a uniform interpretation, whose application criteria differ depending on the category of the dispute and the basis for tax control (Article 54.1 of the Tax Code or the rules of Section V.1 of the Tax Code). The author examines the evolution of the concept of interdependence in Russian tax law, analyzes the practice of applying its formal and indirect criteria, including a review of international experience. Based on the analysis, the Author concludes that interdependence is a risk-indicative concept with its own interpretation depending on the basis for conducting tax control.

Keywords: tax control, article 54.1 Tax Code of the Russian Federation, transfer pricing, interrelated persons, interdependence criteria, unjustified tax benefit.

References

1. OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations 2022 (EN) // [Electronic source] URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/01/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_57104b3a/0e655865-en.pdf (accessed: 07.01.2026)

2. OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations 2022 | OECD // [Electronic source] URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_0e655865-en.html (access date: 01/07/2026)

3. Entwurf eines Gesetzes zur Umsetzung der Anti-Steuervermeidungsrichtlinie (ATAD-Umsetzungsgesetz – ATADUmsG). Am 12/10/2019 hat das Bundesministerium der Finanzen veröffentlicht. // [Electronic source] URL: <https://dserver.bundestag.de/brd/2021/0245–21.pdf> (accessed 08.01.2026)

4. Federal Law of 18.07.2011 No. 227-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of the Principles of Determining Prices for Tax Purposes” // SPS “Consultant Plus”.

5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.12.2003 No. 441-O “On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Niva-7 Limited Liability Company Regarding the Violation of Constitutional Rights and Freedoms by Clause 2 of Article 20, Clauses 2 and 3 of Article 40 of the Tax Code of the Russian Federation” // SPS “Consultant Plus”.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.10.2006 No. 53 “On the Assessment by Arbitration Courts of the Justification for a Taxpayer’s Receipt of a Tax Benefit” (hereinafter, Resolution No. 53) // SPS “Consultant Plus”.

7. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 06.07.2016) // SPS “Consultant Plus”.

8. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.07.2016 No. 305-KG16–4920 // SPS “Consultant Plus”.

9. Review of Court Practice in Considering Cases Related to the Application of Certain Provisions of Section V.1 and Article 269 of the Tax Code of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on February 16, 2017) // SPS “Consultant Plus”.

10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2017 No. 305-KG17–19419 // SPS “Consultant Plus”.

11. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 15, 2019 No. 309-ES18–22030 in Case No. A76–25957/2016 // SPS “Consultant Plus”.

12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 18, 2021 No. 304-ES20–23974 in case No. A27–16351/2019 // SPS “Consultant Plus”.

13. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated December 18, 2018 No. F03–5527/2018 in case No. A04–9919/2017 // SPS “Consultant Plus”.

14. Resolution of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated March 30, 2021 in case No. A59–6596/2019 // SPS “Consultant Plus”.

15. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated May 31, 2022, No. F04–1660/2022 in case No. A67–1606/2021 // SPS “Consultant Plus”.

16. Anisimov, K.B. Features of the status of interdependent persons in international tax practice // Scientific online journal «Stolypin Bulletin». 2023. No. 2. Pp. 982–988.

17. Bolotova, O.V. Legal regulation of taxation of transactions with financial assets of organizations in the Russian Federation: dissertation ... candidate of legal sciences: 5.1.2. / Bolotova, Olga Viktorovna; [Place of defense: O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Dissertation Council D 212.123.XX (24.2.336.02)]. Moscow, 2023. 212 p.

18. Bрызгалин А.В., Федорова О.С., Королева М.В., Богучкин Н.П. Main Changes in the Tax Code of the Russian Federation in 2025 // Taxes and Financial Law. 2025. No. 1. pp. 1–41, 41–62, 63–80, 81–82, 83–85, 86, 87–88, 89–90, 90–119, 120–121, 123–127.

19. Bykova N.N., Kiryushkina A.N. The Concept of Interdependent Parties in Tax Relations // Karelian Scientific Journal. 2017. Vol. 6. No. 4(21). Pp. 128–131.

20. Zariyov V.M. «The Splendor and Misery» of Symmetrical Adjustment, 2012. Tax Expert; Tax Conservation Law. Interview with the Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation A.A. Ivanov // Tax Expert. 2010. No. 3. Pp. 13.

21. Klimentyeva N.M., Dorozhkina E.G., Anokhina A.A. Interdependent Parties in the Russian Tax System // Actual Problems of Our Time: Science and Society. 2019. No. 1(22). Pp. 73–76.

22. Machekhin V.A. General and Special Tax Anti-Evasion Measures in the Tax Law of the Russian Federation: Using the Experience of Others // Law. 2024. No. 11. pp. 37–47

23. Mungalova M.S. The Tax Service Has Established the Interdependence of Legal Entities. Arguments to Help Avoid Additional Charges // Arbitration Practice for Lawyers Magazine, No. 1, 2024. [Electronic source] URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/1064393> (accessed: 27.12.2025).

24. Sekretarev R.V. Interdependent Parties in Tax Law: Law Enforcement Issues // Taxes and Taxation. 2024. No. 6. pp. 81–89.

25. Transfer Pricing | Internal Revenue Service // [Electronic source] URL: <https://www.irs.gov/businesses/international-businesses/transfer-pricing> (accessed: 09.01.2026)

26. Overview of IRC Section 482 // [Electronic source] URL: https://www.irs.gov/pub/fatca/int_practice_units/ISO9411_07_01.pdf (accessed: 09.01.2026)

Правовая защита несовершеннолетних от деструктивной информации в сети Интернет: актуальные угрозы и меры противодействия

Чурсин Роман Сергеевич,

аспирант очной формы обучения, кафедра уголовного права и процесса, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования ленинградской области Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

В статье рассматриваются актуальные проблемы правовой защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, распространяемой в сети Интернет. Особое внимание уделяется таким современным вызовам, как склонение несовершеннолетних к совершению самоубийств и содействие суицидальному поведению через онлайн-среду. Анализируется действующее российское законодательство, выявляются его пробелы и противоречия в контексте регулирования интернет-пространства. Исследуются трудности правоприменения, связанные с анонимностью, трансграничным характером сети и развитием коммуникационных технологий. Автор, основываясь на собственном профессиональном опыте следственной и адвокатской работы, приводит эмпирические данные о масштабах распространения деструктивного контента. На основе сравнительно-правового анализа зарубежного опыта предлагаются меры по совершенствованию системы безопасности несовершеннолетних в цифровой среде.

Ключевые слова: защита детей, интернет, деструктивная информация, склонение к самоубийству, административно-правовое регулирование, информационная безопасность, следственная практика.

Введение

В современной России существует невероятное количество источников информации, несущих в большинстве своем несомненную пользу для развития личности любой возрастной категории. Однако далеко не вся распространяемая информация носит конструктивный характер. Переизбыток жестокости, агрессии, а также целенаправленные манипулятивные практики в общедоступных интернет-ресурсах остаются одними из главных проблем, препятствующих гармоничному развитию общества и создающих прямые угрозы для наиболее уязвимой его части – несовершеннолетних.

В общественном сознании граждан Российской Федерации растет обоснованная тревога по поводу агрессивного и деструктивного контента в сети, наносящего очевидный вред детскому психическому здоровью и нравственному развитию. Детям необходима усиленная защита, поскольку факты свидетельствуют о систематическом нарушении положений Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [1], а именно статьи 14, закрепляющей защиту ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью и развитию. Особую опасность в последние годы представляют преступления, связанные со склонением несовершеннолетних к совершению самоубийства через социальные сети и мессенджеры, что требует комплексного научного осмысления и адекватного правового реагирования [2], что отмечают многие авторы [3 и 4].

Нельзя утверждать, что в России отсутствует какое-либо правовое регулирование интернет-сферы. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях существует глава 13 «Административные правонарушения в области связи и информации», содержащая, в частности, статьи 13.15 (злоупотребление свободой массовой информации), 13.21 (нарушение порядка изготовления или распространения продукции средства массовой информации) и другие, устанавливающие санкции за нарушение правил распространения информации. Однако, как показывает правоприменительная практика, эффективно применять данные нормы к правонарушениям в сети Интернет крайне затруднительно.

Вызывает особый интерес законодательная новелла (статья 13.53 КоАП РФ (с 1 сент. 2025 г.)), согласно которой заходить на сайты, содержащие экстремистские материалы, запрещено из-за новых статей в КоАП РФ, в частности статья 13.53 КоАП РФ (с 1 сент. 2025 г.) штрафует за умышленный поиск и доступ к ним (даже через VPN) [5]. Правоприменение данной статьи остается под большим вопросом, поскольку отсутствует технический механизм для поиска нарушителей (нет специализированного ИИ, находящегося в государственном ведении, который бы обрабатывал интернет-пинги).

Ущерб ребенку наносится не только через публично размещаемые материалы, но и в процессе приватного общения в мессенджерах и анонимных чатах. Контроль такого общения в полной мере невозможен из-за конституционного права на тайну переписки, охраняемого частью 2 статьи 23 Конституции РФ, что создает «серую зону», где активно действуют злоумышленники, занимающиеся, среди прочего, склонением детей к суициду или занимаются иной преступной деятельностью в отношении несовершеннолетних.

Очевидно, что действующие меры не охватывают весь спектр правонарушений в цифровой среде. Статистика свидетельствует о росте числа случаев вовлечения несовершеннолетних в деструктивные онлайн-сообщества (т.н. «группы смерти»), кибербуллинга, что зачастую становится причиной трагических последствий.

Правительством РФ были разработаны специальные нормативно-правовые акты, регламентирующие пути решения данных проблем. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [6] устанавливает обязанность классифицировать информацию по возрастным категориям и маркировать ее. Положения данного закона возлагают ответственность за ограничение доступа к запрещенной информации на лиц, организующих такой доступ (провайдеров, владельцев сайтов, администраторов публичных сетей).

На практике многие российские интернет-ресурсы формально пытаются соблюдать эти требования. Но если прямо сейчас мы обратимся к популярным мессенджерам, мы найдем большое количество запрещенного контента. Ключевая проблема заключается в том, что популярные среди молодежи социальные сети и мессенджеры часто имеют юрисдикцию и серверы за пределами Российской Федерации, что существенно ограничивает действие национального законодательства в отношении них. Следовательно, ребенок, имеющий профиль в такой социальной сети, потенциально имеет доступ ко всему массиву нефилтрованного контента. Более того, возрастная верификация в большинстве сервисов носит декларативный характер, и любой пользователь может указать ложные данные.

Особую остроту проблеме придает практика следственных органов, непосредственно сталкивающихся с расследованием трагических последствий воздействия деструктивного онлайн-контента. Автор, имея опыт работы следователем по особо важным делам в Северо-Западном управлении Следственного комитета РФ на транспорте и курируя в рамках ведомства данное направление, отмечает, что значительная часть случаев суицидов и их попыток среди несовершеннолетних в Северо-Западном регионе была так или иначе связана с их вовлечением в деструктивные интернет-сообщества. Работа по документированию деятельности подобных групп (преимущественно в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере «Telegram») и направлению в Роскомнадзор и правоохранительные органы соответствующих писем и представлений с требованием блокировки позволила за ограниченный период добиться ограничения доступа к более чем 2000 подобным ресурсам. Однако эта практика наглядно демонстрирует реактивный, «догоняющий» характер современных мер: блокировка происходит уже после того, как контент нанес вред, а создатели сообществ быстро мигрируют на новые платформы или используют методы шифрования. Данный опыт подтверждает, что действующий правовой механизм, основанный на выявлении и последующей блокировке конкретных ресурсов по инициативе правоохранительных органов, недостаточен для профилактики и системного пресечения распространения информации, склоняющей к самоубийству. Требуется создание превентивных технологических и организационных барьеров, затрудняющих сам факт доведения такого контента до несовершеннолетнего пользователя.

В последнее время операторы крупных интернет-сервисов ссылаются на внедряемое программное обеспечение родительского контроля. Тем не менее, такие программы часто легко обходятся технически подкованными подростками и не ограничивают доступ к социальным сетям как таковым. Кроме того, ребенок пользуется интернетом не только через стационарный компьютер, но и через смартфон, планшет, игровую консоль, которые не всегда возможно контролировать единым программным решением. Кроме того, зачастую неблагоприятный контент порой распространяется через разрешенные онлайн-игры, такие как Майнкрафт, Авалайф и иные.

В соответствии с Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» [10], основная обязанность по заботе об ограничении доступа детей к вредной информации возлагается на родителей и законных представителей. Однако они зачастую не обладают достаточными техническими знаниями и временем для постоянного мониторинга цифровой активности ребенка, особенно при использовании им мобильных устройств и точек доступа вне дома (интернет-кафе, открытые Wi-Fi сети).

Реагирование на перечисленные угрозы должно осуществляться не только на семейном уровне. Приоритетная роль принадлежит государству, которое должно формировать эффективную нормативно-правовую базу. Опыт зарубежных стран свидетельствует о разнообразии подходов к регулированию безопасности детей в сети.

Например, в Великобритании с 2015 года действует система добровольного соглашения с основными интернет-провайдерами о фильтрации «взрослого» контента по умолчанию. Доступ к нему открывается только после подтверждения возраста пользователем (система «opt-in»). В Китае используется комплекс жестких мер, включая строгую цензуру, масштабную систему фильтрации («Великий китайский файрвол») и ограничения по времени доступа в сеть для несовершеннолетних, что, однако, вызывает серьезную критику с точки зрения ограничения свобод [8].

Таким образом, защита несовершеннолетних в сети Интернет, особенно от таких тяжелых угроз, как склонение к суициду, возможна только при условии системного подхода. Он должен включать:

1. Совершенствование законодательства: закрытие правовых пробелов, уточнение ответственности владельцев иностранных интернет-платформ, работающих на российскую аудиторию, усиление норм

об уголовной и административной ответственности за склонение к самоубийству в сети.

2. Развитие технологических мер: внедрение современных систем прозрачной и этичной возрастной верификации, поддержка отечественных технологий контент-фильтрации и мониторинга, переход от реактивной блокировки к превентивному ограничению распространения деструктивного контента.

3. Межведомственное взаимодействие и международное сотрудничество: усиление координации между правоохранительными органами, Роскомнадзором и интернет-компаниями, а также поиск механизмов взаимодействия с иностранными регуляторами. Опыт следственной практики подтверждает эффективность такого взаимодействия, но указывает на необходимость его перевода на качественно новый, профилактический уровень, с применением систем ИИ.

4. Реализация программ по обучению детей цифровой гигиене, а родителей эффективным методам родительского контроля в цифровой среде.

На сегодняшний день, несмотря на ряд принятых мер, единой и исчерпывающей стратегии по нейтрализации острых цифровых угроз для детей в РФ еще не выработано. Практика показывает, что борьба с деструктивным контентом носит зачастую запоздалый характер. Решение этой задачи требует консолидации усилий законодателя, правоприменителей, интернет-индустрии и гражданского общества, с фокусом на создании превентивных, а не только карательных механизмов защиты.

Литература

1. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
2. Гурьянова Алина Айсеевна Склонение к совершению самоубийства с использованием информационных технологий // E-Scio. 2022. № 10 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sklonenie-k-soversheniyu-samoubiystva-s-ispolzovaniem-informatsionnyh-tehnologiy> (дата обращения: 10.01.2026).
3. Асмик Грандовна Айвазян Вина в склонении к самоубийству и содействии самоубийству (ст. 110.1 УК РФ) // Криминалист Ъ. 2024. № 1 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vina-v-sklonenii-k-samoubiystvu-i-sodeystvii-samoubiystvu-st-110-1-uk-rf> (дата обращения: 11.01.2026).
4. Шамарданова Л. Р., Камалиева Л. А. Склонение малолетних к совершению самоубийства // Скиф. 2019. № 11 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sklonenie-maloletnih-k-soversheniyu-samoubiystva> (дата обращения: 10.01.2026).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КОАП РФ) от 30.12.2001 N 195-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 05.01.2026).
6. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
7. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О связи» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
8. Седов Д.: Интернет-торнадо. Армия КНР официально заявила о наступлении эры «интернет-войн» <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1307686500>

LEGAL PROTECTION OF MINORS FROM DESTRUCTIVE INFORMATION ON THE INTERNET: CURRENT THREATS AND COUNTERMEASURES

Chursin R.S.

A.S. Pushkin Leningrad State University

This article examines current issues related to the legal protection of children from information harmful to their health and development, disseminated online. Particular attention is paid to such contemporary challenges as the incitement of minors to commit suicide and the facilitation of suicidal behavior through the online environment. Current Russian legislation is analyzed, identifying gaps and inconsistencies in the context of internet regulation. The article explores the challenges of law enforcement related to anonymity, the cross-border nature of the internet, and the development of communications technologies. Drawing on her own professional experience as an investigator and lawyer, the author presents empirical data on the scale of the spread of destructive content. A comparative legal analysis of international experience is used to propose measures to improve the safety of minors in the digital environment.

Keywords: child protection, internet, destructive information, incitement to suicide, administrative and legal regulation, information security, investigative practice.

References

1. Federal Law of July 24, 1998 No. 124-FZ "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Article 3802.
2. Alina Aiseyevna Guryanova, Incision to commit suicide using information technologies // E-Scio. 2022. No. 10 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sklonenie-k-soversheniyu-samoubiystva-s-ispolzovaniem-informatsionnyh-tehnologiy> (accessed: 10.01.2026).
3. Asmik Grandovna Ayvazyan, Guilt in incentive to suicide and aiding suicide (Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Kriminalist. 2024. No. 1 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vina-v-sklonenii-k-samoubiystvu-i-sodeystvii-samoubiystvu-st-110-1-uk-rf> (accessed: 11.01.2026).
4. Shamardanova, L. R., Kamaliev, L.A. Incitement of Minors to Commit Suicide // Skif. 2019. No. 11 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sklonenie-maloletnih-k-soversheniyu-samoubiystva> (accessed: 10.01.2026).
5. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" (COAO RF) of 30.12.2001 N 195-FZ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (accessed: 05.01.2026).
6. Federal Law of 29 December 2010 N 436-FZ (as amended on 01.07.2021) "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 48.
7. Federal Law of July 7, 2003, No. 126-FZ (as amended on July 2, 2021) "On Communications" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 28. Article 2895.
8. Sedov D.: Internet Tornado. The PRC Army Officially Announced the Advent of the Era of "Internet Wars" <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1307686500>

Конституционно-правовые основы государственного (муниципального) финансового контроля: особенности регулирования

Тельян Мишель Алиевна,

эксперт по взаимодействию с органами государственной власти и бизнес-сообществом, аспирант ОЧУВО «Международный инновационный университет»
E-mail: mishel.c.s@mail.ru

В представленном исследовании на базе положений, закрепленных в Конституции и иных действующих нормативных правовых актах Российской Федерации, рассматривается понятие, содержание и нормативное закрепление государственного (муниципального) финансового контроля. Данный вид контроля, являясь неотъемлемым элементом системы сдержек и противовесов, обеспечивает законность, целесообразность и результативность использования бюджетных средств и имущества, способствуя тем самым укреплению финансовой дисциплины и предотвращению коррупционных проявлений. В ходе исследования автор приходит к выводу о нецелесообразности создания на современном этапе единого кодифицированного акта, систематизирующего положения о государственном и муниципальном финансовом контроле.

Ключевые слова: конституционно-правовые основы, финансовое законодательство, государственный (муниципальный) финансовый контроль, конституционные принципы.

Конституционно-правовые основы государственного (муниципального) финансового контроля представляют собой сложную и динамично развивающуюся систему, которая требует постоянного совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям социально-экономической жизни. Эффективное функционирование данной системы является необходимым условием обеспечения законности, целесообразности и рациональности использования государственных и муниципальных финансовых ресурсов, а также защиты прав и законных интересов граждан.

Цель финансового контроля – не просто констатация фактов, а именно повышение эффективности использования финансовых ресурсов [1, с. 57–62], что достигается за счет:

- оптимизации распределения ресурсов;
- выявления резервов и возможностей экономии;
- предотвращения финансовых нарушений и злоупотреблений;
- совершенствования финансового планирования и управления.

Вопрос законодательного регулирования данного института в нынешних условиях глобализации и возрастающей сложности экономических процессов приобретает особую актуальность.

Тема исследования также предопределена недостаточным вниманием научного сообщества к конституционно-правовым основам государственного (муниципального) финансового контроля на современном этапе, что обосновывает необходимость рассмотрения проблематики в условиях усложнения экономических отношений и возрастающих требований к эффективности использования бюджетных средств.

В представленном исследовании применяются общенаучные методы, включая сравнительный анализ, синтез, абстрагирование, обобщение информации. Проведен обзор действующей нормативно-правовой базы Российской Федерации и специализированной научной литературы по обозначенной проблематике. Также проведена идентификация ключевых конституционных принципов финансового контроля, повышающих эффективность управления государственными финансами и ресурсами.

Новизна исследования заключается в сопоставлении практики, нормативной базы, понятийного аппарата и научной основы финансового контроля в России. Особое внимание уделяется следующим проблемам:

- недостаточная разработанность понятийного аппарата;
- целесообразность создания единого кодифицированного акта, систематизирующего положения о государственном и муниципальном финансовом контроле;
- правовое регулирование, касающееся независимости и подотчетности органов государственного и муниципального финансового контроля.

В современном законодательстве России понятие финансового контроля, несмотря на его фундаментальное значение в обеспечении управления государственными и муниципальными ресурсами, не получает исчерпывающего раскрытия. Однако, отдельные упоминания и регламентации присутствуют в нормативных правовых актах, регулирующих бюджетные правоотношения. Так, например, раздел IX Бюджетного кодекса Российской Федерации, озаглавленный «Государственный (муниципальный) финансовый контроль», является одним из ключевых источников правового регулирования в данной области. Ст. 265–270.2 БК РФ регламентированы полномочия контрольных органов и процедуры осуществления, особое внимание уделяется контролю за целевым использованием бюджетных средств и соблюдению установленных нормативов финансирования [2]. Статья 265 БК РФ устанавливает цели осуществления и виды финансового контроля, однако не содержит развернутой характеристики дефиниции «финансовый контроль». Тем не менее, конституционно-правовые аспекты финансового контроля представляют собой сложную и многогранную систему норм, определяющих порядок его осуществления в Российской Федерации.

БК РФ является логическим продолжением и конкретизацией положений Конституции РФ, закрепляющих принципы разделения властей, самостоятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также законности и целевого использования бюджетных средств. Например, статья 157 БК РФ, определяющая формы

государственного (муниципального) финансового контроля, посредством уточнения бюджетных полномочий органов государственного (муниципального) финансового контроля, напрямую связана со статьей 101 Конституции Российской Федерации, устанавливающей полномочия Счетной палаты Российской Федерации по контролю за исполнением федерального бюджета. Кроме того, данная статья кодекса коррелирует с положениями Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», определяющего правовой статус и полномочия контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Следует подчеркнуть, что контрольно-счетные органы не входят в систему органов законодательной (представительной) и исполнительной государственной власти (органов местного самоуправления), обладая организационной и функциональной независимостью, осуществляя контроль за законностью и эффективностью использования бюджетных средств. В Российской Федерации, в качестве ключевой конституционной гарантии обеспечения прав и свобод личности и гражданина, закреплено право на государственную защиту (ст. 17 Конституции РФ), что наделяет государственные органы субъектов Федерации, органы местного самоуправления, иные организации, должностных лиц и граждан правом подачи жалобы на действия или бездействие контрольно-счетного органа [3, ст. 17]. Указанное положение обеспечивает дополнительный механизм контроля за деятельностью контрольно-счетных органов, способствуя их надлежащему функционированию в рамках правового поля.

Счетная палата Российской Федерации, основываясь на федеральных законах № 41-ФЗ и № 6-ФЗ, взаимодействует с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в рамках соглашений о сотрудничестве, предусматривающих обмен информацией, проведение совместных контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, а также оказание методической помощи [4]. Например, при осуществлении контроля за целевым и эффективным использованием средств федерального бюджета, выделенных субъектам Российской Федерации на реализацию национальных проектов, Счетная палата Российской Федерации привлекает к участию в контрольных мероприятиях контрольно-счетные органы соответствующих субъектов Российской Федерации. Это позволяет получить более полную и объективную картину использования бюджетных средств, а также выявить возможные нарушения и недостатки.

Важные положения изложены также в Федеральном законе ФЗ № 248 от 31.07.2020 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который устанавливает общие принципы надзорной деятельности, фокусируя внимание на профилактике нарушений, а не на наказании. Примечательно, что деятельность контрольных органов направлена на предотвращение ущерба (рисков), а не просто на выявление нарушений. Глава 8 Федерального закона № 248-ФЗ закрепляет ключевые гарантии прав контролируемых лиц, включая право на обжалование решений, возмещение ущерба, а также ограничения полномочий инспекторов [5, ст. 36–38].

Таким образом, в Российской Федерации сформирована разветвленная система органов государственного финансового контроля, которая включает в себя контрольные органы федерального уровня, в частности, Счетную палату РФ, а также контрольные структуры, действующие в каждом из субъектов России. Среди нормативных правовых актов, регулирующих данную систему можно выделить ФЗ № 41 от 05.04.2013 о Счетной палате РФ и ФЗ № 6 от 07.02.2011 о контрольно-счетных органах, обеспечивающих многоуровневый контроль за использованием финансовых ресурсов.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» определяет правовой статус, полномочия и порядок деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, осуществляющих внешний государственный (муниципальный) финансовый контроль, устанавливает общие требования к организации и деятельности контрольно-счетных органов, а также их взаимодействие с другими органами государственной власти и местного самоуправления. Понимание характеристики финансового контроля, изложенной в данном федеральном законе, дополняет определение, представленное в БК РФ, фокусируясь на деятельности контрольно-счетных органов. Финансовый контроль понимается как деятельность, направленная на обеспечение законности и целевого использования средств соответствующих бюджетов [6, ст. 9].

Важную роль в регулировании финансового контроля играют федеральные законы, устанавливающие специальные правила и процедуры в отдельных сферах бюджетных правоотношений. Поэтому особое внимание требуется обратить на Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», устанавливает правовые основы контрактной системы, регулирует отношения, связанные с определением поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для государственных и муниципальных нужд, заключением и исполнением государственных и муниципальных контрактов. Данный закон предусматривает механизмы контроля за соблюдением требований законодательства о контрактной системе, в том числе со стороны Федеральной антимонопольной службы и органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля [7, ст. 99].

Статья 265 БК РФ, устанавливающая полномочия органов государственного (муниципального) финансового контроля по осуществлению контроля, находится в тесной взаимосвязи с положениями Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, регулирующего отношения в сфере закупок и устанавливающего требования к прозрачности и конкурентности процедур закупок. В данном случае контроль включает в себя проверку обоснованности выбора способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя), соответствия условий контракта требованиям законодательства, а также проверку исполнения обязательств по контракту.

Представляется возможным выделить следующие принципы, закрепленные в Конституции РФ, которые прослеживаются в вышеизложенной нормативно-правовой базе, регулирующей институт государственного (муниципального) финансового контроля:

- принцип разделения властей (ст. 10), принцип законности (ст. 15), принцип гласности (ст. 24), принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19) оказывают непосредственное влияние на организацию и функционирование системы финансового контроля;
- принцип федерализма, закрепленный в ст. 5, 11 и 71–73 Конституции РФ, определяет разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере финансового контроля;
- конституционные гарантии прав и свобод граждан, включая право на информацию (ст. 29), право на участие в управлении делами государства (ст. 32) и право на судебную защиту (ст. 46) имеют важное значение для обеспечения прозрачности и подотчетности финансовой деятельности государства и муниципальных образований;

Кроме того, ст. 75 Конституции РФ устанавливает, что денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком РФ. Защита и обеспечение устойчивости рубля является основной функцией Центрального банка РФ, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти (данное положение имеет важное значение для обеспечения стабильности финансовой системы и эффективного функционирования механизма финансового контроля).

В дополнение, Счетная палата РФ, согласно ст. 101 Конституции РФ, является органом государственного финансового контроля, образуемым Федеральным Собранием и подотчетным ему. Конституционное положение о Счетной палате РФ подчеркивает её независимый статус и особую роль в системе финансового контроля. Счетная палата РФ осуществляет контроль за исполнением федерального бюджета, управлением и распоряжением государственной собственностью, а также проводит аудит эффективности использования государственных средств. Функции и полномочия Счетной палаты РФ более детально регламентируются Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации».

Следует отметить, что конституционно-правовые аспекты финансового контроля нашли свое отражение также в других федеральных законах и нормативных правовых актах, регулирующих сферу бюджетных правоотношений. В частности, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает полномочия органов местного самоуправления в сфере бюджетного процесса и финансового контроля, а также гарантии самостоятельности местных бюджетов. В контексте грядущей утраты его действия с 1 января 2027 года [8, п. 1, ч. 2.ст.93], необходимо отметить, что данный закон призван систематизировать и унифицировать подходы к организации местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти, создавая правовые основы для осуществления финансового контроля на муниципальном уровне.

Во всех перечисленных нормативных актах есть существенные положения, определяющие и устанавливающие конституционно-правовые основы государственного (муниципального) финансового

контроля, в связи с чем автору они представляются как совокупность конституционных принципов и установок, определяющих цели, задачи, структуру, компетенцию и порядок осуществления контроля за формированием, распределением и использованием государственных и муниципальных финансовых ресурсов.

При комплексном анализе законодательства в сфере финансового контроля приходит понимание, что оно наиболее многогранно, чем представляется на первый взгляд, в частности:

- бюджетное законодательство определяет структуру и принципы формирования бюджета, порядок его исполнения и осуществления бюджетных расходов, регламентирует бюджетный процесс и обеспечивает контроль за целевым использованием государственных средств;
- законодательство о государственном долге регулирует порядок привлечения и управления государственным долгом, как внутренним, так и внешним, определяя условия вступления государства в гражданско-правовые отношения в качестве заемщика;
- налоговое законодательство устанавливает правила налогообложения, определяет права и обязанности налогоплательщиков и налоговых органов, а также регулирует порядок исчисления и взимания налогов и неналоговых платежей, являющихся доходной частью бюджета;
- законодательство о кредитовании и расчетах регулирует деятельность государства в сфере кредитных и расчетных операций, устанавливая правила осуществления денежных расчетов и обеспечивая стабильность денежного оборота;
- законодательство о валютном регулировании, валютном контроле и налично-денежном обращении устанавливает правила валютных операций, определяет порядок осуществления валютного контроля и регулирует обращение наличных денежных средств, обеспечивая стабильность национальной валютной системы;
- законодательство об организации и управлении рынком ценных бумаг регулирует порядок эмиссии, обращения и учета ценных бумаг, определяет права и обязанности участников рынка ценных бумаг и обеспечивает защиту прав инвесторов;
- законодательство о цифровом финансовом регулировании представляет собой комплекс правовых норм, направленных на регулирование деятельности, связанной с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой.

По результату проведенного исследования автор приходит к выводу, что на современном этапе отсутствует острая необходимость создания единого кодифицированного акта, систематизирующего положения о государственном и муниципальном финансовом контроле. Это обусловлено сложностью и многогранностью всей системы финансового контроля в Российской Федерации, что последовательно отражено в данном исследовании. Объединение всех этих положений в едином кодифицированном акте может привести к излишней детализации и усложнению законодательства, затруднив его применение на практике. Сохранение гибкости правового регулирования финансового контроля позволяет оперативно реагировать на новые вызовы и угрозы в финансовой сфере, а также учитывать специфику деятельности различных органов и организаций, осуществляющих финансовый контроль.

Стоит обратить внимание на то, что понятие «финансовый контроль» является собирательным и основывается на принципах, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Перечисленные и проанализированные в данном исследовании принципы определяют законность, гласность и эффективность использования государственных средств, а также обеспечивают подотчетность органов государственной власти и местного самоуправления перед обществом. С точки зрения бюджетного законодательства, финансовый контроль представляет собой совокупность мер, направленных на обеспечение соблюдения бюджетного законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения. Данное определение закреплено в БК РФ и является основой для организации и осуществления финансового контроля. Финансовый контроль как функция реализуется посредством различных видов контроля, обозначенных в законодательстве. Каждый из них имеет свои специфические задачи и методы, направленные на обеспечение законности и эффективности использования бюджетных средств.

Литература

1. Грачева, Е.Ю. Финансовое право: схемы с комментариями: учебное пособие / Е.Ю. Грачева. — 3-е изд. — Москва: Проспект, 2019. — 110 с.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, N 31, ст. 3823.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (дата обращения: 19.01.2026).

4. Взаимодействие с контрольно-счетными органами // Официальный сайт Счетной палаты РФ, 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ach.gov.ru/page/vzaimodeystvie-s-kso> (дата обращения: 19.01.2026).

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2020.

6. Федеральный закон от 07.02.2011 № 6-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований» // Российская газета, № 29, 11.02.2011 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.01.2026).

7. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 08.04.2013.

8. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 20.03.2025.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF STATE (MUNICIPAL) FINANCIAL CONTROL: REGULATORY FEATURES

Telyan M.A.

International Innovation University

The presented study examines the concept, content and regulatory consolidation of state (municipal) financial control on the basis of the provisions enshrined in the Constitution and other applicable regulatory legal acts of the Russian Federation. This type of control, being an integral element of the system of checks and balances, ensures the legality, expediency and effectiveness of the use of budgetary funds and property, thereby contributing to strengthening financial discipline and preventing corruption. In the course of the research, the author comes to the conclusion that it is inappropriate at the present stage to create a single codified act systematizing the provisions on state and municipal financial control.

Keywords: constitutional and legal bases, financial legislation, state (municipal) financial control, constitutional principles.

References

1. Gracheva, E. YU. Finansovoe pravo: skhemy s kommentariyami: uchebnoe posobie / E. YU. Gracheva. — 3-e izd. — Moskva: Prospekt, 2019. — 110 s.

2. Byudzhetnyy kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 № 145-FZ (red. ot 28.12.2025) // Sbornik zakonodatel'stva RF, 03.08.1998, N 31, st. 3823.

3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (data obrashcheniya: 19.01.2026).

4. Vzaimodejstvie s kontrol'no-schetnymi organami // Oficial'nyj sayt Schetnoj palaty RF, 2022 [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://ach.gov.ru/page/vzaimodeystvie-s-kso> (data obrashcheniya: 19.01.2026).

5. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ (red. ot 29.12.2025) «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2026) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2020.

6. Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 6-FZ (red. ot 28.12.2025) «Ob obshchih principah organizacii i deyatel'nosti kontrol'no-schetnyh organov sub'ektov Rossijskoj Federacii, federal'nyh territorij i municipal'nyh obrazovaniy» // Rossijskaya gazeta, № 29, 11.02.2011 [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 19.01.2026).

7. Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ (red. ot 28.12.2025) «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2026) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 08.04.2013.

8. Federal'nyj zakon ot 20.03.2025 № 33-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v edinoj sisteme publichnoj vlasti» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 20.03.2025.

Чернов Иван Михайлович,
соискатель кафедры «Финансовое право» Московского
государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина

В статье проведен анализ международной и российской практики регулирования импакт-инвестиций на основе изучения научных статей, монографий, публикаций в профильных изданиях, а также нормативных правовых актов Российской Федерации. Основная цель исследования – выявление особенностей правового регулирования импакт-инвестиций в Российской Федерации в контексте их сопоставления с зарубежным опытом, а также определение перспектив их институционализации в национальной правовой системе. Проанализированы терминология и нормативное регулирование, выдвинуто суждение о необходимости институционализации рассматриваемого определения. Автором проанализированы инструменты, соответствующие концепции импакт-инвестиций: зеленые и адаптационные проекты в рамках климатической повестки, социальные облигации, а также проекты социального воздействия. Сделан вывод о целесообразности поэтапного закрепления термина «импакт-инвестиции» в нормативном поле при наличии корреспондирующих ему критериев оценки социального эффекта и соответствующих мер государственной поддержки. Вместе с тем, на текущем этапе приоритетом обладает развитие инструментов soft law и экспериментальная апробация практик с последующим закреплением наиболее успешных решений в устойчивых институтах.

Ключевые слова: инвестиции; импакт-инвестиции; социально-преобразующие инвестиции; проекты социального воздействия; зеленые проекты; социальный эффект; финансовое право.

В условиях усиливающегося внешнего санкционного давления на российскую экономику возникает необходимость активизировать политику импортозамещения, а также разрабатывать и реализовывать меры поддержки для увеличения объема внутренних инвестиций. Среди показателей и задач, выполнение которых способствует достижению национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика», в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 (далее – Указ) [1], фигурирует снижение доли импорта товаров и услуг в структуре валового внутреннего продукта до 17 процентов к 2030 году и увеличение к 2030 году объема инвестиций в основной капитал не менее чем на 60 процентов по сравнению с уровнем 2020 года за счет постоянного улучшения инвестиционного климата. Большая часть Национальных целей напрямую затрагивает социальную сферу, которая, в свою очередь, тоже требует привлечения частных инвестиций наряду с бюджетным финансированием.

С 2007 года в мировой практике активно употребляется термин «impact investing», впервые введенный в рамках инициативы разработки стандартов и методологии оценки эффективности социально-ориентированного предпринимательства Фонда Рокфеллера, после чего получивший широкое распространение в деловом обороте и научной литературе [2]. В российской научной и деловой практике понятие интерпретируется неоднозначно: наряду с терминами «преобразующие инвестиции» или «социально-преобразующие инвестиции» используется в том числе и дословный перевод: «импакт-инвестиции». Тем не менее, все перечисленные понятия единообразно указывают на характер инвестиций: они осуществляются с намерением оказать положительное, поддающееся измерению социальное и/или экологическое воздействие наряду с «финансовой пользой» [3], т.е. возможностью получить инвестиционную отдачу.

Термин «инвестиции» не имеет единого, наиболее распространенного или общепризнанного определения. Анализ различных научных статей и публикаций показал, что существует не менее 20 доктринальных определений инвестиций, предложенных учеными самых разнообразных научных профилей – философами, правоведами, экономистами и другими. Множественность понятий вызвана эволюцией научных взглядов через призму различных экономических учений, а также социально-экономических и государственных факторов. Кроме того, определения разнятся за счет наделения понятия инвестиций различными дополнительными свойствами, характеризующими время, место и способ вложения средств, равно как и получения дохода. Обобщив практику, можно заключить, что наиболее общее определение предложено В.М. Аскинадзи, В.Ф. Максимовой и В.С. Петровым, которые понимают под импакт-инвестициями следующее: «любой вид имущества, а также имущественных прав, который вкладывается в различные объекты инвестиционной деятельности с целью получения прибыли или иного положительного эффекта» [4].

В российском законодательстве понятие «инвестиции» закреплено в Федеральных законах «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [5] (Об инвестиционной деятельности), «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» [6] и «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]. Наиболее общее и универсальное понятие содержится в Федеральном законе «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»: «денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта». Это определение не предполагает трактовку только в контексте нормативного правового акта, в котором оно содержится, в отличие от остальных рассматриваемых определений. В Федеральном законе «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» понятие «инвестиции» определено через соответствующую призму капиталовложений, что затрудняет его использование в любом другом контексте. Аналогичный подход законодатель применил и в Федеральном законе «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ...», где инвестиции определяются через «приобрете-

ние предусмотренных указанным Федеральным законом ценных бумаг или цифровых прав либо путем предоставления займа», что также существенно сужает потенциал применения этого понятия в других сферах. Определение из Федерального закона о СЗПК и Инвестиционной деятельности представляются наиболее универсальными.

В то же время А.С. Момотов, в своей статье «Правовое понятие «инвестиции» и его влияние на инвестиционную привлекательность Российской Федерации» рассматривает также понятие «иностранные инвестиции», содержащееся в Федеральном законе «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Стоит согласиться с мнением А.С. Момотова о том, что в российском законодательстве не сформирован единый подход к определению понятия «инвестиции», в полной мере отражающий содержание и правовую природу данной категории [8].

Термин «impact» с английского языка переводится как «воздействие, влияние». В правовых актах Российской Федерации встречается только в термине «импакт-фактор», который служит критерием сравнения уровня журналов и определения актуальности опубликованных в этих журналах научных работ [9]. В книге «Impact» Рональд Козн определяет значение термина «impact» в обобщенном понимании как «измерение благоприятных последствий от действия для людей и планеты» [10]. Кроме того, в своем труде Козн упоминает, что в 2007 году термин «impact investing» был придуман для замены термина «social investment» (социальные инвестиции). Энтони Багг-Левин и Джек Эмерсон отмечают: понятие impact investment предполагает, что инвестиции могут преследовать цель извлечения прибыли и при этом осознанно и намеренно направляются на решение социальных и экологических проблем [11]. Анализ статей и работ показал, что существует два основных и очень схожих подхода к определению импакт-инвестиций:

1) по версии Фонда Рокфеллера (Rockefeller foundation), являющегося родоначальником этого термина, импакт-инвестиции – инвестиции, осуществляемые в компании, организации и фонды с намерением оказать социальное или экологическое воздействие наряду с финансовой отдачей [12];

2) глобальная сеть импакт-инвесторов (Global impact investing network) определяет импакт-инвестиции как инвестиции, осуществляемые с намерением оказать положительное, поддающееся измерению социальное и/или экологическое воздействие наряду с финансовой отдачей [13].

В отечественной правовой школе существует множество публикаций на рассматриваемую тему. Правоведы, как правило, используют дословный перевод: «импакт-инвестиции», а также «социально-преобразующие инвестиции» [14]. Что касается упоминания импакт-инвестиций в правовых актах, то модельный закон об инвестиционно-доверительной банковской деятельности, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ, содержит термин «социально преобразующие инвестиции», однако не раскрывает его значения.

Анализ российского и зарубежного законодательства свидетельствует об отсутствии нормативно закреплённого определения импакт-инвестиций. Это подтверждается и результатами исследования крупнейшей японской юридической фирмы Nishimura & Asahi, в котором авторы утверждают, что рассматриваемый термин не имеет формального определения в законодательстве [15].

При этом стоит отметить, что ранее в отечественной практике нормативного правового регулирования существовало определение инвестиций, содержащее отсылку к необходимости наличия социального эффекта. Оно содержалось в Законе от 26.06.1991 N 1488-I «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» [16], который дает следующее определение инвестициям: «денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта», что само собой предполагает обязательное наличие социального эффекта.

Можно констатировать, что в российском законодательстве, как и в законодательстве ряда зарубежных стран, установлено понятие инвестиции, но определения импакт-инвестиций законодатель не закрепил.

Вместе с тем необходимо обратить внимание, что в России существуют инструменты, которые можно отнести к импакт-инвестиционным. Таковыми возможно считать зеленые, адаптационные и социальные проекты, реализуемые в соответствии с критериями, установленными Правительством Российской Федерации, а также проекты социального воздействия.

В целях развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты, направленные на реализацию национальных целей развития Российской Федерации в области зеленого финансирования и устойчивого развития, распоряжением Правительства Российской Федерации утверждены цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации (далее – Распоряжение) [17]. В рамках указанного документа установлена терминология, содержащая определения зеленых, переходных и социальных проектов.

Зеленые проекты должны соответствовать определенным принципам, ключевым из которых является обеспечение реального экологического эффекта в процессе их реализации. При этом экологический эффект должен быть материален (иметь долгосрочное и существенное положительное влияние на климат и окружающую среду и быть определен количественно), подробно описан в документах, определяющих условия реализации зеленого проекта, и соответствовать требованиям законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды.

Переходные проекты (ранее – адаптационные) определяются как одновременно соответствующие одному или нескольким основным направлениям, предусмотренным Распоряжением.

Социальные проекты должны отвечать ряду условий, указанным в Распоряжении, в том числе соответствовать одному или нескольким направлениям и критериям социальных проектов, утвержденным Правительством Российской Федерации. При этом такие проекты должны оказывать положительное влияние на социальное благополучие лиц, в интересах которых реализуется социальный проект, и (или) населения в целом, а также обладать количественно определяемым (материальным) эффектом.

Стоит отметить, что по результатам реализации всех перечисленных типов проектов предполагается достижение экологического эффекта в зеленых и переходных проектах, а социального – в социальных проектах, соответственно.

Во исполнении Распоряжения были разработаны и утверждены постановлением Правительства Российской Федерации [18] критерии (таксономии) зеленых, адаптационных и социальных проектов, при соответствии которым проекты признаются таковыми. Кроме того, утверждены требования к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации. Указанные требования представляют собой регуляторный механизм признания выпусков облигаций, кредитов или кредитных линий в качестве инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации, и определяют требования к системе верификации указанных инструментов, а также порядок их использования в целях развития инвестиционной деятельности в Российской Федерации. Верификация является важным фактором при рассмотрении проектов в области зеленого финансирования и устойчивого развития через призму их отнесения к импакт-инвестиционным. Если соотнести характеристики таких проектов с обобщенными определениями импакт-инвестиций, рассмотренными в настоящей статье, возможно прийти к выводу, что они также имеют целью, или намерением, наряду с финансовой отдачей от использования инструментов финансирования, получить экологический или социальный эффект.

Другой инструмент, который может быть назван импакт-инвестиционным, – проекты социального воздействия. Они являются аналогом social impact bonds, практика которых берет свое начало в 2010 года в Великобритании. В России проекты социального воздействия реализуются в пилотном режиме с 2019 года в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации, утверждающим положения об их пилотной апробации [19].

Суть этого инструмента заключается в следующем. Уполномоченный орган власти субъекта Российской Федерации, как правило, осуществляющий полномочия в социальной сфере, формулирует задачу, которую необходимо решить в интересах жителей региона, и определяет социальный эффект, который необходимо достичь в результате решения этой задачи. Организатор проекта за счет собственных средств (самостоятельно или с привлечением организаций, обладающих соответствующей компетенцией) реализует проект, вырабатывая новые технологии решения социальных задач или совершенствуя уже применяемые. По окончании проекта и только в случае достижения заранее определённого уполномоченным органом социального эффекта (фиксируется в паспорте проекта, который утверждается высшим исполнительным органом региона), организатор получает грант из регионального бюджета в размере потраченных средств (в ряде случаев – с некоторой доходностью). При этом определяющим фактором являются именно достигнутые улучшения в жизни конкретных групп населения, а не сам факт реализации мероприятий проекта, их

количество и/или число участников. Достижение социального эффекта подтверждается независимой оценкой, проводимой организацией, обладающей соответствующей экспертизой. В Российской Федерации с 2019 на различных стадиях реализации находятся 12 подобных проектов.

Предоставление грантов из бюджета в рамках реализации упомянутых проектов напрямую связано с достижением частной стороной (организатором) социального эффекта, что позволяет отнести этот инструмент к импакт-инвестиционному.

Тем не менее, в рамках научного анализа достижения социальных эффектов в рамках инвестиционной деятельности важно учитывать, что действующее законодательство Российской Федерации, включая, но не ограничиваясь положениями Конституции Российской Федерации, содержат гарантии социального обеспечения граждан. Это подчеркивает ключевую роль государства в достижении социальных целей инвестиций. Таким образом, при реализации инвестиционных проектов, направленных на социальное воздействие, закономерно возникают различные правоотношения между юридическими лицами – инвесторами и публично-правовыми образованиями. Такие отношения могут условно рассматриваться как одна из форм государственно-частного партнерства в широком смысле, что предполагает активное участие государства, включая предоставление бюджетной поддержки для реализации подобных проектов.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в международной практике импакт-инвестиции регулируются по принципу «soft law», ограничиваясь описанием принципов и подходов к их использованию [20], а заинтересованные субъекты, в свою очередь, самостоятельно определяют целесообразность и перспективность использования рекомендуемых концепций и норм поведения. Причины формирования подобного подхода заключаются в необходимости быстрого и гибкого реагирования на изменяющиеся внешние условия. В России существует практика регулирования инструментов, которые при наличии определённого признака, а именно сочетания финансовой отдачи и стремления получить социальный эффект, можно отнести к импакт-инвестиционным. Введение определения «импакт-инвестиции» в нормативное правовое поле возможно и целесообразно, если ему будут корреспондировать закрепление нормативного подхода к определению критериев оценки «импакта», или измеримого эффекта (воздействия), (на примере успешных практик реализации и оценки проектов социального воздействия), а также соответствующие меры государственной поддержки – к примеру, получение налоговых, таможенных или иных льгот частной стороной. Существующие же в российской практике инструменты на данном этапе требуют обобщения для дальнейшей проработки нормативно-правовой базы, регулирующей предоставление различного рода мер государственной поддержки.

Литература

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
2. Аксакова Н.В. Определение и ключевые атрибуты импакт-инвестиций как объекта управления // Управленческие науки. – 2024. – № 14. – С. 60.
3. Impact Investing: A Guide to this Dynamic Market // <https://s3.amazonaws.com/giin-web-assets/giin/assets/publication/post/giin-impact-investing-guide.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).
4. Аскинадзи В. М., Максимова В. Ф., Петров В. С. Инвестиционное дело: учебник для студентов высших учебных заведений. Москва: Маркет ДС. – 2010. — 509 с.
5. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.
6. Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14. Ст. 1999.
7. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
8. Момотов, А.С. Правовое понятие «инвестиции» и его влияние на инвестиционную привлекательность Российской Федерации // Хозяйство и право. – 2022. – № 3. – С. 18–23.
9. Протокольное решение Экономического совета СНГ «Об использовании мировых научных электронных информационных ре-

сурсов для повышения эффективности научной деятельности ученых СНГ» (Москва, 20.09.2013) / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=7662#jXIFo6V0rtPCXazq> (дата обращения: 29.12.2025).

10. Cohen R. Impact // London: Ebury Publishing. – 2020. – 272 p.
11. Bugg-Levine A., Emerson J. Impact Investing: Transforming How We Make Money While Making a Difference. – Hoboken: Wiley, 2011. – 224 p.
12. Impact Investing: An Introduction // URL: <https://www.rockpa.org/guide/impact-investing-introduction/> (дата обращения: 23.12.2025).
13. What are Impact Investments? // URL: <https://thegiin.org/publication/post/about-impact-investing/#what-is-impact-investing> (дата обращения: 19.12.2025).
14. Импакт-инвестиции: мировой опыт // URL: <https://tass.ru/obshchestvo/12016141> (дата обращения: 25.12.2025).
15. Overview of Legal issues Relating to Impact Investing // URL: https://www.nishimura.com/sites/default/files/images/en_newsletter_220428_corporate.pdf (дата обращения: 18.11.2025).
16. Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488–1 (ред. от 26.07.2017) «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1005.
17. Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р (ред. от 30.12.2023) «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 30. Ст. 5814.
18. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 (ред. от 30.12.2023) «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 40. Ст. 6818.
19. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2019 г. № 1491 «Об организации проведения субъектами Российской Федерации в 2019–2024 годах пилотной апробации проектов социального воздействия» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 48. Ст. 6836.
20. Филипенко В.А. Soft law: сущность и отражение в корпоративных правоотношениях // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 11. – С. 281–293.

IMPACT INVESTMENTS IN RUSSIA: CONCEPT AND LEGAL FRAMEWORK

Chernov I.M.

Kutafin Moscow State Law University

The article contains analysis of international and Russian practices in regulating impact investments based on a review of scientific articles, monographs, publications in specialized journals, and Russian legal acts. The main aim of the study is to identify the features of legal regulation of impact investments in Russia and to assess the prospects for their institutionalization within the national legal system. Terminology and regulatory frameworks are examined, and the need to institutionalize the concept is substantiated. The study also analyzes instruments corresponding to the concept of impact investing, including green and adaptation projects under the climate agenda, social bonds, and social impact projects (bonds). It is concluded that the gradual formalization of the term “impact investments” in the legal framework is feasible and appropriate, provided that corresponding criteria for assessing social impact and measures of state support are established. At the current stage, priority is given to the development of soft law instruments and experimental practices, with subsequent consolidation of the most successful solutions in sustainable institutions.

Keywords: investments; impact investing; socially transformative investments; social impact projects; green projects; social outcomes; financial law.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024, No. 309 “On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 20. Article 2584.
2. Aksakova, N.V. Definition and Key Attributes of Impact Investing as a Management Object // Management Sciences. 2024. No. 14. P. 60.
3. Impact Investing: A Guide to this Dynamic Market // <https://s3.amazonaws.com/giin-web-assets/giin/assets/publication/post/giin-impact-investing-guide.pdf> (accessed: 21.12.2025).
4. Askinadzi V. M., Maksimova V.F., Petrov V.S. Investment Business: a textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Market DS. – 2010. — 509 p.
5. Federal Law of February 25, 1999 No. 39-FZ (as amended on December 25, 2023) “On Investment Activity in the Russian Federation, Carried out in the Form of Capital Investments” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 9. Art. 1096.
6. Federal Law of April 1, 2020 No. 69-FZ (as amended on November 30, 2024) “On the Protection and Promotion of Capital Investments in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 14. Art. 1999.
7. Federal Law of August 2, 2019 No. 259-FZ (as amended on August 8, 2024) “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Leg-

islative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 31. Article 4418.

8. Momotov, A.S. The Legal Concept of "Investment" and Its Impact on the Investment Attractiveness of the Russian Federation // Business and Law. 2022. No. 3. pp. 18–23.

9. Protocol Decision of the CIS Economic Council "On the Use of Global Scientific Electronic Information Resources to Enhance the Efficiency of Scientific Activity of CIS Scientists" (Moscow, September 20, 2013) / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=7662#jXIFo6V0rtpCXazq> (accessed December 29, 2025).

10. Cohen R. Impact // London: Ebury Publishing. – 2020. – 272 p.

11. Bugg-Levine A., Emerson J. Impact Investing: Transforming How We Make Money While Making a Difference. – Hoboken: Wiley, 2011. – 224 p.

12. Impact Investing: An Introduction // URL: <https://www.rockpa.org/guide/impact-investing-introduction/> (date of access: 23.12.2025).

13. What are Impact Investments? // URL: <https://thegiin.org/publication/post/about-impact-investing/#what-is-impact-investing> (date of access: 19.12.2025).

14. Impact Investments: Global Experience // URL: <https://tass.ru/obschestvo/12016141> (date of access: 25.12.2025).

15. Overview of Legal Issues Relating to Impact Investing // URL: https://www.nishimura.com/sites/default/files/images/en_newsletter_220428_corporate.pdf (accessed: 18.11.2025).

16. Law of the RSFSR of 26.06.1991 No. 1488–1 (as amended on 26.07.2017) "On Investment Activity in the RSFSR" // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1991. No. 29. Art. 1005.

17. Order of the Government of the Russian Federation of July 14, 2021 No. 1912-r (as amended on December 30, 2023) "On Approving the Goals and Main Directions of Sustainable (Including Green) Development of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 30. Art. 5814.

18. Resolution of the Government of the Russian Federation of September 21, 2021 No. 1587 (as amended on December 30, 2023) "On Approval of the Criteria for Sustainable (Including Green) Development Projects in the Russian Federation and the Requirements for the Verification System of Sustainable Development Financing Instruments in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 40. Art. 6818.

19. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 21, 2019 No. 1491 "On the Organization of Pilot Testing of Social Impact Projects by Constituent Entities of the Russian Federation in 2019–2024" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 48. Article 6836.

20. Filipenko V.A. Soft Law: Essence and Reflection in Corporate Legal Relations // Issues of Russian Justice. – 2021. – No. 11. – P. 281–293.

Склонение к самоубийству в цифровую эпоху: кризис уголовно-правового регулирования и пути его преодоления

Чурсин Роман Сергеевич,

аспирант очной формы обучения, кафедра уголовного права и процесса, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования ленинградской области Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Статья посвящена анализу уголовно-правовых и криминологических проблем противодействия склонению к самоубийству в условиях цифровизации общества. Цель исследования – выявить причины низкой эффективности статей 110.1 и 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и разработать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, формально-логический и социологический методы. Научная новизна заключается в комплексном криминологическом анализе указанных составов в контексте их практической неадекватности, а также в разработке типологии преступников и виктимологической модели. Результаты: Установлено, что введенные в 2017 году нормы носят декларативный характер, отличаются неопределенностью диспозиций и не обеспечивают адекватного реагирования на новые формы опосредованного суицидального воздействия (деятельность «групп смерти», кибербуллинг). На основе анализа данных о латентности данной преступности, детерминант и характеристик личности преступника и жертвы сформулированы конкретные предложения по изменению диспозиций статей 110.1 и 110.2 УК РФ, направленные на их формализацию и конкретизацию. Выводы: Преодоление кризиса требует системного подхода, сочетающего совершенствование уголовного закона, развитие специализированного потенциала правоохранительных органов и реализацию комплекса общесоциальных и виктимологических профилактических мер, ориентированных на цифровую среду.

Ключевые слова: склонение к самоубийству, организация деятельности, направленной на побуждение к самоубийству, группы смерти, киберпреступность, латентная преступность, виктимность, уголовно-правовая норма, профилактика.

Введение

Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий не только преобразует социальные практики, но и создает новые, ранее неизвестные формы криминального поведения. Одной из наиболее острых проблем современной России стал феномен дистанционного склонения несовершеннолетних и иных уязвимых лиц к совершению самоубийства посредством сети Интернет [4, 5]. Законодательным ответом на эту угрозу стало введение в 2017 году статей 110.1 («Склонение к совершению самоубийства») и 110.2 («Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства») в Уголовный кодекс РФ. Однако, как показывает анализ судебной статистики и правоприменительной практики, данные нормы оказались малоэффективными. Количество обвинительных приговоров по ним ничтожно мало, что контрастирует с сохраняющимся высоким уровнем суицидов, особенно среди подростков, и активностью деструктивных онлайн-сообществ [15]. Это свидетельствует о глубоком разрыве между социальной опасностью явления и возможностями уголовно-правового противодействия, что и определяет актуальность настоящего исследования. Его цель – осуществить критический анализ статей 110.1 и 110.2 УК РФ, выявить ключевые криминологические параметры данного вида преступности и разработать научно обоснованные предложения по оптимизации уголовно-правового регулирования и мер предупреждения.

Анализ дефектов юридической конструкции статей 110.1 и 110.2 УК РФ. Нормы, введенные Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ, изначально несли в себе системные противоречия. Во-первых, их диспозиции излишне абстрактны и не содержат нормативных дефиниций ключевых понятий. Что образует «склонение» в отличие от «побуждения»? Какие именно действия следует считать «организацией деятельности»? Неясность этих терминов создает правовую неопределенность и предоставляет чрезмерно широкое усмотрение правоприменителю, что на практике ведет к отказу в возбуждении уголовных дел [6, 19].

Во-вторых, остается дискуссионным вопрос о виде состава. Если ст. 110.1 УК РФ, по мнению ряда исследователей, может трактоваться как формальный (преступление окончено с момента совершения действий по склонению независимо от последствий) [6], то диспозиция ст. 110.2 УК РФ описывает действия, оторванные от непосредственного воздействия на конкретную жертву, что делает состав усеченным, но при этом предельно размытым. Отсутствие ясности в этом вопросе затрудняет квалификацию.

В-третьих, проблемной является субъективная сторона. Требуется ли для склонения прямой умысел, направленный именно на лишение жизни другого лица, или достаточно умысла на побуждение к действиям, заведомо опасным для жизни? В условиях онлайн-коммуникации, где преступник может маскировать свои истинные намерения под «игру» или «социальный эксперимент», доказывание прямого умысла становится практически невыполнимой задачей.

Следствием этих юридико-технических дефектов стала крайне низкая правоприменительная активность. По данным открытых источников («Судакт», ГАС «Правосудие»), количество приговоров по ст. 110.1 УК РФ исчисляется единицами, а по ст. 110.2 УК РФ – приближается к нулю. Таким образом, законодательная новелла не создала реального инструментария для борьбы с «группами смерти», деятельность которых продолжается в адаптированных формах (использование анонимных мессенджеров, телеграм-ботов, игровых чатов) [4].

Криминологическая характеристика и детерминация преступности. Состояние преступности, связанной со склонением к суициду, характеризуется экстремально высокой латентностью. Официальная статистика не отражает реального масштаба угрозы, что подтверждается косвенными данными: ростом числа детских самоубийств и попыток их совершения, активностью деструктивного контента в сети [5, 27].

Дефиниции носят комплексный характер:

1. Макросоциальные: Кризис ценностных ориентаций, ослабление института семьи, распространение в молодежной среде культуры, романтизирующей смерть и уход от проблем.

2. Личностно-психологические (со стороны преступника): Можно выделить несколько типов: организатор-манипулятор (мотив – власть

и контроль), идеологический активист (мотив – распространение деструктивных идей), подражатель (мотив – принадлежность к группе), преследователь в рамках кибербуллинга (мотив – месть, унижение). Объединяющей чертой является дефицит эмпатии и навыки манипуляции в цифровой среде.

3. Викимнологические: Жертвами чаще становятся несовершеннолетние с повышенной уязвимостью (одиночество, депрессивные состояния, низкая самооценка), активно ищущие общение и понимание в интернете. Их виктимное поведение (поиск суицидального контента) взаимодействует с алгоритмами соцсетей, попадая в «эхо-камеру» деструктивных сообществ.

4. Технологические: Анонимность сети, наличие шифрованных каналов связи, сложность проактивного мониторинга и оперативного получения цифровых доказательств с зарубежных платформ создают идеальные условия для преступника.

Предложения по совершенствованию уголовного законодательства и мер предупреждения. Для преодоления кризиса необходим системный подход.

Совершенствование Уголовного кодекса РФ, а именно: конкретизация ст. 110.1 УК РФ. Предлагается изложить диспозицию ч. 1 в следующей редакции: «Склонение к совершению самоубийства, то есть прямое побуждение лица к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, обмана относительно последствий такого деяния, шантажа, предоставления инструкций либо иным способом, направленным на преодоление воли потерпевшего...». Это устраним расплывчатость и закрепит формальный состав.

Уточнение ст. 110.2 УК РФ. Целесообразно дополнить статью примечанием, дающим определение организации деятельности: «...под организацией деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, в настоящей статье понимается создание, руководство, финансирование или техническое обеспечение функционирования информационного ресурса (сообщества, канала, чата, форума), систематически используемого для распространения материалов, побуждающих к самоубийству, или для установления контакта с лицами в целях их последующего склонения к самоубийству».

Введение квалифицирующего признака. В части вторые обеих статей следует включить признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)», что отразит повышенную общественную опасность дистанционного способа совершения преступления и позволит применять более строгую санкцию.

Развитие специальных мер профилактики:

1. Создание в структуре СК РФ и МВД России специализированных подразделений по противодействию киберсуицидальной преступности, укомплектованных IT-специалистами, психологами и оперативными работниками.

2. Разработка и законодательное закрепление механизма обязывания владельцев социальных платформ к внедрению алгоритмов проактивной модерации для выявления не только контента, но и паттернов манипулятивного поведения, а также к оперативному взаимодействию с правоохранительными органами.

3. Реализация викаммонцентрированных программ: массовое внедрение в образовательных учреждениях курсов по цифровой гигиене и психологической устойчивости, создание государственного онлайн-сервиса экстренной конфиденциальной помощи для подростков, попавших под влияние деструктивных сообществ.

Закключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующие редакции статей 110.1 и 110.2 УК РФ не соответствуют вызовам цифровой эпохи и требуют незамедлительной модернизации. Предложенные изменения направлены на превращение этих норм из декларативных в реально работающие инструменты уголовно-правовой защиты. Однако только ужесточением наказания проблему не решить. Необходима комплексная межведомственная стратегия, объединяющая усилия законодателя, правоохранителей, педагогов, психологов и IT-индустрии. Ключевым вектором такой стратегии должен стать упор на раннюю профилактику, повышение цифровой и психологической грамотности населения и создание в интернет-среде позитивных альтернатив деструктивным сообществам. Только такой подход может обеспечить эффективную защиту жизни и здоровья граждан, особенно несовершеннолетних, от новых форм суицидальных угроз.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2022 год. – URL: <http://deti.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2023).
3. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2021 год. – URL: <http://deti.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2023).
4. Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 75–82.
5. Хатуев В.Б. Доведение до самоубийства и до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой интерпретации в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 9. – С. 27–40.
6. Артамонова М.А. Некоторые проблемы квалификации доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 63–66.
7. Артюшина О.В. Насильственная преступность и IT-технологии // Lex russica. – 2019. – № 9. – С. 77–84.

SUICIDE INCITEMENT IN THE DIGITAL AGE: THE CRISIS OF CRIMINAL LAW REGULATION AND WAYS TO OVERCOME IT

Chursin R.S.

A.S. Pushkin Leningrad State University

This article analyzes the criminal law and criminological challenges of combating suicide incitement in the context of digitalization. The objective of the study is to identify the reasons for the low effectiveness of Articles 110.1 and 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and to develop proposals for improving legislation and law enforcement practices. The methodological basis consists of comparative legal, formal logical, and sociological methods. The scientific novelty lies in the comprehensive criminological analysis of these offenses in the context of their practical ineffectiveness, as well as the development of a typology of criminals and a victimological model. Results: It was established that the regulations introduced in 2017 are declarative in nature, characterized by vague dispositions, and do not provide an adequate response to new forms of indirect suicidal influence (the activities of “death groups,” cyberbullying). Based on an analysis of data on the latency of this crime, the determinants and personal characteristics of the perpetrator and victim, specific proposals for amending the dispositions of Articles 110.1 and 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, aimed at their formalization and specification. Conclusions: Overcoming the crisis requires a systematic approach combining the improvement of criminal law, the development of specialized law enforcement capacity, and the implementation of a range of general social and victimological preventive measures focused on the digital environment.

Keywords: incitement to suicide, organization of activities aimed at inciting suicide, death groups, cybercrime, latent crime, victimization, criminal law norm, prevention.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on April 24, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Article 2954.
2. Report on the activities of the Presidential Commissioner for Children's Rights of the Russian Federation for 2022. – URL: <http://deti.gov.ru> (date of access: October 10, 2023).
3. Report on the activities of the Presidential Commissioner for Children's Rights of the Russian Federation for 2021. – URL: <http://deti.gov.ru> (date of access: October 10, 2023).
4. Krylova N.E. Liability for Incitement to Suicide and Complicity in the Suicide of Another Person under the Criminal Law of the Russian Federation: An Assessment of Legislative Innovations // Criminal Law. 2018, No. 1, pp. 75–82.
5. Khatuev, V.B. “Incitement to Suicide and Attempted Suicide: The Formation, Status, and Problems of Criminal-Law Interpretation in Russian Criminal Legislation” // Current Issues of Russian Law. 2019, No. 9, pp. 27–40.
6. Artamonova, M.A. “Some Issues in Qualifying Incitement to Suicide and Incitement to Commit Suicide” // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, No. 3, pp. 63–66.
7. Artyushina, O.V. Violent crime and IT technologies // Lex russica. – 2019. – No. 9. – P. 77–84.

Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями: проблемы определения субъекта

Шведченко Владислав Анатольевич,
аспирант, РУТ (МИИТ)

В статье анализируются проблемы установления субъекта преступления, предусмотренного ст. 266 УК РФ, при недоброкачественном ремонте и выпуске транспортного средства в эксплуатацию с техническими неисправностями, включая ситуации ремонта у подрядчика, распределения обязанностей в цепочке согласований и выявления скрытого дефекта. Отдельно рассматриваются критерии разграничения ст. 266 УК РФ и ст. 293 УК РФ (халатность) с учетом предмета охраны, статуса лица и характера нарушенной обязанности.

Ключевые слова: выпуск в эксплуатацию, недоброкачественный ремонт, специальный субъект, обязанное лицо, путевой лист, предрейсовый контроль, причинная связь, неосторожность, халатность.

Актуальность темы связана с тем, что техническая неисправность транспортного средства нередко становится непосредственной причиной тяжких последствий, а уголовно-правовая оценка таких случаев зависит от того, кто именно отвечал за ремонт и кто допустил выпуск в эксплуатацию. На практике обязанности распределяются между исполнителем ремонта, лицом, принявшим результат, и лицом, разрешившим выпуск, а при привлечении подрядчика – еще и между организациями, что затрудняет установление субъекта и причинной связи. Дополнительные сложности вызывает разграничение ст. 266 УК РФ «Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями» со ст. 293 УК РФ «Халатность», поскольку внешне схожие нарушения контроля могут иметь разную правовую природу в зависимости от статуса лица и содержания его обязанностей.

Состав преступления, предусмотренный ст. 266 УК РФ [1], имеет бланкетную конструкцию: его признаки раскрываются посредством обращения к требованиям транспортной безопасности и технического регулирования, закрепленным в иных нормативных актах и в нормативных правовых актах в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, а также в локальных нормативных документах перевозчика (должностные инструкции, приказы о допуске к выпуску на линию, журналы контроля, порядок оформления путевых листов). Именно поэтому основной практический конфликт возникает не вокруг события неисправности транспортного средства, а вокруг ответа на вопрос – кто в конкретной организационной схеме является тем самым «обязанным лицом», способным выступать субъектом ст. 266 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ исходит из функционального критерия: субъектами преступления, предусмотренного ст. 266 УК РФ, могут быть как работники автотранспортных организаций (независимо от организационно-правовой формы и формы собственности), так и работники иных организаций, на которых действующими инструкциями или правилами, соответствующим распоряжением либо в силу занимаемого ими служебного (должностного) положения возложена ответственность за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств; кроме того, субъектами могут выступать владельцы-предприниматели либо работники авторемонтных мастерских, имеющие лицензию на осуществление предпринимательской деятельности, которые произвели недоброкачественный ремонт, повлекший указанные в законе последствия (п. 18 Постановления Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 25) [2]. Под выпуском в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства Пленум понимает невыполнение должностных обязанностей лицом, ответственным за техническое состояние транспортного средства, выпущенного в эксплуатацию с техническими неисправностями; к таким лицам могут относиться работники организаций, на которых соответствующими актами возложена ответственность за техническое состояние транспортных средств (п. 17 указанного Постановления) [2].

Нормативная база обязанностей эксплуатанта и уполномоченных им работников (лиц, обеспечивающих техническую исправность и допуск ТС к эксплуатации) при автомобильных перевозках задается, во-первых, общими предписаниями о безопасности дорожного движения и распределении ответственности за техническую исправность между владельцем (эксплуатантом) и привлекаемыми лицами [3], во-вторых, правилами допуска к участию в дорожном движении, включая перечни неисправностей, при которых эксплуатация запрещена [4], в-третьих, специальными порядками предрейсового (предсменного) контроля технического состояния, где закрепляются требования к процедуре контроля и к оформлению результатов [5]. Существенно, что в организационном смысле «выпуск» почти всегда материализуется в документе (путевой лист и сопутствующие журналы), а обязательные реквизиты и порядок заполнения путевых листов задаются актом Минтранса [6]. Поэтому подпись (отметка) в путевом листе и журнале контроля выступает не только доказательством факта допуска транспортного средства к эксплуатации, но и опорным маркером установления функциональной роли лица при квалификации по ст. 266 УК РФ [1], [6].

Характерным примером того, как суды выводят наличие признаков субъекта по ст. 266 УК РФ из фактически выполняемой функции

допуска транспортного средства к эксплуатации и документального подтверждения результатов контроля, является резонансное ДТП в ЗАТО Лесной (Свердловская область) 10.06.2021: автобус ПАЗ с пассажирами из-за неисправности тормозной системы потерял управление [14]. В приговоре 2024 года суд признал виновным механика по ч. 3 ст. 266 УК РФ, поскольку установил, что тот не выполнил предрейсовый контроль надлежащим образом и удостоверил подписью в путевом листе и журнале контроля исправность транспортного средства и проведение контроля, хотя техническая неисправность, по выводам экспертиз и оценке суда, была существенной для безопасности эксплуатации [14], [15]. В этой фабуле показательно, что механик выступает не только как лицо, связанное с ремонтом, но прежде всего как лицо, реализующее функцию допуска к эксплуатации: наличие признаков субъекта преступления обосновывается наличием обязанности контроля, возможность предотвратить выпуск и тем, что именно его удостоверяющая отметка стала юридически значимым элементом процедуры выпуска [5], [6], [14]. Это позволяет органично связать теоретический тезис о функциональном подходе с практикой и одновременно показать, почему защита, опирающаяся на аргумент о «формальности» оформления документации, не является универсальной: если доказано фактическое исполнение функции выпуска транспортного средства и причинная связь между нарушением процедуры контроля и последствиями, квалификация по ст. 266 УК РФ становится устойчивой [2], [14].

В другом деле суд первой инстанции оправдал подсудимую по ч. 1 ст. 266 УК РФ, указав, что она не являлась лицом, ответственным за техническое состояние ТС, не была официально трудоустроена на соответствующую должность, а в должностной инструкции не закреплялись обязанности по предрейсовому контролю [16]. Однако кассационный суд отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение, указав на необходимость проверки доводов стороны обвинения о фактическом выполнении функции выпуска ТС и оценки доказательств (в том числе подписей в путевых документах) [16]. Значение этого примера состоит в следующем: (1) суды кассационной инстанции последовательно требуют от нижестоящих судов анализа не только «кадрового оформления», но и фактического распределения функций; (2) «формальная неопределенность статуса» не исключает наличия признаков субъекта преступления, если доказано, что лицо реально осуществляло допуск и имело возможность предотвратить выпуск неисправного ТС; (3) предмет доказывания по ст. 266 УК РФ должен включать реконструкцию процедуры выпуска и полномочий лица внутри нее, а не ограничиваться общими ссылками на отсутствие должности в штатном расписании [2], [16].

С учетом реальной практики эксплуатации транспорта можно выделить три типовые группы «обязанных лиц», которые фигурируют при расследовании ст. 266 УК РФ: (1) работник-исполнитель ремонта (механик, слесарь, инженер), непосредственно выполнявший ремонтные работы ТС и нарушивший технологию, регламент или стандарт контроля качества [7]; (2) должностное лицо (или работник), принявшее либо контролировавшее ремонт ТС (приемщик, мастер, начальник участка), то есть лицо, чья обязанность состоит в проверке результата и разрешении дальнейшей эксплуатации; (3) лицо, осуществившее выпуск ТС (контролер технического состояния, ответственный за выпуск, руководитель подразделения, иное лицо, фактически давшее разрешение на выезд) [2], [5]. В литературе подчеркивается, что состав ст. 266 УК РФ расширяет круг возможных субъектов именно через альтернативные деяния (недоброкачественный ремонт и выпуск), и потому при расследовании принципиально важно не подменять «ремонт» «выпуском» и наоборот: это разные по механизму нарушения обязанности и по набору подлежащих доказыванию фактов [8, с. 210].

1. Работник-исполнитель ремонта ТС. Исполнитель ремонта ТС становится субъектом ст. 266 УК РФ, когда установлено, что именно его действия (бездействие) образуют «недоброкачественный ремонт» и находятся в причинной связи с вредными последствиями. В прикладном плане это означает: (а) экспертное подтверждение конкретного дефекта и его происхождения (ошибка ремонта, неправильная сборка, использование несоответствующих деталей, нарушение регулировки); (б) установление того, что дефект подпадал под сферу профессионального контроля исполнителя по регламентам ремонта и по техническим требованиям [7]; (в) проверка, что дефект не является «случайным» и возник не после ремонта в ходе эксплуатации вне контроля исполнителя. Критичен именно элемент причинной связи: если неисправность ТС не обусловила ДТП (или иной вред), состава ст. 266 УК РФ нет, даже если ремонт был выполнен с нарушениями [9, с. 5]. Такое понимание причинной связи в транспортных составах последовательно поддерживается криминалистической и уголовно-правовой литературой [9, с. 7].

2. Должностное лицо, принявшее, контролировавшее ремонт ТС. Эта фигура часто оказывается «между» ремонтом и выпуском: формально ремонт ТС выполнял исполнитель, но решение о соответствии результата требованиям безопасности принял мастер, инженер по выпуску или иной контролер. Здесь ключевой вопрос – была ли на лице юридически закреплена обязанность контроля качества ремонта ТС и запрета эксплуатации при выявлении конкретной неисправности. Если да, то его вклад может квалифицироваться как выпуск неисправного ТС (при допуске к эксплуатации) либо как ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению исправности (если контроль является элементом процесса ремонта, а не допуска к эксплуатации) [2]. В научной литературе подчеркивается, что «приемка ремонта» при определенных условиях функционально эквивалентна «выпуску», когда именно акт приемки является юридическим основанием возврата ТС в эксплуатацию [8, с. 211].

3. Лицо, осуществившее выпуск, допуск в эксплуатацию ТС. Для этой группы типично доказывание через документы и процедуры предрейсового контроля. Если порядок контроля установлен, а лицо удостоверило его прохождение и исправность ТС, не проведя контроль либо проведя его формально, наличие признаков субъекта преступления по ст. 266 УК РФ, как правило, подтверждается сочетанием функциональных обязанностей и факта «разрешающей» отметки [5], [6]. Показательно, что в практике встречаются попытки защиты свести ответственность к «неуполномоченному подписанту» (случаи, когда лицо подписало документацию формально, но не было назначено ответственным). Однако кассационные инстанции указывают, что при решении вопроса о субъекте по ст. 266 УК РФ подлежит проверке не только наличие (либо отсутствие) отдельного распорядительного акта о назначении «ответственным за выпуск», но и фактическое осуществление лицом функции допуска транспортного средства к эксплуатации, подтверждаемое, в частности, путевые документации и иными материалами дела. Так, в кассационном постановлении по делу № 77–3599/2025 отменен оправдательный приговор, поскольку суд первой инстанции, сославшись на отсутствие у подсудимой формального статуса «ответственной за выпуск», не дал оценки доводам о реальном содержании ее обязанностей и доказательствам фактического допуска транспортного средства к эксплуатации [10].

Предыдущий анализ показывает, что решающим для ст. 266 УК РФ является не наименование должности, а фактическое содержание обязанности по обеспечению исправности и недопуска неисправного ТС к эксплуатации. Однако в типичных производственных схемах эта обязанность распадается на несколько звеньев, а документальное оформление выпуска может не совпадать с тем, кто реально осуществлял контроль. Поэтому далее рассмотрены спорные ситуации, в которых наиболее наглядно проявляются риски неверного определения субъекта и ошибки разграничения со ст. 293 УК РФ «Халатность» [2], [6].

Спорная ситуация 1: установление субъекта преступления при ремонте транспортного средства у сторонней организации, подрядчика. При передаче ремонта ТС подрядчику встает вопрос о множественности потенциальных субъектов: исполнитель ремонта у подрядчика отвечает за качество работ («ремонт»), но эксплуатант (или его уполномоченное лицо) отвечает за недопуск к эксплуатации неисправного ТС («выпуск»). Практически это означает, что возможны два самостоятельных нарушения обязанностей: подрядчик допустил дефект при ремонте, а эксплуатант (через контролера) не выявил и выпустил ТС в эксплуатацию. При этом уголовно-правовая оценка должна избегать искусственного «слияния» ролей: для подрядчика доказываются технология ремонта ТС и происхождение неисправности, а для эксплуатанта – нарушение процедуры контроля и причинная связь между выпуском и последствиями [5], [8, с. 210–211]. Отмечается, что именно при таких обстоятельствах следствие должно отдельно формировать предмет доказывания по альтернативным деяниям ст. 266 УК РФ, поскольку иначе возникает риск подмены конкретной профессиональной обязанности общим тезисом «обязан был обеспечить исправность» [8, с. 210–211].

Спорная ситуация 2: определение субъекта преступления при наличии «формального» подписанта (не осуществляющего соответствующей обязанности в действительности) и лица, непосредственного контролирующего допуск ТС к эксплуатации. В практике встречается разрыв между тем, кто реально осматривал ТС, и тем, кто поставил отметку/подпись. Для квалификации по ст. 266 УК РФ это имеет два последствия. Во-первых, подпись сама по себе не должна механически подменять установление обязанности и возможности предотвратить выпуск: требуется оценка, имел ли «подписант» реальные полномочия запретить эксплуатацию и был ли он включен в процедуру контроля [2], [10]. Во-вторых, если установлено, что «подписант» действовал как лицо, фактически обеспечивающее выпуск (пусть и при дефекте

кадрового оформления), его субъектность не исключается автоматически: функциональный подход Пленума ВС и логика кассационного контроля ориентируют на содержание роли, а не только на титул [2], [10].

Спорная ситуация 3: установление субъекта преступления в случае принятия коллективного решения либо при наличии цепочки согласования. На транспорте техническое решение нередко принимается несколькими лицами (ремонтник – мастер – контролер – диспетчер). Для уголовного права здесь принципиально, что ст. 266 УК РФ – не “организационный” состав про плохое управление в целом, а состав про конкретное нарушение обязанности ремонта/выпуска, находящееся в причинной связи с последствиями [1], [2]. Поэтому персонализация ответственности строится по схеме: (а) выделение конкретной обязанности каждого участника цепочки по документам и по фактическим действиям; (б) определение, было ли нарушение каждого из них необходимым условием наступления последствий (в том числе через автотехническую экспертизу и экспертизу технического состояния); (в) оценка предвидимости и возможности предотвращения последствий в пределах профессионального стандарта. Научные материалы по транспортным преступлениям подчеркивают, что в российской модели правоприменитель и при “множественности виновных” все равно устанавливает индивидуальную причинную связь и не сводит дело к “группе лиц” в классическом смысле института соучастия, особенно в неосторожных составах [8].

Спорная ситуация 4: определение субъекта преступления при соотнесении скрытого дефекта транспортного средства с пределами установленных обязанностей ответственного лица. Вопрос вины (небрежности) лица при скрытом дефекте ТС решается через границы должной осмотрительности, определяемые (1) нормативно заданной процедурой контроля (что именно обязано проверяться при предрейсовом контроле) [5]; (2) техническими требованиями и перечнями неисправностей ТС, при которых эксплуатация запрещена [4]; (3) профессиональной компетенцией лица (ремонтник, контролер) и доступными ему средствами диагностики ТС. Если дефект относится к категории выявляемых при обычном осмотре и проверке ТС (например, признаки неисправности тормозной системы, утечки, критический износ), то ссылка на “скрытость” не исключает вины. Напротив, если дефект ТС объективно не мог быть выявлен в рамках установленной процедуры без специальных методов, которые не требуются и не предусмотрены, то может отсутствовать небрежность, а значит – исключается состав по ст. 266 УК РФ при отсутствии иных оснований ответственности [5], [9, с. 5–7]. При этом доказывание должно быть выстроено вокруг вопроса: была ли конкретная неисправность ТС такой, которую лицо должно было обнаружить при надлежащем исполнении именно своих обязанностей, а не “вообще” [9, с. 7].

Также стоит рассмотреть **вопрос, связанный с конкуренцией ст. 266 и ст. 293 УК РФ «Халатность»**, так как на практике возникают вопросы, связанные с проблемами квалификации. Конкуренция этих норм возникает, когда вред причинен вследствие нарушения обязанностей по обеспечению безопасности, но статус лица и характер его действий допускают разные квалификации. Базовые разграничительные критерии следующие.

Во-первых, различен субъект: ст. 293 УК РФ применима только к должностному лицу в смысле уголовного закона (с учетом примечаний и разъяснений), тогда как субъект ст. 266 УК РФ шире и включает работников и иных лиц, на которых возложены обязанности по ремонту, выпуску ТС, в том числе в негосударственном секторе [1], [2], [11]. Во-вторых, различен непосредственный объект охраны: ст. 266 УК РФ защищает безопасность движения и эксплуатации транспорта, а ст. 293 УК РФ – нормальную деятельность публичной службы и охраняемые законом интересы, которые могут быть нарушены вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей [1], [12, с. 122]. В-третьих, различается тип нарушения обязанности: ст. 266 УК РФ “привязана” к техническому состоянию и к акту допуска транспорта (ремонт, выпуск), тогда как ст. 293 УК РФ охватывает более широкий спектр служебных упущений (неорганизация, несоблюдение порядка контроля, принятие мер), но при условии причинения предусмотренных законом последствий (в том числе крупного ущерба или иных последствий) [1], [12, с. 118–119], [13, с. 383]. Наконец, при совпадении статуса должностного лица и факта выпуска неисправного ТС обычно должен решаться вопрос о конкуренции общей и специальной нормы: если фактическое содержание нарушения укладывается в выпуск, ремонт транспорта и причинно связано с вредом, приоритет имеет ст. 266 УК РФ как специальная; если же речь идет о системном управленческом бездействии, не сводимом к ремонту, выпуску ТС (например, отсутствие организации контроля как такового при отсутствии доказанного факта допуска конкретного неисправного ТС конкретным лицом), мо-

жет обсуждаться ст. 293 УК РФ при наличии признаков должностного преступления [2], [13, с. 383].

Выводы

Проблема субъекта по ст. 266 УК РФ имеет не столько теоретическую, сколько прикладную природу: ее источник – в расщеплении транспортной обязанности на ремонт, приемку и выпуск, а также в распространенной практике “документального выпуска” при размытом распределении реальных функций. Для устойчивого разграничения составов и минимизации ошибок квалификации целесообразно: (1) на ранних этапах расследования фиксировать организационную схему обеспечения исправности ТС (приказы о назначении ответственных, журналы контроля, порядок предрейсового осмотра, путевые листы) [5], [6]; (2) по каждому потенциальному субъекту устанавливать конкретный объем обязанностей и возможность выявления неисправности с учетом нормативной процедуры и технических требований [4], [7]; (3) при ремонте у подрядчика разделять доказательственные блоки “происхождение дефекта” (ремонт) и “допуск к эксплуатации” (выпуск), допуская самостоятельную ответственность разных лиц при самостоятельной причинной связи [2]; (4) при конкуренции со ст. 293 УК РФ исходить из статуса лица и существа нарушенной обязанности, отдавая приоритет ст. 266 УК РФ, когда доказан выпуск, ремонт как специальный вид нарушения транспортной безопасности [12, с. 119–121], [13, с. 384]. Дополнительно следует учитывать, что регуляторная среда предрейсового контроля развивается, включая обсуждение перераспределения обязанностей контроля на водителей в отдельных случаях, что в перспективе способно повлиять на типовые модели субъекта преступления и на доказывание фактической роли лица в допуске ТС к эксплуатации [17].

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ст. 32, ст. 266, ст. 293, примеч. к ст. 285) (ред. от 29.12.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (ред. от 25.06.2024). О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 07.07.2025).
3. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025) (в т.ч. перечни неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация ТС).
4. Об утверждении Порядка организации и проведения предрейсового или предсменного контроля технического состояния транспортных средств: приказ Минтранса России от 15.01.2021 № 9.
5. Об утверждении состава сведений, указанных в части 3 статьи 6 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ: приказ Минтранса России от 28.09.2022 N 390 (ред. от 05.05.2023).
6. ТР ТС 018/2011. О безопасности колесных транспортных средств: технический регламент Таможенного союза: [электронный ресурс]. – URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departament/deptex-reg/tr/bezopKolesnTrS.php>
7. Дегтярев И.В. Проблемы определения субъекта преступления, предусмотренного статьей 266 УК РФ // Уголовное право России: состояние и перспективы (транспортные преступления): материалы VI-II Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения» (Санкт-Петербург, 25.11.2022). – СПб., 2023
8. Шишмарёва Е. В. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, связанных с безопасностью движения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2010. – № 3. – С. 20–29.
9. Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2025 № 77–3599/2025 (УИД 04RS0007–01–2024–000490–32).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) (в т.ч. разъяснения, используемые при анализе должностных преступлений).
11. Елисеев С. А., Тыняная О.А. Общественно опасные последствия халатности: [электронный ресурс] // Электронная библиотека ТГУ (репозиторий). – URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtIs:000502600> (дата обращения: 23.01.2026).
12. Розовская Т. И., Емельянова Е.В., Петрянин А.В. Содержание и особенности определения криминаобразующего признака «существенное нарушение прав и законных интересов...» (на примере ст. 293 УК РФ) // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – № 3. – С. 378–383.

13. Приговор по делу о ДТП 10.06.2021 в ЗАТО Лесной (описание события, предрейсового контроля, отметок в путевых документах): [электронный ресурс]. – URL: <https://vlesnom.ru/2023/06/14/prigovor-dtp-21-06-2021/> (дата обращения: 23.01.2026).

14. В Лесном начался новый уголовный процесс по делу о ДТП с автобусом (сведения о решениях 2023–2024, квалификации ролей и пересмотре): [электронный ресурс]. – URL: <https://openlesnoy.ru/19085/> (дата обращения: 23.01.2026).

15. Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2025 по делу № 7У-6595/2025 [77–3599/2025] (UID 04RS0007–01–2024–000490–32) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Восьмого кассационного суда общей юрисдикции. Судебное делопроизводство. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?case_id=34718648&case_uid=86388f09–560c–4681–9747–930c784d5342&delo_id=2450001&name=sud_delo&name_op=case&new=2450001&srv_num=1 (дата обращения: 23.01.2026).

16. Минтранс России: подготовка изменений к порядку предрейсового контроля (сообщение и обсуждение проекта): [электронный ресурс]. – URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11440> (дата обращения: 23.01.2026).

POOR-QUALITY REPAIR OF VEHICLES AND THEIR RELEASE INTO SERVICE WITH TECHNICAL DEFECTS: PROBLEMS OF DEFINING THE SUBJECT

Shvedchenko V.A.

Russian University of Transport (MIIT)

This article analyzes the problems of establishing the subject of the crime under Article 266 of the Russian Criminal Code in cases of poor-quality repair and the release of a vehicle into service with technical defects, including situations involving repairs by a contractor, the distribution of responsibilities in the approval chain, and the identification of a hidden defect. The criteria for distinguishing between Article 266 of the Russian Criminal Code and Article 293 of the Russian Criminal Code (negligence) are separately considered, taking into account the subject matter of protection, the status of the person, and the nature of the breached obligation.

Keywords: release into service, poor-quality repair, special subject, obligated person, waybill, pre-trip inspection, causality, carelessness, negligence.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ (Article 32, Article 266, Article 293, Note to Article 285) (as amended on December 29, 2025).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 9, 2008 No. 25 "On Judicial Practice in Cases of Crimes Related to Violation of

Traffic Rules and the Operation of Vehicles, as well as Their Illegal Appropriation without the Intent to Steal" (as amended on June 25, 2024).

3. On Road Safety: Federal Law of December 10, 1995 No. 196-FZ (as amended on July 7, 2025).

4. On the Road Traffic Regulations: RF Government Resolution No. 1090 of October 23, 1993 (as amended on July 16, 2025) (including lists of faults and conditions under which vehicle operation is prohibited).

5. On approval of the Procedure for organizing and conducting pre-trip or pre-shift inspections of the technical condition of vehicles: Order of the Ministry of Transport of Russia No. 9 of January 15, 2021.

6. On approval of the composition of the information specified in Part 3 of Article 6 of Federal Law No. 259-FZ of November 8, 2007: Order of the Ministry of Transport of Russia No. 390 of September 28, 2022 (as amended on May 5, 2023).

7. TR CU 018/2011. On the Safety of Wheeled Vehicles: Technical Regulations of the Customs Union: [electronic resource]. – URL: <https://eec.eaeunion.org/commission/departments/deptexreg/tr/bezopKolesnTrS.php>

8. Degtyarev, I. V., "Problems of Determining the Subject of a Crime Under Article 266 of the Criminal Code of the Russian Federation" // Criminal Law of Russia: Status and Prospects (Transport Crimes): Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference "Volzhenskino Readings" (St. Petersburg, November 25, 2022). – St. Petersburg, 2023

9. Shishmareva, E. V., "On the Forensic Characteristics of Crimes Related to Traffic Safety" // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2010. – No. 3. – pp. 20–29.

10. Cassation Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated November 11, 2025, No. 77–3599/2025 (UID 04RS0007–01–2024–000490–32).

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 16, 2009, No. 19 "On Judicial Practice in Cases of Abuse of Official Powers and Exceeding Official Authority" (as amended on June 11, 2020) (including explanations used in the analysis of official crimes).

12. Eliseev S. A., Tynyanaya O.A. "Socially Dangerous Consequences of Negligence": [electronic resource] // Tomsk State University Electronic Library (repository). – URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000502600> (accessed: 23.01.2026).

13. Rozovskaya T. I., Emelyanova E.V., Petryanin A.V. Content and specific features of defining the crime-forming element "significant violation of rights and legitimate interests..." (using Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation as an example) // Criminal-Executive Law. – 2023. – No. 3. – Pp. 378–383.

14. Verdict in the case of the road accident on 10.06.2021 in the closed administrative-territorial entity Lesnoy (description of the event, pre-trip inspection, marks in travel documents): [electronic resource]. – URL: <https://vlesnom.ru/2023/06/14/prigovor-dtp-21-06-2021/> (accessed: January 23, 2026).

15. A new criminal trial has begun in Lesnoy regarding the bus accident (information on decisions made in 2023–2024, role classifications, and review): [electronic resource]. – URL: <https://openlesnoy.ru/19085/> (accessed: January 23, 2026).

16. Cassation ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated 11.11.2025 in case No. 7У-6595/2025 [77–3599/2025] (UID 04RS0007–01–2024–000490–32) [Electronic resource] // Official website of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction. Court proceedings. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?case_id=34718648&case_uid=86388f09–560c–4681–9747–930c784d5342&delo_id=2450001&name=sud_delo&name_op=case&new=2450001&srv_num=1 (Accessed: 23.01.2026)